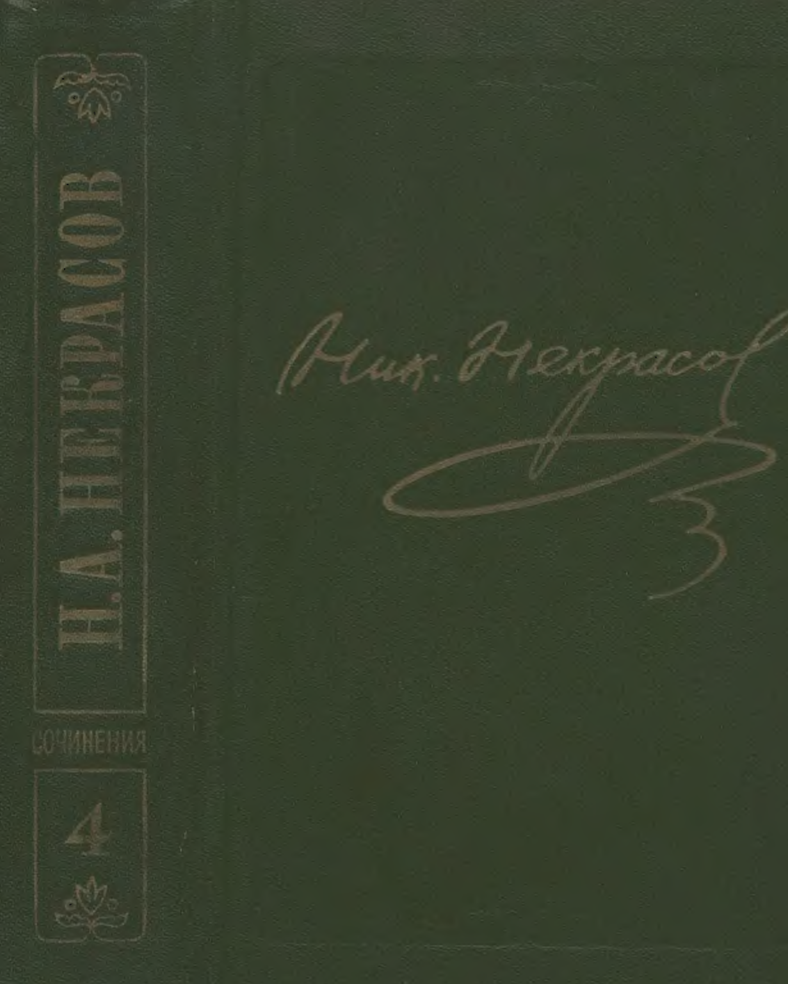

Н. А. НЕКРАСОВ
СОЧИНЕНИЯ
4
Ник. Некрасов

Н. А. НЕКРАСОВ

Фотография 1868 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

Н. А. НЕКРАСОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ И ПИСЕМ

В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

—⁎—

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

ТОМА 1—10

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Н. А. НЕКРАСОВ

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

ПОЭМЫ
1855—1877 гг.

ЛЕНИНГРАД «НАУКА» — ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1982

Н $\frac{4702010100-532}{042(02)-82}$ Подписное

1855

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

В одном из переулков дальных
Среди друзей своих печальных
Поэт в подвале умирал
И перед смертью им сказал:

«Как я, назад тому семь лет
Другой бедняк покинул свет,
Таким же сокрушен недугом.
Я был его ближайшим другом
И братом по судьбе. Мы шли
Одной тернистою дорогой
И пересилить не могли
Судьбы, равно к обоим строгой.
Он честно истине служил,
Он духом был смелей и чище,
Зато и раньше проложил
Себе дорогу на кладбище...
А ныне очередь моя...
Его я пережил не много;
Я сделал мало, волей бога
Погибла даром жизнь моя.
Мои страданья были люты,
Но многих был я сам виной;
Теперь, в последние минуты,
Хочу я долг исполнить мой,
Хочу сказать о бедном друге
Всё, что я видел, что я знал
И что в мучительном недуге
Он честным людям завещал...

Родился он почти плебеем
(Что мы бесславьем разумеем,

Что он иначе понимал).
Его отец был лекарь жалкой,
Он только пить любил да палкой
К ученью сына поощрял.
Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я. Но в нем кипел
Родник богатых сил природных —
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел!..

С кончиной лекаря, на свете
Остался он убог и мал;
Попал в Москву, учиться стал
В Московском университете;
Но выгнан был, не доказав
Каких-то о рожденье прав,
Не удостоенный патентом,—
И оставался целый век
Недоучившимся студентом.
(Один ученый человек
Колол его неоднократно
Таким прозванием печатно,
Но, впрочем, бог ему судья!..)
Бедняк, терпя нужду и горе,
В подвале жил — и начал вскоре
Писать в журналах. Помню я:
Писал он много... Мыслью новой.
Стремленьем к истине суровой
Горячий труд его дышал,—
Его заметили... В ту пору
Пришла охота прожектеру,
Который барышей желал,
Обширный основать журнал...
Вникая в дело неглубоко,

Искал он одного, чтоб тот,
Кто место главное займет,
Писал разборчиво — и срока
В доставке своего труда
Не нарушал бы никогда.
Белинский как-то с ним списался
И жить на Север перебрался...

Тогда всё глухо и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин; без него
Любовь к ней в публике остыла...
В боренье пошлых мелочей
Она погрязнув поглупела...
До общества, до жизни ей
Как будто не было и дела.
В то время как в родном краю
Открыто зло торжествовало,
Ему лишь „баюшки-баю“
Литература распевала.
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка
На первом плане в ней шумели.
Уж новый гений подымал
Тогда главу свою меж нами,
Но он один изнемогал,
Тесним бесстыдными врагами;
К нему под знамя приносил
Запас идей, надежд и сил
Кружок еще несмелый, тесный...
Потребность сильная была
В могучем слове правды честной,
В открытом обличенье зла...

И он пришел, плебей безвестный!..
Не пощадил он ни льстецов,
Ни подлецов, ни идиотов,
Ни в маске жарких патриотов
Благонамеренных воров!
Он все предания проверил,
Без ложного стыда измерил
Всю бездну дикости и зла,

Куда, заснув под говор лести,
В забвенье истины и чести,
Отчизна бедная зашла!
Он расточал ей укоризны
За рабство — вековой недуг,—
И прокричал врагом отчизны
Его — отчизны ложный друг.
Над ним уж тучи собирались,
Враги шумели, ополчались.
Но дикий вопль клеветника
Не помешал ему пока...
В нем силы пуще разгорались,
И между тем как перед ним
Его соратники редели,
Смирялись, пятились, немели,
Он шел один неколебим!..

О! сколько есть душой свободных
Сынов у родины моей,
Великодушных, благородных
И неподкупно верных ей,
Кто в человеке брата видит,
Кто зло клеймит и ненавидит,
Чей светел ум и ясен взгляд,
Кому рассудок не теснят
Преданья ржавые оковы,—
Не все ль они признать готовы
Его учителем своим?..

Судьбой и случаем храним,
Трудился долго он — и много
(Конечно, не без воли бога)
Сказать полезного успел
И может быть бы уцелел...
Но поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась...
Скрутили бедную цензуру —
Послушав наконец клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет.
По счастью, в нем сидели люди
Честней, чем был из них один,

Фанатик ярый Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
„Закройте университеты,
И будет зло пресечено!..“
(О муж бессмертный! не воспеты
Еще никем твои слова,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей...)

Почти полгода нас судили,
Читали, справки наводили —
И не остался прав никто...
Как быть! спасибо и за то,
Что не был суд бесчеловечен...
Настала грустная пора,
И честный сеятель добра
Как враг отчизны был отмечен;
За ним следили, и тюрьму
Враги пророчили ему...
Но тут услужливо могила
Ему объятья растворила:
Замучен жизнью трудовой
И постоянной нищетой,
Он умер... Помянуть печатно
Его не смели... Так о нем
Слабеет память с каждым днем
И скоро сгибнет невозвратно!..»

Поэт умолк. А через день
Скончался он. Друзья сложились
И над усопшим согласились
Поставить памятник, но лень
Исполнить помешала вскоре
Благое дело, а потом
Могила заросла кругом:
Не сыщешь... Не велико горе!
Живой печется о живом,
А мертвый спи глубоким сном...

САША

1

Словно как мать над сыновней могилой,
Стонет кулик над равниной унылой,

Пахарь ли песню вдали запоет —
Долгая песня за сердце берет;

Лес ли начнется — сосна да осина...
Невесела ты, родная картина!

Что же молчит мой озлобленный ум?..
Сладок мне леса знакомого шум,

Любо мне видеть знакомую ниву —
Дам же я волю благому порыву

И на родимую землю мою
Все накипевшие слезы пролью!

Злобою сердце питаться устало —
Много в ней правды, да радости мало;

Спящих в могилах виновных теней
Не разбужу я враждою моей.

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился.

Сколько б на нивах бесплодных твоих
Даром ни сгинуло сил молодых,

Сколько бы ранней тоски и печали
Вечные бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою —
Я побежден пред тобою стою!

Силу сломили могучие страсти,
Гордую волю погнули напасти,

И про убитую Музу мою
Я похоронные песни пою.

Перед тобою мне плакать не стыдно,
Ласку твою мне принять не обидно —

Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!

Жизнью измят я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и к блудному сыну:

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил.

Чудо свершилось: убогая нива
Вдруг просветлела, пышна и красива,

Ласковей машет вершинами лес,
Солнце приветливей смотрит с небес.

Весело въехал я в дом тот угрюмый,
Что, осенив сокрушительной думой,

Некогда стих мне суровый внушил...
Как он печален, запущен и хил!

Скучно в нем будет. Нет, лучше поеду,
Благо не поздно, теперь же к соседу

И поселюсь среди мирной семьи.
Славные люди — соседи мои,

Славные люди! Радушье их честно,
Лесть им противна, а спесь неизвестна.

Как-то они доживают свой век?
Он уже дряхлый, седой человек,

Да и старушка не многим моложе.
Весело будет увидеть мне тоже

Сашу, их дочь... Недалеко их дом.
Всё ли застану по-прежнему в нем?

2

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.

Всем окружив ее тихое детство,
Что позволяли убогие средства,

Только развить воспитаньем, увы!
Эту головку не думали вы.

Книги ребенку — напрасная мука,
Ум деревенский пугает наука;

Но сохраняется дольше в глуши
Первоначальная ясность души,

Рдеет румянец и ярче и краше...
Мило и молодо дитятко ваше,—

Бегает живо, горит, как алмаз,
Черный и влажный смеющийся глаз,

Щеки румяны, и полны, и смуглы,
Брови так тонки, а плечи так круглы!

Саша не знает забот и страстей,
А уж шестнадцать исполнилось ей...

Выспится Саша, поднимется рано,
Черные косы завяжет у стана

И убежит, и в просторе полей
Сладко и вольно так дышится ей.

Та ли, другая пред нею дорожка —
Смело ей вверится бойкая ножка;

Да и чего побоится она?..
Всё так спокойно; кругом тишина,

Сосны вершинами машут приветно,—
Кажется, шепчут, струясь незаметно,

Волны под сводом зеленых ветвей:
«Путник усталый! бросайся скорей

В наши объятья: мы добры и рады
Дать тебе, сколько ты хочешь, прохлады».

Полем идешь — всё цветы да цветы,
В небо глядишь — с голубой высоты

Солнце смеется... Ликует природа!
Всюду приволье, покой и свобода;

Только у мельницы злится река:
Нет ей простора... неволя горька!

Бедная! как она вырваться хочет!
Брызжется пеной, бурлит и клокочет,

Но не прорвать ей плотины своей.
«Не суждена, видно, волюшка ей,—

Думает Саша,— безумно роптанье...»
Жизни кругом разлитой ликованье

Саше порукой, что милостив бог...
Саша не знает сомненья тревог.

Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —

Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой:

Знает она, что недаром с любовью
Землю польют они пóтом и кровью...

Весело видеть семью поселян,
В землю бросающих горсти семян;

Дорого-любо, кормилица-нива!
Видеть, как ты колосишься красиво,

Как ты, янтарным зерном налита,
Гордо стоишь, высока и густа!

Но веселей нет поры обмолота:
Легкая дружно спорится работа;

Вторит ей эхо лесов и полей,
Словно кричит: «Поскорей! поскорей!»

Звук благодатный! Кого он разбудит,
Верно, весь день тому весело будет!

Саша проснется — бежит на гумно.
Солнышка нет — ни светло, ни темно,

Только что шумное стадо прогнали.
Как на подмерзлой грязи натоптали

Лошади, овцы!.. Парным молоком
В воздухе пахнет. Мотая хвостом,

За нагруженной снопами телегой
Чинно идет жеребеночек пегой,

Пар из отворенной риги валит,
Кто-то в огне там у печки сидит.

А на гумне только руки мелькают
Да высоко молотила взлетают,

Не успевает улечься их тень.
Солнце взошло — начинается день...

Саша сбирала цветы полевые,
С детства любимые, сердцу родные,

Каждую травку соседних полей
Знала по имени. Нравилось ей

В пестром смешении звуков знакомых
Птиц различать, узнавать насекомых.

Время к полудню, а Саши всё нет.
«Где же ты, Саша? простынет обед,

Сашенька! Саша!..» С желтеющей нивы
Слышатся песни простой переливы;

Вот раздалося «ау!» вдалеке;
Вот над колосьями в синем венке

Черная быстро мелькнула головка...
«Вишь ты, куда забежала, плутовка!

Э!.. да никак колосистую рожь
Переросла наша дочка!» — Так что ж? —

«Что? ничего! понимай, как умеешь!
Что теперь надо, сама разумеешь:

Спелому колосу — серп удалой,
Девице взрослой — жених молодой!»

— Вот еще выдумал, старый проказник! —
«Думай не думай, а будет нам праздник!»

Так рассуждая, идут старики
Саше навстречу; в кустах у реки

Смирно присядут, подкрадутся ловко,
С криком внезапным: «Попалась, плутовка!» —

Сашу поймают, и весело им
Свидеться с дитятком бойким своим...

В зимние сумерки нянины сказки
Саша любила. Поутру в салазки

Саша садилась, летела стрелой,
Полная счастья, с горы ледяной.

Няня кричит: «Не убейся, родная!»
Саша, салазки свои погоняя,

Весело мчится. На полном бегу
Набок салазки — и Саша в снегу!

Выбьются косы, растреплется шубка —
Снег отряхает, смеется, голубка!

Не до ворчанья и няне седой:
Любит она ее смех молодой...

Саше случалось знавать и печали:
Плакала Саша, как лес вырубали,

Ей и теперь его жалко до слез.
Сколько тут было кудрявых берез!

Там из-за старой, нахмуренной ели
Красные грозды калины глядели,

Там поднимался дубок молодой.
Птицы царили в вершине лесной,

Понизу всякие звери таились.
Вдруг мужики с топорами явились —

Лес зазвенел, застонал, затрещал.
Заяц послушал — и вон побежал,

В темную нору забилась лисица,
Машет крылом осторожнее птица,

В недоуменье тащат муравьи
Что ни попало в жилища свои.

С песнями труд человека спорился:
Словно подкошен, осинник валился,

С треском ломали сухой березняк,
Корчили с корнем упорный дубняк,

Старую сосну сперва подрубали,
После арканом ее нагибали

И, поваливши, плясали на ней,
Чтобы к земле прилегла поплотней.

Так, победив после долгого боя,
Враг уже мертвого топчет героя.

Много тут было печальных картин:
Стоном стонали верхушки осин,

Из перерубленной старой березы
Градом лилися прощальные слезы

И пропадали одна за другой
Данью последней на почве родной.

Кончились поздно труды роковые.
Вышли на небо светила ночные,

И над поверженным лесом луна
Остановилась, кругла и ясна,—

Трупы деревьев недвижно лежали;
Сучья ломались, скрипели, трещали,

Жалобно листья шумели кругом.
Так, после битвы, во мраке ночном

Раненый стонет, зовет, проклинает.
Ветер над полем кровавым летает —

Праздно лежащим оружьем звенит,
Волосы мертвых бойцов шевелит!

Тени ходили по пням беловатым,
Жидким осинам, березам косматым;

Низко летали, вились колесом
Совы, шарахаясь оземь крылом;

Звонко кукушка вдали куковала,
Да, как безумная, галка кричала,

Шумно летая над лесом... но ей
Не отыскать неразумных детей!

С дерева комом галчата упали,
Желтые рты широко разевали,

Прыгали, злились. Наскучил их крик —
И придавил их ногою мужик.

Утром работа опять закипела.
Саша туда и ходить не хотела,

Да через месяц — пришла. Перед ней
Взрытые глыбы и тысячи пней;

Только, уныло повиснув ветвями,
Старые сосны стояли местами,

Так на селе остаются одни
Старые люди в рабочие дни.

Верхние ветви так плотно сплелися,
Словно там гнезда жар-птиц завелися,

Что, по словам долговечных людей,
Дважды в полвека выводят детей.

Саше казалось, пришло уже время:
Вылетит скоро волшебное племя,

Чудные птицы посядут на пни,
Чудные песни споют ей они!

Саша стояла и чутко внимала.
В красках вечерних заря догорала —

Через соседний несрубленный лес
С пышно-румяного края небес

Солнце пронзалось стрелой лучезарной,
Шло через пни полосою янтарной

И наводило на дальний бугор
Света и теней недвижный узор.

Долго в ту ночь, не смыкая ресницы,
Думает Саша: что петь будут птицы?

В комнате словно тесней и душней.
Саше не спится,— но весело ей.

Пестрые грезы сменяются живо,
Щеки румянцем горят не стыдливо,

Утренний сон ее крепок и тих...
Первые зорьки страстей молодых!

Полны вы чары и неги беспечной,
Нет еще муки в тревоге сердечной;

Туча близка, но угрюмая тень
Медлит испортить смеющийся день,

Будто жалея... И день еще ясен...
Он и в грозе будет чудно прекрасен,

Но безотчетно пугает гроза...
Эти ли детски живые глаза,

Эти ли полные жизни ланиты
Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть
Гордо возьмет всегубящая страсть?..

Мимо идите, угрюмые тучи!
Горды вы силой! свободой могучи:

С вами ли, грозные, вынести бой
Слабой и робкой былинке степной?..

3

Третьего года, наш край покидая,
Старых соседей моих обнимая,

Помню, пророчил я Саше моей
Доброго мужа, румяных детей,

Долгую жизнь без тоски и страданья...
Да не сбылися мои предсказанья!

В страшной беде стариков я застал.
Вот что про Сашу отец рассказал:

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая;

В третьем году наконец прикатил
Барин в усадьбу и нас посетил,

Именем: Лев Алексеич Агарин,
Ласков с прислугой, как будто не барин,

Тонок и бледен. В лорнетку глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей:
„Был,— говорит,— я теперь за границей,

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —

Всё там приволье, и роскошь, и чудо,
Да высылали доходы мне худо.

На пароходе в Кронштадт я пришел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю“.
Мы со старухой дивилися вволю,

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,

Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей —

Есть-де на свете такая страна,
Где никогда не проходит весна,

Там и зимою открыты балконы,
Там поспевают на солнце лимоны,

И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Право, как песня слова выходили.
Господи! сколько они говорили!

Мало того: он ей книжки читал
И по-французски ее обучал.

Словно брала их чужая кручина,
Всё рассуждали: какая причина,

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив и зол человек?

,,Но,— говорит,— не слабейте душою:
Солнышко правды взойдет над землею!“

И в подтвержденье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Саша туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит;

Грешные люди — пивали и мы.
Стал он прощаться в начале зимы:

,,Бил,— говорит,— я довольно баклуши,
Будьте вы счастливы, добрые души,

Благословите на дело... пора!“
Перекрестился — и съехал с двора...

В первое время печалилась Саша,
Видим: скучна ей компания наша.

Годы ей, что ли, такие пришли?
Только узнать мы ее не могли:

Скучны ей песни, гаданья и сказки.
Вот и зима! — да не тешат салазки.

Думает думу, как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книжки читает, украдкою плачет.
Видели: письма всё пишет и прячет.

Книжки выписывать стала сама —
И наконец набралась же ума!

Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;

А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!

Бедные все ей приятели-други:
Кормит, ласкает и лечит недуги.

Так девятнадцать ей минуло лет.
Мы поживаем — и горюшка нет.

Надо же было вернуться соседу!
Слышим: приехал и будет к обеду.

Как его весело Саша ждала!
В комнату свежих цветов принесла;

Книги свои уложила исправно,
Просто оделась, да так-то ли славно;

Вышла навстречу — и ахнул сосед!
Словно оробел. Мудреного нет:

В два-то последние года на диво
Сашенька стала пышна и красива,

Прежний румянец в лице заиграл.
Он же бледней и плешивее стал...

Всё, что ни делала, что ни читала,
Саша тотчас же ему рассказала;

Только не впрок угожденье пошло!
Он ей перечил, как будто назло:

„Оба тогда мы болтали пустое!
Умные люди решили другое,

Род человеческий низок и зол“.
Да и пошел! и пошел! и пошел!..

Что говорил — мы понять не умеем,
Только покоя с тех пор не имеем:

Вот уж сегодня семнадцатый день
Саша тоскует и бродит как тень!

Книжки свои то читает, то бросит,
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза; однажды застал
Сашу за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила — была у ней жаба.

Он поглядел и сказал нам шутя:
„Тешится новой игрушкой дитя!“

Саша ушла — не ответила слова...
Он было к ней; говорит: „Нездорова“.

Книжек прислал — не хотела читать
И приказала назад отослать.

Плачет, печалится, молится богу...
Он говорит: „Я собрался в дорогу“, —

Сашенька вышла, простилась при нас,
Да и опять наверху заперлась.

Что ж?.. он письмо ей прислал. Между нами:
Грешные люди, с испугу мы сами

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем.

Саша сначала отказ отослала,
Да уж потом нам письмо показала.

Мы уговаривать: чем не жених?
Молод, богат, да и нравом-то тих.

„Нет, не пойду“. А сама неспокойна;
То говорит: „Я его недостойна“ —

То: „Он меня недостоин: он стал
Зол и печален и духом упал!“

А как уехал, так пуще тоскует,
Письма его потихоньку цалует!..

Что тут такое? Родной, объясни!
Хочешь, на бедную Сашу взгляни.

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться,

И погубил он бедняжку навек?
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник-губитель?
Или не сам ли он бес-искуситель?..»

4

Полноте, добрые люди, тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Саша поправится — бог ей поможет.
Околдовать никого он не может:

Он... не могу приложить головы,
Как объяснить, чтобы поняли вы...

Странное племя, мудреное племя
В нашем отечестве создало время!

Это не бес, искуситель людской,
Это, увы! — современный герой!

Книги читает да по свету рыщет —
Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов,

Благо идти по дороге избитой
Лень помешала да разум развитый.

«Нет, я души не растрачу моей
На муравьиной работе людей:

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Или по свету звездой пролечу!
Мир,— говорит,— осчастливить хочу!»

Что ж под руками, того он не любит,
То мимоходом без умыслу губит.

В наши великие, трудные дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое,
Но не дадут они сил на благое,

Но не научат любить глубоко...
Дело веков поправлять нелегко!

В ком не воспитано чувство свободы,
Тот не займет его; нужны не годы —

Нужны столетья, и кровь, и борьба,
Чтоб человека создать из раба.

Всё, что высоко, разумно, свободно,
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и деле чужда ему страсть!

Любит он сильно, сильней ненавидит,
А доведись — комара не обидит!

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!

Что ему книга последняя скажет,
То на душе его сверху и ляжет:

Верить, не верить — ему всё равно,
Лишь бы доказано было умно!

Сам на душе ничего не имеет,
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче не знает, что завтра сожнет,
Только наверное сеять пойдет.

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит;

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда;

Чуть поослабнут нетвердые крылья,
Бедный кричит: «Бесполезны усилья!»

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел...

Поняли?.. нет!.. Ну, беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная.

Благо теперь догадалась она,
Что отдаваться ему не должна,

А остальное всё сделает время.
Сеет он всё-таки доброе семя!

В нашей степной полосе, что ни шаг,
Знаете вы,— то бугор, то овраг.

В летнюю пору безводны овраги,
Выжжены солнцем, песчаны и наги,

Осенью грязны, не видны зимой,
Но погодите: повеет весной

С теплого края, оттуда, где люди
Дышат вольнее — в три четверти груди,—

Красное солнце растопит снега,
Реки покинут свои берега,—

Чуждые волны кругом разливая,
Будет и дерзок и полон до края

Жалкий овраг... Пролетела весна —
Выжжет опять его солнце до дна,

Но уже зреет на ниве поемной,
Что оросил он волною заемной,

Пышная жатва. Нетронутых сил
В Саше так много сосед пробудил..

Эх! говорю я хитро, непонятно!
Знайте и верьте, друзья: благодатна

Всякая буря душе молодой —
Зреет и крепнет душа под грозой.

Чем неутешнее дитятко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно —
Пышным плодом отродится оно!

1856

«НЕСЧАСТНЫЕ»

1

Тяжел мой крест: уединенье,
Преступной совести мученье,
Нужда, недуги. Говорят,
К цветущей юности возврат —
Под старость нам одно спасенье,
Отрада верная.— «Живи,
Покуда кровь играет в жилах,
А станешь стариться, нарви
Цветов, растущих на могилах,
И ими сердце обнови...»
И я попробовал... но что же?..
Душа по-прежнему нема,
И с одичалого ума
Стереть угрюмости клейма
Ничто не властно. Правый боже!
Ужели долгая тюрьма,
Ограбив сердце без пощады,
Душе моей не даст отрады
В воспоминанье юных лет?
Иль точно там отрады нет?
Увы! там душно, там пустыня.
Любя, прощая, чуть дыша,
Там угасает, как рабыня,
Святая женская душа.
Переступить порог не смея,
Тоски и ужаса полна,
Так вянет сказочная фея
В волшебном замке колдуна.
Воображенье прихотливо
Рисует ей другие дни:

В чертогах, убранных на диво,
Горят венчальные огни;
Невеста ждет, жених приходит,
И речь его тиха, нежна...
Где ум красавицы не бродит,
Чего не думает она?
Ликует день, щебечут птицы,
Красою блещут небеса,
Доходят до дверей темпицы
Любви и воли голоса,—
Но ей нет воли, нет отрады.
Не нужно камней дорогих,
Возьмите пышные наряды!
Где мать? где сестры? где жених?
Где няня с песенкой и сказкой?
Никто не сжалится над ней,
И только докучает лаской
Противный, старый чародей.
Но нет!.. она любить не станет,
Скорей умрет... Уходит он
И в гневе подданных тиранит.
Кругом проклятья, вопли, стон...
Но в сказке витязь благородный
Придет — волшебника убьет
И клочья бороды негодной
К ногам красавицы свободной
С рукой и сердцем принесет.
А здесь?..

Рога трубят ретиво,
Пугая ранний сон детей,
И воют псы нетерпеливо...
До солнца сели на коней —
Ушли... Орды вооруженной
Не видит глаз, не слышит слух,
И бедный дом, как осажденный,
Свободно переводит дух.
Меняя быстро пост невольный
На празднословье и вино,
Спешит забыться раб довольный.
Но есть одна: ей всё равно!
В ее душе светлей не станет,
Всё тот же мрак, всё тот же гнет:

И сон перерванный не манит,
И утро к жизни не зовет.
Скорей, затворница немая,
Рыданьем душу отведи!
Терпи любя, терпи прощая,
И лучшей участи не жди!..

Осаду не надолго сняли...
Вот вечер — снова рог трубит.
Примолкнув, дети побежали,
Но мать остаться им велит;
Их взор уныл, невнятен лепет...
Опять содом, тревога, трепет!
А ночью свечи зажжены,
Обычный пир кипит мятежно,
И бледный мальчик, у стены
Прижавшись, слушает прилежно
И смотрит жадно (узнаю
Привычку детскую мою)...
Что слышит? песни удалые
Под топот пляски удалой;
Глядит, как чаши круговые
Пустеют быстрой чередой;
Как на лету куски хватают
И рот захлопывают псы,
Как на тени растут, кивают
Большие дядины усы...
Смеются гости над ребенком,
И чей-то голос говорит:
«Не правда ль, он всегда глядит
Каким-то травленым волчонком?
Поди сюда!» Бледнеет мать;
Волчонок смотрит — и ни шагу.
«Упрямство надо наказать —
Поди сюда!» — Волчонок тягу...
«Ату его!»
Тяжелый сон!..
Нет, мой восход не лучезарен —
Ничем я в детстве не пленен
И никому не благодарен.
Скорее к юности! Она
Всегда мила, всегда ясна...
Не бедняку! — Воображенье

К столице юношу манит,
Там слава, там простор, движенье,
И вот он в ней! Идет, глядит —
Как чудно город изукрашен!
Шпили его церквей и башен
Уходят в небо; пышны в нем
Театры, улицы, жилища
Счастливцев мира — и кругом
Необозримые кладбища...

О город, город роковой!
С певцом твоих громад красивых,
Твоей ограды вековой,
Твоих солдат, коней ретивых
И всей потехи боевой,
Плененный лирой сладкострунной,
Не спорю я: прекрасен ты
В безмолвье полночи безлунной,
В движенье гордой суеты!
. . . .
Пусть солнце тусклое, скупое
Глядится в невские струи;
Пусть, теша буйство удалое
И сея плевелы свои,
Толпы пустых, надменных, праздных,
Полны пороков безобразных,
В тебе кишат. В стенах твоих
И есть и были в стары годы
Друзья народа и свободы,
А посреди могил немых
Найдутся громкие могилы.
Ты дорог нам,— ты был всегда
Ареной деятельной силы,
Пытливой мысли и труда!

Всё так. Но если ненароком
В твои пределы загляну,
Купаясь в омуте глубоком,
Переживая старину,
Душа болит. Не в залах бальных,
Где торжествует суета,
В приютах нищеты печальных
Блуждает грустная мечта.

Не лучезарный, золотистый,
Но редкий солнца луч... о нет!
Твой день больной, твой вечер мглистый,
Туманный, медленный рассвет
Воображенье мне рисует...
Светает. Чу, как ветер дует!
Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого дворца
Играет, как простой тряпицей.
Нева волнуется, дома
Стоят, как крепости пустые;
Железным болтом запертые,
Угрюмы лавки, как тюрьма.
Их постепенно отворяют,
Товару в окна прибавляют,—
Так ставит с вечера капкан
Охотник, на добычу падкой.
Вот солнце глянуло украдкой,
Но одолел его туман —
И снова мрак. Какие лица
Теперь приходится встречать!
Такую страшную печать
Умеет класть одна столица.
Проехал воз: ни рус, ни сед,
Чухонец им курносый правил
И ельника зеленый след
На мокрой улице оставил —
Покойник будет. Вот и он!
До пышных дожил похорон:
Четверкой дроги, гроб угрюмый
Стоит высоко под парчой,
Идет родня с печальной думой,
Поникнув молча головой;
Плетутся дряхлые кареты,
То там, то тут, полуодеты,
Из окон женщины глядят,
Прохожий крестится сурово...
Прошла процессия — и снова
Всё пусто.— Вот идет солдат
За фурой вроде погребальной —
Глядит оттуда глаз печальный
И видно бледное лицо...

Довольно! что теперь ни встретишь,
На всем унынья след заметишь.
Но вот парадное крыльцо
В богатом доме отворяет
Какой-то рослый молодец,—
Теперь-то утро наступает!
Туман осилив наконец,
Одело солнце сетью чудной
Дворцы, и храмы, и мосты,
И нет следов заботы трудной
И недовольной нищеты!
Как будто появляться вредно
При полном водворенье дня
Всему, что зелено и бледно,
Несчастно, голодно и бедно,
Что ходит голову склоня!
Теперь гляди на город шумный!
Теперь он пышен и богат —
Несется в толкотне безумной
Блестящих экипажей ряд,
Всё полно жизни и тревоги,
Все лица блещут и цветут,
И с похорон обратно дроги
Пустые весело бегут...

Ликует сердце молодое —
В восторге юноша. Постой!
Ты будешь говорить другое,
Родство постигнув роковое
Меж этим блеском и тобой!
Пройдут года в борьбе бесплодной,
И на красивые плиты,
Как из машины винт негодный,
Быть может, брошен будешь ты?
Счастлив, кому мила дорога
Стяжанья, кто ей верен был
И в жизни ни однажды бога
В пустой груди не ощутил.
Но если той тревоги смутной
Не чуждо сердце — пропадешь!
В глухую полночь, бесприютный,
По стогнам города пойдешь:
Громадный, стройный и суровый,

Заснув под тучею свинцовой,
Тогда предстанет он иным,
И, опоясанный гробами,
Своими пышными дворцами,
Величьем царственным своим —
Не будет радовать. Невольно
Припомнишь бедный городок,
Где солнца каждому довольно.
То правда: город не широк,
Не длинен — лай судейской шавки
В нем слышен вдоль и поперек.
Домишки малы, пусты лавки,
Собор, четыре кабака,
Тюрьма, шлагбаум полосатый,
Дом судный, госпиталь дощатый
И площадь... площадь велика:
Кругом не видно ей границы,
И, слышно, осенью на ней
Чудак, заезжий из столицы,
Успешно ищет дупелей.
Ну, всё как надо, как известно,
Над чем столичные давно
Острят то глупо, то умно.
Зато покойно — и не тесно...
Не жди особенных отрад:
Что бог послал, тому будь рад.
Гляди в халате на дорогу:
Вон гуси выступают в ногу
С гусиной важностью... но вдруг —
Смятенье, дикий крик, испуг!
Три тройки наскакали близко.
Присев и крылья распустив,
Одни бегут, другие низко
Летят, а третьи, прискочив,
Удрать не лётом и не бегом
Спешат... и вот простор телегам —
Рассыпались, куда кто мог!
Так, гордый собственным значеньем,
Своим нежданным появленьем
Детей пугает педагог;
Так поэтические грезы
Разносит дуновенье прозы...
Но уж запели соловьи,

Иди гулять — до сна недолго!
Гляди, как тихо катит Волга
Свои спокойные струи,
Уснув в песчаной колыбели;
Как, нагибаясь до земли,
Таскают бурлаки кули,
А воробьи уж налетели
И, теребя мочалу, нос
Просунуть силятся в овес.
Куда ни взглянешь — птичье племя!
Уснув под берегом реки,
Чернеют утки, как комки,
Но, видно, им покушать время:
Проснулись — поплыли гурьбой,
Кувырк! и ног утиных строй
Стоит недвижно над водой.
На всем лучи зари румяной.
Как ожерелье, у воды
Каких-то белых птиц ряды
Сидят на отмели песчаной,
И тут же сотни куликов
Снуют с оглядкой вороватой;
Все белобрюхи, без хохлов,
А почему ж один хохлатый?
Не долиняв, с весенних пор
Сберег он пышную прибавку
И ходит важно, как майор,
С мундиром вышедший в отставку,
Недостает счастливцу шпор!

Не любишь птиц — гляди бездумно,
Как приближается паром,
Неторопливо и нешумно;
А там, на берегу другом,
Под легким матовым туманом,
Как будто войско тесным станом
Расположилось на ночлег:
Не перечтешь коней, телег!
Под каждым стогом-великаном
Толпа... И слышны голоса,
Стыдливый визг и хохот женский.
Но потемнели небеса —
Спи мирно, житель деревенский!

Ты сто́ишь сна... Идем домой,
Закрыты ставни — всё спокойно.
Что ж медлит месяц золотой?
Темно. Ни холодно, ни знойно,—
Так ровно-ровно дышит грудь,
Но слышишь, что-то заскрипело!
Калитку отворив чуть-чуть,
Выходит девушка несмело.
Она глядит по сторонам,
Но вот увидела — и к нам
Шаги проворно направляет.
Ты улыбнулся, ты молчишь...
Вдруг — «ах!» и быстро исчезает.
Ошиблась, милая! Так мышь,
С испугу пискнув, убегает,
Заметив любопытный глаз.
Пору любви, пору проказ,
Чем нашу молодость помянем?
Не побежать ли нам за ней?
Не подстеречь ли у дверей?
Нет, только даром мы устанем.
Народ уснул — пора и нам.
Одно досадно: по ночам,
Должно быть переспав нещадно,
Собака воет безотрадно —
Весь город чьей-то смерти ждет,
Толкует набожно и тихо.
И ведь случается — возьмет
Да и скончается купчиха,
Перед которой глупый пес
Три ночи выл, поднявши нос.
Тогда попробуй разуверить.
«Да как ты смеешь сам не верить?..»
Молчи — предатели они!
Люби покой, природу, книгу
И независимость храни,
Не то среды поддайся игу
И лямку общую тяни.

Но есть и там свои могилы,
Но там бесплодно гибнут силы,
Там духота, бездумье, лень,
Там время тянется сонливо,

Как самодельная расшива
По тихой Волге в летний день.
Там только не грешно родиться
Или под старость умирать.
Куда ж идти? к чему стремиться?
Где силы юные пытать?

Храни господь того, кто скажет:
«Простите, мирные поля!» —
И бедный свой челнок привяжет
К корме большого корабля...

Кому судьба венец готовит,
Того вопрос: куда идти? —
Не устрашит, не остановит;
Кого на жизненном пути
Любовь лелеет с колыбели,
Незримо направляя к цели,—
И тот находит путь прямой.
Но кто ни богом не отмечен,
Ни даже любящей рукой
Не охранен, не обеспечен,
Тот долго бродит как слепой:
Кипит, желает, тратит силы
И, поздним опытом богат,
Находит у дверей могилы
Невольных заблуждений ряд...
К чему бы жизнь ни вынуждала,
И даже разницы путем
Не зная меж добром и злом,
Я по теченью плыл сначала...
Лишь гордость иногда спасала...
Бог весть, куда бы прихоть волн
Прибила мой убогий челн:
Сбирались тучи, путь был труден,
А я упорен, безрассуден,—
Ждала тяжелая борьба.
Но вдруг распутала судьба
Загадку жизни несчастливой —
Я полюбил, дикарь ревнивый...

О ты, кого я с ужасом бежал,
Кому с любовью рвался я в объятья,

Кому чистосердечно расточал
Благословенья и проклятья,—
Тебя уж нет! На жизненной стезе
Оставив след загадочный и странный,
Являясь ангелом в грозе
И демоном у пристани желанной,—
Погибла ты... Ты сладить не могла
Ни с бурным сердцем, ни с судьбою
И, бездну вырыв подо мною,
Сама в ней первая легла...
Ругаясь буйно над кумиром,
Когда-то сердцу дорогим,
Я мог бы перед целым миром
Клеймом отметить роковым
Твой путь. Но за пределы гроба
Не перешла вражда моя,
Я понял: мы виновны оба...
Но тяжелей наказан я!
Года чредой определенной
Идут, но время надо мной
Остановилось: страж бессменный,
Среди той ночи роковой
Стою... ревниво закипаю,
И вдруг шаги... и голос твой...
И вопль — и с криком: «Не прощаю!..»
Всё помню с ясностью такой,
Как будто каждый день свершаю
Убийство... Тот же, тот же сон
Уж двадцать лет: молящий стон,
Безумный крик, сверканье стали...
Прочь, утонувшие в крови
Воспоминания любви!
Довольно сердце вы терзали.

Скорее в душную тюрьму!
Оттуда сердцу моему
Единый в жизни луч отрады
Мерцает... Так огонь лампады
До вечной сени гробовой
Горит над каждой головой...

2

Безлюдье, степь. Крутом всё бело,
И небеса над головой...
Еще отчаянье кипело
В душе, упившейся враждой,
И смерти лишь она алкала,
Когда преступная нога,
Звуча цепями, попирала
Недружелюбные снега
Страны пустынной, сиротливой...
Среди зверей я зверем стал,
Вином я совесть усыплял
И ум гасил...

В толпе строптивой
Меж нами был один: его
Не полюбили мы сначала —
Не говорил он ничего,
Работал медленно и мало.
Кряхтя, копается весь день,
Как крот,— мы так его и звали,—
А толку нет: не то чтоб лень,
Да силы скоро изменяли.
Рука, нетвердая в труде,
Как спицы ноги, детский голос
И, словно лен, пушистый волос
На голове и бороде.
Оброс он скоро волосами,
Питался черствым сухарем,
Но и под грубым армяком
Глядел неровней между нами.
Его дежурный понукал,
И было нам сначала любо
Смотреть, как губы он кусал,
Когда с ним обходились грубо;
Так удила кусает конь,
Когда седок его пришпорит.
В глазах покажется огонь,
Однако промолчит — не спорит!
Бывало, подойдем гурьбой,
Повалим, будто ненароком,
Кричим: «Не хочешь ли домой?»

Он только поглядит с упреком
И покачает головой.
Не пьет, не балагурит с нами.
Но скоро час его настал...

Был вечер; скрежеща зубами,
Один из наших умирал.
Куда деваться в подземелье?
Кричим: «Скорей! мешаешь спать!»
И стали в бешеном веселье
Его мы хором отпевать:
«Умри! нам всем одна дорога,
Другой не будет из тюрьмы!..»

Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!» —
И песни не допели мы.
Глядим: добро б вошел начальник,—
Нет, просто выступил вперед
Наш белоручка, наш молчальник,
Смиренный, копотливый Крот.
Корит, грозит! Дыханье трудно,
Лицо сурово, как гроза,
И как-то бешено и чудно
Блестят глубокие глаза.

Смутились мы. Какая сила
Ему строптивых покорила —
Бог весть! Но грубые умы
Он умилил, обезоружил,
Он нам ту бездну обнаружил,
Куда стремглав летели мы!

В заботе новой, в думах строгих
Мы совещались до утра,
Стараясь вразумить немногих,
Не внявших вестнику добра:
Душой погибнув невозвратно,
Они за нами не пошли
И обновиться благодатно
Уж не хотели, не могли.
В них сердце превратилось в камень,
Навек оледенела кровь...
Но в ком, как под золою пламень,

Таились совесть и любовь,
Тот жадно ждал беседы новой,
С душой, уверовать готовой...

Не вдруг мы поняли его,
Но он учить не тяготился —
Он с нами братски поделился
Богатством сердца своего!
Забыты буйные проказы,
Наступит вечер — тишина,
И стали нам его рассказы
Милей разгула и вина.
Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой,
Но обладал он тайной слова,
Доступного душе живой.
Не на коне, не за сохою —
Провел он свой недолгий век
В труде ученья, но душою,
Как мы, был русский человек.
Он не жалел, что мы не немцы,
Он говорил: «Во многом нас
Опередили иноземцы,
Но мы догоним в добрый час!
Лишь бог помог бы русской груди
Вздохнуть пошире, повольней —
Покажет Русь, что есть в ней люди,
Что есть грядущее у ней.
Она не знает середины —
Черна — куда ни погляди!
Но не проел до сердцевины
Ее порок. В ее груди
Бежит поток живой и чистый
Еще немых народных сил:
Так под корой Сибири льдистой
Золотоносных много жил».

Его пленяло солнце юга —
Там море ласково шумит,
Но слаще северная вьюга
И больше сердцу говорит.
При слове «Русь», бывало, встанет —
Он помнил, он любил ее,

Заговоривши про нее —
До поздней ночи не устанет...

Наступит ли вечерний час —
Внимая бури вой жестокой,
«Теперь,— он говорил,— у нас,
На нашей родине далекой,
Еще тепло... Закат горит,
Над божьим храмом реют птицы,
Домой идут с работы жницы,
Въезжая на гору, скрипит
Снопами полная телега;
Играя, колос из снопа
Хватает сытый конь с разбега
И ржет. За ним бредет толпа
Коровушек. Стемнело небо,
И смолкли вдруг работы дня;
Ложится пахарь без огня,
И распростерли скирды хлеба
Свою хранительную тень
Вокруг уснувших деревень.
Всё тихо; разве без оглядки
Фельдъегерь пролетит селом,
Или обратные лошадки,
Понуря голову, шажком
Пройдут: заснул ямщик ленивый
Верхом на дремлющем коне,
Один бубенчик говорливый
Воркует сладко в тишине.
Да старый вяз в конце селенья
Шумит, столетний часовой;
Пред ним проходят поколенья,
Меняясь быстрой чередой,
Он невредим: корысть, беспечность —
Его ничто не сокрушит,
Любовь народная хранит
Его святую долговечность.
Он укрывает в летний зной
Шатром детей деревни целой;
Бедняк калека престарелый
Под ним ложится на покой;
Наш брат, звуча цепями, ссыльный,
Под ним сидит, обритый, пыльный,

И богомолок молодых
Под тень ветвей его густых
Приводит давняя привычка...

Чу! тянут в небе журавли,
И крик их, словно перекличка
Хранящих сон родной земли
Господних часовых, несется
Над темным лесом, над селом,
Над полем, где табун пасется,
И песня грустная поется
Перед дымящимся костром...

Не ждут осенние работы,
Недолог отдых мужиков —
Скрипят колодцы и вороты
При третьей песне петухов,
Дудит пастух свирелью звонкой,
Бежит по ниве чья-то тень:
То беглый рекрутик сторонкой
Уходит в лес, послышав день.
Искал он, чем бы покормиться,
Ночь не послала ничего,
Придется, видно, воротиться,
А страшно!.. Что ловить его!
Хозяйка старших разбудила —
Блеснули в ригах огоньки
И застучали молотила.
Бог помочь, братья мужики!»

Родные русские картины!
Заснул, и видел я во сне
Знакомый дом, леса, долины,
И братья сказывали мне,
Что сон их уносил с чужбины
К забытой, милой стороне.
Летишь мечтой к отчизне дальной,
И на душе светлей, теплей...

Чего не знал наш друг опальный?
Слыхали мы в тюрьме своей
И басни хитрые Крылова,
И песни вещие Кольцова,

Узнали мы таких людей,
Перед которыми поздней
Слепой народ восторг почует,
Вздохнет — и совесть уврачует,
Воздвигнув пышный мавзолей.
Так иногда, узнав случайно,
Кто спас его когда-то тайно,
Бедняк, взволнованный, бежит.
Приходит, смотрит — вот жилище,
Но где ж хозяин? Всё молчит!
Идет бедняга на кладбище
И на могильные плиты
Бросает поздние цветы...

Но спит народ под тяжким игом,
Боится пуль, не внемлет книгам...
О Русь! когда ж проснешься ты
И мир на месте беззаконных
Кумиров рабской слепоты
Увидит честные черты
Твоих героев безыменных?..

О ней, о родине державной,
Он говорить не уставал:
То жребий ей пророчил славный,
То старину припоминал,—
Кто в древни веки ею правил,
Как люди в ней живали встарь,
Как обучил, вознес, прославил
Ее тот мудрый государь,
Кому в царях никто не равен,
Кто до скончанья мира славен
И свят: Великого Петра
Он звал отцом России новой,
Он видел след руки Петровой
В основе каждого добра.
Сто вечеров до поздней ночи
Он говорил нам про него —
Никто сомкнуть не думал очи
И не промолвил ничего.
Он говорит, ему внимаем,
И, полны новых дум, тогда
Свои оковы забываем

И тяжесть черного труда.
Встает во мраке подземелья
Пред нами чудный лик Петра,
И, как монашеская келья,
Тиха преступников нора.
Сносней наутро труд несносный,
Таскаешь горы на плечах,
Чтоб трудолюбец венценосный
Сказал спасибо в небесах...
Да! видит бог, в кровавом поте
Омыли мы свою вину
И не напрасно на работе
Певали песенку одну:

ПЕСНЯ ПРЕСТУПНИКОВ

1

Дружней! работа есть лопатам,
Недаром нас сюда вели,
Недаром бог насытил златом
Утробу матери-земли.

Трудись, покамест служат руки,
Не сетуй, не ленись, не трусь,
Спасибо скажут наши внуки,
Когда разбогатеет Русь!

2

Пускай бежит в упорном деле
С нас пот ручьями, как вода,
И мерзнет на клейменом теле,
Когда почием от труда.

Пускай томимся гладом, жаждой,
Пусть дрогнем в холоде зимы,
Ей пригодится камень каждый,
Который добываем мы.

У ней, родимой, требы многи:
Бедна по милости воров!
В ней пышны барские чертоги,
Но жалки избы мужиков.

Недостает у ней дохода
В неурожай кормить крестьян,
И нечем выкупить народа
Царю у палачей-дворян!..

Ее сложил в часы недуга
Наш тихий, вечно грустный Крот,
И часто, поминая друга,
В своем углу ее поет
Прощеный ссыльный. Здесь мы гости,
Сюда вернулись мы не жить —
С отцами рядом положить
Трудом изломанные кости,
Но рады, рады и тому!..

Начальство к нам добрее стало,
Получше отвело тюрьму
И хорошо аттестовало.
Что будет с нами — до конца
Тяжелой было нам загадкой,
Но в умиленные сердца
Прокрался луч надежды сладкой.
Так, помню, солнышко украдкой
Глядит, бывало, поутру
И в нашу черную нору...

Но он надежде верил мало,
Едва бродя, едва дыша,
И только нас бодрить хватало
В нем сил... Великая душа!
Его страданья были горды,
Он их упорно подавлял,
Но иногда изнемогал
И плакал, плакал. Камни тверды,
Любой попробуй... но огня

Добудешь только из кремня,
Таков он был. Воспоминанья
Страшней не помню: знал и я
Изнеможение страданья,—
Но что была печаль моя?
К довольству суетному зависть,
Быть может, личная ненависть,
Тоска по женщине пустой,
С тряпичной, дюжинной душой,
Томленье скуки, злость бессилья.
Я, говорят, был мелко зол
В моей тоске... Не так орел
Свои оплакивает крылья,
Которых мощь изведал он,
Которых царственная сила
Его под небо уносила...
Да! возвращаясь с похорон,
Недаром в голос мы сказали:
«Зачем его Кротом мы звали?
И мертвый сходен он лицом
С убитым молнией орлом!»

О чем была его кручина?
Рыдал ли он рыданьем сына,
Давно отчаявшись обнять
Свою тоскующую мать,
И невеселая картина
Ему являлась: старый дом
Стоит в краю деревни бедной,
И голова старухи бледной
Видна седая под окном.
Вздыхает, молится, гадает
И смотрит, смотрит, и двойной
В окошко рамы не вставляет
Старуха позднею зимой.
А сколько, глядя на дорогу,
Уронит слез — известно богу!
Но нет! и бог их не считал,
А то бы радость ей послал!

Любовь ли бедного томила?
Что сталось с нею? Позабыла?
Или грустит... и далеко

Несется... мысленно заглянет
И содрогнется глубоко?
Где ей? в ней сердца недостанет!
Ах! чувство женское легко!
Они его хранят, лелеют,
Покуда радует оно,
Но если тучи тяготеют
И небо грозно и темно —
Его спасти им не дано!

Быть может, он душою верной
Припоминал былых друзей;
В кичливой гордости своей,
Быть может, враг Высокомерный
Ему являлся в час ночной...
И, с криком кинувшись, ногами,
Отягощенными цепями,
Топтал он призрак роковой?

Или изгладила чужбина
Всё то, чем молодость жила,
И только слезы гражданина
Душа живая сберегла?
Как знать! Пред ним мы дети были,
Ничем мы права не купили
Делить великую печаль;
Не все мы даже понимали,
За что его сюда заслали,
Но было трудно, было жаль.
Закоренелого невежду
Спроси, и тот отдать был рад
Свою последнюю надежду —
Под небо родины возврат —
За миг единый облегченья
Его тоски, его мученья.
Но только правосудный бог
Утешить мученика мог.
И скоро гробовые двери
Пред ним открылись, но не вдруг
Клейменых каторжников друг
Сошел в них: роковой потери
По капле яд глотали мы.
Почти два года, из тюрьмы

Не выходя, он разрушался.
Зачем? Известно небесам!
«Чтоб человек не баловался»,—
Смеясь, говаривал он нам.
И день и ночь поочередно
Его мы ложе берегли,
Зимой окутывали плотно,
Весной на солнышко несли
(Был для того у нас устроен
Снаряд особенный): больной
Кивал тихонько головой
И как-то грозно был спокоен.
Не шевельнется целый день;
Тосклив и кроток беспредельно,
Молчит: так, раненный смертельно,
Глядит и смерти ждет олень...

И наконец пора пришла...
В день смерти с ложа он воспрянул.
И снова силу обрела
Немая грудь — и голос грянул!
Мечтаньем чудным окрылил
Его господь перед кончиной,
И он под небо воспарил
В кра́се и легкости орлиной.
Кричал он радостно: «Вперед!» —
И горд, и ясен, и доволен:
Ему мерещился народ
И звон московских колоколен;
Восторгом взор его сиял,
На площади, среди народа,
Ему казалось, он стоял
И говорил...

Прошло два года.
Настал святой, великий миг,
В скрижалях царства незабвенный,
И до Сибири отдаленной
Прощенья благовест достиг.
Разверзлась роковая яма,
Как птицы, вольны вышли мы
И, не сговариваясь, прямо
Пришли гурьбою из тюрьмы

К одной могиле одинокой.
Стеснилась грудь тоской жестокой,
И каждый небо вопрошал:
«Зачем он жил, зачем страдал,
Зачем свободы не дождался?»
— *Чтоб человек не баловался!* —
Один сказал — и присмирел.
Переглянулись мы уныло,
И тихий ангел пролетел.
Лишь буря, не смолкая, выла
И небо хмурилось. Земли
Добыв лопатою привычной,
Мы помолчали — и пошли.
И жизнь пошла чредой обычной!..

Хотелось мне увидеть мать,
Но что пришлось бы ей сказать?
Кто подтолкнуть не устрашится
Утес, готовый обвалиться
На плечи брата своего?
Кто скажет ей: «Уж нет его!
Загородись двойною рамой,
Напрасно горниц не студи,
Простись с надеждою упрямой
И на дорогу не гляди!»
Пусть лучше, глядя на дорогу,
Отдаст с надеждой душу богу...
Но люди звери: кто-нибудь
Утес обрушит ей на грудь...

Кто знал его, забыть не может,
Тоска по нем язвит и гложет,
И часто мысль туда летит,
Где гордый мученик зарыт.
Пустыня белая; над гробом
Неталый снег лежит сугробом,
То солнце тусклое блестит,
То туча черная висит,
Встают смерчи, ревут бураны,
Седые стелются туманы,
Восходит день, ложится тьма,
Вороны каркают — и злятся,
Что до костей его добраться
Мешает вечная зима.

1856—1857

ТИШИНА

1

Всё рожь кругом, как степь живая,
Ни за́мков, ни морей, ни гор...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующий простор!
За дальним Средиземным морем,
Под небом ярче твоего,
Искал я примиренья с горем,
И не нашел я ничего!
Я там не свой: хандрю, немею,
Не одолев мою судьбу,
Я там погнулся перед нею,
Но ты дохнула — и сумею,
Быть может, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропот укоризны
За мною по пятам бежал,
Не небесам чужой отчизны —
Я песни родине слагал!
И ныне жадно поверяю
Мечту любимую мою
И в умиленье посылаю
Всему привет... Я узнаю
Суровость рек, всегда готовых
С грозою выдержать войну,
И ровный шум лесов сосновых,
И деревенек тишину,
И нив широкие размеры...
Храм божий на горе мелькнул

И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул.
Нет отрицанья, нет сомненья,
И шепчет голос неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди с открытой головой!
Как ни тепло чужое море,
Как ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храм воздыханья, храм печали —
Убогий храм земли твоей:
Тяжеле стонов не слыхали
Ни римский Петр, ни Колизей!
Сюда народ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносил —
И облегченный уходил!
Войди! Христос наложит руки
И снимет волею святой
С души оковы, с сердца муки
И язвы с совести больной...

Я внял... я детски умилился...
И долго я рыдал и бился
О плиты старые челом,
Чтобы простил, чтоб заступился,
Чтоб осенил меня крестом
Бог угнетенных, бог скорбящих,
Бог поколений, предстоящих
Пред этим скудным алтарем!

2

Пора! За рожью колосистой
Леса сплошные начались,
И сосен аромат смолистый
До нас доходит... «Берегись!»
Уступчив, добродушно смирен,
Мужик торопится свернуть...
Опять пустынно-тих и мирен
Ты, русский путь, знакомый путь!

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей,
Пыль не стоит уже столбами
Над бедной родиной моей.
Опять ты сердцу посылаешь
Успокоительные сны
И вряд ли сам припоминаешь,
Каков ты был во дни войны,—
Когда над Русью безмятежной
Восстал немолчный скрип тележный,
Печальный, как народный стон!
Русь поднялась со всех сторон,
Всё, что имела, отдавала
И на защиту высылала
Со всех проселочных путей
Своих покорных сыновей.
Войска водили офицеры,
Гремел походный барабан,
Скакали бешено курьеры;
За караваном караван
Тянулся к месту ярой битвы —
Свозили хлеб, сгоняли скот.
Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе... Народ
Смотрел довольными глазами
На фуры с пленными врагами,
Откуда рыжих англичан,
Французов с красными ногами
И чалмоносных мусульман
Глядели сумрачные лица...
И всё минуло... всё молчит...
Так мирных лебедей станица,
Внезапно спугнута, летит
И, с криком обогнув равнину
Пустынных, молчаливых вод,
Садится дружно на средину
И осторожнее плывет...

3

Свершилось! Мертвые отпеты,
Живые прекратили плач,
Окровавленные ланцеты

Отчистил утомленный врач.
Военный поп, сложив ладони,
Творит молитву небесам.
И севастопольские кони
Пасутся мирно... Слава вам!
Вы были там, где смерть летает,
Вы были в сечах роковых
И, как вдовец жену меняет,
Меняли всадников лихих.

Война молчит — и жертв не просит,
Народ, стекаясь к алтарям,
Хвалу усердную возносит
Смирившим громы небесам.
Народ-герой! в борьбе суровой
Ты не шатнулся до конца,
Светлее твой венец терновый
Победоносного венца!

Молчит и *он*... как труп безглавый,
Еще в крови, еще дымясь;
Не небеса, ожесточась,
Его снесли огнем и лавой:
Твердыня, избранная славой,
Земному грому поддалась!
Три царства перед ней стояло,
Перед одной... таких громов
Еще и небо не метало
С нерукотворных облаков!
В ней воздух кровью напоили,
Изрешетили каждый дом
И вместо камня намостили
Ее свинцом и чугуном.
Там по чугунному помосту
И море под стеной течет.
Носили там людей к погосту,
Как мертвых пчел, теряя счет...
Свершилось! Рухнула твердыня,
Войска ушли... кругом пустыня,
Могилы... Люди в той стране
Еще не верят тишине,

Но тихо... В каменные раны
Заходят сизые туманы,
И черноморская волна
Уныло в берег славы плещет...
Над всею Русью тишина,
Но — не предшественница сна:
Ей солнце правды в очи блещет,
И думу думает она.

4

А тройка всё летит стрелой.
Завидев мост полуживой,
Ямщик бывалый, парень русский,
В овраг спускает лошадей
И едет по тропинке узкой
Под самый мост... оно верней!
Лошадки рады: как в подполье,
Прохладно там... Ямщик свистит
И выезжает на приволье
Лугов... родной, любимый вид!
Там зелень ярче изумруда,
Нежнее шелковых ковров,
И, как серебряные блюда,
На ровной скатерти лугов
Стоят озера... Ночью темной
Мы миновали луг поемный,
И вот уж едем целый день
Между зелеными стенами
Густых берез. Люблю их тень
И путь, усыпанный листами!
Здесь бег коня неслышно-тих,
Легко в их сырости приятной,
И веет на душу от них
Какой-то глушью благодатной.
Скорей туда — в родную глушь!
Там можно жить, не обижая
Ни божьих, ни ревижских душ
И труд любимый довершая.
Там стыдно будет унывать
И предаваться грусти праздной,
Где пахарь любит сокращать
Напевом труд однообразный.

Его ли горе не скребет? —
Он бодр, он за сохой шагает.
Без наслажденья он живет,
Без сожаленья умирает.
Его примером укрепись,
Сломившийся под игом горя!
За личным счастьем не гонись
И богу уступай — не споря...

1861

КОРОБЕЙНИКИ

Другу-приятелю
Гавриле Яковлевичу
(крестьянину деревни Шоды,
Костромской губернии)

Как с тобою я похаживал
По болотинам вдвоем,
Ты меня почасту спрашивал:
Что строчишь карандашом?

Почитай-ка! Не прославиться,
Угодить тебе хочу.
Буду рад, коли понравится,
Не понравится — смолчу.

Не побрезгуй на подарочке!
А увидимся опять,
Выпьем мы по доброй чарочке
И отправимся стрелять.

23-го августа 1861 *Н. Некрасов*
Грешнево

I

Кумачу я не хочу,
Китайки не надо.

Песня

«Ой, полна, полна коробушка,
Есть и ситцы и парча.
Пожалей, моя зазнобушка,
Молодецкого плеча!

Выди, выди в рожь высокую!
Там до ночки погожу,
А завижу черноокую —
Все товары разложу.
Цены сам платил немалые.
Не торгуйся, не скупись:
Подставляй-ка губы алые,
Ближе к милому садись!»

Вот и пала ночь туманная,
Ждет удалый молодец.
Чу, идет! — пришла желанная,
Продает товар купец.
Катя бережно торгуется,
Всё боится передать.
Парень с девицей целуется,
Просит цену набавлять.
Знает только ночь глубокая,
Как поладили они.
Распрямись ты, рожь высокая,
Тайну свято сохрани!

«Ой! легка, легка коробушка,
Плеч не режет ремешок!
А всего взяла зазнобушка
Бирюзовый перстенек.
Дал ей ситцу штуку целую,
Ленту алую для кос,
Поясок — рубаху белую
Подпоясать в сенокос —
Всё поклала ненаглядная
В короб, кроме перстенька:
„Не хочу ходить нарядная
Без сердечного дружка!“
То-то дуры вы, молодочки!
Не сама ли принесла
Полуштофик сладкой водочки?
А подарков не взяла!
Так постой же! Нерушимое
Обещаньице даю:

У отца дитя любимое!
Ты попомни речь мою:
Опорожнится коробушка,
На Покров домой приду
И тебя, душа-зазнобушка,
В божью церковь поведу!»

Вплоть до вечера дождливого
Молодец бежит бегом
И товарища ворчливого
Нагоняет под селом.
Старый Тихоныч ругается:
«Я уж думал, ты пропал!»
Ванька только ухмыляется —
Я-де ситцы продавал!

II

Зачали-почали
Поповы дочери.

Припев деревенских торгашей

«Эй, Федорушки! Варварушки!
Отпирайте сундуки!
Выходите к нам, сударушки,
Выносите пятаки!»

Жены мужние — молодушки
К коробейникам идут,
Красны девушки-лебедушки
Новины свои несут.
И старушки вожеватые,
Глядь, туда же приплелись.

«Ситцы есть у нас богатые,
Есть миткаль, кумач и плис.
Есть у нас мыла пахучие —
По две гривны за кусок,
Есть румяна нелинючие —
Молодись за пятачок!
Видишь, камни самоцветные

В перстеньке как жар горят.
Есть и любчики[1] заветные —
Хоть кого приворожат!»

Началися толки рьяные,
Посреди села базар,
Бабы ходят словно пьяные,
Друг у дружки рвут товар.
Старый Тихоныч так божится
Из-за каждого гроша,
Что Ванюха только ежится:
«Пропади моя душа!
Чтоб тотчас же очи лопнули,
Чтобы с места мне не встать,
Провались я!..» Глядь — и хлопнули
По рукам! Ну, исполать!
Не торговец — удивление!
Как божиться-то не лень...

Долго, долго всё селение
Волновалось в этот день.
Где гроши какие медные
Были спрятаны в мотках,
Все достали бабы бедные,
Ходят в новеньких платках.
Две снохи за ленту пеструю
Расцарапалися в кровь.
На Феклушку, бабу вострую,
Раскудахталась свекровь.
А потом и коробейников
Поругала баба всласть:
«Принесло же вас, мошейников!
Вот уж подлинно напасть!
Вишь вы жадны, как кутейники,
Из села бы вас колом!..»

Посмеялись коробейники
И пошли своим путем.

---

[1] Любчики — деревенские талисманы, имеющие, по понятиям простолюдинок, привораживающую силу.

III

Уж ты пей до дна, коли хошь добра,
А не хошь добра, так не пей до дна.

Старинная былина

За селом остановилися,
Поделили барыши
И на церковь покрестилися,
Повздыхали от души.
«Славно, дядя, ты торгуешься!
Что невесел? ох да ох!»
— В день теперя не отплюешься,
Как еще прощает бог:
Осквернил уста я ложию —
Не обманешь — не продашь! —
И опять на церковь божию
Долго крестится торгаш.—
Кабы в строку приходилися
Все-то речи продавца,
Все давно бы провалилися
До единого купца —
Сквозь сырую землю-матушку
Провалились бы... эх-эх! —
«Понагрел ты Калистратушку».
— Ну, его нагреть не грех,
Сам снимает крест с убогого.—
«Рыжий, клином борода».
— Нашим делом нынче многого
Не добыть — не те года!
Подошла война проклятая,
Да и больно уж лиха,
Где бы свадебка богатая —
Цоп в солдаты жениха́!
Царь дурит — народу горюшко!
Точит русскую казну,
Красит кровью Черно морюшко,
Корабли валит ко дну.
Перевод свинцу да олову,
Да удалым молодцам.
Весь народ повесил голову.
Стон стоит по деревням.
Ой! бабье неугомонное,
Полно взапуски реветь!

Причитанье похоронное
Над живым-то рано петь!
Не уймешь их! Как отпетого
Парня в город отвезут.
Бабы сохнут с горя с этого,
Мужики в кабак идут.
Ты попомни целовальника,
Что сказал — подлец седой!
„Выше нет меня начальника,
Весь народ — работник мой!
Лето, осень убиваются,
А спроси-ка, на кого
Православные стараются?
Им не нужно ничего!
Все бессребренники, сватушка,
Сам не сею и не жну,
Что родит земля им, матушка,
Всё несут в мою казну!“

Пропилися, подоконники,
Где уж баб им наряжать!
В город едут, балахонники,
Ходят лапти занимать!

Ой! ты, зелие кабашное,
Да китайские чаи,
Да курение табашное!
Бродим сами не свои.
С этим пьянством да курением
Сломишь голову как раз.
Перед светопреставлением
Знать война-то началась.
Грянут, грянут гласы трубные!
Станут мертвые вставать!
За дела-то душегубные
Как придется отвечать?
Вот и мы гневим всевышнего...—
«Полно, дядя! Страшно мне!
Уж не взять рублишка лишнего
На чужой-то стороне?..»

IV

Ай барыня! барыня!

Песня

«Эй вы, купчики-голубчики,
К нам ступайте ночевать!»
Ночевали наши купчики,
Утром тронулись опять.
Полегоньку подвигаются,
Накопляют барыши,
Чем попало развлекаются
По дороге торгаши.
По реке идут — с бурлаками
Разговоры заведут:
«Кто вас спутал?» [1] — и собаками
Их бурлаки назовут.
Поделом вам, пересмешники,
Лыком шитые купцы!..

Потянулись огурешники:
«Эй! просыпал огурцы!»
Ванька вдруг как захихикает
И на стадо показал:
Старичонко в стаде прыгает
За савраской,— длинен, вял,
И на цыпочки становится,
И лукошечком манит —
Нет! проклятый конь не ловится!
Вот подходит, вот стоит.
Сунул голову в лукошечко —
Старичок за холку хвать!
«Эй! еще, еще немножечко!»
Нет! урвался конь опять
И, подбросив ноги задние,
Брызнул грязью в старика.
«Знамо, в стаде-то поваднее,
Чем в косуле мужика:
Эх ты, пареной да вяленой!
Где тебе его поймать?
Потерял сапог-то валяной,
Надо новый покупать?»

---

[1] Общеизвестная народная шутка над бурлаками, которая спокон веку приводит их в негодование.

Им обозики военные
Попадались иногда:
«Погляди-тко, турки пленные,
Эка пестрая орда!»
Ванька искоса поглядывал
На турецких усачей
И в свиное ухо складывал
Полы свиточки своей:
«Эй вы, нехристи, табашники,
Карачун приходит вам!..»

Попадались им собашники:
Псы носились по кустам,
А охотничек покрикивал,
В роги звонкие трубил,
Чтобы серый зайка спрыгивал,
В чисто поле выходил.
Остановятся с ребятами:
«Чьи такие господа?»
— Кашпирята с Зюзенятами...[1]—
«Заяц! вон гляди туда!»
Всполошилися борзители:
— Ай! ату его! ату! —
Ну собачки! Ну губители!
Подхватили на лету...

Посидели на пригорочке,
Закусили как-нибудь
(Не разъешься черствой корочки)
И опять пустились в путь.
«Счастье, Тихоныч, неровное,
Нынче выручка плоха».
— Встрелось нам лицо духовное —
Хуже не было б греха.
Хоть душа-то христианская,
Согрешил — поджал я хвост.—
«Вот усадьбишка дворянская,
Завернем?..» — Ты, Ваня, прост!
Нынче баре деревенские

[1] Кашпировы, Зюзины. Крестьяне, беседуя *между собою* об известных предметах и лицах, редко употребляют иную форму выражения.

Не живут по деревням,
И такие моды женские
Завелись... куда уж нам!
Хоть бы наша: баба старая,
Угреватая лицом,
Безволосая, поджарая,
А оделась — стог стогом!
Говорить с тобой гнушается:
Ты мужик, так ты нечист!
А тобой-то кто прельщается?
Долог хвост, да не пушист!
Ой! ты, барыня спесивая,
Ты стыдись глядеть на свет!
У тебя коса фальшивая,
Ни зубов, ни груди нет,
Всё подклеено, подвязано!
Город есть такой: Париж,
Про него недаром сказано:
Как заедешь — угоришь.
По всему по свету славится,
Мастер по миру пустить;
Коли нос тебе не нравится,
Могут новый наклеить!
Вот от этих-то мошейников,
Что в том городе живут,
Ничего у коробейников
Нынче баре не берут.
Черт побрал бы моду новую!
А, бывало, в старину
Приведут меня в столовую,
Все товары разверну;
Выдет барыня красивая,
С настоящею косой,
Вожеватая, учтивая,
Детки выбегут гурьбой,
Девки горничные, нянюшки,
Слуги высыплют к дверям.
На рубашечки для Ванюшки
И на платья дочерям
Всё сама руками белыми
Отбирает не спеша,
И берет кусками целыми —
Вот так барыня-душа!

„Что возьмешь за серьги с бусами?
Что за алую парчу?“
Я тряхну кудрями русыми,
Заломлю — чего хочу!
Навалит покупки кучею,
Разочтется — бог с тобой!..

А то раз попал я к случаю
За рекой за Костромой.
Именины были званые —
Расходился баринок!
Слышу, кличут гости пьяные:
„Подходи сюда, дружок!“
Подбегаю к ним скорехонько.
„Что возьмешь за короб весь?“
Усмехнулся я легохонько:
— Дорог будет, ваша честь.—
Слово за слово, приятели
Посмеялись меж собой
Да три сотни и отпятили,
Не глядя, за короб мой.
Уж тогда товары вынули
Да в девичий хоровод
Середи двора и кинули:
„Подбирай, честной народ!“
Закипела свалка знатная.
Вот так были господа:
Угодил домой обратно я
На девятый день тогда! —

V

— Много ли вёрст до Гогулина?
— Да обходами три, а прямо-то шесть.

Крестьянская шутка

Хорошо было детинушке
Сыпать ласковы слова,
Да трудненько Катеринушке
Парня ждать до Покрова.
Часто в ночку одинокую
Девка часу не спала,
А как жала рожь высокую,

Слезы в три ручья лила!
Извелась бы неутешная,
Кабы время горевать,
Да пора страдная, спешная —
Надо десять дел кончать.
Как ни часто приходилося
Молодице невтерпеж,
Под косой трава валилася,
Под серпом горела рожь.
Изо всей-то силы-моченьки
Молотила по утрам,
Лен стлала до темной ноченьки
По росистым по лугам.
Стелет лен, а неотвязная
Дума на́ сердце лежит:
«Как другая девка красная
Молодца приворожит?
Как изменит? как засватает
На чужой на стороне?»
И у девки сердце падает:
«Ты женись, женись на мне!
Ни тебе, ни свекру-батюшке
Николи не согрублю,
От свекрови, твоей матушки,
Слово всякое стерплю.
Не дворянка, не купчиха я,
Да и нравом-то смирна,
Буду я невестка тихая,
Работящая жена.
Ты не нудь себя работою,
Силы мне не занимать,
Я за милого с охотою
Буду пашенку пахать.
Ты живи себе гуляючи,
За работницей женой,
По базарам разъезжаючи,
Веселися, песни пой!
А вернешься с торгу пьяненькой —
Накормлю и уложу!
„Спи, пригожий, спи, румяненькой!“ —
Больше слова не скажу.
Видит бог, не осердилась бы!
Обрядила бы коня

Да к тебе и подвалилась бы:
„Поцалуй, дружок, меня!..“»
Думы девичьи заветные,
Где вас все-то угадать?
Легче камни самоцветные
На дне моря сосчитать.
Уж овечка опушается,
Чуя близость холодов,
Катя пуще разгорается...
Вот и праздничек Покров!

«Ой! пуста, пуста коробушка,
Полон денег кошелек.
Жди-пожди, душа-зазнобушка,
Не обманет мил-дружок!»
Весел Ванька. Припеваючи,
Прямиком домой идет.
Старый Тихоныч, зеваючи,
То и дело крестит рот.
В эту ночку не уснулося
Ни минуточки ему.
Как мошна-то пораздулася,
Так бог знает почему
Всё такие мысли страшные
Забираются в башку.
Прощелыги ли кабашные
Подзывают к кабаку,
Попадутся ли солдатики —
Коробейник сам не свой:
«Проходите с богом, братики!» —
И ударится рысцой.
Словно пятки-то иголками
Понатыканы — бежит.

В Кострому идут проселками,
По болоту путь лежит,
То кочажником, то бродами.
— Эх! пословица-то есть:
Коли три версты обходами,
Прямиками будет шесть!
Да в Трубе, в селе, мошейники
Сбили с толку, мужики:

,,Вы подите, коробейники,
В Кострому-то напрямки:
Верных сорок с половиною
По нагорной стороне,
А болотной-то тропиною
Двадцать восемь“. Вот оне!
Черт попутал — мы поверили,
А кто версты тут считал? —
«Бабы их клюкою меряли,—
Ванька с важностью сказал.—
Не ругайся! Сам я слыхивал,
Тут дорога попрямей».
— Дьявол, что ли, понапихивал
Этих кочек да корней?
Доведись пора вечерняя,
Не дойдешь — сойдешь с ума!
Хороша наша губерния,
Славен город Кострома,
Да леса, леса дремучие,
Да болота к ней ведут,
Да пески, пески сыпучие...—
«Стой-ка, дядя, чу, идут!»

VI

Только молодец и жив бывал.

Старинная былина

Не тростник высок колышется,
Не дубровушки шумят,
Молодецкий посвист слышится,
Под ногой сучки трещат.
Показался пес в ошейничке,
Вот и добрый молодец:
«Путь-дорога, коробейнички!»
— Путь-дороженька, стрелец! —
«Что ты смотришь?» — Не прохаживал
Ты, как давеча в Трубе
Про дорогу я расспрашивал? —
«Нет, почудилось тебе.
Трои сутки не был дома я,
Жить ли дома леснику?»
«А кажись, лицо знакомое»,—

Шепчет Ванька старику.
«Что вы шепчетесь?» — Да каемся,
Лучше б нам горой идти.
Так ли, малый, пробираемся
В Кострому? — «Нам по пути,
Я из Шуньи».— А далеко ли
До деревни до твоей? —
«Верст двенадцать. А по многу ли
Поделили барышей?»
— Коли знать всю правду хочется,
Весь товар несем назад.—
Лесничок как расхохочется!
«Ты, я вижу, прокурат!
Кабы весь, небось не скоро бы
Шел ты, старый воробей!»
И лесник приподнял коробы
На плечах у торгашей.
«Ой! легохоньки коробушки,
Всё повыпродали, знать?
Наклевалися воробушки,
Полетели отдыхать!»
— Что, дойдем в село до ноченьки? —
«Надо, парень, добрести,
Сам устал я, нету моченьки —
Тяжело ружье нести.
Наше дело подневольное,
День и ночь броди в лесу».
И с плеча ружье двуствольное
Снял — и держит на весу.
«Эх вы, стволики-голубчики!
Больно вы уж тяжелы».
Покосились наши купчики
На тяжелые стволы:
Сколько ниток понамотано!
В палец щели у замков.
— Неужели, парень, бьет оно? —
«Бьет на семьдесят шагов».
Деревенский, видно, плотничек
Строил ложу — тяп да ляп!
Да и сам Христов охотничек
Ростом мал и с виду слаб.
Выше пояса замочена
Одежонка лесника,

Борода густая склочена,
Лычко вместо пояска.
А туда же, пес в ошейнике,
По прозванию Упырь.
Посмеялись коробейники:
«Эх ты, горе-богатырь!..»

Час идут, другой.— Далеко ли? —
«Близко».— Что ты? — «У реки
Куропаточки закокали».
И детина взвел курки.
«Ай курочки! важно щелкнули,
Хоть медведя уложу!
Что вы, други, приумолкнули?
Запоем для куражу!»

Коробейникам не пелося:
Уж темнели небеса,
Над болотом засинелася,
Понависнула роса.
— День-деньской и так умелешься,
Сам бы лучше ты запел...
Что ты?.. эй! в кого ты целишься? —
«Так, я пробую прицел...»

Дождик, что ли, собирается,
Ходят по́ небу бычки,[1]
Вечер пуще надвигается,
Прытче идут мужички.
Пес бежит сторонкой, нюхает,
Поминутно слышит дичь.
Чу! как ухалица [2] ухает,
Чу! ребенком стонет сыч.
Поглядел старик украдкою:
Парня словно дрожь берет.
— Аль спознался с лихорадкою? —
«Да уж три недели бьет —
Полечи!» — А сам прищурился,
Словно в Ваньку норовит.
Старый Тихоныч нахмурился:
— Что за шутки! — говорит.—

[1] Бычки — небольшие отрывочные тучки (Яросл. губ.).
[2] Ухалица — филин-пугач (grand-duc).

Чем шутить такие шуточки,
Лучше песни петь и впрямь.
Погодите полминуточки —
Затяну лихую вам!
Знал я старца еле зрячего,
Он весь век с сумой ходил
И про странника бродячего
Песню длинную сложил.
Ней от старости, ней с голоду
Он в канавке кончил век,
А живал богато смолоду,
Был хороший человек,
Вспоминают обыватели.
Да его попутал бог:
По ошибке заседатели
Упекли его в острог:
Нужно было из Спиридова
Вызвать Тита Кузьмича,
Описались — из Давыдова
Взяли Титушку-ткача!
Ждет сердечный: „Завтра, нонче ли
Ворочусь на вольный свет?“
Наконец и дело кончили,
А ему решенья нет.
„Эй, хозяйка! нету моченьки.
Ты иди к судьям опять!
Изойдут слезами оченьки,
Как полотна буду ткать?“
Да не то у Степанидушки
Завелося на уме:
С той поры ее у Титушки
Не видали уж в тюрьме.
Захворала ли, покинула —
Тит не ведал ничего.
Лет двенадцать этак минуло —
Призывают в суд его.
Пред зерцалом, в облачении
Молодой судья сидел.
Прочитал ему решение,
Расписаться повелел
И на все четыре стороны
Отпустил — ступай к жене!
„А за что вы, черны вороны,

Очи выклевали мне?“
Тут и сам судья покаялся:
— Ты прости, прости любя!
Вправду ты задаром маялся,
Позабыли про тебя! —

Тит домой. Поля не ораны,
Дом растаскан на клочки,
Продала косули, бороны,
И одежу, и станки,
С баринком слюбилась женушка,
Убежала в Кострому.
Тут родимая сторонушка
Опостылела ему.
Плюнул! Долго не разгадывал,
Без дороги в путь пошел.
Шел — да песню эту складывал,
Сам с собою речи вел.
И говаривал старинушка:
„Вся-то песня — два словца,
А запой ее, детинушка,
Не дотянешь до конца!
Эту песенку мудреную
Тот до слова допоет,
Кто всю землю, Русь крещеную,
Из конца в конец пройдет“.
Сам ее Христов угодничек
Не допел — спит вечным сном.
Ну! подтягивай, охотничек!
Да иди ты передом! —

ПЕСНЯ УБОГОГО СТРАННИКА

Я лугами иду — ветер свищет в лугах:
Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименькой, холодно!

Я лесами иду — звери воют в лесах:
Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименькой, голодно!

Я хлебами иду — что вы тощи, хлеба?
С холоду, странничек, с холоду,
С холоду, родименькой, с холоду!

Я стадами иду: что скотинка слаба?
  С голоду, странничек, с голоду,
  С голоду, родименькой, с голоду!

Я в деревню: мужик! ты тепло ли живешь?
  Холодно, странничек, холодно,
  Холодно, родименькой, холодно!

Я в другую: мужик! хорошо ли ешь, пьешь?
  Голодно, странничек, голодно,
  Голодно, родименькой, голодно!

Уж я в третью: мужик! что ты бабу бьешь?
  С холоду, странничек, с холоду,
  С холоду, родименькой, с холоду!

Я в четверту: мужик! что в кабак ты идешь?
  С голоду, странничек, с голоду,
  С голоду, родименькой, с голоду!

Я опять во луга — ветер свищет в лугах:
  Холодно, странничек, холодно,
  Холодно, родименькой, холодно!

Я опять во леса — звери воют в лесах:
  Голодно, странничек, голодно,
  Голодно, родименькой, голодно!

Я опять во хлеба,—
Я опять во стада,—

и т. д.

Пел старик, а сам поглядывал:
Поминутно лесничок
То к плечу ружье прикладывал,
То потрогивал курок.
На беду, ни с кем не встретишься!
— Полно петь... Эй, молодец!
Что отстал?.. В кого ты метишься?
Что ты делаешь, подлец! —
«Трусы, трусы вы великие» —
И лесник захохотал

(А глаза такие дикие!).
— Стыдно! — Тихоныч сказал.—
Как не грех тебе захожего
Человека так пугать?
А еще хотел я дешево
Миткалю тебе продать! —
Молодец не унимается,
Штуки делает ружьем,
Воем, лаем отзывается
Хохот глупого кругом.
— Эй! уймись! Чего дурачишься? —
Молвил Ванька.— Я молчу,
А заеду, так наплачешься,
Разом скулы сворочу!
Коли ты уж с нами встретился,
Должен честью проводить.—
А лесник опять наметился.
— Не шути! — «Чаво шутить!»
Коробейники отпрянули,
Бог помилуй — смерть пришла!
Почитай что разом грянули
Два ружейные ствола.
Без словечка Ванька валится,
С криком падает старик...

В кабаке бурлит, бахвалится
Тем же вечером лесник:
«Пейте, пейте, православные!
Я, ребятушки, богат;
Два бекаса нынче славные
Мне попали под заряд!
Много серебра и золотца,
Много всякого добра
Бог послал!» Глядят, у молодца
Точно — куча серебра.
Подзадорили детинушку —
Он почти всю правду бух!
На беду его — скотинушку
Тем болотом гнал пастух:
Слышал выстрелы ружейные,
Слышал крики... «Стой! винись!..»

И мирские и питейные
Тотчас власти собрались.
Молодцу скрутили рученьки:
«Ты вяжи меня, вяжи,
Да не тронь мои онученьки!»
— Их-то нам и покажи! —
Поглядели: под онучами
Денег с тысячу рублей —
Серебро, бумажки кучами.
Утром позвали судей,
Судьи тотчас всё доведали
(Только денег не нашли!),
Погребенью мертвых предали,
Лесника в острог свезли...

1863—1864

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

Посвящаю моей сестре
Анне Алексеевне

Ты опять упрекнула меня,
Что я с Музой моей раздружился,
Что заботам текущего дня
И забавам его подчинился.
Для житейских расчетов и чар
Не расстался б я с Музой моею,
Но бог весть, не погас ли тот дар,
Что, бывало, дружил меня с нею?
Но не брат еще людям поэт,
И тернист его путь, и непрочен,
Я умел не бояться клевет,
Не был ими я сам озабочен;
Но я знал, чье во мраке ночном
Надрывалося сердце с печали
И на чью они грудь упадали свинцом
И кому они жизнь отравляли.
И пускай они мимо прошли,
Надо мною ходившие грозы,
Знаю я, чьи молитвы и слезы
Роковую стрелу отвели...
Да и время ушло,— я устал...
Пусть я не был бойцом без упрека,
Но я силы в себе сознавал,
Я во многое верил глубоко,
А теперь — мне пора умирать...
Не затем же пускаться в дорогу,
Чтобы в любящем сердце опять
Пробудить роковую тревогу...

Присмиревшую Музу мою
Я и сам неохотно ласкаю...
Я последнюю песню пою
Для тебя — и тебе посвящаю.
Но не будет она веселей,
Будет много печальнее прежней,
Потому что на сердце темней
И в грядущем еще безнадежней...

Буря воет в саду, буря ломится в дом,
Я боюсь, чтоб она не сломила
Старый дуб, что посажен отцом,
И ту иву, что мать посадила,
Эту иву, которую ты
С нашей участью странно связала,
На которой поблекли листы
В ночь, как бедная мать умирала...

И дрожит и пестреет окно...
Чу! как крупные градины скачут!
Милый друг, поняла ты давно —
Здесь одни только камни не плачут...
. . . .

Часть первая

СМЕРТЬ КРЕСТЬЯНИНА

I

Савраска увяз в половине сугроба —
Две пары промерзлых лаптей
Да угол рогожей покрытого гроба
Торчат из убогих дровней.

Старуха в больших рукавицах
Савраску сошла понукать.
Сосульки у ней на ресницах,
С морозу — должно полагать.

II

Привычная дума поэта
Вперед забежать ей спешит:
Как саваном, снегом одета,
Избушка в деревне стоит,

В избушке — теленок в подклети,
Мертвец на скамье у окна;
Шумят его глупые дети,
Тихонько рыдает жена.

Сшивая проворной иголкой
На саван куски полотна,
Как дождь, зарядивший надолго,
Негромко рыдает она.

III

Три тяжкие доли имела судьба,
И первая доля: с рабом повенчаться,
Вторая — быть матерью сына раба,
А третья — до гроба рабу покоряться,
И все эти грозные доли легли
На женщину русской земли.

Века протекали — всё к счастью стремилось,
Всё в мире по нескольку раз изменилось,
Одну только бог изменить забывал
Суровую долю крестьянки.
И все мы согласны, что тип измельчал
Красивой и мощной славянки.

Случайная жертва судьбы!
Ты глухо, незримо страдала,
Ты свету кровавой борьбы
И жалоб своих не вверяла,—

Но мне ты их скажешь, мой друг!
Ты с детства со мною знакома.
Ты вся — воплощенный испуг,
Ты вся — вековая истома!
Тот сердца в груди не носил,
Кто слез над тобою не лил!

IV

Однако же речь о крестьянке
Затеяли мы, чтоб сказать,
Что тип величавой славянки
Возможно и ныне сыскать.

Есть женщины в русских селеньях
С спокойною важностью лиц,
С красивою силой в движеньях,
С походкой, со взглядом цариц,—

Их разве слепой не заметит,
А зрячий о них говорит:
«Пройдет — словно солнце осветит!
Посмотрит — рублем подарит!»

Идут они той же дорогой,
Какой весь народ наш идет,
Но грязь обстановки убогой
К ним словно не липнет. Цветет

Красавица, миру на диво,
Румяна, стройна, высока,
Во всякой одежде красива,
Ко всякой работе ловка.

И голод, и холод выносит,
Всегда терпелива, ровна...
Я видывал, как она косит:
Что взмах — то готова копна!

Платок у ней на ухо сбился,
Того гляди косы падут.
Какой-то парнек изловчился
И кверху подбросил их, шут!

Тяжелые русые косы
Упали на смуглую грудь,
Покрыли ей ноженьки босы,
Мешают крестьянке взглянуть.

Она отвела их руками,
На парня сердито глядит.

Лицо величаво, как в раме,
Смущеньем и гневом горит...

По будням не любит безделья.
Зато вам ее не узнать,
Как сгонит улыбка веселья
С лица трудовую печать.

Такого сердечного смеха
И песни, и пляски такой
За деньги не купишь. «Утеха!» —
Твердят мужики меж собой.

В игре ее конный не словит,
В беде — не сробеет,— спасет:
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет!

Красивые, ровные зубы,
Что крупные перлы у ней,
Но строго румяные губы
Хранят их красу от людей —

Она улыбается редко...
Ей некогда лясы точить,
У ней не решится соседка
Ухвата, горшка попросить;

Не жалок ей нищий убогий —
Вольно ж без работы гулять!
Лежит на ней дельности строгой
И внутренней силы печать.

В ней ясно и крепко сознанье,
Что всё их спасенье в труде,
И труд ей несет воздаянье:
Семейство не бьется в нужде,

Всегда у них теплая хата,
Хлеб выпечен, вкусен квасок,
Здоровы и сыты ребята,
На праздник есть лишний кусок.

Идет эта баба к обедне
Пред всею семьей впереди:
Сидит, как на стуле, двухлетний
Ребенок у ней на груди,

Рядком шестилетнего сына
Нарядная матка ведет...
И по́ сердцу эта картина
Всем любящим русский народ!

V

И ты красотою дивила,
Была и ловка, и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

Горда ты — ты плакать не хочешь,
Крепишься, но холст гробовой
Слезами невольно ты мочишь,
Сшивая проворной иглой.

Слеза за слезой упадает
На быстрые руки твои.
Так колос беззвучно роняет
Созревшие зерна свои...

VI

В селе, за четыре версты,
У церкви, где ветер шатает
Подбитые бурей кресты,
Местечко старик выбирает;

Устал он, работа трудна,
Тут тоже сноровка нужна —

Чтоб крест было видно с дороги,
Чтоб солнце играло кругом.
В снегу до колен его ноги,
В руках его заступ и лом,

Вся в инее шапка большая,
Усы, борода в серебре.

Недвижно стоит, размышляя,
Старик на высоком бугре.

Решился. Крестом обозначил,
Где будет могилу копать,
Крестом осенился и начал
Лопатою снег разгребать.

Иные приемы тут были,
Кладбище не то, что поля:
Из снегу кресты выходили,
Крестами ложилась земля.

Согнув свою старую спину,
Он долго, прилежно копал,
И желтую мерзлую глину
Тотчас же снежок застилал.

Ворона к нему подлетела,
Потыкала носом, прошлась:
Земля как железо звенела —
Ворона ни с чем убралась...

Могила на славу готова,—
«Не мне б эту яму копать!»
(У старого вырвалось слово)
«Не Проклу бы в ней почивать,

Не Проклу!..» Старик оступился,
Из рук его выскользнул лом
И в белую яму скатился,
Старик его вынул с трудом.

Пошел... по дороге шагает...
Нет солнца, луна не взошла...
Как будто весь мир умирает:
Затишье, снежок, полумгла...

VII

В овраге, у речки Желтухи,
Старик свою бабу нагнал
И тихо спросил у старухи:
«Хорош ли гробок-то попал?»

Уста ее чуть прошептали
В ответ старику: — Ничего.—
Потом они оба молчали,
И дровни так тихо бежали,
Как будто боялись чего...

Деревня еще не открылась,
А близко — мелькает огонь.
Старуха крестом осенилась,
Шарахнулся в сторону конь —

Без шапки, с ногами босыми,
С большим заостренным колом,
Внезапно предстал перед ними
Старинный знакомец Пахом.

Прикрыты рубахою женской,
Звенели вериги на нем;
Постукал дурак деревенской
В морозную землю колом,

Потом помычал сердобольно,
Вздохнул и сказал: «Не беда!
На вас он работал довольно,
И ваша пришла череда!

Мать сыну-то гроб покупала,
Отец ему яму копал,
Жена ему саван сшивала —
Всем разом работу вам дал!..»

Опять помычал — и без цели
В пространство дурак побежал.
Вериги уныло звенели,
И голые икры блестели,
И посох по снегу черкал.

VIII

У дома оставили крышу,
К соседке свели ночевать
Зазябнувших Машу и Гришу
И стали сынка обряжать.

Медлительно, важно, сурово
Печальное дело велось:
Не сказано лишнего слова,
Наружу не выдано слез.

Уснул, потрудившийся в поте!
Уснул, поработав земле!
Лежит, непричастный заботе,
На белом сосновом столе,

Лежит неподвижный, суровой,
С горящей свечой в головах,
В широкой рубахе холщовой
И в липовых новых лаптях.

Большие, с мозолями руки,
Подъявшие много труда,
Красивое, чуждое муки
Лицо — и до рук борода...

IX

Пока мертвеца обряжали,
Не выдали словом тоски
И только глядеть избегали
Друг другу в глаза бедняки,

Но вот уже кончено дело,
Нет нужды бороться с тоской,
И что на душе накипело,
Из уст полилося рекой.

Не ветер гудит по ковыли,
Не свадебный поезд гремит —
Родные по Прокле завыли,
По Прокле семья голосит:

«Голубчик ты наш сизокрылой!
Куда ты от нас улетел?
Пригожеством, ростом и силой
Ты ровни в селе не имел,

Родителям был ты советник,
Работничек в поле ты был,

Гостям хлебосол и приветник,
Жену и детей ты любил...

Что ж мало гулял ты по свету?
За что нас покинул, родной?
Одумал ты думушку эту,
Одумал с сырою землей —

Одумал — а нам оставаться
Велел во миру, сиротам,
Не свежей водой умываться,
Слезами горючими нам!

Старуха помрет со кручины,
Не жить и отцу твоему,
Береза в лесу без вершины —
Хозяйка без мужа в дому.

Ее не жалеешь ты, бедной,
Детей не жалеешь... Вставай!
С полоски своей заповедной
По лету сберешь урожай!

Сплесни, ненаглядный, руками,
Сокольим глазком посмотри,
Тряхни шелковыми кудрями,
Сахарны уста раствори!

На радости мы бы сварили
И меду и браги хмельной,
За стол бы тебя посадили:
„Покушай, желанный, родной!“

А сами напротив бы стали —
Кормилец, надежа семьи!
Очей бы с тебя не спускали,
Ловили бы речи твои...»

X

На эти рыданья и стоны
Соседи валили гурьбой:
Свечу положив у иконы,
Творили земные поклоны
И шли молчаливо домой.

На смену входили другие.
Но вот уж толпа разбрелась,
Поужинать сели родные —
Капуста да с хлебушком квас.

Старик бесполезной кручине
Собой овладеть не давал:
Подладившись ближе к лучине,
Он лапоть худой ковырял.

Протяжно и громко вздыхая,
Старуха на печку легла,
А Дарья, вдова молодая,
Проведать ребяток пошла.

Всю ноченьку, стоя у свечки,
Читал над усопшим дьячок,
И вторил ему из-за печки
Пронзительным свистом сверчок.

XI

Сурово метелица выла
И снегом кидала в окно,
Невесело солнце всходило:
В то утро свидетелем было
Печальной картины оно.

Савраска, запряженный в сани,
Понуро стоял у ворот;
Без лишних речей, без рыданий
Покойника вынес народ.

Ну, трогай, саврасушка! трогай!
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!..

В торговом селе Чистополье
Купил он тебя сосунком,
Взрастил он тебя на приволье,
И вышел ты добрым конем.

С хозяином дружно старался,
На зимушку хлеб запасал,
Во стаде ребенку давался,
Травой да мякиной питался,
А тело изрядно держал.

Когда же работы кончались
И сковывал землю мороз,
С хозяином вы отправлялись
С домашнего корма в извоз.

Немало и тут доставалось —
Возил ты тяжелую кладь,
В жестокую бурю случалось,
Измучась, дорогу терять.

Видна на боках твоих впалых
Кнута не одна полоса,
Зато на дворах постоялых
Покушал ты вволю овса.

Слыхал ты в январские ночи
Метели пронзительный вой,
И волчьи горящие очи
Видал на опушке лесной,

Продрогнешь, натерпишься страху,
А там — и опять ничего!
Да видно хозяин дал маху —
Зима доконала его!..

XII

Случилось в глубоком сугробе
Полсуток ему простоять,
Потом то в жару, то в ознобе
Три дня за подводой шагать:

Покойник на срок торопился
До места доставить товар.
Доставил, домой воротился —
Нет голосу, в теле пожар!

Старуха его окатила
Водой с девяти веретен
И в жаркую баню сводила,
Да нет — не поправился он!

Тогда ворожеек созвали —
И поят, и шепчут, и трут —
Всё худо! Его продевали
Три раза сквозь потный хомут,

Спускали родимого в пролубь,
Под куричий клали насест...
Всему покорялся, как голубь,—
А плохо — не пьет и не ест!

Еще положить под медведя,
Чтоб тот ему кости размял,
Ходебщик сергачевский Федя —
Случившийся тут — предлагал.

Но Дарья, хозяйка больного,
Прогнала советчика прочь:
Испробовать средства иного
Задумала баба: и в ночь

Пошла в монастырь отдаленной
(Верстах в тридцати от села),
Где в некой иконе явленной
Целебная сила была.

Пошла, воротилась с иконой —
Больной уж безгласен лежал,
Одетый как в гроб, причащенный,
Увидел жену, простонал

И умер...

XIII

...Саврасушка, трогай,
Натягивай крепче гужи!
Служил ты хозяину много,
В последний разок послужи!

Чу! два похоронных удара!
Попы ожидают — иди!..
Убитая, скорбная пара,
Шли мать и отец впереди.

Ребята с покойником оба
Сидели, не смея рыдать,
И, правя савраской, у гроба
С вожжами их бедная мать

Шагала... Глаза ее впали,
И был не белей ее щек
Надетый на ней в знак печали
Из белой холстины платок.

За Дарьей — соседей, соседок
Плелась негустая толпа,
Толкуя, что Прокловых деток
Теперь незавидна судьба,

Что Дарье работы прибудет,
Что ждут ее черные дни.
«Жалеть ее некому будет»,—
Согласно решили они...

XIV

Как водится, в яму спустили,
Засыпали Прокла землей;
Поплакали, громко повыли,
Семью пожалели, почтили
Покойника щедрой хвалой.

Сам староста, Сидор Иваныч,
Вполголоса бабам подвыл,
И «Мир тебе, Прокл Севастьяныч! —
Сказал.— Благодушен ты был,

Жил честно, а главное: в сроки,
Уж как тебя бог выручал,
Платил господину оброки
И подать царю представлял!»

Истратив запас красноречья,
Почтенный мужик покряхтел,
«Да, вот она, жизнь человечья!» —
Прибавил — и шапку надел.

«Свалился... а то-то был в силе!..
Свалимся... не минуть и нам!..»
Еще покрестились могиле
И с богом пошли по домам.

Высокий, седой, сухопарый,
Без шапки, недвижно-немой,
Как памятник, дедушка старый
Стоял на могиле родной!

Потом старина бородатой
Задвигался тихо по ней,
Ровняя землицу лопатой,
Под вопли старухи своей.

Когда же, оставивши сына,
Он с бабой в деревню входил:
«Как пьяных, шатает кручина!
Гляди-тко!..» — народ говорил.

XV

А Дарья домой воротилась —
Прибраться, детей накормить.
Ай-ай! как изба настудилась!
Торопится печь затопить,

Ан глядь — ни полена дровишек!
Задумалась бедная мать:
Покинуть ей жаль ребятишек,
Хотелось бы их приласкать,

Да времени нету на ласки.
К соседке свела их вдова
И тотчас, на том же савраске,
Поехала в лес, по дрова...

Часть вторая

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

XVI

Морозно. Равнины белеют под снегом,
Чернеется лес впереди,
Савраска плетется ни шагом, ни бегом,
Не встретишь души на пути.

Как тихо! В деревне раздавшийся голос
Как будто у самого уха гудет,
О корень древесный запнувшийся полоз
Стучит, и визжит, и за сердце скребет.

Кругом — поглядеть нету мочи,
Равнина в алмазах блестит...
У Дарьи слезами наполнились очи —
Должно быть, их солнце слепит...

XVII

В полях было тихо, но тише
В лесу и как будто светлей.
Чем дале — деревья всё выше,
А тени длинней и длинней.

Деревья, и солнце, и тени,
И мертвый, могильный покой...
Но — чу! заунывные пени,
Глухой, сокрушительный вой!

Осилило Дарьюшку горе,
И лес безучастно внимал,
Как стоны лились на просторе
И голос рвался и дрожал,

И солнце, кругло и бездушно,
Как желтое око совы,
Глядело с небес равнодушно
На тяжкие муки вдовы.

И много ли струн оборвалось
У бедной крестьянской души,
Навеки сокрыто осталось
В лесной нелюдимой глуши.

Великое горе вдовицы
И матери малых сирот
Подслушали вольные птицы,
Но выдать не смели в народ...

XVIII

Не псарь по дубровушке трубит,
Гогочет, сорвиголова,—
Наплакавшись, колет и рубит
Дрова молодая вдова.

Срубивши, на дровни бросает —
Наполнить бы их поскорей,
И вряд ли сама замечает,
Что слезы всё льют из очей:

Иная с ресницы сорвется
И на́ снег с размаху падет —
До самой земли доберется,
Глубокую ямку прожжет;

Другую на дерево кинет,
На плашку,— и, смотришь, она
Жемчужиной крупной застынет —
Бела и кругла и плотна.

А та на глазу поблистает,
Стрелой по щеке побежит,
И солнышко в ней поиграет...
Управиться Дарья спешит,

Знай рубит,— не чувствует стужи,
Не слышит, что ноги знобит,
И, полная мыслью о муже,
Зовет его, с ним говорит...

XIX

. . . .
. . . .

«Голубчик! красавицу нашу
Весной в хороводе опять
Подхватят подруженьки Машу
И станут на ручках кача́ть!

Станут качать,
Кверху бросать,
Маковкой звать,
Мак отряхать! [1]

Вся раскраснеется наша
Маковым цветиком Маша
С синими глазками, с русой косой!

Ножками бить и смеяться
Будет... а мы-то с тобой,
Мы на нее любоваться
Будем, желанный ты мой!..

XX

Умер, не дожил ты веку,
Умер и в землю зарыт!

Любо весной человеку,
Солнышко ярко горит.
Солнышко всё оживило,
Божьи открылись красы,
Поле сохи запросило,
Травушки просят косы,

Рано я, горькая, встала,
Дома не ела, с собой не брала,
До ночи пашню пахала,
Ночью я косу клепала,
Утром косить я пошла...

---

[1] Известная народная игра, называемая: *сеять мак. Маковкой* садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака; а то еще *маком* бывает простоватый детина, которому при подкидывании достается немало колотушек.

Крепче вы, ноженьки, стойте!
Белые руки, не нойте!
Надо одной поспевать!

В поле одной-то надсадно,
В поле одной неповадно,
Стану я милого звать!

Ладно ли пашню вспахала?
Выди, родимой, взгляни!
Сухо ли сено убрала?
Прямо ли стоги сметала?..
Я на граблях отдыхала
Все сенокосные дни!

Некому бабью работу поправить!
Некому бабу на разум наставить...

XXI

Стала скотинушка в лес убираться,
Стала рожь-матушка в колос метаться,
Бог нам послал урожай!
Нынче солома по грудь человеку,
Бог нам послал урожай!
Да не продлил тебе веку,—
Хочешь не хочешь, одна поспевай!..

Овод жужжит и кусает,
Смертная жажда томит,
Солнышко серп нагревает,
Солнышко очи слепит,
Жжет оно голову, плечи,
Ноженьки, рученьки жжет,
Изо ржи, словно из печи,
Тоже теплом обдает,
Спинушка ноет с натуги,
Руки и ноги болят,
Красные, желтые круги
Перед очами стоят...
Жни-дожинай поскорее,
Видишь — зерно потекло...

Вместе бы дело спорее,
Вместе повадней бы шло...

XXII

Сон мой был в руку, родная!
Сон перед Спасовым днем.
В поле заснула одна я
После полудня, с серпом,
Вижу — меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает.
Думала я убежать,
Да не послушались ноги.
Стала просить я помоги,
Стала я громко кричать.
Слышу, земля задрожала —
Первая мать прибежала,
Травушки рвутся, шумят —
Детки к родимой спешат.
Шибко без ветру не машет
Мельница в поле крылом:
Братец идет да приляжет,
Свекор плетется шажком.
Все прибрели, прибежали,
Только дружка одного
Очи мои не видали...
Стала я кликать его:
„Видишь, меня оступает
Сила — несметная рать,—
Грозно руками махает,
Грозно очами сверкает:
Что не идешь выручать?..“
Тут я кругом огляделась —
Господи! Что куда делось?
Что это было со мной?..
Рати тут нет никакой!
Это не люди лихие,
Не бусурманская рать,
Это колосья ржаные,
Спелым зерном налитые,
Вышли со мной воевать!
Машут, шумят, наступают,
Руки, лицо щекотят,

Сами солому под серп нагибают —
Больше стоять не хотят!

Жать принялась я проворно,
Жну, а на шею мою
Сыплются крупные зерна —
Словно под градом стою!

Вытечет, вытечет за ночь
Вся наша матушка-рожь...
Где же ты, Прокл Савастьяныч?
Что пособлять не идешь?..

Сон мой был в руку, родная!
Жать теперь буду одна я.

Стану без милого жать,
Снопики крепко вязать,
В снопики слезы ронять!
Слезы мои не жемчужны,
Слезы горюшки-вдовы,
Что же вы господу нужны,
Чем ему дороги вы?..

XXIII

Долги вы, зимние ноченьки,
Скучно без милого спать,
Лишь бы не плакали оченьки,
Стану полотна я ткать.

Много натку я полотен,
Тонких добротных новин,
Вырастет крепок и плотен,
Вырастет ласковый сын.

Будет по нашему месту
Он хоть куда женихом,
Высватать парню невесту
Сватов надежных пошлем...

Кудри сама расчесала я Грише,
Кровь с молоком наш сынок-первенец,
Кровь с молоком и невеста... Иди же!
Благослови молодых под венец!..

Этого дня мы как праздника ждали,
Помнишь, как начал Гришуха ходить,
Целую ноченьку мы толковали,
Как его будем женить,—
Стали на свадьбу копить понемногу...
Вот — дождались, слава богу!

Чу! бубенцы говорят!
Поезд вернулся назад,
Выди навстречу проворно —
Пава-невеста, соколик-жених! —
Сыпь на них хлебные зерна,
Хмелем осыпь молодых!..[1]

XXIV

Стадо у лесу у темного бродит,
Лыки в лесу пастушонко дерет,
Из лесу серый волчище выходит.
Чью он овцу унесет?

Черная туча, густая-густая,
Прямо над нашей деревней висит,
Прыснет из тучи стрела громовая,
В чей она дом сноровит?

Вести недобрые ходят в народе,
Парням недолго гулять на свободе,
Скоро — рекрутский набор!

Наш-то молодчик в семье одиночка,
Всех у нас деток Гришуха да дочка.
Да голова у нас вор —
Скажет: мирской приговор!

Сгибнет ни за что ни про что детина,
Встань, заступись за родимого сына!

---

[1] Хмелем и хлебным зерном осыпают молодых в знак будущего богатства.

Нет! не заступишься ты!..
Белые руки твои опустились,
Ясные очи навеки закрылись...
Горькие мы сироты!..

XXV

Я ль не молила царицу небесную?
Я ли ленива была?
Ночью одна по икону чудесную
Я не сробела — пошла,

Ветер шумит, наметает сугробы.
Месяца нет — хоть бы луч!
На небо глянешь — какие-то гробы,
Цепи да гири выходят из туч...

Я ли о нем не старалась?
Я ли жалела чего?
Я ему молвить боялась,
Как я любила его!

Звездочки будут у ночи,
Будет ли нам-то светлей?..

Заяц спрыгнул из-под кочи,
Заинька, стой! не посмей
Перебежать мне дорогу!

В лес укатил, слава богу...
К полночи стало страшней,—

Слышу, нечистая сила
Залотошила, завыла,
Заголосила в лесу,

Что мне до силы нечистой?
Чур меня! Деве пречистой
Я приношенье несу!

Слышу я конское ржанье,
Слышу волков завыванье,
Слышу погоню за мной,—

Зверь на меня не кидайся!
Лих человек не касайся,
Дорог наш грош трудовой!

Лето он жил работаючи,
Зиму не видел детей,
Ночи о нем помышляючи,
Я не смыкала очей.

Едет он, зябнет... а я-то, печальная,
Из волокнистого льну,
Словно дорога его чужедальная,
Долгую нитку тяну.

Веретено мое прыгает, вертится,
В пол ударяется.
Проклушка пеш идет, в рытвине крестится,
К возу на горочке сам припрягается.

Лето за летом, зима за зимой,
Этак-то мы раздобылись казной!

Милостив буди к крестьянину бедному,
Господи! всё отдаем,
Что по копейке, по грошику медному
Мы сколотили трудом!..

XXVI

Вся ты, тропина лесная!
Кончился лес.
К утру звезда золотая
С божьих небес
Вдруг сорвалась — и упала,
Дунул господь на нее,
Дрогнуло сердце мое:
Думала я, вспоминала —
Что было в мыслях тогда,
Как покатилась звезда?
Вспомнила! ноженьки стали,
Силюсь идти, а нейду!
Думала я, что едва ли
Прокла в живых я найду...

Нет! не попустит царица небесная!
Даст исцеленье икона чудесная!

Я осенилась крестом
И побежала бегом...

Сила-то в нем богатырская,
Милостив бог, не умрет...
Вот и стена монастырская!
Тень уж моя головой достает
До монастырских ворот.

Я поклонилася земным поклоном,
Стала на ноженьки, глядь —
Ворон сидит на кресте золоченом,
Дрогнуло сердце опять!

XXVII

Долго меня продержали —
Схимницу сестры в тот день погребали.

Утреня шла,
Тихо по церкви ходили монашины,
В черные рясы наряжены,
Только покойница в белом была:
Спит — молодая, спокойная,
Знает, что будет в раю.
Поцаловала и я, недостойная,
Белую ручку твою!
В личико долго глядела я:
Всех ты моложе, нарядней, милей,
Ты меж сестер словно горлинка белая
Промежду сизых, простых голубей.

В ручках чернеются четки,
Писаный венчик на лбу.
Черный покров на гробу —
Этак-то ангелы кротки!

Молви, касатка моя,
Богу святыми устами,
Чтоб не осталася я
Горькой вдовой с сиротами!

Гроб на руках до могилы снесли,
С пеньем и плачем ее погребли.

XXVIII

Двинулась с миром икона святая,
Сестры запели, ее провожая,
Все приложилися к ней.

Много владычице было почету:
Старый и малый бросали работу,
Из деревень шли за ней.

К ней выносили больных и убогих...
Знаю, владычица! знаю: у многих
Ты осушила слезу...

Только ты милости к нам не явила!
. . . .
. . . .
Господи! сколько я дров нарубила!
Не увезешь на возу...»

XXIX

Окончив привычное дело,
На дровни поклала дрова,
За вожжи взялась и хотела
Пуститься в дорогу вдова.

Да вновь пораздумалась стоя,
Топор машинально взяла
И, тихо, прерывисто воя,
К высокой сосне подошла.

Едва ее ноги держали,
Душа истомилась тоской,
Настало затишье печали —
Невольный и страшный покой!

Стоит под сосной чуть живая,
Без думы, без стона, без слез.
В лесу тишина гробовая —
День светел, крепчает мороз.

XXX

Не ветер бушует над бором,
Не с гор побежали ручьи,
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.

Глядит — хорошо ли метели
Лесные тропы занесли,
И нет ли где трещины, щели
И нет ли где голой земли?

Пушисты ли сосен вершины,
Красив ли узор на дубах?
И крепко ли скованы льдины
В великих и малых водах?

Идет — по деревьям шагает,
Трещит по замерзлой воде,
И яркое солнце играет
В косматой его бороде.

Дорога везде чародею,
Чу! ближе подходит, седой.
И вдруг очутился над нею,
Над самой ее головой!

Забравшись на сосну большую,
По веточкам палицей бьет
И сам про себя удалую,
Хвастливую песню поет:

XXXI

— Вглядись, молодица, смелее,
Каков воевода Мороз!
Навряд тебе парня сильнее
И краше видать привелось?

Метели, снега и туманы
Покорны морозу всегда,
Пойду на моря-окияны —
Построю дворцы изо льда.

Задумаю — реки большие
Надолго упрячу под гнет,
Построю мосты ледяные,
Каких не построит народ.

Где быстрые, шумные воды
Недавно свободно текли, —
Сегодня прошли пешеходы,
Обозы с товаром прошли.

Люблю я в глубоких могилах
Покойников в иней рядить,
И кровь вымораживать в жилах,
И мозг в голове леденить.

На горе недоброму вору,
На страх седоку и коню
Люблю я в вечернюю пору
Затеять в лесу трескотню.

Бабенки, пеняя на леших,
Домой удирают скорей.
А пьяных, и конных, и пеших
Дурачить еще веселей.

Без мелу всю выбелю рожу,
А нос запылает огнем,
И бороду так приморожу
К вожжам — хоть руби топором!

Богат я, казны не считаю,
А всё не скудеет добро;
Я царство мое убираю
В алмазы, жемчуг, серебро.

Войди в мое царство со мною
И будь ты царицею в нем!
Поцарствуем славно зимою,
А летом глубоко уснем.

Войди! приголублю, согрею,
Дворец отведу голубой...—
И стал воевода над нею
Махать ледяной булавой.

XXXII

— Тепло ли тебе, молодица? —
С высокой сосны ей кричит.
«Тепло!» — отвечает вдовица,
Сама холодеет, дрожит.

Морозко спустился пониже,
Опять помахал булавой
И шепчет ей ласковей, тише:
— Тепло ли?..— «Тепло, золотой!»

Тепло — а сама коченеет.
Морозко коснулся ее:
В лицо ей дыханием веет
И иглы колючие сеет
С седой бороды на нее.

И вот перед ней опустился!
— Тепло ли? — промолвив опять,
И в Проклушку вдруг обратился,
И стал он ее целовать.

В уста ее, в очи и в плечи
Седой чародей целовал
И те же ей сладкие речи,
Что милый о свадьбе, шептал.

И так-то ли любо ей было
Внимать его сладким речам,
Что Дарьюшка очи закрыла,
Топор уронила к ногам,

Улыбка у горькой вдовицы
Играет на бледных губах,
Пушисты и белы ресницы,
Морозные иглы в бровях...

XXXIII

В сверкающий иней одета,
Стоит, холодеет она,
И снится ей жаркое лето —
Не вся еще рожь свезена,

Но сжата,— полегче им стало!
Возили снопы мужики,
А Дарья картофель копала
С соседних полос у реки.

Свекровь ее тут же, старушка,
Трудилась; на полном мешке
Красивая Маша, резвушка,
Сидела с морковкой в руке.

Телега, скрыпя, подъезжает —
Савраска глядит на своих,
И Проклушка крупно шагает
За возом снопов золотых.

«Бог помочь! А где же Гришуха?» —
Отец мимоходом сказал.
— В горохах,— сказала старуха.
«Гришуха!» — отец закричал,

На небо взглянул. «Чай, не рано?
Испить бы...» Хозяйка встает
И Проклу из белого жбана
Напиться кваску подает.

Гришуха меж тем отозвался:
Горохом опутан кругом,
Проворный мальчуга казался
Бегущим зеленым кустом.

«Бежит!.. у!.. бежит, постреленок,
Горит под ногами трава!»
Гришуха черен, как галчонок,
Бела лишь одна голова.

Крича, подбегает вприсядку
(На шее горох хомутом).
Попотчевал баушку, матку,
Сестренку — вертится вьюном!

От матери молодцу ласка,
Отец мальчугана щипнул;
Меж тем не дремал и савраска:
Он шею тянул да тянул,

Добрался,— оскаливши зубы,
Горох аппетитно жует
И в мягкие добрые губы
Гришухино ухо берет...

XXXIV

Машутка отцу закричала:
«Возьми меня, тятька, с собой!»
Спрыгнула с мешка — и упала,
Отец ее поднял. «Не вой!

Убилась — неважное дело!..
Девчонок не надобно мне,
Еще вот такого пострела
Рожай мне, хозяйка, к весне!

Смотри же!..» Жена застыдилась:
— Довольно с тебя одного! —
(А знала, под сердцем уж билось
Дитя...) «Ну! Машук, ничего!»

И Проклушка, став на телегу,
Машутку с собой посадил.
Вскочил и Гришуха с разбегу,
И с грохотом воз покатил.

Воробушков стая слетела
С снопов, над телегой взвилась.
И Дарьюшка долго смотрела,
От солнца рукой заслонясь,

Как дети с отцом приближались
К дымящейся риге своей,
И ей из снопов улыбались
Румяные лица детей...

Чу, песня! знакомые звуки!
Хорош голосок у певца...
Последние признаки муки
У Дарьи исчезли с лица,

Душой улетая за песней,
Она отдалась ей вполне...
Нет в мире той песни прелестней,
Которую слышим во сне!

О чем она — бог ее знает!
Я слов уловить не умел,
Но сердце она утоляет,
В ней дольнего счастья предел.

В ней кроткая ласка участья,
Обеты любви без конца...
Улыбка довольства и счастья
У Дарьи не сходит с лица.

XXXV

Какой бы ценой ни досталось
Забвенье крестьянке моей,
Что нужды? Она улыбалась.
Жалеть мы не будем о ней.

Нет глубже, нет слаще покоя,
Какой посылает нам лес,
Недвижно, бестрепетно стоя
Под холодом зимних небес.

Нигде так глубоко и вольно
Не дышит усталая грудь,
И ежели жить нам довольно,
Нам слаще нигде не уснуть!

XXXVI

Ни звука! Душа умирает
Для скорби, для страсти. Стоишь
И чувствуешь, как покоряет
Ее эта мертвая тишь.

Ни звука! И видишь ты синий
Свод неба, да солнце, да лес,
В серебряно-матовый иней
Наряженный, полный чудес,

Влекущий неведомой тайной,
Глубоко-бесстрастный... Но вот
Послышался шорох случайной —
Вершинами белка идет.

Ком снегу она уронила
На Дарью, прыгнув по сосне.
А Дарья стояла и стыла
В своем заколдованном сне...

1870

ДЕДУШКА

Посвящается З-н-ч-е

I

Раз у отца, в кабинете,
Саша портрет увидал,
Изображен на портрете
Был молодой генерал.
«Кто это? — спрашивал Саша.—
Кто?..» — Это дедушка твой.—
И отвернулся папаша,
Низко поник головой.
«Что же не вижу его я?»
Папа ни слова в ответ.
Внук, перед дедушкой стоя,
Зорко глядит на портрет:
«Папа, чего ты вздыхаешь?
Умер он... жив? говори!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.—
«То-то... ты скажешь, смотри!..»

II

«Дедушку знаешь, мамаша?» —
Матери сын говорит.
— Знаю,— и за руку Саша
Маму к портрету тащит,
Мама идет против воли.
«Ты мне скажи про него,
Мама! недобрый он, что ли,
Что я не вижу его?
Ну, дорогая! ну, сделай

Милость, скажи что-нибудь!»
— Нет, он и добрый и смелый,
Только несчастный.— На грудь
Голову скрыла мамаша,
Тяжко вздыхает, дрожит —
И зарыдала... А Саша
Зорко на деда глядит:
«Что же ты, мама, рыдаешь,
Слова не хочешь сказать!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Лучше пойдем-ка гулять...—

III

В доме тревога большая.
Счастливы, светлы лицом,
Заново дом убирая,
Шепчутся мама с отцом.
Как весела их беседа!
Сын подмечает, молчит.
— Скоро увидишь ты деда! —
Саше отец говорит...
Дедушкой только и бредит
Саша,— не может уснуть:
«Что же он долго не едет?..»
— Друг мой! Далек ему путь! —
Саша тоскливо вздыхает,
Думает: «Что за ответ!»
Вот наконец приезжает
Этот таинственный дед.

IV

Все, уж давно поджидая,
Встретили старого вдруг...
Благословил он, рыдая,
Дом, и семейство, и слуг,
Пыль отряхнул у порога,
С шеи торжественно снял
Образ распятого бога
И, покрестившись, сказал:
— Днесь я со всем примирился,
Что потерпел на веку!.. —

Сын пред отцом преклонился,
Ноги омыл старику;
Белые кудри чесала
Дедушке Сашина мать,
Гладила их, целовала,
Сашу звала целовать.
Правой рукою мамашу
Дед обхватил, а другой
Гладил румяного Сашу:
— Экой красавчик какой! —
Дедушку пристальным взглядом
Саша рассматривал,— вдруг
Слезы у мальчика градом
Хлынули, к дедушке внук
Кинулся: «Дедушка! где ты
Жил-пропадал столько лет?
Где же твои эполеты,
Что не в мундир ты одет?
Что на ноге ты скрываешь?
Ранена, что ли, рука?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь.
Ну, поцелуй старика!..—

V

Повеселел, оживился,
Радостью дышит весь дом.
С дедушкой Саша сдружился,
Вечно гуляют вдвоем.
Ходят лугами, лесами,
Рвут васильки среди нив;
Дедушка древен годами,
Но еще бодр и красив,
Зубы у дедушки целы,
Поступь, осанка тверда,
Кудри пушисты и белы,
Как серебро борода;
Строен, высокого роста,
Но как младенец глядит,
Как-то апостольски-просто,
Ровно всегда говорит...

VI

Выйдут на берег покатый
К русской великой реке —
Свищет кулик вороватый,
Тысячи лап на песке;
Барку ведут бечевою,
Чу, бурлаков голоса!
Ровная гладь за рекою —
Нивы, покосы, леса.
Легкой прохладою дует
С медленных, дремлющих вод...
Дедушка землю целует,
Плачет — и тихо поет...
«Дедушка! что ты роняешь
Крупные слезы, как град?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь!
Ты не печалься — я рад...

VII

Рад я, что вижу картину,
Милую с детства глазам.
Глянь-ка на эту равнину —
И полюби ее сам!
Две-три усадьбы дворянских,
Двадцать господних церквей,
Сто деревенек крестьянских
Как на ладони на ней!
У лесу стадо пасется —
Жаль, что скотинка мелка;
Песенка где-то поется —
Жаль — неисходно горька!
Ропот: Подайте же руку
Бедным крестьянам скорей!“
Тысячелетнюю муку,
Саша, ты слышишь ли в ней?..
Надо, чтоб были здоровы
Овцы и лошади их,
Надо, чтоб были коровы
Толще московских купчих,—
Будет и в песне отрада

Вместо унынья и мук.
Надо ли? — «Дедушка, надо!»
— То-то! попомни же, внук!..—

VIII

Озими пышному всходу,
Каждому цветику рад,
Дедушка хвалит природу,
Гладит крестьянских ребят.
Первое дело у деда
Потолковать с мужиком,
Тянется долго беседа,
Дедушка скажет потом:
«Скоро вам будет не трудно,
Будете вольный народ!»
И улыбнется так чудно,
Радостью весь расцветет.
Радость его разделяя,
Прыгало сердце у всех.
То-то улыбка святая!
То-то пленительный смех!

IX

— Скоро дадут им свободу,—
Внуку старик замечал.—
Только и нужно народу.
Чудо я, Саша, видал:
Горсточку русских сослали
В страшную глушь, за раскол.
Волю да землю им дали;
Год незаметно прошел —
Едут туда комиссары,
Глядь — уж деревня стоит,
Риги, сараи, амбары!
В кузнице молот стучит,
Мельницу выстроят скоро.
Уж запаслись мужики
Зверем из темного бора,
Рыбой из вольной реки.
Вновь через год побывали,
Новое чудо нашли:

Жители хлеб собирали
С прежде бесплодной земли.
Дома одни лишь ребята
Да здоровенные псы,
Гуси кричат, поросята
Тычут в корыто носы...

X

Так постепенно в полвека
Вырос огромный посад —
Воля и труд человека
Дивные дивы творят!
Всё принялось, раздобрело!
Сколько там, Саша, свиней,
Перед селением бело
На полверсты от гусей;
Как там возделаны нивы,
Как там обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда,
Видно — ведется копейка!
Бабу там холит мужик:
В праздник на ней душегрейка —
Из соболей воротник!

XI

Дети до возраста в неге,
Конь хоть сейчас на завод,
В кованой, прочной телеге
Сотню пудов увезет...
Сыты там кони-то, сыты,
Каждый там сыто живет,
Тесом там избы-то крыты,
Ну уж зато и народ!
Взросшие в нравах суровых,
Сами творят они суд,
Рекрутов ставят здоровых,
Трезво и честно живут,
Подати платят до срока,
Только ты им не мешай.—
«Где ж та деревня?» — Далеко,

Имя ей „Тарбагатай",
Страшная глушь, за Байкалом...
Так-то, голубчик ты мой,
Ты еще в возрасте малом,
Вспомнишь, как будешь большой...

XII

Ну... а покуда подумай,
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным, убитым лицом,—
Лапти, лохмотья, шапчонка,
Рваная сбруя; едва
Тянет косулю клячонка,
С голоду еле жива!
Голоден труженик вечный,
Голоден тоже, божусь!
Эй! отдохни-ко, сердечный!
Я за тебя потружусь! —
Глянул крестьянин с испугом,
Барину плуг уступил,
Дедушка долго за плугом,
Пот отирая, ходил;
Саша за ним торопился,
Не успевал догонять:
«Дедушка! где научился
Ты так отлично пахать?
Точно мужик, управляешь
Плугом, а был генерал!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Как я работником стал!

XIII

Зрелище бедствий народных
Невыносимо, мой друг;
Счастье умов благородных —
Видеть довольство вокруг.
Нынче полегче народу:
Стих, притаился в тени
Барин, прослышав свободу...

Ну а как в наши-то дни!

. . . .

Словно как омут, усадьбу
Каждый мужик объезжал.
Помню ужасную свадьбу,—
Поп уже кольца менял,
Да на беду помолиться
В церковь помещик зашел:
„Кто им позволил жениться?
Стой!“ — и к попу подошел...
Остановилось венчанье!
С барином шутка плоха —
Отдал наглец приказанье
В рекруты сдать жениха,
В девичью — бедную Грушу!
И не перечил никто!..
Кто же имеющий душу
Мог это вынести?.. кто?..

XIV

Впрочем, не то еще было!
И не одни господа,
Сок из народа давила
Подлых подьячих орда.
Что ни чиновник — стяжатель,
С целью добычи в поход
Вышел... а кто неприятель?
Войско, казна и народ!
Всем доставалось исправно.
Стачка, порука кругом:
Смелые грабили явно,
Трусы тащили тайком.
Непроницаемой ночи
Мрак над страною висел...
Видел — имеющий очи
И за отчизну болел.
Стоны рабов заглушая
Лестью да свистом бичей,
Хищников алчная стая
Гибель готовила ей...

XV

Солнце не вечно сияет,
Счастье не вечно везет:
Каждой стране наступает
Рано иль поздно черед,
Где не покорность тупая —
Дружная сила нужна;
Грянет беда роковая —
Скажется мигом страна.
Единодушье и разум
Всюду дадут торжество,
Да не придут они разом,
Вдруг не создашь ничего,—
Красноречивым воззваньем
Не разогреешь рабов,
Не озаришь пониманьем
Темных и грубых умов.
Поздно! Народ угнетенный
Глух перед общей бедой.
Горе стране разоренной!
Горе стране отсталой!..
Войско одно — не защита.
Да ведь и войско, дитя,
Было в то время забито,
Лямку тянуло кряхтя...—

XVI

Дедушка кстати солдата
Встретил, вином угостил,
Поцеловавши как брата,
Ласково с ним говорил:
— Нынче вам служба не бремя —
Кротко начальство теперь...
Ну а как в наше-то время!
Что ни начальник, то зверь!
Душу вколачивать в пятки
Правилом было тогда.
Как ни трудись, недостатки
Сыщет начальник всегда:
,,Есть в маршировке старанье,

Стойка исправна совсем,
Только заметно дыханье...“
Слышишь ли?.. дышат зачем!

XVII

А недоволен парадом,
Ругань польется рекой,
Зубы посыплются градом,
Порет, гоняет сквозь строй!
С пеною у́ рта обрыщет
Весь перепуганный полк,
Жертв покрупнее приищет
Остервенившийся волк:
„Франтики! подлые души!
Под караулом сгною!“
Слушал — имеющий уши,
Думушку думал свою.
Брань пострашней караула,
Пуль и картечи страшней...
Кто же, в ком честь не уснула,
Кто примирился бы с ней?..—
«Дедушка! ты вспоминаешь
Страшное что-то?.. скажи!»
— Вырастешь, Саша, узнаешь,
Честью всегда дорожи...
Взрослые люди — не дети,
Трус, кто сторицей не мстит.
Помни, что нету на свете
Неотразимых обид!..—

XVIII

Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь.
— Мало ли, друг мой, что было!..
Лучше пойдем отдохнуть. —
Отдых недолог у деда —
Жить он не мог без труда:
Гряды копал до обеда,
Переплетал иногда;
Вечером шилом, иголкой
Что-нибудь бойко тачал,

Песней печальной и долгой
Дедушка труд сокращал.
Внук не проронит ни звука,
Не отойдет от стола:
Новой загадкой для внука
Дедова песня была...

XIX

Пел он о славном походе
И о великой борьбе;
Пел о свободном народе
И о народе-рабе;
Пел о пустынях безлюдных
И о железных цепях;
Пел о красавицах чудных
С ангельской лаской в очах;
Пел он об их увяданье
В дикой, далекой глуши
И о чудесном влиянье
Любящей женской души...
О Трубецкой и Волконской
Дедушка пел — и вздыхал,
Пел — и тоской вавилонской
Келью свою оглашал...
«Дедушка, дальше!.. А где ты
Песенку вызнал свою?
Ты повтори мне куплеты —
Я их мамаше спою.
Те имена поминаешь
Ты иногда по ночам...»
— Вырастешь, Саша, узнаешь —
Всё расскажу тебе сам:
Где научился я пенью,
С кем и когда я певал...—
«Ну! приучусь я к терпенью!» —
Саша уныло сказал...

XX

Часто каталися летом
Наши друзья в челноке,
С громким, веселым приветом

Дед приближался к реке:
— Здравствуй, красавица Волга!
С детства тебя я любил.—
«Где ж пропадал ты так долго?» —
Саша несмело спросил.
— Был я далеко, далеко...—
«Где же?..» Задумался дед.
Мальчик вздыхает глубоко,
Вечный предвидя ответ.
«Что ж, хорошо ли там было?»
Дед на ребенка глядит:
— Лучше не спрашивай, милый!
(Голос у деда дрожит)
Глухо, пустынно, безлюдно,
Степь полумертвая сплошь.
Трудно, голубчик мой, трудно!
По году весточки ждешь,
Видишь, как тратятся силы —
Лучшие божьи дары,
Близким копаешь могилы,
Ждешь и своей до поры...
Медленно-медленно таешь...—
«Что ж ты там, дедушка, жил?..»
— Вырастешь, Саша, узнаешь! —
Саша слезу уронил...

XXI

«Господи! слушать наскучит!
„Вырастешь!“ — мать говорит,
Папочка любит, а мучит:
„Вырастешь“,— то же твердит!
То же и дедушка... Полно!
Я уже вырос — смотри!..
(Стал на скамеечку челна)
Лучше теперь говори!..»
Деда целует и гладит:
«Или вы все заодно?..»
Дедушка с сердцем не сладит,
Бьется, как голубь, оно.
«Дедушка, слышишь? хочу я
Всё непременно узнать!»
Дедушка, внука целуя,

Шепчет: — Тебе не понять.
Надо учиться, мой милый!
Всё расскажу, погоди!
Пособерись-ка ты с силой,
Зорче кругом погляди.
Умник ты, Саша, а всё же
Надо историю знать
И географию тоже.—
«Долго ли, дедушка, ждать?»
— Годик, другой, как случится.—
Саша к мамаше бежит:
«Мама! хочу я учиться!» —
Издали громко кричит.

XXII

Время проходит. Исправно
Учится мальчик всему —
Знает историю славно
(Лет уже десять ему),
Бойко на карте покажет
И Петербург, и Читу,
Лучше большого расскажет
Многое в русском быту.
Глупых и злых ненавидит,
Бедным желает добра,
Помнит, что слышит и видит...
Дед примечает: пора!
Сам же он часто хворает,
Стал ему нужен костыль...
Скоро уж, скоро узнает
Саша печальную быль...

1871—1872

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

ПОЭМА

(1826 год)

Часть первая

Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок;

Сам граф-отец не раз, не два
Его попробовал сперва.

Шесть лошадей в него впрягли,
Фонарь внутри его зажгли.

Сам граф подушки поправлял,
Медвежью полость в ноги стлал,

Творя молитву, образок
Повесил в правый уголок

И — зарыдал... Княгиня-дочь...
Куда-то едет в эту ночь...

I

«Да, рвем мы сердце пополам
　　Друг другу, но, родной,
Скажи, что ж больше делать нам?
　　Поможешь ли тоской!

Один, кто мог бы нам помочь
    Теперь... Прости, прости!
Благослови родную дочь
    И с миром отпусти!

II

Бог весть, увидимся ли вновь,
    Увы! надежды нет.
Прости и знай: твою любовь,
    Последний твой завет
Я буду помнить глубоко
    В далекой стороне...
Не плачу я, но не легко
    С тобой расстаться мне!

III

О, видит бог!.. Но долг другой,
    И выше и трудней,
Меня зовет... Прости, родной!
    Напрасных слез не лей!
Далек мой путь, тяжел мой путь,
    Страшна судьба моя,
Но сталью я одела грудь...
    Гордись — я дочь твоя!

IV

Прости и ты, мой край родной,
    Прости, несчастный край!
И ты... о город роковой,
    Гнездо царей... прощай!
Кто видел Лондон и Париж,
    Венецию и Рим,
Того ты блеском не прельстишь,
    Но был ты мной любим —

V

Счастливо молодость моя
    Прошла в стенах твоих,
Твои балы любила я,
    Катанья с гор крутых,

Любила плеск Невы твоей
В вечерней тишине,
И эту площадь перед ней
С героем на коне...

VI

Мне не забыть... Потом, потом
Расскажут нашу быль...
А ты будь проклят, мрачный дом,
Где первую кадриль
Я танцевала... Та рука
Досель мне руку жжет...
Ликуй . . . .
. . . .»

Покоен, прочен и легок,
Катится городом возок.

Вся в черном, мертвенно бледна,
Княгиня едет в нем одна,

А секретарь отца (в крестах,
Чтоб наводить дорогой страх)

С прислугой скачет впереди...
Свища бичом, крича: «Пади!»

Ямщик столицу миновал...
Далек княгине путь лежал,

Была суровая зима...
На каждой станции сама

Выходит путница: «Скорей
Перепрягайте лошадей!»

И сыплет щедрою рукой
Червонцы челяди ямской.

Но труден путь! В двадцатый день
Едва приехали в Тюмень,

Еще скакали десять дней,
«Увидим скоро Енисей,—

Сказал княгине секретарь. —
Не ездит так и государь!..»

Вперед! Душа полна тоски,
Дорога всё трудней,
Но грезы мирны и легки —
Приснилась юность ей.
Богатство, блеск! Высокий дом
На берегу Невы,
Обита лестница ковром,
Перед подъездом львы,
Изящно убран пышный зал,
Огнями весь горит.
О радость! нынче детский бал,
Чу! музыка гремит!
Ей ленты алые вплели
В две русые косы,
Цветы, наряды принесли
Невиданной красы.
Пришел папаша — сед, румян,—
К гостям ее зовет.
«Ну, Катя! чудо-сарафан!
Он всех с ума сведет!»
Ей любо, любо без границ.
Кружится перед ней
Цветник из милых детских лиц,
Головок и кудрей.
Нарядны дети, как цветы,
Нарядней старики:
Плюмажи, ленты и кресты,
Со звоном каблуки...
Танцует, прыгает дитя,
Не мысля ни о чем,
И детство резвое шутя
Проносится... Потом
Другое время, бал другой
Ей снится: перед ней
Стоит красавец молодой,
Он что-то шепчет ей...

Потом опять балы, балы...
Она — хозяйка их,
У них сановники, послы,
Весь модный свет у них...

«О милый! что ты так угрюм?
Что на́ сердце твоем?»
— Дитя! мне скучен светский шум,
Уйдем скорей, уйдем! —

И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! чем бы жизнь нам помянуть —
Не будь у нас тех дней,
Когда, урвавшись как-нибудь
Из родины своей
И скучный север миновав,
Примчимся мы на юг.
До нас нужды, над нами прав
Ни у кого... Сам-друг
Всегда лишь с тем, кто дорог нам,
Живем мы, как хотим;
Сегодня смотрим древний храм,
А завтра посетим
Дворец, развалины, музей...
Как весело притом
Делиться мыслию своей
С любимым существом!

Под обаяньем красоты,
Во власти строгих дум,
По Ватикану бродишь ты
Подавлен и угрюм;
Отжившим миром окружен,
Не помнишь о живом.
Зато как странно поражен
Ты в первый миг потом,
Когда, покинув Ватикан,
Вернешься в мир живой,
Где ржет осел, шумит фонтан,
Поет мастеровой;

Торговля бойкая кипит,
  Кричат на все лады:
«Кораллов! раковин! улит!
  Мороженой воды!»
Танцует, ест, дерется голь,
  Довольная собой,
И косу черную как смоль
  Римлянке молодой
Старуха чешет... Жарок день,
  Несносен черни гам,
Где нам найти покой и тень?
  Заходим в первый храм.

Не слышен здесь житейский шум,
  Прохлада, тишина
И полусумрак... Строгих дум
  Опять душа полна.
Святых и ангелов толпой
  Вверху украшен храм,
Порфир и яшма под ногой
  И мрамор по стенам...

Как сладко слушать моря шум!
  Сидишь по часу нем,
Неугнетенный, бодрый ум
  Работает меж тем...
До солнца горною тропой
  Взберешься высоко —
Какое утро пред тобой!
  Как дышится легко!
Но жарче, жарче южный день,
  На зелени долин
Росинки нет... Уйдем под тень
  Зонтообразных пинн...

Княгине памятны те дни
  Прогулок и бесед,
В душе оставили они
  Неизгладимый след.
Но не вернуть ей дней былых,
  Тех дней надежд и грез,
Как не вернуть потом о них
  Пролитых ею слез!..

Исчезли радужные сны,
Пред нею ряд картин
Забитой, загнанной страны:
Суровый господин
И жалкий труженик-мужик
С понурой головой...
Как первый властвовать привык,
Как рабствует второй!
Ей снятся группы бедняков
На нивах, на лугах,
Ей снятся стоны бурлаков
На волжских берегах...
Наивным ужасом полна,
Она не ест, не спит,
Засыпать спутника она
Вопросами спешит:
«Скажи, ужель весь край таков?
Довольства тени нет?..»
— Ты в царстве нищих и рабов! —
Короткий был ответ...

Она проснулась — в руку сон!
Чу, слышен впереди
Печальный звон — кандальный звон!
«Эй, кучер, погоди!»
То ссыльных партия идет,
Больней заныла грудь.
Княгиня деньги им дает,—
«Спасибо, добрый путь!»
Ей долго, долго лица их
Мерещатся потом,
И не прогнать ей дум своих,
Не позабыться сном!
«И та здесь партия была...
Да... нет других путей...
Но след их вьюга замела.
Скорей, ямщик, скорей!..»

Мороз сильней, пустынней путь,
Чем дале на восток;
На триста верст какой-нибудь
Убогий городок,

Зато как радостно глядишь
   На темный ряд домов,
Но где же люди? Всюду тишь,
   Не слышно даже псов.
Под кровлю всех загнал мороз,
   Чаек от скуки пьют.
Прошел солдат, проехал воз,
   Куранты где-то бьют.
Замерзли окна... огонек
   В одном чуть-чуть мелькнул...
Собор... на выезде острог...
   Ямщик кнутом махнул:
«Эй вы!» — и нет уж городка,
   Последний дом исчез...
Направо — горы и река,
   Налево — темный лес...

Кипит больной, усталый ум,
   Бессонный до утра,
Тоскует сердце. Смена дум
   Мучительно быстра;
Княгиня видит то друзей,
   То мрачную тюрьму,
И тут же думается ей —
   Бог знает почему,
Что небо звездное — песком
   Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
   Оттиснутый кружок...

Пропали горы; началась
   Равнина без конца.
Еще мертвей! Не встретит глаз
   Живого деревца.
«А вот и тундра!» — говорит
   Ямщик, бурят степной.
Княгиня пристально глядит
   И думает с тоской:
Сюда-то жадный человек
   За золотом идет!
Оно лежит по руслам рек,
   Оно на дне болот.

Трудна добыча на реке,
Болота страшны в зной,
Но хуже, хуже в руднике,
Глубоко под землей!..
Там гробовая тишина,
Там безрассветный мрак...
Зачем, проклятая страна,
Нашел тебя Ермак?..

Чредой спустилась ночи мгла,
Опять взошла луна.
Княгиня долго не спала,
Тяжелых дум полна...
Уснула... Башня снится ей...
Она вверху стоит;
Знакомый город перед ней
Волнуется, шумит;
К обширной площади бегут
Несметные толпы:
Чиновный люд, торговый люд,
Разносчики, попы;
Пестреют шляпки, бархат, шелк,
Тулупы, армяки...
Стоял уж там какой-то полк,
Пришли еще полки,
Побольше тысячи солдат
Сошлось. Они «ура!» кричат,
Они чего-то ждут...
Народ галдел, народ зевал,
Едва ли сотый понимал,
Что делается тут...
Зато посмеивался в ус,
Лукаво щуря взор,
Знакомый с бурями француз,
Столичный куафер...

Приспели новые полки:
«Сдавайтесь!» — тем кричат.
Ответ им — пули и штыки,
Сдаваться не хотят.
Какой-то бравый генерал,

Влетев в каре, грозиться стал —
  С коня снесли его.
Другой приблизился к рядам:
«Прощенье царь дарует вам!» —
  Убили и того.

Явился сам митрополит
  С хоругвями, с крестом:
«Покайтесь, братия! — гласит,—
  Падите пред царем!»
Солдаты слушали, крестясь,
  Но дружен был ответ:
— Уйди, старик! молись за нас!
  Тебе здесь дела нет...—

Тогда-то пушки навели,
Сам царь скомандовал: «Па-ли!..»
Картечь свистит, ядро ревет,
Рядами валится народ.
«...О милый! Жив ли ты?»
Княгиня, память потеряв,
Вперед рванулась и стремглав
  Упала с высоты!

Пред нею длинный и сырой
  Подземный коридор,
У каждой двери часовой,
  Все двери на запор.
Прибою волн подобный плеск
  Снаружи слышен ей;
Внутри — бряцанье, ружей блеск
  При свете фонарей;
Да отдаленный шум шагов
  И долгий гул от них,
Да перекрестный бой часов,
  Да крики часовых...

С ключами старый и седой,
  Усатый инвалид —
«Иди, печальница, за мной! —
  Ей тихо говорит.—
Я проведу тебя к нему,
  Он жив и невредим...»

Она доверилась ему,
Она пошла за ним...

Шли долго, долго... Наконец
Дверь визгнула — и вдруг
Пред нею он... живой мертвец...
Пред нею — бедный друг!
Упав на грудь ему, она
Торопится спросить:
«Скажи, что делать? Я сильна.
Могу я страшно мстить!
Достанет мужества в груди,
Готовность горяча,
Просить ли надо?..» — Не ходи,
Не тронешь палача! —
«О милый! что сказал ты? Слов
Не слышу я твоих.
То этот страшный бой часов,
То крики часовых!
Зачем тут третий между нас?..»
— Наивен твой вопрос.—

«Пора! пробил урочный час!» —
Тот «третий» произнес...

Княгиня вздрогнула — глядит
Испуганно кругом,
Ей ужас сердце леденит:
Не всё тут было сном!..

Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей,
Налево был угрюмый лес,
Направо — Енисей.
Темно! Навстречу ни души,
Ямщик на козлах спал,
Голодный волк в лесной глуши
Пронзительно стонал,
Да ветер бился и ревел,
Играя на реке,
Да инородец где-то пел
На странном языке.

Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И пуще сердце надрывал,
Как в бурю чайки крик...

Княгине холодно; в ту ночь
Мороз был нестерпим,
Упали силы; ей невмочь
Бороться больше с ним.
Рассудком ужас овладел,
Что не доехать ей.
Ямщик давно уже не пел,
Не понукал коней,
Передней тройки не слыхать.
«Эй! жив ли ты, ямщик?
Что ты замолк? не вздумай спать!»
— Не бойтесь, я привык...—

Летят... Из мерзлого окна
Не видно ничего,
Опасный гонит сон она,
Но не прогнать его!
Он волю женщины больной
Мгновенно покорил
И, как волшебник, в край иной
Ее переселил.
Тот край — он ей уже знаком —
Как прежде неги полн,
И теплым солнечным лучом
И сладким пеньем волн
Ее приветствовал, как друг...
Куда ни поглядит:
«Да, это юг! да, это юг!» —
Всё взору говорит...

Ни тучки в небе голубом,
Долина вся в цветах,
Всё солнцем залито, на всем,
Внизу и на горах,
Печать могучей красоты,
Ликует всё вокруг;
Ей солнце, море и цветы
Поют: «Да, это юг!»

В долине между цепью гор
И морем голубым
Она летит во весь опор
С избранником своим.
Дорога их — роскошный сад,
С деревьев льется аромат,
На каждом дереве горит
Румяный, пышный плод;
Сквозь ветви темные сквозит
Лазурь небес и вод;
По морю реют корабли,
Мелькают паруса,
А горы, видные вдали,
Уходят в небеса.
Как чудны краски их! За час
Рубины рдели там,
Теперь заискрился топаз
По белым их хребтам...
Вот вьючный мул идет шажком,
В бубенчиках, в цветах,
За мулом — женщина с венком,
С корзинкою в руках.
Она кричит им: «Добрый путь!» —
И, засмеявшись вдруг,
Бросает быстро ей на грудь
Цветок... да! это юг!
Страна античных, смуглых дев
И вечных роз страна...
Чу! мелодический напев,
Чу! музыка слышна!..

«Да, это юг! да, это юг!
(Поет ей добрый сон)
Опять с тобой любимый друг,
Опять свободен он!..»

Часть вторая

Уже два месяца почти
Бессменно день и ночь в пути

На диво слаженный возок,
А всё конец пути далек!

Княгинин спутник так устал,
Что под Иркутском захворал,

Два дня прождав его, она
Помчалась далее одна...

Ее в Иркутске встретил сам
Начальник городской;
Как мощи сух, как палка прям,
Высокий и седой.
Сползла с плеча его доха,
Под ней — кресты, мундир,
На шляпе — перья петуха.
Почтенный бригадир,
Ругнув за что-то ямщика,
Поспешно подскочил
И дверцы прочного возка
Княгине отворил...

Княгиня *(входит в станционный дом)*

В Нерчинск! Закладывать скорей!

Губернатор

Пришел я — встретить вас.

Княгиня

Велите ж дать мне лошадей!

Губернатор

Прошу помедлить час.
Дорога наша так дурна,
Вам нужно отдохнуть...

Княгиня

Благодарю вас! Я сильна...
Уж недалек мой путь...

Губернатор

Всё ж будет верст до восьмисот,
А главная беда:
Дорога хуже тут пойдет,
Опасная езда!..
Два слова нужно вам сказать
По службе,— и притом
Имел я счастье графа знать,
Семь лет служил при нем.
Отец ваш редкий человек,
По сердцу, по уму,
Запечатлев в душе навек
Признательность к нему,
К услугам дочери его
Готов я... весь я ваш...

Княгиня

Но мне не нужно ничего!
(отворяя дверь в сени)
Готов ли экипаж?

Губернатор

Покуда я не прикажу,
Его не подадут...

Княгиня

Так прикажите ж! Я прошу...

Губернатор

Но есть зацепка тут:
С последней почтой прислана
Бумага...

Княгиня

Что же в ней:
Уж не вернуться ль я должна?

Губернатор

Да-с, было бы верней.

Княгиня

Да кто ж прислал вам и о чем
Бумагу? что же — там
Шутили, что ли, над отцом?
Он всё устроил сам!

Губернатор

Нет... не решусь я утверждать...
Но путь еще далек...

Княгиня

Так что же даром и болтать!
Готов ли мой возок?

Губернатор

Нет! Я еще не приказал...
Княгиня! здесь я — царь!
Садитесь! Я уже сказал,
Что знал я графа встарь,
А граф... хоть он вас отпустил,
По доброте своей,
Но ваш отъезд его убил...
Вернитесь поскорей!

Княгиня

Нет! что однажды решено —
Исполню до конца!
Мне вам рассказывать смешно,
Как я люблю отца,
Как любит он. Но долг другой,
И выше и святей,
Меня зовет. Мучитель мой!
Давайте лошадей!

Губернатор

Позвольте-с. Я согласен сам,
Что дорог каждый час,
Но хорошо ль известно вам,
Что ожидает вас?

Бесплодна наша сторона,
А та — еще бедней,
Короче нашей там весна,
Зима — еще длинней.
Да-с, восемь месяцев зима
Там — знаете ли вы?
Там люди редки без клейма,
И те душой черствы;
На воле рыскают кругом
Там только варнаки;
Ужасен там тюремный дом,
Глубоки рудники.
Вам не придется с мужем быть
Минуты глаз на глаз:
В казарме общей надо жить,
А пища: хлеб да квас.
Пять тысяч каторжников там,
Озлоблены судьбой,
Заводят драки по ночам,
Убийства и разбой;
Коро́ток им и страшен суд,
Грознее нет суда!
И вы, княгиня, вечно тут
Свидетельницей... Да!
Поверьте, вас не пощадят,
Не сжалится никто!
Пускай ваш муж — он виноват...
А вам терпеть... за что?

Княгиня

Ужасна будет, знаю я,
Жизнь мужа моего.
Пускай же будет и моя
Не радостней его!

Губернатор

Но вы не будете там жить:
Тот климат вас убьет!
Я вас обязан убедить,
Не ездите вперед!

Ах! вам ли жить в стране такой,
Где воздух у людей
Не паром — пылью ледяной
Выходит из ноздрей?
Где мрак и холод круглый год,
А в краткие жары —
Непросыхающих болот
Зловредные пары?
Да... страшный край! Оттуда прочь
Бежит и зверь лесной,
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...

Княгиня

Живут же люди в том краю,
Привыкну я шутя...

Губернатор

Живут? Но молодость свою
Припомните... дитя!
Здесь мать — водицей снеговой,
Родив, омоет дочь,
Малютку грозной бури вой
Баюкает всю ночь,
А будит дикий зверь, рыча
Близ хижины лесной,
Да пурга, бешено стуча
В окно, как домовой.
С глухих лесов, с пустынных рек
Сбирая дань свою,
Окреп туземный человек
С природою в бою,
А вы?..

Княгиня

Пусть смерть мне суждена —
Мне нечего жалеть!..
Я еду! еду! я должна
Близ мужа умереть.

Губернатор

Да, вы умрете, но сперва
Измучите того,
Чья безвозвратно голова
Погибла. Для него
Прошу: не ездите туда!
Сноснее одному,
Устав от тяжкого труда,
Прийти в свою тюрьму,
Прийти — и лечь на голый пол
И с черствым сухарем
Заснуть... а добрый сон пришел —
И узник стал царем!
Летя мечтой к родным, к друзьям,
Увидя вас самих,
Проснется он к дневным трудам
И бодр, и сердцем тих,
А с вами?.. с вами не знавать
Ему счастливых грез,
В себе он будет сознавать
Причину ваших слез.

Княгиня

Ах!.. Эти речи поберечь
Вам лучше для других.
Всем вашим пыткам не извлечь
Слезы из глаз моих!
Покинув родину, друзей,
Любимого отца,
Приняв обет в душе моей
Исполнить до конца
Мой долг,— я слез не принесу
В проклятую тюрьму —
Я гордость, гордость в нем спасу,
Я силы дам ему!
Презренье к нашим палачам,
Сознанье правоты
Опорой верной будет нам.

Губернатор

Прекрасные мечты!
Но их достанет на пять дней.
Не век же вам грустить?
Поверьте совести моей,
Захочется вам жить.
Здесь черствый хлеб, тюрьма, позор,
Нужда и вечный гнет,
А там балы, блестящий двор,
Свобода и почет.
Как знать? Быть может, бог судил...
Понравится другой,
Закон вас права не лишил...

Княгиня

Молчите!.. Боже мой!..

Губернатор

Да, откровенно говорю,
Вернитесь лучше в свет.

Княгиня

Благодарю, благодарю
За добрый ваш совет!
И прежде был там рай земной,
А нынче этот рай
Своей заботливой рукой
Расчистил Николай.
Там люди заживо гниют —
Ходячие гробы,
Мужчины — сборище Иуд,
А женщины — рабы.
Что там найду я? Ханжество,
Поруганную честь,
Нахальной дряни торжество
И подленькую месть.
Нет, в этот вырубленный лес
Меня не заманят,

Где были дубы до небес,
А нынче пни торчат!
Вернуться? жить среди клевет,
Пустых и темных дел?..
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
Нет, нет, я видеть не хочу
Продажных и тупых,
Не покажусь я палачу
Свободных и святых.
Забыть того, кто нас любил,
Вернуться — всё простя?

Губернатор

Но он же вас не пощадил?
Подумайте, дитя:
О ком тоска? к кому любовь?

Княгиня

Молчите, генерал!

Губернатор

Когда б не доблестная кровь
Текла в вас — я б молчал.
Но если рветесь вы вперед,
Не веря ничему,
Быть может, гордость вас спасет...
Достались вы ему
С богатством, с именем, с умом,
С доверчивой душой,
А он, не думая о том,
Что станется с женой,
Увлекся призраком пустым,
И — вот его судьба!..
И что ж?.. бежите вы за ним,
Как жалкая раба!

Княгиня

Нет! я не жалкая раба,
Я женщина, жена!

Пускай горька моя судьба —
Я буду ей верна!
О, если б он меня забыл
Для женщины другой,
В моей душе достало б сил
Не быть его рабой!
Но знаю: к родине любовь
Соперница моя,
И если б нужно было, вновь
Ему простила б я!..

Княгиня кончила... Молчал
Упрямый старичок.
«Ну что ж? Велите, генерал,
Готовить мой возок?»
Не отвечая на вопрос,
Смотрел он долго в пол,
Потом в раздумье произнес:
— До завтра — и ушел...

Назавтра тот же разговор.
Просил и убеждал,
Но получил опять отпор
Почтенный генерал.
Все убежденья истощив
И выбившись из сил,
Он долго, важен, молчалив,
По комнате ходил
И наконец сказал: — Быть так!
Вас не спасешь, увы!..
Но знайте: сделав этот шаг,
Всего лишитесь вы! —

«Да что же мне еще терять?»

— За мужем поскакав,
Вы отреченье подписать
Должны от ваших прав! —

Старик эффектно замолчал,
От этих страшных слов

Он, очевидно, пользы ждал.
Но был ответ таков:
«У вас седая голова,
А вы еще дитя!
Вам наши кажутся права
Правами — не шутя.
Нет! ими я не дорожу,
Возьмите их скорей!
Где отреченье? Подпишу!
И живо — лошадей!..»

Губернатор

Бумагу эту подписать!
Да что вы?... Боже мой!
Ведь это значит нищей стать
И женщиной простой!
Всему вы скажете прости,
Что вам дано отцом,
Что по наследству перейти
Должно бы к вам потом!
Права имущества, права
Дворянства потерять!
Нет, вы подумайте сперва —
Зайду я к вам опять!..

Ушел и не был целый день...
Когда спустилась тьма,
Княгиня, слабая как тень,
Пошла к нему сама.
Ее не принял генерал:
Хворает тяжело...
Пять дней, покуда он хворал,
Мучительных прошло,
А на шестой пришел он сам
И круто молвил ей:
— Я отпустить не вправе вам,
Княгиня, лошадей!
Вас по этапу поведут
С конвоем...—

Княгиня

Боже мой!
Но так ведь месяцы пройдут
В дороге?..

Губернатор

Да, весной
В Нерчинск придете, если вас
Дорога не убьет.
Навряд версты четыре в час
Закованный идет;
Посередине дня — привал,
С закатом дня — ночлег,
А ураган в степи застал —
Закапывайся в снег!
Да-с, промедленьям нет числа,
Иной упал, ослаб...

Княгиня

Не хорошо я поняла —
Что значит ваш этап?

Губернатор

Под караулом казаков
С оружием в руках
Этапом водим мы воров
И каторжных в цепях,
Они дорогою шалят,
Того гляди сбегут,
Так их канатом прикрутят
Друг к другу — и ведут.
Трудненек путь! Да вот-с каков:
Отправится пятьсот,
А до нерчинских рудников
И трети не дойдет!
Они как мухи мрут в пути,
Особенно зимой...
И вам, княгиня, так идти?..
Вернитесь-ка домой!

Княгиня

О нет! я этого ждала...
Но вы, но вы... злодей!..
Неделя целая прошла...
Нет сердца у людей!
Зачем бы разом не сказать?..
Уж шла бы я давно...
Велите ж партию сбирать —
Иду! мне всё равно!..

— Нет! вы поедете!..— вскричал
Нежданно старый генерал,
Закрыв рукой глаза.—
Как я вас мучил... Боже мой!..
(Из-под руки на ус седой
Скатилася слеза).
Простите! да, я мучил вас,
Но мучился и сам,
Но строгий я имел приказ
Преграды ставить вам!
И разве их не ставил я?
Я делал всё, что мог,
Перед царем душа моя
Чиста, свидетель бог!
Острожным жестким сухарем
И жизнью взаперти,
Позором, ужасом, трудом
Этапного пути
Я вас старался напугать.
Не испугались вы!
И хоть бы мне не удержать
На плечах головы,
Я не могу, я не хочу
Тиранить больше вас...
Я вас в три дня туда домчу...
(отворяя дверь, кричит)
Эй! запрягать, сейчас!..—

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(БАБУШКИНЫ ЗАПИСКИ)

(1826—27 гг.)

Глава I

Проказники внуки! Сегодня они
С прогулки опять воротились:
— Нам, бабушка, скучно! В ненастные дни,
Когда мы в портретной садились
И ты начинала рассказывать нам,
Так весело было!.. Родная,
Еще что-нибудь расскажи!..— По углам
Уселись. Но их прогнала я:
«Успеете слушать; рассказов моих
Достанет на целые томы,
Но вы еще глупы: узнаете их,
Как будете с жизнью знакомы!
Я всё рассказала, доступное вам
По вашим ребяческим летам:
Идите гулять по полям, по лугам!
Идите же... пользуйтесь летом!»

И вот, не желая остаться в долгу
У внуков, пишу я записки;
Для них я портреты людей берегу,
Которые были мне близки,
Я им завещаю альбом — и цветы
С могилы сестры — Муравьевой,
Коллекцию бабочек, флору Читы
И виды страны той суровой;
Я им завещаю железный браслет...

Пускай берегут его свято:
В подарок жене его выковал дед
Из собственной цепи когда-то...

Родилась я, милые внуки мои,
Под Киевом, в тихой деревне;
Любимая дочь я была у семьи.
Наш род был богатый и древний,
Но пуще отец мой возвысил его:
Заманчивей славы героя,
Дороже отчизны — не знал ничего
Боец, не любивший покоя.
Творя чудеса, девятнадцати лет
Он был полковым командиром,
Он мужеством добыл и лавры побед
И почести, чтимые миром.
Воинская слава его началась
Персидским и шведским походом,
Но память о нем нераздельно слилась
С великим двенадцатым годом:
Тут жизнь его долгим сраженьем была.
Походы мы с ним разделяли,
И в месяц иной не запомним числа,
Когда б за него не дрожали.
«Защитник Смоленска» всегда впереди
Опасного дела являлся...
Под Лейпцигом раненный, с пулей в груди,
Он вновь через сутки сражался,
Так летопись жизни его говорит: [1]
В ряду полководцев России,
Покуда отечество наше стоит,
Он памятен будет! Витии
Отца моего осыпали хвалой,
Бессмертным его называя;
Жуковский почтил его громкой строфой,
Российских вождей прославляя:
Под Дашковой личного мужества жар
И жертву отца-патриота
Поэт воспевает.[2] Воинственный дар
Являя в сраженьях без счета,
Не силой одною врагов побеждал

Ваш прадед в борьбе исполинской:
О нем говорили, что он сочетал
С отвагою гений воинский.

Войной озабочен, в семействе своем
Отец ни во что не мешался,
Но крут был порою; почти божеством
Он матери нашей казался,
И сам он глубоко привязан был к ней.
Отца мы любили — в герое.
Окончив походы, в усадьбе своей
Он медленно гас на покое.
Мы жили в большом, подгородном дому.
Детей поручив англичанке,
Старик отдыхал.[3] Я училась всему,
Что нужно богатой дворянке.
А после уроков бежала я в сад
И пела весь день беззаботно,
Мой голос был очень хорош, говорят,
Отец его слушал охотно;
Записки свои приводил он к концу,
Читал он газеты, журналы,
Пиры задавал; наезжали к отцу
Седые, как он, генералы,
И шли бесконечные споры тогда;
Меж тем молодежь танцевала.
Сказать ли вам правду? была я всегда
В то время царицею бала:
Очей моих томных огонь голубой,
И черная с синим отливом
Большая коса, и румянец густой
На личике смуглом, красивом,
И рост мой высокий, и гибкий мой стан,
И гордая поступь — пленяли
Тогдашних красавцев: гусаров, улан,
Что близко с полками стояли.
Но слушала я неохотно их лесть...
Отец за меня постарался:
— Не время ли замуж? Жених уже есть,
Он славно под Лейпцигом дрался,
Его полюбил государь, наш отец,
И дал ему чин генерала.
Постарше тебя... а собой молодец,

Волконский! Его ты видала
На царском смотру... и у нас он бывал,
По парку с тобой всё шатался! —
«Да, помню! Высокий такой генерал...»
— Он самый! — Старик засмеялся...
«Отец! он так мало со мной говорил!» —
Заметила я, покраснела...
— Ты будешь с ним счастлива! — круто решил
Старик,— возражать я не смела...

Прошло две недели — и я под венцом
С Сергеем Волконским стояла,
Не много я знала его женихом,
Не много и мужем узнала,—
Так мало мы жили под кровлей одной,
Так редко друг друга видали!
По дальним селеньям, на зимний постой,
Бригаду его разбросали,
Ее объезжал беспрестанно Сергей.
А я между тем расхворалась;
В Одессе потом, по совету врачей,
Я целое лето купалась;
Зимой он приехал за мною туда,
С неделю я с ним отдохнула
При главной квартире... и снова беда!
Однажды я крепко уснула,
Вдруг слышу я голос Сергея (в ночи,
Почти на рассвете то было):
«Вставай! Поскорее найди мне ключи!
Камин затопи!» Я вскочила...
Взглянула: встревожен и бледен он был.
Камин затопила я живо.
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину — и жег торопливо.
Иные прочитывал бегло, спеша,
Иные бросал, не читая.
И я помогала Сергею, дрожа
И глубже в огонь их толкая...
Потом он сказал: «Мы поедем сейчас»,
Волос моих нежно касаясь.
Всё скоро уложено было у нас,
И утром, ни с кем не прощаясь,

Мы тронулись в путь. Мы скакали три дня,
Сергей был угрюм, торопился,
Довез до отцовской усадьбы меня
И тотчас со мною простился.

Глава II

«Уехал!.. Что значила бледность его
И всё, что в ту ночь совершилось?
Зачем не сказал он жене ничего?
Недоброе что-то случилось!»
Я долго не знала покоя и сна,
Сомнения душу терзали:
«Уехал, уехал! опять я одна!..»
Родные меня утешали,
Отец торопливость его объяснял
Каким-нибудь делом случайным:
— Куда-нибудь сам император послал
Его с поручением тайным,
Не плачь! Ты походы делила со мной,
Превратности жизни военной
Ты знаешь; он скоро вернется домой!
Под сердцем залог драгоценный
Ты носишь: теперь ты беречься должна!
Всё кончится ладно, родная;
Жена муженька проводила одна,
А встретит, ребенка качая!..

Увы! предсказанье его не сбылось!
Увидеться с бедной женою
И с первенцем сыном отцу довелось
Не здесь — не под кровлей родною!

Как дорого стоил мне первенец мой!
Два месяца я прохворала.
Измучена телом, убита душой,
Я первую няню узнала.
Спросила о муже.— Еще не бывал! —
«Писал ли?» — И писем нет даже.—
«А где мой отец?» — В Петербург ускакал.—
«А брат мой?» — Уехал туда же.—

«Мой муж не приехал, нет даже письма,
И брат и отец ускакали,—

Сказала я матушке.— Еду сама!
Довольно, довольно мы ждали!»
И как ни старалась упрашивать дочь
Старушка, я твердо решилась;
Припомнила я ту последнюю ночь
И всё, что тогда совершилось,
И ясно сознала, что с мужем моим
Недоброе что-то творится...

Стояла весна, по разливам речным
Пришлось черепахой тащиться.

Доехала я чуть живая опять.
«Где муж мой?» — отца я спросила.
— В Молдавию муж твой ушел воевать.—
«Не пишет он?..» Глянул уныло
И вышел отец... Недоволен был брат,
Прислуга молчала, вздыхая.
Заметила я, что со мною хитрят,
Заботливо что-то скрывая;
Ссылаясь на то, что мне нужен покой,
Ко мне никого не пускали,
Меня окружили какой-то стеной,
Мне даже газет не давали!
Я вспомнила: много у мужа родных,
Пишу — отвечать умоляю.
Проходят недели — ни слова от них!
Я плачу, я силы теряю...

Нет чувства мучительней тайной грозы.
Я клятвой отца уверяла,
Что я не пролью ни единой слезы,—
И он, и кругом всё молчало!
Любя, меня мучил мой бедный отец;
Жалея, удвоивал горе...
Узнала, узнала я всё наконец!..
Прочла я в самом приговоре,
Что был заговорщиком бедный Сергей:
Стояли они настороже,
Готовя войска к низверженью властей.
В вину ему ставилось тоже,
Что он... Закружилась моя голова...
Я верить глазам не хотела...

«Ужели?..» В уме не вязались слова:
Сергей — и бесчестное дело!

Я помню, сто раз я прочла приговор,
Вникая в слова роковые:
К отцу побежала,— с отцом разговор
Меня успокоил, родные!
С души словно камень тяжелый упал.
В одном я Сергея винила:
Зачем он жене ничего не сказал?
Подумав, и то я простила:
«Как мог он болтать? Я была молода,
Когда ж он со мной расставался,
Я сына под сердцем носила тогда:
За мать и дитя он боялся! —
Так думала я.— Пусть беда велика,
Не всё потеряла я в мире.
Сибирь так ужасна, Сибирь далека,
Но люди живут и в Сибири!..»

Всю ночь я горела, мечтая о том,
Как буду лелеять Сергея.
Под утро глубоким, крепительным сном
Уснула — и встала бодрее.
Поправилось скоро здоровье мое,
Приятельниц я повидала,
Нашла я сестру — расспросила ее
И горького много узнала!
Несчастные люди!.. «Всё время Сергей
(Сказала сестра) содержался
В тюрьме; не видал ни родных, ни друзей...
Вчера только с ним повидался
Отец. Повидаться с ним можешь и ты:
Когда приговор прочитали,
Одели их в рубище, сняли кресты,
Но право свиданья им дали!..»

Подробностей ряд пропустила я тут...
Оставив следы роковые,
Доныне о мщенье они вопиют...
Не знайте их лучше, родные.

Я в крепость поехала к мужу с сестрой.
Пришли мы сперва к «генералу»,

Потом нас привел генерал пожилой
В обширную, мрачную залу.
«Дождитесь, княгиня! мы будем сейчас!»
Раскланявшись вежливо с нами,
Он вышел. С дверей не спускала я глаз.
Минуты казались часами.
Шаги постепенно смолкали вдали,
За ними я мыслью летела.
Мне чудилось: связку ключей принесли,
И ржавая дверь заскрипела.
В угрюмой каморке с железным окном
Измученный узник томился.
«Жена к вам приехала!..» Бледный лицом,
Он весь задрожал, оживился:
«Жена!..» Коридором он быстро бежал,
Довериться слуху не смея...

«Вот он!» — громогласно сказал генерал,
И я увидала Сергея...

Недаром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились,
Лицо было мертвенно бледно, глаза
Не так уже ярко светились,
Но больше в них было, чем в прежние дни,
Той тихой, знакомой печали;
С минуту пытливо смотрели они,
И радостью вдруг заблистали,
Казалось, он в душу мою заглянул...
Я горько, припав к его груди,
Рыдала... Он обнял меня и шепнул:
— Здесь есть посторонние люди.—
Потом он сказал, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья,
Что, впрочем, легко переносит тюрьму,
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате важно шагал
Свидетель: нам было неловко...
Сергей на одежду свою показал:
— Поздравь меня, Маша, с обновкой,—
И тихо прибавил: — *Пойми и прости,*—
Глаза засверкали слезою,
Но тут соглядатай успел подойти,

Он низко поник головою.
Я громко сказала: «Да, я не ждала
Найти тебя в этой одежде».
И тихо шепнула: *«Я всё поняла.*
Люблю тебя больше, чем прежде...»
— Что делать? И в каторге буду я жить
(*Покуда мне жизнь не наскучит*).—
«Ты жив, ты здоров, так о чем же тужить?
(*Ведь каторга нас не разлучит?*)»

— Так вот ты какая! — Сергей говорил,
Лицо его весело было...
Он вынул платок, на окно положил,
И рядом я свой положила,
Потом, расставаясь, Сергеев платок
Взяла я — мой мужу остался...
Нам после годичной разлуки часок
Свиданья короток казался,
Но что ж было делать! Наш срок миновал —
Пришлось бы другим дожидаться...
В карету меня подсадил генерал,
Счастливо желал оставаться...

Великую радость нашла я в платке:
Цалуя его, увидала
Я несколько слов на одном уголке;
Вот что я, дрожа, прочитала:
«Мой друг, ты свободна. Пойми — не пеняй!
Душевно я бодр и — желаю
Жену мою видеть такой же. Прощай!
Малютке поклон посылаю...»

Была в Петербурге большая родня
У мужа; всё знать — да какая!
Я ездила к ним, волновалась три дня,
Сергея спасти умоляя.
Отец говорил: «Что ты мучишься, дочь?
Я всё испытал — бесполезно!»
И правда: они уж пытались помочь,
Моля императора слезно,
Но просьбы до сердца его не дошли...
Я с мужем еще повидалась,
И время приспело: его увезли!..

Как только одна я осталась,
Я тотчас послышала в сердце моем,
Что надо и мне торопиться,
Мне душен казался родительский дом,
И стала я к мужу проситься.

Теперь расскажу вам подробно, друзья,
Мою роковую победу.
Вся дружно и грозно восстала семья,
Когда я сказала: «Я еду!»
Не знаю, как мне удалось устоять,
Чего натерпелась я... Боже!..
Была из-под Киева вызвана мать,
И братья приехали тоже:
Отец «образумить» меня приказал.
Они убеждали, просили,
Но волю мою сам господь подкреплял,
Их речи ее не сломили!
А много и горько поплакать пришлось...
Когда собрались мы к обеду,
Отец мимоходом мне бросил вопрос:
— На что ты решилась? — «Я еду!»
Отец промолчал... промолчала семья...
Я вечером горько всплакнула,
Качая ребенка, задумалась я...
Вдруг входит отец,— я вздрогнула...
Ждала я грозы, но, печален и тих,
Сказал он сердечно и кротко:
— За что обижаешь ты кровных родных?
Что будет с несчастным сироткой?
Что будет с тобою, голубка моя?
Там нужно не женскую силу!
Напрасна великая жертва твоя,
Найдешь ты там только могилу! —
И ждал он ответа, и взгляд мой ловил,
Лаская меня и целуя...
— Я сам виноват! Я тебя погубил! —
Воскликнул он вдруг, негодуя.—
Где был мой рассудок? Где были глаза!
Уж знала вся армия наша...—
И рвал он седые свои волоса:
— Прости! не казни меня, Маша!
Останься!..— И снова молил горячо...

Бог знает, как я устояла!
Припав головою к нему на плечо,
«Поеду!» — я тихо сказала...

— Посмотрим!..— И вдруг распрямился старик,
Глаза его гневом сверкали:
— Одно повторяет твой глупый язык:
„*Поеду!*“ Сказать не пора ли,
Куда и зачем? Ты подумай сперва!
Не знаешь сама, что болтаешь!
Умеет ли думать твоя голова?
Врагами ты, что ли, считаешь
И мать, и отца? Или глупы они...
Что споришь ты с ними, как с ровней?
Поглубже ты в сердце свое загляни,
Вперед посмотри хладнокровней,
Подумай!.. Я завтра увижусь с тобой...—

Ушел он, грозящий и гневный,
А я, чуть жива, пред иконой святой
Упала — в истоме душевной...

Глава III

— Подумай!..— Я целую ночь не спала,
Молилась и плакала много.
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога,
Я думать училась: отец приказал
Подумать... нелегкое дело!
Давно ли он думал за нас — и решал,
И жизнь наша мирно летела?

Училась я много; на трех языках
Читала. Заметна была я
В парадных гостиных, на светских балах,
Искусно танцуя, играя;
Могла говорить я почти обо всем,
Я музыку знала, я пела,
Я даже отлично скакала верхом,
Но думать совсем не умела.

Я только в последний, двадцатый мой год
Узнала, что жизнь не игрушка.

Да в детстве, бывало, сердечко вздрогнет,
Как грянет нечаянно пушка.
Жилось хорошо и привольно; отец
Со мной не говаривал строго;
Осьмнадцати лет я пошла под венец
И тоже не думала много...

В последнее время моя голова
Работала сильно, пылала;
Меня неизвестность томила сперва.
Когда же беду я узнала,
Бессменно стоял предо мною Сергей,
Тюрьмою измученный, бледный,
И много неведомых прежде страстей
Посеял в душе моей бедной.

Я всё испытала, а больше всего
Жестокое чувство бессилья.
Я небо и сильных людей за него
Молила — напрасны усилья!
И гнев мою душу больную палил,
И я волновалась нестройно,
Рвалась, проклинала.. но не было сил,
Ни времени думать спокойно.

Теперь непременно я думать должна —
Отцу моему так угодно.
Пусть воля моя неизменно одна,
Пусть всякая дума бесплодна,
Я честно исполнить отцовский приказ
Решилась, мои дорогие.
Старик говорил: — Ты подумай о нас,
Мы люди тебе не чужие:
И мать, и отца, и дитя, наконец,—
Ты всех безрассудно бросаешь,
За что же? — «Я долг исполняю, отец!»
— За что ты себя обрекаешь
На муку? — «Не буду я мучиться там!
Здесь ждет меня страшная мука.
Да если останусь, послушная вам,
Меня истерзает разлука.
Не зная покоя ни ночью, ни днем,
Рыдая над бедным сироткой,

Всё буду я думать о муже моем
Да слышать упрек его кроткой.
Куда ни пойду я — на лицах людей
Я свой приговор прочитаю:
В их шепоте — повесть измены моей,
В улыбке укор угадаю:
Что место мое не на пышном балу,
А в дальней пустыне угрюмой,
Где узник усталый в тюремном углу
Терзается лютою думой,
Один... без опоры... Скорее к нему!
Там только вздохну я свободно.
Делила с ним радость, делить и тюрьму
Должна я... Так небу угодно!..

Простите, родные! Мне сердце давно
Мое подсказало решенье.
И верю я твердо: от бога оно!
А в вас говорит — сожаленье.
Да, ежели выбор решить я должна
Меж мужем и сыном — не боле,
Иду я туда, где я больше нужна,
Иду я к тому, кто в неволе!
Я сына оставлю в семействе родном,
Он скоро меня позабудет.
Пусть дедушка будет малютке отцом,
Сестра ему матерью будет.
Он так еще мал! А когда подрастет
И страшную тайну узнает,
Я верю: он матери чувство поймет
И в сердце ее оправдает!

Но если останусь я с ним... и потом
Он тайну узнает и спросит:
„Зачем не пошла ты за бедным отцом?..“
И слово укора мне бросит?
О, лучше в могилу мне заживо лечь,
Чем мужа лишить утешенья
И в будущем сына презренье навлечь...
Нет, нет! не хочу я презренья!..

А может случиться — подумать боюсь! —
Я первого мужа забуду,

Условиям новой семьи подчинюсь
И сыну не матерью буду,
А мачехой лютой?.. Горю со стыда...
Прости меня, бедный изгнанник!
Тебя позабыть! Никогда! никогда!
Ты сердца единый избранник...

Отец! ты не знаешь, как дорог он мне!
Его ты не знаешь! Сначала,
В блестящем наряде, на гордом коне,
Его пред полком я видала;
О подвигах жизни его боевой
Рассказы товарищей боя
Я слушала жадно — и всею душой
Я в нем полюбила героя...

Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною.
Разлука тянулась меж тем без конца.
Он твердо стоял под грозою...
Вы знаете, где мы увиделись вновь —
Судьба свою волю творила! —
Последнюю, лучшую сердца любовь
В тюрьме я ему подарила!

Напрасно чернила его клевета,
Он был безупречней, чем прежде,
И я полюбила его, как Христа...
В своей арестантской одежде
Теперь он бессменно стоит предо мной,
Величием кротким сияя.
Терновый венец над его головой,
Во взоре — любовь неземная...

Отец мой! должна я увидеть его...
Умру я, тоскуя по муже...
Ты, долгу служа, не щадил ничего
И нас научил ты тому же...
Герой, выводивший своих сыновей
Туда, где смертельней сраженье,—
Не верю, чтоб дочери бедной своей
Ты сам не одобрил решенье!»

Вот что я продумала в долгую ночь,
И так я с отцом говорила...
Он тихо сказал: — Сумасшедшая дочь! —
И вышел; молчали уныло
И братья, и мать... Я ушла наконец...
Тяжелые дни потянулись:
Как туча ходил недовольный отец,
Другие домашние дулись.
Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом: но я не дремала,
Опять провела я бессонную ночь,
Письмо к государю писала
(В то время молва начала разглашать,
Что будто вернуть Трубецкую
С дороги велел государь. Испытать
Боялась я участь такую,
Но слух был неверен). Письмо отвезла
Сестра моя, Катя Орлова.
Сам царь отвечал мне... Спасибо, нашла
В ответе я доброе слово!
Он был элегантен и мил (Николай
Писал по-французски). Сначала
Сказал государь, как ужасен тот край,
Куда я поехать желала,
Как грубы там люди, как жизнь тяжела,
Как возраст мой хрупок и нежен;
Потом намекнул (я не вдруг поняла)
На то, что возврат безнадежен;
А дальше — изволил хвалою почтить
Решимость мою, сожалея,
Что, долгу покорный, не мог пощадить
Преступного мужа... Не смея
Противиться чувствам высоким таким,
Давал он свое позволенье;
Но лучше желал бы, чтоб с сыном моим
Осталась я дома...

Волненье
Меня охватило. «Я еду!» Давно
Так радостно сердце не билось...
«Я еду! я еду! Теперь решено!..»
Я плакала, жарко молилась...

В три дня я в далекий мой путь собралась,
Всё ценное я заложила,
Надежною шубой, бельем запаслась,
Простую кибитку купила.
Родные смотрели на сборы мои,
Загадочно как-то вздыхая;
Отъезду не верил никто из семьи...
Последнюю ночь провела я
С ребенком. Нагнувшись над сыном моим,
Улыбку малютки родного
Запомнить старалась; играла я с ним
Печатью письма рокового.
Играла и думала: «Бедный мой сын!
Не знаешь ты, чем ты играешь!
Здесь участь твоя: ты проснешься один,
Несчастный! Ты мать потеряешь!»
И в горе упав на ручонки его
Лицом, я шептала, рыдая:
«Прости, что тебя, для отца твоего,
Мой бедный, покинуть должна я...»

А он улыбался: не думал он спать,
Любуясь красивым пакетом;
Большая и красная эта печать
Его забавляла...
С рассветом
Спокойно и крепко заснуло дитя,
И щечки его заалели.
С любимого личика глаз не сводя,
Молясь у его колыбели,
Я встретила утро...
Я вмиг собралась.
Сестру заклинала я снова
Быть матерью сыну... Сестра поклялась...
Кибитка была уж готова.

Сурово молчали родные мои,
Прощание было немое.
Я думала: «Я умерла для семьи,
Всё милое, всё дорогое
Теряю... нет счета печальных потерь!..»
Мать как-то спокойно сидела,
Казалось, не веря еще и теперь,

Чтоб дочка уехать посмела,
И каждый с вопросом смотрел на отца.
Сидел он поодаль понуро,
Не молвил словечка, не поднял лица,—
Оно было бледно и хмуро.
Последние вещи в кибитку снесли,
Я плакала, бодрость теряя,
Минуты мучительно медленно шли...
Сестру наконец обняла я
И мать обняла. «Ну, господь вас храни!» —
Сказала я, братьев целуя.
Отцу подражая, молчали они...
Старик поднялся, негодуя,
По сжатым губам, по морщинам чела
Ходили зловещие тени...
Я молча ему образок подала
И стала пред ним на колени:
«Я еду! хоть слово, хоть слово, отец!
Прости свою дочь, ради бога!..»
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
И, руки с угрозой подняв надо мной,
Чуть слышно сказал (я дрожала):
— Смотри! через год возвращайся домой,
Не то — прокляну!..—

Я упала...

Глава IV

«Довольно, довольно объятий и слез!»
Я села — и тройка помчалась.
«Прощайте, родные!» В декабрьский мороз
Я с домом отцовским рассталась,
И мчалась без отдыху с лишком три дня;
Меня быстрота увлекала,
Она была лучшим врачом для меня...
Я скоро в Москву прискакала,
К сестре Зинаиде.[4] Мила и умна
Была молодая княгиня.
Как музыку знала! Как пела она!
Искусство ей было святыня.
Она нам оставила книгу новелл,[5]

Исполненных грации нежной,
Поэт Веневитинов стансы ей пел,
Влюбленный в нее безнадежно;
В Италии год Зинаида жила
И к нам — по сказанью поэта —
«Цвет южного неба в очах принесла».[6]
Царица московского света,
Она не чуждалась артистов,— житье
Им было у Зины в гостиной;
Они уважали, любили ее
И северной звали Коринной...

Поплакали мы. По душе ей была
Решимость моя роковая:
«Крепись, моя бедная! будь весела!
Ты мрачная стала такая.
Чем мне эти темные тучи прогнать?
Как мы распростимся с тобою?
А вот что! ложись ты до вечера спать,
А вечером пир я устрою.
Не бойся! всё будет во вкусе твоем,
Друзья у меня не повесы.
Любимые песни твои мы споем,
Сыграем любимые пьесы...»

И вечером весть, что приехала я,
В Москве уже многие знали.
В то время несчастные наши мужья
Вниманье Москвы занимали:
Едва огласилось решенье суда,
Всем было неловко и жутко,
В салонах Москвы повторялась тогда
Одна ростопчинская шутка:
«В Европе сапожник, чтоб барином стать,
Бунтует,— понятное дело!
У нас революцию сделала знать:
В сапожники, что ль, захотела?..»

И сделалась я «героинею дня».
Не только артисты, поэты —
Вся двинулась знатная наша родня;
Парадные, цугом кареты
Гремели; напудрив свои парики,

Потемкину ровня по летам,
Явились былые тузы-старики
С отменно учтивым приветом;
Старушки статс-дамы былого двора
В объятья меня заключали:
«Какое геройство!.. Какая пора!..» —
И в такт головами качали.

Ну, словом, что было в Москве повидней,
Что в ней мимоездом гостило,
Всё вечером съехалось к Зине моей:
Артистов тут множество было,
Певцов-итальянцев тут слышала я,
Что были тогда знамениты,
Отца моего сослуживцы, друзья
Тут были, печалью убиты.
Тут были родные ушедших туда,
Куда я сама торопилась,
Писателей группа, любимых тогда,
Со мной дружелюбно простилась:
Тут были Одоевский, Вяземский; был
Поэт вдохновенный и милый,
Поклонник кузины, что рано почил,
Безвременно взятый могилой.

И Пушкин тут был... Я узнала его...
Он другом был нашего детства,
В Юрзуфе [7] он жил у отца моего.
В ту пору проказ и кокетства
Смеялись, болтали мы, бегали с ним,
Бросали друг в друга цветами.
Всё наше семейство поехало в Крым,
И Пушкин отправился с нами.
Мы ехали весело. Вот наконец
И горы, и Черное море!
Велел постоять экипажам отец,
Гуляли мы тут на просторе.

Тогда уже был мне шестнадцатый год.
Гибка, высока не по летам,
Покинув семью, я стрелою вперед
Умчалась с курчавым поэтом;
Без шляпки, с распущенной длинной косой,
Полуденным солнцем палима,

Я к морю летела,— и был предо мной
Вид южного берега Крыма!
Я радостным взором глядела кругом,
Я прыгала, с морем играла;
Когда удалялся прилив, я бегом
До самой воды добегала,
Когда же прилив возвращался опять
И волны грядой подступали,
От них я спешила назад убежать,
А волны меня настигали!..

И Пушкин смотрел... и смеялся, что я
Ботинки мои промочила.
«Молчите! идет гувернантка моя!» —
Сказала я строго (я скрыла,
Что ноги промокли)... Потом я прочла
В «Онегине» чудные строки.[8]
Я вспыхнула вся — я довольна была...
Теперь я стара, так далеки
Те красные дни! Я не буду скрывать,
Что Пушкин в то время казался
Влюбленным в меня... но, по правде сказать,
В кого он тогда не влюблялся!
Но, думаю, он не любил никого
Тогда, кроме Музы: едва ли
Не больше любви занимали его
Волненья ее и печали...

Юрзуф живописен: в роскошных садах
Долины его потонули,
У ног его море, вдали Аюдаг...
Татарские хижины льнули
К подножию скал; виноград выбегал
На кручу лозой отягченной,
И тополь местами недвижно стоял
Зеленой и стройной колонной.
Мы заняли дом под нависшей скалой,
Поэт наверху приютился,
Он нам говорил, что доволен судьбой,
Что в море и горы влюбился.
Прогулки его продолжались по дням
И были всегда одиноки,
Он у́ моря часто бродил по ночам.

По-английски брал он уроки
У Лены, сестры моей: Байрон тогда
Его занимал чрезвычайно.
Случалось сестре перевесть иногда
Из Байрона что-нибудь — тайно;
Она мне читала попытки свои,
А после рвала и бросала,
Но Пушкину кто-то сказал из семьи,
Что Лена стихи сочиняла:
Поэт подобрал лоскутки под окном
И вывел всё дело на сцену.
Хваля переводы, он долго потом
Конфузил несчастную Лену...
Окончив занятья, спускался он вниз
И с нами делился досугом;
У самой террасы стоял кипарис,
Поэт называл его другом,
Под ним заставал его часто рассвет,
Он с ним, уезжая, прощался...
И мне говорили, что Пушкина след
В туземной легенде остался:
«К поэту летал соловей по ночам,
Как в небо луна выплывала,
И вместе с поэтом он пел — и, певцам
Внимая, природа смолкала!
Потом соловей,— повествует народ,—
Летал сюда каждое лето:
И свищет, и плачет, и словно зовет
К забытому другу поэта!
Но умер поэт — прилетать перестал
Пернатый певец... Полный горя,
С тех пор кипарис сиротою стоял,
Внимая лишь ропоту моря...»
Но Пушкин надолго прославил его:
Туристы его навещают,
Садятся под ним и на память с него
Душистые ветки срывают...

Печальна была наша встреча. Поэт
Подавлен был истинным горем.
Припомнил он игры ребяческих лет
В далеком Юрзуфе, над морем.
Покинув привычный насмешливый тон,

С любовью, с тоской бесконечной,
С участием брата напутствовал он
Подругу той жизни беспечной!
Со мной он по комнате долго ходил,
Судьбой озабочен моею,
Я помню, родные, что он говорил,
Да так передать не сумею:
«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы смелым терпеньем богаты,
Пусть мирно свершится ваш путь роковой,
Пусть вас не смущают утраты!
Поверьте, душевной такой чистоты
Не стоит сей свет ненавистный!
Блажен, кто меняет его суеты
На подвиг любви бескорыстной!
Что свет? опостылевший всем маскарад!
В нем сердце черствеет и дремлет,
В нем царствует вечный, рассчитанный хлад
И пылкую правду объемлет...

Вражда умирится влияньем годов,
Пред временем рухнет преграда,
И вам возвратятся пенаты отцов
И сени домашнего сада!
Целебно вольется в усталую грудь
Долины наследственной сладость,
Вы гордо оглянете пройденный путь
И снова узнаете радость.

Да, верю! недолго вам горе терпеть,
Гнев царский не будет же вечным...
Но если придется в степи умереть,
Помянут вас словом сердечным:
Пленителен образ отважной жены,
Явившей душевную силу
И в снежных пустынях суровой страны
Сокрывшейся рано в могилу!

Умрете, но ваших страданий рассказ
Поймется живыми сердцами,
И заполночь правнуки ваши о вас
Беседы не кончат с друзьями.
Они им покажут, вздохнув от души,

Черты незабвенные ваши,
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!..
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но мир Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине.

Но что я?.. Дай бог вам здоровья и сил!
А там и увидеться можно:
Мне царь ,,Пугачева" писать поручил,
Пугач меня мучит безбожно,
Расправиться с ним я на славу хочу,
Мне быть на Урале придется.
Поеду весной, поскорей захвачу
Что путного там соберется,
Да к вам и махну, переехав Урал...»

Поэт написал «Пугачева»,
Но в дальние наши снега не попал.
Как мог он сдержать это слово?..

Я слушала музыку, грусти полна,
Я пению жадно внимала;
Сама я не пела — была я больна,
Я только других умоляла:
«Подумайте: я уезжаю с зарей...
О, пойте же, пойте! играйте!..
Ни музыки я не услышу такой,
Ни песни... Наслушаться дайте!..»

И чудные звуки лились без конца!
Торжественной песней прощальной
Окончился вечер,— не помню лица
Без грусти, без думы печальной!
Черты неподвижных, суровых старух
Утратили холод надменный,
И взор, что, казалось, навеки потух,
Светился слезой умиленной...
Артисты старались себя превзойти,
Не знаю я песни прелестней
Той песни-молитвы о добром пути,
Той благословляющей песни...

О, как вдохновенно играли они!
Как пели!.. и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни!»,—
Прощаясь со мной со слезами...

Глава V

Морозно. Дорога бела и гладка,
Ни тучи на всем небосклоне...
Обмерзли усы, борода ямщика,
Дрожит он в своем балахоне.
Спина его, плечи и шапка в снегу,
Хрипит он, коней понукая,
И кашляют кони его на бегу,
Глубоко и трудно вздыхая...

Обычные виды: былая краса
Пустынного русского края,
Угрюмо шумят строевые леса,
Гигантские тени бросая;
Равнины покрыты алмазным ковром,
Деревни в снегу потонули,
Мелькнул на пригорке помещичий дом,
Церковные главы блеснули...

Обычные встречи: обоз без конца,
Толпа богомолок старушек,
Гремящая почта, фигура купца
На груде перин и подушек;
Казенная фура! с десяток подвод:
Навалены ружья и ранцы.
Солдатики! Жидкий, безусый народ,
Должно быть, еще новобранцы;
Сынков провожают отцы-мужики
Да матери, сестры и жены:
«Уводят, уводят сердечных в полки!» —
Доносятся горькие стоны...

Подняв кулаки над спиной ямщика,
Неистово мчится фельдъегерь.
На самой дороге догнав русака,
Усатый помещичий егерь
Махнул через ров на проворном коне,
Добычу у псов отбивает.

Со всей своей свитой стоит в стороне
Помещик — борзых подзывает...

Обычные сцены: на станциях ад —
Ругаются, спорят, толкутся.
«Ну, трогай!» Из окон ребята глядят,
Попы у харчевни дерутся;
У кузницы бьется лошадка в станке,
Выходит весь сажей покрытый
Кузнец с раскаленной подковой в руке:
«Эй, парень, держи ей копыты!..»

В Казани я сделала первый привал,
На жестком диване уснула;
Из окон гостиницы видела бал
И, каюсь, глубоко вздохнула!
Я вспомнила: час или два с небольшим
Осталось до Нового года.
«Счастливые люди! как весело им!
У них и покой, и свобода,
Танцуют, смеются!.. а мне не знавать
Веселья... я еду на муки!..»
Не надо бы мыслей таких допускать,
Да молодость, молодость, внуки!

Здесь снова пугали меня Трубецкой,
Что будто ее воротили:
«Но я не боюсь — позволенье со мной!»
Часы уже десять пробили,
Пора! я оделась. «Готов ли ямщик?»
— Княгиня, вам лучше дождаться
Рассвета,— заметил смотритель-старик.—
Метель начала подыматься! —
«Ах! то ли придется еще испытать!
Поеду. Скорей, ради бога!..»

Звенит колокольчик, ни зги не видать,
Что дальше, то хуже дорога,
Поталкивать начало сильно в бока,
Какими-то едем грядами,
Не вижу я даже спины ямщика:
Бугор намело между нами.
Чуть-чуть не упала кибитка моя,

Шарахнулась тройка и стала.
Ямщик мой заохал: «Докладывал я:
Пождать бы! дорога пропала!..»

Послала дорогу искать ямщика,
Кибитку рогожей закрыла,
Подумала: верно, уж полночь близка,
Пружинку часов подавила:
Двенадцать ударило! Кончился год,
И новый успел народиться!
Откинув циновку, гляжу я вперед —
По-прежнему вьюга крутится.
Какое ей дело до наших скорбей,
До нашего нового года?
И я равнодушна к тревоге твоей
И к стонам твоим, непогода!
Своя у меня роковая тоска,
И с ней я борюсь одиноко...

Поздравила я моего ямщика.
«Зимовка тут есть недалеко,—
Сказал он,— рассвета дождемся мы в ней!»
Подъехали мы, разбудили
Каких-то убогих лесных сторожей,
Их дымную печь затопили.
Рассказывал ужасы житель лесной,
Да я его сказки забыла...
Согрелись мы чаем. Пора на покой!
Метель всё ужаснее выла.
Лесник покрестился, ночник погасил
И с помощью пасынка Феди
Огромных два камня к дверям привалил.
«Зачем?» — Одолели медведи! —

Потом он улегся на голом полу,
Всё скоро уснуло в сторожке,
Я думала, думала... лежа в углу
На мерзлой и жесткой рогожке...
Сначала веселые были мечты:
Я вспомнила праздники наши,
Огнями горящую залу, цветы,
Подарки, заздравные чаши,
И шумные речи, и ласки... кругом

Всё милое, всё дорогое —
Но где же Сергей?.. И подумав о нем,
Забыла я всё остальное!

Я живо вскочила, как только ямщик
Продрогший в окно постучался.
Чуть свет на дорогу нас вывел лесник,
Но деньги принять отказался.
«Не надо, родная! Бог вас защити,
Дороги-то дальше опасны!»
Крепчали морозы по мере пути
И сделались скоро ужасны.
Совсем я закрыла кибитку мою —
И темно, и страшная скука,
Что делать? Стихи вспоминаю, пою,
Когда-нибудь кончится мука!
Пусть сердце рыдает, пусть ветер ревет
И путь мой заносят метели,
А всё-таки я подвигаюсь вперед!
Так ехала я три недели...

Однажды, заслышав какой-то содом,
Циновку мою я открыла,
Взглянула: мы едем обширным селом,
Мне сразу глаза ослепило:
Пылали костры по дороге моей...
Тут были крестьяне, крестьянки,
Солдаты и — целый табун лошадей...
«Здесь станция: ждут серебрянки,* —
Сказал мой ямщик.— Мы увидим ее,
Она, чай, идет недалече...»

Сибирь высылала богатство свое,
Я рада была этой встрече:
«Дождусь серебрянки! Авось что-нибудь
О муже, о наших узнаю.
При ней офицер, из Нерчинска их путь...»
В харчевне спжу, поджидаю...
Вошел молодой офицер; он курил,
Он мне не кивнул головою,
Он как-то надменно глядел и ходил,

* Обоз с серебром.

И вот я сказала с тоскою:
«Вы видели, верно... известны ли вам
Те... жертвы декабрьского дела...
Здоровы они? Каково-то им там?
О муже я знать бы хотела...»
Нахально ко мне повернул он лицо —
Черты были злы и суровы —
И, выпустив изо рту дыму кольцо,
Сказал: — Несомненно здоровы,
Но я их не знаю — и знать не хочу,
Я мало ли каторжных видел!..—
Как больно мне было, родные! Молчу...
Несчастный! меня же обидел!..
Я бросила только презрительный взгляд,
С достоинством юноша вышел...
У печки тут грелся какой-то солдат,
Проклятье мое он услышал,
И доброе слово — не варварский смех —
Нашел в своем сердце солдатском:
— Здоровы! — сказал он,— я видел их всех,
Живут в руднике Благодатском!..—
Но тут возвратился надменный герой,
Поспешно ушла я в кибитку.
Спасибо, солдатик! спасибо, родной!
Не даром я вынесла пытку!

Поутру на белые степи гляжу,
Послышался звон колокольный,
Тихонько в убогую церковь вхожу,
Смешалась с толпой богомольной.
Отслушав обедню, к попу подошла,
Молебен служить попросила...
Всё было спокойно — толпа не ушла...
Совсем меня горе сломило!
За что мы обижены столько, Христос?
За что поруганьем покрыты?
И реки давно накопившихся слез
Упали на жесткие плиты!
Казалось, народ мою грусть разделял,
Молясь молчаливо и строго,
И голос священника скорбью звучал,
Прося об изгнанниках бога...
Убогий, в пустыне затерянный храм!

В нем плакать мне было не стыдно,
Участье страдальцев, молящихся там,
Убитой душе не обидно...

(Отец Иоанн, что молебен служил
И так непритворно молился,
Потом в каземате священником был
И с нами душой породнился.)

А ночью ямщик не сдержал лошадей,
Гора была страшно крутая,
И я полетела с кибиткой моей
С высокой вершины Алтая!

В Иркутске проделали то же со мной,
Чем там Трубецкую терзали...
Байкал. Переправа — и холод такой,
Что слезы в глазах замерзали.
Потом я рассталась с кибиткой моей
(Пропала санная дорога).
Мне жаль ее было: я плакала в ней
И думала, думала много!

Дорога без снегу — в телеге! Сперва
Телега меня занимала,
Но вскоре потом, ни жива ни мертва,
Я прелесть телеги узнала.
Узнала и голод на этом пути,
К несчастию, мне не сказали,
Что тут ничего невозможно найти,
Тут почту бурята держали.
Говядину вялят на солнце они
Да греются чаем кирпичным,
И тот еще с салом! Господь сохрани
Попробовать вам, непривычным!
Зато под Нерчинском мне задали бал:
Какой-то купец тороватый
В Иркутске заметил меня, обогнал
И в честь мою праздник богатый
Устроил... Спасибо! я рада была
И вкусным пельменям, и бане...
А праздник, как мертвая, весь проспала
В гостиной его на диване...

Не знала я, что впереди меня ждет!
Я утром в Нерчинск прискакала,
Не верю глазам,— Трубецкая идет!
«Догнала тебя я, догнала!»
— *Они в Благодатске!* — Я бросилась к ней,
Счастливые слезы роняя...
В двенадцати только верстах мой Сергей,
И Катя со мной Трубецкая!

Глава VI

Кто знал одиночество в дальнем пути,
Чьи спутники — горе да вьюга,
Кому провиденьем дано обрести
В пустыне негаданно друга,
Тот нашу взаимную радость поймет...
— Устала, устала я, Маша! —
«Не плачь, моя бедная Катя! Спасет
Нас дружба и молодость наша!
Нас жребий один неразрывно связал,
Судьба нас равно обманула,
И тот же поток твое счастье умчал,
В котором мое потонуло.
Пойдем же мы об руку трудным путем,
Как шли зеленеющим лугом,
И обе достойно свой крест понесем
И будем мы сильны друг другом.
Что мы потеряли? подумай, сестра!
Игрушки тщеславья... Не много!
Теперь перед нами дорога добра,
Дорога избранников бога!
Найдем мы униженных, скорбных мужей,
Но будем мы им утешеньем,
Мы кротостью нашей смягчим палачей,
Страданье осилим терпеньем.
Опорою гибнущим, слабым, больным
Мы будем в тюрьме ненавистной
И рук не положим, пока не свершим
Обета любви бескорыстной!..
Чиста наша жертва — мы всё отдаем
Избранникам нашим и богу.
И верю я: мы невредимо пройдем
Всю трудную нашу дорогу...»

Природа устала с собой воевать —
День ясный, морозный и тихий.
Снега под Нерчинском явились опять,
В санях покатили мы лихо...
О ссыльных рассказывал русский ямщик
(Он знал их фамилии даже):
— На этих конях я возил их в рудник,
Да только в другом экипаже.
Должно быть, дорога легка им была:
Шутили, смешили друг дружку;
На завтрак ватрушку мне мать испекла,
Так я подарил им ватрушку,
Двугривенный дали — я брать не хотел:
„Возьми, паренек, пригодится...“ —

Болтая, он живо в село прилетел:
— Ну, барыни! где становиться? —
«Вези нас к начальнику прямо в острог».
— Эй, други, не дайте в обиду! —

Начальник был тучен и, кажется, строг,
Спросил, по какому мы виду?
«В Иркутске читали инструкцию нам
И выслать в Нерчинск обещали...»
— Застряла, застряла, голубушка, там! —
«Вот копия, нам ее дали...»
— Что копия? с ней попадешься впросак! —
«Вот царское вам позволенье!»
Не знал по-французски упрямый чудак,
Не верил нам,— смех и мученье!
«Вы видите подпись царя: Николай?»
До подписи нет ему дела,
Ему из Нерчинска бумагу подай!
Поехать за ней я хотела,
Но он объявил, что отправится сам
И к утру бумагу добудет.
«Да точно ли?..» — Честное слово! А вам
Полезнее выспаться будет!..—

И мы добрались до какой-то избы,
О завтрашнем утре мечтая;
С оконцем из слюды, низка, без трубы,
Была наша хата такая,

Что я головою касалась стены,
А в дверь упиралась ногами;
Но мелочи эти нам были смешны,
Не то уж случалося с нами.
Мы вместе! теперь бы легко я снесла
И самые трудные муки...
Проснулась я рано, а Катя спала,
Пошла по деревне от скуки:
Избушки такие ж, как наша, числом
До сотни, в овраге торчали,
А вот и кирпичный с решетками дом!
При нем часовые стояли.
«Не здесь ли преступники?» — Здесь, да ушли.—
«Куда?» — На работу вестимо! —
Какие-то дети меня повели...
Бежали мы все — нестерпимо
Хотелось мне мужа увидеть скорей;
Он близко! Он шел тут недавно!
«Вы видите их?» — я спросила детей.
— Да, видим! Поют они славно!
Вон дверца... гляди же! Пойдем мы теперь,
Прощай!.. — Убежали ребята...

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой,— наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!
В дороге, в изгнанье, где я ни была,
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Мое непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слезы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...

«Вас в каторге самый закон не спасет!» —
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники дань уваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы — ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клейменый:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печеный,
Но грудь и теперь занывает с тоски,
Когда я о нем вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто — из народа, родные!..

Рыданьям моим часовой уступил,
Как бога его я просила!
Светильник (род факела) он засветил,
В какой-то подвал я вступила
И долго спускалась всё ниже; потом
Пошла я глухим коридором,
Уступами шел он: темно было в нем
И душно; где плесень узором
Лежала; где тихо струилась вода
И лужами книзу стекала.
Я слышала шорох; земля иногда
Комками со стен упадала;
Я видела страшные ямы в стенах;
Казалось, такие ж дороги
От них начинались. Забыла я страх,
Проворно несли меня ноги!

И вдруг я услышала крики: «Куда,
Куда вы? Убиться хотите?
Ходить не позволено дамам туда!

Вернитесь скорей! Погодите!»
Беда моя! видно, дежурный пришел
(Его часовой так боялся),
Кричал он так грозно, так голос был зол,
Шум скорых шагов приближался...
Что делать? Я факел задула. Вперед
Впотьмах наугад побежала...
Господь, коли хочет, везде проведет!
Не знаю, как я не упала,
Как голову я не оставила там!
Судьба берегла меня. Мимо
Ужасных расселин, провалов и ям
Бог вывел меня невредимо:
Я скоро увидела свет впереди,
Там звездочка словно светилась...
И вылетел радостный крик из груди:
«Огонь!» Я крестом осенилась...
Я сбросила шубу... Бегу на огонь,
Как бог уберег во мне душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...

И стало, родные, светлей и светлей!
Увидела я возвышенье:
Какая-то площадь... и тени на ней...
Чу... молот! работа, движенье...
Там люди! Увидят ли только они?
Фигуры отчетливей стали...
Вот ближе, сильней замелькали огни.
Должно быть, меня увидали...
И кто-то стоявший на самом краю
Воскликнул: «Не ангел ли божий?
Смотрите, смотрите!» — Ведь мы не в раю:
Проклятая шахта похожей
На ад! — говорили другие, смеясь,
И быстро на край выбегали,
И я приближалась поспешно. Дивясь,
Недвижно они ожидали.

«Волконская!» — вдруг закричал Трубецкой
(Узнала я голос). Спустили
Мне лестницу; я поднялася стрелой!
Всё люди знакомые были:

Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев,
Борисовы, князь Оболенской...
Потоком сердечных, восторженных слов,
Похвал моей дерзости женской
Была я осыпана; слезы текли
По лицам их, полным участья...
Но где же Сергей мой? «За ним уж пошли,
Не умер бы только от счастья!
Кончает урок: по три пуда руды
Мы в день достаем для России,
Как видите, нас не убили труды!»
Веселые были такие,
Шутили, но я под веселостью их
Печальную повесть читала
(Мне новостью были оковы на них,
Что их закуют — я не знала)...
Известьем о Кате, о милой жене,
Утешила я Трубецкого;
Все письма, по счастию, были при мне,
С приветом из края родного
Спешила я их передать. Между тем
Внизу офицер горячился:
«Кто лестницу принял? Куда и зачем
Смотритель работ отлучился?
Сударыня! Вспомните слово мое,
Убьетесь!.. Эй, лестницу, черти!
Живей!.. (Но никто не подставил ее...)
Убьетесь, убьетесь до смерти!
Извольте спуститься! да что ж вы?..» Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду.
Они пролагали мне путь впереди,
Носилки свои предлагали...

Орудья подземных работ на пути,
Провалы, бугры мы встречали.
Работа кипела под звуки оков,
Под песни,— работа над бездной!
Стучались в упругую грудь рудников
И заступ и молот железный.
Там с ношею узник шагал по бревну,
Невольно кричала я: «Тише!»

Там новую мину вели в глубину,
Там люди карабкались выше
По шатким подпоркам... Какие труды!
Какая отвага!.. Сверкали
Местами добытые глыбы руды
И щедрую дань обещали...

Вдруг кто-то воскликнул: «Идет он! идет!»
Окинув пространство глазами,
Я чуть не упала, рванувшись вперед,—
Канава была перед нами.
«Потише, потише! Ужели затем
Вы тысячи верст пролетели,—
Сказал Трубецкой,— чтоб на горе нам всем
В канаве погибнуть — у цели?»
И за руку крепко меня он держал:
«Что б было, когда б вы упали?»
Сергей торопился, но тихо шагал.
Оковы уныло звучали.
Да, цепи! Палач не забыл никого
(О, мстительный трус и мучитель!),—
Но кроток он был, как избравший его
Орудьем своим искупитель.
Пред ним расступались, молчанье храня,
Рабочие люди и стража...
И вот он увидел, увидел меня!
И руки простер ко мне: «Маша!»
И стал, обессиленный словно, вдали...
Два ссыльных его поддержали.
По бледным щекам его слезы текли,
Простертые руки дрожали...

Душе моей милого голоса звук
Мгновенно послал обновленье,
Отраду, надежду, забвение мук,
Отцовской угрозы забвенье!
И с криком «иду!» я бежала бегом,
Рванув неожиданно руку,
По узкой доске над зияющим рвом
Навстречу призывному звуку...
«Иду!..» Посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое...
И я побежала... И душу мою

Наполнило чувство святое.
Я только теперь, в руднике роковом,
Услышав ужасные звуки,
Увидев оковы на муже моем,
Вполне поняла его муки,
И силу его... и готовность страдать!
Невольно пред ним я склонила
Колени,— и прежде чем мужа обнять,
Оковы к губам приложила!..

И тихого ангела бог ниспослал
В подземные копи — в мгновенье
И говор, и грохот работ замолчал,
И замерло словно движенье,
Чужие, свои — со слезами в глазах,
Взволнованы, бледны, суровы —
Стояли кругом. На недвижных ногах
Не издали звука оковы,
И в воздухе поднятый молот застыл...
Всё тихо — ни песни, ни речи...
Казалось, что каждый здесь с нами делил
И горечь, и счастие встречи!
Святая, святая была тишина!
Какой-то высокой печали,
Какой-то торжественной думы полна.

«Да где же вы все запропали?» —
Вдруг снизу донесся неистовый крик.
Смотритель работ появился.
«Уйдите! — сказал со слезами старик.—
Нарочно я, барыня, скрылся,
Теперь уходите. Пора! Забранят!
Начальники люди крутые...»
И словно из рая спустилась я в ад...
И только... и только, родные!
По-русски меня офицер обругал,
Внизу ожидавший в тревоге,
А сверху мне муж по-французски сказал:
«Увидимся, Маша,— в остроге!..»

ПРИМЕЧАНИЯ К ПОЭМЕ «КН<ЯГИНЯ> М. Н. ВОЛКОНСКАЯ»

[1] См. «Деяния российских полководцев и генералов, ознаменовавших себя в достопамятную войну с Франциею, в 1812—1815 годах». С.-Петербург. 1822 года. Часть 3, стр. 30—64. Биография генерала от кавалерии Николая Николаевича Раевского.

[2] См. соч. Жуковского, изд. 1849 года, том 1, «Певец во стане русских воинов», стр. 280:

Раевский, слава наших дней,
Хвала! перед рядами
Он первый — грудь против мечей —
С отважными сынами...

Факт, о котором здесь упоминается, в «Деяниях» рассказан следующим образом, часть 3, стр. 52:

«В сражении при Дашкове, когда храбрые Россияне, от чрезвычайного превосходства в силах и ужасного действия артиллерии неприятеля, несколько поколебались, генерал Раевский, зная, сколько личный пример начальника одушевляет подчиненных ему воинов, *взяв за руки двух своих сыновей, не достигших еще двадцатилетнего возраста, бросился с ними вперед на одну неприятельскую батарею,* упорствовавшую еще покориться мужеству героев, вскричал: „*Вперед, ребята, за царя и отечество! я и дети мои, коих приношу в жертву, откроем вам путь!..*“ — и что могло после сего противостоять усилиям и рвению предводимых таким начальником войск! Батарея была тотчас взята».

Этот факт рассказан и у Михайловского-Данилевского (т. 1, стр. 329, изд. 1839 года), с тою разницею, что, по рассказу Данилевского, дело происходило не под *Дашковой,* а при *Салтановке,* и при этом случае упомянут подвиг шестнадцатилетнего юнкера, ровесника с Раевским, несшего впереди полка знамя, при переходе через греблю, под убийственным огнем, и когда младший из Раевских (Николай Николаевич) просил у него знамя, под предлогом, что тот устал: «Дайте мне нести знамя», юнкер, не отдавая оного, отвечал: «Я сам умею умирать!» Подлинность всего этого подтверждает и генерал Липранди, заметка которого («Из дневника и воспоминаний И. П. Липранди») помещена в «Архиве» г. Бартенева (1866 года, стр. 1214).

[3] Наша поэма была уже написана, когда мы вспомнили, что генерал Раевский и по возвращении из похода, окончившегося взятием Парижа, продолжал служить. Мы не сочли нужным изменить нашего текста, так как это обстоятельство чисто внешнее; притом Раевский, командовавший корпусом, расположенным близ Киева, под старость, действительно, часто живал в деревне, где, по свидетельству Пушкина, который хорошо знал Н. Н. Раевского и был другом с его сыновьями, занимался, между прочим, домашнею медициной и садоводством. Приводим кстати свидетельство Пушкина о Раевском в одном из писем брату:

«Мой друг, счастливейшие минуты в жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. Я в нем любил человека с ясным умом, с простой, прекрасной душой; снисходительного, попечительного друга, всегда милого, ласкового хозяина. Свидетель екатерининского века, памятник 12-го года, человек без пред-

рассудков, с сильным характером и чувствительный, он невольно привяжет к себе всякого, кто только достоин понимать и ценить его высокие качества».

[4] Зинаида Волконская, урожденная кн. Белосельская, была родственницей нашей героине по мужу.

[5] Quatre Nouvelles. Par M-me La Princesse Zénéide Wolkonsky, née P-sse Béloselsky. Moscou, dans l'imprimerie d'Auguste Semen, 1819.

[6] См. стихотворения Д. В. Веневитинова, изд. А. Пятковского. СПб., 1862 (Элегия, стр. 96):

«На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла».

Пушкин также посвятил З. В<олконс>кой стихотворение (1827 год), начинающееся стихом:

«Царица муз и красоты» и пр.

[7] Юрзуф, очаровательный уголок южного берега Крыма, лежит на восточной оконечности южного берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Заметим здесь, что во всем нашем рассказе о пребывании Пушкина у Раевских в Юрзуфе не вымышлено нами ни одного слова. Анекдот о шалости Пушкина по поводу переводов Елены Николаевны Раевской рассказан в статье г. Бартенева «Пушкин в Южной России» («Русский архив» 1866 года, стр. 1115). О друге своем кипарисе упоминает сам Пушкин в известном письме к Дельвигу: «В двух шагах от дома рос кипарис; каждое утро я посещал его и привязался к нему чувством, похожим на дружество». Легенда, связавшаяся впоследствии с этим другом Пушкина, рассказана в «Крымских письмах» Евгении Тур («С.-Петербургские ведомости» 1854 года, письмо 5-е) и повторена в упомянутой выше статье г. Бартенева.

[8] Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Летевшим дружной чередою
С любовью пасть к ее ногам,
и проч.
(«Онегин» Пушкина)

1875

СОВРЕМЕННИКИ

Часть первая

ЮБИЛЯРЫ И ТРИУМФАТОРЫ

Я книгу взял, восстав от сна,
И прочитал я в ней:
«Бывали хуже времена,
Но не было подлей».

Швырнул далеко книгу я.
Ужели мы с тобой
Такого века сыновья,
О друг-читатель мой?..

Конечно, нет! Конечно, нет!
Клевещет наш зоил.
Лакей принес пучок газет;
Я жадно их раскрыл,

Минуя кражу и пожар
И ряд самоубийц,
Встречаю слово «юбиляр»,
Читаю список лиц,

Стяжавших лавры. Счета нет!
Стипендия... медаль...
Аренда... памятник... обед...
Обед... обед... О враль!

Протри глаза!.. Иду к друзьям:
Готовит спич один,
Другой десяток телеграмм —
В Москву, в Рязань, в Тульчин.

Пошел я с ним «на телеграф».
Лакеи, кучера,
Депеши кверху приподняв,
Толпились там с утра.

Мелькают крупные слова:
«Герою много лет...»
«Ликуй, Орел!..» «Гордись, Москва!»
«Бердичеву привет...»

Немало тут «друзей добра»,
«Отцов» не перечесть,
А вот листок: одно — «Ура!..»
Пора, однако, есть.

Я пришел в трактир и тоже
Счет теряю торжествам.
Книга дерзкая! за что же
Ты укор послала нам?..

У Дюссо готовят славно
Юбилейные столы;
Там обедают издавна
Триумфаторы-орлы.
Посмотрите — что за рыба!
Еле внес ее лакей.
Слышно «русское спасибо»
Из отворенных дверей.
Заказав бульон и дичи,
Коридором я брожу;
Дверь растворят — слышу спичи,
На пирующих гляжу:
Люди заняты в трактирах,
Не мешают... я и рад...

Зала № 1

В первой зале все в мундирах,
В белых галстухах стоят.
Юбиляр-администратор
Древен, весь шитьем залит,
Две звезды... Ему оратор,

Тоже старец, говорит:
«Ты на страже государства,
Как стоокий Аргус, бдил,
Но, преследуя коварство,
Добродетель ты щадил.
Голова твоя седая
Не запятнана стыдом:
Дальним краем управляя,
Не был ты его бичом.
В то же время населенья
Ты потворством не растлил,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты до собственности частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и... ура!..»

Вдруг курьер вошел сияя,
Засиял и юбиляр.
Юбиляру, поздравляя,
Поднесли достойный дар.

№ 2

Заглянул я в залу эту
И прижался у дверей.
Седовласому поэту
Здесь справляли юбилей.

Семь речей ему сказали,
Все заслуги перечли,
И к Шекспиру приравняли,
И Гомером нарекли...

Что же вышло? Друг искусства
Как-то холодно внимал:
«Ваши речи полны чувства,
Полны искренних похвал,

Их довольно, чтоб прославить
Мой художественный дар,
Но... позвольте мне прибавить»,—
Скромно молвил юбиляр.

И затем себе восьмую
Речь сказал любимец муз
С жаром, с чувством... да такую,
Что льстецы пришли в конфуз!

Пошлость их речей бездарных
Стала каждому ясна:
Вместо фраз высокопарных
Речь его была полна

Поэтических сравнений,
Поэтических картин,
Блеск и сила!.. Точно: гений,
Да притом — и века сын.

Что за радость быть педантом,
Скромность вечную хранить?
Всем служить своим талантом,
А себе не послужить?..

№ 3

Речь долго, долго длилась,
Расплакался старик...
Я сделал шаг... открылась
Другая дверь — на миг,
И тут героя чтили,
Кричали: «Много лет!»
Герою подносили
Магницкого портрет:
«Крамольники лукавы,
Рази — и не жалей!»

Исчезла сцена славы —
Захлопнул дверь лакей...

№ 4

На столе лежат «подарки»,
В Петербурге лучших нет.
Две брильянтовые арки —
Восхитительный браслет!
Бриллиантовые звезды...

Чудо!.. Несколько ребят
С упоением невесты
На сокровища глядят.
(Были тут и лиценсты,
И пажи, и юнкера,
И незрелые юристы,
И купцы... et caetera... *)

«Чудо!» — дядька их почтенный
Восклицает, князь Иван,
И, летами удрученный,
Упадает на диван...

Князь Иван — колосс по брюху,
Руки — род пуховика,
Пьедесталом служит уху
Ожиревшая щека.
По устройству верхней губы
Он — бульдог; с оскалом зубы,
Под гребенку волоса
И добрейшие глаза.
Он — известный объедало,
    Говорит умно,
Словно в бочку из-под сала
    Льет в себя вино.
Дома редко пребывает,
До шестидесяти лет
Водевили посещает,
Оперетку и балет.
У него друзья — кадеты,
Именитый дед его
Был шутом Елизаветы,
Сам он — ровно ничего.
Презирает аксельбанты,
Не охотник до чинов.
Унаследовав таланты
Исторических шутов,
С языком своим проворным,
С дерзким смехом, в век иной
Был бы он шутом придворным,
А теперь он — шут простой.

---

* и так далее *(лат.)*.

«Да! дары такие редки! —
Восклицает князь Иван.—
Надо спрыснуть... спрыснуть, детки!..
Наливай полней стакан!..
Нет, постой! В начале пира
Совершим один обряд:
Перед нами нет кумира,
Но... *и камни говорят!*
Эта брошка приютится
У богини на груди,
Значит, должно преклониться
Перед нею... Подходи!..»

И почтительно к алмазам
Приложился князь Иван,
И потом уж выпил разом
Свой вместительный стакан.
И, вослед за командиром,
Приложилися юнцы
К бриллиантам и сапфирам...

«На колени, молодцы!
Гимн!..»

Глядит умильным взором
Старый шут на небеса,
И поют согласным хором
Молодые голоса:

«Мадонны лик,
Взор херувима...
Мадам Жюдик
Непостижима!

Жизнь наша — пуф,
Пустей ореха,
Заехать в Буфф —
Одна утеха.

Восторга крик,
Порыв блаженства...
Мадам Жюдик —
Верх совершенства!»

№ 5

. . . .

№ 6

Военный пир... военный спор...
Не знаю, кто тут триумфатор.
«Аничков — вор! Мордвинов — вор! —
Кричит увлекшийся оратор.—
Милютин ваш — не патриот,
А просто карбонарий ярый,
Куда он армию ведет?..
Нет! лучше был порядок старый!
Солдата в палки ставь — и знай,
Что только палка бьет пороки!
Читай историю, читай!
Благие в ней найдешь уроки:
Где страх начальства, там и честь.
А страх без палки — скоротечен.
Пусть целый день не мог присесть
Солдат, порядочно посечен,
Пускай он ночью оставлял
Кровавый след на жестком ложе,
Не он ли в битвах доказал,
Что был небитого дороже?»

№ 7

«...Первоприсутствуя в сенате,
Радел ли ты о меньшем брате?
Всегда ли ты служил добру?
Всегда ли к истине стремился?..»
«Позвольте-с!»
Я посторонился
И дал дорогу осетру...

№ 8

Большая зала... шуму нет...
Ученое собранье,
Агрономический обед,
Вернее — заседанье.

Встает известный агроном,
Член общества — Коленов
(Докладчик пасмурен лицом,
Печальны лица членов).
Он говорит: «Я посвятил
Досуг мой скотоводству,
Я восемь лет в Тироле жил,
Поверив превосходству
Швейцарских, английских пород,
В отечестве любезном
Старался я улучшить скот
И думал быть полезным.
Увы! напрасная мечта!
Убил я даром годы:
Соломы мало для скота
Улучшенной породы!
В крови у русской клячи есть
Привычка золотая:
„Работать много, мало есть“ —
Основа вековая!
Печальный вид: голодный конь
На почве истощенной,
С голодным пахарем... А тронь
Рукой непосвященной —
Еще печальней что-нибудь
Получится в итоге...
Покинул я опасный путь
Увы! на полдороге...
Трудитесь дальше без меня...»

— Прискорбны речи ваши!
Придется с нынешнего дня
Закрыть собранья наши! —
Сказал ученый президент
(Толстяк, заплывший жиром).—
Разделим скромный дивиденд
И разойдемся с миром!
Оставим бедный наш народ
Судьбам его — и богу!
Без нас скорее он найдет
К развитию дорогу...—

«Закрыть! закрыть, хотя и жаль! —
Решило всё собранье.—

И дать Коленову медаль:
„За ревность и старанье“».

«Ура!.. Подписку!..» Увлеклись —
Не скупо подписали,—
И благодушно занялись
Моделью для медали...

№ 9

Председатель Казенной палаты —
Представительный, тучный старик —
И директор. Я слышал дебаты,
Но о чем? хорошенько не вник.

«Мы вас вызвали... ваши способности...»
— Нет-с! вернее: решительность мер.—
«Не вхожу ни в какие подробности,
Вы — губерниям прочим пример,

Господин председатель Пасьянсов!»
— Гран-Пасьянсов! — поправил старик.
«Был бы рай в министерстве финансов,
Если б всюду платил так мужик!

Жаль, что люди такие способные
Редки! Если бы меры принять
По всему государству подобные?..»
— И тогда — не могу отвечать!

Доложите министру финансов,
Что действительно беден мужик.—
«Но — пример ваш, почтенный Пасьянсов?..»
— Гран-Пасьянсов! — поправил старик...

№ 10

Шаг вперед — и снова зала,
Всё заводчики-тузы;
Слышен голос: «Ты сначала
Много выдержал грозы.
Весь души прекрасной пламень
Ты принес на подвиг свой,
Но пошел ко дну, как камень

Броненосец первый твой!
Смертоносные гранаты
Изобрел ты на врагов...
Были б чудо — результаты,
Кабы дельных мастеров!
То-то их принять бы в прутья!..
Ты гранатою своей
Переранил из орудья
Только собственных людей...
Ты поклялся, как заразы,
Новых опытов бежать,
Но казенные заказы
Увлекли тебя опять,
Ты вступил...»
                    Лакей суровый
Дверь захлопнул, как назло.

№ 11

Я вперед... Из залы новой
Мертвечиной понесло...
Пир тут, видно, не секретный —
Настежь дверь... народу тьма...
Господин Ветхозаветный
Говорит:
              «Судьба сама
Нас свела сегодня вместе;
Шел я радостно сюда,
Как жених грядет к невесте,—
Новость, новость, господа!
Отзывался часто Пушкин
Из могилы... Наконец
Отозвался и Тяпушкин,
Скромный труженик-певец:
Драгоценную находку
Отыскал товарищ наш!
В бедной лавочке селедку
Завернул в нее торгаш.
Грязный синенький листочек,
А какие перлы в нем!..»

— Прочитай-ка хоть кусочек! —
Закричали...

«Мы начнем
С детства. Видно, что в разъезды
Посылал его отец:
Где иной считал бы звезды,
Он...» — Читай же! — Начал чтец:

ОТРЫВОК ИЗ ПУТЕВЫХ ЗАМЕТОК
ЮНОШИ ТЯПУШКИНА,
ВЕДЕННЫХ ИМ ВО ВРЕМЯ РАЗЪЕЗДОВ
ЕГО ПО РОССИИ ПО ДЕЛАМ ОТЦА

(Найден случайно между оберточной бумагой в лавке купца С. С. Подтекина; подлинник — собственность Зосима Терентьевича Ветхозаветного)

На реке на Свири
Рыба, как в Сибири,
Окуни, лини
Средней долины.
На реке же Лене
Хуже, чем на Оби:
Ноги по колени
Отморозил обе,
А прибыв в Ирбит,
Дядей был прибит...

— Превосходно! поэтично!..—
Каждый в лупу смотрит лист.
«И притом характерично,—
Замечает журналист.—
То-то мы ударим в трубы!
То-то праздник будет нам!»
И прикладывает губы
К полуграмотным строкам.
Приложил — и, к делу рьяный,
Примечание строчит:
«Отморозил ноги — *пьяный*
И — *за пьянство* был побит;
Чужды нравственности узкой,
Не решаемся мы скрыть
Этот знак натуры русской...
Да! „веселье Руси — пить“!..

Прим. ред.»

«Уж знакомлюсь я с поэтом,
Биографию пишу...»

— Не снабдите ли портретом? —

«Дорогонько... погляжу...
Случай редкий! Мы России
Явим вновь труды свои:
Восстановим запятые,
Двоеточие над ï;
Можно будет в духе „Миши“
Предисловье написать:
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь —
Провидения печать!..
Позавидует Бартенев
И Ефремов зашипит,
Но заметку сам Тургенев
В „Петербургских“ поместит...»

— Верно! царь ты русской прессы,
Хоть и служишь мертвецам:
Все живые интересы
Уступают поле нам...—

«Так... и так да будет вечно!..
Дарованья в наши дни
Гибнут рано... Жаль, конечно,
Да бестактны и они...
Жаль!.. Но боги справедливы
В начертаниях своих!
Нам без смерти — нет поживы,
Как аптеке без больных!
Дарованием богатый
Служит обществу пером,
Служим мы ему лопатой...
Други! пьем! За мертвых пьем!..»

Вместо влаги искрометной
Пили запросто марсал,
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал:
«Я люблю живых писателей,
Но — мне мертвые милей!..»

Это — пир гробовскрывателей!..
Дальше, дальше поскорей!..

№ 12

«Путь, отечеству полезный,
Ты геройски довершил,
Ты не дрогнул перед бездной,
Ты...»
Татарин нелюбезный
Двери круто затворил;
Несмотря на все старанья,
Речь дослушать я не мог,
Слышны только лобызанья,
Да «ура!..», да «с нами бог!..»

№ 13

«Получай же по проценту! —
Говорит седой банкир
Полицейскому агенту.—
В честь твою сегодня пир!»
Рад банкир, как сумасшедший;
Все довольны; сыщик пьян;
От детей сюда зашедший,
По знакомству, князь Иван
Держит спич:

«Свои законы
Есть у века, господа!
Как пропали миллионы,
Я подумал: не беда!
Верьте, нет глупей несчастья
Потерять последний грош,—
Ни пропажи, ни участья,
Хоть повесься, не найдешь!
А украдут у банкира
Из десятка миллион —
Растревожится полмира...
„Миллион!..“ Со всех сторон
Сожаленья раздадутся,
Все правительства снесутся,
Телеграммами в набат
Приударят! Все газеты
Похитителя приметы
Многократно возвестят,
Обозначат каждый прыщик...

И глядишь: нашелся вор!
На два дни банкир и сыщик —
Самый модный разговор!
Им улыбки, им поклоны,
Поздравленья добрых душ...
Уж терять — так миллионы,
Царь вселенной — куш!..»

№ 14

«Были вы вчера студенты,
Нынче — граждане,— гласит
Дослужившийся до ленты
Старичок.— Да сохранит
Вас судьба в житейской битве,
На прощанье повторю:
Путь спасения — в молитве
И в покорности царю!
Будьте, юноши! степенней,
Ретрограднее отцов!
Есть ли в мире что презренней
Агитаторов-глупцов?
Ваши сестры, ваши братья,
А нередко и отцы —
Распростерли им объятья,
Уготовили венцы!
Всюду — страшно молвить даже! —
Им поддержка, им почет...
Стань же, юноша! на страже!
Будь отечества оплот!
Будь семьи руководитель,
Злу не дай торжествовать,
Заблуждается родитель —
И родителя попять!..
Блага жизни вам дадутся,
Лишь нейдите по стопам
Тех, кто дерзко предаются
Анархическим мечтам!
Им готовит провиденье
Вместо власти и венца
Одиночество, забвенье
И — изгнанье без конца...»

№ 15

Чу! пенье! Я туда скорей,
То пела светская плеяда
Благотворителей посредством лотерей,
Концерта, бала, маскарада...

«Да-с! Марья Львовна
За бедных в воду,
Мы Марье Львовне
Сложили оду.

Где Марья Львовна?
На вдовьем бале!
Где Марья Львовна?
В читальном зале...

Кто на эстраде
Поет романсы?
Чьи в маскараде
Вернее шансы?

У Марьи Львовны
Так милы речи,
У Марьи Львовны
Так круглы плечи!..

Гласит афиша:
„Народный праздник“.
Купил корову
Один проказник:

„Да-с, Марья Львовна,
Не ваши речи,
Да-с, Марья Львовна,
Не ваши плечи,

С народом нужны
Иные шансы...“
В саду корова
Поет романсы,

В саду толпится
Народ наивный,
Рискуют прачки
Последней гривной,

За грош корову
Кому не надо?
И побелели
Дорожки сада,

Как будто в мае
Послал бог снегу...
Пустых билетов
Свезли телегу

Из сада ночью.
Ай! Марья Львовна!
Пятнадцать тысяч
Собрали ровно!

Пятнадцать — с нищих!
Что значит — масса!
Да процветает
Приюта касса!

Да процветает
И Марья Львовна,
Пусть ей живется
Легко и ровно!..

Да-с, Марья Львовна
За бедных в воду...
Ее призванье —
Служить народу!»

№ 16

Слышен голос — и знакомый:
«Ананас — не огурец!»
Возложили гастрономы
На товарища венец.
Это — круг интимный, близкий.
Тише! слышен жаркий спор:

Над какою-то сосиской
Произносят приговор,
Поросенку ставят баллы,
Рассуждая о вине,
Тычут градусник в бокалы...
«Как! четыре — ветчине?..»
И поссорились... Стыдитесь!
Вредно ссориться, друзья!
Благодушно веселитесь!
Скоро к вам приду и я.
Буду новую сосиску
Каждый день изобретать,
Буду мнение без риску
О салате подавать.
Буду кушать плотно, жирно,
Обленюся, как верблюд,
И засну навеки мирно
Между двух изящных блюд...

Часть вторая

ГЕРОИ ВРЕМЕНИ

ТРАГИКОМЕДИЯ

«Кушать подано!» — Мне дали
Очень маленький салон.
За стеной «ура!» кричали,
По тарелкам шел трезвон.
Кто ж они — с моим чуланом
Рядом — пьющие теперь?
Я чуть-чуть открыл диваном
Загороженную дверь,
Поглядел из-за портьеры:
Зала публикой кишит —
Всё тузы-акционеры!
На ловца и зверь бежит...

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании,

В группе директоров Шкурин сидит
(Синяя чуйка и крупные губы).
Старец, прошедший сквозь медные трубы,—
Савва Антихристов — спич говорит.
(Общество пестрое: франты, гусары,
И генерал, и банкир, и кулак.)

«Да, господа! самородок-русак
Стоит немецких философов пары!
Был он мужик, не имел ничего,
Часто гуляла по мальчику палка.
Дальше скажу вам словами его
(Тут и отвага, и ум, и смекалка):

„Я — уроженец степей;
Дав пастухам по алтыну,
Я из хребта у свиней
В младости дергал щетину.

Мечется стадо, ревет.
Знамо: живая скотина!
Мальчик не трусит — дерет,
Первого сорту щетина!

Стал я теперь богачом;
Дом у меня как картинка,
Думаю, глядя на дом:
Это — свиная щетинка!..“

Великорусская, меткая речь!..
С детства умел он добыть и сберечь.
Сняли мы линию; много заботы:
Надо сдавать земляные работы.
Еду я раз по делам в Перекоп,
Вижу, с артелью идет землекоп.
„Кто ты?“ — Я — Федор Никифоров Шкурин.—

(Обращается к Шкурину)

Чокнемся! Выпьем, Христов мужичок!
Ну, господа генералы! чок-чок!..
Выбор-то мой оказался недурен...

(Чокаются и пьют.)

Прибыл подрядчик на место работ,
Вместо науки с одним „глазомером“,
Ездит по селам с своим инженером,
Рядит рабочих — никто не идет!
Земли кругом тут дворянские были,—
Только дворяне о них позабыли.
Всем тут орудовал грубый „кустарь“,
Пренебреженной окраины царь.
Жители рыбу в озерах ловили,
Гнали безданно из пеньев смолу,
Брали морошку, опенки солили
И говорили: „Нейдем в кабалу!“
Нет послушанья, порядка и прочего,
Прежде всего: создавай тут „рабочего“.
Как же создашь его? Шкурин не спит:
Земли, озера, болота, графит —
    Всё откупил у помещика,
    „Всё — до последнего лещика!“
(Как энергически сам говорит.)
Дрогнула грубая сила „кустарная“,
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, лучезарная
    Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
    Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
    Разом понизился труд!..

Ходко пошла земляная работа.
Шкурин, трудясь до кровавого пота,
    Не раздевался в ночи,
Жил без семейства в степи безотрадной,
Обувь, одежду, перцовку, харчи
Сам поставлял для артели громадной.
Он, разделяя с рабочим труды,
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды
Дал он рабочему квас превосходный!
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни, довалившись до кваса,
Меньше харчей потребляла артель

И обходилась охотно без мяса!
Быстро в артели упал аппетит
На двадцать два с половиной процента.
Я умолкаю... графа дивиденда
Красноречивее слов говорит!..»

«Ура!» прокричали, героя сравнили
С находчивым «янки». А я между тем,
Покамест здоровье подрядчика пили,
Успел присмотреться ко всем:
Во-первых, тут были почетные лица
В чинах, с орденами. Их видит столица
В сенате, в палатах, в судах.
Служа безупрёчно и пользуясь весом,
Они посвящают досуг интересам
Коммерческих фирм на паях.
Тут были плебеи, из праха и пыли
Достигшие денег, крестов,
И рядом вельможи тут русские были,
Погрязшие в тине долгов.
(То имя, что деды в безумной отваге
Прославили,— гордость страны —
Они за паи подмахнут на бумаге,
Не стоящей трети цены...)
Сидели тут важно, в сознании силы
«Зацепа» и «Савва» — столпы-воротилы
(Зацепа был мрачен, а Савва сиял).
Тут были банкиры, дельцы биржевые,
И земская сила — дворяне степные,
Тут было с десяток менял.
Сидели тут рядом тузы-иноземцы:
Остзейские, русские, прусские немцы,
Евреи и греки и много других —
В Варшаве, в Одессе, в Крыму, в Петербурге
Банкирские фирмы у них —
На *аки*, на *раки*, на *берги* и *бурги*
Кончаются прозвища их.
Зацепа — красивый старик белокудрый,
Наживший богатство политикой мудрой,—
Был сборища главным вождем.
Профессор, юрист, адвокат знаменитый
И два инженера — с ученым значком —

Его окружали почетною свитой.
Григорий Аркадьич Зацепин стяжал
В коммерческом мире великую славу
И львиную долю себе выделял
Из каждого крупного дела по праву.
Сей старец находчив, умен, даровит,
В нем чудная тайна успеха таится,
Недаром он в каждом правленье сидит...
Придет вам охота в аферы пуститься,
Старайтесь его к предприятью привлечь —
Пойдет как по маслу!..

Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор,
Меняло,— писклива была его речь:
«Мм. гг.
Времена наступают тревожные,
Кризис близится: мало дают
Предприятья железнодорожные,
Банки тоже не бойко идут:
„Половину закрыть не мешало бы!“ —
Слышен в публике хор голосов,
Как недавно мы слышали жалобы
На избыток питейных домов.
Время выйти на поприще новое,
Честь имею проект предложить,
Всё обдумано — дело готовое,
Стоит только устав сочинить.

(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает с одушевлением)

Мысль — „Центрального дома терпимости“.
Такова наша мысль! Скажут нам:
Прежде Невский целковыми вымости,
И на то я согласие дам!
Вам порукою наше серьезное
Отношенье к делам вообще,
Что развитие ей грандиозное
Мы надеемся дать не вотще:
Лишь бы нам разрешили концессию...
Учредим капитал на паях
И, убив мелочную профессию,
Двинем дело на всех парусах!

Нет сомненья, что цель учреждения
Наше общество скоро поймет:
Понесут нам свои сбережения
Все, кутящие ныне вразброд!
Предприятия с точки вещественной
Невозможно вернее желать,
Равным образом с точки общественной
Трудно пользу его отрицать.
Без надзора строжайшего, честного
Не оставим мы дело никак,
Мы наймем адвоката известного
Для разбора скандалов и драк.
Будет много у нас подражателей,
Но не будет такого нигде
Наблюденья: возьмем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде...»

———

«В тихом омуте водятся черти!» —
Кто-то рядом со мной прошептал;
Некто Грош испугался до смерти
Остроумной затеи менял
И подвинулся дальше со стулом.
На проект отвечала толпа
Нерешительным, сдержанным гулом,
Ждали мненья Зацепы-столпа.

«Да (сказал он), доходное дело,
Но советую вам подождать.
Ново... странно... до дерзости смело...
Преждевременно, смею сказать!
Кто не знает? Пророки событий,
Пролагатели новых путей,
Провозвестники важных открытий —
Побиваются грудой камней.
Двинув раньше вперед спекуляцию,
Чем прогресс узаконит ее,
Потеряете вы репутацию
И погубите дело свое.
Подождите! Прогресс подвигается,
И движенью не видно конца:
Что сегодня постыдным считается,
Удостоится завтра венца...»

«Браво!» Залп громоподобный...
На арену вышел Грош
И проекту спич надгробный
Довершил: «Проект хорош,
Исполнители опасны!» —
Он язвительно сказал.
Пренья были долги, страстны,
Впрочем, я их не слыхал,
Я заснул...
                    Мне снились планы
О походах на карманы
Благодушных россиян,
И, ощупав мой карман,
Я проснулся...

                    Шумно... В уши
Словно бьют колокола,
Гомерические куши,
Миллионные дела,
Баснословные оклады,
Недовыручка, дележ,
Рельсы, шпалы, банки, вклады —
Ничего не разберешь!..
Я сидел тупой и мрачный,
Долго мне понять мешал
Этот крик и дым табачный:
Где я? Как сюда попал?..

Через дверь, чуть-чуть открытую,
Вижу лиц усталых ряд,
Вижу жженку недопитую,
Землянику, виноград.
К англичанину с объятьями
Лезет русский человек.
«Выпьем, Борух! Будем братьями!» —
Говорит еврею грек.
Кто-то низко клонит голову,
Кто-то на пол льет вино,
Кто-то Утина Ермолову
Уподобил... Всё пьяно!..

Я понял: кончили дела
И нараспашку закутили.

Одни сидели у стола,
Другие парами ходили.
Сюда пришел и князь Иван[1]
И, на диване отдыхая,
Не умолкал, как барабан,
Чужие речи заглушая.
Старик с друзьями продолжал
Пить вдохновляющую жженку
И мимо шедшим посылал
Свои любезности вдогонку.
Теперь цинизм у них царил,
И разговор был часто страшен:
«С какой иконы ты скусил
Тот перл, которым ты украшен?»
— Да с той, которой помолясь,
Ты Гасферу подсыпал яду...—
Так остроумно веселясь,
Одни смеялись до упаду,
Другие хмурились... Журча,
Лился поток суждений, споров...
Вот вам отрывки разговоров,
Ищите сами к ним ключа...

1-й голос

Отложили на неделю,
Миллиончик пропадет.
Вот господь послал Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл о братьях Примах,
Знай наладил: Цах да Цах!
Образец непроходимых
Государственных нерях!
С ним теперь и смех и горе.
Прежний много лучше был:
Не сажал нас на мель в море
И на суше не топил.

2-й голос (князя Ивана)

Чу! как орут «Казань!..», «Ветлуга!..»
Адепты севера и юга.
Немного фактов, бездна слов...

---

[1] См. часть 1-ю «Юбиляры и триумфаторы», зала № 4-й.

Одно тут каждый понимает,
Что на пути до рудников
Постлать соломки не мешает!

3-й голос

У нас был директор дороги,
Кондукторам красть не давал:
В вагоны, как тать, проникал,
У сонных сосчитывал ноги,
Чтоб видеть: придется иль нет
На каждую пару билет?
Но дальше билетов и ног
Считать ничего он не мог!..

Голос князя Ивана *(кому-то навстречу)*

Сотню рублей серебра
В день получаю...
Сорок четыре ребра
В сутки ломаю...
А! господин костолом!
Радуюсь встрече случайной.
Правда ли? мы создаем
Новый проект чрезвычайный:
Предупредительных мер
Мы отрицаем полезность...
(Так! господин инженер!
Благодарим за любезность.)
Вечно мы будем ломать
Едущим руки и ноги:
Надо врачей насажать
На протяженье дороги,
С правого боку возвесть
Раненым нужно жилища,
А для убитых отвесть
С левого боку кладбища.
Так-с! Выражаясь точней,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей...
Мало еще вы кутите!
Что же? Дай бог вам успеть!
Можете руки вы знатно,

Строя больницы, нагреть,
И пассажирам приятно:
Вместо того чтоб зевать
В наших пустынях унылых —
Впредь до крушенья — считать
Будут кресты на могилах!

Двое (4-й и 5-й) *(проходя мимо двери, негромко)*

«Вам дадут пари строители,
Я готов держать пари
На тысчонку! Не хотите ли?»
— В чем же дело, говори! —
«Это — путь из самых прибыльных,
Но ведь это — тоже дверь
Для обмена мыслей гибельных...
Понимаете теперь?»
— Верно! малый ты практический!
Как пари не заплатить?
С точки зренья стратегической
Можно Волгу запрудить! —

Голос князя Ивана *(кому-то вдогонку)*

Пестрый галстук с черным фраком,
Ряд нечищеных зубов
И подернутая лаком
Рожа — признак дураков.
В перстне камень изумрудный.
Неотесанный болван:
Содержатель кассы ссудной,
Главной кассы — важный сан!
Этот тип безмерно гнусен.
Современный Митрофан
Глуп во всем, в одном искусен:
Залезать в чужой карман!
И на нем дух века виден,
Он по трусости — скупец,
По невежеству — бесстыден
И по глупости — подлец!

6-й голос

За что швырнул в меня он карточкой своей
И завтра обещал прислать мне секунданта?
Ведь я не отрицал у Душкиной таланта,
Я только говорил, что Радина милей!
Военный человек, не спорю я, прекрасен,
Но дальше от него держаться должно нам.
Во времена войны — опасен он врагам,
А в мирное — он всем опасен.

Голос князя Ивана *(кому-то навстречу)*

Тысяч восемьдесят в банках
Получает этот франт,
Он живет бессменно в санках —
В этом весь его талант.
Есть другой счастливец в мире,
Полунемец, полугрек,
Получает *сто четыре...*
Заурядный человек!
Дай мне легонькие санки
И рысистого коня,
Я и сам все наши банки
Облечу в теченье дня!

7-й голос

Человека накачали
И забыли... Как тут быть?
Если нет цыган, нельзя ли
Хоть арфисток пригласить?
Без прекрасного-то пола
Скучновато во хмелю.
Пить так пить — *до протокола,*
Середины не люблю!

Голос князя Ивана

На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.

Экой ратоборец!
Железнодорожник,
И гостинодворец,
И во всем — художник!

8-й голос

В нашем банке заседают
Пять ростовщиков,
Фортель их таков:
Меж собой распределяют
Весь наличный капитал
Из осьми... а выручают
Сорок... Подло! я отстал.

Голос князя Ивана *(кому-то вдогонку)*

Слыл умником и в ус себе не дул,
Поклонники в нем видели мессию;
Попал на министерский стул
И — наглупил на всю Россию!

9-й голос

...Говорю: помиритесь добром!
Не советую знаться с судом!..

На Литейном такое есть здание,
Где виновного ждет наказание,
А невинен — отпустят домой,
Окативши ушатом помой.
Я там был. Не последнее бедствие,
Доложу вам, судебное следствие,—
Юный пристав меня истерзал;
Прокурор, поседевший во бдении,
Так копался в моем поведении,
Что с натуги в истерику впал;
Сторона утверждала противная,
Что вся жизнь моя — цепь непрерывная
Вопиющих каких-то картин,
И, содрав гонорар неумеренный,
Восклицал мой присяжный поверенный:
«Перед вами стоит гражданин
Чище снега альпийских вершин!..»

Невеселое вышло решение:
Без лишения прав заключение.
Две недели пришлось проскучать,
Да с полгода ругала печать!

10-й голос

Печать? У ней строитель — вор!
Железные дороги — душегубки!
Суды?.. По платью приговор!
А им любезны только полушубки.
Теперь не в моде уважать
По капиталу, чину, званью...
Как!? Под арестом содержать
Игуменью — честную Митрофанью?..

11-й голос

Не щадят и духовного звания!
Адвокатам одним только рай:
За лишение прав состояния
И за то теперь деньги подай!

Голос князя Ивана *(кому-то вдогонку)*

Не люблю австрийца!
Думается мне:
Вот — сыноубийца!
Чу! призыв к войне!
Брошены парады,
Дети в бой идут,
А отцы подряды
На войска берут...
Юные герои
Гибнут в каждом бое,
Не поймут никак:
Отчего в атаке,
В самой жаркой драке,
Невредим пруссак?
Дети! вас надули
Ваши старики:
Глиняные пули
Ставили в полки!

Неразлучной бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый,
В драгоценных камнях франт.
Вот подходят к самой двери,
Продолжая рассуждать:
«Мне „товарища на вере“
Было легче отыскать.
Выручай! надеждой прочной
Остаешься ты один.
Выручай! ты — безупрёчный,
Полноправный гражданин!
Ты — писатель! Ты брошюрой
„О процентах“ заявил
Связь свою с литературой,
Ты Тиблену кумом был.
Ты художник по натуре...»
— Нежелательно прослыть
Подставным в литературе...—
«Вот нашел о чем тужить!
Полно! Мы с тобой — не детки.
Нынче — царство подставных,
Настоящие-то редки,
Да и спросу нет на них.
Погляди — моряк на суше,
Инженер на корабле,
А дела идут не хуже
И не лучше на земле.
Не у нас — во всей Европе
Прессой правит капитал,
Был же Генкель, есть же Гоппе...
Ты бы ярче их сиял!
Прессе нужны коммерсанты.
Поспешив на помощь ей,
Как направим мы таланты,
Как устроимся!»

Еврей

Отвечает, убежденью
Начиная уступать:
— Если нужно просвещенью
Руку помощи подать,
Я готов, но — бог свидетель —

Я от грамоты отвык...—
«Тут нужна лишь добродетель!» —
Восклицает биржевик...

«Дай еще им пять бутылок!» —
Испустил внезапный крик
Некто — стриженый затылок,
Голова «à la мужик».
Рост высокий, стан не гибкой,
А лицо... странней всего,
Как не высекли ошибкой
По лицу его!
Выпив первую бутылку,
Лизоблюдов пьяный хор
Тороватому затылку
Лестью выпалил в упор:

— Сколько вы божьих храмов построили!
— Сколько выдали замуж невест!
— Сколько вдов и сирот успокоили!
— Сколько роздали пенсий и мест!
— А какие вы строите линии!
Подвиг ваш — достоянье веков! —
Поправляя очки свои синие,
Заключил запевало льстецов.—
На Урале, на Лене, на Тереке
Предстоят еще подвиги вам.
Были люди в Европе, в Америке,
А таких не встречалось и там! —

«Будто? Вот как! Скажите! Неужели? —
Восклицал осовевший герой.—
Мы, однако, так плотно покушали,
Что пора, господа, и домой...»

И вскочили «орлы» его верные,
И героя домой повели...

Про таланты его непомерные
Очень громкие слухи прошли.
Как шаман, он обвешан жетонами
(А на шее Владимирский крест).
С телеграммами, спичами, звонами

Колокольными — ездит и ест,
Упивается тонкими винами,
Сыплет золото щедрой рукой,
В предприятиях долями львиными
Наделяется... Чем не герой?..
Есть, однако, и мненье противное:
Говорят, у него никаких
Дарований, богатство фиктивное;
Говорят, он — игрушка других,
Нужен он для одной декорации;
Три-четыре искусных дельца
В омут самой шальной спекуляции,
Словно мячик, бросают глупца.
Как вопьются раки жирные
В тело белое его,
Эти люди, с виду смирные,
Обрывают их с него,
И потом дружка сердечного
В новый омут повлекут...
Ничего нет в мире вечного —
Скоро будет он банкрут!

Голос князя Ивана *(навстречу вновь вошедшему)*

А! Авраам-изыскатель!
Мимо прошел: не узнал,
Чем возгордился, приятель?
Я пастухом тебя знал...

Лота отца попрекает,
Берка от Лоты бежит,
Месяца три пропадает
И, возвратясь, говорит:

«Радуйся! дочь моя Лота!
Радуйся, Янкель, мой сын!
Дети! Купил я болота
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделася в шубку,
Янкель за шапкой бежит,
Едут смотреть на покупку —
Лошадь с натуги хрипит,

Местность всё ниже и ниже,
Множество кочек и ям.
«Вот оно! Лота! смотри же!»
Лота не верит глазам:

Нету ничем ничего-то,
Кроме трясины и мхов!
Только слетели с болота
Семьдесят семь куликов!

Едучи шагом обратно,
Янкель трунил над отцом,
Лота работала знатно
Длинным своим языком.

Берка на жалобы эти
Молвил, подъехав к крыльцу:
«Не угодил я вам, дети,
Да угодил продавцу!»

Утром он с ними простился,
Месяца три пропадал.
Ночью домой воротился,
«Радуйтесь!» — снова сказал.

Янкель и Лота не рады,
Думают: глупость опять!
«Взял я большие подряды!»
Берка пустился плясать.

«Четверть с рубля обойдется,
Четверть с рубля... без гроша...
Семьдесят семь остается,
Семьдесят семь барыша!»

Денег у Берки без счета,
Берка — давно дворянин,
Благословляя болота
Семьдесят семь десятин!..

Чу! песня! Полные вином,
Два инженера ликовали
И пели песенку о том,
Как «непреклонного» сломали:

«Я проект мой излагал
Ясно, непреложно —
Сухо молвил генерал:
„Это невозможно!“

Я протекцию сыскал,
Всё обставил чудно,
Грустно молвил генерал:
„Это очень трудно!“

В третий раз понять я дал:
Будет — гривна со́ ста,
И воскликнул генерал:
„Это — очень просто!“»

Голос князя Ивана

На уме чины да куши,
Пассажиров бьет гуртом:
Христианские-то души
Жидовине нипочем.
До пределов незаконных
Глуп, а денежки гребет...
Всё равно что резать сонных —
Обирать народ!

Слышны толки: «Леность... пьянство...
Земство... волость... мужики...»
Это — местное дворянство
И дворяне-степняки.
У степного дворянина
Речь любимая своя:
«Чебоксарская щетина»,
«Миргородская свинья»,
«Свекловица, мериносы»,
«Спрос на водку и барду»,
А у местного вопросы
«Всесословные» в ходу,
Граф Давыдов, князь Лобанов
В центре этого кружка
Излагают пользу планов,
Не удавшихся пока.

«Вся беда России
В недостатке власти! —
Говорят витии
По сословной части.—

Да! провинция пустеет:
Города объяты сном,
Земледелец наш беднеет,
Дворянин поник челом.

Кто не „высшего разбора“,
Убегай из наших мест,
Ты — добыча прокурора,
Мировой тебя заест!

Кто теперь там толку сыщет?
Народившийся кулак
По селеньям зверем рыщет,
Выжимает четвертак.

Выбивают недоимку,
Разоряют до гроша,
Взятку, взятку-невидимку
Ловит каждая душа!

Даже божии стихии
Ополчились на крестьян:
Повсеместно по России —
Вихри, штормы, ураган.

Гром жилища зажигает,
Нивы град господень бьет,
Деньги земство обирает,
Жадный волк уносит скот!

С мужиком одним случилось —
То-то он оторопел! —
Даже почва провалилась,
Отведенная в надел!

Не затем мы уступали
Наши древние права,
Чтоб на наше место стали
Становой и голова!

Жаль родного достоянья,
Жаль и бедных мужиков!..
Там — семейные преданья,
Там — любезный прах отцов!

Прах отцов — добыча тленья,
А живому дорог день:
Как из чумного селенья,
Мы бежим из деревень!»

Так искатели концессий,
Потерпевшие наклад
От хозяйственных профессий,
Нашим земцам говорят.

«Нет, а мы так не уходим!
Обновив с народом связь,
Мы народ облагородим,—
Говорит — по Гнейсту — князь.—

Мы судебно-полицейской
Властью пьянство укротим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.

Князь Иван закончил пренья
О вреде предоставленья
Мужику гражданских прав,
Неожиданно сказав:

«Пусть глас народа — божий глас,
Но всё-таки мужик — скотина!
Плохая шутка: свинопас
И рядом правнук Гедимина.

Враги дворян изобрели
Нарочно земское компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство».

Дворянин многоземельный
С тайной думою своей
Дышит скукою смертельной,
Есть субъекты веселей:

Генеральный бой дворянский
Проиграв, они нашлись
И войною партизанской
На досуге занялись.
Не рискуя головою,
Эти рыцари страны
Так и рвут что можно с бою
У народа, у казны:
Взяв с подряда «разреженье»
Государственных лесов,
Произвесть опустошенье,
Подменить у мужиков
Земли — дело «партизана»;
Он — процентщик, он — торгаш,
Не уйдешь его капкана,
Неизбежно дань отдашь!
Четверик фальшивой меры,
Тайный фортель у весов...
Впрочем, тут же есть примеры.
Чу! помещик Хватунов
Сам кричит: «Удрал я штуку!
Не зевайте! вот вам шанс!»
И поет, друзьям в науку,
Назидательный романс:

Песня об «орошении»

Комитету «Поощренья
Земледельческих трудов»
Сделать опыт орошенья
Наших пашен и лугов

Предложил я: снарядили
Две комиссии в наш край
И потом благословили,
Дали денег: «Орошай!»

Я поехал за границу,
Пожуировал; затем
Начал сеять свекловицу.
Время мчалось, между тем

Дом мой стал богаче, краше,
Сам толстею, что ни год.

Вдруг запрос: «Успешно ль ваше
Орошение идет?»

— При ближайшем наблюденье,—
Отвечаю в комитет,—
Нахожу, что в орошенье
В нашем крае — нужды нет,

Труд притом безмерно дорог...—
Согласились: «Нет нужды!»
А задаток — тысяч сорок —
За посильные труды

Комитет — не без участья
Добрых душ — с меня сложил,
И тогда — слезами счастья
Грудь жены я *оросил!..*

Несколько голосов

Браво, браво! ороситель!
Браво!.. Пьем за подвиг твой!..

Князь Иван

Эй! Орловский предводитель!
Познакомь меня с Фомой!
Я из чести, не из видов,
Подружиться с ним готов.
Прежде был — Денис Давыдов,
Нынче — *Фомка Хватунов!*

В каждой группе плутократов —
Русских, немцев ли, жидов —
Замечаю ренегатов
Из семьи профессоров.
Их история известна:
Скромным тружеником жил
И, служа науке честно,
Плутократию громил,
Был профессором, ученым
Лет до тридцати,
И, казалось, миллионом
Не собьешь его с пути...

Вдруг — конец истории —
В тридцать лет герой —
Прыг с обсерватории
В омут биржевой!..

Вот москвич — родоначальник
Этой фракции дельцов:
Об отечестве печальник,
Лучший тип профессоров,
Встарь он пел иные песни,
Искандер был друг его,
Кроме каменной болезни,
Не имел он ничего;
Под опалой в оны годы
Находился демократ,
Друг народа и свободы,
А теперь он — плутократ!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Этот старый патриот...

Вот другой — слывет за чудо:
Говорун и острослов,
(«Леонид» — ему покуда
Кличка у тузов).
Он *машинным красноречьем*
Плутократию дивит;
Никаким противоречьем
Не смущаясь, говорит
В интересах господина.
Загудит: поднимет лай,
Заплати да тему дай,
Говорильная машина
Будет плакать и смеяться,
Цифры, факты извращать,
На Бутовского ссылаться,
Марксом тону задавать.
Предпочтя ученой славе
Соблазнительный металл,
Леонид сперва при Савве
На посылках состоял,
Подавал ему «идейки»

(И сигары — иногда),
Знал к редакторам лазейки,
К представителям суда,
Составлял «записки», «мненья»,
Сплетни прессы отражал
И в директоры правленья
Наконец попал!
Тут уж торная дорога:
Нахватав десяток мест,
Как за пазухой у бога
Он живет; по-барски ест,
На балы к концесьонерам
Возит куколку-жену
И поет акционерам
Вечно песенку одну;
Смысл известный: «Дивидендов
Нет покамест — ожидай!
И не медля шесть процентов
Нам в награду отчисляй!»
Кризис: дело не спорится,
Денег нет, должны кругом,
В дверь правления стучится
С исполнительным листом
Пристав: кассу запирает,
Мебель штемпелем клеймит.
Леонид не унывает
И цинически острит:
«Мат, конечно, предприятью,
А правленью — не беда!
Стул с казенною печатью
Так же мягок, господа!..»

Нынче счету нет артистам,
Что таким путем пошли,
И на помощь аферистам
Силу знанья принесли.
Всякий план, в основе шаткий,
Как на сваях утвердят:
Исторической подкладкой,
Перспективами снабдят!
Дело их — стоять на страже
«Государственных идей».
Нет еще идеи даже,

Есть один намек о ней,
Уж бегут они к патронам,
Выговаривают пай.
Начинают скромным тоном:
«Нужный банк»... «Забытый край»...
Дальше — громче пропаганда,
Загорается война,
Кто за Шмита, кто за Странда!
Правду вывернув до дна,
Чудо сделают из края,
Этнографией блеснут,
И статистика такая..
Где они ее берут?

Аргумент экономический,
Аргумент патриотический
И важнейший, наконец,
С точки зренья стратегической
Аргумент — всему венец!..

Из пяти одна затея
Удалась — набит карман!
А гуманная идея
Отошла на дальний план.
Новый туз-богач в итоге,
И сказались барыши
Лишней гривною в налоге
С податной души...

Надо честь отдать почину —
Разбудили Русь они:
И купцу, и дворянину
Плохо спится в наши дни;
Прежде Русь стихи писала,
Рифмам не было числа,
А теперь практичней стала:
На проекты налегла!
Предприимчивостью чудной
Переполнились сердца,
Нет теперь задачи трудной,
Каждый план найдет дельца.
Запрудят Неву, каналы

По Сахаре проведут!..
Дайте только капиталы,
Обеспечьте риск и труд...

Да, постигла и Россия
Тайну жизни наконец,
Тайна жизни — гарантйя,
А субсидия — венец!
Будешь в славе равен Фидию,
Антокольский! изваяй
«Гарантйю» и *«Субсидию»*.
Идеалам форму дай!
Окружи свое творенье
Барельефами: толпой
Пусть идут на поклоненье
И ученый и герой;
Пусть идут израильтяне
И другие пришлецы,
И российские дворяне,
И моршанские скопцы...

Беседа кипит не смолкая,
И льется рекою вино,
Великих и малых равняя;
Все группы смешались давно.
Зацепин в ударе, как воду
Венгерское пьет; Леонид,
Великому мужу в угоду,
Вистует ему и лисит.
Из оперы новые лица
Явились; затеялся спор:
Которая выше певица,
Который пошлее актер.
Веселый толстяк красноррожий,
Хохочет Иванушка-шут,
И муж государственный тоже,
Подвыпив, беседует тут:
«Да-с, наша тропа не без терний!
Энергия — свойство мое,
Но на сорок восемь губерний
Всегда ли достанет ее?..»

Но был один — он общества чуждался;
Построивши дорогу в восемь верст,
На собственном величье помешался
Остзейский туз — барон фон Клоппенгорст.
Он вынуждал к невольному решпекту —
Торжественность в осанке и в лице;
Пусти нагим по Невскому проспекту —
Покажется он — в тоге и венце.
Он не сгибал своей баронской выи
Ни перед кем; на лбу его крутом
Начертано: «Трудился для России
И памятник воздвиг себе притом!»
Он был смешон картинно, грандиозно
И шумный пир эффектно оттенял.
Он пил один, насупив брови грозно,
По слову в час медлительно ронял.
Молчит ли он — особая манера
Молчать... глядит — победоносный взор!
Идет ли он — незыблемая вера,
Что долг других давать ему простор.
Среди судов обычного размера
Так шествовал в Россию «Монитор»...

Остроумная случайность!
На соседа непохож,
Представлял другую крайность
Эдуард Иваныч Грош —
Господин на ножках низких,
Весел, юрок и румян,
Из породы самых близких
К человеку обезьян.
К разным группам подбегает,
Щурит глазки, руки жмет,
И головкою кивает,
И хихикает, и врет.
Голосок его пискливый
Раздается там и тут;
Толстый, маленький, плешивый,
Сибарит, делец и шут —
Он, как ртуть, на всяком месте,
Слышит — кто-то говорит:
«Нужно завтра акций двести...»
— На налицность? на кредит?..—

По рукам в минуту хлопнул
И бежит туда бегом,
Где услышал слово «лопнул».
«Кто? Какой торговый дом?..»
— Лопнул — шар!..— Зимою в санках
Вечно встретите его;
Он на бирже, в думе, в банках,
Нет собранья без него:
Это высшего разряда
Фактор — сила наших дней.
Телеграфов с ним не надо,
Ни газетных новостей.
Светский мир и мир подпольный
Дань равно ему несут,
Как револьвер шестиствольный,
Он заряжен! С виду шут,
Он неспроста бьет баклуши,
Он трудится больше нас:
Настороженные уши,
Волчий зуб и лисий глаз!
Что вам нужно? Закладную?
Моську, мужа... дачу, дом,
Капитал?.. Рекомендую:
Не ударит в грязь лицом!
Честолюбье ль вас тревожит? —
Он карьере даст толчок,
Даже выхлопотать может
Португальский орденок!
По руке пригнать перчатку —
Дело Гроша! Всюду вхож,
Он туда протиснет взятку,
Что руками разведешь!..
Гроша вывели из мрака
Случай, ловкость и родня,
Не выходит он из фрака,
Пробудясь, кричит: коня!
В девять — рыщет по трущобам,
Ищет нужного дельца,
В десять — шествует за гробом
Сановитого лица;
До двенадцати — в передних
У влиятельных господ,
В час — в приюте малолетних,

Где молебен и отчет.
В два — за завтраком с кокоткой
(Он — кокоток первый друг),
С трех — на бирже... День короткой —
Пообедать недосуг!
Вечер: два-три комитета,
Оперетка и балет,
И у дамы полусвета
За рулеткой — дня рассвет!

Тише!.. новый гость явился;
Все вскочили, сам барон
Клоппенгорст пред ним склонился,
Подал руку... Кто же он?

Кто он? Действуя практически,
Я обязан умолчать,
Но могу аллегорически
Петухом его назвать.
Нет вернее аттестации:
    Золото клюет —
Возвращает... ассигнации!
    Плавно он идет
С видом скромного достоинства:
    Словно пред вождем
Дрессированное воинство,
    Смолкло всё кругом...

Поздоровался с Саввой Степанычем,
Крепко палец Зацепе сдавил,
Пошутил с Эдуардом Иванычем:
«У! как бледен! Опять пошалил?»

«Испугался проекта Дерпицына:
Об общественной пользе поет,
А в душе — идеалы Плотицына!
Зазевайся — . . . .»

А затем неизвестность полнейшая!
К сожаленью, беседа дальнейшая
Шла вполголоса... «Время на бал!» —
Уходя, незнакомец сказал.

К счастью, он вернулся снова,
На минуту сел,
И тогда четыре слова
Я поймать успел.
«Нужно выждать две недели,—
Савве он сказал.—
Нужно выждать: не созрели...»
И, допив бокал,
Вышел...

Экс-писатель бледнолицый,
Появился Пьер Кульков;
Был он долго за границей
По комиссиям дельцов
И друзьям поклон собрата
Из Италии привез.
Вожделений плутократа,
Так сказать, апофеоз
Совмещал в себе фон Руге:
Ухватив громадный куш,
Он ушел — на светлом юге
Отдыхать. «Великий муж! —
Говорят ему витии.—
Не пугайся клеветы!
Предприимчивость России
На такие высоты
Ты вознес, что миллиарда
Увезенного не жаль!..»
Не без чувства и азарта,
Устремляя очи вдаль,
Рассказал турист свиданье
С удалившимся дельцом;
Было общее молчанье,
Пел рассказчик соловьем:

«Я посетил отшельника Севильи,
На виллу Мирт хотелось мне взглянуть;
Пред ней поэт преклонится — в бессилье
Вообразить прекрасней что-нибудь!

Из мрамора каррарского колонны,
На потолках сибирский малахит,

И в воздухе висящие балконы,
И с одного — в Европе лучший вид!

Там он любил сидеть после обеда
И несколько тревожился лишь тем,
Что тот же вид доступен для соседа;
Его девиз: ,,Я не делюсь ни с кем!“

Он этим был глубоко опечален
И наконец соседа победил:
Настроил он искусственных развалин
И чудный вид соседу заградил!..

Весь под шатром навесов виноградных
Шел путь к нему извилистой тропой;
Не пожалев расходов беспощадных,
Он срыл сады — и сделал путь прямой!

Так он живет, так тратит он доходы,
Всем жертвуя комфорту своему...
Кругом цветы... искусственные воды...
Его оркестр обходится ему

В огромный куш. Устроив род престола,
Уходит он в свой музыкальный зал
И, так сказать, оркестру внемлет *solo*,
Вот жизнь его... вот жизни идеал!..»

«По такому идеалу
Может только жить — кретин! —
Вдруг сказал вошедший в залу
Незадолго господин.
(Сумасшедший или гений? —
Возникал в уме вопрос
После кратких наблюдений
Над вошедшим.) — Он унес
Из России миллионы,
И, построив пышный гроб,
На визиты, на поклоны
Чуть не царственных особ
Он рассчитывал, сгорая
Честолюбием... Увы!

Едут мимо, не склоняя
Перед Руге головы!
У него в груди есть рана,
Нанесенная ему
Катастрофою Седана.
Угадайте: почему?
Перед боем франко-прусским
Переписывался он
С императором французским,
За серебряный мильон
Титул герцога — я слышал —
Уж совсем приторговал...
Вдруг скандал седанский вышел —
Продавец банкротом стал!
И теперь о том герое
(Не забавный ли пассаж?)
В целом мире плачут трое —
Сын, жена... да Руге наш!
Пожалей, честная публика!
Где купить высокий сан?
Уж во Франции — республика!
Титлов нет у англичан
На продажу... а Германия?..
Он и так — немецкий фон...
Таковы его страдания...
Где же счастье?.. Дурень он!

Дайте мне его мильоны,
Я бы им протер глаза!
Не висячие балконы —
Я бы создал чудеса!
Петр Великий в Сестербеке
Порт громадный замышлял;
Здесь в великом человеке
Гений, видимо, дремал,
Но и в малом человечке
Он не дремлет иногда:
Нужен порт... *на Черной речке!*
Вот идея, господа!
Все другие планы к черту!
Составляйте капитал:
Смело строй дорогу к порту
И веди к нему канал!

Подойдут вагон и барка
И корабль... Сдавай, грузи!
Как маяк, горящий ярко,
Будет порт мой на Руси!
Я уж рельсы дал дорогам,
Я войскам оружье дал...
В новый путь иду я с богом...
Составляйте капитал!
С деньгами, с гением
Чудным движением
Русь оживим.
Море Балтийское,
Море Каспийское
Соединим!
Вот занятие! вот дело!
Можно душу положить!
Ненавижу нежить тело,
Нервы праздностью томить.
Уж давно я был бы Крезом,
Мог бы лавры пожинать,
Но беспошлинным железом
Не хочу я торговать.
Металлических заводов
С пивоваренным котлом
Я не строю для доходов...
Наживаться воровством
Сродно подлому холопу!
Цель моя: к окну в Европу,
Что прорублено Петром,
Вековой пристроить дом!»

(Уходит быстро и с эффектом, еще в комнате надев шляпу.)

Голос князя Ивана

Появился метеором,
Метеором — и пропал!
Никогда он не был вором,
А людей с сумой пускал.
У него своя контора
«Переписки векселей»,
Нужно штат удвоить скоро.

В день до тысячи рублей
Платит он одних процентов.
То-то жизнь! топи камин
Грудой старых документов,
Да на новых ставь: *Ладьин.*
А в стяжании не грешен,
Сам последнее отдаст...

Чье-то замечание

Но зато ведь он помешан?

Голос князя Ивана

Нет, большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И *простроить* их спеша,
Ищет он по *шапке Сеньки...*
Идеальная душа!

В летний день у пристани канала
Собралась толпа, чего-то ждет...
Духовенство шествует сначала,
А за ним комиссия идет:
Шитые мундиры, эполеты!
Чу! вдали запели бурлаки!
Но они не тощи, как скелеты,
На подбор красавцы мужики,
«В шелковых рубахах!» — шепчут бабы.
«Глянь: и Савва!» — гаркнула толпа.
С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа,
Сам купец-подрядчик бечевою
Тянет барку... К пристани пришли...
Отслужив молебен чередою,
Пировать в палатку побрели.

В торжестве открытия канала
Сам министр участье принимал,
Но не струсил Саввушка нимало —
Речь его сиятельству сказал!
Был тогда вельможа этот в силе,

Затевал громадные дела...
Эта речь «в народном, русском стиле»
Миллионы Савве принесла.
Нынче он... да словом: нет другого!
Савву надо в летописи внесть:
Савву бог сподобил *даром слова*
На Руси богатство приобресть!

Но, начав карьеру бечевою,
Любит он простого «мужичка»,
Вспоминая прошлое порою,
Напевает песню бурлака,
Ту, что пел когда-то на канале...
Выпив тост за «братьев мужиков»,
Он запел... что было русских в зале,
Подошли — и стройный хор готов:

В гору!

(БУРЛАЦКАЯ ПЕСНЯ)

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое,
Плохо житье!

Братцы, подъем!
Ухнем! напрем!

Ухни, ребята! гора-то высокая...
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Хлебушка дай!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Камушка! сколько мы слез в тебя пролили!
Мы ли, родная, тебя не доволили?
Денежек дай!
Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем, напрем!..

Кости трещат!
На́ печь бы лечь,
Зиму проспать,
Летом утечь
С бабой гулять!
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Ухни, ребята! гора-то высокая!..
Кама угрюмая! Кама глубокая!
Нет те конца!..
Эдак бы впрячь
В лямку купца —
Лег бы богач!..
Экой песок!
Эка гора!
Экой денек!
Эка жара!
Эй! ветерок!
Дуй посильней!
Нам хоть часок
Дай повольней!..

———

Два-три подрядчика с дедушкой Саввой
В пение душу кладут;
Спой так певец — наградили бы славой!
За́ сердце звуки берут.
Что ж это, господи! Всех задушевней
Шкурина голос звучит!
Веет лесами, рекою, деревней,
Русской истомой томит!
Всё в этой песне: тупое терпение,
Долгое рабство, укор...
Чуть и меня не привел в умиление
Этот разбойничий хор!..

ЭПИЛОГ

«Я — вор!» — вдруг громко прозвучал
Какой-то голос исступленный.
По зале шепот пробежал
И смолк. Глубоко удивленный,

Плотнее к двери я приник:
Изнеможенный и печальный,
Перед столом сидел старик...
Ужель Зацепа гениальный?
Да, верно! Бледен, как мертвец,
В очах глубокое страданье...
Чу! новый вопль! И наконец —
Неудержимое рыданье!

Князь Иван

Полно! полно! плакать стыдно,
Сядем лучше в домино.
Постороннему — обидно,
А друзьям твоим — смешно!
Ты подобен той гетере,
Что на склоне блудных дней
Горько плачет о потере
Добродетели своей!
Не воротится невинность,
Как глубоко ни грусти,
Лишь нарушишь пира чинность
И заставишь нас уйти!

Ушел Эфруси, важный грек,
Кивнув собранью величаво...
«Куда же вы? — воскликнул Савва.—
Зацепин — умный человек,
Но человек немного странный:
Впадает он, напившись пьян,
Как древле Грозный Иоанн,
В какой-то пафос покаянный...
Но — ничего! Гроза пройдет,
И завтра ж — побожиться смею —
Великий ум изобретет
Золотоносную идею!.
Как под дождем цветы растут
Сильней,— прибавил он к евреям,—
Так эти бури придают
Наутро блеск его идеям!..»

Зацепин

Я — вор! Я — рыцарь шайки той
Из всех племен, наречий, наций,
Что исповедует разбой
Под видом честных спекуляций!
Где сплошь да рядом — видит бог! —
Лежат в основе состоянья
Два-три фальшивых завещанья,
Убийство, кража и поджог!
Где позабудь покой и сон,
Добычу зорко карауля,
Где в результате — миллион
Или коническая пуля!

Как огорошенные градом,
Ушли остзейские тузы,
Жиды вскочили... стали рядом...
«Куда! Сейчас — конец грозы!»
И любопытные евреи
Остались... Воздух душен стал...
Зацепа рвал рубашку с шеи
И истерически рыдал...

Князь Иван

На миллион согреша,
На миллиарды тоскует!
То-то святая душа!
Что же сей сон знаменует?

Бедный Зацепа — поэт,
Горе его — непрактичность;
Нынче раскаянья нет.
Как ни зацапай наличность,

Мы оправданье найдем!
Нынче твердит и бородка:
«Американский прием»,
«Великорусская сметка!»

Грош у новейших господ
Выше стыда и закона;
Нынче тоскует лишь тот,
Кто не украл миллиона.

Бредит Америкой Русь,
К ней тяготея сердечно...
Шуйско-Ивановский гусь —
Американец?.. Конечно!

Что ни попало — тащат,
«Наш идеал,— говорят,—
Заатлантический брат:
Бог его — тоже ведь доллар!..»

Правда! но разница в том:
Бог его — доллар, добытый трудом,
А не украденный доллар!

Зацепин

К религии наклонность я питал,
Мечтал носить железные вериги,
А кончил тем, что утверждал
Заведомо подчищенные книги...

(Рыдает.)

Князь Иван

Ты книги подчистил? и только!
Уйми щекотливую честь!
Ах! если б все выпили столько,
Не то услыхали б мы здесь!

Тернисты пути совершенства,
И Русь помешалась на том:
Нельзя ли земного блаженства
Достигнуть обратным путем?

Позорные пятна на чести,
Торжественный, крупный скандал
И тысяч четыреста... двести
В итоге — вот наш идеал!

Тебя угнетает сознанье,
Что шатко общественный крест
Ты нес, получая даянье
С пятнадцати прибыльных мест?

Утешься! Под жертвою крупной
Таится подход к грабежу,
Под маской добра неприступной
Холодный расчет докажу!

Завидуешь доблестям мужа,
Что несколько раз устоял
И, плутни других обнаружа,
Копеечки сам не украл?

Гонитель воров беспощадный,
Блистающий честностью муж
Ждет случая хапнуть громадный,
Приличный амбиции куш!

Дождется — и маску смиренья
Цинически сбросит с лица...
Утешься! *Блаженство паденья* —
Конечная цель мудреца!..

Редела дружная семья,
Поочередно подходили
К Зацепе верные друзья
И успокоиться просили:
«Не плачь! безгрешен только бог,
Не плачь! Не хуже ты другого!»
Ответ: рыданье, тяжкий вздох
Или язвительное слово!

Тронут ближнего несчастьем,
Миллионщик-мукомол
К удрученному с участьем
И с советом подошел:
«Чтобы совесть успокоить,
Поговей-ка ты постом,
Да советую устроить
Богадельный дом.

Перед ризницей святою
В ночь лампадки зажигай,
Да получше, без отстою,
Масло наливай!»

Подошел и Федор Шкурин.
«Прочь! не подходи!
Вместо сердца грош фальшивый
У тебя в груди!

Ты ребенком драл щетину
Из живых свиней,
А теперь ты жилы тянешь
Из живых людей!»

Шкурин голову повесил,
«Тык-с!» — пробормотал...
Князь Иван один был весел,
«Браво!» — он сказал.

Дружен был старик с Зацепой,
Он к нему подсел —
Укротить порыв свирепый
В свой черед хотел...

Князь Иван

Ты Шиллера, должно быть, начитался
Иль чересчур венгерского хлебнул!
Кто не мечтал... и кто не оказался
Отступником? Кто круто не свернул
С прямых путей — по воле... по неволе?..
Припомним-ка товарищей по школе:

Окончив курс, на лекции студентам
Ученый Швабс с энергией внушал
Любовь к труду, презренье к процентам,
Громя тариф, налоги, капитал.
Сочувственно ему внимали классы...
А ныне он — директор ссудной кассы...

«Судья лишь тот, кто богу сам не грешен,
А мой принцип — прощенье и любовь! —
Говаривал Володя Перелешин.—

Кто низко пал — воспрянуть может вновь,
Не бичевать, жалеть должны мы вора...»
А ныне он — товарищ прокурора...

Граф Твердышов... уж он ли над Россией,
Над мужичком голодным не грустил?
А кончил тем, что с земской гарантией
По пустырям дорогу проложил
И с помощью ненужной той дороги
Отяготил крестьянские налоги...

Зацепин *(внезапно вскакивает)*

Хлебушка нет,
Валится дом,
Сколько уж лет
Каме поем
Горе свое!

Князь Иван

Эх, ты! Некстати перервал!
Шумит, как угли в самоваре!
А я бы, верно, перебрал
Весь Петербург: я был в ударе!

Зацепин

Горе! Горе! хищник смелый
Ворвался в толпу!
Где же Руси неумелой
Выдержать борьбу?
Ох! горька твоя судьбина,
Русская земля!
У мужицкого алтына,
У дворянского рубля
Плутократ, как караульный,
Станет на часах,
И пойдет грабеж огульный,
И — случится кррах!

Он осушил стакан воды,
Порывы грусти тише стали;
Неуходившие жиды
Его почти не понимали;
Они подумали, что он
Свершил в России преступленье,
Украв казенный миллион,
И — предложили наставленье.

Еврейская мелодия

Денежки есть — нет беды,
Денежки есть — нет опасности
(Так говорили жиды,
Слог я исправил для ясности).
Вытрите слезы свои,
Преодолейте истерику.
Вы нам продайте паи,
Деньги пошлите в Америку.
Вы рассчитайте людей,
Вы распустите по городу
Слух о болезни своей,
Выкрасьте голову, бороду,
Брови... Оденьтесь тепло.
Вы до Кронштадта на катере,
Вы на корабль... под крыло
К насей финансовой матери.[1]
Денежки — добрый товар,—
Вы поселяйтесь на жительство,
Где не достанет правительство,
И поживайте как — царрр!..

Зацепин

Прочь! гнушаюсь ваших уз!
Проклинаю процветающий,
Всеберущий, всехватающий,
Всеворующий союз!..

Ушли, полны негодованья,
Жиды-банкиры... Леонид

[1] Англия.

С последним словом увещанья
Перед Зацепиным стоит.

Леонид

Явленье — строго говоря —
Не ново с русскими великими умами:
С Ивана Грозного царя
До переписки Гоголя с друзьями
Самобичующий протест —
Российских граждан достоянье!
Его, как ржа железо, ест
Душевной немощи сознанье;
Забыта истина одна,
Что рыцарская честь в России невозможна...
Мы искалечены безбожно,
И разве наша в том вина?

(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза.)

Русской души не понять иноверцу...
Пусть он бичует себя, господа!
Дайте излиться прекрасному сердцу!
Нет в покаянье стыда.
Что за нелепость — крестьянин несеченый?
Нечем тут хвастать, а лучше молчать:
Темные пятна души изувеченной
Русскому глупо скрывать,
Неисчислимы орудья клеймящие!
Если кого не коснулись они,
Это — не Руси сыны настоящие,
Это — уроды! Куда ни взгляни,
Всё под гребенку подстрижено,
Сбито с прямого пути,
Неотразимо обижено...
Где же спасенье найти?
Где? «В миллионах!» — так жизнь подсказала,
Гений достигнуть помог...
Горе одно: он убить идеала
В сердце прекрасном не мог...
О, роковая судеб неизбежность!
В практике — строгий делец,

Голубь в душе — благородство и нежность!..
Вот его драма... Уснул наконец...

(Пауза. Оратор снова всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами, и продолжает более развязным тоном.)

Уж лучше бить, чем битым быть,
Уж лучше есть арбузы, чем солому...
Сознал ты эту аксиому?
Так, стало, не о чем тужить!
Знай свой шесток и дань плати культуре!
На Западе — Мишле, Эдгар Кине,
Овсянников — в родной твоей стране —
Явленья, верные натуре!
И то уж хорошо, что выиграл ты бой...
Толпа идет избитою тропой;
Рабы довольны, если сыты,
Но нам даны иные аппетиты...
О господи! удвой желудок мой!
Утрой гортань! учетвери мой разум!
Дай ножницы такие изобресть,
Чтоб целый мир остричь вплотную разом,—
Вот русская незыблемая честь!..

(Зацепин кидается к Леониду с кулаками, его удерживают.)

Князь Иван

Дай венгерского старейшего!
Дружно тост провозгласим:
«За философа новейшего!»
Вы — мальчишки перед ним!
Ничего не будет нового,
Если завтра у него
На спине туза бубнового
Мы увидим... ничего!
Но гораздо вероятнее,
Что его карьера ждет
Деликатнее, опрятнее...
Миллионы наживет!

Савва

(хлопоча между тем около Зацепы, говорит вполголоса)

Опомнись, Гриша! что с тобой?
Себя клеймишь, друзей порочишь
Нехорошо! Уйди домой
И там беснуйся сколько хочешь.
Или ты выгодным нашел
Пустить молву между врагами,
Что состоянье приобрел
Ты незаконными путями?
Опомнись! У тебя есть сын...
Услышит...

Зацепин

У меня нет сына...

(Бросает Савве телеграмму.)

Савва *(читает)*

«Сегодня умер Константин».
Так вот разгадка! вот причина!
Недаром он с утра ходил
Угрюм и зол, в хандре глубокой,
Недаром так безумно пил...
Удар, действительно, жестокий!..

Гриша — образчик широких натур —
Смолоду в крайности дерзко бросался,
То миллионов желал самодур,
То в монастырь запереться сбирался.
И богомолец, и ротмистр лихой,
И хлебосол — предводитель дворянства,
Стал он со временем туз откупной —
Эксплуататор народного пьянства.
Откуп решили; герой не хотел
Праздно сидеть на своем капитале

И провалился — по новости дел...
Многие так провалились вначале.
Бывший гусар, зарядив пистолет,
Дерзко на бирже сыграл на остатки —
Вывезло счастье!.. Уверовал свет
В гений Зацепы... Постигнув порядки
Новой эпохи, и он не дремал:
Счастливо, нет ли, на бирже играя,
Давние связи Зацепа скреплял,
Ловко услуги свои предлагая:
Деньги «свободные» взять у друзей
И возвратить с дивидендом высоким —
Чудное средство для скрепы связей!
Гриша прослыл финансистом глубоким.
Стали к нему, как ручьи в океан,
Тайные нити успеха стекаться,
Мысль озарила — неси к нему план,
А без Зацепы не смей и соваться...

Слух по столице пронесся один —
Сделано слишком уж дерзкое дело!
Входит к Зацепе единственный сын:
«Правда ли?», «Правда ли?» — юноша смело
Сыплет вопросы — и нет им конца;
Вспыхнула ссора. Зацепа взбесился.
Чтоб не встречать и случайно отца,
Сын непокорный в Москву удалился.
Там он оканчивал курс, голодал,
Письма и деньги отцу возвращая.
Втайне Зацепа о нем тосковал...
Вдруг телеграмма пришла роковая:
«Ранен твой сын». Через сутки письмом
Друг объяснил и причину дуэли:
«Вором отца обозвали при нем»...
Черные мысли отцом овладели,
Утром он к сыну поехать хотел,
Но и другая пришла телеграмма...
Как ни крепился старик — не стерпел.
И разыгралась воочию драма...

———

Князь острил, бурлил Зацепа,
Леонид не уходил,
Он посматривал свирепо
Да с азартом соду пил.
Савва — честь ему и слава! —
«Сядем в горку!» — вдруг сказал.
Стол раскрыт — пошла забава,
Что ни ставка — капитал!
Рассчитал недурно Савва:
И Зацепин к ним подстал.

1877

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

ОТРЫВКИ

(Посвящ<ается> Елене Осиповне Лихачевой)

I

В насмешливом и дерзком нашем веке
Великое, святое слово «мать»
Не пробуждает чувства в человеке.
Но я привык обычай презирать.
Я не боюсь насмешливости модной.
Такую Музу мне дала судьба:
Она поет по прихоти свободной
Или молчит, как гордая раба.
Я много лет среди трудов и лени
С постыдным малодушьем убегал
Пленительной, многострадальной тени,
Для памяти священной... Час настал!..

Мир любит блеск, гремушки и литавры,
Удел толпы — не узнавать друзей,
Она несет хвалы, венцы и лавры
Лишь тем, чей бич хлестал ее больней;
Венец, толпой немыслящею свитый,
Ожжет чело страдалицы забытой —
Я не ищу ей позднего венца.
Но я хочу, чтоб свет души высокой
Сиял для вас средь полночи глубокой,
Подобно ей, несчастные сердца!..

Быть может, я преступно поступаю,
Тревожа сон твой, мать моя? прости!

Но я всю жизнь за женщину страдаю.
К свободе ей заказаны пути;
Позорный плен, весь ужас женской доли,
Ей для борьбы оставил мало сил,
Но ты ей дашь урок железной воли...
Благослови, родная: час пробил!
В груди кипят рыдающие звуки,
Пора, пора им вверить мысль мою!
Твою любовь, твои святые муки,
Твою борьбу, подвижница, пою!..

II

Я отроком покинул отчий дом.
(За славой я в столицу торопился.)
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив ни мертв (я голодал подолгу),
Но горделив — приехал я домой.
Я посетил деревню, нивы, Волгу —

Всё те же вы — и нивы, и народ...
И та же всё — река моя родная...
Заметил я — новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты — зубчатым колесом
Прорытая — дорога водяная,
А берега дремали кротким сном.
Дремало всё: расшивы, коноводки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки;
Проснется он — и Волга оживет!
Я дождался тягучих мерных звуков...
Приду ль сюда еще послушать внуков,
Где слышу вас, отцы и сыновья!
Уж не на то ль дана мне жизнь моя?

Охвачен вдруг дремотою и ленью,
В полдневный зной вошел я в старый сад;
В нем семь ключей сверкают и гремят.
Внимая их порывистому пенью,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленой сенью,

Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

У той плиты, где ты лежишь, родная,
Припомнил я, волнуясь и мечтая,
Что мог еще увидеться с тобой,
И опоздал! И жизни трудовой
Я предан был, и страсти, и невзгодам,
Захлестнут был я невскою волной...
Я рад, что ты не под семейным сводом
Погребена,— там душно, солнца нет;
Не будет там лежать и твой поэт...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

И наконец вошел я в старый дом,
В нем новый пол, в нем новые порядки;
Но мало я заботился о том.
Я разобрал хранимые отцом
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом.
Оно с гербом, оно с бордюром узким,
Исписан лист то польским, то французским
Порывистым и страстным языком.

Припоминал я что-то долго, смутно:
Уж не его ль, вздыхая поминутно,
Читала ты в младенчестве моем
Одна в саду? Не зная ни о чем,
Я в нем тогда источник горя видел
Моей родной,— я сжечь его был рад,
Но я теперь его возненавидел.
Глухая ночь! Иду поспешно в сад...
Ищу ее, обнять желаю страстно...
Где ты? прими сыновний мой привет!
Но вторит мне лишь эхо безучастно...
Я зарыдал; увы! ее уж нет!

Луна взошла и сад осеребрила,
Под сводом лип недвижно я стоял,
Которых сень родная так любила.

Я ждал ее — и не напрасно ждал...
Она идет; то медленны, то скоры
Ее шаги, письмо в ее руке...
Она идет... Внимательные взоры
По нем скользят в тревоге и тоске.
«Ты вновь со мной! — невольно восклицаю.—
Ты вновь со мной...» Кружится голова...
Чу, тихий плач, чу, шепот! Я внимаю —
Слова письма — знакомые слова!

III

ПИСЬМО

Варшава, 1824 год

Какую ночь я нынче провела!
О дочь моя! что сделала ты с нами?
Кому, кому судьбу ты отдала?
Какой стране родную предпочла?
Приснилось мне: затравленная псами,
Занесена ты русскими снегами.

Была зима, была глухая ночь,
Пылал костер, зажженный дикарями,
И у костра с закрытыми глазами
Лежала ты, моя родная дочь!

Дремучий лес, чернея полукругом,
Ревел, как зверь... ночь долгая была,
Стонала ты, как стонет раб за плугом,
И наконец застыла — умерла!..

О, сколько снов.... о, сколько мыслей черных!
Я знаю, бог карает непокорных,
Я верю снам и плачу как дитя...
Позор! позор! мы басня всей Варшавы.
Ты, чьей руки М. М. искал, как славы,
В кого N. N. влюбился не шутя,

Ты увлеклась армейским офицером,
Ты увлеклась красивым дикарем!
Не спорю, он приличен по манерам,
Природный ум я замечала в нем.

Но нрав его, привычки, воспитанье...
Умеет ли он имя подписать?
Прости! Кипит в груди негодованье —
Я не могу, я не должна молчать!

. . . .

Твоей красе (сурова там природа)
Уж никогда вполне не расцвести;
Твоей косы не станет на полгода,
Там свой девиз: «любить и бить»... прости.

. . . .

Какая жизнь! Полотна, тальки, куры
С несчастных баб; соседи — дикари,
А жены их — безграмотные дуры...
Сегодня пир... псари, псари, псари!
Пой, дочь моя! средь самого разгара
Твоих рулад, не выдержав удара,
Валится раб... Засмейся! всем смешно...

. . . .

. . . .

В последний раз как мать тебя целую —
Я поощрять беглянку не должна;
Решай сама, бери судьбу любую:
Вернись в семью, будь родине верна —
Или, отцом навеки проклятая
И навсегда потерянная мной,
Останься там отступницею края
И москаля презренною рабой.

. . . .

Очнулся я. Ключи немолчные гремели,
И птички ранние на старых липах пели.
В руке моей письмо... но нет моей родной!
Смятенный, я поник уныло головой.
Природа чутким сном была еще объята;
Луна глядела в пруд; на стебле роковом
Стояли лопухи недвижно над прудом.
Так узники глядят из окон каземата.

. . . .

. . . .

. . . .

. . . .

Я книги перебрал, которые с собой
Родная привезла когда-то издалека,
Заметки на полях случайные читал:
В них жил пытливый ум, вникающий глубоко.
И снова плакал я и думал над письмом,
И вновь его прочел внимательно с начала,
И кроткая душа, терзаемая в нем,
Впервые предо мной в красе своей предстала...
И неразлучною осталась ты с тех пор,
О мать-страдалица! с своим печальным сыном,
Тебя, твоих следов искал повсюду взор,
Досуг мой предан был прошедшего картинам.

Та бледная рука, ласкавшая меня,
Когда у догоравшего огня
В младенчестве я сиживал с тобою,
Мне в сумерки мерещилась порою;
И голос твой мне слышался впотьмах,
Исполненный мелодии и ласки,
Которым ты мне сказывала сказки
О рыцарях, монахах, королях.

Потом, когда читал я Данта и Шекспира,
Казалось, я встречал знакомые черты:
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты.
И стал я понимать, где мысль твоя блуждала,
Где ты душой, страдалица, жила,
Когда кругом насилье ликовало,
И стая псов на псарне завывала,
И вьюга в окна била и мела...

. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

Незримой лестницей с недавних юных дней
Я к детству нисходил, ту жизнь припоминая,
Когда еще была ты нянею моей
И ангелом-хранителем, родная.

В ином краю, не менее несчастном,
Но менее суровом рождена,

На севере угрюмом и ненастном
В осьмнадцать лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла;
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .

. . . .
Ты на письмо молчаньем отвечала
Своим путем бесстрашно ты пошла.
. . . .
. . . .
Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал, как вопль души многострадальной,
Но ты была ровна и весела:
«Несчастна я, терзаемая другом,
Но пред тобой, о женщина-раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба!
Несчастна ты, о родина! я знаю:
Весь край в плену, весь трепетом объят...
Но край, где я люблю и умираю,
Несчастнее, несчастнее стократ!..»

Хаос! мечусь в беспамятстве, в бреду!
Хаос! едва мерцает ум поэта,
Но юности священного обета
Не совершив, в могилу не сойду!
Поймут иль нет, но будет песня спета.

Я опоздал! я медленно и ровно
Заветный труд не в силах совершить,
Но я дерзну в картине малословной
Твою судьбу, родная, совместить.

И я смогу!.. Поможет мне искусство,
Поможет смерть — я скоро нужен ей...
Мала слеза — но в ней избыток чувства...
Что океан безбрежный перед ней!..
. . . .

Так двадцать лет подвижничества цепи
Влачила ты, пока твой час пробил.
И не вотще среди безводной степи
Струился ключ — он жаждущих поил,
И не вотще любовь твоя сияла:
Как в небесах ни много черных туч,
Но если ночь сдаваться утру стала,
Всё ж наконец проглянет солнца луч!

И вспыхнул день! Он твой: ты победила!
У ног твоих — детей твоих отец,
Семья давно вины твои простила,
Лобзает раб терновый твой венец...
Но... двадцать лет!.. Как сладко, умирая,
Вздохнула ты... как тихо умерла!
О, сколько сил явила ты, родная!
Каким путем к победе ты пришла!..

Душа твоя — она горит алмазом,
Раздробленным на тысячи крупиц
В величье дел, неуловимых глазом.
Я понял их — я пал пред ними ниц,
Я их пою (даруй мне силы, небо!..).
Обречена на скромную борьбу,
Ты не могла голодному дать хлеба,
Ты не могла свободы дать рабу.

Но лишний раз не сжало чувство страха
Его души — ты то дала рабам,—
Но лишний раз из трепета и праха
Он поднял взор бодрее к небесам...
Быть может, дар беднее капли в море,
Но двадцать лет! Но тысячам сердец,
Чей идеал — убавленное горе,
Границы зла открыты наконец!

Твой властелин наследственные нравы
То покидал, то бурно проявлял,

Но если он в безумные забавы
В недобрый час детей не посвящал,
Но если он разнузданной свободы
До роковой черты не доводил,—
На страже ты над ним стояла годы,
Покуда мрак в душе его царил...

И если я легко стряхнул с годами
С души моей тлетворные следы
Поправшей всё разумное ногами,
Гордившейся невежеством среды,
И если я наполнил жизнь борьбою
За идеал добра и красоты
И носит песнь, слагаемая мною,
Живой любви глубокие черты,—
О мать моя, подвигнут я тобою!
Во мне спасла живую душу ты!

И счастлив я! уж ты ушла из мира,
Но будешь жить ты в памяти людской,
Пока в ней жить моя способна лира.
Пройдут года — поклонник верный мой
Ей посвятит досуг уединенный,
Прочтет рассказ и о твоей судьбе
И, посетив поэта прах забвенный,
Вздохнув о нем, вздохнет и о тебе.

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ
И
ВАРИАНТЫ

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(С. 5)

Наброски ГБЛ

Недосказанной, многострадальной
Наступил этой жизни конец
Сокрушается в думе печальной
Много теплых и добрых сердец
Это был человек бескорыстный

Я долго размышлял над жизнию твоей
Великий человек, безвестный для людей *(л. 12)*

а. [Доносив терновый свой венец
Бедный друг! ты умер наконец
Сокрушен мучительным недугом] *(л. 43)*
б. [Доносив терновый свой венец]
[<*2 строки нрзб*>]
[Опочил тихо наконец.]
в. [Сложив тяжелый свой венец,
Бел<инский> умер наконец] *(л. 76 об.)*

[Средь поколения другого
Его достойно помянут
И набросал я эти строки
Больной неверною рукой
Пусть прогремят не надо мной
Потомства позднего упреки] *(л. 73 об.)*

Таков он был и таковы
Его суровые творенья
Не покупал он у молвы

Постыдной лестью одобренья
Он честно правду говорил
И многих в жиз<ни> рассердил
Зато никто так не был страстно
Так бескорыстно и прекрасно
Любим, как он: его друзья
(Да будет честная семья
Благослов<лять> твой труд!) *(л. 95 об.)*

И он пришел поэт безвестный!..

Заслугу честную его
Оценят

Пусть речь его была сурова
И не блистала красотой
Но обладал он тайной слова
Доступного душе живой *(л. 72 об.)*

Варианты чернового автографа ГБЛ

3 Поэт [недавно] умирал
7 а. [Убит мучительным] недугом...
б. Таким же изнурен недугом...
8 Я был ему и близким другом
13—14 Он [строже] Истине служил
Он был душой смелей [1] и чище
24—25 [Прощаясь с жизнию земной
Я живо вспомнил участь друга...] *(л. 76 об.)*
31 А он за честь себе считал),—
После 34 [Ученье было бестолково
А обхожденье так сурово,
Что он по суткам пропадал [2]
И как волчонок одичал.]
36 Не чуждый многим [он прошел]
37 [Украдкой] дельные, пустые
40—41 а. *Начато:* [И рано пробудилось в]
б. [Тоску] мечтательности сладкой
[Он рано в сердце ощутил]
45 [Не знаем мы,] но в нем кипел
48 Разумных слов и честных дел!..

---

[1] [сильней]
[2] а. [Что мальчик одичал как волк]
б. Что он [из дому убе<гал>]

После 48 [Когда отец его скончался
Он до Москвы кой-как [1] добрался]
а. [В Московский университет
Вступил. Но положенных лет
Не пробыл там] *(л. 76)*
б. [Из Пензы, помнится, пешком,
Учился пополам с грехом]
В Московс<ком> унив<ерситете>
49 С кончиной [доктора] на свете
53 [Был исключен], не доказав
54 а. Каких-то [по рожденью] прав,—
б. Каких-то [по закону] прав,—
56 И [назывался] целый век
После 57 [Но был он дельный человек]
58—67 [(Один бесстыдный человек
Не раз колол его печатно
Таким названьем.][2]
Но бог с ним!) Бедный сирота
В подвале нанимал жилище,
По суткам проводил без пищи
И понемногу стал тогда
Писать в журналах [— из грошовой
Поденной платы. Труд его]
[Горячим словом, мыслью новой] [3]
[Любовью] к истине суровой [4]
[Дышал горячий труд его
Он помещал в него всю душу
Он говорил: я всё разрушу
Я не оставлю ничего,]
Вм. 68 Его заметили [,но мало
Ему толпа рукоплескала
Он не искал ее похвал]
69—71 [Досель живому] прожектеру

---

[1] [пешком]

[2] *Отдельные наброски, относящиеся, по-видимому, к этому месту рукописи:*

И вставит университет
При 200-лет<нем> юбилее
Того, кого в 100-лет<нем> нет

И будет [для него] лучшим украшеньем
Недоучившийся студент *(л. 61 об.)*

[3] *Начато:* [Был полон]

[4] [И правдой честной и суровой]

Обширный основать журнал [1]
[Пришло желанье] *(л. 75 об.)*
77 Не [пропускал] бы никогда...[2]
80 Тогда всё пусто [3] и мертво
83 Любовь к ней в обществе остыла...
84 а. В [движеньи] пошлых мелочей
б. В бореньи [мелочных страстей]
97—99 Тогда главу свою [над] нами,
Но он клеймил и проклинал
И только был богат врагами... *(л. 75)*
104 В [громовом] слове правды честной
Вм. 106 [И час настал...] Плебей безвестный
а. [Явился грозным суди <ей>]
б. [Лицом к лицу с врагами стал
И слово смелое вещал...] [4]
После 106 [Гонитель лжи и лицемерья
Срывал с ворон павлины перья] [5]
107—108 [Он ненавидел подлецов, [6]
Индифферентов], идиотов
После 110 [Он всё клеймил, что было ложно
Рутинно гнило [7] и ничтожно]
112 *начато:* Без [страха]
113—116 Всю бездну дикости и [зол],
Куда одной послушен лести
В забвеньи Долга, Правды, Чести [8]
[Родимый край его зашел!]
118—120 [За леность раб<ство> и застой
И прозвал ложный друг <отчизны>
Его врагом страны родной]
123 Но к счастью вопль клеветника
После 124 [Душа с летами не хладела]

---

[1] *Начато:* [В столице]

[2] *Отдельный набросок, относящийся, по-видимому, к этому месту рукописи:*

И наживая капиталы
Ему твердил: доходы малы
И чуть не в голоде держал *(л. 61 об.)*

[3] [чинно]

[4] [И слово нужное сказал...]

[5] *Этот вариант совпадает с отдельным наброском на л. 61.*

[6] Не пощадил он ни [глупцов]

[7] [пошло]

[8] Куда [в тупом самозабвеньи]
В [невежестве и закосненьи]

[В несчастьи он мужал душою [1] *(л. 74 об.)*
В борьбе он силу почерпал
И свято щедрою рукою
Добро и Правду продолжал] *(л. 74)*
127—128 а. Его соратники смирялись
И в подлецов преображались *(л. 61 об.)*
б. [Его соратники смирялись
И в подлецов преображались]
в. Иные робко отступали
Смирялись, пятились, молчали *(л. 74 об.)*
129 Он был один неколебим *(л. 61 об.)*
После 129 [Смеясь угрозам дикой мести —
Дорогой Истины и Чести...]
131—133 И бескорыстно верных ей
[Надежных, честных] благородных
Сынов у родины моей —
После 133 [Все те чья жизнь теперь богата
Служеньем Истине святой,
Кто в человеке видит брата]
135 Кто зло [душою] ненавидит
141—142 [Несчастлив, беден и гоним]
Трудился он семь лет [2]— и много
146 [К несчастью] поднялась тревога
После 146 а. [На Западе... чтоб и у нас
Чего-нибудь не в добрый час]
б. [На Западе... предупредить
У нас [3] подобное расстройство
(Чего не может беспокойство
Писать о том] *(л. 74)*
153 Спасибо в нем сидели люди
155 Палач науки Б<утурлин> *(л. 61 об.)*

Варианты белового автографа ЦГАЛИ

2 Среди приятелей печальных
11 И [переспорить] не могли *(л.1)*
37 Книжонки дельные, [простые] (*л.1 об.*)
44 К Добру и Славе прилепиться
48 Высоких чувств и смелых дел...

---

[1] [В гоненьи он мужал душой]
[2] *Начато:* Семь лет т<рудился>
[3] *Начато:* а. [Спеша] б. [В таком же]

53 Но вышел вон, не доказав [1] *(л.2)*
58 (Один известный человек
78 Бедняк мой как-то с ним списался *(л. 2 об.)*
80 Тогда всё пусто и мертво
84 В бореньи личных мелочей
88—91 *отсутствуют*
99—101 Тесним могучими врагами.
К нему на помощь приносил
Запас идей, трудов и сил *(л.3)*
После 106 Путем призванья своего
Он шел незнаемый толпою
И слава не горит звездою
На бедном имени его —
Его оценят наши внуки...
Святее Правды и Науки
Не знал он в жизни ничего
Любил он родину глубоко,
Служил ей честно — и высоко
Свое призванье понимал.
Он говорил нам, он писал:

«Напрасно быть толпе угодней
Ты хочешь, поблажая ей,—
Твое призванье благородней,
Писатель родины моей!

Ее ты знаешь: не угодник
Полезен ей: пришла пора!
Ей нужен труженик работник
На почве Мысли и Добра. *(л. 3 об.)*

Служи не Славе, не Искусству
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви.

И если ты богат дарами —
Их выставлять не хлопочи:
В труде твоем проглянут [2] сами
Их животворные лучи!

---

[1] [Но выгнан был, не доказав]
[2] [возблещут]

Взгляни: в осколки твердый камень
Убогий труженик дробит,
А из-под молота летит
И брызжет сам собою пламень...»

Таков он был — и таковы [1]
Его суровые творенья.
[Для быстроты пищеваренья,
Для праздной лени, для молвы] *(л. 4)*

Варианты авторизованной копии ГБЛ

78 Б...ий как-то с ним списался *(л. 135)*
127—128 Его соратники [смирялись
И в подлецов преображались,—] *(л. 137)*
137 Кому рассудка не теснят
155 Фанатик ярый Б... *(л. 138)*
182 Его не смели,— и о нем *(л. 139)*

Разночтения книги Ашевского (А), Экз. Лихачева (Л), ОЗ

14 Он духом был светлей и чище *(А)*
44 К добру и славе примениться — *(Л)*
48 И честных, неподкупных дел!.. *(А)*
80 В то время пусто и мертво *(ОЗ)*

САША

(С. 10)

Набросок плана ГБЛ

Описание сельских полевых работ [2] лето, осень потом зима гаданья катанье жених, приезд героя — Уля переменяется по отъезде его — всё читает старики ее не узнают — жениху с ней неловко — прошел год — является ге-

---

[1] [И точно: были] таковы
[2] *Далее:* [осень]

рой — — [1] побыл с Улей день-два — и потом исчез — она грустна неутешна — что такое? описание героя. Заклю-<чение> *(л. 39 об.)*

Первая черновая редакция ГБЛ

Вдруг появился сосед молодой
Всё повернулося вниз головой.

Начал он с нею на лодке кататься
Солнцем <*пропуск*> в саду любоваться

Начал он с Улинькой книжки читать
И до рассвету о них рассуждать *(л. 37 об.)*

Как бишь? читали они Ламартина [2]
И рассуждали что за причина

Что в просв<ещенный> и кроткий <наш век>
Беден, несчастлив и дик человек?

Вместе в деревне [3] больным помогали,
Глупым [4] мальчиш<кам> всё книжки читали

Множество делали всяких чудес
Околдовал ее словно как бес —

Да <и> уехал... Она разлюбила
Всё в чем бывало она находила

В каждом уроде прост<ом> мужике
Видит страдальца. В<з>дыхает в тоске

Бедным помогала
Книжки читала

---

[1] *Так в рукописи.*
[2] *Перед этой строкой несколько густо зачеркнутых слов.*
[3] [гуля<ли>]
[4] *Начато:* [Чуть]

Стала выписывать книги сама
И набралась зато правда ума —

Нет не сравнишь ты теперь <ее> с прежней
Нет ее лучше в околице здешней *(л. 37)*

Иначе как-то хоть кротко глядит
Только войдет как рублем подарит

Прежде к нему всё част<енько> писала
После писать перестала...

И успокоилась — думали вновь
Прежняя в ней загорится любовь

К соседу... да нет

И самому ему кажется дико
Видит куды расстоянье велико

Так мы и жили, родимый, она
Уж не была грустна

И уж куда всё разумно рассудит
<не забудет?>

Так мы и жили... а нынче опять
Слышим сосед воротился... и глядь *(л. 36 об.)*

К нам прикатил... И с Улею <снова>
Прежняя жизнь по порядку готова

Только совсем уж другое пошло.
Он ей перечил всё словно назло —

Это старо всё — уж нынче другое
Это-де всё отсталое [1]

Это-де звери — скоты а не лю́ди
Нет благородства — в их рабс<кие> груди

---

[1] *Далее начато:*
[С каждою встречей всё Уля груст<нее>]
[Что их жал<еть>]

Надо-де ждать нам решительных <мер>
Время [1] прошло для химер

Мир как и был так и будет окован
Я-де насчет его разочарован

Слушает Уля — на ней нет лица *(л. 36)*

К книгам своим подойдет так уныло
Прежнего <*нрзб*> нету что было...

Долго на них не могла и смотреть
Да

Вот и больна... Он письмо присылает
Слышим ей руку он в <нем> предлагает

Слава богу. Богатый жених

                                        Так нет
Что ж опосты<лел> ей что ли сосед

Бог ее знает <*пропуск*> Плачет
В руки лицо свое бледное <прячет>

Не сокрушайтесь-де мне ничего

Он подождал и уехал <опять>
Горе в чужой стороне коротать

Уля по-прежнему стала печальна *(л. 35 об.)*

Добрые люди не бойтесь не плачьте
Писем его вы <от> Ули не прячьте

Что [2] наберет он из кн<иг> да услышит,
Тем долго ль коротко <ль> так он и дышит

То говорит. Ей он много сказал
Что пом<огло> ей

---

[1] *Начато:* [Тешить]
[2] *Начато:* [Улин]

Доброе семя в душе молодой
Дало <*пропуск*> плод дорогой —

Всё разработает <*нрзб*>

Ум ее жаждал пищи —
Вот [1] отчего она обрадовалась

Думала я теперь его сто́ю
Я для него воспитала себя

Он же приехал — ему нипочем
Старое всё забыл *(л. 35)*

В новое платье нарядился
Новым умом набрался просветился

И осмеял бессовестно всё
Что <*пропуск*> было ей дорого

Что в ее душу вошло
Что ей пользу принесло —

Чем жила что лелеяла Уля

Страшен он ей показался с своим
Всё отвергающим взглядом. Но с ним

Спорить она не умела. Ей [2] больно
Было что она умна не довольно

И за него потому не пошла
Что до него-де не доросла *(л. 34 об.)*

Да вот как осталась одна
Всё поймет понемногу она

Как он <*пропуск*> морочит
И никогда за него не захочет [3]

---

1 *Начато:* [И всё]
2 *Далее:* [было]
3 И [уж сама за него] не захочет

Поняли! нет? ну беда небольшая
Лишь поняла бы бедняжка больная

Милостив бог! Всё обсудит поймет
Ей же поверьте в пользу пой<дет>

Всё об<ъя>снит ей и вылечит время
Сеет он всё-таки доброе семя.

Как бы его объяснить вам. Кругом
В ваших полях — *<нрзб>* овраг за холмом

Нет *<нрзб>* в нем ни капли своей незаемной
Желт он и сух *(л. 34)*

Как на богатую почву зерно
В сильную душу запало оно... *(л. 33 об.)*

Вторая черновая редакция ГБЛ

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая

Третьего года ее посетил
Новый помещик — и к нам прикатил [1]

Он называл себя вольною птицей
,,Жил — говорит — я теперь за границей

Много видал я чужих городов
Синих морей и подводных мостов

Всё там приволье и роскошь и чудо...
Да побывать и в отчизне не худо.[2]

Дней девятнадцать в дороге провел
И надо мной всё кружился орел.

---

[1] Третьего года [в нее прикатил]
[Барин владелец — и нас посетил]
[2] *Последние четыре стиха вписаны на полях.*

Словно пророчил великую долю...“
Мы со старухой дивилися вволю,

Уля смеялась... для нас-то темно
Он говорил, а куда как умно! [1]

Стали они то гулять, то кататься, [2]
Солнцем, звездами, луной любоваться

Стали французские книжки читать
И до рассвету о них рассуждать

Словно брала их чужая кручина
Всё толковали: [3] какая причина, *(л. 62)*

Что уж который теперича век
Беден, печален и дик человек?

Да — говорит — не слабейте сердцами
Солнышко Правды взойдет и над нами!.. [4]

И за свершенье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней.

Уля туда же — отстать-то не хочет, —
Выпить не выпьет, а губы обмочит!

Что-то он ей по тетрадке читал,
Так голосил и руками махал,

Словно как песни слова выходили,
После мы Улю свою расспросили

---

[1] Уля [одна эту речь поняла...]
[Погово] [Дружба у них в тот же вечер пошла.]
[2] Стали [по озеру в лодке] кататься,
[3] [поминали]
[4] *Вместо последнего двустишия:*

[Да — говорит — не [теряйте] теряю надежды
Переведутся глупцы и невежды,

[Люди] Будут — разумны и чисты душой —
[Будут] Люди одною великой семьей]

Солнышко Правды [засветит] над нами!
[Тут он сверкал голубыми очами]

а. Это — она называла [1] — стихи
Видно за тяжкие наши грехи [2]

[Бог нас попутал. Он Улю покинул
Ехал на месяц да на год и сгинул...]

Только о Спасе мы яблоки сняли
Он укатил — поминайте как звали... *(л. 62 об.)*

Улинька стала не то чтоб грустна
Только совсем изменилась она [3]

Всё что бывало ее веселило
Словно наскучило словно постыло [4]

Иначе ходит, глядит, говорит...
[А приласкает рублем подарит]

Скучны ей стали гаданья и сказки
И по зимам разлюбила салазки

А как бывало с горы ледяной
Катится Улинька наша стрелой —

Видим как алый платок подымая
Дышит упругая груд<ь> молодая

Видим как в белой морозной пыли
Щеки румяные рдеют вдали...

Любо и страшно глядеть! Не боялась! [5]
Падать проказнице часто случалось

---

[1] [говорила]
[2] *На полях:*
а. *Начато:* [Бог наказал]
б. А за какие мы терпим грехи!
[3] а. Уля [не то чтобы стала грустна
Только совсем изменилась она]
б. Уля совсем изменилась [— грустит —]
в. Бедная Уля осталась одна
И ведь не то чтоб [была влюблена...]
[4] [Хоть и по-прежнему поле любила
Да уж не пела, а с книгой бродила]
[5] Страшно и любо смотреть! [И случалось]

Словно споткнувшись на полн<ом> бегу
Набок салазки — и Уля в снегу.[1]

Косы растреплются, свалится шубка
Снег отряхает — смеется голубка!..[2] *(л. 63)*

Целую зиму в стенах провела
Много читала — почти не спала...

Ах,[3] миновали такие деньки.
Не замечали мы в Уле тоски[4]

Только читала[5] всё книги да книги...
В целую зиму дошла ли до риги?

Правда, ходила к старухам больным...[6]
Стала услужлива[7] к людям простым —

Видит страдальца в простом мужичишке
судила по книжке[8]

Ну а теперь соверш<енно> не то![9]
И говорит<ь> не умел с ней никто[10]

Клонится на руку грустно головка
С нами как будто ей стало[11] неловко *(л. 63 об).*

---

[1] *Последние четыре стиха вписаны на полях.*
[2] *Вместо последнего двустишия:*
[На полгоре вся размечется] шубка
[Ножки смотри отморозишь] [Снегом обсыпана, мчится голубка!]
[Посторонитесь! командует нам]
[Вих<рем>] [Бойко подкатится к самым ногам]
[3] [Да]
[4] [Ах, миновала пора золотая
Улинька странная стала такая]
[5] [и знает]
[6] Правда, ходила [в деревню] к больным...
[7] [привязчива]
[8] [Бедного кормит поит и голубит
Словно как брата родимого любит]
[9] а. [Ну а теперь началося не то]
б. [А уж] теперь соверш<енно> не то!
[10] И говорить-то не смел с ней никто
[11] [скучно]

Стала в молитве усердней, чем прежде
Вкус получила к красивой одежде

Шила сама
И хорошо хоть совсем не по моде

Книжки выписывать стала сама
И набралась

Больше сидеть полюбила одна...

Дело у ней под руками кипит
Любо послушать когда говорит

[Самое трудное дело рассудит]

А уж душевной такой доброты
В свете, я чаю, не видывал ты —

К мужу письмо за просту<ю бабенку>
Рада писать <на чужую сторонку>[1] *(л. 64)*

Грамоте учит мальчишек простых [2]

Бедные все ей приятели други
Кормит и поит и лечит недуги! —

День прохлоп<оч>ет, а ночью опять [3]
Видим свеча — не отвыкла читать!

Справилась Уля — да нынешним летом [4]

[Словно совсем позабыла о нем
Да как помянешь — вся вспыхнет огнем

Я говорит после вас после бога
В жизни ему-де обязана много.] *(л. 64 об.)*

---

[1] К мужу письмо на [чужую стор<онку>]
Пишет за каждую *<нрзб>* бабенку

[2] Грамоте учит [крестьянских детей]

[3] День[-то] хлоп<оч>ет, а ночью опять

[4] *Ср. ниже, с. 281 (стихи «Свиделась снова с проклятым соседом...» и след.).*

6. Он ей читал — говорила — стихи...
Бог нас попутал за наши грехи!

Только о Спасе мы яблоки сняли
Он укатил — поминайте как звали!..

Бедная Уля осталась одна...
Словно шальная ходила грустна;

К небу возводит печальные очи
Словно у [нашей] звездной [1]

Скучны ей стали гаданья и сказки...
Вот и зима — да не тешат салазки.[2]

А как бывало с горы ледяной
Катится Улинька наша стрелой —

Видим как алый платок подымая,
Дышит упругая грудь молодая,

Как в серебристой морозной пыли [3]
Щеки румяные рдеют вдали!.. *(л. 65)*

Любо глядеть! Ничего не боялась,
Хоть зачастую и падать случалось! [4]

Санки бывало на полном бегу [5]
Перевернутся [6]— и Уля в снегу!

---

[1] *Вместо последних четырех стихов:*
[Уля не то чтобы стала грустна,
Только совсем изменилась она —

Всё, что бывало ее веселило
Нынче тоску на нее наводило

Иначе ходит, глядит, говорит —
С утра до вечера с книгой сидит —]
[2] [А по зимам разлюбила] салазки.
[3] [Видим как в белой] морозной пыли
[4] Весело было глядеть! Не боялась,
[Хоть и частенько ей] падать случалось!
[5] [Смотрим споткнулись на <полном бегу>]
[6] *Начато:* [Набок салазки]

Выбьются волосы, свалится шубка [1]
Снег отряхает — смеется, голубка!..

Ну а потом как ни думай, не то:[2]
И говорить не умел с ней никто![3]

Только и любы проклятые книги [4]
В целую зиму дошла ли до риги?

Правда, ходила в деревню к больным:
Очень добра была к людям простым:[5]

Видит страдальца в любом мужичишке...
Как прочитала соседовы книжки [6] *(л. 65 об.)*

---

[1] а. [Косы растреплются], свалится шубка
б. *Начато:* [Выбились косы]

[2] а. [А уж теперь совершенно] не то:
б. Ну а потом [началося] не то:

[3] *Последние два стиха зачеркнуты и затем восстановлены (пометка «чисто» на полях). Далее:*

[Прежней веселости в Улиньке нет
Сливки ей горьки, невкусен обед

Словно как стало ей с нами неловко...
На руку клонится грустно головка,

Больше сидеть полюбила одна]

[4] а. Знай себе смотрит всё в книги да в книги —
б. Только [читает проклятые] книги
в. Только и любы ей глупые книги

[5] Очень [уж ластилась] к людям простым:

[6] [Ну да известно — судила по книжке...]

[Да как] [Скоро] [К счастью, пришла золотая весна
а. Улинька сделалась снова ясна!]
б. [Тут понемногу очнулась она!]

А. [Ох эти книжки! как все прочитала
Раз по пяти, так куды тосковала —]
Б. [Стала] [Скоро] [Книжки выписывать стала сама...]
а. [И [уж зато] набралась [же] ума[!]
б. [И набралась понемногу ума:

Стала спокойнее, смотрит яснее
Входит во всё — и рассудит дельнее

Даже, случалось, чем мы старики...
Красные к нам воротились деньки]

Выписать новых умела сама...
И наконец набралась же ума! [1]

Стала такого степенного нрава
Ходит так плавно, стройна, вели<чава> [2]

Дело у ней под ру<ками> кипит
Любо послуш<ать> когда гов<орит> [3]

Не узнавали кто видывал прежде, [4]
Вкус получила к красивой одежде [5]— *(л. 66)*

Дело ли сделать, письмо написать
Улиньке стоило только сказать [6]

Бабам [пособит] — да нынешним летом [7]
Свиделась снова с проклятым соседом —

Ведь на беду же его принесло —
С первой же встречи всё худо пошло [8] *(л. 66 об.)*

---

[1] а. [Книжки выписывать стала] сама...
[И набралась, слава богу, ума!]
б. [Стала выписывать Уля] сама...
[Правда <*нрзб*> набралась]

[2] [Стала спокойнее, смотрит яснее
Входит во всё — рассуждает дельнее,
<*3 нрзб*>]

[3] *Далее три зачеркнутых неразобранных слова и стих:*
[Дикость с нее соскочила весною]

[4] [Стала в молитве усердней, чем] прежде,

[5] *Далее:*
а. [Мы успокоились... только жених
Пуще <*нрзб*> печалится — бедный притих

Любит как прежде — да свататься дико,
Видит — куда расстоянье велико!]
б. [Пела по нотам... бедняжка жених
Словно немой перед нею притих —

Хоть и любил — да посвататься дико
Видит куда расстоянье велико!]

[6] [Ходит так плавно — царицей глядит
Любо послушать, когда говорит]

[7] а. [Стала спокойней] — да нынешним летом
б. [В деле пособит] — да нынешним летом

[8] *Вместо последнего двустишия:*
[Тут что ни встреча то хуже пошло:
Он ей перечил всё словно назло —

Всё — говорит — вы читали пустое]

Как его бедная Уля ждала!
Алую ленточку в косу вплела [1]

Просто оделась да так-то ли славно
Вышла навстречу своб<одно> и плавно [2]

Всё что ни делала, что ни читала
Всё показала ему, рассказала...

Только не впрок угожденье пошло.
Он ей перечил как будто назло!

Всё говорит вы читали пустое
Умные люди решили другое...[3]

Род человеческий низок [4] и зол
Да и пошел и пошел и пошел...[5]

Тут уж рассказывать нечего много
Вечером [6] в доме случилась тревога:

Улиньке сделалось дурно: бог весть
Слов ли его не могла перенесть

Или какая другая причина...
Только ее сокрушает кручина.[7]

---

1 [Весь свой цветами покой убрала —]
На полях: Ниток

2 *Вместо последнего двустишия:*
[Книжки свои разложила и ноты
Спрятала дальше работу и счеты...

Да вишь не впрок угожденье пошло]

3 а. *Начато:* [Встретишь в деревне всегд<а> отсталое

И не один еще надобен век,
Чтоб на Руси поумнел человек...

Стоят ли помощи грубые люди —
Нет благо]

б. [Время теперь наступило] другое...
[Тешиться будет довольно химер]

4 [жалок]

5 [Да и пошел, и пошел, и пошел...
Словно как был он на Улиньку зол...]

6 *Далее:* [сделала<сь>]

7 Только досель ее гложет кручина

Вот уж сегодня 12 день
Плачет тоскует и бродит [как тень]

Книги свои то читает — то бросит
Явится гость так молчать его просит [1]—

Был он два раза: однажды застал
Улю за делом: мужик диктовал

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила: была у ней жаба,

Он как-то странно качал головой
„Тешься дитя благородной игрой“

Молвил; вздохнул и смотрел <так> сурово
Уля ему не ответила слова *(л. 67 об.)*

Кончила дело в светелку ушла
И на замок свою дверь заперла

Новых каких-то прислал он ей кн<иг>
Не прочитавши от<правила> их

После он несколько раз приезжал
Да уж ни разу ее не видал...

---

[1] *Вместо последнего двустишия:*
а. [Письма его то целует] — то бросит
[Не говорить ни о чем] его просит
б. *На полях:* [Молится богу <*нрзб*>]
в. Книги свои то читает то бросит,
Плачет и бога о чем-то всё просит
г. [Ночь] Бросит работу и молится богу
Вечером выдет одна на дорогу

Сядет на камень на глыбу земли
(Мы наблюдали за ней издали)

К небу воз<водит> пе<чальные очи>
Сл<овно у неба, у звезд и у ночи

Спрашивать что-то начнет.> Головой
Тихо качает проводит рукой

Плачет [1] в светелке — да молится богу —
Он говорит я собрался в дорогу

Улинька вышла — простилась при нас
Да и опять наверху заперлась [2]

Что ж? он письмо ей прислал и какое?
Грешные мы со старухою двое

После его прочитали тайком
Руку свою предлагал он ей в нем

Уля сначала отказ отослала [3]
Да уж потом нам письмо показала *(л. 68)*

Мы уговаривать — славный жених
Молод богат — да и нрав<ом-то> тих

Нет! не пойду, а сам<а> неспокойна
То говорит я его недостойна

То он меня нед<остоин> он стал
Зол и печален — и духом упал

а. А как уехал, то пуще тоскует
Видели письма украдкой цалует...[4]

Что нам с ней делать родной научи
Если умеешь возьми<сь> полечи *(л. 68 об.)*

Долго ли будет она убиваться
Ах неужели ей так и остаться

Плакать, молиться <*нрзб*> век
Ты нам скажи: он про<стой> человек

Или какой чер<нокнижник> проклят<ый>
Или не сам ли он дьявол рогатый

Что посылает<ся> душу украсть
Господи боже м<ой> что за <напасть>?
(л. 69)

---

[1] [Ходит]
[2] Да и опять [уда<ли>лась сейчас]
[3] а. Уля сначала [письмо пок<азала>]
б. Уля сначала [ответ] отослала
[4] *Далее:* [Господи боже мой! что за напасть]

б. А как уехал, так пуще тоскует
Всё его письма укр<адкой> цалует

Что теперь делать родной научи
Если умеешь возьмись полечи!

В зимнюю вьюгу и летнюю грозу
Мы сберегли свою дикую розу —

Что же теперь приклю<чилося> ей
С черного глаза недобрых людей? [1]

Долго ли будет она убиваться
Ах неужели родимый остаться

Ей <*пропуск*> навек
Ты нам скажи — он простой человек

Или [2] какой чернокниж<ник> проклят<ый>
Или не сам ли он дьявол рогатый *(л. 12 об.)*

Полноте добрые люди тужить
Будете скоро по-прежнему жить [3]

Уля восстанет [4] и чище и краше
Не заколдовано дитятко ваше [5]—

---

[1] *На полях:* Это не бес — искуситель людск<ой>
[2] *Далее:* [он]
[3] Будете [снова вы весело] жить
[4] [воспрянет]
[5] *К последним четырем стихам наброски:*

а. Всё перемелется — он не колдун
б. Где ему? полноте! он не колдун
Это невинный и умный болтун

Не чернокнижник, хоть мудрости книжной
Первый знаток и поклонник давнишний

[Он] А ка<к> пощиплют несильные крылья
Он и кричит: бесполезны усилья

Он по природе своей благороден
Только ленив и на дело негоден!

[Не напустил
Он на нее сверхъестественных сил]

Это не бес — искуситель люд<ской>
Это увы! совр<еменный> герой

Тратит он день<ги> да по свету рыщет
Дела себе исполинского ищет

Двигат<ься> мед<ленно я> не хочу
Или по свету звезд<ой> пролечу

Или под бременем собст<венной> силы
Сделаюсь жертвою ран<ней> могилы

Но муравьиной работе людей
Не подчин<юсь я> душою моей *(л. 13)*

Всё человечество хочеть обнять
И ос<час>тливить и к сердцу прижать

Что ж под руками того он не любит
То мимоходом без умыслу сгубит [1]

Только не часто — не много в нем сил
Так же как телом душою он хил *(л. 13 об.)*

Наброски ГБЛ

Жили вы ладно и счастливо. Много
Благодарили за Улиньку бога

Да как приехал сосед молодой
Всё повернулося вниз головой —

Начал он с Улинькой в лодке кататься
Солнцем, звезда<ми>, луной любоваться

Стали францу<зские> книжки читать [2]
И до рассвета о них толковать [3]

---

[1] То [мимоходом руками и] сгубит
[2] [Стал с ней] францу<зские> книжки читать
[3] [рассуждать]

Как бишь? читали, кажись, Ламартина
И рассуждали какая причина —

Что уж который теперича век
Беден, несчастлив и дик человек?..[1]

Он говорил, не теряю надежды[2]
Переведутся-де злые <невежды>...

И за свершенье надежды своей
Старой рябиновкой[3] чокался с ней!

Уля туда же — отстать-то не хочет —
Выпить не выпьет, а губы обмочит![4]

Бедным они то и знай помогали
Даже мальчиш<кам> книги читали

Множество делали всяких чудес —
Он обошел ее словно как бес *(л. 38)*

[Да <и> уехал... Не то чтоб грустила]
(л. 38 об.)

В темную глушь к старикам домоседам
Горин приехал и нынешним летом...

Прошлой весной он у них погостил
Да было просто беды натворил

ну будет беда
Накуролесил уж он и тогда[5] *(л. 37 об.)*

В наши места к старик<ам> домоседам
Барин богатый повадился летом

---

[1] [Свет уж стоит 19 век —]
[А всё] несчастлив и дик человек?..
[2] а. Он говорил, [что питает] надежды
б. Он говорил, не [теряйте] надежды
[3] [вишневочкой]
[4] *Это двустишие вписано.*
[5] *Последние два стиха вписаны на полях рядом с предыдущим двустишием.*

Ездить частенько — и вышла беда!
Дочь их была хороша молода [1]

Он и не то чтобы Улю обидел
Заворожил в тот же день как <у>видел...

Нет на печальной старухе лица
Слезы не сохнут в глазах у отца

А ведь давно <ли> так весело жили... *(л. 43)*

Да побывал подле лета сосед
Прежнего счастья и признаку нет

Уля печалится бродит уныло [2]
Всё ей прискучило, всё ей не мило

Каждого просите вы научить
Что с ней случилося? чем излечить? [3]

Вы потеря<лись> и слыш<ит> от ва<с>
Каждый зн<акомый> престр<анный
рассказ>

В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая

Барин *(л. 28 об.)*

[Вы потерялись — и слышит от вас
Каждый знакомый престранный рассказ:]
(л. 28)
В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая —

Третье<го> года в нее прикатил
Барин владелец — и нас навестил...

---

1 В темную глуш<ь> к старик<ам> домоседам
[Гость прошлогодний] и нынешним летом

[Снова приехал... Ну будет] беда!
[Накуролесил уж он и тогда...]

2 Уля печалится [все ей не мило —]

3 *Это двустишие вписано.*

Он называл себя вольною птицей [1]
Был говорит я теперь за границей

Дней 19 в дороге провел
И надо мной всё кружился орел *(л. 39 об.)*

Словно пророчил мне славную долю.
Мы со старухой дивилися вволю...

Уля одна эту речь поняла
Дружба у них в тот же вечер пошла *(л. 38 об.)*

Он из тетрадки ей что-то [2] читал
Так голосил и [3] руками махал —

Словно как песня слова выходили
После мы Улю свою расспросили [4] —

Это она называла стихи! [5]
Видно за тяжкие наши грехи [6]

Бог нас попутал. Он Улю покинул [7]
На год [8] уехал — да на три и сгинул

Бедная Уля осталась одна...
Впрочем, не то чтоб грустила она, *(л. 28)*

Скучны ей стали гаданья и сказки
И по зимам разлюбила салазки

---

[1] [Жил он весь век перелетною птицей]
[2] а. [что-то]
б. [также]
[3] *Слова:* голосил и — *вписаны.*
[4] После [уж мы, сударь, Улю спросили] —
[5] а. [Это читали]
б. [Это вот видите были <стихи>]
в. [Как] бишь она называла? стихи!
[6] [Ах за какие попутал грехи]
[7] Бог нас попутал [! Читали бродили]
[8] *Начато:* [Бедная <*нрзб*>]

А как бывало с горы ледяной
Катится Уля стрелой

Видим как алый платок подымая
Дышит упругая грудь молодая

На полгоре вся размечется шубка
Ножки смотри отморози<шь> голубка

<Эй?> <*нрзб*> нам
И подкати<лася> к самым ногам

Щеки-то щеки! Румяные зорьки
Были дивны да для памяти горьки *(л. 26 об.)*

Ну а за нею — и мы старики
Рвемся туда же

Веришь ли батюшка в божием мире[1]
Стало нам словно[2] теплее и шире *(л. 95 об.)*

[И успокоилась. Только жених]
пр<итих> *(л. 26)*

Что же случилось? Два года прошло
Горе на старые лица легло

Улиньки голос не слышится в доме *(л. 39)*

Он ей перечил как будто назло

Всё что ни дел<али> всё пустое
Встретишь в <*2 нрзб*>

И не один еще надобен век
Чтоб на Руси поумнел человек *(л. 73 об.)*

---

[1] [Словно теперича] в божием мире
[2] а. [как-то]
б. [братцы]

Просто <*нрзб*> <споры?> пошли
Как и о чем мы понять не могли

Поговорит да потом всё и плачет *(л. 25 об.)*

Что у них вышло — всев<ышний> их знает
Только понять нам — ума не хватает

Вот уж сегодня <12?> день
Уля печальна и бр<одит> как тень *(л. 77 об)*

К небу возводит печальные очи
Словно у звездной *(л. 37 об.)*

Он уж и <к> ней — да она-то сердита
(л. 61 об.)

То ей кажется она не доросла
То ей он кажется мелок и жалок *(л. 33 об.)*

Но не была и не будет она
влюблена *(л. 25 об.)*

Тут уж я даже понять не могу
Что приключилось *(л. 64)*

Что же теперь приключилося ей
С черного глаза недобрых людей?

Это не леший, не плут домовой [1]—
Это увы! современный герой —

---

[1] Это [<*нрзб*>] не леший, не [демон какой] —

Тратит он деньги да по свету рыщет [1]
Дела себе исполинского ищет —

На муравьиное дело людей
Я-де души не потрачу своей

[Гордой [2] душою весь мир] обнимаю —

Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы *(л. 39)*

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов [3] *(л. 19)*

Сам на душе ничего не имеет
Что вчера сжал то сегодня и сеет

Сам не знает, что завтра сожнет,[4]
Только наверное [5] сеять пойдет *(л. 25 об.)*

Много прекрасных и дремлющих сил
Он в этой чистой душе разбудил *(л. 37 об.)*

---

[1] [Мечется <*нрзб*> всё] по свету рыщет
[2] [Я-де]
[3] Благо от малых [поденных] трудов
Освободило наследье отцов —

[Лучше под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы,

Чем в муравьиной работе людей
Крепость души [утеряю] потеряю своей —

Так говорит — а на деле выходит,
Что бесполезно он время проводит

Он по природе умен, благороден
Только ленив и на дело негоден —

Много читает — да как-то не впрок!]
[4] Завтра [не знает еще что] сожнет,
[5] *Далее:* [что]

Третья черновая редакция ЦГАЛИ

«В нашем соседстве усадьба большая
Лет уже сорок стояла пустая[1] —

В эту усадьбу запрошлой весной
Барин приехал; не виден собой

Ласков с прислугой, как будто не барин,
Именем: Павел Игнатьич Самарин

Как-то он пристально, странно глядел,
Мало волос на макушке имел.

Звал он себя перелетною птицей
„Был — говорит — я теперь за границей

Много видал я больших городов,
Синих морей и подводных мостов —

Всё там приволье и роскошь и чудо,
Да высылали доходы мне худо...

Дней девятнадцать в дороге провел
И надо мной всё кружился орел —

Словно пророчил великую долю...“
Мы со старухой дивилися вволю, *(л. 10)*

Уля смеялась; смеялся он сам...
Стал он частенько похаживать к нам;

---

[1] *Далее:*

[Наконец
Третьего года в нее прикатил
Новый помещик — и нас посетил.

Был он не горд, разговорчив и чинен
а. [Звался: Захар] Алексеич Чужбинин,
б. Имя: Степан Алексеич Чужбинин,

Как-то [печально и] он пристально, странно глядел,
Мало волос на макушке имел.]

Начал на лодке кататься с Ульяшей
Да над природой подтрунивать нашей.[1]

Что-то ей плавно и громко читал,
Так голосил и руками махал

Словно как песня слова выходили,
После мы Улю свою расспросили

Это — она говорила — стихи...
Бог наказал нас за наши грехи [2]

---

[1] а. [С Улею начал на лодке кататься,
Солнцем, звездами, луной любоваться.]
б. Начал на лодке кататься с Ульяшей
Да [восхищаться природою] нашей.

[2] [Он по тетрадке ей что-то читал,
Так голосил и руками махал —

Словно как песня слова выходили;]
а. [После мы Улю свою расспросили:]

[Это — она говорила — стихи...
Бог наказал нас за наши грехи,

Только мы осенью хлебец убрали,
Он укатил — поминайте как звали!]
б. [Осень пришла — мы его проводили...]

а. [Бедная Уля осталась одна.
Словно шальная ходила она;]
б. [Уля не то чтобы стала грустна,
Только совсем изменилась она.

Скучны ей [стали] песни, гаданья и сказки...
Вот и зима — да не тешат салазки!

А как бывало с горы ледяной
Катится Улинька наша стрелой —

Видим, как алый платок подымая,
Дышит упругая грудь молодая,

Как в серебристой морозной пыли
Щеки румяные рдеют вдали,—]

А. [Любо глядеть! Ничего не боялась,
Хоть и частенько ей падать случалось:

Санки бывало на полном бегу
Перевернутся — и Уля в снегу!

Сбил он несчастную Улиньку с толку
Бросила садик,[1] забыла иголку.[2]

Стали французские книжки читать
Да до рассвету о них рассуждать.

Словно брала их чужая кручина:
Всё толковали, какая причина —

Вот уж который теперича век
Беден, несчастлив [3] и дик человек?

Выбьются волосы, свалится шубка —]
Б. [Любо глядеть! Вся размечется шубка
Снег отряхает — смеется, голубка!..

А побывал — совершенно не то!
И говорить не умел с ней никто.

Только и знает, что книги да книги —
В целую зиму дошла ли до риги?

Стала выписывать книги сама
И наконец набралась же ума!

Стала такого разумного нрава,
Ходит степенно, стройна, величава

Дело у ней под руками кипит,
Любо послушать, когда говорит,

Не узнавали кто видывал прежде,
Вкус получила к красивой одежде;]
В. [Сколько раз] [Часто и падать случалося ей]
а. [Всё нипочем! Только щеки красней,]
б. [Всё ничего! <*нрзб*> дышит сильней]
в. [Только лицо разгорится сильней

Да [потяжеле] побойчее — платок подымая —
Дышит упругая грудь молодая...]

[Годы ей] [Годики что ли такие пришли?
Только] [мы Ули] [узнать <мы> ее не могли!

Стала такого [степенного] [угрюмого] солидного нрава,
Ходит [так плавно, тиха] [тихонько, кротка] степенно, тиха,
величава;]

1 [нитки]
2 *Последние четыре двустишия вписаны на полях.*
3 [печален]

Да — говорит — не слабейте сердцами
Солнышко правды взойдет и над нами —

И в оправданье надежды своей
Старой рябиновкой чокался с ней

Уля туда же — отстать-то не хочет!
Выпить не выпьет, а губы обмочит... *(л. 10 об.)*

Грешные люди — пивали и мы
Побыл,— уехал в начале зимы.[1]

А ведь уехать хотел еще летом
Вот наконец мы простились с соседом

Первое время печалилась Саша,
Стала скучна ей компания наша [2] *(л. 11)*

Думает думу,— как будто у ней
Больше забот, чем у старых людей.

Книги читает — в любом мужичишке
Видит страдальца — судила по книжке![3] *(л. 12)*

Книжки выписывать стала сама...[4]
И наконец набралась же ума!

Не узнавали кто видывал прежде:
Вкус получила к красивой одежде,

---

[1] [Так прогостил он у нас до] зимы.
[2] *Это двустишие вписано на полях.*
[3] *Вместо последнего двустишия:*
[Только и любы ей книги да книги.
В целую зиму дошла ли до риги?

Правда ходила к старухам больным...]
а. [Жалость взяла ее к людям простым:]
б. [Жалость брала ее к людям простым:]
в. [Сделалась ласкова к людям простым:]

[Видит страдальца] в любом мужичишке...
[Ну да известно:] судила по книжке!
[4] [Стала] выписывать [книги] сама...

Дело ли сделать, письмо написать
Стоило Сашеньке [1] только сказать... [2] *(л. 12 об.)*

Что ни спроси — растолкует, научит,
С ней говорить никогда [3] не наскучит,

А доброта... я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты! [4]

Веришь ли, батюшка, в божием мире
Словно нам стало теплее и шире [5]

---

[1] [Улиньке]

[2] *Далее:*

а. [В деле, в совете — и старших научит
С ней говорить целый день не наскучит]
б. [С нею нам, батюшка, в божием мире
Словно как стало теплее и шире:]
в. [Веришь ли, батюшка, в божием мире
Словно нам стало теплее и шире:]

а. [А уж душевной такой доброты
В свете, я чаю, не видывал ты]
б. [Столько ученья, ума доброты —
В свете, кормилец, не видывал ты —]
в. [Разуму столько, такой доброты —
В свете, кормилец, не видывал ты —]

[Что ни спроси растолкует, научит
С ней говорить целый день не наскучит...

Ожили мы... только бедный жених
Чаще вздыхает — и пуще притих

Любит как прежде да свататься дико
Видит куда расстоянье велико —

Пара [теп<ерь>] ей разве]

[3] [целый день]

[4] А [уж душевной такой] доброты
[В свете кормилец не видывал] ты!

[5] *Далее:*

[Ожили мы... только бедный жених
Лазарь Данилович пуще притих:

Крепко любил — да посвататься дико:
Видит, куда расстоянье велико!]

[Ей теперь в пару] [Ей бы под пару ученый сосед
Да о соседе и весточки нет

Думали видно в столице он служит.
Уля о нем, слава богу, не тужит

Мы со старухой туда же: зимой
Помню поехали к бабе больной *(л. 13)*

Нужно же было вернуться соседу!..
Слышим приехал — и будет к обеду [1]

Как его весело Саша ждала! [2]
Алую ленточку в косу вплела,

Просто оделась да так-то ли славно,
Вышла навстречу спокойно и плавно —

Веришь ли батюшка? ахнул сосед
Словно оробел... Мудреного нет: [3]

Точно сказать не похвастать — на диво
Улинька стала пышна и красива —[4]

Только осьмнадцать исполнилось ей...
Уля с него не сводила очей,

Всё что ни делала, что ни читала
Всё показала ему рассказала —

Только не впрок угожденье пошло...
Он ей перечил как будто назло:

„Всё — говорит — ты твердишь отсталое:
Умные люди решили другое — *(л. 13 об.)*

Только повыше поднимется грудь,
Если случится о нем помянуть

И похвалу ему слышать любила...
„Я почитаю его говорила

Выше всего — после бога и вас:
Он вразумил мою душу и спас!..“]

[1] [Так-то мы жили... да нынешним летом
Свидеться снова случилось с соседом.]

[2] Как его [бедная Уля] ждала!

[3] а. [С первого взгляду-то словно и сам
Он удивился... не верил глазам!]
б. *Начато:* [Как поглядел — потаращился он]

[4] [Совестно дочку хвалить да] на диво
[Уля была и] пышна и красива —

Род человеческий низок и зол...“
Да и пошел и пошел и пошел!..

Что говорил хорошенько не знаем
Только сердился, захлебывал чаем...[1]

Видим мы: Улинька стала бледна
И хоть бы слово сказала она...

Тут уж рассказывать нечего много:
Вечером в доме случилась тревога:

Улинька плачет и плачет... Бог весть
Слов ли его не могла перенесть [2]

Или какая другая причина
Только ее сокрушает кручина [3]

Сядет на камень, на глыбу земли
(Мы [4] примечали за ней издали) —[5] *(л. 14)*

К небу поднимет печальные очи
Словно у неба, у звезд и у ночи

Спрашивать что-то начнет; головой
Странно кивает, поводит рукой...

Книги свои то читает, то бросит.
Гость навестит, так молчать его просит.

Был он три раза. Однажды застал
Улю за делом: мужик диктовал

---

[1] Что говорил мы не всё понимали
Только [глаза его [дик<о>] грозно сверкали]...
[2] *Против этого двустишия на полях:*
С этого вечера Ули<нька> наша
[3] *Далее:*
[Вот уж сегодня двенадцатый день
Плачет, тоскует и бродит как тень...

Бросит работу и молится богу
Вечером выдет одна на дорогу]
[4] *Далее:* [на <блюдали>]
[5] *Начато в нижней части листа:*
Вечером сядет у самой реки

Ей письмецо, да какая-то баба
Травки просила: была у ней жаба.

Он поглядел — покачал головой
„Тешься дитя благородной игрой!“

Молвил с улыбкой да так-то сурово...
Уля ему не сказала ни слова

Кончила [1] дело в светелку ушла
И [2] на замок свою дверь заперла...

Он было к ней, говорит: нездорова!
Сколько потом ни являлся он снова *(л. 14 об.)*

Тот же ответ. Он оставил ей книг
Тотчас [3] обратно отправила их...

Плачет в светелке да молится богу.
Он говорит: „Я собрался в дорогу“

Улинька вышла — простилась при нас
Да и опять наверху заперлась...

Что ж? он письмо ей прислал — и какое!
Грешные люди с старухой мы двое

Прежде его прочитали тайком:
Руку свою предлагает ей в нем!

Уля сначала отказ отослала...
Да уж потом нам письмо показала —

Мы уговаривать — славный жених!
Молод, богат да и нравом-то тих.

„Нет, не пойду!“, а сама неспокойна,
То говорит: „Я его недостойна“, *(л. 17)*

---

[1] [Кончивши]
[2] [Да]
[3] [Что же?]

То: „Он меня недостоин: он стал
Зол и печален — и духом упал!..

А как уехал — так пуще тоскует
Видели: письма украдкой целует.

Что же нам делать? родной научи!
Если умеешь, возьмись, полечи!

Долго ли будет она убиваться?
Или уж ей не певать, не смеяться —

И загубил он бедняжку навек?..
Ты нам скажи: он простой человек

Или какой чернокнижник проклятый
Или не сам ли он дьявол рогатый

Что посылается душу украсть?
Господи боже мой! что за напасть?» *(л. 17 об.)*

Полноте добрые люди тужить!
Будете скоро по-прежнему жить:

Уля поправится — бог ей поможет...
Околдовать никого он не может:

Как бы сказать, чтобы взяли вы в толк?
Он только с виду опасен как волк

А по душе совершенный ягненок
Это прекрасный и вечный ребенок [1]

Это не бес — искуситель людской —
Это — увы! современный герой!

Новое племя, хорошее племя
Свету готовит разумное время,[2]

---

[1] *Последние четыре стиха вписаны.*

[2] *Последнее двустишие вписано. Запятая в конце указывает на незавершенность фразы (ср. ниже, с. 305, стихи:*

Но создает его тихо, не вдруг.
Первая проба — недавний ваш друг).

Книги читает да по свету рыщет,[1]
Дела себе исполинского ищет,

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов...[2] *(л. 15)*

Всё, что велико, разумно, свободно —
Сердцу его и доступно и сродно,

Только — дающая силу и власть
В слове и в Деле чужда ему страсть![3]

Любит он сильно, сильней ненавидит,
А доведись — комара не обидит,

Да говорят, что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь!..[4]

Он по природе своей благороден,
Только заносчив и к делу негоден

---

[1] [Тратит он деньги] да по свету рыщет,

[2] *Далее:*

[«Или под бременем собственной силы
Сделаюсь жертвою ранней могилы

Или [по миру] по свету звездой пролечу —]
а. [Попусту тратить души не хочу!..» —]
б. [Мир — говорит — осчастливить хочу!..»]

[(Это в простом переводе выходит,]
а. [Что в разговорах он дело н<аходит>)]
б. [Что в разговорах он время проводит...)]

За человечество рад умереть,
Всё осчастливить, у сердца пригреть,

Что ж под рукою, того он не любит,
То неумышленно давит и губит:

В мелочи низко вдаваться ему!]
а. [В книгах он пищу находит уму:]
б. [С умыслу он не вредит никому]

[3] Только [живая чужда ему страсть,
Людям дающая силу и власть.]

[4] Да — говорят [знатоки —] и любовь
а. [Больше] волнует [<*нрзб*>, чем кровь]
б. Голову [только] волнует — не кровь!..

Много на свете написано книг
Дельного много написано в них

С ними поймешь всё — ничтожное злое
Да не дадут они сил на благое,—

[Да не научат любить глубоко...
а. Мысли свои он меняет легко —]
б. Дело веков поправлять нелегко

Что ему книга последняя скажет
То на душе его сверху и ляжет

Верить не верить ему всё равно
Лишь бы доказано было умно —

Словно души он своей не имеет! — [1]
Что вчера сжал, то сегодня и сеет;

Нынче [2] не знает, что завтра сожнет,
А уж наверное сеять пойдет... [3] *(л. 15 об.)*

Это в простом переводе выходит,
Что в разговорах он время проводит, [4]

Если ж за дело возьмется — беда!
Мир виноват в неудаче тогда...

Чуть пооcлабнут [5] нетвердые крылья,
Бедный [6] кричит: «Бесполезны усилья!»

---

[1] *Последние тринадцать стихов (начиная со стиха «Он по природе своей благороден») вписаны в виде трех отдельных вставок. Варианты последнего стиха:*

а. [Сам на душе ничего] не имеет,
б. [Он своего ничего] не имеет,
в. [Словно в душе ничего] не имеет...

[2] а. [Сам он]
б. [Ночью]

[3] [Только] наверное сеять пойдет...

[4] [Что ему книга последняя скажет
То на душе его сверху и ляжет]
Далее густо зачеркнутая строка.

[5] поощиплют

[6] [В голос]

И уж куда как становится зол
Крылья свои опаливший орел!..

Поняли?.. нет!.. ну беда небольшая!
Лишь поняла бы бедняжка больная...

Благо теперь догадалась она,[1]
Что отдаваться [2] ему не должна —

А остальное всё сделает время...[3]
Сеет он всё-таки доброе семя:

Много богатых нетронутых сил
Он в непорочной душе пробудил,— *(л. 16)*

Чем неутешнее дитятко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую землю упало зерно:
Пышным плодом отродится оно!.. *(л. 16 об.)*

Беловой автограф начала главы 4 ЦГАЛИ

Полноте добрые люди тужить!
Будете скоро по-прежнему жить

Уля поправится — бог ей поможет...
Околдовать никого он не может

Это не бес, искуситель людской,
Это — увы! современный герой

Бьет он баклуши да по свету рыщет
Дела себе исполинского ищет

Благо наследье богатых отцов
Освободило от малых трудов.

---

[1] [Коли] теперь [понимает] она,
[2] [оставаться]
[3] А остальное [доделает] время...

Честное племя, хорошее племя
Свету готовит разумное время,

Но создает его тихо, не вдруг.
Первая проба — недавний ваш друг[1] *(л. 19)*

Всё что велико, разумно, свободно
Сердцу его и доступно и сродно,

Только дающая силу и власть
В слове и в деле — чужда ему страсть

Любит он сильно сильней ненавидит,
А доведись комара не обидит,

Да говорят что ему и любовь
Голову больше волнует — не кровь...

Он по природе своей благороден,
Только заносчив и к делу негоден,

В наши суровые тяжкие дни
Книги не шутка: укажут они

Всё недостойное, дикое, злое
Да не дадут они сил на благое,

Да не научат любить глубоко —
Дело веков поправлять нелегко! *(л. 19 об.)*

Авторская вставка в Экз. авт. ГБЛ

489—490 отгуда, где люди
Дышат вольнее всей силою груди,

Варианты корректуры ИРЛИ

15 [Спящих в могилах враждебных теней]
15—16 *зачеркнуты и заменены двумя строками точек*
19—20 *зачеркнуты и заменены двумя строками точек*

---

[1] *Далее:*
[Он по природе своей благороден,
Только заносчив и к делу <негоден>]

27—28 *зачеркнуты, затем восстановлены с вариантом ст. 27:*
И про убитую душу мою
39—40 [Воздухом вольным повеяло с гор —
Грудь ощутила отрадный простор!]
После 48 [Есть не в одной Малороссии,— всюду
Тип старосветских дворян: не забуду

Множества ковриков, клеток, картин,
Низеньких комнат, высоких перин!]
49 а. [Славные люди!] Радушье их честно,
б. [Добры и просты!] Радушье их честно,
53 Да и старушка не много моложе...
71 Бегает [бойко], горит, как алмаз,
85—87 [Ласково сосны вершинами машут,
Тихо струятся и только не скажут

Волны, журча под навесом ветвей:]
100 а. [«Не суждена, видно, волюшка ей,—]
б. И не уйти... «Так назначено ей»
117 Но веселей нет поры умолота!
126 Как на подмерзшей грязи натоптали
130 [Бойко бежит] жеребеночек пегой...
133 Руки да спины в потемках мелькают
135—136 а. [Как угорелая мечется] тень...
[Встал — и] на отдых [послал] ее день...
б. Не поспевает улечься их тень...
Скоро на отдых пошлет ее день...
142 Птиц отличать, узнавать насекомых...
149 Черная [бойко] мелькнула головка...
После 168 [Няня любуется, страх забывая,
Как подымается грудь молодая,

Как в серебристой, морозной пыли
Щеки румяные рдеют вдали.]
Вм. 179—180 [Осиротелые мертвые пни
Напоминали ей прежние дни.

Только завидит угрюмую сечу,
Шорох знакомый летит ей навстречу,

Саше и сладко и больно до слез:]
Сколько тут было [красивых] берез!

181 Там из-за старой, [задумчивой] ели
183 Там [возвышался] дубок молодой...
192 [Целые бревна] в жилища свои...
210 [На небо вышли] светила ночные,
227—228 Шумно летая над лесом [; да вряд
Ей] отыскать неразумных [галчат]!
235—236 Да [позабылась —] пришла. Перед ней
Взрытые глыбы да тысячи пней;
242 Словно там гнезда тех птиц завелися,
244 Дважды в три века выводят детей.
258 Думает Саша: что [будут петь] птицы?
268 Медлит [окутать] смеющийся день,
288 Вот что про Сашу [старик] рассказал:
293 Именем: Лев Алексеич [Аларин],
294 а. Ласков с прислугой, [как будто не барин,]
б. Ласков с прислугой,—————[1]
303—305 а. [Месяц почти я в дороге провел,
И надо мной всё кружился орел,

Словно пророчил великую долю...]
б. Въехав в
Россию,[2] я встретил цыган —
Тут[3] мне цыганка дала талисман

И напророчила славную долю...
311—317 Есть-де на свете [такие места,
Где что ни шаг — красота, красота!

Лето и[4] зиму] открыты балконы,
[И] поспевают на солнце лимоны.

[Что-то по памяти громко читал,
Так голосил и руками махал,

Словно] как песня слова выходили...
319 Мало того: он ей [книги] читал

---

[1] *Так в корректуре.*
[2] а. [Около <Вислы?>]
б. [Едучи степью]
[3] [Там]
[4] [Целую]

324 а. Беден, несчастлив и [дик] человек?
б. Беден, несчастлив и слаб человек?
325—326 [Да] — говорит — не слабейте [сердцами]:
Солнышко правды взойдет [и над нами].
327 И в [оправданье] надежды своей
345 Ходит, тоскует, украдкою плачет,
После 354 [Прежнее счастье вернулося в дом —
Мы поминали соседа добром;

Саша не часто о нем говорила,
А похвалу ему слушать любила...]
360 В комнату [пропасть] цветов принесла,
368 а. Он же бледней и [плешивее] стал...
б. Он же бледней и угрюмее стал...
375 Род человеческий жалок и зол.
381 [Книги] свои то читает, то бросит,
391 Книжек прислал [, так не стала] читать
428 а. Это [— увы! —] современный герой!
б. Это, [друзья,] современный герой!
435—442 *зачеркнуты и заменены двумя строками точек*
После 442 [Нет его цели достойней, святей,
Только служить не умеет он ей!

Всё бы скорее да сложа бы руки...
Да, по несчастью, такой нет науки!]
443 а. [В наши печальные, трудные] дни
б. Знаете, в наши великие дни
446—447 [Да] не дадут они сил на благое,

[Да] не научат любить глубоко...
449—456 *зачеркнуты и заменены четырьмя строками точек*
451 а. [Нужны и слезы, и кровь, и борьба,]
б. [Нужны столетья, и кровь, и борьба,]
452 *начато:* [Чтоб человека создала...]
453 [Всё, что велико, разумно, свободно,]
481 А остальное [доделает] время...
483—498 *зачеркнуты и заменены четырьмя строками точек*
487—488 а. [Там я заметил овраг за горой;
Пуст он теперь... Но подует весной]
б. [Осенью грязны, не видны зимой;
Но погодите, подует весной]

489—491 [С теплого юга,— оттуда, где люди
Дышат вольнее всей силою груди,—

Тронутся воды, растают снега,]
499—500 а. [Пышная жатва... Нетронутых сил
В Саше так много ваш гость пробудил.]
б. Много богатых, нетронутых сил
В [дочери вашей] сосед пробудил...
в. Много богатых, нетронутых сил
В Саше невольно сосед пробудил...

Варианты корректуры ГИМ

489—490 а. С теплого края [, оттуда, где люди
Дышат полнее, всей силою груди,]
б. С теплого края . . . .
. . . .

Варианты прижизненных изданий (С, I, II, III, IV, V, VI)

15—16 *отсутствуют и заменены двумя строками точек (С, I)*
19—20 *отсутствуют и заменены двумя строками точек (С, I)*
19 Сколько б на нивах пустынных твоих *(I)*
25—28 *отсутствуют и заменены двумя строками точек (С)*
27 И про погибшую Музу мою *(I, II)*
53 *как в корректуре ИРЛИ (С, I)*
100 *как в корректуре ИРЛИ (вариант б.) (С, I)*
117 *как в корректуре ИРЛИ (С, I)*
126 *как в корректуре ИРЛИ (С, I)*
136 Скоро на отдых пошлет ее день... *(С, I)*
142 *как в корректуре ИРЛИ (С, I)*
236 Взрытые глыбы да тысячи пней; *(С, I)*
242 *как в корректуре ИРЛИ (С, I)*
294 Ласков с прислугой, — — — — [1] *(С)*

---

[1] *Так в публикации.*

294 Ласков с прислугой, — — — [1] *(I)*
303—305 *как в корректуре ИРЛИ (вариант б.) (С, I)*
324 *как в корректуре ИРЛИ (вариант б.) (С, I)*
368 *как в корректуре ИРЛИ (вариант б.) (С, I, II, III, IV, V)*
375 *как в корректуре ИРЛИ (С, I)*
435—442 *отсутствуют и заменены двумя строками точек (С)*
436 В мелких делах и тревогах людей: *(I)*
443 *как в корректуре ИРЛИ (вариант б.) (С, I)*
449—456 *отсутствуют и заменены двумя строками точек (С)*
449—456 *отсутствуют (I, II, III, IV, V, VI)*
453 Всё, что возвышенно, что благородно, *(I)*
483—499 *отсутствуют и заменены четырьмя строками точек (С)*
489—490 С теплого края . . . . *(I, II, III, IV)*
499—500 *как в корректуре ИРЛИ (вариант в.) (С)*

Разночтения Дневника Афанасьева (А), Экз. Васильковского (В), Экз. Гербеля (Г), Экз. ГБЛ (ГБЛ), Экз. Зеленого (З), Экз. ИРЛИ 6 (ИРЛИ), Экз. Лазаревского (Л), Списка Модзалевского (М), Экз. Музея Н. (МН), Ст 1862, Экз. Чуковского (Ч)

15 Спящих во гробе враждебных теней *(Л, М, МН, Ст 1862)*
18 Любящим сыном к тебе возвратился *(А)*
После 18 И не свистит уже кнут палачей
а. Над оскорбленною Музой моей
б. Над усмиренною Музой моей *(З)*
28 Я похоронную песню пою. *(А)*
После 48 *как в корректуре ИРЛИ, но с вариантом третьего стиха:*
Множество ковриков, кладок, картин, *(А)*
100 Не суждено, видно, долюшки ей *(А)*
100 Не суждено, видно, волюшки ей *(Л, МН)*
303—305 Месяц тогда я в дороге провел,
И надо мною кружился орел,

[1] *Так в публикации.*

Словно пророча высокую долю[rr]. *(М)*
304 И надо мною кружился орел, *(Л, МН)*
После 442 *как в корректуре ИРЛИ, но с вариантом четвертого стиха:*
Да, к сожаленью, такой нет науки *(М)*
448 Дело веков исправлять нелегко. *(А)*
452 Чтоб человек создался из раба. *(Г, Л, М, МН, Ч)*
452 Чтоб создала человека судьба. *(В, ГБЛ)*
482 Сеял он всё-таки доброе семя. *(А)*
486 Выжжены солнцем, печальны и наги, *(А)*
490 Дышат вольней всею силою груди, *(ИРЛИ, МН)*
490 Дышат свободней всей силою груди, *(Сг 1862)*
493 Чудные воды кругом разливая, *(А)*

«НЕСЧАСТНЫЕ»

(С. 28)

Варианты чернового автографа (ст. 164—220) ГБЛ

Перед 164 а. *Начато:* [Как с похорон пустые дроги
Легко и весело бегут,
Так после городской тревоги,
Где вечный шум и вечный труд,—]
б. [В столице нашей многолюдной
Печален утра ранний час.]
в. Что в эту пору глаз ни встретит,
На всем заботы резкий след,
Он много грустного заметит,
Веселой молви места нет.
Печальный вид! Что будет дале?..
Подобно пиршественной зале,
Где не успели подмести
Ни крошек, ни золы табачной,
Ты некрасив, наш город мрачный,
С утра часов до десяти.
164—165 а. [Еще под мокрой пеленою
И тротуары, и дома,]
б. Стоят как крепости пустые
Под мокрой пеленой дома

169 Товар в окошки выставляют.— *(л. 51)*
172—173 а. Вот солнце: [поднялся туман...
Оно на миг блеснуло краткой]
б. Вот солнце глянуло украдкой,
Но перемог его туман
174—175 И снова мрачно: пешеходы
Бредут полны еще дремоты...
176—177 *отсутствуют*
178—179 Проехал воз; курнос и сед
Чухонец им угрюмый правил
133 а. (У нас нет дни без похорон)
б. (Поутру много похорон)
184 Плетутся дроги; гроб угрюмый
187 а. [Поникнул каждый] головой.
б. Поникнув грустной головой.
189—190 а. [В окна *<нрзб>*] полуодеты
[Явились] женщины, глядят...
б. То там, то здесь полуодеты
Из окон женщины глядят...
191 Народ молчит — теперь ни слова *(л. 50 об.)*
197—198 Что в эту пору взор [1] ни встретит,
На всем унынья след заметит...
200—202 а. [Швейцар нарядный [2] отворяет.]
Сановник, барин и купец
[Веселый] [3] день свой начинают
б. В богатом доме отворяют.
Теперь-то день свой начинают
Сановник, барин и купец
203 Осилив наконец туман
204 Одело солнце сетью злачной
206 И нет следов заботы мрачной
211 Преступно, голодно и бедно,
214 Теперь он весел и богат
215 Несется в суете безумной *(л. 50)*
217—218 [Кричат возницы прочь с дороги
Под дышлом смельчаки снуют] *(л. 49 об.)*

---

[1] [глаз]
[2] [надменный]
[3] Теперь-то

Варианты белового автографа (ст. 164—220) ЦГАЛИ

Заглавие Совет. (Подражание Пушкину)
Перед 164 Мы все привыкли любоваться
Громадным городом своим,
Но слишком рано просыпаться
Друзьям и недругам моим
Я не советую. Едва ли
Он очарует вас с утра,
Подобно опустелой зале,
Где пировали вы вчера.
В обломках оргии безумной
Он некрасив, наш город шумный,
И лишь Нева — его душа —
В нем неизменно хороша...
164—165 Стоят как крепости пустые
В тумане мокрые дома;
169 Товару в окнах прибавляют,— *(л. 92)*
174—175 И снова мрачно. Пешеходы
Бредут полны своей заботы...
176—177 *отсутствуют*
179 *начато:* Чухонец им [убогий] *(л. 92 об.)*
191 *начато:* Про[езжий]
201—203 Довольный жизнию швейцар...
Теперь-то город оживает!..
Ушел высоко мглистый пар;
204 *как в ЧА ГБЛ*
206 *как в ЧА ГБЛ (л. 93)*
217—218 Всё полно жизни и тревоги,
Все лица счастием цветут *(л. 93 об.)*

Варианты корректуры (ст. 164—220) ЦГИА

Заглавие Совет. (Подражание Пушкину)
Вм. 193—197 Всё пусто . . . .
. . . . что теперь ни встретишь *(л. 26)*

Варианты белового автографа (ст. 164—220) ГБЛ

Заглавие а. [Секрет]
б. Совет
Перед 164 *как в БА ЦГАЛИ (л. 4)*
164—165 *как в БА ЦГАЛИ*
169 *как в БА ЦГАЛИ*
174—175 *как в БА ЦГАЛИ*
Вм. 176—177 О них не тратя лишних слов,
Пойдем в дальнейшую дорогу.
Мы спим до десяти часов
Чего ж еще? И слава богу!.. *(л. 4 об.)*
179 *как в БА ЦГАЛИ*
189 То тут, то там полуодеты *(л. 5)*
197 Но будет!.. Что теперь ни встретишь
201 Довольный жизнию швейцар...
203 Ушел высоко мглистый пар *(л. 5 об.)*
204 *как в ЧА ГБЛ*
206 *как в ЧА ГБЛ (л. 6)*

Варианты белового автографа (ст. 244—375) ИРЛИ А

Заглавие *Отрывок из поэмы*
251 а. [Собор, четыре] кабака
б. Аптека, два-три кабака *(л. 1)*
Вм. 263—266 Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню...
Свинья увязла в подворотню —
Народ глядит — и ты гляди;
Отвесят ей ударов сотню
И — чудо! властная рука
Мгновенно сбавит ей бока...
Вот гуси вышли на дорогу
Гогочут, выступают в ногу
277 Своим внезапным [1] появленьем *(л. 1 об.)*
Вм. 299—300 Рядами стаи белых птиц

---

[1] [нежда<нным>]

Как изваяния гробниц *(л. 2)*
315 [Под светлым, негустым] туманом *(л. 2 об.)*
316—317 *отсутствуют*
346 Досадно только, по ночам
350 Толкуют набожно и тихо
357 а. Молчи — [предатели] они!..
б. Молчи — фанатики [1] они!..
360 а. Не то — [среды] поддайся игу
б. Не то — судьбы [2] поддайся игу
363 Но там напрасно гибнут силы *(л. 3 об.)*

Варианты белового автографа (ст. 457—914) ИРЛИ Б

Заглавие Крот
470—472 Сутул, невиден был лицом,
Но и под серым армяком
[Бродил] неровней между нами.
Вм. 486—491 Терпенья было в нем немало,
Но не был робок он душой...
Был вечер, время наступало
Ложиться,— но стонал больной.
Куда деваться в подземельи?
Кричим: «Умри, мешаешь спать!..» *(л. 1)*
523 Таились вера и любовь —
525 С душой очиститься готовой...
537 Доступного душе простой.
548—549 Покажет Русь, какие люди
Под бурей народились в ней. *(л. 1 об.)*
580 Улегся пахарь без огня
592—595 Да — чу! шумит в конце селенья
Столетний вяз; как часовой
Старик не дремлет. Поколенья
Пред ним проходят чередой.
598 Любовь народная щадит
604 Наш брат, гремя цепями, ссыльный

---

[1] *На полях приписка Некрасова:* «Для ценз<уры>»
[2] *На полях приписка Некрасова:* «Или для цензуры: судьбы»

619 Чу! где-то скрыпнули вороты *(л. 2)*
647 Слепой народ упрек почует
678 Под каждым деревом добра *(л. 2 об.)*
694 Не посмеялся в небесах
Перед 699 *заглавие:* «Песня преступников» — *отсутствует*
717—718 В ней пышны царские чертоги,
Но жалки избы [бедняков]
725 И верно поминая друга
731 Но ради, ради и тому!..
741 И в нашу темную нору... *(л. 3)*
768 Я помню, в голос мы сказали:
784 Старушка позднею зимой;
786 Роняет слез — известно богу... *(л. 3 об.)*
816—817 *отсутствуют*
845 Ни слез, ни стонов целый день,
856 В красе и ясности орлиной.
858 И бодр, и светел, и доволен,
861 Восторг в очах его сиял,[1]
864 И говорил...
Прошло три года *(л. 4)*
869 Разверзлась каторжная яма,
882 Лишь буря бешеная выла
898 Вручит с надеждой душу богу
907—908 *следуют в обратном порядке (л. 4 об.)*

Варианты автографа ГБЛ

Заглавие а. [Преступники] Поэма в двух частях
б. [Воспоминания прощеного. Поэма. В двух частях]
в. Несчастные
Вм. 1—6 [Ни друга, ни сестры, ни брата —
Один я в мире.] Говорят
К цветущей юности возврат
Под старость нам [одна отрада,
Одно спасение.] — «Живи,
2 [Неправой] совести мученье *(л. 2)*
22 [Изнемогая], чуть дыша
После 24 Там кормит грудью мать-рабыня

---

[1] Стих Пушкина. *(Примечание Некрасова.)*

Не сына — барского щенка [1]
37 Ликует день — [летают] птицы *(л. 2 об.)*
52 Кругом [стенанья], вопли, стон... *(л. 3)*
58—59 А здесь!
[Чу! рог] трубит ретиво,
Пугая [робкий] сон детей
61 а. [Готово!] Сели на коней
б. [Ну, с богом!..] Сели на коней
в. [Равняйся!] Сели на коней
66 [Вознаграждая] пост невольный [2]
77 [И избавителя] не жди!.. *(л. 3 об.)*
89 Манеру детскую мою)...
98 Смеются [дети] над ребенком *(л. 4)*
100 [«Чего стоит, чего] глядит
103 [Ребенок] смотрит — и ни шагу...
114 Там слава, [роскошь, наслажденье...] *(л. 4 об.)*[3]
148 Опять в смятении жестоком,
154—158 Не благодатный, золотистый,
Но редкий-редкий солнца луч,—
Твой день больной, твой вечер мглистый,
Рожденье утра среди туч
Воображенье [4] мне рисует...
159 Светает. [Пуще] ветер дует
162 *слова:* гордого дворца — *вписаны* *(л. 5)*
222—223 [Довольно,] юноша... постой!
[Быть может, скажешь ты] другое
229—230 [Безумец,] брошен будешь ты! —
[Блажен,] кому мила дорога
После 233 [Кто с малолетства деньги прячет —
Космополит, аристократ —
И о судьбе твоей не плачет
«Несчастный, обделенный брат».] *(л. 7)*
239 Окутан тучею свинцовой

---

[1] *Это двустишие вписано на полях рядом со ст. 23—24.*

[2] *Ст. 66—73 вписаны на полях.*

[3] *Следующий лист автографа со ст. 116—147 вырезан, на корешке вырезанного листа сохранились фрагменты текста:*

<В сте>нах <твоих>
<И есть, и в старину> бывали
<Сердца из> золота <и ста>ли

[4] *Начато:* [Рисует мне]

240 [Предстанет он в красе иной]
242 Своими пышными домами
Вм. 243 [Подавит бедный разум твой!]
251 а. [Аптека, два-три] кабака
б. *как в окончательном тексте*
в. *как в БА ИРЛИ А (вариант б.) (л. 7 об.)*
Вм. 263—268 [Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню...
Свинья увязла [1] в подворотню
Народ глядит — и ты гляди.
Отвесят ей ударов сотню
И — чудо! властная рука
Мгновенно сбавит ей бока]
а. [Пролезет! Гуси на дорогу
Забрались — выступают в ногу]
б. [Вот гуси вышли на дорогу,
Идут неторопливо, в ногу]
в. [Вот гуси, всю заняв дорогу,
Гогочут, выступают в ногу]
а. [Но почта наскакала] вдруг —
[Всё ближе, ближе... Крик,] испуг!
б. С [обычной] важностью... но вдруг —
Смятенье, [гоготня], испуг *(л. 8)*
273—275 [Давая пронестись] телегам
[Убрались гуси лётом, бегом,]
[Кто как успел], куда кто мог
281 Но [чу!] запели соловьи
285 а. [Чем тише, тем вернее к цели!]
б. Уснув в [зеленой] колыбели
286—287 Как [носят бурлаки кули,
Согнувши спину до земли,]
После 290 а. [Гляди лениво и бездумно;]
б. Не трогай их гляди бездумно; *(л. 8 об.)*
Вм. 299—300 *как в БА ИРЛИ А*
308 И ходит важно, как [актер] *(л. 9)*
350 *как в БА ИРЛИ А*
357 а. Молчи — [предатели] они!..
б. Молчи — озлобятся они!.. *(л. 10 об.)*
376—390 *вписаны (л. 11)*

---

[1] [попала]

400 Ждала [нелегкая] борьба...
406 Кому чистосердечно [посылал] *(л. 11 об.)*
412 [Исчезла] ты... Ты сладить не могла *(л. 12)*
424 Года [чредою неизменной]
429 а. И вдруг шаги... и [голос] твой!..
б. И вдруг шаги... и [шепот] твой *(л. 12 об.)*
444 Горит над [каждою душой]...
445 *начато:* [Пустыня] *(л. 13)*
471 Но и под серым армяком
482 Уроним будто ненароком, *(л. 14)*
494 «Умри! [и] нам одна дорога, *(л. 14 об.)*
523 Таились [вера] и любовь,
525 С душой [очиститься] готовой...
527 Но он учить не [торопился]... *(л. 15 об.)*
547 а. Вздохнуть пошире, [повольней] —
б. Вздохнуть пошире, посмелей —
548—549 Покажет Русь, какие люди
а. Под бурей народились в ней!
б. Какие силы скрыты в ней!
551 а. [Черна] — куда ни погляди!
б. Грешна — куда ни погляди! *(л. 16 об.)*
589 [На чутко] дремлющем коне, *(л. 17 об.)*
598 *как в БА ИРЛИ Б*
605 Под ним [лежит] — обритый; пыльный, *(л. 18)*
625—628 *вписаны (л. 18 об.)*
639—642 а. [Летишь мечтой к отчизне дальной
И на душе светлей, теплей...
Чего не знал наш друг опальный?
Слыхали мы в тюрьме своей]
б. [Бывало спать никто не ляжет,
Пока не вспомнит, не расскажет
Чего-нибудь наш общий друг.
Всё сокращало наш досуг,
Всё было любо, было ново...] [1]
Вм. 658—659 *зачеркнутая строка точек*
Вм. 660—664 *После:* О Русь! — *шесть зачеркнутых строк точек и стихи:*
...Достало в нем геройства
«Прости навек!» — сказать всему,
Но ты, святое беспокойство,

[1] *Эти стихи вписаны.*

Тебя принес он и в тюрьму! *(л. 19 об.—20)*
687 Растет во мраке подземелья *(л. 20 об.)*
715—716 *зачеркнуты (л. 21 об.)*
717—722 а. *шесть строк точек*
б. *вписаны стихи окончательного текста (с вариантом ст. 718:* «Но бедны избы мужиков»), *затем зачеркнутые (л. 21 об.—22)*
725 И [верно] помпная друга
731 *как в БА ИРЛИ Б (л. 22)*
741 *как в БА ИРЛИ Б (л. 22 об.)*
784 *как в БА ИРЛИ Б*
788 А то бы радость ей [прислал]! *(л. 24)*
816—817 *отсутствуют*
829 а. [Клейменых каторжников] друг
б. Отверженцев несчастных друг *(л. 25)*
856 В красе и радости орлиной
857—858 а. *как в окончательном тексте*
б. Но слово дивное: вперед!
Кричал он, ясен и доволен — *(л. 26)*
861 *как в БА ИРЛИ Б*
864 а. И говорил...
Прошло [два] года
б. И говорил...
Прошло полгода
После 868 [Взрыдав душою умиленной,
Мы пали ниц, благодаря
Нас не забывшего царя] *(л. 26 об.)*
882 Лишь буря [бешеная] выла *(л. 27)*
904 а. *Начато:* Где [бедный]
б. Где [гордый мученик] зарыт.
в. Где он угас, где он зарыт. *(л. 28)*

Варианты авторизованной копии ИРЛИ

Заглавие а. [Эпилог ненаписанной поэмы]
б. Несчастные. Поэма
51 И в гневе [слуг своих] тиранит *(л. 9 об.)*
121 Теснятся тихие кладбища *(л. 11 об.)*
139—140 [И есть и в старину бывали
Сердца из золота и стали]
155—158 Но редкий-редкий солнца луч,—
Твой день больной, твой вечер мглистый,
Рожденье утра среди туч

Воображенье мне рисует... *(л. 12)*
160—162 [Не внемля ропоту людей,
Он стоном стонет над] столицей
И флагом гордых кораблей *(л. 12 об.)*
207 И невеселой нищеты *(л. 13 об.)*
242 Своими пышными [домами]
251 *как в БА ИРЛИ А (вариант б.) (л. 14 об.)*
266 Вот гуси выступают в ногу *(л. 15)*
Вм. 299—300 [Рядами стаи белых птиц,
Как изваяния гробниц.] *(л. 16)*
350 *как в БА ИРЛИ А (л. 17)*
357 Молчи — [озлобятся] они!.. *(л. 17 об.)*
444 Горит над каждою душой. *(л. 20)*
547 Вздохнуть пошире, [посмелей],
548—549 Покажет Русь, какие люди
а. [Какие силы скрыты в ней!]
б. [Под бурей народились в ней!]
в. Сложились и окрепли в ней!
551 а. [Грешна] — куда ни погляди!
б. *как в А ГБЛ (вариант а.)*
в. *как в А ГБЛ (вариант б.)*
647 Потомок наш восторг почует,
Вм. 658—664 О Русь! Достало в нем геройства
«Прости навек!» сказать всему,
Но ты, святое беспокойство!
Тебя принес он и в тюрьму! *(л. 26)*
После 706 *нумерация второго восьмистишия: 2,—3.*
716—722 *отсутствуют (л. 27 об.)*
784 *как в БА ИРЛИ Б*
787 а. Но нет! [Никто] их не считал,
б. *Начато:* Но нет и [б<ог>]
в. Но нет! и он их не считал, *(л. 29 об.)*
816—817 *отсутствуют*
861 Блаженством взор его сиял,
После 868 Взрыдав душою умиленной,
Мы пали ниц, благодаря
Нас не забывшего царя. *(л. 32)*

Варианты прижизненных изданий отрывка поэмы (ст. 164—220) (С 1856, I)

Перед 164 *как в БА ЦГАЛИ (С, I)*
164—165 *как в БА ЦГАЛИ (С, I)*
169 *как в БА ЦГАЛИ (С, I)*
174—175 *как в БА ЦГАЛИ (С, I)*
Вм. 176—177 *как в БА ЦГАЛИ (С)*
Вм. 176—177 *четыре строки точек (I)*
197 *как в БА ГБЛ (С, I)*
204 *как в ЧА ГБЛ (С)*
204 Бросает солнце луч радушный *(I)*
205 На площадь, храмы и мосты *(I)*
206 *как в ЧА ГБЛ (С)*
206 И нет следов заботы скучной *(I)*
214 Теперь он весел и богат *(С, I)*
217 Кричат возницы: «Прочь с дороги!» *(I)*
218 Все лица счастием цветут, *(С)*
218 Под дышлом смельчаки снуют, *(I)*

Варианты прижизненных изданий отрывка поэмы (ст. 244—375) (С 1857)

251 *как в БА ИРЛИ А (вариант б.)*
262 Зато спокойно и нетесно.
Вм. 263—266 *как в БА ИРЛИ А, но без стиха:*
Отдайся весь во власть господню...
269 Две тройки наскакали близко.
Вм. 299—300 *как в БА ИРЛИ А*
350 *как в БА ИРЛИ А*
357 Молчи — упрямы ведь они!
360 *как в БА ИРЛИ А (вариант б.)*
362—363 *отсутствуют*
368—371 *отсутстеуют*

Варианты прижизненных изданий поэмы
(С 1858, II, III, IV, V, VI)

51 И в гневе слуг своих тиранит *(С)*
121 *как в АК ИРЛИ (С)*
Вм. 139—140 И есть, и в старину бывали
Сердца из золота и стали *(С)*
154—158 *как в А ГБЛ (С)*
Вм. 160—162 Не внемля ропоту людей,
Он стоном стонет над столицей
И флагом гордых кораблей *(С)*
Вм. 160—162 Унять бы рады сорванца,
Но он смеется над столицей
И флагом гордого— —[1] *(II)*
207 *как в АК ИРЛИ (С)*
242 Своими пышными домами, *(С, II, III, IV)*
251 *как в БА ИРЛИ А (вариант б.) (II, III, IV, V, VI)*
266 *как в АК ИРЛИ (С, II)*
Вм. 299—300 *как в БА ИРЛИ А (С)*
350 *как в БА ИРЛИ А (С, II, III)*
357 *как в А ГБЛ (вариант б.) (С)*
444 *как в АК ИРЛИ (С)*
482 *как в А ГБЛ (С)*
547 *как в А ГБЛ (вариант б.) (С)*
548—549 Покажет Русь, какие люди,
Какие силы скрыты в ней! *(С)*
551 *как в А ГБЛ (вариант б.) (С)*
647 *как в АК ИРЛИ (С)*
Вм. 658—664 *после четырех строк точек:*
О Русь! Достало в нем геройства
«Прости навек!» — сказать всему,
Но ты, святое беспокойство,
Тебя принес он и в тюрьму! *(С)*
Вм. 658—664 *после четырех строк точек:*
...Достало в нем геройства
«Прости навек!» — сказать всему,
Но ты, святое беспокойство,
Тебя принес он и в тюрьму! *(II, III, IV, V, VI)*
После 706 *нумерация второго восьмистишия: 2,—3 (С)*
После 706 *нумерация второго восьмистишия: 3, над этой*

[1] *Так в публикации.*

цифрой: 2, пробел и черта (II, III, IV, V, VI)
715—722 *отсутствуют (С, II, III, IV, V, VI)*
731 *как в БА ИРЛИ Б (С)*
784 *как в БА ИРЛИ Б (С, II, III)*
816—817 *отсутствуют (С)*
829 *как в А ГБЛ (вариант б.) (С)*
861 *как в АК ИРЛИ (С)*
После 868 *как в АК ИРЛИ (С)*

ТИШИНА

(С. 51)

Варианты белового автографа ГБЛ

103 Всё тихо. Мертвые отпеты, *(л. 37)*
107—114 *зачеркнуты (л. 37 об.)*
После 114 [Во рвы, в бойницы, на траншеи
Под градом пуль взлетали вы
И не погнули гордой шеи,
Не потеряли головы!] *(л. 37 об.)*
115—122 *первоначально эти стихи стояли перед ст. 103, затем переставлены на свое место*
116—118 Народ, стекаясь к алтарю,
Хвалу всевышнему возносит [1]
И благодушному царю.
121 Светлее твой [венок] терновый *(л. 37)*
123 а. Молчит и он... [как] труп безглавый,
б. Молчит и он... [сей] труп безглавый *(л. 37 об.)*
129—144 *зачеркнуты, затем восстановлены*
(л. 37 об.— 38)
132 С своих державных облаков! *(л. 37 об.)*
145 [Но] [2] тихо... в каменные раны
Вм. 148—152 Еще густа, еще красна,
Как прежде плещет в берег славы...
. . . . *(л. 38)*

---

[1] Хвалу [создателю приносит]
[2] [Всё]

После 192

4

Но Русь цела, но Русь тверда,
Над нею солнце мира блещет...
О Русь! ты такова всегда:
Как сильно буря ни тревожит
Вершины вековых древес,
Она ни долу не положит,
Ни даже раскачать не может
До корня заповедный лес.
Не угадать, что знаменует
Твоя немая тишина,
Но сердце вещее ликует
И умиляется до дна...

Под небом неродным блуждая,
Но к северу стремясь душой,
Любил я, сторона родная,
Воображать тебя такой:
Тиха, как сонная, наружно,
Внутри жива и горяча,
Неутомимо, бодро, дружно
Ты вся работаешь сплеча —
К добру разумное стремленье
Животворит твоих детей;
В права вступает просвещенье,
Уходит мрак... кругом светлей,
И быстро царство молодое
Шагает по пути добра,
Как в дни Великого Петра...

Да сбудется!..
Погибни злое!
Пускай не устает сиять
Нам слово правды повсеместно,
Пусть на работающих честно
Нисходит божья благодать!
Да будет труд их спор и строен,
Да телом здрав, душой покоен,
Его до цели доведет
И пахарь, и поэт, и воин,

И мореплаватель, и тот,
Заступник и глава народный,
Пред коим частные труды,
Как мелководные пруды
Перед Невою многоводной...

Варианты прижизненных изданий
(С, II, III, IV, V, VI)

14—15 Ты не услышишь укоризны,
Родная!.. Где я ни блуждал, *(С)*
40 Молитвы жарче не слыхали *(С)*
67 Осиротевших матерей, *(С)*
69 Над тихой родиной моей... *(С)*
88 Прощанья, стоны и молитвы *(С)*
107—114 *отсутствуют (С)*
Вм. 115—118 *четыре строки точек (II, III, IV, V, VI)*
116—118 *как в БА ГБЛ (С)*
Вм. 148 Еще густа, еще красна,
Бездушно в берег славы плещет... *(С, II, III, IV, V, VI)*
149—152 *отсутствуют (С)*
Вм. 149—152 *две строки точек (II, III, IV, V, VI)*
173 Проезд по ним неслышно-тих *(С, II, III, IV, V, VI)*
179 Безропотно покорных душ *(С)*

КОРОБЕЙНИКИ

(С. 57)

Варианты белового автографа ГБЛ

1—12 *отсутствуют (л. 45)*
27 Чу, бежит!.. пришла желанная.
29 Маша бережно торгуется — *(л. 45 об.)*
49—60 *отсутствуют (л. 46)*
Перед 69 Припев коробейников *(л. 46 об.)*
После 84 Бусы, словно вишни спелые,
Ленты алые для кос,

Пояски — рубахи белые
Подпоясать в сенокос.
89 Поднялися толки рьяные, *(л. 47)*
97 Чтоб сейчас же очи лопнули,
99 Провали[ться] ...Глядь, и хлопнули
102 Передать ему не лень...
114 Ведьма выругала всласть:
116 Вот уж божия напасть!
Перед 121 Нар<одная> песня
123 И на церковь по[молилися],
125 — Знатно, дядя, ты торгуешься! *(л. 48)*
141 а. Сам-[то] снимет крест с убогого!»
б. Сам-от снимет крест с убогого!» *(л. 48 об.)*
170 А спроси-тко: на кого *(л. 49 об.)*
Перед 197 Ой барыня, барыня!
Лакейская песня
203 а. Чем попало [развлекаются].
б. Чем попало потешаются. *(л. 50 об.)*
212 «Эй! Как нынче огурцы?»
213—232 *отсутствуют*
233 И обозики военные
238 На турецких егарей *(л. 51)*
250 а. Чьи [собачки тут сошлись?]
б. Чьи [охотнички сошлись?]
252 Заяц, [заяц, торопись!]
253 Сполошилися борзители.
255 Вот собачки, вот губители
Зм. 257—268 Колокольчик! Скачет свадьбишка,
Парни по трое сидят...[1]
Вон какая-то усадьбишка.
Ай, зайдем — «Не пошто, брат!
269 Нынче бара деревенские
270 а. [Стали жить] по городам,
б. Всё живут по городам, *(л. 51 об.)*
285 Всё подделано, подвязано... *(л. 52)*
296 Нынче бара не берут.
297 Черт бы побрал моду новую!
304 Детки высыплют гурьбой,

---

[1] [Вон гляди-тко], скачет свадьбишка,
[Колокольчики звенят]

306 Слуги [1] выбегут к дверям.
310 Выбирает не спеша, *(л. 52 об.)*
317 Навалит товары кучею,
320 За рекою Костромой:
328—330 — Дорог будет, ваша чесь!
Засмеялися приятели,
Посмеялись меж собой, *(л. 53)*
340 На десятый день тогда...
Перед 341 *А.* [Без дороги в путь отправился. Кольцов.]
Б. Далеко ли до Мискова?
а. [А как пойдешь] — прямо-то шесть, [а обходом-то три.]
б. — Да дорогой-то три, а прямо-то шесть.
Крестьянская шутка *(л. 53 об.)*
341—400 *отсутствуют*
403 Жди-пожди, моя зазнобушка!
406 Ясным соколом идет.
408 Поминутно крестит рот *(л. 54)*
423 Целый день идут проселками,
429 а. Да [советчики постылые]
б. Да в Тюньбе, в селе, мошейники
431 Вы ступайте, [други милые]
433 [Верст семнадцать] с половиною
436 [Только девять] ...Вот оне! *(л. 54 об.)*
437 Бог попутал — мы поверили,
441—443 Да нужды нет! Сам я слыхивал:
[Что] дорога [тут] прямей
[Черт тут] что ли понапихивал [2]
447 а. [Хороша] наша губерния,
б. Велика наша губерния,
Перед 453 Старинная песня
453—454 Не дубровушки колышутся,
Не зеленые шумят,— *(л. 55)*
458 Показался молодец:
462 Ты как давеча в Тюньбе
467 — А ей-ей лицо знакомое —
471 а. [Так ли парень] пробираемся?
б. Тут на Чунью пробираемся?
472—473 Тут. Нам стало по пути. *(л. 55 об.)*.

---

[1] [Прачки]
[2] *Эти строки вписаны в верхней части листа.*

Вот и ладно. А далеко ли
479 Молодец как расхохочется!
481 Кабы весь, не так-то скоро бы *(л. 56)*
497 Ох вы стволики-голубчики! *(л. 56 об.)*
511—512 Борода седая склочена
Лычко вместо кушака,
521 «Ай пружины! важно щелкнули,—
523 Что, робята, вы примолкнули — *(л. 57)*
526 а. [Стали темны] небеса,
б. [Рдеют зорькой] небеса,
530 Сам бы парень ты запел.
531 Что ты, брат,[1] в кого ты целишься?
533—534 535—536 *следуют в обратном порядке*
533 Дождик что ли начинается?
536 Шибче идут мужики.
538 Поминутно чует дичь. *(л. 57 об.)*
544 Да четвертый месяц бьет —
549—660 *отсутствуют*
661 «То-то трусы вы великие!»
665 [Бог судья] тебе, захожего [2] *(л. 58)*
Вм. 673—678 Вот наткнулися на бестию! [3]
Леший что ли ты какой?
Не дурачься, просим честию! [4]
Не глумися,[5] братик мой!
Коли ты уж с нами встретился,
Накормлю и угощу.
680 «Не шути же!» — Не шучу! — *(л. 58 об.)*
690 а. [Всё плачу — я стал] богат:
б. Я, [касатики], богат:
697—702 Пастушок спросил детинушку:
Ты ли давеча стрелял?
Я болотом гнал скотинушку.
«Что ты? Разве ты слыхал?..»
— Слышал палы я ружейные,
Слышал стоны... Стой! винись! — *(л. 59)*
716 Лесника в острог свели... *(л. 59 об.)*

---

[1] [что]
[2] *Ниже, после ст. 672, помета:* Песню
[3] Вот [попали на разбойника]
[4] [«Скоро лягут два покойника!»]
[5] [Не дурачься]

Варианты прижизненных изданий
(*С, «Красная книжка» (Кр. кн.), II, III, IV, V, VI***)**

1—12 *отсутствуют (С)*

Перед 13 *эпиграф к главе I отсутствует (Кр. кн.)*

К 51 Этот полуштофчик (заметил автору некто) лишает поэтичности вашу героиню, давая повод читателю воображать ее покупающей в кабаке водку. Не входя в длинные объяснения, напомню читателям, что у нас почти в каждой деревне есть так называемые корчемники, а еще чаще корчемницы, у которых можно купить вина (или выменять на лен, холст или пряжу) и даже сделать это потихоньку.[1] *(II, III, IV, V)*

111 На Феклушу, бабу вострую, *(С)*

149 Враг дурит — народу горюшко! *(С, Кр. кн., II, III, IV, V, VI)*

247 Чтобы серый зайко спрыгивал *(С, II, III)*

263 Встрелось нам лицо — —[2] *(С)*

328 «Дорог будет, ваша чесь». *(С, Кр. кн.)*

423 *как в БА ГБЛ (С, Кр. кн.)*

Перед 453 *эпиграф к главе VI отсутствует (Кр. кн.)*

475 Верст двенадцать... А по многу ли *(С, Кр. кн.)*

536 Прытче идут мужики *(С, Кр. кн., II, III)*

602 Укатила в Кострому *(С, Кр. кн.)*

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

(С. 77)

Вариант наброска ГБЛ

61 Изб[енка] в деревне стоит *(л. 60)*

Варианты наборной рукописи ГПБ

Заглавие а. [Смерть Прокла]

б. [Смерть крестьянина]

1—49 *отсутствуют*

70—73 Три [жребия трудных] имела судьба.[3]

---

[1] *Примечание Некрасова.*

[2] *Так в публикации.*

[3] Три [доли суровых] имела судьба

И перв[ый] с рабом повенчаться
Втор[ой — до могилы рабу покоряться],
А трет[ий — быть матерью сына-раба...] *(л. 1)*
Вм. 74 а. [В то время как жребии нам назначались
Три жребия те никому не достались
И все безраздельно легли]
б. И все эти [трудные] доли легли
78 [Одну только] бог изменить забывал
80—83 И [так не дивитесь], что тип измельчал
Красивой и мощной славянки...
[Невинная] жертва судьбы
Ты глухо [безвестно] страдала *(л. 2)*
93 [Мы с тем завели], чтоб сказать,
101 А зрячий [пр]о них говорит.
109 [Дородна], стройна, высока,
113—115 [Кротка,[1] безответна], ровна
[Видали вы], как она косит:
Что взмах — то [большая] копна! *(л. 3)*
122 а. [Обсыпали] ноженьки босы
б. Закрыли ей ноженьки босы
123 Мешают [молодке] взглянуть
125—127 На парня сердито глядит...
Лицо [молодое] как в раме
[Досадой] и гневом горит...
129—139 *вписаны*
134 В столице не встретишь. «Утеха!»
137 Беда ли пристигла — спасет,
141 [У ней словно перлы блестят]
142 а. Но строго [румяные] губы
б. Но строго [суровые] губы
в. Но строго ревнивые губы
143 Хранят их [красу от] людей
145 Ей некогда [в гости ходить]
146 *начато:* [Она] *(л. 3 об.)*
После 151 [Она не трещит, не злословит...
Зато если нужно спасет[2]
Коня на скаку остановит,
В горящую избу войдет]
152—153 [Ее укрепляет] сознанье,
Что вс[я] их [надежда] в труде,
156 Всегда у них [чистая] хата

[1] *Начато:* Всегда
[2] [Зато если плохо спасет]

160 Идет [она в праздник] к обедне
После 163 *начато:* [Другой пятилетнего сына
Нарядная матка ведет...
Мне]
164 Другой пятилетнего сына
166—167 И радует эта картина
Всех любящих русский народ!..
После 167 [В кубышке на свадьбу для сына
Убогий залишек растет,
Рай в доме того семьянина,
Где баба такая живет!] *(л. 4)*
Вм. 168—169 И ты [не бедна была славой
Погибшего [1] Прокла жена,]
171 [Замаялась ночи без сна],
172 а. [Горда] ты — ты плакать не хочешь,
б. Умна ты — ты плакать не хочешь,
174 Невольно слезами ты мочишь, *(л. 4 об.)*
188 В [земле] до колен его ноги *(л. 1 об.)*
238 *начато:* [Старик] *(л. 3)*
260 Торжественно, важно, сурово *(л. 7)*
282 И всё, что в душе накипело
284 Не ветер гудет по ковыли, *(л. 7 об.)*
После 311 [Промерял косулей железной
Ее ты вперед и назад
Вставай, ненаглядной, болезной,
Бог даст, уродит сам-десят!] *(л. 8 об.)*
324—325 Заслышав рыданья и стоны
Соседи, [соседки пришли]:
328 [Прощалися с Проклом — и шли] *(л. 9)*
332 Видал [ты в] опушке лесной, *(л. 10 об.)*
336 Зима [таки съела] его!..
406 [Нет толку!] не пьет и не ест!
414 Задумала бедная: в ночь
416 (Верстах [он] в [семнадцати был]),
417—418 [Где образ какой-то] явленной
[Недугов целителем слыл]
После 418 [Всё, что на полотнах и пряже
Годами скопила она,
Истратила Дарья и даже
Осталась монаху должна,] *(л. 11 об.)*
420 а. Больной [уж на лавке] лежал
б. Больной [без движенья] лежал

[1] *Начато:* [Кра]

422 [Он что-то жене прошептал]
После 422 [Но образ Николы святого
Наутро явился в дому
Помазали миром больного
Больной поклонился ему]

XIII

[И умер...] Саврасушка трогай! *(л. 12)*
450 [Вдову] пожалели, почтили
453 [Торжественно] бабам подвыл, *(л. 12 об.)*
464—467 [Бог прибрал]... а то-то был в силе!..
[Отправив невестку домой,
Остался старик на могиле
С своей престарелой женой.]
468—471 Высокой, [худой, бородатой,]
Он двигался тихо по ней,
[Ровняя землицу лопатой
Под вопли старухи своей]
476 Когда же [покинувши] сына,
478 «Как пьяных, [качает] кручина
480 А Дарья [давно] воротилась — *(л. 13)*
489 [По корке дала им] вдова,
После 491 *заглавие части второй отсутствует*
494 Савраска плетется ни [рысью], ни бегом,
497 Как будто у самого уха звенит, *(л. 13 об.)*
500 [Светло] — поглядеть нету мочи
501 Равнина [звездами] горит...
После 503 [Минув занесенное жниво
И тихо спустив за бугор,
Савраска вступает пугливо
В пушистый [1] серебряный бор]
507 [И] тени длинней и длинней.
511 Глухой, [раздирающий] вой! *(л. 14)*
540 Другую на дерево [бросит], *(л. 15)*
549 Не слышит, как ноги [зашлись],
551 [Твердит: «Воротись, воротись!»]
556 [Весняночкой выберут] Машу [2] *(л. 15 об.)*

---

[1] [высокий]

[2] Известная народная игра, называемая *сеять мак.* [В иных местностях] маковкой садится в середине круга красивая девочка, которую под конец подкидывают вверх, представляя тем отряхиванье мака, а иногда *маком* бывает простоватый детина, которому при подкидывании (т. е. стряхивании мака) достается немало колотушек. *(Примечание Некрасова). Текст вписан на полях.*

После 567 *строка точек*
После 570 *строка точек*
573 Солнышко всё [осветило]
После 573 [Зимушку лето сменило], *(л. 16)*
После 593 *строка точек*
После 595 *строка точек (л. 16 об.)*
605 Солнышко серп на[каляет]
После 616 *строка точек*
После 618 *строка точек*
681 [Да не мешали мне] ткать *(л. 17)*
После 697 [Чаще молились мы господу-богу,]
После 699 *строка точек*
После 705 *строка точек*
711 Прямо над [божьей] деревней [стоит] *(л. 20)*
После 722 *строка точек*
После 726 *строка точек*
Вм. 739—740 [Чай он теперь на подушке
Мечется смерти бледней.]
741 Заяц спрыгнул [на опушке]
745 К полночи стало темней,— *(л. 21)*
Вм. 754 [То хохот и топот и лай,]
[Слышу погоню за мной,
Слышу я крики людей]
Вм. 757 а. [Богу обещан мой грош трудовой!]
б. [Божьей казны не замай!]
в. [Денег отнять не посмей!]
762 [В зимние ночи, без мужа] печальная
765 Долгую нитку [бывало] тяну, *(л. 21 об.)*
После 775 [Неровно лились эти звуки,
То крупным, то мелким дождем,
И вторя им крепкие руки
Трудились звуча топором] *(л. 20 об.)*
Перед 776 *номер главы отсутствует*
841 [Но вот уже кончено дело],
842 На дровни [сложила] дрова, *(л. 23 об.)*
843 [И вожжи взяла и хотела]
847 а. И тихо [по]рывисто воя,
б. И тихо [задумчиво] воя,
854 Без [мысли], без стона, без слез. *(л. 24)*
После 856 [Нет ропота, высохли слезы,
Теперь умереть бы не жаль...
Бездумье, нестройные грезы
Сменили крутую печаль...]

Вм. 857—860 [XXVIII

а. *Начато:* Чу!.. Как расходился трещит
б. Всё тихо. Один колобродит
Мороз, воевода лесной.
а. Владенья свои он обходит,
б. Чу! Льдины ломает! Чу, ходит
Стуча ледяной булавой]
в. Знать, мало порядку находит,
Суров воевода седой.
Чу! Льдины ломает, чу! ходит,
Стучит ледяной булавой.
863 И нет ли где сломанной ели,
865—866 В пуху ли деревьев вершины,
Красив ли узор на стволах?
869 Идет — по вершинам шагает, *(л. 24 об.)*
883 Навряд тебе молодца выше *(л. 25)*
893—894 Где [вольные гордые] воды
Недавно [широко] текли,— *(л. 25 об.)*
912 К дровням — хоть руби топором!..
919 Поцарствуем вместе зимою *(л. 26)*
939 «Тепло ли?» промолвил опять,
943 [Лесной] чародей целовал *(л. 26 об.)*
954 В [серебряный] иней одета,
962 Свекровь ее тут же, старуха
964 Красивая Маша, резвуха, *(л. 28)*
После 966 (Дорога-то шла мимо них)
968 И Проклушка крупно ступает
978 Гришуха меж тем приближался: *(л. 28 об.)*
1009 Дитя... «Ну! [не плачь], ничего!»
1011 Девочку с собой посадил, *(л. 29 об.)*
1028 Не знаю той песни прелестней, *(л. 31)*

После 1065 [*ЭПИЛОГ*

Задумав правдивую повесть
Без всяких эффектных затей,
Я взять не решаюсь [1] на совесть
Погибель крестьянки моей,

Она не погибла. Лукавый
Хотел погубить, да не мог.

[1] [не решуся]

Служивший семейству со славой
Савраска и тут ей помог:

Покамест тот сон чудотворный
Над бедной вдовицей витал,
Савраску Морозко проворный
За длинные уши щипал,

С соседнего дерева бросил
Горсть инею в очи коню
И хвост уж ему приморозил
К какому-то старому пню.

Савраска стоял терпеливо;
Лишь вздрагивал сильно порой
Да яму копал молчаливо
Ногами, то той, то другой.

Но стало стоять ему скучно.
Савраска ушами тряхнул
И трижды раскатисто, звучно
Заржал — и дровнишки рванул!

Коснулось знакомое ржанье
До слуха крестьянки моей,
И быстро проснулось сознанье,
Глядит: ни коня, ни дровней!

«Прррруу!..дура!..» Испуг чрезвычайный
Проворство ногам воротил,
Бежит по дороге случайной,
Что конь, убежав, проложил.

Настигла — дрова подобрала
(Порядком нагрелась меж тем)
И скоро детей увидала,
И печь затопила,— и всем

Сварила похлебки и каши,
Всю выскребла избу свою,
Искала в головке у Маши
И пела ей: «баю-баю!»

И тайной навеки осталось,
Что делала в роще она.
Лишь Дарьюшка после боялась
В лесу оставаться одна,

Да долго румянец багровый
Вдове позабыть не давал,
Как жарко Морозко суровый
Ее под сосной целовал...] *(л. 32)*

Вариант наброска ИРЛИ

35—36 Потому что в грядущем темней
И на сердце еще безнадежней. *(л. 7)*

Варианты прижизненных изданий
(С, В, IV, V)

90—91 Страдальческой доле твоей
Отдам я последние годы
. . . .
. . . . *(С, IV, V)*
206 Ворона к нему прилетела *(В)*
459 И подать в казну представлял!» *(С, IV, V)*
После 699 *строка точек (С, IV, V)*
После 705 *две строки точек (С, IV, V)*
После 726 *строка точек (С, IV, V)*
745 *как в НР ГПБ (С, IV, V)*
863 *как в НР ГПБ (С, IV, V)*
907 Но пьяных, и конных, и пеших *(С, IV, V)*
968 И Проклушко крупно шагает *(С)*

Разночтение Ст 1879

416 (Верстах в десяти от села),

ДЕДУШКА

(С. 110)

Варианты чернового автографа ГБЛ

4 [Важный] такой генерал
После 8 [Папа! Ты что-то скрываешь]
11 Сын перед дедушкой стоя
13 Папа ты что-то скрываешь?..
14 Где ж он теперь, говори!
22—24 [Перед портретом стоят]
[Что ж] он недобрый [был] что ли?
[Что про него все молчат?] *(л. 1)*
28—29 [Голову скрыла] на грудь
[И задрожала] мамаша
30 а. *Начато:* [Саша]
б. Горько вздыхает, дрожит
34 [Ну, я не буду упрям]
36 [Саша заплакал и сам]
45 *начато:* [Только]
48 [Саша] далек ему путь
После 48 [Где же он, милый папаша?
Не отвечаешь всегда
Полно же! вырастешь Саша
Сам всё узнаешь тогда...] [1] *(л. 1 об.)*
Вм. 49—52 [Жарко июль наступает
Саша и ждать позабыл]
Дед наконец приезжает [2] —
Бойко к крыльцу подкатил *(л. 2)*
52 Долго ожидан<ный> дед... *(л. 1 об.)*
54 Бросились к стар<ому> вдруг
Вм. 58—62 [Сел на крыльцо и сказал]
Милости дети у бога
Только од<ной> я желал
[Свидеться с ва<ми> и ныне
Внял он молитве моей
Жить тяжело на чужбине
А умирать тяжелей]
58—62 *вписаны на полях*
63 Сын перед ним прекл<онился>

---

[1] *Эти четыре стиха вписаны на полях.*
[2] *Начато:* Чу! <подъезжает?>

Вм. 67—68 [Дворня поодаль стояла
Слезы стараясь сдерж<ать>]
72 Экой красавец [1] какой!
73—76 *отсутствуют (л. 2)*
77 Дедушка! дедушка! где ты
81 Шрам на ноге ты скрываешь?
89—91 Ходят [они за грибами
Клюкву, малину берут]
Дедушка [крепок ногами]
92 [Смело, открыто] глядит
93—100 *следуют в ином порядке: 97—100, 93—96*
После 100 [Старый берет с собой книги
Внучек игрушки берет
В избы заходят и в риги
Если погода пугнет
Дедушку всё занимает
Дедушка молод душой
Дедушка часто вздыхает
Чаще смеется родной]
[С дедушкой Саша гуляет] *(л. 2 об.)*
103 Ходит кулик сероватый
105—108 [Баржу ведут бечевою
Слышны шаги голоса
Ровная гладь за рекою
Нивы, покосы, леса] [2]
113—140 *вписаны на полях*
128—129 [Песенка эта] горька
Просьбу: «Подайте же руку
138 Вместо терпенья [3] и мук
147 [Долго идет их] беседа
149—150 а. [Всё же не так теперь трудно]
б. Скоро не будет вам трудно
[Ожил ты, русский] народ! *(л. 7)*
157—158 а. [«Скоро дадут им] свободу»
Дедушка внуку сказал
б. Дайте им, дайте свободу
Часто старик повторял
163 Землю [да волю] им дали
166 Видят [4] — деревня стоит

---

[1] [кудрявчик]
[2] *Эти стихи вписаны на полях.*
[3] [покорства]
[4] [Глядь, уж]

167 а. [Риги, сараи,] амбары
б. Строятся риги, амбары
168 [Всюду работа кипит]
После 168 [Всюду довольные лица]
169—172 Всё идет живо и споро
Уж зап<аслись> мужики
Зверем [1] из темного бора
Рыбой из бл<изкой> <?> реки
177—180 *вписаны на полях*
После 180 а. [Так [понемногу] в полвека
Вырос [великий] посад
[Там бедняка человека
Нет теперь, всякий богат]
Тесом строенья их крыты
Лошади сильны и сыты]
б. *следуют 193—200 (л. 5)*
185—188 а. [Там не вст<речал> я воришек
Там неизв<естна> сума
Всюду довольство излишек
Светлы просторны дома]
б. *следуют в ином порядке: 187, 188, 185, 186, с вариантами ст. 186 и 187:*
Сколько там <этих?> свиней

[Выдешь к селенью так] бело
189—190 [Чудно] возделаны нивы,
[Тучны] обильны стада!
192 [Жители — дети труда]
После 192 *следуют 205—208*
193 [Есть и в кармане копейка]
200 Сорок пудов увезет
201—202 Сыты там лош<ади> сыты
Сыто там всяк<ий> живет
201—204 *вписаны на полях*
206 а. [Долг [2] они строго блюдут]
б. [Сами творят себе суд]
в. [Даром <*нрзб*>всё у них]
211—212 «Где ж это?» — Внучек, далеко —
Помни-ка: [3] в Тарбагатай... *(л. 5 об.)*

---

[1] [Рыбой]
[2] [Честь]
[3] *Начато:* [На реке]

217—220 а. [Грустно становится Саша
Как погляжу я кругом
Как [это] она мату<шка> наша
Русь-то отстала во всем]
б. Да погляди-ка подумай
То ли ты видишь кругом:
Вот он, наш пахарь угрюмый,
С темным печальным лицом
221 Лапти, рубаха, шапчонка,
224 Ребры считай — чуть жива!
226 Голоден Саша божусь
228 Дай [1] за тебя потружусь
230 [Деду] вожжу уступил
232 [Землю взрывая] ходил
233—234 [Пот с него градом катился *(л. 6)*
Да не хотел он отстать]
241—244 *следуют в ином порядке: 243—244, 241—242*
242 [Душу коробит] мой друг
245 [Стало] полегче народу
247 Барин почуяв свободу
249 *отсутствует*
251 [Кругом] мужик объезжал
256—257 «Кто вам позволил жениться?
Стой!» и [пошел и пошел!]
260 Отдал злодей приказанье
После 265 *следуют 350—357 (варианты см. ниже)*
266—309 *отсутствуют (л. 6 об.)*
Вм. 310—316а. [Дедушка встретил солдата
Снова расспросы пойдут
— Нынче вам легче ребята
Меньше вас школят и бьют
Ну а уж в наше-то время!]
б. Дедушка встретил солдата
Дружески с ним говорил
Поцеловавшись как с братом
Водкой его угостил.
Нынче вам служба не бремя
Мягко начальство теперь
Ну а как в наше-то время
321 [В роте найдутся всегда]
329—332 [Пятого гонит] сквозь строй!

[1] [Я]

С пеною у рта грохочет
Мало что выбранит полк
На офицеров наскочит *(л. 3)*
336—337 Дрогнет имеющий уши
Но не дрожавший в бою
339 Пуль и картечь пострашней...
343 Страшное что-то? [Дождись]
345 Честь [погубить берегись!] *(л. 3 об.)*
350—353 а. [То ли голубчик мой было
Всё расскажу как-нибудь
Дед замолчал и уныло
Голову свесил на грудь]
б. [То ли голубчик м<ой> было
Лучше пойдем отдохнуть] *(л. 6)*
352 [То ли мой] друг [еще] было *(л. 3 об.)*
Вм. 354—357 [Отдых у деда недолог
Вынет он свой сундучок
Много там дратвы, иголок
Шило пила, молоток] *(л. 6)*
354 Отдых [у деда] недолог
357 Переплетал [хоть куда] *(л. 3 об.)*
367 [О виноградных садах]
369 [И о голодных] раб [ах]
371 [Где его братья легли]
373 [Что за героями шли]
374 Пел [их красы увяданье]
376 [Пел] о чудесном влияньи
377 *начато:* [Женской]
379 Дедушка пел и [рыдал]
381 Келью свою [заполнял!..]
382—383 Дедушка [дедушка] где ты
[Взял эту песню] свою
387 [Часто во сне] по ночам
389 Я расскажу тебе сам *(л. 4)*
397 а. [Дед обращался] к реке
б. *Начато:* Дед подходил
398 Здравствуй родимая Волга
412 Трудно [там миленький] трудно
414 а. Видишь как медленно [1] таешь
б. В землю друзей зарываешь

---

[1] [старишься]

415—418 *вписаны на полях*
415 [Гаснут и ум и душа]
416—417 [Да зарываешь] в могилы
[Старых [1] друзей] до поры
418 Медленно сам умираешь
422—425 *отсутствуют*
426 «Дедушка! Дедушка! полно
429 а. [Милый родной] говори!
б. [Лучше теперь говори!]
в. [Было в нем четверти три]
г. Нет, ты теперь говори!
431 [Скучно мне дедушка ждать!..]
433 [Старый готов зарыдать]
434—437 *вписаны на полях*
438—439 [Всё расскажу тебе] милый
[Только годок] погоди
445—446 Будешь ты всё понимать
Будешь ты дедом гордиться
449 *начато:* Гром<ко> *(л. 7 об.)*
451 Учится Саша всему
453 Лет уже девять ему
454 Бойко на карте укажет
458—460 *следуют в ином порядке: 460, 459, 458*
465 Саша великую быль... *(л. 8 об.)*

Варианты набросков ГБЛ

80 Где же медали кресты?
81 а. Что же ты будто хромаешь
б. Что за <*нрзб*> ты прячешь
82 а. Шрамы рубцы на руках
б. *Начато:* Раны <*нрзб*>
84 Слезы у Саши в глазах
97—100 Важен [2] высокого роста
[Важен] лицом сановит
Как-то [особенно] просто
[Ходит глядит] говорит

---

1 [Лучших]
2 [Очень]

149—151 То-то не трудно не трудно
Ожил ты русский народ
И засмеется так чудно *(л. 8)*

Варианты корректуры ЦГАЛИ (К), ОЗ и Экз. Ефремова 1859 и 1861 (Е)

52 *как в ЧА ГБЛ (К, ОЗ)*
378 О Т — — ой и В — ой *(К, ОЗ)*
465 *как в ЧА ГБЛ (К, ОЗ, Е)*

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

(С. 123)

Варианты чернового автографа ГБЛ

1 *начато:* [Красив, у<добен>]
7 Сам граф подушки [постилал]
9—12 Перекрестив внутри возок
Повесил даже образок
Над головой. Княгиня-дочь
Куда-то едет в эту ночь [1] *(л. 1)*
17—18 А тот, кто мог бы нам помочь,
Господь его суди...
21—22 Прости отец! надежды вновь
Увидеться нам нет
30 И выше и святей
33 Тяжел мой путь, далек мой путь
37 Прости, [любимый] край, родной
40 Господь с тобой... прощай
43 Того [красой] ты не пленишь

---

[1] [В углу. Куда-то едет в эту ночь
Его сиятельная дочь...]
Ст. 5—12 вписаны на полях, рядом помета: Сюда прощанье, а потом:
[Удоб<ен>] Покоен, прочен и легок
Катится городом возок

46 В стенах твоих прошла
48 Где первой я была
51—53 И эту площадь и на ней
Героя на коне
Я там была... потом, потом *(л. 2)*
64 Княгиня в нем сидит одна [1]
65—67 А секретарь [ее] отца
[Да два курьера-молодца]
[Давно уж скачут] впереди
70 Далек и труден путь лежал
73—74 [Княгиня просит, чтоб] живей
[Перепрягали] лошадей
77—79 Вперед, вперед. В десятый день
Они приехали в Тюмень,
Еще скакали двадцать дней
После 82 В угоду ей он так скакал
Что в Красноярске захворал.
Два дня прождав его она
Пустилась далее одна [2]
235—236 Морозы злей, пустынней путь
Чем дальше на восток
240 На [бедные дома]
242 а. [Пугнула их зима]
б. Не [видно] даже псов *(л. 1)*
243 Под крышу [их] загнал мороз
253—254 Налево в саване река
Направо темный лес
После 254 Уже пять раз они в тот день
Сменяли лошадей
Чредой упала ночи тень [3] *(л. 1 об.)*
86 Вся жизнь проходит перед ней
87 Широкий двор, высокий дом
После 90 [Швейцар с огр<омной> булавой
Нет<*нрзб*>числа]
91 Богато убран пышный зал
93—94 Сегодня будет детский бал,—
Отец ей говорит

---

[1] Княгиня [села в нем] одна

[2] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 235—254 окончательной редакции.*

[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 83—122 окончательной редакции.*

После 94 Цветы, наряды принесли...
Сановники, послы
Сюда детей своих везли
На детские балы
Как было весело! Потом
Ей снится бал другой
Она танцует с женихом
И вот он мужем стал [1]
359—362 А вот и *<нрзб>* наконец,
Дверь скрипнула — и вдруг
Пред нею он живой мертвец
— О милая! «О друг!» *(л. 4 об.)*
К 361—378 Как бледен он... живой мертвец
Один лишь час, короткий час
О милый! погляди
Зачем тут третий между нас?
Вели ему уйти.
Заплакал он и голова
Упала к ней на грудь
И слышит *<нрзб>* слова
Родная, не забудь
Да много сил в моей груди
Готовность горяча,
Просить ли надо
Вм. 377—378 *начато:* Пора! прошел законный час
Тот третий произнес.
Заплакал узн<ик> *(л. 3)* [2]

---

[1] *Следующий далее текст частично соответствует* ст. 359—378 *окончательной редакции.*

[2] *На следующем листе рукописи находится текст,* представ*ляющий собой набросок плана:*

Вперед! Душа полна тоски и пр.
Ах, не забыть ей той весны.
Теперь увы другие сны,
Другая жизнь давно
Мороз сильней, пустынней путь и проч.
до
Направо в саване река
Налево лес
[Как в бурю чайки крик]
потом площадь
потом луна плыла среди
небес
до инородца
Померкнул снова небосклон,—
Сменили лошадей,—

84—87 Природа всё мертвей,
Но грезы милы и легки —
Балы всё снятся ей.
Широкий двор, высокий дом
91 Богато убран пышный зал
93—94 «У нас сегодня детский бал» —
Отец ей говорит
95—110 *отсутствуют*
115 Другая зала, бал другой
117 Стоит красавец и герой *(л. 5)*
130 Пред нею [старый] Рим [1] *(л. 7)*
295—316 Бегут [2] не взявши дела в толк
Мещане, мужики
Стоял уж там Моск<овский> полк
Пришли еще полки.
Сошлось 2000 солдат,
Чего-то ждут. Ура! кричат.
Народ смотрел как гусь на гром
На пушки и <полки?>
Чего хотят? Шум<ят> о чем?
Не знали русаки.
Зато посм<еивался> в ус
И руки потирал
Приказчик жиденький фр<анцуз>
Он дело понимал
Приспели верные полки.
Сдавайтесь. Пули и штыки
Короткий был ответ [3] *(л. 7 об.)*

Последний <*нрзб*> сон
В ту ночь приснился ей *(л. 4 об.)*

Дальнейший текст частично соответствует ст. 83—130 окончательной редакции.

[1] *Следующий далее текст представляет собой набросок ст. 295—316 окончательной редакции.*

[2] [Туда]

[3] *По-видимому, к этому месту рукописи относится отдельный набросок на л. 16 об.:*

Врагов порядка окружа
Колонною солдат

Подъехал Сераф<им> <?>

Она вошла ему в бедро
Герой лишился чувств.
Пальба — пальба. Одно ядро

Вм. 251—254 Но вот и нет уж городка
Последний дом исчез
Налево в саване река
Направо темный лес
Тоска! Навстречу ни души
По целым долгим дням
Лишь волк стонал в лесн<ой> глуши
В ответ другим волкам
Да ветер злился и ревел
Гарцуя по реке.
Да инородец где-то пел
На странном языке.
Суровым пафосом звучал
Неведомый язык
И сердце больно надрывал
Как в бурю чайки крик...[1]
255—257 И не заснет усталый ум
До самого утра,
Не спит и сердце — смена дум
263 Что небо серое песком
После 266 Заплакал он, и голова
Склонилась к ней на грудь
И слышит тихие слова:
«Родная, не забудь!» *(л. 8)*
Вм. 267—268 Всё то же — справа лес шумит
Налево — гладь и мгла
На третьи сутки новый вид
Окрестность приняла
Река пропала, началась

Попало в храм искусств
Другое врезалось в сенат

Русак в неведеньи стоял
Смотрел как гусь на гром
<*7 нрзб*>
Зато посмеивался в ус
Да руки потирал
Приказчик жиденький француз
Он кое-что видал.

Следующий далее текст частично соответствует ст. 251—326 окончательной редакции.

[1] *Ср. также ст. 385—398 окончательной редакции. Рядом с этим текстом на полях:*

По руслам рек, на дне болот
Здесь золото лежит

Равнина[1] без конца
После 270 Местами из снегу торчит
Один тальник гнилой[2]
273—274 *отсутствуют*
283—286 *отсутствуют (л. 9[3])*
287—290 *отсутствуют*
291—292 Под утро башня снится ей,—
Княгиня вниз глядит[4]
295 К [Сенатской] площади бегут
297 Торговый люд, чиновный люд
Вм. 299—300 [Бегут, не взявши дела в толк
Мещане, мужики]
301 а. [Стоял уж там Московский] полк
б. На площади какой-то полк
302—303 [Еще] пришли полки
Уж тысяча солдат
Вм. 306—312 Сплошной стеной толпясь кругом,
Глядел на них как гусь на гром
Озябший русский люд...
Зато посмеивался в ус
И руки потирал
Давно знакомый ей француз,[5]
Что косы ей чесал[6]
307 Казалось он не понимал
313 Явились новые полки[7]
314—315 Сдавайтесь! Пули и штыки!
[Короткий был ответ]
317—322 а. Какой-то храбрый генерал
[Солдат мятежных обругал —
Послали на тот свет!
Другой отчески просил
И тоже пулю получил]
б. Какой-то [добрый] генерал,
Влетев в каре, увещевал,

---

[1] [Пустыня]
[2] *Начато:* [Кустарник чуть <*нрзб*>]
[3] *На полях этого листа:*
Ей видится Италия
Звезды падают с неба
Где <*3 нрзб*>
[4] [Она вверху стоит]
[5] [Приказчик жиденький] француз
[6] а. [Он дело понимал!]
б. [Он кое-что смекал]
[7] [Приспели верные полки]

Просил,— [да толку нет!
Другой попробовал ругнуть —
Ему послали пулю в грудь...] [1]
в. Какой-то храбрый генерал,
Влетев в каре, увещевал,
Просил — один солдат
Прицелясь смерть ему послал:
С коня валится генерал
Из раны брызжет кровь...
Другой прибл<изился> к рядам —
«Прощенье царь дарует вам»
Развязка та же вновь.
[И вдруг раздался пушек гром
Картечь свистя летит...
Княгиня вздрогнула: кругом
Испуганно глядит
Луна плыла среди небес]
323 Приехал сам митрополит
325 а. Прощенье [царское] сулит
б. Прощенье тоже он сулит
326 Не то грозит судом [2] *(л. 10)*
251—257 Но вот и нет уж городка,
Последний дом исчез.
Направо — в саване река,
Налево — темный лес...
Они четыре раза в день [3]
Сменяли лошадей,
Чредой упала ночи тень,—
Уснуть бы поскорей,
Но не заснет усталый ум
До самого утра,
Не спит и сердце; смена дум
263 Что небо серое — песком
Вм. 383—386 Глухая ночь. Мороз крепчал
И ел глаза до слез
И подрез по снегу визжал,
Как прищемленный пес
Луна плыла среди небес
Без блеска, без лучей

---

[1] [Ему всадили пулю в грудь]

[2] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 251—266, 383—398, 219—234, 267—282 окончательной редакции.*

[3] [Всё то же, то же целый день]

Направо был всё тот же лес
Налево — Енисей
387—392 Тоска! Навстречу ни души
[По целым божьим дням]
[Лишь] волк [стонал] в лесной глуши
[В ответ другим волкам,]
Да ветер [злился] и ревел
[Гарцуя] по реке
390 Отчаянно стонал
397 И сердце больно надрывал
Вм. 219—222 Настало утро. «Не гони, [1]
Ямщик, своих коней!»
Вблизи послышали они
Как будто звук цепей [2] *(л. 11)*
228 [Мерещились] потом
231 И та здесь партия прошла
После 234 [Всё тот же — справа лес шумит
Налево гладь и мгла,
Лишь через сутки новый вид
Окрестность приняла]
267 а. [Река исчезла,] началась
б. [Река пропала,] началась
в. Вид изменился, началась
После 270 [Местами из снегу торчит
Один тальник гнилой] *(л. 11 об.)*
После 282 Да, нелегко в стенах возка
Дней сорок провести,
Но вот — Иркутск: недалека
Теперь и цель пути! [3] *(л. 12)*
516 Есть закорючка тут
518 Бумага... [Боже мой!]
Вм. 520 [Совет признаться мой [4]
Вернуться!]
521—522 Но кто ж писал вам и о чем
Бумагу? Что же там [5]

---

[1] а. [Но вот и люди.] «Не гони,
б. [Но вот и встреча.] «Не гони,
в. [Но вот и утро.] «Не гони,

[2] [Поутру] звук цепей

[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 513—548, 667—698, 713—724 окончательной редакции.*

[4] [Совет сердечный мой]

[5] [Покажите в чем
Бумага?] Что же там

523 Шутили [над моим] отцом?
526 а. Но путь [еще] далек
б. Но путь [ваш так] далек
в. Но путь [туда] далек
После 527 *(отворяя дверь в сени)*
538 То будет — до конца! *(л. 13)*
540 *начато:* Как [любит он]
544 Давайте ж лошадей!
После 544 Благословил меня он сам
И еду я сейчас...[1] *(л. 13 об.)*
Перед 667 А там пройдет немного лет
Забудется беда
<Княгиня>
Как! мне опять вернуться в свет?
Взять мужа? Никогда!
Вм. 677—680 Опять увидеть ханжество
Притворство, низость, лесть
Ничтожной злобы торжество
И попранную честь? [2]
После 680 Молчанье гордых и прямых
Поникших под грозой
Тщеславье подлых и тупых,
Напыщенных собой?
685 Мне снова жить среди клевет
689—690 Нет, нет я видеть не хочу
Улыбок их, ужимок их
693—694 Как! Мне другого полюбить
Забыться [3] не шутя
695—696 Но [не умел же пощадить
Он вас, мое] дитя... *(л. 14)*
717—720 О, у меня достало б сил
Забыть его навек,
Когда б он пошло изменил
Как слабый человек
721 Да только к родине любовь
724 Его простила б я! [4]
После 621 *начато:* [Молю вас]

---

[1] *Начато:* Пое<ду>
[2] [Поруганную] честь
[3] [Забывшись]
[4] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 617—652 окончательной редакции.*

После 628 Да! Провидения рука
Не дремлет над людьми
Кому действительно<сть> горька
Во сне покой прими
629—630 Летя душой к родным, друзьям
В мечтаньях <*нрзб*>
После 636 Как видно старый генерал
Уж красноречье <исчерпал?>[1] *(л. 14 об.)*
557—558 Там <волки?> рыскают кругом
Да бродят варнаки
После 564 Придется вам стирать белье
Чтоб не ходить в грязи
576 А вы, а вы за что?..
577—578 Печальна будет, знаю я
Жизнь друга моего
582 Там смерть вас стережет
585—588 [Тебе ли] жить в стране такой
Где [вылетает из груди
Дыханье] [2]
589 Где холод чуть не круглый год
После 592 Где ни аптек, ни докторов,
Ни деревень, ни городов?
599—600 Живут! Как молодость свою
Вы провели, дитя?
603 Малютку [вечной] бури вой
604 Баюкает в полночь
606 У хижины лесной
После 608 [Бесстрашен здешний человек
Бояться — здесь не жить!]
610 Берущий дань свою
613 Пускай [мне жизнь не] суждена
616 Я должна близ друга умереть
После 616 Я всё готова подписать —
Велите тройку подавать *(л. 15)*
704—706 Вы отдались ему
С таким богатством и умом
С такою красотой [3] *(л. 15 об.)*
Вм. 549—552 [Ужасна] наша сторона

---

[1] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 557—616, 698—714 окончательной редакции.*

[2] [Дыханье из грудей]

[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 549—596 окончательной редакции.*

Нерчинск еще бедней [1]
[Мертва, безлюдна, холодна
Жить невозможно в ней]
В тоске бежит оттуда прочь
И самый зверь лесной
Когда стосуточная ночь [2]
Повиснет над страной
552 Зима там холодней
557—558 Там только рыскают кругом
На воле [3] варнаки [4]
821 Зачем же сразу не сказать
823 Велите ж ссыльных собирать
После 824 а. *<нрзб>* ста́рый генерал
Закрыв рукой глаза
«Нет вы поедете!» вскричал
Из-под руки слеза
Скатилась на его усы
б. «Нет! вы поедете!» вскричал
Закрыв рукой глаза
Нежданно старый генерал
И круп<ная> слеза
Из-под руки на ус седой
Скатилась: «Видит бог
Я *<3 нрзб>*
Я сделал всё, что мог!
<13 нрзб>
839—845 Трудом далекого пути
И холодом зимы
Всей мукой жизни взаперти
Всей пыткою тюрьмы
Я вас старался напугать
Не пошатнулись вы
<4 нрзб>
Вм. 847—850 Пятнать злодейством не хочу
Я совести моей
Я вас в три дня туда домчу
Эй живо лошадей! *(л. 16)*

---

[1] а. [А та еще страшней]
б. Нерчинск еще страшней
[2] *Начато:* Когда [повиснет]
[3] [Бродяги]
[4] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 821—850 окончательной редакции.*

Кто помнит ту годину роковую
Тот знает сам, как много славных [1] жен
Вослед мужей ушли в страну чужую...
Как ни смотри на драму тех времен,
Высок и свят их подвиг незабвенный
Как ангелы-хранители они
Явилися опорой неизменной
Изгнанникам в страдальческие дни.
Быть может мы, рассказ свой продолжая,[2]
Когда-нибудь коснемся и других,
Которые, отчизну покидая,
Шли умирать в пустынях снеговых [3]
История имен их не забудет
Но та, кого теперь коснулись мы,[4]
Светлей других сиять в потомстве будет.
Далек был путь до роковой тюрьмы
Вражда людей, не знавшая пощады
На том пути ей ставила преграды [5]
И первая она их перешла.[6]
Ее души ничто не устрашило —
Она другим дорогу проложила,
Она других на подвиг увлекла... *(л. 38)*

Набросок ИРЛИ

К 435—444 Меж огнедышащей горой
И морем [7] голубым
Лимонных миртовых аллей

Сады лимонов и олив

И мох ползущий из воды
По мрамору ступень

---

[1] русских
[2] [Когда-нибудь] рассказ свой продолжая
[3] *Далее было начато:* [Пленительные образы!]
[4] Но та, о ком рассказ сложили мы
[5] Тяжел, тернист и ставил ей преграды. *Далее:* <3 *нрзб*>
[6] [Она себя на жертву обрекла]
[7] [небом]

Свод неба чудной синевой
И золотом блестит

Лазурь небес и вод

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

Заглавие Декабристки
I
Кн. Т

5 [Пять] лошадей в него впрягли
9—11 Перекрестив внутри возок,
Повесил даже образок
Над головой: княгиня-дочь *(л. 3)*
18 Да тот... Прости, прости!
20 И [к мужу] отпусти!
21—22 «Прости! Не свидимся мы вновь,
Увы! надежды нет *(л. 3 об.)*
40 а. Гнездо [царей]... прощай!
б. Гнездо всех бед... прощай!
46 *как в ЧА ГБЛ*
48 а. [Где первой я была]
б. Где перлом я слыла
53 Я там была... Потом, потом [1] *(л. 4)*
70 *как в ЧА ГБЛ*
73 Выходит путница: [Живей]
77—79 [Летят стремглав!] В [десятый] день
[Они] приехали в Тюмень,
Еще скакали [двадцать] дней *(л. 4 об.)*
После 82 В угоду ей он так скакал,
Что в Красноярске захворал
Два дня [2] прождав его, она
Помчалась далее одна...
84—86 [Природа всё мрачней,]
Но грезы [милы] и легки —
[Вся юность снится ей] [3]
87 а. [Широкий двор, высокий дом]
б. Дворец с наследственным гербом
90 а. [Перед подъездом] львы
б. В широких нишах львы
93—94 а. [Сегодня будет] детский бал

---

[1] *На полях, рядом со ст. 53—59, помета:* Шесть строк точек
[2] [Пять дней]
[3] [Балы всё снятся ей]

б. Сегодня, Катя, детский бал
[Отец ей говорит]
96 В две пышные косы
115 а. [Другая зала,] бал другой
б. [Другие лица,] бал другой
117 [Красавец, воин и герой] *(л. 5)*
127—132 [И вот уехала она
С избранником своим.
Пред нею — чудная страна,
Пред нею — вечный Рим...
Ах! где та милая пора?
Волшебный сон исчез!
Направо — снежная гора,
Налево — черный лес][1] *(л. 5 об.)*
201 [Забытой богом стороны]
218 [Печальный] был ответ
После 218 *начато:* [Мороз сильней, пустынней путь
Чем дале на восток
На тр<иста>]
После 220 <*3 нрзб*>
После 221 Полозьев <скрип?> <*2 нрзб*>
Да хмурой ночи тьма
224 [Заныла стр<ашно>] грудь *(л. 6)*
253—254 а. [Пропала белая река
Пропал угрюмый лес]
б. [Направо в саване река
Налево тот же лес]
284 Там первобытный мрак *(л. 7)*
После 290 [Княгиня слышит звук цепей,
Спускается в тюрьму
И тут же думается ей,
Бог знает почему,
Что небо звездное — песком
Посыпанный листок,
А месяц — красным сургучом
Оттиснутый кружок...]
291 [Забылась...] Башня снится ей
301—302 [На площади] какой-то полк,
[Идут] еще полки
303 [Уж больше] тысячи солдат

---

[1] *На полях помета:* Смотри вставку ∅. *Тем же знаком помечен набросок, соответствующий ст. 199—234 окончательной редакции.*

306—308 а. [Народ галдел, народ зевал
Казалось, он не понимал,
Что делается тут...]
б. Сплошной стеной толпясь кругом,
Глядит на них как гусь на гром
Озябший русский люд *(л. 7 об.)*
310 [Хитро прищуря] взор
311 а. Известный ей [давно] француз
б. Известный ей артист-француз
313 [Явились] новые полки
318 а. Влетев в каре [увещевал]
б. Влетев в каре [браниться стал]
319 а. [Просил, один солдат,
Прицелясь, смерть ему послал:
С коня валится генерал,
Из раны брызжет кровь...]
б. [И жизнью заплатил]
322 а. [Развязка та же вновь...]
б. [И тоже ранен был...]
323 [Приехал] сам митрополит
325—326 [Прощенье *<нрзб>* им сулит,
Не то — грозит судом.] *(л. 8)*
331—338 [Тогда-то грянул пушек гром, [1]
Картечь свистя летит...
Княгиня вздрогнула, кругом
Испуганно глядит] [2]
385—386 [Направо был угрюмый лес,
Налево — Енисей]
390 [Отчаянно стонал] [3]
339—340 [Какой-то тусклый] и сырой *(л. 8 об.)*
[Пред нею] коридор
Вм. 351—358 «Иди за мной!» высок и прям,
Тюремщик ей сказал.
Он подошел к одним дверям,
Ключами звякнул, стал.
Она к нему,— а он опять
Пошел и снова ждет;
Едва успела подбежать

---

[1] [Тогда раздался пушек гром]

[2] *Следующий далее зачеркнутый текст частично соответствует ст. 383—390 и полностью ст. 255—258 окончательной редакции.*

[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 339—350 окончательной редакции.*

Княгиня,— он вперед.
На нитку мячик навязав,
Случалось в детстве ей
Бежать по комнате стремглав,
А Васька-кот за ней
Не так ли тешился теперь
Над нею грубый страж?
— Беда! беда! забыл я дверь!
Который нумер ваш? —
«Поверю я, чтоб ты забыл!!.
Не время для потех»
Он засмеялся (страшен был
Злорадный, гордый смех) —
И двери отпер наконец
359—360 а. Она идет и наконец
Дверь визгнула и вдруг
б. Она вошла и вдруг
362 — О милая! «О друг!..»
370 *строка точек (л. 9)*
После 378 [Настало утро. «Не гони,
Ямщик, своих коней!»
Вблизи послышали они
Как будто звук цепей] [1]
385 Налево был всё тот же лес
399—468 *отсутствуют*
469—476 *отсутствуют (л. 9 об.)*
477—480 [В Иркутске губернатор сам [2]
Княгиню [встретил]. Старичок
Был как аршин <*нрзб*> прям
Сед тонок и высок]
После 484 [Иркутск. Почтовая станция
Губернатор (старик в генеральском мундире)
Княгиня Т. (молодая женщина, вся в черном)
Кн<ягиня> *(входя в станционную комнату)*]
490 а. [Я встретить вас пришел]
б. [Явился встретить вас]

---

[1] *Далее следуют зачеркнутые ст. 223—234 окончательной редакции.*
[2] *Начато:*
а. [Здесь встретил]
б. [Здесь поджидал начальник]

После 491 [Как скоро день прошел!
Мы мало <сделали?> — дурна
Дорога на Руси]
Губ<ернатор>
А дальше будет так трудна,
Что боже упаси!]
После 492 а. [Имею нечто вам сказать]
б. [Я должен нечто вам сказать]
в. [Два слова нужно вам сказать]
495—496 [Я не устала... я сильна
Да и не труден путь][1] *(л. 12)*
497 Всё ж будет верст до семисот *(л. 10)*
503 [Имел я счастье князя знать]
512 а. *как в окончательном тексте, но зачеркнуто*
б. [Скорее экипаж]
в. [Да, нужен экипаж] *(л. 12[2])*
516 Есть закорючка тут
542 И выше и трудней
553 Да! восемь месяцев зима *(л. 12 об.)*
590 А в [летние] жары
603 Малютку вечной бури вой
613 А вы?.. [Бежит отсюда прочь
И самый зверь лесной, *(л. 13)*
Когда стосуточная ночь
Повиснет над страной...]
613—614 [Я верю:] смерть мне суждена
[Но не о чем] жалеть...
После 628 [Да, провидения рука
Не дремлет над людьми.
Кому существенность горька
С забвенья дань прими!] *(л. 13 об.)*
645—646 Мой долг — не слезы я несу
В [печальную] тюрьму
665—666 Да, [вам вернуться мой совет
Забудется беда...] *(л. 14)*
Вм. 667—690 [Как! Мне в проклятый этот свет
Вернуться? Никогда!
Зачем? Чтоб видеть ханжество,
Притворство, низость, лесть]

---

[1] [Ах поскорей бы в путь]

[2] *Л. 12 (текст:* [В Иркутске губернатор сам ∾ [Да, нужен экипаж]*) весь перечеркнут и перебелен на нижней части л. 9 об. и л. 10—11.*

[Нахальной][1] дряни торжество
И подленькую месть?
Молчанье гордых и прямых
Напуганных грозой,
Нахальство подлых и тупых,
Напыщенных собой?
[Мне снова] жить среди клевет,
[Интриг] и [жалких] дел?
Там места нет, там друга нет
Тому, кто раз прозрел!
[Нет! Нет! Я видеть не хочу
Улыбок их, ужимок их!]
668 [Прекрасен] Ваш совет
672 Расчистил...
После 676 [Они мечтают об одном
Пройти на бале тур
Всё счастье этих дур]
689—690 [Ни злобы видеть не хочу
Ни сostраданья их!]
691 Не покажусь я ....
693 Забыть того, кто так любил
699 а. Когда б не [княжеская] кровь
б. Когда б не [доблестная] кровь
в. Когда б не Чернышевых кровь[2] *(л. 14 об.)*
706 С такою красотой
717—720 *как в ЧА ГБЛ*
725—732 [Молю вас, добрый генерал,
Согласье ваше дать!
Меня отец не удержал,
Так вам не удержать!
И так напрасно день прошел,
Мне дорог каждый миг...
«До завтра» молвил и ушел
Взволнованный старик...] *(л. 15)*
735 Но [снова] получил отпор
749 а. Старик [эффектно] замолчал
б. Старик торжественно молчал *(л. 15 об.)*
774 а. [Ночь темная была]
б. Когда [ж настала] тьма

---

[1] а. [Тщеславной]
б. [Придворной]

[2] *На полях.* [Лучше пусть следуют моему примеру другие женщ<ины>, чем в свете делать гадости]

775—776 Княгиня [бледная] как тень
[Сама] к нему.[пошла]
После 776 *начато:* [Спал бедный город]
777—780 [Больным сказался генерал:
Она пошла опять,
Но он и утром отказал [1] —
И так прошло дней пять] *(л. 16)*
799 а. Я [ничего] не поняла
б. Я одного не поняла
801—805 [Отряд солдат и] казаков [2]
С оружием в руках
[Да ссыльных партию] воров
И каторжных в цепях
[Ведет: преступники] шалят
812 И сотни не дойдет
815 а. И вам [княгиня] так идти
б. И вам придется так идти
818 Но вы-[то], вы... злодей! *(л. 16 об.)*
821 а. [Ну чтобы] разом [всё] сказать?..
б. Зачем [же] разом не сказать?..
825—830 «Нет! вы поедете!..» вскричал
Закрыв рукой глаза
[Нежданно старый генерал]
[И крупная слеза]
Из-под руки на ус седой
Скатилась. [«Видит бог,
Я не хотел кривить душой
Я сделал всё, что мог!]
828 а. [Простите я вас истерзал]
б. [Я] вас [измучил.] Боже мой!..
831 а. [Простите я измучил вас]
б. [Я как палач измучил вас]
в. [Да! как палач я мучил вас]
832 [Измучился] и сам
838 Невинна видит бог!
839 а. [Трудом [далекого] пути]
б. [Трудом этапного пути]
840—842 [И холодом зимы,
Всей мукой жизни взаперти
Всей пыткою тюрьмы]

[1] *Начато:* [Но опять ей]
[2] [Под наблюденьем казаков]

847—848 а. [Пятнать злодейством не хочу
Я совести моей...]
б. [Ни я вас мучить] не хочу
[Ни совести моей]
848 Еще тиранить вас
850 а. Эй! запрягать, живей!
б. Эй! [живо лошадей]

После 850

ЭПИЛОГ

Кто помнит ту годину роковую
Тот знает сам как много славных жен
Вослед мужей ушли в страну чужую...
Как ни смотри на драму тех времен
Высок и свят их подвиг незабвенный!
Как ангелы-хранители они
Явилися опорой неизменной
Изгнанникам в страдальческие дни.
Быть может мы, рассказ свой продолжая,
Когда-нибудь коснемся и других
Которые, отчизну покидая,
Шли умирать в пустынях снеговых.
Пленительные образы! Едва ли
В истории какой-нибудь страны
Вы что-нибудь прекраснее встречали!
Их имена забыться не должны.
Да их поэт грядущий не забудет,
Но чьей судьбы теперь коснулись мы [1]
Та всех светлей сиять меж ними будет...
Далек был путь до роковой тюрьмы,
Вражда людей, не знавшая пощады,
На том пути ей ставила преграды,
И — *первая* — она их перешла,
Ее души ничто не устрашило!
Она другим дорогу проложила,
Она других на подвиг увлекла!..

---

[1] [История имен их] не забудет,
[Но та, кого коснулись мы теперь]

Варианты гранок ОЗ

Заглавие Декабристки

I

Княгиня Т ***

9—12 *как в ЧА ГБЛ*
18 *как в НР ИРЛИ*
21—22 *как в НР ИРЛИ*
40 Гнездо всех бед... прощай!
45—48 Счастливо молодость моя
В стенах твоих прошла,
Твои балы любила я,
Где перлом я слыла
53—60 Я там была... Потом, потом
Расскажут нашу быль...
шесть строк точек
После 82 *как в НР ИРЛИ*
87 *как в НР ИРЛИ (вариант б.)*
90—91 В широких нишах львы,
Богато убран пышный зал
96 *как в НР ИРЛИ*
127—198 *отсутствуют*
Вм. 306—308 Сплошной стеной толпясь кругом
Глядел на них как гусь на гром
Озябший русский люд
311 *как в НР ИРЛИ (вариант б.)*
333—334 *отсутствуют*
347—349 *отсутствуют*
Вм. 351—359 «Иди за мной!» высок и прям
Тюремщик ей сказал.
Он подошел к одним дверям,
Ключами звякнул, стал...
Она к нему,— а он опять
Пошел — и снова ждет;
Едва успела подбежать
Княгиня,— он вперед...
На нитку мячик навязав,
Случалось в детстве ей
Бежать по комнате стремглав,
А Васька-кот за ней.
Не так ли тешился теперь
Над нею грубый страж?

— Беда! беда! забыл я дверь!
Который нумер ваш? —
«Поверю я, чтоб ты забыл...
Не время для потех!..»
Он засмеялся (страшен был
Злорадный, гордый смех) —
«Зачем так мучить...» Наконец

362 *как в НР ИРЛИ*
370 *строка точек*

Варианты прижизненных изданий (ОЗ, VI)

К заглавию

С издания манифеста Александра II от 26-го августа 1856 года в нашей литературе начали появляться время от времени (а в последние годы и довольно часто) материалы для изучения эпохи, к которой относится настоящий рассказ. Перечитывая эти материалы, автор постоянно с любовию останавливался на роли, выпавшей тогда на долю женщин и выполненной ими с изумительной твердостию. Если на самое событие можно смотреть с разных точек зрения, то нельзя не согласиться, что самоотвержение, выказанное ими, останется навсегда свидетельством великих душевных сил, присущих русской женщине, и есть прямое достояние поэзии.

Вот причина, побудившая автора приняться за труд, часть которого представляется теперь публике. Хотя минуло уже почти полвека со времени события, однако автор счел за лучшее вовсе не касаться его политической стороны,— да это и не входило в пределы задачи, как увидит читатель. Точки вместо некоторых строф поставлены самим автором по его личным соображениям. Авт.[1] *(ОЗ)*

40 *как в ЧА ГБЛ (ОЗ)*
40 Гнездо всех бед... прощай! *(VI)*
46 *как в ЧА ГБЛ (ОЗ)*
48 *как в НР ИРЛИ (вариант б.) (ОЗ)*
55—60 *шесть строк точек (ОЗ, VI)*
147—190 *отсутствуют*

---

[1] *Примечание Некрасова.*

201 Забытой богом стороны *(ОЗ, VI)*
221 Знакомый звон — кандальный звон! *(ОЗ)*
271—286 *двенадцать строк точек (VI)*
311 *как в НР ИРЛИ (вариант б.) (ОЗ)*
321 «Прощенье обещаем вам!» *(ОЗ, VI)*
326 Падите ниц челом! *(ОЗ, VI)*
332—335 Раздалось грозное: пали!..
строка точек (ОЗ)
332—335 Раздалось: пер-ва-я! па-ли!..
строка точек (VI)
336—338 Княгиня, память потеряв,
Упала с высоты стремглав. *(ОЗ, VI)*
365—366 Скажи, что делать? ....
строка точек (ОЗ, VI)
369—370 Просить ли надо?........
строка точек (ОЗ, VI)
385 *как в НР ИРЛИ (ОЗ)*
Вм. 440—444 Прохладой веет с вод,
С деревьев льется аромат,
На каждом пышный плод. *(ОЗ)*
649—651 *три строки точек (ОЗ, VI)*
669—680 *двенадцать строк точек (ОЗ, VI)*
689—692 *четыре строки точек (ОЗ, VI)*
837 Перед судом душа моя *(ОЗ, VI)*

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(С. 148)

Конспект «Записок» М. Н. Волконской

Автограф ЦГАЛИ

Звуки которыми я убаюкивала твое ребячество.
Дитя ссылки.
В 25 году выш<ла> замуж.
Татищев — в<оенный> м<инистр> пр<едседатель> С<ледственной> к<омиссии>.
— Стыдитесь кн<язь> прапорщики показывают более вас,

Ехала в апреле к теще — приехала в Пет<ербург> к статс-даме. Брат не допускал приятельниц, чтобы не было их влияния, но они пер<выми> с Тр<убецкою> в Нерчинске. Граф Ор<лов> сам отвозил в крепость. Свида<ние> старались бодрить друг друга. Переменился он с нею платком, в нем несколько слов утеше<ния> написанных на уголке платка.

По объявле<нии> приговора другая пища, сер<ая> одежда.

Под Дашковой взял 2-х детей, есть у Жуков<ского>. Прощание было немое,— я думала кончено. Я не увижу больше отца. Я умерла для семейства. Теща денег в обрез.

Молилась перед колыбелью.

Я провела вечер, играя с ребенком. Печать — игрушка. Эта красная большая печать нравилась ребенку.

В Москве у м<оей> с<естры>. Зинаида пела хорошо. Зинаида собр<ала> итальянцев и из общества хороших талантов. Мысль что я в после<дний> раз слышу эту музыку, делала мне ее еще приятнее. *(л. 1)* Она просила еще петь — я больше этого не ус<лышу>.

Пушкин был на этом вечере — пользовался покровит<ельством> ее отца, в Тульчине живал у Раевских в доме (есть в «Архиве» лет 8-мь назад), был на Кавказе, я с от<цом> Раевск<им>, дружба с братьями. 15 лет. Пут<ешествие> на Кавказ. «Как я завидовал волнам», «светлее дня темнее ночи» (в «Кавк<азском> пленнике»). Посла<ние> не поспело.

Приехала Орлова ——[1]

От сестры салоп, книги, шерсть.

Два дня в Москве для свид<ания> с родств<енниками> ссыльных, они приносили письма и проч.— взяла еще кибитку.

Л<акей> и г<орничная>, встреча ссыльных.

Где находила самовар готовым — брала в кибитку кусок пирога.

В Казани нак<ануне> Н<ового> года из окон гостиницы видела бал. Контраст: здесь веселье, а я еду в крепость. Детск<ие> эти выходк<и> были естеств<енны>: мне только стукнуло 21 год.

С Казани начались остановки пугали, что Трубец-

---

[1] *Так в рукописи.*

<кую> вернут из Иркутска. Я сказала, что имею разреш<ение> государя.

Сестра Орлова сказала ей: может он стал пьяница может опустился. Я отвечала — тем более я нужна ему.

Переждать метель,— нет еду — не с так<ими> мет<елями> придется мне бороться; опустить велела рогожу.

Образовался сугроб меж ею и ямщиком. *(л. 1 об.)*

Я заставила звонить часы — они пробили полночь — Новый год. Я повер<нулась> к гор<ничной> пожелать Нового года. Она была неприветлива, я обрат<илась> к ям<щику>, с Новым годом поздрав<ила>.

А мысль вер<нулась> к родным, к молод<ости>, к детству. Ск<оль> радост<ен> был день празд<ника> нам с<колько> рад<ости> с<колько> удовольств<ия>. А Сергей? Что он делает? Вся жизнь восстала м<оя><?> и я только об нем одн<ом> стала думать.

Лошади не подвигались. Сбились с дороги, попали в зимовье лесни<ка>, вошли. Огонь, чай, люди, я ожид<ала> рассвета чт<обы> пр<одолжать> путь.

Т<ак> ех<али> 15 д<ней>. То говор<ила> стихи, то песни. Ничего не видела — так было холодно и так закрыла кибитку. *(л. 2)*

«Серебрянка» — костры среди деревни, возков 30—40 *(нрзб)*, горн, <перековывать?> лошадей, ст<оял> народ. Надежда узнать что-нибудь от оф<ицера>.

— Я их не знаю, да и знать не хочу, был ответ.

Солдат: Я их видел, здоровы живут в Нерч<инске> в Благод<атском> руднике.

Раз лошади понесли с самой высокой горы Алтая, выскочила в глуб<окий> снег без вреда.

Город — река вели<колепная><?> вошла в церковь отслужить молебен, служил тот поп, который сделался свящ<енником> каземата.

Фортепьяно прислала сестра Зинаида. Это ее обрадовало (всего там было одно у губернатора в Иркутске). Она принялась играть. Мне казалось, что я больше не одна. Там же, где Трубец<кая>. Губернатор уговаривал вернуться.

Наша поездка бросила слишком добрый свет на ссыльных — переписка, нельзя пр<екратить><?> память об них.

Осмотр вещей, чиновник<ов> прислали.

Записать пришлось немного белья, 3 платья, семейные портреты — открыли ящики. «Бумагу», копию для памяти.

Человек: Зачем подписа<ли> не чита<я> что? Вы не знаете.

— Всё равно поедем. *(л. 2 об.)*

Содерж<ание> бумаги:

Дети — в каз<енные> завод<ские> крепост<ные> крестьяне. Не брать ценных вещей — и по правилам и для безопасности. Отъезд<ом> в Нерч<инский> кр<ай> уничтож<ается> право на людей. Под<орожная> на имя казака, но воз<ок> от губ<ернатора>. Приехала Муравьева.

И для слез и для смеху были нас окружав<шие> какие-то карикатуры — те же чиновники пришли.

При пере<зде> через Байкал слеза мерзла в глазу, в Верхнеуд<инске> у пол<ковника> Муравьева.

Жена, сын, ночевали.

Перекладная. Мысль ехать так ее забавляла, но грудь заболел<а>. Останавливала ям<щика> чтоб перевести дух. Так 600 верст. Голод — не предупредили. Ст<анции> держат буряты. Говядина сырая, вяленая на солнце, кирпи<чный> чай с солью.

В Банкине пир у богат<ого> купца: встретили как царицу. Падала от сна, заснула на диване.

На другой день приех<ала> в Нерч<инский> завод.

Догнала Трубецкую.

Все бледны, понуры, суровы
Стояли кругом; на недвижных ногах
Не издали звука оковы
И в воздухе поднятый молот застыл
Всё тихо — ни [1] песни, ни речи.
Как будто бы каждый здесь с на<ми> делил
И горе и счастие встречи.

---

[1] *Далее:* [зв<ука>]

Как горе, и радость одна не живет.[1] *(л. 3)*

Это была радость делиться мыслями. Тут узнала, что муж в 12 вер<стах>. Труб<ецкая> подписав 2 бум<агу> поехала туда *первая* предупредить Сергея об ее приезде.

Видеть мужа только 2 раза в неделю в присут<ствии> офиц<ера>, не носить вина, не вых<одить> из дерев<ни> без разрешения.

И это по<сле><?> того, что бросила родных, ребенка, родину, проехала 600<0> верст, подписала отречение от всего и даже от покровительства законов и после этого только 2 раза в неделю видеть мужа!

У них от<ныне><?> не наслажд<аться> семейною жизнью, что позволено простым <каторжным>. Видела я как они по окончании работ шли в семейства — их только после повтор<ения> престу<плений> заковывали а наши с 1-го дня закованы!

В санях Бур<нашова> в Благодатский рудник. *(л. 3 об.)*

Отвор<илась> тюрьма.

Конура 3 ар<шина> длины, 2 ширины, низк<ая>, на троих, еще Труб<ецкой> и Оболенский.

С Бур<нашовым> она входит — темь, открыв дверцу налево — вошла к мужу. Сергей бросился ко мне; шум цепей поразил. Я не знала, что он в цепях. Это дало мне понять, что он выстрадал. Вид железа воспламен<ил> душу, тронул меня до того, что я бросилась перед ним на колени, поцеловала эти цепи прежде, а уж потом его самого.

Бурн<ашов> не мог войти за нею, просто остолб<енел> при виде уважения, которое я выказала мужу. Он <небрежно?> ему говорил «ты» и обр<ащался> как с каторж<ным>.

Убеждение. Заслужи<вает> уважения соотечеств<енников>. Кто кладет голову за убежден<ия> — тот любит свое отечество, хотя может быть и преждевр<еменно> затеял свое дело. Старалась я быть бодрой. Я воз<вышала> голос (дядя).

Пошла в кр<естьянскую> избу — для Кат<аши> и ее, изба тесная, головой у стены, ноги упир<аются> в

[1] *Стихотворный набросок вписан карандашом на полях. Последний стих приписан чернилами позже.*

дверь, печь дымила, нельзя топить при ветре, стекол не было в окнах.[1] *(л. 4)*

Каждый день работа с 5 до 11, урок в 3-х пудах руды для каждого. Доб<рый> свой народ. Рискуя быть оскорблена, зарезан<а> в рудниках и что начальство даже не сумеет оградить; я была среди этих призн<анных> последним классом людей; они окружали нас уважен<ием> они боготв<орили> Катю и меня; ссыльных называли «князьки» наши, господа наши; работали за них уроки, приносили для них печ<еный> картофель ими тут же вык<опанный> из золы. Кончив свой курс раб<от> эти лю<ди> пред<анные> и луч<шие> нравств<енно> нач<инали> работать для себя и вых<одили> из них н<е> худые отцы и даже честные торговцы. Кто-то из галер<ников> Франции и понтонов Англии стоит этих?

На друг<ой> день пошла гулять по деревне, рассп<рашивая>, где работает муж. Мне показали дверцу, ведущ<ую> как бы под землю, сторож стоит с саблей наголо — «вот тут», можно ли посм<отреть> как работают? Сторож подал свечку, род факела. Я опустилась с друг<ой> стор<оны> в этот тем<ный> лабиринт. Дов<ольно> тепло. Воздух спертый. Я шла.

Скоро услышала за собой голос остановиться. Я потушила факел и побежала вдоль тем<ного> коридора. Вдали увид<ела> светлые точки, там были они. Они спустили мне лестницу. Я вскарабкалась. Все работали на небольш<ом> возвыш<ении>. Я увид<ела>. Извест<ия> письма передала. Муж тут не был. Видела Д<авыдова>, Бо<рисовых>, Мур<авьева-Апостола>. Это были 8 первых попавших в Нерч<инские> рудн<ики>. Офицер злился внизу, звал и сердился. Наконец я спустилась — из шахты. Муравьев назвал эту сцен<у> «спуск в ад», descente aux enfers[2] *(4 об.)*

Прибыти<е> их было полезн<о>. Заведова<ли> переписк<ой>. Денег не было. Только 700 рублей, осталь<ные> у губернатора. Сели на диету — суп и каша, отказались от ужина, Катя, избалованная у отца, приучил<а> себя к хле<бу> с квасом. За таким ужином

[1] за убежден<ия> — тот любит свое отечество ∾ не было в окнах. *вписано на полях.*

[2] *Текст последнего абзаца вписан на полях. Слова:* descente aux enfers — *вписаны, по-видимому, рукой М. С. Волконского.*

застал ее т<юремный> ст<орож> и передал мужу. Посылали обед мужьям. <Латали?> белье, Катя привезла кухонные книги (из Пар<ижа>), готовила соусы. Не стали принимать обеды, узнав полож<ение>. Тогда солдаты взяли на себя их прикармливать. Это было кстати. Горничные стали скверны, не помогали, сошлись с офицерами. Не понравилось начальству. Потребовали их отсылки. С грустью мы увидали их отъезд в Россию. Все сосла<нные> стояли у окон и следил<и> за экипажем. Каждый гов<орил> себе: «Этот путь закрыт для меня». Остались без горничн<ых>. Я мела, уб<ирала> ком<нату>, чесала волосы Кате, и, уверяю тебя, что всё хозяйство у нас шло.

Когда началась[1] оттепель, я заметила, что каторж<ные> несемей<ные> и живущ<ие> в казар<ме> сидят на пороге *(л. 10)* и смотрят вдаль. Я спросила — почему? Приходит весна, им являет<ся> желание бежать, они рад<ы> теплу, ибо не имеют шуб и солнце <*2 нрзб*> побег. Некоторые уходили в Россию, их не выд<авали> там.

Прогулки по дерев<енскому> кладбищу. Мы спр<ашивали> др<уг> у друга — тут ли мы останемся? Перестали ходить в эту сторону от <этих?> мыслей. В хорошее время делали до 15 вер<ст> пешк<ом>. Садились на камень проти<в> окна нашей тюрьмы. Возвысив сильно голос вела перегов<оры> с мужем. Ее шокиров<ало> что другие каторж<ные> выходили в лес за дровами почти голы<ми> без ру<башек> или в одних штанах. Купила холст, велела наделать белья. Деньги у начальника. Ходили в Большой завод, отдавали отчет в расходах. Ездила в телеге, <возница?>. Одевалась в полевой наряд.

Мы старались наблюдать за собой из убеждения, что не должно опускаться — в далеком краю, где благ<одаря> на<ряду> нас узнавали изд<али>, подходили к нам с уважением, несмотря.[2] Я возвращал<ась> из завода, сидя на мешке черной муки или ехала <*нрзб*> верхом <на> казацкой лошади. Купила муку и приехала для отчета к Бурнаш<ову>. Он читал их со вним<анием>[3] *(л. 10 об.)*. На этот раз рассердился.

[1] *Далее:* [морозы]
[2] *Так в рукописи.*
[3] *Текст последнего абзаца вписан на полях.*

— Вы не имеете права раздавать рубашки. 5-10 к<опеек> а не одевать за правит<ельство>.

— Прикажите их сами одеть. Я не видел<а> голых л<юдей>.

— Ну, не сердитесь. Вы откров<енны>. Я люблю в Вас это. Пора.

— Вы верхом?

Он за мной. Он нигде не видел женского седла, выразил удивление. Гуляла верхом, ступала на китайск<ую> землю,— 12 в<ерст> мена продуктов — ход<или> благодатские жители.

2 р<аза> в нед<елю> свид<ание> с мужем.

Рик усугубил полож<ение> (велел в камеры не давать свеч), в потемках с 3 до 7 утра оставались все, зады<хались>. Решили не принимать пищу, чтоб напугать, возвр<ащали> обед, ужин. День, два. Рик передал госуд<арю> рапорт. Взбунтовались, хотят ум<орить> себя голодом.

Явился Бурнашов, со свитой,— что это значит? — суд будет над *секретными.* И вижу — подходит Серг<ей> Труб<ецкой> под конвоем. Кате показалось, что у Сер<гея> завязаны руки сзади (неправда, привычка) *(л. 9),* подбежала к солдату — обрадовала — ничего! Но<...>[1] Я спро<сила> солдата — палки? — нет. Муж подходит ближе. Я стала на колени в снегу и умоляла ради меня<?> не выходить из терпе<ния>.

Он отвечал, что <покоен?>.

Бур<нашов> ска<зал> — кнутом.

Потом дозволил объясниться.

Запирал в клетку без огня, не позволял есть вместе, не подавал свечи, им темно и душно.[2]

Затем муж воз<вратился> и, проходя мимо меня, сказал: Всё вздор!

Привели других.

Когда все уехали, мы пошли к Бур<нашову>. Я спро<сила>. Он отвечал — нет ничего, мой офицер сделал из мухи слона.

Разд<елял> стр<ах> Ри<ка>.

Рика сместили. Резан<ов> на место. Сам прих<одил> играть в шахматы, водил на прогулки, по нес<коль-

---

[1] *Слово недописано.*

[2] *Текст этого абзаца вписан на полях лицевой стороны листа против строк, близких по содержанию.*

ко> час<ов>. Ходил с Борисовы<ми>, собирал растения, сделал коллекцию бабочек и насекомых.

Кроме — другая тюрьма, бежав<шие> по неск<олько> раз, у болота, канд<алы> тяжелей, урок сильней. Орлов-разб<ойник> между ними. *(л. 9 об.)* Нападал на купцов и чиновн<иков>, даже высек нек<оторых>. Имел голос, составил хор из товар<ищей>, при заходе солнца. Как они пели с верностью и выражением. Была до крайности груст<ная> песня:

Воля, воля дорогая...

Это одно развлеч<ение>. Всегда в те<мноте> свеч им не выдавали. Я садилась около их темн<ицы> гру<стной><?> и доставляла им удовольствие, слушала их пение.

Орлов бежал. Не нашли. Гуляла около тюрьмы. Каторж<ный>, которого я знаю. Он был гусар.[1] Он бежал за мной и гов<орил> — княгиня, Ор<лов> п<ослал> м<еня> к вам, он жи<вет>-де в скале. Шубу. Вернулась домой, взяла 10 руб. «Не иди за мной, заметь место. Я наклонюсь».[2]

Он деньги нашел.

Через 2 нед<ели> б<ыла> одна в св<оей> ком<нате>. Кати не было (она была в т<юрьме>). Я пела. Было темно. Вдруг кто-то *(л. 22)* входит, падает на колени, высокий, два ножа за поя<сом>.

— Я умираю с голоду, дайте что-нибудь, бог вам вер<нет>, в<аше> с<иятельство>.

— Уходи скорее (5 руб.).

Катя испугалась, да и было отче<го>. Я легла тогда поздно. Страх. «Вы хотите возмутить каторжных». Ночью слыш<им> выст<релы>. Побежали в тюрьм<у>. Там всё спокойно. В деревне схватили кого-то на горе = все схвачены, кроме Орлова. Сбежал через трубу (он напился с др<угими> беглыми). Расправа: секут — допытаться, кто дал день<ги>.

Никто меня не назвал. Для гусар<а> допустим <ее>, чтоб его обвин<или> в воровстве, чем выдать меня. Он рассказал мне это потом.

---

[1] *Последние две фразы, за исключением слова «Каторж<ный>», вписаны на полях.*

[2] *Два последних предложения вписаны на полях.*

Сколько благо<дарности> и пред<анности> *(л. 22 об.)* у этих людей, которых мы описыва<ем> чудовищами. Настал вел<икий> пост. Просили попа. Церкви не было в Благо<датском>. Поехали в Большой завод, говели 4 дня. Грустно праздно<вали>, одн<о> развлечение — сидеть недале<ко> от тюрьм<ы>. Играла с дер<евенскими> детьми, расск<азывала> свящ<енную> историю. Слушали с интере<сом><?> Однажды откр<ывается> дверь, входит чинов<ник> пьяный. Христос воскре<се>. Целоваться.

Я загород<илась> стулом и пошла с ним к двери. Человек[1] вошел, Катя разговаривала с чин<овником>, почтмей<стер>. Послал Ефим завтр<акать> у его начальника.

На след<ующий> день Катя поехала в Б<ольшой> зав<од>. У купца-шпиона остановилась, много народу, хозяйка пригласила. Нельзя отказаться (сибир<яки> хлебос<ольны>) Катя села — сосед тот же чин<овник>.

— Мы старые знак<омые>, не так ли?

— Нисколько, ведь я б<ыл> у вас несколь<ко> *(л. 23)* пьян и вас позабыл.

Она переменила разговор. Запрещено видеться и даже останавливаться. Ее личные письма под<авались> открытыми сн<ачала> к коменд<анту>, к губер<натору> в Иркутск, потом в III Отд<еление> — шли шесть месяцев.

Клопы.

Ночи на чердаке.

Возвращаясь из тюрьмы, вытряхи<вала> свою одежду. Наказ<ание> вроде пы<тки><?> в Персии. Известия от Мур<авьевой> из Читы, увед<омляла> о Лепарском. Все в Читу. Радость. Все будем вместе. Укладывала. Пр<ишел> Бур<нашов> со свитой.

— Готовы к отъезду?

— Да,— с удив<лением>.

— Не торопитесь. Не скоро. Дороги — ссыльные взбунт<овались> грабят на дороге.

Правда. Но он себе вообразил, что пр<исоединятся> к ним.

2 телеги выехали — 2 раз по душе, кр<асивые> леса, всю<ду> цветы, устр<оилась> у гогула-купца остан<авливались>. В Чите остановились у Мур<авьевой>.

---

[1] *На полях помета:* Ефим

Нар<ышкина>, Енталь<цева>. На чердаке большое окно. Алекса<ндрина> показала ссыльных. Трубки, лопаты, книги, они казались спокой<ными> чисто одеты. Были очень молодые люди 18—19 лет. Фр<олов>, Беляевы. На раб<оты> выходили, но руд<ников> не было.

Чистили хлева, кон<юшни>. Летом мели улицы. Муж через 2 дня с необх<одимой> свитой. Ручные мельн<ицы> (у Розена) вроде монас<тырских>.

Так 15 лет — прожила молодости—в заключ<ении>, вместо их ссылки и работ, а не закл<ючения>.[1] *(л. 23 об.)* Поселилась с Мур<авьевой>. Я, Катя, Ент<альцева> (44 года) в доме дьякона. Она[2] всё прочитала. Раз<говор> был очень прият<ен> пред<ана> мужу.

Катя прив<ыкла> ко всему, после роскоши, ходила по мр<аморным> доскам Нерона из Рима. Любила свет<ские> разго<воры>, ум т<он>ки<й>, нрав прият<ный> и пр.

Мур<авьеву> любили более всех. Сердечное благородст<во>, в действиях энтузиазм, любовь к мужу, чтоб все ему поклонялись.

Н<икита> М<уравьев> был ум<ен>, уч<ен> но неск<олько> далек от <жизни?> — мы не любили, не соглаш<ались>.

Нар<ышкина> — мал<енькая>, пол<чая><?>, добр<ая>, уважаемая женщина, надо было привыкнуть, манеры горяч<ие> — не все <любили?>.

Фонвиз<ина> — лицо русское, белое, свежее, гол<убые> глаза <*нрзб*>, т<олстенькая>, м<аленькая>, болезн<енная>. Бессонница — видения, кричала по ночам. Всё это прошло в ссылке. Мания говорить в <лицо?>, смотреть на вас, пред<сказывать> будущность. Возвратившись в Россию, потер<яла> мужа, вышла замуж в возрас<те> 53 лет за Пущина — кр<естного твоего> от<ца>.

Аннен<кова> — м-ль Поль, красав<ица>, умная, веселая, всегда умела смеяться. Поднимала каждого на смех.

Ком<ендант> ск<азал> ей, что получил приказ от гос<ударя> — согласен. Анн<енкову> в церк<ви> в минуты ве<нчанья> с<няли> кандалы (по н<овому> <?> закону). *(л. 21)* Дамы провожали. Поль не пони-

---

[1] *Текст последнего абзаца вписан на полях.*

[2] «Она» *относится к Ентальцевой (эта фамилия и слово «Она» в автографе отмечены звездочкой).*

мала. Смеялась с шафера<ми> Св<истуновым> и А. Мур<авьевым>. Под этой беспечностью скрывалось чувство любви к Ан<ненкову>. Она пожертвов<ала> и родин<ой> и свобод<ой>. Под<ала> просьбу. Он не препятствовал. В коляске.

— Вы замужем?

— Государь, я мечтаю разделить его судьбу. *(л. 21 об.)*[1]

Она ничего не получала сначала — родные были за границей. Другие получали вино для больных и проч. Дозволи<ли> сходиться в домах, <подъехали?> припасы, всё разделила между товар<ищами> мужа. Трудно было передавать вино. Сергей приходил к ней всовывал по бутылке в карман и носил товар<ищам>. В Чите стало сноснее. Дамы гуляли. Мужч<ины> все сошлись, книги, общ<ее> <?> делили. Было тесно, 1 арш<ин> — расстояние между кроватями. Шум цепей, разговоры, пение, тюрьма, окна как в конюшне под са<мым> потолком. Летом оставались на воздухе. Уголок огорода. Но зимой было невыносимо. Их было 73. Свидание 2 раза в неделю.

Мы приходили к высокому частоколу, толстые бревна были неплотны, в щели можно было друг друга видеть. 1-е время делала это со страх<ом> и риском, боясь коменданта или его адъютантов, которые вертелись у тюрьмы. Мы подкупали часовых и те не уведомляли. *(л. 7)* Однажды од<ин> солдат кричал на нас и ударил кулаком Катю. Я побежала к См<ольянинову> — началь<нику> ч<итинских> <?> с<сыльных> <?> он попу<гал> солдата, угрожал наказа<нием>. Я написала резкое письмо коменданту. Он надулся, но с этой минуты мы могли уже оставаться около острога сколько хотели. Катя отправл<ялась> *<нрзб>*, садилась на складной стул и вокруг нее собирались послушать страждущие, ожидали очереди поговорить с ней и др.

Приехал фельдъегерь взять одного и увезти для новых допросов в Петербург. Кого? Каждая боялась за св<оего> мужа. Она начала ходить около дома ком<енданта>, встретила курьера —[2] он был ей знаком.

---

[1] *На полях незаполненной части листа запись:* Горбач<евский>, в «Будущ<ности>» Оболен<ского> записки, Гер<цена> изд<ания> о декабр<истах>, записки Фонвиз<ина>, Бестужев<а>, Якушк<ина>, «Сподвижники Александра» Михайл<овского>-Данилев<ского>.

[2] *Так в рукописи.*

— Кого?

— Не знаю его имя.

— Прид<ите> в *(л. 7 об.)* церковь и покаж<ите>.

Встала утром, пошла в церковь, просила бога, чтоб не отнял мужа. Слышу шпоры, курьер стал сзади меня и, кладя земной поклон, шепчет: «Корниловича». Я поблагод<арила> бога, осталась до конца обедни, несмотря на желание успокоить мужа скорее, шпионы стояли[1] сзади. Я побежала в тюрьму сообщить новость. Это было зимой. Стоял 40 гр. мор<оз>. Холод <*нрзб*>. Не в<ерили> <фельдъегерю?>. Он ехал ночью. Мы решили не спать, поделили между собой улицы. Я выбр<ала> комендантскую, ближе к мужу. Я на минуту забежала к Мур<авьевой> выпить чашку чаю. Она была в центре — всю ночь у нее самовар. Полночь, час, два, ничего нового, наконец Катя *(л. 8)* говорит, что есть движение в почтовом доме. Бегу в тюрьму к мужу, там Корнилович, его взяли.

Встретилась с Муравьевой. Ночь была чудесная, видим — едет шагом кибитка, колокольчики подвязаны, не шумят, офицеры шли сзади. Мы высыпали, когда поравнялись, и закричали: «Добрый путь, Корнилович». Это поразило начальство, что мы всё знали, даже кто едет. Комендант поразил<ся> и долго думал над этим.

Корнилов<ич> не вернулся. Умер в креп<ости> Финлян<дии>. Это был человек твердый и конечно же после того как он выдержал нрав<ственную> и фи<зическую> пытку <*нрзб* >... *(л. 8 об.)*

Автограф Музея Н.

Привезли 2 поляков. Рукевич смешил выходками — он против дома Муравьев<ой> помещен,[2] — он стал против частокола и пел романс:

Когда в тюрьме сидит
Юноша прекрасный...

Не спросила в чем дело. Кончен иным срок — на поселе<ние>. Лихарев, гр<аф> Чернышев, бр<ат> Мур<авьевой>, Ентальцев, Лисовск<ий>, Кривцов и др.— рассталась она с Ент<альцевой> — в Березов, м<алень-

[1] *Далее:* [ждали]

[2] *На полях помета:* Есть о нем у Басаргина.

кий> гор<од> на севере самой Тоб<ольской> губ<ернии>. Прощ<ания> Муравьевой и гр<афа><?> с брат<ом> были раздирательны. Через 2 год<а> Черны<шева> пересла<ли> солда<том> на Кавказ.

Они их снаряжал<и> в путь — всё отдавали. Прощание с дамами с позвол<ения> коменд<анта>.

1829 <год>. Великое известие снять кандалы. Она привыкла. Слушала их с удовольстви<ем>, ибо они предупре<ждали> ее о прибл<ижении> Сергея *(л. 1)*.

Сначала надеялась, что ссылка конч<ится> через 5 лет, потом через 10, потом через 15, но после 25 перестала надеять<ся>. Дети.

В Чите получила известие о смерти Коли. Пушкин, уведомляя ее, п<исал>: В сияньи, в радостн<ом> покое Благосл<овляет> мать и молит за отца.[1] Я так была мало к этому готов<а>. Она заболел<а>. Д<октор> Воль<ф> навещал ее с поз<воления> коменд<анта>. Слух о новой тюрьме, строил коменд<ант> без окон. Это испугало.

Еще встре<ча>. Цепь каторж<ных> прошла через Читу. Сухинин и др. Всё простр<анство> прошли пешком, с убийц<ами> и ворами.[2]

Муж послал ее навстречу, снести <что-нибудь?> успо *(л. 1 об.)* коить Сухинина, он был экз<альтирован> св<оим> положением, совет держ<аться> с терп<ением>.

Они ост<ановились> в 3-х верстах — Вол<конская> Е<нтальцева> и К<аташа> рано на<рассвете?> вышли. Мороз. Сделали круг обойти солд<ат>, было еще темно, подошли к частоколу.

Соловьев ее успокоил — тем не менее она имела предч<увствие> о Сухинине. 200 — он отдалился.

Бежали на кит<айскую> границу. Китайцы выдают — их перел<овили> казаки на границе — бросили в тюрьму. Курьер к госуд<арю> — пр<иказ> в 24 ч. осудить и гл<авных> расстрелять. Коменд<ант> уехал туда и выполнил.

Сухи<нин> узнал накануне, он повесился на бревнах потол<ка>, на ремне от своих кандалов. 20 остальных, казнь совершилась. Дали пр<иказ> стрелять, ружья были стары, не умели целиться — поп<адали> то в руку,

---

[1] *Эпитафия вписана на полях.*

[2] *Перед этим абзацем на полях вписано:* За год до отъезда.

то в ногу — пр<иказ> стрелять в упор, а когда и это<го> мало — добивать прикла *(л. 2)* дами.

Ком<ендант> долго молился на коленях, как бы прося у б<ога> пр<ощения>. Узнали от Моз<галевского> и Соловьев<а> — их привез<ли> к ним. Ком<ендант> верну<лся> мрачный — побеги, пожары, тороп<ился> око<нчить> Пет<ровскую> тюрьму.

Мур<авьева> богаче других, от свекр<ови> деньги[1] через лакея и др<угие> средст<ва> — выстроила дом близ тюрьмы — им <помогала?> (у них не хвата<ло>), прогулка: Нар<ышкина,> Ент<альцева>, отпр<авились> гулять за деревн<ю>, прошли д<алеко>, не замечая.

П<етровская> т<юрьма> конче<на>, по 30 верст в день. М<уравьева> и 2 д<ругие> дамы уехали вперед. Она, Н<арышкина>, Ф<онвизина> могли видеть<ся> с партией. Партия ост<ановилась> в 6 в<ерстах> от г. Удинска. Розен тут присоеди<нилась> — хорошая, методич<ная>. 1 год— уехала на пос<еление> в Т<обольскую> г<убернию>. Юшн<евская> приехала неожид<анно>, 44 года, волосы белые, веселость юная. Путь далее. На п<оследней> ст<анции> ком<ендант> пер<ед> Петр<овском> передал письма из Р<оссии> и газеты. Известие об Июльс<кой> рев<олюции>. Порад<овались>. *(л. 2 об.)*

Автограф ЦГАЛИ

Они пораж<ены> видом Пет<ровской> тюрьмы в форме подковы с кр<епкой> кр<ышей>. Вид мр<ачный> ни одного окна в наруж<ную> сторону. Писали Бенк<ендорфу> просьбу сидеть с мужем. Дозволено — Мур<авьева> пост<роила> д<ом> в Петр<овске>. Другие в казематах мужей. Мур<авьева> посел<илась> в д<оме>.

Она купила тут дом для горн<ичной> и чел<овека>, приходила туда одеваться, брать ванну. Ост<альное> время за замком в тюрьме.

Через год — женатым жить вне тюрьмы. Отсут<ствие> окон, ц<елый> д<ень> при свечах. Устр<оила> нумер. Она обила стены шелк<ом> материи — из ст<арых> зан<авесей> из Р<оссии>. Форт<епьяно>, библиот<ека>, два дивана — од<ним> сл<о-

[1] *Далее:* [утаив]

вом>, роскошно. Нап<исали> Бенк<ендорфу> — окна. Дозволили. Ком<ендант> трусил, пробил под потолком. Они уже жили в своем доме. Устроили подмост<ки> к окнам и садились за <*нрзб*>.

Приехала Камилла Ле Дантю. Нев<еста> к Ивашову, *(л. 5)* чудесная. Ив<ашов> был счастлив. Свадьба. Не так противно. Без кандалов. Жених[1] вышел одет с шаф<ерами>. Хотя под воор<уженным> конвоем. Она была пос<аженная> мать. Дам<ы> в церкв<и>. Чай у них, обед. Слов<ом> нач<али> жить и воз<вращаться> к об<ычному> св<оему> облику. На кухне сам<а> не работала, люди, но солдаты, солдаты были повсюду. За каж<дым> <шел?> солдат, чтоб не за<бывал> о заключ<ении>.

В 32 г. М<иша>. Она са<ма> корм<илица> нянык<а> и немног<о> воспит<ательница> и когда че<рез> год с<естра> Нелли — счастье было заверш<енное> — более <ни о чем?> как о детях — почти не ходила к подр<угам>. Это была любовь сумасшедшая. Если и вы оба... 6-ть меся<цев> пос<ле> <*нрзб*> М<уравьева> заболела. Вольф сделал всё, но б<ог> с<удил> иначе. Пос<ледние> минуты удивит<ельные>. Продиктовала письма к родным. Не хотела разбудить с<воего> ребенка Нон *(л. 5 об.)* нуш<ку> 4 лет в то вр<емя><?> велела принести ее куклу и поцеловала за реб<енка>. Исполнив <роль?> обяз<ательную><?> занялась мужем, успокоила стр<ах><?> перед см<ертью>. Силы. Умерла как солдат на своем посту. См<ерть> ее повер<гла> в уныние, горесть, каждая из н<ас> говор<ила> о себе: что же будет с детьми нашими после нас?

В те дол<гие> годы боль<шие> перемены в судьбе. У несколь<ких> вышел срок, из дам поех<али> Фонвизина, Нар<ышкина>, Роз<ен>, Ива<шова> — умерла на поселении. Муж вскоре. Мать пр<иехала> к н<им>, увезла в Р<оссию> сирот.

Вне г<осударственных> р<абот> время <проводили?>: Бест<ужев> — портреты, механик — часы, кольца. У каждого к<ольцо> из оков. Т<орсон> — м<одели> мельниц мол<отильных> машин. Ст<олярные> раб<оты>. Столи<ки>, ящи<чки> для чая. Одоев-

---

[1] *Далее:* [приехал]

<ский> = поэзией. *(л. 6)* Сол<датом> пер<еведен> на Кав<каз>. Убит в <бою?> с гор<цами>. Тюрьма пустела от заключенных. Их разос<лали> по Сибири. Жизнь без се<мей>, без друз<ей>, без общества еще тяжелее чем тюрьма. Наста<ла> наша очеред<ь>. В<ольф>, Н<икита> М<уравьев> и мы поехали следом. Сергей попросил — вместе с Вольфом. Уход его за детьми <*нрзб*>. Я хот<ела> быть где Вольф. Около Иркутс<ка> в д<еревне> Урик — гр<язная> <?> деревня, климат умерен<ный> для Сибири. Мне всё равно — врач.

Лунин там же — за 8 вер<ст> к Поджио. (Из Шлисс<ельбургской> крепости за год) —рад — 8 лет в т<юрьме>-одиноч<ке>. Никого кроме привратника и изр<едка> коменданта не видел, не выхо<дил> на воздух. Спраш<ивал> у кар<аульного> — какой день? Не знаю, воз<ражал><?>. Поль<ское восстание>, Июль<ская> револ<юция>, В<осточная> в<ойна> с Т<урцией>, хол<ера>. Стр<аж> умер у двери его камеры. Он не знал.

Одн<ажды> блеск луны на стене тюрьмы. Когда взлез <*нрзб*> до окна, просунул гол<ову> на свеж<ий> воз<дух> *(л. 6 об.)*

Набросок ГБЛ

СЕВЕРНАЯ КОРИННА

Вен<евитинов> был влюблен в З<инаиду> В<олконскую>. Когда она только что вернулась из Италии он ей написал 2 ст<иха>:

На цвет небес ты долго нагляделась
И цвет небес в очах нам принесла

Есть у Баратынского к ней же; до поездки в Италию:

Из царства виста и зимы
Где под управой их двоякой
И атмосферу и умы
Сжимает холод одинакой

Массивные ступни — узнавали по ним в маскараде. Год когда умер Веневитинов (27) думал поехать в Персию на то самое место, где погиб Грибоедов — умер.[1]

[1] Массивные ступни ∾ умер. *вписано на полях.*

Варианты чернового автографа ГБЛ

1 Несносные внуки! Сегодня они
4 Когда мы тихонько садились
После 7 а. [Уселись,
Рассказов моих ожидая]
б. Уселись; но я [рассказать ничего не могла]
в. Уселись; но [я ничего не могла
Придумать — я всё рассказала,
Что было возможно, я долго [1] жила
Я много беды испытала.]
9—16 а. [Я вам рассказать ничего не могу,
Я всё рассказала; идите!
Я, детки, у вас не останусь в долгу,
Когда вы покой мне дадите.]
б. Любезные внуки, рассказов моих [2]
Достанет на целые томы
Но вы еще малы, узнаете их [3]
Как будете с жизнью знакомы
15 Идите гулять по горам, по долам
17 Итак [4] не желая остаться в долгу
21 Я им завещаю сухие цветы *(л. 17)*
26—28 Из собственной цепи когда-то
На память ковал его бедный их дед,
Пускай берегут его свято [5] *(л. 17 об.)*
После 176 Роды мои как-то нежданно пришли,
До города было далеко,
Ни доктор, ни бабка поспеть не могли.
Я помню, страдая жестоко,
Я слышала ссору: отец мой кричал:
«На кресле пускай остается!
Трех наших *<нрзб>* я так принимал [6]
В походах. Роди, где придется,
Здоровее будет ребенок!» А мать
Твердила: — Нет, нет, бога ради,

---

[1] [много]
[2] [Жила я довольно], рассказов моих
[3] Но [только тогда вы] узнаете их
[4] [Теперь]
[5] *Следующий далее текст представляет собой набросок, не вошедший в окончательную редакцию.*
[6] *Начато:* а. [Ты помнишь я наших детей]
б. [В походе ты помнишь я так принимал
Сережу]

Голубчик! Положим ее на кровать! —
«Не надо, не надо кровати!»
Да няня моя догадалась найти
В соседнем селе повитуху,[1]
Но та не решалась ко мне подойти
Я помню седую старуху:
Всё время мучительной пытки моей
Шептала [2] она у иконы: [3]
«Владычица будь ты помощницей ей!» [4]
И клала земные поклоны
[Родив до постели кой-как я дошла
В ознобе я сном позабылась [5]
Постель холодна как могила была
В жару и бреду пробудилась] [6] *(л. 18)*
153—156 а. [Уехал. Опять я осталась одна
Родные меня утешали,
Но горького чувства была я полна,
Сомнения душу терзали]
б. [Уехал! Что значила бледность его?
В чем тайна его роковая?
Зачем он жене не сказал ничего?
Ведь я же ему не чужая?..]
167 а. Ты знаешь. Он [скоро вернется] домой
б. Ты знаешь он явится живо домой
170 [Бог милостив, всё обойдется]
172 а. А встретит сам-друг, доведется!
б. А встретит, малютку качая
175—176 И с первенцем сыном [ему не пришлось]
[Под тихою] кровлей родною! *(л. 18 об.)*
177—180 [Зачем ты меня позабыл. Ты отец!
В жару говорят я кричала,
Но память вернулась ко мне наконец,
Я первую няню узнала]

---

[1] [В деревне простую старуху]
[2] Стояла
[3] [В углу под иконой стояла она
И клала земные поклоны]
[4] [Твердя: помоги ты владычица ей!..]
[5] [И страшно я тут простудилась]
[6] [В ознобе я сном позабылась
Проснулась я вся в жару и бреду
Два месяца я прохворала]

*Следующий далее текст частично соответствует ст. **153—240** окончательной редакции.*

177—178 Нашел меня доктор в бреду и в огне
Два месяца я прохворала
183 [Здоров ли] отец? В Петербург ускакал
После 184 [И на душу камнем тоска налегла
Где муж мой спросила я
<6 нрзб>]
Вм. 185—188 а. И то же почти говорила мне мать:
Пока ты была нездорова,
В Молдавию муж твой ушел воевать...
«Да [1] что ж он не пишет ни слова?»
Бог милостив скоро дождемся письма [2]
«Я долго и так ожидаю!
Прощайте, родные! Поеду сама —
И всё в Петербурге узнаю!..»
б. Мой муж не вернулся,
Нет даже письма...
И брат и отец ускакали!
Сказала я матушке: [3] Еду сама!
Напрасно врачи <возражали?>
189—190 Напрасно старалась удерживать дочь [4]
Старушка — я [ехать] решилась
194 [Творится] недоброе что-то
После 194 [Собралась я скоро, я в Киев к родным
Не съездила даже проститься]
195—196 [Была уж весна], по разливам речным,
[По грязи] пришлось [мне] тащиться
197—200 а. [Приехала я чуть живая опять
Что день становилося хуже [5]
«Что с мужем моим?» — Ничего не слыхать!
«Да где ж он?» — Не думай о муже] *(л. 19)*
б. Доехала я чуть живая опять.
[Лечили, лечили — всё хуже...
«Где муж мой?» Никто не хотел отвечать
«Не думай покуда о муже!»
Я видела только отца, ни одной
Подруги ко мне] не пускали
200 Напрасно сюда ты спешила!
201 Отец был угрюм, <недоволен?> был брат

---

[1] [Но]
[2] [Я думаю скоро напишет]
[3] [матери]
[4] [И как ни] старалась удерживать дочь
[5] [Родные, врачи *<нрзб>*]

207 Меня [оградили] какой-то стеной
Вм. 219—223 Тогда только страшную правду[1] сказать
Несчастный отец мой решился
Когда уже нечего было скрывать —
Когда приговор огласился!
О, что я узнала! Мой бедный Сергей
Был тайного общества членом:
Стремились они к низложенью властей
И к разным крутым переменам
225 Мой муж... закружилась моя голова
229—232 Я снова прочла роковой приговор,[2]
Я в каждое слово вникала...
Потом я имела с отцом разговор
И тише, спокойнее стала
235—240 Зачем он несчастный жене не сказал,
Какая нам участь грозила *(л. 19 об.)*
Но брат возразил: «Ты его не вини,
Когда он с тобой расставался
Ты сына носила последние дни,
За мать и дитя он боялся!» [3]
439—440 Так много неведомых прежде страстей
[Прошло по] душе моей бедной
443 *начато:* Я [бога молила, царя] *(л. 20)*
357—359 Не знаю как бог мне помог устоять,
Чего натерпелась я, боже!
Сперва начала уговаривать мать
(Уж с нами была она тоже).
После 359 Всё едут — и в поле ночуют
И хлещут неистово бедных коней
И сами возницу бичуют
Всё едут. Чем дальше, тем меньше людей
Тем больше пустыни и снегу
Тем шире пустыня
А снег валит
И колет их бледные лица.
Совсем ознобила их стужа.
Такие я видела сны
С отъездом несчастного мужа
Под ними безбр<ежные> на<ши> снега

---

[1] тай<ну>
[2] [Опять принялась я читать] приговор
[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 433—454, 357—359 окончательной редакции.*

Над ними — бураны, морозы
И крик оглашает пустыню: постой,
Нет сил! Но не внемлет их крику
И мчатся — не видя предела степей,
Не встретив жилья по неделям...
Пустыня! Чем даль<ше>, т<ем> м<еньше> людей
Тем больше простора <метелям>
[Что нужды?] Им велено ехать скорей
И едут, нигде не ночуют.
И сами неистово хлещут коней [1]
И страшно возницу бичуют...

А бедный Сергей? Что доехал ли он?

Там несколько троек — и стража при них
Всё мертво, лишь волк иногда пробежит
Да каркнет голодная птица
Метель ли усталые очи слепит
И колет их бледные лица
То горы и башни, то гор<од> большой,
Дразня их, рис<уют> миражи [2] *(л. 20 об.)*
Вм. 219—220 И только тогда сказали
Ужасную <*7 нрзб*>
Когда приговор появился

О что я узнала
221—223 Что был заговорщиком бедный Сергей
И тайного общ<ества> членом,—
Стремились они к низлож<енью> властей
И к разным <крутым?> переменам.
Вм. 229—232 Читала я целую ночь приговор,
Я в каждое слово вникала [3]
Я долгий имела с отцом разговор
Я тише, спокойнее стала [4]
[Я всё поняла. Предо мною Сергей]
235—239 Зачем уезжая он м[не] не сказал,

---

[1] И [хлещут] неистово [бедных] коней

[2] *Эти стихи не связаны непосредственно с предшествующими и не имеют соответствия окончательной редакции. Следующий далее текст частично соответствует ст. 219—239, 383—387, 285—320 окончательной редакции.*

[3] [Я с братом моим говорила]

[4] [И к утру спокойнее стала]

Какая беда нам грозила
Но брат возразил: «Ты его не вини,
Когда он с тобой расставался
Ты сына носила последние дни
Вм. 236—240 А брат мой сказал: «Ты его не вини!
Ты сына носила последние дни» *(л. 22)*
К 383—387 Волосы на себе рвал и говорил
Старик проглядел, ты погубил дочь
Но господи! время ли было мне
Я сражался, я *<нрзб>*
287 Лицо бледно было; большие глаза
Вм. 289—297 Но больше нашла я в знакомых чертах
Какой-то красы идеальной.
Всё с той же тоскою в глубоких глазах
Всё с той же усмешкой печальной
Сергей говорил, что полезно ему
299 Что очень легко переносит тюрьму [1]
Вм. 301—320 Прибавил... По комнате мрачно ходил
Свидетель — неловко нам было
Сергей на окошке платок положил,
И подле я свой положила [2] *(л. 23)*
После 408 Я помню: в ту ночь я совсем не спала [3]
Молилась и плакала много
Я божию матерь на помощь звала,
Совета просила у бога
Я думать училась... Отец мне сказал:[4]
«Подумай» Старик со слезами
Остаться в России меня умолял:
«Ужели своими врагами
Считаешь ты мать и отца-старика?
Довольно мы жили на свете,
А ты хоть и мать, но ребенок пока,
Подумай об нашем совете»
И стала я думать... закрыла глаза
И руку на лоб положила;
Сидела недвижно я так полчаса
И страшно себя я бранила

---

[1] [Сказал], что легко переносит тюрьму

[2] *Следующий далее текст представляет собой или наброски (после 408, после 480), или варианты к окончательной редакции (ст. 505—509, 545—552, 555, 561—580, 641—648).*

[3] [Сегодня я целую ночь] не спала

[4] [велел]

Совсем не умею я думать! Отец
Ошибся — я дура большая!
«Положим останусь!» — себе наконец [1]
Сказала я, пальцы ломая,
Но тут же, представив себя *без него,*
Заплакала горько. *(л. 23 об.)*

После 480 Как только представлю себя без него,
Моя голова закружится:
Как буду я жить? и зачем? для чего?
Кому моя жизнь пригодится?

Для сына? но если должна выбирать
Я только меж мужем и сыном
Мне сердце одно [2] говорит: не терять
Минуты

Иду я туда, где я больше нужна
Иду я к тому, кто в неволе.
Иду я к тому, кто лишен навсегда
Отчизны, семьи и свободы
Я сына оставлю на добрых руках
Меня он не знает покуда

О чем же мне думать? Мне сердце давно
Мое подсказало решенье
И верю я твердо — от бога оно, [3]
А в вас говорит сожаленье

[Быть может им жаль меня бедным родным
И их уговоры коварны] [4]

Однако же слово отцу я дала
Подумать — и думала *<нрзб> (л. 24)*
Подумай — нелегкое дело!
До дум ли мне было
Жизнь наша чудесно летела

Однако же думать я стала

Теперь я старуха, теперь не грешно

---

[1] [«Ну что ж не поеду!»] — себе наконец
[2] [давно]
[3] И верю я твердо — неложно оно
[4] *Далее следуют ст. 485—488 окончательной редакции.*

Сказать вам была я красива
А ваш-то отец был красавец такой

И с сизым отливом мои волоса
Сам Пушкин звал чудом

Я тихо сказала я еду,
Тогда раздражен <*нрзб*> старик
Я еду
Одно повторяет твой глупый язык
И хлопнув дверью ушел
Подумай и завтра отдай мне отчет [1]

Всё Франция: развратились умы.
У нас ли конституция?
Рано. *(л. 24 об.)*

И ныне любимая сердц<у> мечта
Увидеть тебя в заточенье *(л. 25 об.)*
505—509 Но может случиться и то я влюблюсь
И первого мужа забуду,
Условиям новой семьи подчинюсь
И Саше не матерью буду
А мачехой лютой... *(л. 23 об.)*
Вм. 545—552 Вот что я продумала в долгую ночь
И всё я отцу рассказала...
Старик прошептал: непослушная дочь!
И вышел. Мать громко рыдала,
Брат Миша сердился. Тяжелые дни
Печально опять потянулись.
Несносно! Уж лучше б бранились они,
А то всё молчали и дулись...
555 Опять просидела я целую ночь
557—561 *отсутствуют*
Вм. 561—580 Княгиня статс-дама его передать
Взялась... Ожидать было скучно [2]
Зато мне изволил сам царь отвечать [3]
(Письмо я храню) своеручно
Он мне не советовал ехать

[1] *Рядом на полях:* Враг что ли я тебе —
в самом деле
[2] Княгиня статс-дама [взялась] передать
[Письмо мое] ожидать было скучно
[3] [Изволил мне сам государь] отвечать

641—648 [Скажи мне последнее слово отец
Прости свою дочь ради бога!
Старик на меня поглядел наконец
Задумчиво, пристально, строго
С угрозою руки подняв надо мной
Сказал он (как лист я дрожала):
«Смотри, через год возвращайся[1] домой
Не то прокляну!» — Я упала...][2]

[В последнее время моя голова
Работала сильно моя голова

Да я волновалась, кипела, рвалась
А думала всё-таки мало...]

Меж тем офицер уж давно добежал
И сильно внизу горячился[3] *(л. 25 об.)*

В Онегине после строфу я прочла
Про

Я мысль подала *(л. 26)*

Красивым <*3 нрзб*>
В сияньи и радости бала
В блестящем наряде, на гордом коне
Тебя пред полком я видала

[*4 нрзб*]

То правда в последний мучительный год
Жизнь много дала мне уроков[4] *(л. 26 об.)*
593—596 Нагнувшись над ним
Улыбку малютки родного
Старалась запомнить; играла я с ним
Печатью письма рокового.
600—604 Ты бедную мать потеряешь
[Играй мой малютка! Не знай ничего
Что взрослого жизнь <отравляет?>,
Прости, что тебя для отца твоего

---

[1] [возвратися]

[2] *Далее следуют отдельные наброски, бо́льшая часть которых может быть сопоставлена с текстом окончательной редакции (ср. последовательно ст. 433—434, 447—448, 1365—1366, 757—758, 514—516, 425—426).*

[3] *На полях:* Он писал и <*8 нрзб*>

[4] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 592—638, 717—721 окончательной редакции.*

Несчастная мать покидает]
601 И быстро упав на ручонки его *(л. 27)*
603—604 Простишь ли, что я для отца твоего
Малютка тебя покидаю!
605—608 И так он заснул, продолжая играть
Печатью письма рокового
Большая и красная эта печать
Нравилась ему. *(л. 23 об.)*
605—613 *предшествуют 593—604*
613—618 Я встретила утро... Решительный час
Настал... чу! кибитка готова!
Я вышла к родным; вся семья собралась
За чаем. Никто мне ни слова.
Понурясь сидели родные мои
621 [Навек покидаю]
626 Сидевшего тут же понуро
627 Не молвил он слова, не поднял лица
629—631 *отсутствуют*
Вм. 632—633 Сестру обняла я. «Господь вас храни»
636—638 Зубами скрипел негодуя
Всё время старик; по морщинам чела
Ходили угрюмые тени *(л. 27 об.)*
717—721 Тут были родные ушедших туда,
Куда я свой путь направляла
Тут были Од<оевский>, В<яземский>,
Д<аль> [1] *(л. 29)*
725 И Пушкин был там. Я узнала его
728—729 В ту пору забав и кокетства
Играли, болтали мы, бегали с ним
733—736 *отсутствуют*
737—739 Тогда уже был мне 15 год
Стройна высока не по летам,
Покинув семейство, я быстро вперед
741 Без шляпки, с распущенной черной косой
743 Стрелой я летела и был предо мной
747 Когда начинался отлив, я бегом
750 И волны горой подступали
751 От них я [старалась] на<зад> убежать *(л. 28)*
792 Что бедная Лена писала [2] *(л. 28 об.)*

---

[1] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 725—752, 784—796 окончательной редакции.*

[2] *Следующий далее текст представляет собой набросок, не вошедший в окончательную редакцию.*

После 908 Мне утром родные далеких друзей
Так много посылок прислали,
Что не было места в киб<итке> моей
Другую мы наскоро взяли
И тут же себе я людей наняла
Последнее было прощанье
Последняя внуки разлука была
Бог милостив будет свиданье. *(л. 29)*
<5 строк нрзб>[1]
909—913 [Морозно и ясно. Дорога бойка,
Скрипит под кибиткою полоз
Обвязано тряпкой лицо ямщика
Чуть слышен надорванный голос
Спина его, плечи и шапка в снегу]
909—911 Морозно. Дорога[2] бела и гладка,
Ни тучки на всем небосклоне
В сосульках усы, борода ямщика[3] *(л. 30)*
918 [Широкого] русского края
919 а. [Стенами стоят по дороге] леса
б. [Идут без конца строевые] леса
921 [По белым равнинам алмазы блестят]
924 Кресты колокольни блеснули... *(л. 30 об.)*
927 а. Фигура согретого чаем купца
б. Фигура солидных размеров купца
941 Прыгнул через ров на провор<ном> коне
943 Со всем своим штатом стоит в стороне *(л. 30)*
947 «Ну трогай!» Из окон бабенки глядят
950 Подходит весь сажей покрытый
Вм. 956—961 И <каюсь?> так горько вздохнула
«Они веселятся, а мне не знавать
965 [Опять тут] пугали меня Трубецкой
967 «Сам царь мне позволил — бумага со мной!»
(л. 30 об.)
1059—1068 И чаю ему наконец принесли
Поближе к нему я подсела...
Вы знаете... верно при вас привели
Тех... Жертвы декабрьского дела...
Здоровы они... Хорошо ли дошли?

---

[1] *Возможно, посторонняя запись (отчеркнутая, нестихотворная). Следующий далее текст частично соответствует ст. 909—1079 окончательной редакции.*

[2] а. [Пустыня]
б. [Равнина]

[3] [Обмотано тряпкой лицо] ямщика

О муже я знать бы хотела...
Он как-то нахально взглянул мне в лицо
Черты были грубы суровы
И молвил
1071—1072 Как грустно мне было, родные, молчу!
Он женщину в горе обидел!
1074 Палач мой с достоинством вышел
1076 Рыданье мое он услышал [1]
653 И мчались без отдыха ровно три дня
970—971 Не лучше ли утра дождаться
Зевая заметил смотритель-старик
<3 строки нрзб>[2] *(л. 31)*
1334 Воскликнул: Не ангел ли? Боже!
1336—1337 Скорей наша шахта похожа
На ад,— отвечал ему голос другой.
После 1402 Сергею она закричала

И цепи на нем зазвучали
Как звук их нежданно меня поразил
(Что их закуют — я не знала)
А цепи гремели. Сергей поднялся
Я вся потрясенная стала
Иди ко мне Маша не бойся цепей
Рвалось мое сердце на части —
Сергей мой закованный в цепи Сергей
Какой не ждала я напасти
Но бог тебе больше судил испытать
Невольно пред ним я склонила
Колени,— и прежде чем мужа обнять,
Я цепи к губам приложила
Сергей мой заплакал, заплакала я
Суровый смотритель подземных работ
Заплакал (нарочно ушел —

Идите! Здесь дамам ходить не велят
1460 По лестнице — ...только, родные [3] *(л. 31 об.)*
415—416 Мне только двадцатый годок наступал
Без думушки время летело

---

[1] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 649—655, 969—972 окончательной редакции.*
[2] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 1333—1337, 1402—1464 окончательной редакции.*
[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 409—417, 985—1016 окончательной редакции.*

417 Училась я много: родным языком
995 И я равнодушна к печали твоей
997—998 В душе моей буря своя и тоска...
Как ты я борюсь одиноко...[1]
1001 Придется рассвета дождаться нам в ней
1004 И печь без трубы затопили [2] *(л. 32)*
1005—1006 Рассказывал что-то лесник <*нрзб*> *(л. 32 об.)*
Рассказы забавные были [3]
1007 Согрелась я чаем, легла я <в> дыму *(л. 32)*
1008 Дым вышел, мы дверь затворили [4]
1009 [Старик] покрестился, ночник погасил
1014 Заснуло всё скоро в сторожке
1016 На мокрой и жесткой рогожке [5]
1113—1114 В Иркутске [всё то же случилось] со мной,
[Что вынесла там Трубецкая]
Вм. 1118—1120 Пропала дорога санная
Когда началась перекладка вещей
Узнала я — радость большая!
Что Зина со мной уложила рояль
Укутав его осторожно
Поехали дальше... Как было мне жаль
Что тотчас играть невозможно.
Вм. 1133 Зато под Нерчинском в одном городке
Меня угостили на славу *(л. 32 об.)*
1141 Как горе и радость одна не <живет?>
1145 Кончалися пытки... Я бросилась к ней [6]
1336 На ад наша шахта похожа
1337 На ад! [отвечали] другие смеясь
И быстро на край подбегали [7]
1342 (Я голос узнала) Спустили
1344 [Знакомые наши тут] были:
1345—1346 Борисовых два. Артамон Муравьев
Давыдов и князь Оболенский. *(л. 33)*

---

[1] [И с ней] я борюсь одиноко
[Поздравила я моего ямщика
А мысли летели далеко]

[2] И [дымную] печь затопили

[3] Рассказывал [много досмотрщик лесной
Да я его сказки забыла]

[4] [Метель всё ужаснее выла]

[5] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 1113—1133, 1141—1148 окончательной редакции.*

[6] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 1333—1360, 1420—1433 окончательной редакции.*

[7] [прибегали]

1354—1356 Княгипя мы в день добываем
Как видите нас не сло<мили> труды
По-барскп и [1] здесь поживаем!
1357 Смеялись, но я под веселостью их
1433 Он много страдал и умел он страдать!
После 1433 Навстречу к нему Трубецкой меня вел

Идет, идет он сказали
Сергей торопился, но медленно шел [2]
На нем *<нрзб>* цепи звучали
Он шел посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое
К нему я рванулась... и душу мою
Наполнило чувство святое! [3] *(л. 33 об.)*
1257 Хоть много своих тебе пало на часть *(л. 34 об.)*
1263 Пугали меня, что острожный народ
1265 Но [4] добрые души встречала и там
1268 Нев<ольники> дань уваженья
1272 Работы они исполняли
1274 Картофель пр<еступник> клейменый
Вм. 1276 *<7 нрзб>*
После 1278 *<9 нрзб> (л. 34)*
1302 Куда вы идете вернитесь
После 1302 Глядели на меня как на диво
И все покидали работы свои
За нами пошли <толпою?>
По глыбам, по ямам
Я видела орудья подземных работ
Я видела *<3 нрзб> (л. 35)*
Дорогу ему расчищ<али> друзья
<3 нрзб>
1411—1416 И вот он воскликнул: «Голубка моя»
И руки простер ко м<не>: «Маша»!
И стал он на миг неподвижно вдали
Сергея друзья поддержали,
По бледным щекам его слезы текли
Простертые руки дрожали [5] *(л. 35 об.)*

---

[1] [мы]
[2] [И я поглядела] он медленно шел
[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 1257—1416 окончательной редакции.*
[4] [Я]
[5] [Привет мне глаза посылали]
Следующий далее текст частично соответствует ст. 1361—1371, 1403—1464 окончательной редакции.

1363—1364 Все письма, посылки,— что были при мне,—
Поклоны из края родного *(л. 36)*
1365 Спешила я им передать. Между тем *(л. 37)*
1369—1371 а. Сударыня вам здесь не <место?> на что
Похоже, подумайте сами!..
Эй лестницу. Лестн<ицы> не дал никто
Я мужа искала глазами
Навстречу к нему Т<рубецкой> м<еня> вел
(л. 36)

б. Сударыня! вам тут не место! На что
Похоже — судите вы сами?
Эй лестницу! Лестницы не дал никто,
Я мужа искала глазами.
Навстречу к нему Трубецкой меня вел
Идет он! идет он! сказали.
1403—1405 Сергей торопился, но медленно шел,
На нем тихо цепи звучали
Да, цепи! Палач не забыл ничего
1425—1427 Он шел... посылало мне ласку свою
Улыбкой лицо испитое
К нему я рванулась... и душу мою
1433 [Он много страдал и умел он страдать!..]
1436 [Железо] к губам приложила!..
Вм. 1437—1452 [Мгновенно настала кругом тишина]
Глубокой, <торжественной?> думы полна
Святой и великой печали,—
Мгновенно настала кругом тишина...
«Да где же вы все запропали?..» *(л. 37)*
1463 А муж по-французски мне сверху сказал
(л. 37 об.)

Варианты чернового автографа ИРЛИ

1 [Несносные] внуки! Сегодня они
4 Когда мы [тихонько] садились
11 Но вы еще [малы]. [Прочтете вы] их
13—14 Я всё рассказала доступное [им]
По [малым] ребяческим летам
15 а. Идите гулять [по лугам, по горам!]
б. Идите гулять [по коврам луговым]
21—22 а. Я им завещаю сухие цветы
С могилы Sophie Муравьевой
б. Я им мой альбом завещаю, цветы

С могилы Sophie Муравьевой
26 Пускай берегут [его строго] *(л. 2)*
30 Близ Киева, в тихой деревне
33 а. [Ваш прадед, отец мой, прославил] его
б. Но пуще ваш прадед возвысил его [1]
34 а. [Заманчивей] славы героя
б. Пленительней славы героя
36 Боец не терпевший покоя
После 36 а. [Ваш прадед с упорного боя
В другой поспешал, всегда впереди
Дружины,— он вихрем носился
С пулей в груди
Однажды он до ночи бился
Вся жизнь его долгим сраженьем была
С покоем и сном не знакома.
Мы в месяц иной не запомним числа,
Когда б оставался он дома
Войска поощряя, герой впереди
Опасности *<нрзб>* являлся
«Четвертого раненный, с пулей в груди
Шестого, седьмого являлся»
Так летопись жизни его говорит
<4 нрзб>]
б. Он всюду оружьем прокладывал путь
И пули его не пронзали
Как будто из камня была его грудь,
А сердце из кованой стали
39 [Украшенный лаврами многих] побед
42 [Тяжелым финляндским] походом
45 [Вся] жизнь его долгим сраженьем была
51—52 «4-го раненый, с пулей в груди
6-го, 7-го сражался» *(л. 2 об.)*
57 [Хвалы расточали отцу моему]
58 [Великим] его называя
59—60 а. Жуковский [строфу посвящает ему
Героев родных воспевая]
б. Жуковский почтил его [теплой] строфой
Российских вождей прославляя
64 Являя в победах без счета
67 Отважен был каждый, но он сочетал
После 68 [Всё детство мое неспокойно прошло] *(л. 3)*

---

[1] *Начато:* Достойно

Семейство его умножалось, росло,
А он что ни день подвергался
Опасности новой. Тревожно прошло
Всё детство мое; просыпался
Он часто до солнца; будить нас велел:
«Прощайте! Заставь-ка их, няня,
Покрепче [1] молиться, чтоб я уцелел —
Ждет нынче горячая баня!..»
И как мы молились тогда за отца, [2]
Война воспитала нас в боге...
Как вечером ждали его у крыльца [3]
Чу, топот и свист по дороге [4]
«Ура, пузыри! я вернулся живой!..[5]
Взяла, благодетели, наша!
Французики — чу! затрубили отбой! [6]
Цалуй меня, дурочка Маша!» [7] *(л. 4)*
69 а. [Суровый в сраженьях] в семействе своем
б. [Весь занятый службой] в семействе своем
70—71 [Он добрым и кротким являлся],
Но [знал свою силу]; почти божеством
75—76 а. [Под старость в богатой] усадьбе своей
[Беспечно он жил] на покое
б. Окончив походы в усадьбе своей
Старик отдыхал на покое
Вм. 77—80 Там я подросла. Проживали в дому
Швейцарец да две англичанки [8]
Училась я бойко [9] — училась всему,
Что нужно богатой дворянке [10]
После 86 а. [Мы в Киев зимой уезжали]
б. [Открыто мы в Киеве жили зимой

---

[1] [Пожарче]
[2] И <*нрзб*> молились семьей за отца
[3] а. [Гурьбой мы встречали его] у крыльца
б. Как [ночью мы] ждали его у крыльца
[4] а. [Он нас цаловал] по дороге
б. [Чу, едет, кричит] по дороге
[5] [домой]
[6] а. [А маршал французов бежал чуть живой]
б. [А маршал Даву уплелся чуть живой]
в. Французики [наши забили] отбой
[7] *Незачеркнутый фрагмент представляет собой вставку на отдельном листе.*
[8] Швейцарец, [француз,] англичанки
[9] [просто]
[10] Что [<*3 нрзб*>] дворянке
[Должна была знать. Я любила читать]

А летом давали мы балы
В усадьбе; к отцу наезжали толпой]
Седые как он генералы
91—92 [Исполнена жизни,[1] умна,[2] молода
Была я царицею бала] *(л. 3)*
97 И рост мой высокий и [вьющийся] стан
103 Не [хочешь ли] замуж? Жених уже есть
105 Его [отличил] государь, наш отец
109—110 [У нас он гостил и три ночи не спал
У окон твоих всё] шатался!»
Вм. 121—126 [Мы с ним обвенчались в тот год роковой [3]
Когда уж гроза собиралась
Над бедным Сергеем; под кровлей одной
Недолго [4] мы жили под кровлей одной
Приехав в Тульчин, где стояла
Бригада его, он расстался со мной
Я сильно потом захворала]
После 122 Глаза его странной какой-то тоской,
Я помню, меня поражали,
Но ласковы были они, и ко мне
Глубокой любовью светились...
Стояла бригада его в Тульчине,
Но только мы там поселились
[Он должен был ехать] *(л. 3 об.)*
125—126 Надолго уехал куда-то Сергей [5]
А я без него расхворалась;
После 128 а. [А он в Тульчине оставался с полком
Потом он приехал за мною
Мы пожили месяц спокойно... потом]
б. [Сережа приехал за мною туда
С неделю спокойно мы жили]
в. [В Одессу за мной он приехал тогда
Неделю с ним ровно жила я]
132 Однажды [спокойно спала я]
133—134 а. Вдруг слышу я голос Сергея: [«Вставай!»
В испуге я быстро вскочила]

---

[1] а. *Начато:* [Скажу вам родные!]
б. *Начато:* [Семнадцати]
[2] [бойка]
[3] *Начато:* Мы [скоро расстались]
[4] а. *Начато:* [Нечасто уснуть]
б. [Так мало]
[5] а. Уехать куда-то был должен Сергей
б. Поспешно уехал куда-то Сергей

б. Вдруг слышу я голос Сергея в ночи
[«Вставай!» я в испуге вскочила]
135—136 [«Камин затопи! дай скорее ключи!» [1]
Я живо камин затопила]
После 136 а. [Дрожали и руки и ноги мои...
Не смела взглянуть на него я.
К камину принес он бумаги свои
И жег их, у пламени стоя]
б. [Дрожали и руки и ноги мои...]
Камин затопила я живо
Из ящиков муж мой бумаги сносил
К камину и жег торопливо [2]
137 а. [В нем что-то тревожное было]
б. Взглянула: спокоен, но бледен он был
147 а. Всё [к утру] уложено было у нас
б. Всё живо уложено было у нас
148—149 [Из штаба] ни с кем не прощаясь
[Уехали мы] и скакали три дня *(л. 5)*
156 [Какая тут тайна таилась?..]
167 Ты знаешь; он [живо] вернется домой
После 176 Роды мои как-то нежданно пришли,
До города было далеко:
Ни доктор, ни бабка поспеть не могли,
Я помню, страдая жестоко,
Я слышала ссору: отец мой кричал:
«На кресле пускай остается,
На кресле я наших детей принимал
В походах. Роди — где придется, *(л. 6)*
Здоровее будет ребенок!..» А мать
Твердила: — Нет, нет, бога ради,
Голубчик, положим ее на кровать! —
«Не надо, не надо кровати!»
Да няня моя догадалась найти
В соседнем селе повитуху,
Но та не решилась ко мне подойти...
Я помню седую старуху,
Всё время мучительной пытки моей
Шептала она у иконы:
«Владычица! будь ты помощницей ей»
И клала земные поклоны...
177—180 Застал меня доктор в бреду и в огне,

---

[1] [«Вставай поскорее, камин затопи!»]
[2] И [начал их жечь] торопливо

Два месяца я прохворала.
Когда воротилось сознанье ко мне,
Я первую няню узнала.
185 Мой муж не [вернулся] нет даже письма
188 а. [Напрасно врачи возражали]
б. [Родная], довольно мы ждали!»
189 [Напрасно пыталась] упрашивать дочь
192 И всё, что [потом] совершилось
194 [Творится недоброе что-то] *(л. 6 об.)*
200 а. [Напрасно сюда ты спешила!]
б. «Что ж пишет он?» Глянул уныло
201 Отец был угрюм, озабочен был брат
209—212 Я [думала]: много у мужа родных
[Спрошу их. Ко всем написала,
Быть может и были ответы от них
Но только я их не читала...[1]]
217—219 [Скрывал до последней минуты отец [2]
Мое неизбежное горе
Но вот я узнала его] наконец!
222—223 а. [И тайного общества членом:
Стремились они к низложенью властей
И к разным другим переменам]
б. Стояли они настороже,
Готовя [погибель отчизне своей]
225 [Мой муж...] Закружилась моя голова...
229 [Весь день я читала тогда] приговор
232 а. Меня [успокоил] родные!
б. Меня надоумил родные! *(л. 7)*
После 252 (Сестра моя Катя в замужстве была
За графом Михайлом Орловым,
Она повидаться со мной не могла
В моем карантине суровом.
Ее не пустили). Всё время Сергей [3]
255 В тюрьме [(пропускаю подробностей ряд)]
256 а. [С ним только отец мой видался]
б. [Недавно отец] с ним [видался]
259—260 [Остригли им головы,] сняли кресты
[Простую одежду] им дали!..»
264 [Вам] лучше [не знать их], родные!

---

[1] [не видала...]
[2] [Любя, свою дочку измучил] отец
[3] а. [Бог знает зачем не пускал ее брат!]
б. [Всё время мой муж] содержался

После 264 [Жила в Петербурге большая родня
У мужа, всё знать — да какая!
Я ездила к ним потеряла три дня
Сергея спасти умоляя.
Ответ был один: невозможно помочь!
Напрасно просила я слезно.
Отец говорил: «Что ты мучишься дочь?
Я всё испытал,— бесполезно!»]
265—266 Я [ездила] в крепость [с Орловой] сестрой
[Явилась] сперва к генералу
Нас молча привел генерал пожилой [1] *(л. 7 об.)*
Вм. 269—284 И тотчас ушел не сказав ничего.
Дрожа, я у двери стояла
И вот наконец увидала того,
Кого целый год не видала!
287 Лицо было бледно, [большие] глаза
289—290 а. Но больше [нашла я в знакомых чертах
Какой-то красы] идеальной
б. Но было в них больше чем в прежние дни
Всё той же тоски [2] идеальной
Вм. 291—302 Суровей и строже смотрели они...[3]
Всё с той же усмешкой печальной
Сергей говорил, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья
Что очень легко переносит тюрьму
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате мрачно ходил
Свидетель,— неловко нам было
303—318 *отсутствуют*
319—320 Сергей на окошко платок положил
И [подле] я свой положила
325—326 а. Но [нечего] делать? [Мой муж не желал
Заставить других дож<идаться>]
б. *Начато:* Но что ж было делать? [Часок] миновал
Вм. 332 Насилу я их разобрала.
Вот что наконец я прочла на пути: *(л. 8)*
333 *отсутствует*
335 Жену мою видеть такой же. Прости!
337 Жила в Петербурге большая родня

---

[1] [Узнавши кто я,] генерал пожилой
[2] [Знакомой] тоски
[3] а. [Всё с той же тоскою в глубоких глазах]
б. [Страдальчески кротко] смотрели они

339 Я ездила к ним, [я скакала] три дня
343—344 а. [Ответ был один невозможно] помочь
[Напрасно просила] я слезно!
б. И правда: они [не бралися] помочь,
[Как я ни просила их] слезно.
в. И правда: они не ручались помочь,
Как я ни просила их слезно.
346 [Мы с мужем два раза еще провели
По часу под тем же надзором]
347 И время [настало]: его увезли!
После 347 [Назначен он был приговором
В Нерчинский рудник].
351 Мне душен казался отеческий дом
353 Теперь опишу вам подробно, друзья,
359 [Они уговаривать вызвали] мать *(л. 8 об.)*
365 А только растрогали сердце до слез
371 Ласкаю Алешу, задумалась я...
374 Сказал он так нежно, так кротко
382 а. [Я плакала горько, тоскуя]
б. [Глаза мои нежно] цалуя,
После 383 [Глаза мои нежно цалуя]
388 «Прости! не карай меня, Маша!
389 *начато:* [И горько он плакал, и горько]
392 «Я еду!» — я тихо шептала
393 И вдруг распрямился [<высокий?>] старик
396—397 Я еду! [Давно] Сказать не пора ли
Зачем и куда? Ты подумай сперва! *(л. 9)*
402 Что споришь со мною как с ровней
406—407 Ушел он суровый и гневный
А я чуть живой [перед Девой] святой *(л. 9 об.)*
409 а. [«Подумай!..»] Я целую ночь не спала
б. Я помню, я целую ночь не спала
416 И время так мирно летело?
418 Болтала, заметна была я
425 Я только в последний, [мучительный] год
427—429 О чем было думать? Бывало поет
Мне песенки няня старушка,
А мать убирает головку; отец
431 Семнадцати лет я пошла под венец
После 432 [Теперь непременно я думать должна,
Отцу моему так угодно.
Пускай моя воля в душе решена
И всякая дума бесплодна

Отец приказал мне: «Подумай!»
Всю долгую ночь провела я без сна,
Измучилась трудною думой.
Он мне говорил: ты попомни]
Однако исполнить отцовский приказ
Хотела я строго, родные [1]
433—448 *отсутствуют*
455 Старик говорил: «Ты [попомни] о нас *(л. 10)*
461 На муку?» [— Нет, муки не будет мне там]
475 Где [бедный <изгнанник?>] в тюремном углу
480 Должна я... Так богу угодно!.. *(л. 10 об.)*
491 а. [Пусть] дедушка будет [малютке] отцом
б. Пока ему дедушка будет отцом
496 И в сердце [меня] оправдает!
501 О лучше [теперь же] в могилу мне лечь
503—504 А в будущем сына [упреки] навлечь
[И знать, что я сто́ю] презренья...
505 А может случиться и то: я влюблюсь *(л. 12)*
513—516 [Загадочным, грустным являлся ты мне
В сияньи и радости бала]
В блестящем наряде, на гордом коне
Тебя пред полком я видала
517 О подвигах жизни [твоей] боевой
520 [В тебе я любила] — героя...
После 520 а. [Но всё ж я боялась тебя до венца...[2]
Бог сына послал нам весною [3]
И я полюбила тебя как отца
Малютки, рожденного мною...]
б. [Навеки твоей я пришла от венца
Больная, в разлуке с тобою
Я страстно в тебе полюбила отца
Малютки рожденного мною...]
в. [Уехал он скоро, почти от венца
Бог сына послал мне весною
И я полюбила его как отца
Малютки, рожденного мною]
г. Позднее я в нем полюбила отца
Малютки, рожденного мною,

---

[1] а. [Хотела я честно] отцовский приказ
[Исполнить, мои дорогие.]
б. [Хотела я точно] отцовский приказ
[Исполнить, мои дорогие.]

[2] [Навеки твоей я пришла от венца]

[3] Бог [дал нам Алешу] весною

Мы скоро расстались, почти от венца
[Но были уж близки]
Он твердо стоял под грозою...
525 а. [Но мы не скоро] увиделись вновь!
б. Вы помните, где мы увиделись вновь!
528 а. В тюрьме [я тебе] подарила!
б. [Ему я] в тюрьме подарила!
529—536 а. [О, как ни прекрасен он[1] в счастии был
Прекраснее был ты страдая!..[2]
Не много со мной ты тогда говорил,
Но душу твою поняла я:
И там полюбила тебя как Христа
Сложившего душу за братий...
Безропотны были страдальца уста
И помыслы чужды проклятий.]
б. [Я помню: всё тот же бесстрашный герой[3]
В своей арестантской одежде
Спокоен и тверд — он стоял предо мной
<*нрзб*> и прекрасней чем прежде[4]
Безропотны были страдальца уста
И помыслы чужды проклятий
И я полюбила тебя как Христа
Сложившего душу за братий...]
533 а. [Теперь] он бессменно стоит предо мной
б. С тех пор он бессменно стоит предо мной
534 На подвиг святой призывая *(л. 12 об.)*
После 536 [Отец мой! ты родине кровью служил,
Ты долг исповедовал строгий
Иду я твоею дорогой
Герой]
Вм. 539—540 [Увидеться с ним
Лелею мечту золотую!
Отец! воспитавший примером своим
В нас долгу покорность святую]
543—544 [Я] верю, [ты] дочери бедной своей
[Поймешь и оценишь] решенье? *(л. 13)*
546—552 И [всё я отцу рассказала,
Старик проворчал непокорная] дочь
И вышел; [мать громко рыдала

[1] [ты]
[2] *Правка не доведена до конца.*
[3] [Я помню: измученный, бледный, больной]
[4] [И выше и краше, чем прежде]

Брат Саша сердился. Тяжелые дни
Уныло опять] потянулись.
[Несносно. Уж лучше б бранились они,
А то всё молчали и] дулись.
553—554 а. Никто не хотел [горемычной] помочь,
[Орлова одна помогала]
б. Никто не хотел ни советом помочь,
Ни делом; [я силы теряла]
555 а. Опять [я промучилась целую] ночь
б. Опять [я продумала целую] ночь
в. Опять [просидела я целую] ночь
г. Опять провела я тяжелую ночь
558—559 Что будто [велел] Трубецкую
С дороги [вернуть] государь. Испытать
561—564 [Я к мужу просилась.] Письмо отвезла
Статс-дама графиня Орлова
Сам царь отвечал мне... [того же числа,
Я помню ответ слово в слово.]
567—568 [Замечено было], как [страшен] тот край,
Куда я [уехать] желала
После 568 [Потом император [1] похвалою почтил
Решимость мою, сожалея, [2]
Что долг исполняя, обязан он был
Лишить меня мужа. Не смея]
569 Как [дурны] там люди
571 а. [Еще намекал (я не вдруг] поняла)
б. [Потом] намекнул ([я не вдруг] поняла)
в. Затем намекнул (я потом поняла)
573 [Царь] дальше хвалою изволил почтить
576 Несчастного мужа... Не смея
578 а. [Дает] он свое позволенье
б. [Даю вам] свое позволенье
580 Остались [вы] дома...» Волненье
581—584 а. Меня охватило; [потоками слез
Письмо облила и упала
Молясь на колени...[3] Да! Главный вопрос
Решен! Я теперь не дремала]
б. *Начато:* Меня охватило; [так рада]
в. *Начато:* Меня охватило; [давно уж]
584 а. Я [долго и жарко] молилась

---

[1] [государь]
[2] Решимость мою, [но заметил]
[3] [Молясь пред иконой]

б. Я прыгала, пела, молилась *(л. 14)*
585 В три дня я [в дорогу совсем] собралась
593 С Алешей. Нагнувшись над сыном моим
600 [Ты бедную] мать потеряешь!
601 И низко упав [1] на ручонки его
611 С [прекрасного] личика глаз не сводя
613 а. Я встретила утро...
[Совсем снарядясь],
б. Я встретила утро...
[Решительный час!]
614 а. Сестру [заклинала] я снова
б. Сестру [умоляла] я снова
616 Чу, топот! Кибитка готова... *(л. 14 об.)*
617 [Потупясь сидели] родные мои
625 а. [И каждый с вопросом смотрел] на отца
б. [Украдкой глядели они] на отца
626 а. [Сидевшего тут же] понуро
б. Стоял он поодаль понуро
627 [Он слова] не молвил, не поднял лица
630 а. Я [плакала], бодрость теряя
б. Я медлила, бодрость теряя
631 а. Минуты [томительно медленно шли]
б. Минуты мучительно тихо текли
632 [С рыданьем] сестру обняла я
633 И мать обняла я. «Господь вас храни!»
После 635 Быть может в душе негодуя...
636—638 а. *Начато:* [Зубами скрипел], негодуя
б. *Начато:* [Суровый]
в. *Начато:* Угрюмый
г. Старик [2] поднялся... по морщинам чела
Ходили зловещие [3] тени
644 а. [Задумчиво, пристально], строго
б. Внимательно, долго и строго
646 а. Сказал (я [как лист трепетала]):
б. [Сурово] сказал (я дрожала): *(л. 15)*
651 «Простите родные!» В декабрьский мороз
653 И мчалась без отдыху [ровно] три дня
656 В Москву [я к сестре] прискакала
665 а. В Италии [долго княгиня] жила
б. *Начато:* В Италии три года

[1] [припав]
[2] [Отец]
[3] [угрюмые]

Вм. 668—670 Чуждаясь тщеславного света,
Она открывала блестящий салон
Не светским изысканным[1] франтам
Не знати надутой: приютом он был
Всему, что блистало талантом,[2]
Дышало искусством,[3] и было житье
Артистам у Зины в гостиной: *(л. 16)*
676 Ты [бледная] стала такая
679 а. Ложись ты [покуда] до вечера спать
б. Ложись-ка теперь ты до вечера спать
680 А вечером [бал] я устрою
682 [Мешать нам не будут] повесы
Вм. 685—724 Что было в Москве поумней, повидней
Что в ней мимоездом гостило —
Всё вечером съехалось к Зине моей,
Артистов тут множество было.
Тут были родные отправленных вдаль
Куда я мой путь направляла
Тут были Одоевский, В<яземский>, Д<аль>
(Проститься со мной всё желало)
Тут был и профессор-поэт Мерзляков,[4]
И Павлов тогда знаменитый[5]
И автор написанных Зине стихов
Так рано в могилу зарытый[6] *(л. 16 об.)*
685—686 И к вечеру весть, что приехала я,
[Что еду],— в Москве уже знали
688 а. Вниманье Москвы [поглощали]
б. Вниманье Москвы привлекали
690 Всем было и [страшно] и жутко
691 В салонах еще повторялась тогда
699—703 Вся [тронулась] старая наша родня,—
[Задвигались] цугом кареты!
[В мундирах], напудрив свои парики,
Потемкину ровня по летам
[Ко мне подходили] тузы-старики
705 Старухи статс-дамы былого двора[7] *(л. 18)*

---

[1] *<нрзб>*
[2] [Науке, уму и] талантам
[3] [Наукой и знаньем]
[4] [Тогдашняя слава Москвы] Мерзляков
[5] [В то время уж старец маститый]
[6] [Тут был Веневитинов, был Хомяков
И Павлов, тогда знаменитый]
[7] *Текст, частично соответствующий ст. 685—708 окончательной редакции, представляет собой вставку на отдельном листе.*

737 Тогда уже был мне [пятнадцатый] год
739 Покинув семейство, я скоро вперед *(л. 16 об.)*
743 [Стрелой я] летела и был предо мной
750 И волны горой подступали
755 Молчите! Идет [англичанка] моя!
759 [Не я ли волшебнику мысль подала?..] *(л. 17)*
764 а. В кого он [тогда] не влюблялся
б. В кого он в те дни не влюблялся
769 Юрзуф живописен: в [зеленых] садах
771 а. [Вдали две горы: Аюдаг], Четырдаг:
б. Лазурное море! вдали Чатырдаг
773 К подножью его; [1] виноград выбегал
775—776 а. [Где тополь красивый и стройный стоял
Где рос кипарис <*нрзб*>]
б. [Где тополь красивый колонной стоял]
в. И тополь красивый [листами] сиял
г. И тополь красивый недвижно сиял
778 а. Поэт наверху [основался]
б. Поэт наверху [поселился]
779 Он нам говорил, что доволен [собой]
После 800 а. [Задумчиво часто сидел он под <ним?>]
б. [Верхушкой он в синее небо летел,
А ветви земли достигали]
в. [Он им восхищался! Как день вечерел
И звездочки в небе мерцали
Вершиной он в синее небо летел,
А ветви так сладко шептали]
г. [В тени его Пушкин угрюмо сидел,
Уста его что-то шептали...
И мне говорили, что Пушкина след
У бедных татар сохранился
В чудесной легенде: когда наш поэт
В тени кипариса садился
И весь отдавался, тоскою томим,
Порывам души идеальным
К нему прилетал соловей — и над ним
Пел вместе с поэтом печальным]
802 а. [Здесь думам поэт предавался]
б. Он с ним [не без грусти расстался]
805 К нему соловей прилетал по ночам
806 а. Как [небо звездами мерцало]

---

[1] [их]

б. Как море шуметь уставало
808 Внимая, всё в мире смолкало!
809 [Он долго] потом — повествует народ

(*л. 17 об.*)

812 *начато:* К любимому
813—814 Но умер поэт — и летать перестал
Пернатый певец к кипарису
816 а. Ветвями [понурившись] книзу
б. С ветвями поникшими книзу
818 Туристы его [посещают],
823 а. [Припомнил] он игры ребяческих лет
б. [Как помнил] он игры ребяческих лет
825 *начато:* Покинув обы<чный>
826—827 С [<какой-то?>] тоской бесконечной
С [<какой-то?>] любовью напутствовал он
829 Со мной он по комнате [грустно] ходил,
833 Идите, идите! Вы [чисты] душой
842—843 Здесь сердце черствеет и дремлет
Здесь царствует вечный, рассчитанный хлад

(*л. 19*)

847 И вам возвратится [наследственный кров]
848 а. И сени [отцовского] сада!..
б. И сени родимого сада!
873 а. [Но что я? От смерти вы так далеки!
Пойдемте-ка! сядем теснее!
Прогоним суровые тени тоски
Наполним бокалы дружнее!]
б. Дай бог вам [побольше] здоровья и сил

(*л. 19 об.*)

877 а. *Начато:* [Разделаться]
б. Отделать его я на славу хочу
880 Что путного там [наберется]
Вм. 884 [Я знаю сдержал бы он] слово
[Да были крутые тогда времена
Похуже могли отозваться...]
885—886 а. [Я музыку слушала, грусти полна
Что с нею [1] придется расстаться
Надолго]
б. Я слушала пение, грусти полна
Я музыке сладко внимала
889—890 «Припомните: я уезжаю с зарей...

---

[1] Что [с ней мне]

Играйте ж! Наслушаться дайте! [1]
892 Ни пенья... О пойте! играйте!..»
Вм. 893—908 И помню: так чудно играли они,
И пели и плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни»
Прощаясь со мной со слезами...
После 908 Мне утром родные далеких друзей
Так много посылок прислали,
Что не было места в кибитке моей
Другую мы наскоро взяли
И тут же людей я себе наняла.
Последнее было прощанье
Последняя внуки разлука была
Бог милостив будет свиданье!.. *(л. 20)*
911 В сосульках усы, борода ямщика
924 Кресты колоколен блеснули *(л. 22)*
939 На самой дороге догнав [ямщика]
961 [Они веселятся] а мне не знавать
967 а. «Не бойтесь! указ государя со мной!»
б. «Не бойтесь! Письмо государя со мной!»
968 а. Часы [уже] десять пробили,
б. Часы мои десять пробили,
970—971 [Не] лучше [ли утра] дождаться?
[Лениво] заметил смотритель-старик *(л. 22 об.)*
974 а. [Нет, нет? Я поеду! Мне некогда ждать
Такие ли будут метели!]
б. [Давайте.] Скорей ради бога!
Вм. 975—976 [Минули мы город], ни зги не видать,
В кибитку <комки?> полетели
979 [Не видно мне] даже спины ямщика
982 И фыркая лошади стали,
983—984 а. [«Не надо бы ехать, докладывал я:
Дорогу мы знать потеряли!..»]
б. Ямщик мой заохал: «Докладывал я,
Пождать бы! дорогу стеряли!..»
997—998 [В душе моей буря своя и] тоска
[Как ты], я борюсь одиноко
1001 [Дождаться] рассвета [придется нам] в пей!
1004 *как в ЧА ГБЛ (л. 23)*
1005—1006 Рассказывал [что-то лесник пожилой]
[Рассказы забавные были]

---

[1] [Далеко...] Наслушаться дайте

1015—1017 [Чего я ни думала], лежа в углу
На мокрой и жесткой рогожке...
[Несли меня к мирному детству] мечты
1021 [Довольные лица... и было] кругом
1022 а. Всё [милое], всё дорогое
б. Всё [близкое], всё дорогое
1023 [А] где же [Сережа]?.. [И вспомнив] о нем
После 1024 Еще [1] он в дороге... в степях снеговых
Друг друга они поздравляют...
Там несколько троек... и стража при них...
Коней они быстро меняют
И мчатся, не видя границы [2] степей,
Не видя [3] жилья по неделям...
Пустыня! Чем дальше — тем меньше людей,
Тем больше простора метелям,
Всё мертво — лишь волк иногда пробежит
Да каркнет голодная птица
Метель им усталые очи слепит
И колет их бледные лица
То горы и башни, то город большой,[4]
Дразня их,[5] рисует миражи...
Чу! Крик оглашает дорогу: [6] «Постой
Нет сил!» Но суровые стражи *(л. 23 об.)*
Не внемлют: им велено ехать скорей
И едут — нигде не ночуют
И сами неистово хлещут коней
И страшно возницу бичуют...
1025—1026 [Мы тронулись рано, продрогший] ямщик
[Был рад, что рассвета дождался]
1032 И сделались скоро [опасны]
Вм. 1034 Не видела божьего света
1036—1040 а. [Забудешь словцо из куплета
И думаешь, думаешь — время идет...
И грустно и страшная скука,
А всё-таки я подвигаюсь вперед!
Когда-нибудь кончится мука!]
б. [Забудешь словцо из куплета

[1] [Теперь]
[2] [предела]
[3] [Не встретив]
[4] [порой]
[5] [им]
[6] [пустыню]

И думаешь, думаешь — ветер ревет
Дорогу заносят] метели
[А время летит],— подвигаясь вперед![1]
Так ехала я [две] недели
1037 [Пускай меня тайное горе грызет]
1046—1047 [Толпились] крестьяне, крестьянки
[Я видела] целый табун лошадей...
1048 а. [«Тут барыня ждут] серебрянки»
б. [Спросила: «да] ждут серебрянки»
в. «Барыня, ждут серебрянки»
1049 Сказал мой ямщик: «[Обогнали ее],
1050 а. [Мы с вами сейчас] недалече!
б. [Сударыня мы] недалече! *(л. 24)*
1053—1056 [Транспорт из Нерчинска! О муже моем
Я что-нибудь верно узнаю...
Да, да! Офицер непременно при нем!]
В трактире сижу, поджидаю...
1059—1061 Он как-то надменно [и важно] ходил
И вот [говорю я] с тоскою:
Вы знаете... верно при вас привели...
1063 Здоровы они?.. Хорошо ли дошли?
1065 [Он как-то] нахально [взглянул мне в] лицо
1067—1068 И молвил, пуская из дыма кольцо:
Быть может, они и здоровы,
1071 Как грустно мне было, родные! Молчу...
1072 а. [За что и кого он] обидел!..
б. [Подлец! он] меня же обидел!..
1074 [Палач мой] с достоинством вышел
1076 [Рыданья мои] он услышал
1078—1079 [Нашлось] в [его] сердце солдатском:
«Здоровы, [здоровы!] я видел их всех!
1081—1082 а. [Сказал он поспешно. Опять офицер
Явился...] ушла я в [повозку...]
б. *Начато:* [Тут снова] *(л. 24 об.)*
1085—1086 Тоска! на дорогу печально гляжу
Вдруг[2] слышится звон колокольный
Вм. 1088 а. [Был праздник, должно быть престольный,
Народу немало застала я там
Всё жарко усердно молилось...
Печальный, в пустыне затерянный храм,

---

[1] а. [А всё-таки я] подвигаюсь вперед
б. [А я] подвигаюсь вперед [да вперед]

[2] [Чу!]

В тебе я душой обновилась!]
б. [Дорогу народ богомольный
Мне дал к алтарю,— и упала я там
Усердно и жарко молилась...
Печальный, в пустыне затерянный храм
В тебе я душой обновилась!]
1089 Прослушав обедню, к попу подошла,
1091 а. Всё было [спокойно],— толпа не ушла
б. Всё было безмолвно,— толпа не ушла
1093—1094 За что мы [так много страдаем], Христос?
[Поруганы, смяты, убиты?]
1101—1104 *отсутствуют*
1111 а. И я [покатилась в шубенке моей]
б. И я [повалилась] с кибиткой моей
Вм. 1118—1120 Пропала дорога санная *(л. 25)*
Когда началась перекладка вещей
Узнала я,— радость большая! —
Что Зина со мной уложила рояль
Укутав его осторожно
Поехали дальше. Как было мне жаль,
Что тотчас играть невозможно!
1138—1140 [И мясу, и рыбе], и бане...
А [вечер], как мертвая, весь проспала
[Под говор гостей] на диване...
1141—1142 Как горе, и радость одна не живет:
Я утром в Иркутск прискакала
1145 Они недалеко!..[1] я бросилась к ней *(л. 25 об.)*
1162—1164 Как шли [по цветочному лугу!
Чиста наша жертва — мы силу найдем,
Мы много поможем друг другу!]
1169 Найдем мы обиженных скорбных мужей
1173—1174 [Мы будем опорою слабых, больных
В минуты тоски и паденья]
1176 [Обетов] любви и [терпенья]
1178 Избранникам [бедным]— и богу
1180 а. [Всю трудную] нашу дорогу
б. Тернистую нашу дорогу
После 1180 [Не много нам нужно: слезу отереть
У друга в годину несчастья.
Но если придется [2] в степи умереть

---

[1] [<*нрзб*> почти]
[2] [случится]

Помянут нас словом участья [1]
Что женщины сильны любить и терпеть
Мы будем свидетельством вечным *(л. 26)*
Умрем, но о наших страданьях рассказ
Поймется живыми сердцами,
И с гордостью [2] правнуки наши о нас
Беседовать будут с друзьями [3]
Они им покажут, вздохнув от души,
Портреты поблекшие наши
И в память прабабки, погибшей в глуши,
Осушатся полные чаши!
Пускай долговечнее мрамор могил,
Чем крест деревянный в пустыне,
Но свет [4] Долгорукой еще не забыл,
А Бирона нет и в помине!..] *(л. 26 об.)*
1183 Снега под Нерчинском упали опять
1189 Должно быть дорога была им легка
1193 Целковенький дали — я брать не хотел *(л. 27)*
1199—1208 а. [Приехали мы в Благодатский рудник
«А есть ли у вас разрешенье?»
Заводский начальник, угрюмый старик
Спросил нас.— Скаж<ите>]
б. [Приехали мы в Благодатский рудник
«А есть ли у вас позволенье?»
— Читайте! — Начальник завода старик
Не знал по-французски... Мученье!]
в. [Приехали мы в Благодатский рудник.
«А есть ли у вас позволенье?»
— Читайте! — не знал по-французски старик
Начальник... И смех и мученье!]
г. [Приехали мы в Благодатский рудник
А есть ли у вас позволенье?
Не знал по-французски начальник-старик
Не верил нам,— смех и мученье!] *(л. 28)*
1199 а. Начальник был тучен и [<с виду?> не] строг
б. Начальник был тучен, [от глупости] строг
в. Начальник был тучен, [быть может не] строг
1200 *начато:* [Да трус]
1202 а. И [там мы ее подписали]

[1] [сердечным]
[2] [И за полночь]
[3] [Не кончат беседы] с друзьями
[4] [мир]

б. *Начато:* И выслать [сейчас обе<щали>]
1203 Да где же бумага? — «Осталася там
1206 [Так] вот вам [царя] позволенье!
1207 Не знал по-французски упрямый [дурак] *(л. 27)*
1212—1213 [Я тотчас же ехать] хотела
Но он объявил, что [поедет он] сам
1215 — Да точно ли? к утру?.. «Ей-богу! А вам
1219 а. [Низка и черна, без окна], без трубы
б. С [чуть видным] оконцем, [черна], без трубы
в. С оконцем [без стекол], низка, без трубы
1223 Но [эти <невзгоды?>] нам были смешны
1230—1231 До сотни, [<*нрзб*> стояли]
А вот [и побольше], с решетками дом!
1236 [Дрожала я вся.] Нестерпимо
1240 а. Да, видим! Поют они славно.
б. Еще бы! Поют они славно. *(л. 28)*
1241 Вон дверца... [ну видишь?] Пойдем мы теперь,
1245—1247 [Недвижно стоял] часовой, наголо
[В руках] его сабля сверкала
Не золото, внуки, [мне здесь][1] помогло
1249—1260 *зачеркнуты, затем восстановлены*
1249 Я знаю вам хочется дальше читать
1251 Помедлите, внуки! Хочу я сказать
1257 [Хоть] много [своих] тебе пало на часть
1262 [Нас слезы с тобой] породнили
1268 [Колодники] дань уваженья
1272 Работу они исполняли
1276 Да, внуки, картофель печеный!
1281 Спасибо!.. Считали свой труд ни за что
1285 Теперь продолжаю. Солдат уступил
1293 а. Лежала; где [капли сочились воды]
б. Лежала; где тихо [сочилась] вода
1298—1300 Казалось, [от них коридоры
Шли тоже куда-то] Забыла я страх,
[Стрелою] несли меня ноги! *(л. 28 об.)*
1305 Беда моя! видно [поручик] пришел
Вм. 1313—1316 Как голову я [не разбила сто раз!
Бог вывел меня невредимо
Из бездны кромешной! Я после тряслась
Когда возвращалась я мимо]

---

[1] и [тут]

Ужасных расселин, провалов и ям...
1316—1317 Бог вывел меня не [<*нрзб*>]
На свет!.. Я увидела свет впереди
1321—1324 а. [И так побежала на этот] огонь,
[Что думала сердце порвется]
Попавший в трясину испуганный конь
[На твердую землю так рвется...]
б. Огонь!.. Что есть мочи бегу на огонь,
Как бог уберег мою душу!
Попавший в трясину испуганный конь
Так рвется, завидевши сушу...
1328 [И говор, и стук, и] движенье
1329—1332 а. Там люди! [<*3 нрзб*>
А! вот наконец, увидали?
Затихла работа... Все <*нрзб*>]
б. Там люди! [<*3 нрзб*>
Фигуры отчетливей стали...
Работы свои побросали они] *(л. 29)*
1346 а. [Борисовы], князь Оболенский
б. Давыдов и князь Оболенский
1354 Мы в день [добываем] России
1363—1364 Все письма, [посылки, что были] при мне,
[Поклоны] из края родного *(л. 29 об.)*
1366 а. Внизу офицер [горячился]
б. Внизу офицер появился
1373—1376 а. [Сойдите!.. Но мы подвигались вперед.
Дивясь небывалому чуду
Гремящий цепями рабочий народ
Бежал поглазеть отовсюду]
б. [Сойдите, не то я стащу вас!..] Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду
в. Бранился,[1] грозил, горячился... Но мы
Всё вглубь уходили... Отвсюду
Бежали к нам мрачные дети тюрьмы,
Дивясь небывалому чуду
1380 [Канавы], бугры мы встречали
1385 Там с ношею узник [бежал] по бревну
1390—1392 Какая отвага!.. Видала
Я тут преогромные глыбы руды [2]

[1] [Сердился]
[2] Я тут [и огромные] глыбы руды

И цельные слитки металла... *(л. 30)*
1397 Потише, [княгиня!] Ужели затем
1399 [Давыдов сказал], чтоб на горе нам всем
1404 На нем тоже цепи звучали [1]
1406 Но кроток он шел, как избравший его
1421—1422 И с криком «иду»! я помчалась бегом,
Рванув [у Давыдова] руку *(л. 30 об.)*
1433 И подвиг его... и готовность страдать!.. *(л. 31)*

Варианты наборной рукописи ИРЛИ

Заглавие Бабушкины записки
Роман в стихах
Часть первая
21—22 Я им [мой] альбом [завещаю]: цветы
С могилы Sophie Муравьевой
30 [Близ Киева], в тихой деревне *(л. 1)*
33—34 Но пуще [ваш прадед] возвысил его:
[Пленительней] славы героя
После 36 [Он всюду оружьем прокладывал путь
И пули его не пронзали,
Как будто из камня была его грудь,
А сердце из кованой стали.]
51—52 *как в ЧА ИРЛИ*
64 *как в ЧА ИРЛИ*
67 [Отважен был каждый, но] он сочетал
После 68 [Семейство его умножалось, росло,
А он что ни день подвергался
Опасности новой. Тревожно прошло
Всё детство мое; просыпался
Он часто до солнца, будить нас велел:
«Прощайте! Заставь-ка их, няня,
Покрепче молиться, чтоб я уцелел —
Ждет нынче горячая баня!..»
И как мы молились тогда за отца,
Война воспитала нас в боге...
Как вечером ждали его у крыльца!
Чу, топот и свист по дороге!
«Ура, пузыри! Я вернулся живой,
Взяла, благодетели, наша!

[1] *На полях, рядом со следующими двумя строками, помета:* Точки

Французики чу! затрубили отбой!
Цалуй меня дурочка Маша!»] *(л. 2)*
76—79 Старик отдыхал на покое.
Там я подросла. Проживали в дому
Швейцарец да две англичанки,
Училась я бойко — училась всему
81 Окончив уроки бежала я в сад *(л. 2 об.)*
Вм. 123—126 [Глаза его странной какой-то тоской,
Я помню, меня поражали,
Но ласковы были они, и ко мне
Глубокой любовью светились...
Стояла бригада его в Тульчине,
Но только мы там поселились]
[Надолго куда-то уехал] Сергей
А я [без него] расхворалась *(л. 3)*
137 *как в ЧА ИРЛИ (вариант б.) (л. 3 об.)*
После 176 Роды мои как-то нежданно пришли,
До города было далеко:
Ни доктор, ни бабка поспеть не могли,
Я помню, страдая жестоко,
Я слышала ссору: отец мой кричал: *(л. 4)*
«На кресле пускай остается!
В походах [1] я наших детей принимал
Ты помнишь сама, где придется [2]
И разве дурной я был бабкой?..» А мать [3]
Твердила: — Нет, нет, бога ради
Голубчик, положим ее на кровать!» —
«Не надо, не надо кровати!»
Да няня моя догадалась найти
В соседнем селе повитуху,
Но та не решалась ко мне подойти...
Я помню седую старуху...
Всё время мучительной пытки моей
Шептала она у иконы:
«Владычица! будь ты помощницей ей!»
И клала земные поклоны
177—180 Застал меня доктор в бреду и в огне,
Два месяца я прохворала.
Когда возвратилось сознанье ко мне *(л. 4 об.)*
Я первую няню узнала.

---

[1] [На кресле]
[2] [В походах. Роди где] придется
[3] [Здоровее будет ребенок...»] А мать

200 «[Что ж] пишет он?..» Глянул уныло
232 Меня [надоумил], родные! *(л. 5)*
245 Всю ночь я горела, мечтала о том
Вм. 253 (Сестра моя Катя в замужстве была
За графом Михайлом Орловым,
Она повидаться со мной не могла
В моем карантине суровом,
Ее не пустили). «Всё время Сергей
261—264 *заключены в квадратные скобки*
После 268 [И тотчас ушел, не сказав ничего
Дрожа я у двери стояла...
И вот наконец-то я вижу того, [1]
Кого целый год не видала!
Не даром над ним пронеслася гроза:
Морщины на лбу появились]
269 «Дождитесь,— сказал он.— Он будет сейчас!» *(л. 5 об.)*
270—276 *отсутствуют*
290 а. [Всё той же тоски идеальной]
б. Той тихой [тоски идеальной]
291 [Суровей и строже] смотрели они
После 291 Всё с той же усмешкой печальной
[Сергей говорил, что полезно ему
Узнать добродетель смиренья
Что очень легко переносит тюрьму
И несколько слов ободренья
Прибавил... По комнате мрачно шагал [2]
Свидетель,— неловко нам было]
293—296 *отсутствуют, вместо них помета о вставке «на особом листке» (см. ниже варианты наброска ЦГАЛИ)*
303—318 *отсутствуют, вместо них такая же помета о вставке (см. там же)*
319 Сергей на окошко платок положил
Вм. 332 [Насилу я их разобрала]
Вот что наконец я прочла на пути
335 *как в ЧА ИРЛИ*
337 [Жила] в Петербурге большая родня *(л. 6)*
351 Мне душен казался [отеческий] дом

---

[1] И вот наконец [увидала того]
[2] [ходил]

353 *как в ЧА ИРЛИ*
365 А [только растрогали сердце до слез]
371 [Ласкaя] Алешу, задумалась я
374 Сказал он [так нежно, так] кротко *(л. 6 об.)*
388 «Прости! [не карай] меня, Маша!
392 Я еду! я тихо [шептала...]
396—397 Я еду! Сказать не пора ли
Зачем [и куда?] Ты подумай сперва!
402 [Чтоб спорить со мною] как с ровней?
404 Вперед [загляни] хладнокровней
406 Ушел он [суровый] и гневный *(л. 7)*
409 [Я помню], я целую ночь не спала
416 И [время так] мирно летело?
418 [Болтала]. Заметна была я
431 *как в ЧА ИРЛИ (л. 7 об.)*
470 Я [всё] приговор прочитаю
480 Должна я... Так [богу] угодно!.. *(л. 8 об.)*
491 а. [Пока ему] дедушка будет отцом
б. Пусть дедушка будет Алеше отцом
505—506 А может случиться [и то: я влюблюсь
И] первого мужа забуду
509 А мачехой [строгой]... Горю со стыда... *(л. 9)*
523 [Мы скоро расстались, почти от венца.]
525 Вы [помните], где мы увиделись вновь —
533—534 [С тех пор] он бессменно стоит предо мной,
На подвиг святой призывая.
539 Ты долгу служил не щадя ничего *(л. 9 об.)*
555 Опять провела я тяжелую ночь
562 Статс-дама графиня Орлова
571 [Затем] намекнул (я [потом] поняла)
575—576 Что долгу послушный, не мог пощадить
Несчастного мужа... «Не смея
584 Я [прыгала, пела, смеялась]... *(л. 10)*
593 *как в ЧА ИРЛИ*
598 Не знаешь ты [с] чем ты играешь!
616 *как в ЧА ИРЛИ (л. 10 об.)*
626 [Стоял] он поодаль понуро:
630—632 Я [медлила] бодрость теряя,
Минуты мучительно [тихо текли],
Сестру [наперед я] обняла
636—638 [Быть может, в душе] негодуя,
[Старик поднялся], по морщинам чела
Ходили зловещие [тучи]

644 [Внимательно, долго] и строго *(л. 11)*
663 Поэт В<еневитинов> стансы ей пел
Вм. 668—670 [Чуждаясь тщеславного] света
[Она открывала охотно салон[1]
Не светским изысканным франтам *(л. 11 об.)*
Не знати надутой: приютом был он
Всему что блистало талантом,
Дышало искусством... и было] житье
[Артистам] у Зины в гостиной:
668 [Светило] московского света
679 [Ложись-ка теперь] ты до вечера спать
После 684 [Что было в Москве поумней, повидней,
Что в ней мимоездом гостило
Всё вечером съехалось к Зине моей.
Артистов тут множество было
Тут были родные отправленных вдаль
Куда я мой путь направляла
Тут были Одоевский, В<яземский>, Д<аль>,
Проститься со мной все желали
Тут был профессор-поэт Мерзляков *(л. 12)*
И Павлов тогда знаменитый,
И автор написанных Зине стихов,
Так рано могилой сокрытый][2]
699 Вся двинулась [старая] наша родня
736 Гуляли мы там на просторе
750 И волны [горой] подступали *(л. 12 об.)*
764 В кого он [в те дни] не влюблялся!
771 [Лазурное] море, вдали Чатырдаг
773—775 К подножью [его]; виноград выбегал
На кручу [слезой] [3] отягченной,
И тополь [красивый] недвижно сиял *(л. 13)*
802 Он с ним уезжая [простился]
805—806 [К нему соловей прилетал] по ночам,
[Как море шуметь уставало]
808 Внимая, [всё в мире] смолкало! *(л. 13 об.)*
813—816 Но умер поэт — [и] летать перестал
Пернатый певец к кипарису...
С тех пор кипарис сиротою стоял
С ветвями поникшими книзу...»
818 *как в ЧА ИРЛИ*

---

[1] [Она открывала блестящий салон]
[2] [Так рано в могилу зарытый]
[3] *Так в рукописи.*

838 Не стоит сей [век] ненавистный! *(л. 14)*
848 И сени [родимого] сада! *(л. 14 об.)*
877 [Отделать] на славу [его я] хочу
884 Как было сдержать это слово?..
885—886 Я слушала [пение], грусти полна,
Я [музыке] жадно внимала
889—892 «[Припомните]: я уезжаю с зарей...
[Далеко...[1] наслушаться дайте!]
Ни музыки я не услышу такой,
[Ни пенья... О, пойте! играйте!..»]
После 892 [И помню: так чудно играли они,
Так [2] пели!.. И плакали сами...
И каждый сказал мне: «Господь вас храни»
Прощаясь со мной со слезами...] [3] *(л. 15)*
[И долгая ночь незаметно прошла,
Не помню концерта прелестней.
Я тронута чудной молитвой была
И благословляющей песней]
893—898 [Согласно настроены были сердца
Торжественно как-то внимали
Той песне прощальной; не помню лица]
Без [думы], без [тихой печали],
Черты неподвижных суровых старух [4]
[Покинули] холод надменный
Перед 909 [Мне утром родные далеких друзей
Так много посылок прислали,
Что не было места в кибитке моей
Другую мы наскоро взяли
И тут же людей я себе наняла...
Последнее было прощанье
Последняя внуки разлука была
Бог милостив, будет свиданье!..] *(л. 15 об.)*
910—911 Ни [тучки] на всем небосклоне...
[В сосульках] усы, борода ямщика
925 [Кресты колоколен] блеснули *(л. 16)*
942 Добычу у псов [отнимает]
948 а. [Попы у харчевни] дерутся

---

[1] [Играйте]

[2] [И]

[3] *Далее следует отрывок, перенесенный затем особым знаком в начало главы V перед ст. 909 (см. ниже).*

[4] а. Черты [неподвижно сидевших] старух
б. Черты неподвижных [угрюмых] старух

6. Продрогшие куры дерутся
967 [«Не бойтесь письмо государя] со мной!»
968 Часы [мои] десять пробили *(л. 16 об.)*
982 [И фыркая лошади стали]
984 Пождать бы! [дорогу стеряли!..]
1004 Их печь без трубы затопили *(л. 17)*
1013 [Пошел] он улегся на голом полу
После 1024 [Еще он в дороге... в степях снеговых.
Друг друга они поздравляют...
Там несколько троек... и стража при них.
Коней они быстро меняют
И мчатся, не видя границы степей,
Не видя жилья по неделям...
Пустыня! Чем дальше, тем меньше людей,
Тем больше простора метелям.
Всё мертво — лишь волк иногда пробежит
Да каркнет голодная птица,
Метель их усталые очи слепит
И колет их бледные лица.
То горы и башни, то город большой
Дразня их, рисует миражи...
Чу! Крик оглашает дорогу: «Постой
Нет сил!» Но суровые стражи *(л. 17 об.)*
Не внемлют: им велено ехать скорей
И едут — нигде не ночуют
И сами неистово хлещут коней
И страшно возницу бичуют...]
1048 «Боярыня ждут серебрянки»
1051 Сибирь [высылает] богатство свое
1056 В [трактире] сижу [ожидаю]... *(л. 18)*
1086 [Вдруг слышится] звон колокольный
1089 *как в ЧА ИРЛИ*
1091 Всё было [безмолвно],— толпа не ушла...
(л. 18 об.)
1099 И голос священника чувством звучал
Вм. 1118—1120 Пропала дорога санная.
Когда началась перекладка вещей
Узнала я,— радость большая!—
Что Зина со мной уложила [1] рояль!
Укутав его осторожно,
Поехали дальше. Как было мне жаль,

---

[1] [отпустила]

Что тотчас играть невозможно! *(л. 19)*
1141—1142 Как горе и радость одна не живет:
Я утром в Нерчинск [1] прискакала
1145 Они [недалеко]! — я бросилась к ней *(л. 19 об.)*
1150 Чьи спутники — горе да [слезы]
1169 Найдем мы обиженных скорбных [людей]
1180 [Тернистую] нашу дорогу *(л. 20)*
1183 *как в ЧА ИРЛИ*
1200 Спросил: — По какому [вы] виду? *(л. 21 об.)*
1240 «[Еще бы]! Поют они славно!»
1249 *как в ЧА ИРЛИ (л. 21)*
1251 [Помедлите, внуки!] Хочу я сказать
1263 Вас в каторге самый [чин] не спасет!
1272 [Работу] они исполняли.
1275—1276 «Покушай! Горячий, сейчас из [огня]!»
[Да, внуки,] картофель печеный!
1281 Спасибо!.. Считали свой труд [ни за что] *(л. 21 об.)*
1291 Уступами шел он; тепло было в нем
1317 На свет! Я увидела свет впереди... *(л. 22)*
1321 Огонь!.. Что есть мочи бегу на огонь
1346 *как в ЧА ИРЛИ (вариант б.) (л. 22 об.)*
1366 *как в ЧА ИРЛИ (вариант б.)*
1373 [Бранился, грозил, горячился...] Но мы *(л. 23)*
1390—1392 Какая отвага!.. Видала
Я тут драгоценные [2] глыбы руды
И цельные [3] слитки металла
1395 Я чуть не упала, [рванулась] вперед *(л. 23 об.)*
Вм. 1405—1406 *несколько точек (л. 24 об.)*
1407—1408 *зачеркнуты*
1421 И с криком «иду!» я [помчалась] бегом *(л. 24)*
1433 *как в ЧА ИРЛИ*
1453 Вдруг снизу донесся [настойчивый] крик *(л. 24 об.)*

Варианты наброска ЦГАЛИ (ст. 293—320)

294—295 Я [тихо] припав к его груди
Рыдала... Он обнял меня и [сказал]
314 *(Покуда мне жить не наскучит)».*

---

[1] [Иркутск]
[2] [преогромные]
[3] [целые]

Варианты копии главы IV ИРЛИ

651 *как в ЧА ИРЛИ* [1]
663 Поэт В... стансы ей пел
691 В салонах [еще] повторялась
699 Вся двинулась [старая] наша родня [2]
771 У ног его море, вдали Чатырдаг
814—816 Пернатый певец к кипарису...
С тех пор кипарис сиротою стоял
С ветвями поникшими книзу [3]
842—843 *как в ЧА ИРЛИ*
853 «Да, верно! недолго вам горе терпеть
884 Как [было] сдержать это слово?..
897 Черты неподвижных [угрюмых] старух
После 908 Мне утром родные далеких друзей
Так много посылок прислали,
Что не было места в кибитке моей
Другую мы наскоро взяли
И тут же людей я себе наняла...
Последнее было прощанье,
Последняя, внуки, разлука была...
Бог милостив, будет свиданье!..[4]

Варианты прижизненных изданий (ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)

Заглавие Русские женщины

II

Княгиня М. Н. Вол-ская

(Бабушкины записки) *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

108 Вол-ский! Его ты видала *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*
118 С Сергеем Вол-ским стояла *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

---

[1] *Ниже на полях помета А. С. Суворина, относящаяся к подчеркнутому им слову «новелл» в ст. 661 («Она нам оставила книгу новелл»):* Не нравится мне это иностранное слово.

[2] *Ниже на полях помета А. С. Суворина, относящаяся к подчеркнутому им слову «ботинки» в ст. 753—754 («И Пушкин смотрел... и смеялся, что я Ботинки мои промочила»):* Тоже нахожу, что это слово бьет несколько по уху.

[3] *Рядом на полях помета А. С. Суворина:* Свойство кипариса, как и пирамидального тополя, иметь ветви всегда кверху.

[4] *Рядом на полях помета А. С. Суворина:* Подробность малоинтересная и, кажется, вредящая общей нити этой главы.

223 Готовя несчастье отчизне своей *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

233—234 Как нежно он бедную дочь утешал!
Я горько Сергея винила *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5)*

261—264 *строка точек (ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

Вм. 341—345 Но сделать они ничего не могли... *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

353 *как в ЧА ИРЛИ (ОЗ)*

529—536 *строка точек (ОЗ)*

562 Сестра моя К... О... *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

565—567 Он полон был теплым участьем ко мне,
К судьбе моей горькой! Сначала
Сказал государь о суровой стране *(ОЗ)*

721 Тут были О-ский, В-ий; был *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5)*

869—872 *строка точек (ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

948 *как в НР ИРЛИ (вариант б.) (ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

1171 *строка точек (ОЗ)*

1171 Мы кротостью нашей смягчим... *(Ст 1873, ч. 5, VI)*

1341 Вол-ская! вдруг закричал Т-кой *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5)*

1345—1346 *две строки точек (ОЗ)*

1345—1346 С-ей Т-ой, А-н М-ев,
Д-в и кн. О-ий *(Ст 1873, ч. 5)*

1359—1360 *две строки точек (ОЗ, Ст 1873, ч. 5)*

1362 Утешила я Т-го *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5)*

1399 Сказал Т-ой, чтоб на горе нам всем *(ОЗ, Ст 1873, ч. 5)*

1404—1408 *отсутствуют (ОЗ, Ст 1873, ч. 5, VI)*

Заметки к продолжению поэмы ГБЛ

О БЕЧАСНОМ АНЕКДОТЫ

Со стеклом. Ухаживал за Вол<конской> долго и обнаруживал неловк<ость>.

Чуть не утонул в Иногде.

Однаж<ды> шел Бечас<ный>
По жерд<очке> опасной,
Спот<кнулся> и упал,

Прямо в грязь попал.
Ах, бед<ный> Бечасн<ый>,
Нес<частный>, злосчастный!

Разводил пиявок — забыл, что в эт<ом> месте их разводит, стал купаться, и пиявки его облепили.

В Иногде — раки. (л. 3)

Зуб. Арт<амон> Муравьев.

Золоченый нос — химик Ватковский.

Бестужев.

Живопись Бестужева — <*пни?*>.

Это Иван Иванович.

Зубы *Волконского.*

Ездили в небольшой лес, где укрывались беглые — <те> прятались, чтоб не испугать детей.

Айок — в 35 верстах от Иркутска. Урик,[1] Усь-Куда, Камчатник. Конокрад Харламов — не крал у ссыльн<ых>.

Урик — дорога.

Не ездите прямой дорогой. Там засел Харламов (это был он сам). Пели или веселое или печальное. *(л. 3 об.)*

Конспективные записи ИРЛИ

Матвей Иванович Муравьев.
Свистунов.
Беляев.
Наталья Григорьевна. Муравьева.
О записках Лорера.
Завалишин.

Никитушка у частокола.

Апра —

План продолжения поэмы ГБЛ

Пролог. Странницы.

Гл. 1-ая. Смерть стучится в нашу тюрьму. Она угрожает отнять у нас самый лучший перл — эту великодушную

---

[1] *Над словом:* Урик — *помета:* Мур<авьевы>

женщину и пр. Чем тоньше натура, тем менее может выдержать. Удивительно еще, как все они не умерли, как вспомнишь, что они терпят и терпели.

Гл. II-ая. Не говоря о муках физических. В 1-е время они буквально голодали, когда не было сообщения с родными. Сами мыли белье, пекли хлебы и пр. Нет, муки нравственные (случай по поводу Рика).

Гл. III. А этот случай! Столько ужаса! (Случай с Волконской, разбойник.)

Гл. IV. А этот случай с Муравьевой, когда к ней пристал пьяный офицер. Какие последствия его могли быть. Сколько подумалось. Ей стало казаться, что у нее отнимут мужа, когда она осмыслила последствия.

Гл. V. И вот приезжает курьер и разносит слух, что он приехал кого-то увезти в Петербург для новых допросов. Кого? Ужас.

Еще глава: а нервы уже надорваны; разве легко было перенести всё это: аресты мужей (Муравьева плавала в лодке у крепости), долгий путь сюда и пр. и пр.

Гл. VI. Жизнь входит несколько в условные рамы. Утром их ведут на работу; 2 раза в неделю свиданья; все выбегают, чтобы встретиться, они сами открывают ставни; бродят у места работ; провожают издали, когда возвращаются. Садятся у ограды; по звуку цепей узнают приближение; потом долго не могли привыкнуть, как сняли цепи; разговоры через частокол. В 9-ть запирают их; в праздник пение и т. д. (Пение арестантов: Воля ты и пр.)

Гл. VII. Переезд в Петровск и описание жизни там, сначала ужас от темноты тюрьмы и т. д. Потом сравнительное удобство. Только беспокоили иногда приезды ревизоров да был случай (не сюда ли то, что означено под цифрой V?)

Гл. VIII. Но самая жизнь: беспрестанное перебегание из тюрьмы домой и обратно и пр. Стычки с комендантом. Мысль о покинутых в России детях и т. д. и т. д.

Гл. IX. В один-то из таких дней Муравьева простудилась. Доктор Вульф и пр. Работа. Если зовут к больному, садится в телегу и едет. Больница. Аптека. Гроб. Живой мост. Погребение. Лампада неугасимая.

Не за танцы, не за шпоры, не за светские манеры полюбила она своего Никитушку. Он был серьезен и пр. Карамзин и т. д.

Запись неосуществленного замысла произведения о декабристе ИРЛИ

Встреча возвращающегося декабриста и нового сосланного.

СОВРЕМЕННИКИ

(С. 187)

Наброски, заметки ЦГАЛИ

Черновой автограф

Словно за шествием старых [сенаторов]
Выбежал школьников рой

Тип новейшей добродетели
Не изменил — и один

Элементы чиновные
Плутократы *(л. 3 об.)*

Всё что думаешь ты знаю я
То же думал прежде я
Что глядишь на нас с иронией?

[Стыжусь одного
Что управляя в России ломбардами
Не обладаю доднесь миллиардами]

Честью прославиться тут мудрено
Возможно одно
Начни смеяться над вс<ем>, вс<ем>
И над собой в том числе

Сидели милые четыре
И лили золото рекой *(л. 5)*

Если судить нас суди соразмерно
С тем аппетитом

В мире господствуют средние люди

Биржевые барометры
Поджоги, фал<ьшивый> завод
Фон Дервиз Мекк

Белый ворон
Дворец в Ницце

Хвастуны *(л. 5 об.)*

То-то добрые добрые души
Стали ей адвокатские куши
Поперек горла *(л. 7)*

Что им куши адвокатские
Что нимбы министерские
Ухищрения адские
Предприятия дерзкие

Ротшильд — идеал
Фон Дервиз
Мекк
Фран<ция> во 2 империи в последнюю войну.
Кр<ымкая> камп<ания>. Фальшивые ассигнации. Быки, полушубки.

Кн. Ухтомский
Овсянников
Кокорев
Австрийский рефюжье
Гомерические куши
Миллионные дела

Есть и лучше дело в мире

Вот верен<ица> м<оих> со<временников><?>

Орошение
Как 17 тысяч *(л. 7 об.)*

Шерсть из свиней
Свиньи с цифрой 8-мь синей краской

Ходят овцы роняют руно

Птички по волокну собирают и пос<мотри> какие теплые гнезда

Самуил
Этих людей против ведет

С великорусским пошибом

Светил им Карамзин
Празднование сверш<илось> — трое малюток

Незаконнорожденные
Делец — дал делам комиссии блестящий оборот
Смолокурение
Кони
Всё о страсти пел
Промышленность *(л. 10)*

Расхищения без меры
И аппетиты без конца

Даже божии стихии

То мосты спалит
Громоносная стрел<а>

Ураганы, вихри, штормы
Суслики, жучки, мухи
Божий гром
Град, засуха, саранча

Даже страхование во вред — богатый застрахует и спокойно смотрит на развитие пожара... а бедняк что сделает. Последствия: богач получил свои деньги, а местность опустошена.

Дома валятся.

Даже почва провалилась кое-где *(л. 12)*
Провалился зем<ельный> надел.

Особая флотилия
Инспекторский надзор

Погодите, погодите изменять проекты ваша новая затея прежде чем она начнет пр<иносить> пользу народу потребует расхода, нового налога, а их и так мн<ого> *(л. 19)*

Дела мало, рук свободных
Много — тот же самый тип
Благорадетелей народных *(л. 19 об.)*

Вопль генер<ал>-адъют<анта> голос тупого отчаяния и безнадежности имеет чин быть ко двору, но жизнь идет мимо и т. д.

Ламанский
Под порф<ирою> банка
Помещение залога
Все к одному источнику — к Л<аманскому>

Харчи

Потому что были в ней
Спазмы горести глубокой
Беспредельной

Широкий план какого-то проекта
Зацепе он простр<анно> излагал

Зацепа — корнет, губернский предводитель. История с женой и пистолет. Убийство. Монастырь и намер<ение> идти в монахи. Откупа. Поездка в Иерусалим. Жизнь в Петер<бурге>. Акционер<ная> горячка. Лев проснулся — загорелись глаза на миллионы. Первые потери. Русская сметка взяла свое. Опять богатство. Разгар плутократической деятельности. Сцена с сыном. Ссора и разрыв. Сын уезжает доучиваться в Дерпт. Деньги отсылает отцу обратно. Продолжение спекуляций. Телеграмма о сыне. Письмо, объясняющее телеграмму. Настоящий пир. *(л. 20)*

Взять «Записки еврея»
Жиды в литературе
Симеон Богоприимец
Йуда Кесарийский
Овсянников
Люди, стоящие на страже каждой мысли

Лишь бы дали субсидию — общ<еству>
Градобитие. Спросить у Еракова о кн. Ухтомском
Корабль, завод —
Не забыть вельмож и т. п.
Ост<авить> в итоге не у дел
Словом удочек наставили
Верш мереж затонов
Где-нибудь авось и клюнет

Колоссальные казармы для войск — по поводу воинской реформы.

Дом Лохвицкого — для гаваньских жителей под видом благотворительности

Неудача — их убирают

Если же — чем не шутит черт
Страхованье — грех

Не всё ли равно сидеть на стуле, на котором положена печать,— весел<ый>, неб<ольшого> р<осту>, крепкий, из поповичей, спец<иалист по> механике *(л. 23)*

Если ранят человека (медицинский факт) умирая он смеется.

Так и мы.

Когда из человека кишки тянут, то <он> умирает и смеется (факт медицинский). Так мы относительно этих дел.

Может быть ты будешь Крезом
Может, <жизни?> ты пойдешь
Все

Простроить — болезнь — честный человек, по несчаст<ному> воображению.

В Любани — металлический завод, где ни трубы, ни железа.

Снял котел от пивоваренного завода — тогда пользуется правом беспошлинного железа, которое продает раньше, чем оно дойдет до места. *(л. 24)*

Ружья, рельсы
Финляндский обогатился
Дорогам рельсы дал

Войскам <оружие?>
Возвел мор<скую> силу
И на <------->,
Такую речь сказал
Что не венок, а <--->
Положат на могилу
Поповки
Путилов

Заверни голову курице.

Живо по ходу в одурении и пос<мотри> на других рассуждение<видимо?> так не может. Так поступил с публикой, завернул голову. *(л. 27)*

Промышленность (из Сибири, Урала, рудников)
Машиностроение *(л. 27 об.)*
У новейших поколений
Совершился на глазах
Если к ним прибавим
Из других классов *(л. 28 об.)*

Сводная рукопись

[Русскую удаль, натуру широкую
Он любил

Многих растрогали песни бурлаков.
Господин играющий на бирже
Бурлацкая песня] *(л. 45)*

Наборная рукопись

[Художники-благотворители] *(л. 68 об.)*

Наброски, заметки ГБЛ

Пьян как лорд *(л. 4)*

Если б у них не было таких-то недостатков и проч.

Появление инженера со следствия о крушении = так, пустяки *(л. 9)*

История Полякова, как украл изыскания *(л. 10)*

Варшавский
Всегда во фраке
В белом галстуке
Всегда от министра
Почетный легион
Целуется
И сын его живет как цар
Постоянно лжет

Варгунин — сальный, толстый — на фр<анцузском> масле, сд<еланном> из сала.

Трубецкой Новоторжский, ужасно много сделал для России — добился, что ниоткуда не выгоняют,— построил ты дорогу в восемь верст, получил приличный...

Барон Пален — на Ревельской все бароны — кондукторы, начальники — держит себя высоко — исторической заслуги на лице печать.

Ревельский барон Унгер<н>-Штер<н>берг. Одесская дорога. Дал ход остз<ейцам>. Бар<он> поправил состояние.

Розенталь — крысоловка
Сост<авил> понятие — финансист
Генерал-фактор
Банк. И с которым вы банком наметили иметь дело с кем
Акции. Что вы сказали об акциях
Лопнул — шар
И скажи, какой торговый дом лопнул *(л. 15)*

Перечень эпизодов части 1 поэмы ЦГАЛИ

Сводная рукопись

Зала №

1 Администратор
2 Литератор
3 Гонитель литер<атуры> (портрет Магниц<кого>)
[7] 11 Заводчики

[8] 12 Литераторы-гробовскрыватели
[5] 13 Воины
[6] 9 Агрономы
4 «Жюдисты» (подарки)
[9] 14 Полицейский сыщик
[10] 6 Жид-процентщик — редактор
[11] 15 Благотворители. Марья Львовна
[12] 16 Гастрономы
[13] 8 [Подрядчики] Сенаторы
5 Новый губернатор
Зала № 13 [Сам автор]

7 Военный спор

Часть II
Зала № 14 [Герои времени]
10 Председатель казенной палаты

[Кончил эти 12 фигур 14 июня, в Карабихе. Начал сатиру 5-го мая, через три дня по смерти Кадошки. В мае написал много, особенно для 2 части.

Вчера привели <Сюрта?>] *(л. 33)*

Перечень эпизодов части 2 поэмы ГБЛ

Порядок:

1 Отложили на неделю
[Голос кн. Ив<ана>] (У нас был директор)
2 *Печать* и пр.
6 У нас был директор дороги

4 Вам поклонятся строители
8 Тысяч восемьдесят
3 Говорю помиритесь
[5 Два инженера]
7 Дай еще им пять бутылок
А Исаак-изыскатель
9 Дворяне
Инженер (кн. Ивана)
Профессора
Общая картина
Барон

Грош
Общая тишина. Ламанский
Рассказ о фон Дервизе
Путилов
Русская песня

Отложили на неделю
Печать
Помиритесь
Вам поклонятся стр<оители>
Дай еще им пять бут<ылок>
У нас был директор
Дворяне
Тысяч восемьдесят

[Отложили]
1 Тысяч 80
2 Отложили
[У нас был директор]
3 На ф<ранцузском> масле
4 Печать
[4] 5 Помиритесь
6 Вам дадут паи стр<оители>
7 У нас был директор
[На фр<анцузском> масле]
Два инженера
Дай еще 5 б<утылок>
Кн. Иван (Полякову)
Дворяне
Инженер (кн. Ив<ану>)
Профессора
Общая картина
Сановник
Барон
Грош
Ламанский
Кульков
Ф<он> Д<ер>виз
Путилов
Савва *(л. 16)*

Стихотворные фрагменты ЦГАЛИ

Черновой автограф и сводная рукопись

«Ну а с вами ли, Извеков,
Табакерка?» он спросил.
— Целых две — и книжка чеков! —
«Браво!..» Вот кто воскресил
Огорченного. Спросили
Карты, сдвинули столы
(Не табак — червонцы были
В табакерках).— Гни углы!
Загибай смелее на́ семь,
На пятнадцать — дурь пройдет!
«Дай-ка зельтерской, Герасим!
Двести мазу... фу! как бьет!»
И действительно Извеков
Очень счастливо метал:
Колотил жидов и греков,
Да и русским не спускал.

А грусть пришла — тогда играть
Вали на карту тысяч сорок,
Убил подлец! но мог и дать
Всё ж весел день — хотя и дорог.

Лоб высокий череп голый
Строен, с белой бородой
Замечательно веселый
Замечательно живой.

И под грудой сторублевок
Скрылись золотые реки
Сбыв наличность, немцы, греки
И евреи пишут чеки. *(л. 4 об.)*

Душеприказчика он должность исправлял
У состоятельных старушек
Как жук-могильщик трупы погребал
И приобрел изрядный кушик. *(л. 5)*

[— Здравствуй, умная головка!
Ты давно ль из чуждых стран?
Кстати, что твоя «поповка»,
Поплыла ли в океан?

— Плохо! дело не спорится,
Опыт толку не дает:
Всё кружится... кружится,
Всё кружится... не плывет...

— Это брат эмблема века,
Если толком разберешь
Нет в России человека,
С кем бы не было того ж!

Что-то каждому неловко,
В чем-то, где-то есть грешок
Мы кружимся как «поповка»,
А вперед — ни на вершок!] *(л. 9)*

Начнем с недавних крепостных.
Пусть я советовать не смею,
Но был бы рад, когда бы их
Из земства вытолкали в шею.
Пусть глас народа — божий глас,
Но все-таки мужик — скотина.
Представь картину: свинопас
И рядом правнук Гедемина!
Уж не затем ли завели
Такое грязное компанство,
Чтоб вши с крестьян переползли
На благородное дворянство? [1]

Теперь о воспитаньи... Я,
Конечно для мужского полу,
Завел бы милые друзья
Громадного размера школу
Одну военную и в ней

---

[1] [Или затем изобрели
Столь несовместное компанство
Чтоб вши с народа перешли
На благородное дворянство?]

Для надлежащей подготовки
Книг мало, много фухтелей
И сколько хочешь маршировки.
Покуда в школе нет имен
Под нумер<ом> известен всякий
Седьмой Иван, шестой Семен,
Сто девятнадцатый Акакий.
Родство забыто. Ни на ком
Покуда в школе — превосходства
Добейся шпаги с темляком
Она эмблема благородства.

Люби народ — но облагай
Что называется вплотную [1]
И тем разумно возбуждай
К труду энергию святую.
Вводить ли грамоту в народ [2]
Она не даст ему процентов,
Но неизбежно приведет
К подделке важных документов.[3] *(л. 13 и об.)*

Ба! угрюмая тихая личность!.. [4]
Как, зачем ты сюда забрался?..
Здесь возможна одна неприличность,
Или тоже кутить собрался?
Нет! не рад ты веселью и шуму,
Клонит сон... а не хочешь уйти.
Словно думаешь крепкую думу:
«Все друзья... на кого донести?»
Право, здесь разговор богомерзкий
Невозможен... уйди, старый волк!
Нет, дождешься ты выходки дерзкой
И исполнишь священный свой долг,
Донесешь... но поплачешь о друге...
Таково уже сердце твое:
Плачешь даже о жирной белуге,
Уплетая под хреном ее!.. *(л. 17 об.)*

---

[1] [Его оброками вплотную]
[2] [Не пичкай грамотой народ]
[3] *Далее следуют ст. 222—233 части 1 окончательной редакции.*
[4] [Ба! знакомая страшная личность!..]

На платиновой тарелке
Ей подносит миллион
И заводит о безделке
Разговор: иди ты вон!
Будет! пожили! довольно!
Все мы люди-человеки
Но граница есть всему

Начал жить с чужой женою
Выслал мужу добрый куш,
Славно нашему герою
Да и ей ответил муж.
Деньги он прислал обратно
При письме — я сам читал —
«Мне известие приятно,
Но зачем же капитал?
Я готов еще прибавить,
Что избавлен наконец».
Лучше точки здесь поставить...
Не польстился — молодец! *(л. 18)*

Старец несколько помятый,
В седине как в серебре
Человек он небогатый,
Да живет в большой игре
Целый век всё мечет, мечет
Да натура широка
Нет игры, так в чет и нечет
Спустит всё до пятака.
Нынче было денег куча,
Завтра по уши в долгах. [1]
Подойдет счастливый случай
И опять на рысаках
Так всю жизнь...

Понесет ли в день утраты
Или кончит барышом
Записавши результаты,
Всё равно — спит мертвым сном. *(л. 20 об.)*

---

[1] [Завтра гроша нет в долгах]

И струсив жался на диване
Подобно стерляди в лохани
Когда она свилась кольцом
И только дрыгает хвостом. *(л. 23)*

Он бранью сильно повредит
Но похвалой верней утопит:
С Крестовским Байрона сравнит,
    Шекспира охолопит. *(л. 24 об.)*

[№ 5

«...Четыре месяца ты был
Редактором газеты!!!
Твой голос слаб, твой взор уныл...
О правда! правда! где ты?..[1]
Пренебреги пристрастный суд!
За подвиг благородный [2]
Тебе страницу отведут
В истории народной!..»] *(л. 35 об.)*

[Зала №

— Послушайте — не много ль
Такое погребенье?
Не Пушкин же, не Гоголь
Леонтьев!..
        «Ваше мненье

Есть плод лицеприятья!
Не будьте слишком строги.
В Москве — свои понятья,
Свои герои, боги.

---

[1] [Твой голос слаб, твой вид уныл,
А юность, юность! где ты
Она ушла на честный труд
На подвиг благородный]

[2] [И смех толпы холодной] *(л. 27 об.)*

Московского Зевеса
Я там увидел снова:
Поверьте, наша пресса
Клевещет на Каткова.

Ужель у патриота
В основе убежденья
Тупая жажда гнета
И похоть истребленья?»] *(л. 49)*

[№ 5

«...С богом, с богом! торопитесь!
Там скучненько, говорят,
Что же делать? Потрудитесь!
Рано вам еще в Сенат.

Раза два катайтесь в зимку
До Москвы... близка Москва... [1]
Недоимку! недоимку!
Остальное — трын-трава!..»] *(л. 83)*

Варианты чернового автографа ЦГАЛИ

Часть первая

69—75 Честь тебе! До населенья
Добр и милостив ты был
Не довел до разоренья
Пищи, крова не лишил
Не простер широкой длани
На казенные леса *(л. 27 об.)*
82 *начато:* [Вдруг прижался]
98 Речь прочел любимец муз *(л. 24 об.)*
Вм. 121—124 «Прогнав чертей с болота
Ты гидру сокрушил,
а. Ты дело патриота
[Достойное свершил]
б. Ты делу патриота

---

[1] [Прокатиться можно в зимку,
Далеко ль от вас Москва?..] *(л. 45)*

Начало положил
Устрой теперь заставы...[1]
И надписи прибей...»
Исчезла сцена славы —
[Лакей] захлопнул дверь *(л. 27 об.)*
141 Ростом мал, колосс по брюху *(л. 28)*
218—221 В небитом засыпает честь
И страх без палки скоротечен
Пусть целый день <не> мог присесть
Солдат наш прежний,[2] весь иссечен *(л. 13 об.)*
304—324 [Новый шаг —]
Я вперед — и снова зала
Всё заводчики-тузы
[Путь твой был тернист]
Слышен голос:[3] ты сначала
Много выдержал[4] грозы
И скандальные рассказы
И шипенье клеветы...
а. Но казенные заказы
Долго был несчастлив ты
б. Есть казенные заказы
Да несчастные результаты
316—319 а. То-то их принять бы в прутья
То-то были бы орудья
Ты поранил из орудья
Только собственных людей
б. Ты теперь добыча судьям
Переранило орудьем
Только собственных людей
в. Удивить стальным орудьем
Думал ты весь божий свет
А попал ты в жертву судьям
Положенье хуже нет
После 324 *начато:* Нет, это не всё, позвольте
Прибавить слово *(л. 27 об.)*
326—327 а. И из комнаты обширной
Мертвечиной понесло *(л. 2 об.)*
б. *Начато:* И из комнаты роскошной *(л. 24 об.)*

---

[1] Устрой [еще заставу]
[2] [старый]
[3] [возглас]
[4] [видел]

329—350 В углах
Видны заступы, лопаты
Некто плотненький, в очках

Взяв во длань горе́ подъяту
Грязный листик, а другой
Опираясь на лопату
Возгласил [1] муж седой
а. *Начато:* Не Якуш<кин> ты не Пушкин
Но и ты наш Слепушкин
б. Отзывался часто Пушкин
Из могилы — певец
Отозвался и Слепушкин
Из-за гроба наконец
Грязный гаденький клочочек [2]
А какие перлы в нем
«Прочитай еще разочек!»
Закричали...— Мы начнем
С детства.[3] Видно, что в разъезды
Посылал его отец
Где другой считал бы звезды *(л. 1)*
351—353 Ну читай... Читает чтец:
На реке на Свири
Рыба как
370 а. [Тотчас что-то к делу пьяный]
б. [А Семевский] к делу рьяный
376 Сей черты натуры русской [4] *(л. 1 об.)*
Вм. 382—385 а. Прочитал... ура! России
Явим вновь труды свои *(л. 2)*
б. И оценит вся Россия
Наши честные труды
в. Вновь услуги для России
Явим вочию свои *(л. 2 об.)*
386—389 а. Предисловье в духе «Миши»
Можно будет написать *(л. 2)*
б. *Начато:* Да припомним слово
в. Жаль уж нет на свете «Миши»
То-то стал бы ликовать

---

[1] [Возглашает]
[2] [Грязный] [маленький] клочочек
[3] [детских пор]
[4] [Этот знак] натуры русской

Пощадили даже мыши
Эту чудную тетрадь...
г. Жаль уж нет на свете «Миши»
Провидения печать
Пощадили даже мыши
Драгоценную тетрадь... *(л. 2 об.)*
392 И Ефремов загрустит
395—396 — Браво! Царь ты русской прессы
Хоть и служишь [честно нам] *(л. 2)*
417 Это тип гробовскрывателей *(л. 24 об.)*
После 553 *начато:* И с особенной заботой
Сам хозяин произнес
И [печатные] с портретами меню
И с невиданным каким-то
554—577 Роскошь...[1] Лица все знакомы
[Очень жирная семья]
Мир вам, жирные друзья!
Это наши «гастрономы»
Благодушная семья
Круг интимный прочный близкий
Тише! слышен страстный спор
Над какою-то сосиской
Произносят приговор!
[Поросенку баллы ставят]
Тычут градусник в бокалы
Оценив мускат-де-неж
Поросенку ставят баллы
Жирен×5; 4× свеж

Как? четыре ветчине!..
И поссорились за баллы...
Вредно ссориться друзья!
Процветайте, объедалы!
Скоро к вам прийду и я.
[Буду кушать плотно, жирно] *(л. 9 об.)*

Часть вторая

106—107 Тут были стяжатели средней руки:
Дворяне, менялы, купцы-кулаки...
109 Упавшие в [бездну] долгов *(л. 6)*

---

[1] [Зала...]

После 109 *начато:* В государственных актах, в реляциях
Но практичные ваши сыны
Им милей его видеть на акциях
(Даже павших до трети цены). *(л. 22 об.)*
110—113 То имя, что деды вносили в скрижали
Упорной и славной войны
На акциях внуки красиво писали
Не стоящих трети цены
После 113 [Сидели тут люди с влиянием, с весом
Служившие честно чужим интересам]
120—122 а. *Начато:* [Затем тут сидели рядком] иноземцы
б. Сидели тут важно тузы-иноземцы
Остзейские,[1] русские, прусские немцы
Евреи и греки и много иных
126 Кончались фамилии их *(л. 4)*
После 126 а. В этом обществе дельцов
Где что личность то наречие
Очень ценно красноречие *(л. 3)*
б. *Начато:* С запасом нахальства, в сознании силы
[Тут гордо сидели] дельцы-воротилы
[И было тут]
Сидели тут также дельцы-воротилы
(В кругу, где без точности мат
Где смешаны так племена и наречья
В цене и почете дары красноречья,
Уменье писать обстоятельно — клад).
Тут были агенты из Лондона, Вены
Тут были купцы с Енисея и Лены
Стяжателей средней руки
Тут целые были полки.
И вот председатель открыл заседанье
Один из дельцов *(л. 4)*
К 143—156 Ее произнес, а — верней: прочитал
Один из известных столичных менял:

О новых походах на наши карманы
Я слышал менял остроумные планы
К 147—157 Затихло собранье —
Нынче дело железнодорожное
Но вернее чем дело дорожное

---

[1] [Австрийские]

Чем заполняются банки
Много было попыток на акциях
В нашей скромной меняльной среде

Обещает оно неисчислимый [1] верный барыш
Время вывесть на поприще новое
Дело акций —
В чем оно я скажу в двух словах
Мысль *(л. 6)*

К огорченью развратом торгующих
Бессердечных бесс<тыдных> старух *(л. 5)*

Горе нам — затянули старухи,
Сгибнем мы как осенние мухи *(л. 4)*
К 154—156 Что новый проект предложило правл<енье>
Что пишется новый устав *(л. 6)*
К 157—158 Мысль «Центрального дома терпимости»
Гениальная мысль! Уж давно
Время город проветрить и вымести.
Зло ужаснее, если оно,
Так сказать, повсеместно раскидано. *(л. 5)*
К 161—164 Отношение к делу серьезное
Мы развитье дадим *(л. 6 об.)*
175—176 *начато:* А уж сколько тут пользы общественной *(л. 6)*
177 Без надзора внимательно честного *(л. 6 об.)*
К 179—180 Мы возьмем адвоката известного
Для разбора процессов и драк
Для надзора
Для успехов морали общества
И компании пользы вещественной
После 180 Мм. гг.
Надо будет вниманье прилежное
К пропаганде его приложить
Скажем так: если зло неизбежное
Всё в центральном депо совместить
Упростится за ним наблюдение *(л. 6)*
182—184 *начато:* Мы надежных найдем охранителей

---

[1] *Незачеркнутый вариант:* немысли<мый>

В нашей скр<омной> м<еняльной> среде
Я бы думал в руках учредителей *(л. 6 об.)*
198—204 Пролагатели новых путей
Предрекатели дальних событий
Начинатели новых открытий
Побиваются грудой камней —
Стой на страже текущего времени
Но не суйся вперед наобум
Раньше двинув вперед спекуляцию [1]
Чем ее узаконит прогресс [2]
Потерял он навек репутацию
И в долги неоплатные влез *(л. 7)*
205—208 Очень быстро пр<огресс> подвигается
Что сегодня опас<ным> считается
Завтра явится делом пустым.

Ум конечно хорошее дело
Но опасен избыток ума *(л. 16)*
Вм. 217—219 *начато:* Как видит всё нервы да нервы усталый
Горячечный спящий игрок

Мне грезились тосты, обеды, бокалы
Мне грезились речи и спичей поток *(л. 8)*
221—222 Словно гром ударил в уши
Я проснулся,— в зале мгла...
239 Выпьем Ицко! будем братьями
241—242 Кто-то низко клонит [3] голову *(л. 8)*
Кто-то мимо льет вино *(л. 5 об.)*
258 а. И колорит его был страшен
б. И разговор был просто страшен *(л. 22)*
После 260 *начато:* [Такой до слуха моего
Вопрос директора Кастраки]
262 Ты Гинзбургу подсыпал яду *(л. 5)*
После 262 Так остроумно [4] веселясь
Одни смеялись до упаду
Другие пили мрачно.[5] Хор
Льстецов «герою из народа»

---

[1] [предприятие]
[2] Чем [прогресс] узаконит [ее]
[3] [свесил]
[4] [откров<енно>]
[5] [молча] *(л. 22)*

Кадил отчаянно, в упор
И лесть была такого рода: [1] *(л. 11 об.)*
515—518 а. [Протирая очки свои синие
Выводил ему некто в звездах
Вы такие построили линии
Что прославитесь в поздних веках] *(л. 7)*
б. — А какие вы создали линии
— Вы прославитесь в поздних веках
Протирая очки свои синие
Заключил некто важный в звездах *(л. 11 об.)*
518 Заключил предводитель льстецов *(л. 22)*
523—527 «Будто? Вот как! Скажите! Неужели?
Говорил [2] осовевший герой
а. Мы однако так много покушали
б. Мы однако так пили и кушали
Что пора господа и домой...»
И вскочили рабы его верные *(л. 11 об.)*
К 529—554 Соль коммер<ческого> мира
Дело поняли они
Из глупца создай кумира
Оставайся сам в тени.
Наш патрон на том помешан,
Что он русский мужичок,[3]
Он жетонами обвешан,
Как шаман, с румяных [4] щек
Пышет силой и здоровьем.

Нам не нужно ни поклонов
Ни жетонов, ни речей,
Колокольных этих звонов,
Телеграмм и стерлядей...
Это просто наша вывеска

Это значит в море бросили
Мы патрона своего.

---

[1] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 515—554 части 2 окончательной редакции.*
[2] [Отвечал]
[3] [человек]
[4] [здоровых]

Как вопьются раки жирные
В тело белое его
Оборвем мы их скорехонько
Время выждем — и опять
В море, в море друга милого
И опять добычу рвать!

Хорошо мы время поняли
Отвечают мне они
Дурака на сцену выдвинув
Мы скрываемся в тени
Дело первое удачное *(л. 11)*
Вм. 532 [Грудь открыта для будущих звезд][1] *(л. 7)*
К 299—306 [А! господин инженер!
Правда ли: вы не хотите
Предупредительных мер?
Правда ли: вы говорите —]
311 Справа дороги возвесть *(л. 10)*
327—333 Нет, уступят нам строители[2]
Я готов держать пари
На тысчонку...[3] Не хотите ли?
— В чем же дело, говори!
а. Это путь из самых прибыльных
Но... [в минуту] [захочем] [хотите?] разобьем
Об обмене мыслей гибельных
Тонко речи поведем
б. Это путь из самых прибыльных
Но опасен <хлебный?> путь
Об обмене мыслей гибельных
Стоит только намекнуть
334—338 [Что... Смекаете теперь?]
Верно! Малый ты практический
Как пари не заплатить!
[Да![4] С идеей политической
Сохрани господь шутить!] *(л. 9)*
404 [В Петербурге] такое есть здание

---

[1] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 263—1328 части 2 окончательной редакции.*
[2] [Нам дадут паи]
[3] [сто тысяч]
[4] [Так!]

410 а. [Я советую больше молчать]
б. (Я по счастию больше молчал)
416 Непотребных каких-то картин *(л. 3 об.)*
451—454 Дети дрались, а отцы-старики
Глиняные пули
Ставили в полки *(л. 16)*
Вм. 603—606 Другие спали. Кто-то пел
«Об укрощенном генерале»
Подслушать песню я успел
(Быть может, вы ее слыхали): *(л. 8)*
615—618 Инженерный генерал
Взяв по гривне со́ ста
Нам пискливо отвечал
«Это очень просто...» *(л. 11 об.)*
Вм. 647—648 Что в провинции. Да то же
Земство дремлет, нет дорог
651 Туз не первого разбора
После 654 Хоть трудись в ярме железном
Хоть подохни ты в борьбе
Нету средства быть полезным.
Ни народу, ни себе.
658 Предлагает четвертак *(л. 12)*
665—666 То на севере России
То на юге ураган
669 Земство деньги отбирает
После 670 Мужички смиренно [1] добры
Хлеб жуют из отрубей
И у них наружу ребры
И у бедных лошадей.
672 То-то бедный ошалел *(л. 17 об.)*
676 Стародавние права
После 678 Где мечтал я мой наследник
Будет стражем и судьей
Там свиреп<ствует> посредник
И кантует волостной
После 686 *начато:* Сады. Покривились наши дома.
Повалились сады *(л. 12)*
Перед 711 Да мы много толков слышим
Но привесть всего нельзя
Мы сатиру нашу пишем

---

[1] [степенно]

По поверхности скользя
К 711—714 Дышит скукою смертельной
Дворянин многоземельный
Добивающийся
Нам приятней дворянин
Примирившийся с судьбой
Хвастливость *(л. 17)*
789—790 И прыгнул с обсерватории
В биржевые маклера *(л. 28)*
791—792 То москвич — родоначальник
Новой фракции дельцов
Вм. 799—862 В старину младое племя
Брало с Дроздика пример,
А теперь иное время —
Нищий стал миллионер!
Спекуляторские штуки
Ловко двигает вперед
При содействии науки
Консерватор-патриот.
Нынче счету [1] нет артистам
Что вослед ему пошли,
И на помощь аферистам
Силу знанья принесли.
Кесарийский, Енисейский
Впрочем кто их перечтет?
Вместе с ратию еврейской
Не забудет их народ! *(л. 14)*
Вм. 819—822 На струне патриотической
Поиграет мастерски *(л. 3 об.)*
После 866 *начато:* Оросить ли осушить ли
Цель народ *(л. 17)*
867—878 Так сказать стоят на страже
Государственных идей
Нет еще идеи даже
Есть один намек о ней —
Закипает пропаганда
Начинается война
Кто за Шмита, кто за Странда
И — печать увлечена. *(л. 19 об.)*
888—891 Колоссальная затея

[1] [множество]

Удалась — набит карман
А гуманная идея
Отошла на пятый план *(л. 23)*
892—895 Лишь сказалися в итоге
Эти барыши
Лишним грошиком в налоге
С податной <души> *(л. 17)*
912—915 Да! постигла и Россия
Тайну века[1] наконец!
Тайна века[1] — Гарантия,
А Субсидия — венец! *(л. 14 об.)*
922—927 Пусть идут на поклоненье
К ним: ученый и герой
Пусть идут израильтяне
И австрийские дельцы
И российские дворяне
И тамбовские скопцы... *(л. 13 об.)*
980—981 То головкою кивает
То хихикает и врет
986 [Тут как тут] — на всяком месте
990 По рукам [поспешно] хлопнул
Против 990—993 *начато:* Достать
Денег важным
Втереть взятку
997—1001 Нет аферы без него —
Это высшего разряда
Фактор — гений наших дней
Телеграфов с ним не надо
Ни печатных новостей
К 1022—1023 У знаменитых — дочь
Карьеру начал с лакеев
Разваливающиеся дома
Вм. 1030—1031 Уловляет словно бреднем
Очень крупных карасей
Пресмыкаясь по передним
Государственных людей. *(л. 16)*
1044 Шаренгорст пред ним склонился *(л. 15)*
1048—1050 Кто-то этого магната
С курочкой сравнил,
Нет вернее аттестации[2] *(л. 23)*

[1] [жизни]
[2] *Перед этими строками помета:* Ламанский

1062 — Напугался проекта Тупицына
После 1065 *начато:* [Ха! ха! ха! Блудлив как кошка
И как заяц трусоват
Посидев еще немножко
Он ушел... Я был бы рад
Передать —]
1066—1068 *начато:* А затем неизвестность полнейшая!
[Потому что] беседа дальнейшая
[Полушепотом шла]
[Очень скоро покончив дела]
После 1078 [С Л<аманским> ушел Варгунин] *(л. 15)*
1079—1082 Юный, краснолицый
Появился Пьер Сущов
Был он долго за границей
По делам тузов-дельцов *(л. 15 об.)*
После 1082 Здесь привлек вниманье братьев
Не беспошлинный провоз
Идеалы плутократий
Так сказать апофеоз
Вм. 1085—1090 Славны бубны за горами
Счастлив Дервиз издали
Он порвал все связи с нами
Он увез свои рубли.
К 1103—1130 Чудные расскказы
О чудесной вилле
Он даже популярен
Он в Севилье
Слышу толки
Пафос
Идеал
Я посетил его
Так сказать в атмосфере
К нему ездил Петр Долгоруков
И все
К 1127—1129 Так он живет в прекрасном мире звуков
Слышал двести т<ысяч> платит
за оркестр
И — устроив род престола
Слушает один трона
И в огромном зале *соло*
Седалище
К 1141—1146 Почему вельможи наши
Посещая те края

К 1147—1156 Жизнь его не жизнь а мука
У него есть в сердце рана
Непонятная для нас
Извращение такое
Что такое
Что руками разведешь
Рабство скуки и богатства
И особенных страданий
Жертвой сделался старик
С императором французов
Он согласия добился
1159—1162 О развенчанном герое
Удивит<ельный> пассаж
Плачут в мире только трое
Мать и сын да *Дервиз* наш! [1]
1163—1165 а. Пожалей о бедном публика
Где купить высокий сан
Уж в Италии республика
б. Рассуди честная публика
Чем тут <тешить?> <спесь?> свою
Да есть нечто лучше рублик <ов> *(л. 18)*
1180 Мысль не дремлет иногда
К 1181—1186 От Кронштад<т>а мели, мели...
Я бы вам провел канал
К Черной речке
1183 Остальные планы к черту!
1185 Смело к порту строй дорогу
1187—1190 а. Все ладьи вагон и барка
И корабль сюда придут
б. Как маяк горящий ярко
Будет порт мой на пути [2]
Все: ладьи, вагон и барки
И корабль сюда иди
Нагружайся, разгружайся *(л. 16 об.)*
К 1214—1216 Прор<убил> П<етр> Велик<ий>
К окошку — приделывая дом *(л. 24)*
К 1241—1248 Эполеты, шитые мундиры
Офицерство шта<т>ские чины
Тянут лихо видно что не слабы
Роела здоровая толпа

---

[1] [твой]
[2] [Будет этот порт в пути]

С деревянной ложкою у шляпы
И с железным гребнем у пупа
Каждый в красной шелковой рубахе *(л. 19)*

Эпилог

К 1—12 Ударив о землю бокал
И на груди скрестивши руки
О чем я был и чем я стал
Раз<дался> голос полный муки

В грудь себя он бил и слезы
По щекам его текли *(л. 5 об.)*
17—20 *начато:* Ты
Уподобясь той гетере
Что на склоне блудных дней
Разревелась о потере
Добродетели своей
48 Донос убийство и поджог *(л. 20 об.)*
После 87 Зацепин *(задумчиво)* *(л. 25 об.)*
К 124—131 Ну Енисейский допился
Опять до самобичеванья
Не остановишь в полчаса
— Молчите подлые созданья!
226—228 Сорвалось — не пропадем
Мы до Кроншта<д>та на катере
Там на корабль — под крыло
К нашей финансовой матери
Вм. 233—234 [Откажись от всяких] уз!
[Поступай в наш] процветающий
Вм. 259—264 Темные пятна души изувеченной
Нам безрассудно скрывать
Неисчислимы орудья клеймящие!
Если они [1] не коснулись кого
Это не Руси сыны настоящие
Это уроды! Стыжусь одного,
Что догадался об этом лишь ныне я,
Что бестолковою злобой пылал,
Что я народу в порыве уныния
Слово укора послал...
293 Вот истинно коммерческая честь *(л. 3 об.)*

---

[1] [чего]

После 293 а. *Начато:* Как воспитатель на ученика
Как на сына мать любуется
Любовался на него *(л. 20)*
б. И внимали предстоящие
Эти ужас наводящие
Нагло-умные слова
И полны благоговением
[К председателю правления
Говорили: голова!]
Повторяли с восхищением
«Золотая голова!» *(л. 5)*
302—305 Но гораздо вероятнее
Что его карьера ждет
а. [Несравненно деликатнее]
[Это русский патриот]
[Деньги, счастье и почет]
б. Деликатнее, опрятнее
Как малиновка поет
После 305 а. *Начато:* Ты родителя утешил
Убеждать акционеров
Красноречием таким
б. Вот кого с акционерами
Разговаривать пошлем
Отуманив их химерами
Ослепив своим умом
Он докажет исторически
Им теории свои
И применит их <практически>
Надо дать <ему паи> [1] *(л. 3 об.)*

Савва *(хлопочет около Зацепы. Говорит вполголоса) (л. 29)*

314—315 Послушай! У тебя есть сын
Узнает...[2] У меня нет сына *(л. 21)*
319 а. [И желт и тих] в хандре глубокой
б. Угрюм и [желт] в хандре глубокой
326—339 Смолоду Гриша был ротмистр лихой
а. [Был он потом] [3] предводитель дворянства

---

[1] *Край листа поврежден.*
[2] *Начато:* [Что скаж<ет>]
[3] *Начато:* [Он]

б. Дальше — лихой предводитель дворянства
Дальше — воронежский туз откупной
[Нажил мильоны с] народного пьянства *(л. 29)*
Откуп решили. Богач [1] не хотел *(л. 30)*
Праздно сидеть на своих миллионах
И провалился — по новости дел...
[Связи одни в министерствах, в салонах
Грише остались — он их закрепил]
Многие так провалились вначале...
[Стал он на бирже играть на остатки
И тороватее прежнего жил] *(л. 29)*
а. Бывший гусар зарядив пистолет,
Разом на бирже сыграл на остатки,—
Вывезло счастье, уверовал свет
В гений Зацепы... Усвоив порядки
Новой эпохи, гусар не дремал
Сам без ошибки на бирже играя
б. Бывший гусар зарядив пистолет,
Дерзко на бирже сыграл на остатки,—
В гений гусара уверовал свет,
Вывезло счастье! Усвоив порядки
Новой эпохи — и он не дремал
С редкой удачей на бирже играя
337 [Новая форма связей и взятки]
В гений Зацепы... Похерены взятки *(л. 30)*
К 342—344 а. [Гриша отверг устаревшие взятки
Деньги «свободные» взять у друзей...]
б. [Было у Гриши немало связей
Сеть он раскинул широко и верно
Деньги свободные брал у друзей
И возвращал] *(л. 29)*
Вм. 346—349 [Каждое дело к Зацепе стремилось,—
а. [В каждое дело просили войти —]
б. Стало ему постоянно везти *(л. 30)*
в. Где он не в доле — не будет пути!
Даже о нем поговорка сложилась
«Ключ ко всему у Зацепы в горсти...»]
После 349 [Был у Зацепы единственный сын]
После 352 [В сильной тревоге отцу говорит
И разразилась семейная сцена
Сыну родитель изгнаньем грозит]

---

[1] [Гусар]

354 Сыплет вопросы смутился отец
358—360 Там он [учился, уроки давал]
Письма и деньги отцу возвращая
Втайне Зацепа [1] о нем тосковал
После 360 Деньги отец Константину пошлет,
Юноша гордый вернет их обратно
К сыну Зацепа поехать хотел
Утром о смерти пришла телеграмма
Как ни крепился старик — не стерпел
И разыгралась внезапная драма. *(л. 29)*
362—365 а. «Ранен твой сын на дуэли»; потом
И объясненье по почте приспело:
«Вором отца его назвал при нем
Дерзкий товарищ — причина дуэли»...
б. «Ранен твой [2] сын»... Через сутки письмом
Друг сообщил и причину дуэли:
«Вором тебя обозвали при нем»...
Волосы в ночь у отца поседели
366 [К сыну поехать Зацепа] хотел.
373 а. Да [стаканом воду] пил
б. Да нещадно соду пил *(л. 30 об.)*
374—377 Наконец нашелся Савва
Сядем в горку он ск<азал>
В горку! честь ему и слава
Вмиг Зацепа просиял *(л. 23)*
379 И Зацепин к ним [<при>стал] *(л. 30 об.)*

Варианты чернового автографа ГБЛ

Часть первая

Вм. 128—136 Восхитительный [3] браслет
Фермуар с сапфиром чудным
С голубиное яйцо,
Брошка с камнем изумрудным,—
[Серьги, крестик и кольцо]
Змей свернувшийся [4] в кольцо,—

---

[1] [родитель]
[2] [ваш]
[3] *Начато:* [С изумрудом]
[4] [согнувшийся]

Бриллиантовые звезды...
[«Браво! лучше не найдешь
И для царственной невесты!»
Восклицает молодежь...]

Это юные «жюдисты»,
Офицеры,[1] юнкера,
Правоведы, гимназисты...
Слышны «браво и ура!..»
— За боярина Ивана!
Каждый в руки взял стакан.
— Подождите, детки, рано!
Говорит им князь Иван...
141 [Князь Иван субъект престранный] *(л. 1)*
Вм. 157—168 Мир его мальчишки-франты
Из купеческих сынков
Унаследовав таланты
Исторических шутов
а. С языком своим проворным
И неглупой головой
Был бы он шутом придворным
Как Апраксин в век иной
б. С языком своим проворным
С толстым брюхом в век иной
Был бы он шутом придворным
А теперь он шут простой
Но теперь шуты не в моде
Он знаток в вине, в актрисах
В экипажах, в лошадях
Он орало в бенефисах *(л. 8)*
158 Знаменитый дед его
161—162 [Презирал он] аксельбанты
Не был лаком [2] до чинов
166 [Несомненно] в век иной
Вм. 177—180 *начато:* Эта пряжка стан воздушный
Будет ласково сжимать
Кто же может равнодушно
183 И стакан свой выпил разом
185—189 *начато:* И вослед за командиром

---

[1] [Правоведы]
[2] *Начато:* [И не лаком]

Приложилися птенцы
К бриллиантам и сапфирам...
«На молитву! молодцы!»
Князь скомандовал — и дружно *(л. 1 об.)*
После 204 *начато:* Чуть не фыркнул я с лакеем,
Отворившим дверь на миг:
Пред процентщиком-евреем
На коленях биржевик!

Ты финансовой брошюрой
О процентах заявил
Связь свою с литературой —

Ты со мной не сломишь шеи.
Не намерен я шутить
Есть издатели-евреи
И редактор может быть.

Что такое подставные?
Нынче кто не подставной?
Оглянись-ка! все такие!..
Уцелел один — другой [1] *(л. 9)*
440—459 Берегись бедняк несчастья,
Дальше прячь последний грош,
Потеряешь — ни участья,
Ни пропажи не найдешь!
а. А случится у банкира
Миллионы утащат
И во все пределы мира
Телеграммы полетят
б. А украдут у банкира
Миллион — в пределы мира
Телеграммы полетят,
Все правительства снесутся
Все шпионы встрепенутся
[В прессе, в публике набат]
Обязательно газеты
Похитителя приметы
Крупным шрифтом возвестят
Обозначат каждый прыщик
И глядишь найдется плут

---

[1] *Ср. ст. 455—498 части 2 окончательной редакции.*

Возвеличен ловкий сыщик
Потерпевшему поклоны
Поздравленья добрых душ *(л. 2)*

Часть вторая

25—28 Был он мужик, не имел ничего
Царскую подать выплачивал туго
а. Здесь приведу я слова самого
б. Ин привести вам слова самого
Достопочтенного нашего друга:
Вм. 33—36 Бесится стадо, ревет
Боров иной и ударит
Были бы деньги... пройдет!
Матушка в бане попарит.
Вм. 41—42 Великорусская, меткая речь!
Так-то начавши щетиной
Шкурин умел и *нажить* и *сберечь*
Сотенки две с половиной *(л. 6 об.)*
Вм. 48—50 Ай да Федюха! Христов мужичок!..
Да! дивиденд, слава богу, недурен...
Русское наше спасибо!.. Чок-чок!
Чокайся, Федор Никифорыч Шкурин
[Обществу ты хорошо послужил]
Полно! в диковинку что ль генерал?
Шкурину руку подайте и вы...
[В бороду прямо цалуйте]
Луком разит... ничего-с, обойдется
Я доложу вам такой головы
В целой России другой не найдется — *(л. 5)*
55—57 а. Земли кругом тут [1] помещичьи были
Только помещики их позабыли
[Крупные щуки и мелкий пескарь]
Где красовались *(л. 5 об.)*
б. Земли кругом тут дворянские [2] были
Только дворяне о них позабыли,
Были леса тут дремучие [3] встарь
(Шкурин застал только пни вековые)
Были озера и реки сплавные...

---

[1] [все]
[2] [помещичьи]
[3] [громадные]

Кто ж тут хозяйничал, други? «Кустары!» *(л. 4)*
59—62 Жители гнали из пеньев смолу,
Рыбу в озерах ловили без счета,
Мох и морошку снимали с болота,
И говорили: «Нейдем в кабалу!»
Плохо! [1] стоит земляная работа *(л. 5 об.)*
К 63—64 Было нелегкое дело дано:
В дальнем краю проложить полотно,
Кроме системы, порядка и прочего
[Что невозможно в речи передать]
Шкурин был должен создать и «рабочего»:
Местный крестьянин ленится и пьет,
На земляные работы нейдет! *(л. 4)*
63 Кроме [трудов изысканья] [наблюденья] и прочего
65—69 Шкурин не падает духом, не спит
«Всё откупил у помещика,
Всё — до последнего лещика!»
Как энергически сам говорит [2]...
После 69 Мелкие эти статьи принесли
Шкурину тысяч пят<надцать> с походом
И земляные работы пошли
Что называется правильным ходом *(л. 5 об.)*
79—95 [Спал он не более часа] в ночи,
Жил без семейства в стране безотрадной
а. [Обувь, одежду, вино] и харчи
б. Добрую чарку вина и харчи
Сам поставлял для артели громадной
Он разделяя с рабочим труды
Не пренебрег гигиеной народной:
Вместо болотной, стоячей воды
а. [Дал он рабочему] квас превосходный
б. Пили рабочие квас превосходный
Этим и наша достигнута цель:
В жаркие дни довалившись до кваса
После труда потребляла артель
Меньше картофелю, хлеба и мяса
Быстро в артели упал аппетит
На сорок два с половиной процента!

---

[1] *Начато:* [Стала совсем]
[2] Как энергически сам [он сказал]...

а. Я умолкаю... [Здесь факт говорит:
Шкурин и доброе дело творит
И возвышает статью дивиденда]
б. Я умолкаю... Графа дивиденда
Красноречивей меня говорит!..» *(л. 6)*
157—168 Мысль «Центрального дома терпимости»
Гениальная мысль! Скажут нам
Прежде город целковыми вымости
И на то я согласие дам!
[Лишь бы нам разрешили концессию!
Мы легко [1] капиталы найдем
И убив мелочную профессию
Мы на полных парах поплывем]
169 Несомненно, что цель учреждения
177 Без надзора внимательно-честного
181—184 Мы надежных найдем наблюдателей
В нашей скромной меняльной среде
Будет много у нас подражателей
Но надзора такого нигде! *(л. 7)*
После 340 И подернутые лаком
Лица (признак дураков)
Это пир подземных франтов
Полуграмотных купцов
Без занятий, без талантов *(л. 8)*
348—350 А новейший Митрофан
Глуп на всё — в одном искусен [2]
Залезать в чужой карман *(л. 15)*
Вм. 648 [Скука, пьянство [3] и застой]
К 695—698 Судебно-полицейские
Вручите нам права
Народ облагородится
Порядка и законности
Гражданского развития
Ему недостает *(л. 4)*
755—763 При ближайшем рассмотреньи,
Отвечал я в комитет,
Я нашел, что в орошеньи
В нашем крае нужды нет

---

[1] *Начато:* [Если мы]
[2] [не промах]
[3] [глупость]

Обошлось всё очень просто:
Был уважен мой ответ
А задаток тысяч во сто
Государственный совет

При содействии участья *(л. 10)*
К 859—862 Кто рычагом капитала и знанья
Двинул к прогрессу страну — *(л. 5 об.)*
1043—1046 Кто же сей?

Пред ним склонился низко
Даже сам фон Шаренгорст?..

Тайна!.. Действуя практически
К 1053—1057 а. [Скромно он идет
С видом властного достоинства
И сознание тая:]
«Без меня всё это воинство
Как солдаты без ружья!..»
б. Дара[1] не стает
Господина Приволамского
Вам живее описать
Председатель банка Камского
Начал речь ему читать
Исчислял его достоинства...
И из речи помню[2] я:
«Без тебя всё наше воинство
Как солдаты без ружья!
Наши банки жизнедателем
Называть тебя должны

За его здоровье пили
Много спичей говорили

Раздались рукоплескания
1072—1073 Я тогда[3] четыре слова
Уловить успел *(л. 11)*
1104 Его дворец хотелось мне взглянуть
1110 а. [И с них — какой великолепный вид]
б. [Едва ли есть в Европе] лучший вид!

---

[1] [Духу]
[2] [понял]
[3] [всего]

1111 Он здесь[1] любил сидеть после обеда
1119—1122 Через[2] ряды плантаций виноградных
[Дорога шла] извилистой тропой
Не пожалев доходов беспощадных
Он всё[3] скупил — и сделал путь прямой! —
1123 Так тратит он громадные доходы
1126—1127 [Да умирать не надобно ему!]
Его оркестр обходится ему
Недешево: — *(л. 12)*
Вм. 1131—1132 «На сюжет неблагодарный
Вы попали милый мой
Бросьте тон высокопарный
Скучный дурень ваш герой!
По такому идеалу
Жить способен он один!» *(л. 13 об.)*
К 1140—1149 И как пес на них сидит
Целый день стрижет купоны
[Да на скрипочке пилит!
Это жизнь! Он — жертва скуки
Роскошь музыка цветы
А в груди такая <мука?>
За проезжими следит
И терзается]
Да вздыхает и ворчит:
Почему тузы России[4]
Посещая те края
Перед ним не клонят выи?
Честолюбия змея
Точит грудь его, там рана
Непонятная для нас
Там засел герой Седана
Точит, точит <каждый?> час
После 1146 *начато:* Он умел свою особу
Ублажать по мере сил
Он бездейственную злобу *(л. 4)*
1154 Предлагая миллион *(л. 13 об.)*
К 1209—1211 Не поставить ли в Любани
Металлический завод

---

[1] [там]
[2] *Начато:* [Скупив]
[3] [их]
[4] Почему [вельможи наши]

Так как нет железа
Там рубля недостает
Что

Не доходит до Любани
В Пет<ербурге> продаем
Что с ним делать на заводе
С пивоваренным котлом?[1]
После 1228 Да в семье не без урода

Он в стяжании не грешен
Сам последнее отдаст
— Но зато ведь он помешан? —
«Нет: большой энтузиаст!
Занимая всюду деньги
И волнуясь и спеша
Ищет он по *шапке Сеньки*
Идеальная душа!» *(л. 14)*

Варианты сводной рукописи ЦГАЛИ

Подзаголовок Портретная галерея

Часть первая

11—12 [Я стал читать листы газет
И бодрость ощутил]
12 Я жадно их схватил
13—24 Минуя кражу и пожар
И рубрику «Москва»,
С любовью слово «юбиляр»
Встречаю раз и два
И пять и шесть... То[2] правды друг,
То[2] гений, то[2] герой...
Какая летопись заслуг!
Воспрянул я душой.
Медаль... Стипендия... Медаль
Обед... обед... обед...
а. [О бедный автор как мне жаль

---

[1] *На полях помета:* Путилов
[2] [Тот]

Тебя со мною нет!]
б. О клеветник! тебя мне жаль,
Ни тени правды нет *(л. 31)*
В твоих словах! Иду к друзьям
в. Иду к друзьям. Сергей Ильич,
Чтоб мыслей не развлечь,
Кричит: прощай! Он пишет спич,
Другой готовит речь,
г. Пиши, печатай, но не дичь!..
К приятелю вхожу,
Кричит «прощай! готовлю спич!»
Другого нахожу
За целой грудой [1] телеграмм,
Трудится над осьмой...
В Москву! герои есть и там...
Шутите вы Москвой!
27—32 [Высоко руки] приподняв
Толпятся там с утра.
[В руках депеши. На одной:
«Великий гражданин»
Потом «герой», «герой», «герой»,
А дальше — «исполин»!]
33—35 [Сто человек] «друзей добра»,
«Отцов» не перечесть,
А вот [строка]: одно — «Ура!»
39 [О Крестовская!] за что же
К 40 [Слова, приведенные в первой строфе, принадлежат г-же Крестовской (псевдоним)]. [2]
41 У*** готовят славно *(л. 31 об)*.
После 48 [То и знай отворялись двери... Мелькали торжественные фигуры... Слышал я речи и тосты...
Я стал ходить по коридору... не без цели...
Я, обедая в трактирах,
Так гулял уже стократ...] *(л. 34)*
49 Заказавши блюдо дичи *(л. 33)*
55 а. [Нумер первый.] Все в мундирах
б. Дверь раскрылась. Все в мундирах
60—80 [Со слезами] говорит:
«Ты на страже государства

---

[1] *Начато:* [Пред третьим груда]
[2] *Примечание Некрасова.*

Зорким Аргусом стоял
Но преследуя коварство,
Добродетель поощрял.
[Управляя дальним краем
Был ты [1] ласково встречаем,
Провожаем как родной.
Слава! Путь служебный твой
Ряд блистательных деяний —
Бескорыстья чудеса,
Не простер ты жадной длани
На казенные леса...
а. Слава! К нуждам населенья
Снисходителен ты был
б. Добр ты был до населенья,
Никому не повредил
Не довел до разоренья
Пищи, крова не лишил.
Вечно предан высшим думам
О себе ты забывал...»
Вдруг курьер явился с шумом,
Триумфатор засиял...
а. Триумфатору «Андрея»
Юбиляру поднесли...
б. «Первозванного Андрея»
Юбиляру привезли
С осетриной два лакея
К двери рядом подошли.
в. Триумфатору седому
Дар какой-то поднесли
С блюдом к нумеру второму
Два лакея подошли.] *(л. 34)*
113 [«Ура!» с минуту] длилось
Вм. 119—122 [Прогнав чертей с болота
Ты гидру сокрушил,
Ты делу патриота
Начало положил!
Устрой теперь заставы
И надписи прибей!..] *(л. 35)*
Перед 125 Зала № <*цифра не указана*> <4>[2]

---

[1] [так]

[2] *Здесь и далее в угловых скобках дан номер эпизода в соответствии с окончательным планом Некрасова.*

135 [Были юные] юристы
138—140 [Молвил старый] князь Иван
И летами удрученный
[Опустился] на диван
145—148 *вписаны (л. 39)*
153—156 *вписаны (л. 32)*
158 [Знаменитый] дед его *(л. 39)*
166 а. [С толстым брюхом] в век иной
б. С [едким] смехом в век иной
После 168 [Пьет, как деды наши пили,
До семидесяти лет
Посещает водевили,
Оперетки и балет.
Он крикун на бенефисах,
Циник с дамами в гостях,
Он знаток в вине, в актрисах,
В бриллиантах, в лошадях...

Он друзей повсюду ловит
Лишь бы вечный шел кутеж,
И прекрасную готовит
Петербургу молодежь...] [1]
К 172—173 [Вот ботинка: вставь стакан,
Зашнуруй!..] В начале пира
183 И геройски выпил разом
187 К бриллиантам и [алмазам...] *(л. 39 об.)*
После 204 Зала № 10 <5> [2]
После 454 [Чуть не прыснул я с лакеем,
Отворившим дверь на миг:
Пред процентщиком евреем
На коленях биржевик.

«...Плохо! день подходит срочный
Ты остался мне один...]
455—458 а. Одинокой бродят парой
Суетливый биржевик
И еврей еще не старый

---

[1] *Это четверостишие вписано.*

[2] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 455—498 части 2 окончательной редакции. Входивший в состав части 1 поэмы в черновой рукописи ГБЛ (см. с. 464), в настоящей рукописи, в наборной рукописи части 1 ЦГАЛИ (см. с. 500), он был перенесен Некрасовым в часть 2 в ходе работы над наборной рукописью (см. с. 503).*

Петербургский ростовщик
б. Одинокой бродят парой
Суетливый коммерсант
И еврей, процентщик ярый
Чесноком пропахший франт.
461—467 Да *товарища на вере*
Было легче отыскать.
Выручай же, безупрёчный
Полноправный гражданин!
Ты редактор будешь прочный...
Да! остался ты один!
Ты финансовой брошюрой
472 [Так... но весело ли быть]
После 473 а. Оглянись-ка! все такие!..
Нынче царство подставных,
[В каждом деле подставные...
А уж прессе — мат без них!]
Сгибнет, если коммерсанты
Не придут на помощь ей...
б. Оглянись-ка! все такие...
Нынче царство подставных,
Подставные... подставные
В сферах малых и больших.
479—486 *вписаны*
484 Прессой [движет] капитал
496—498 [У меня один талант]
«Тут нужна лишь добродетель!»
Восклицает [коммерсант] [1] *(л. 42)*
Перед 206 Зала № <*цифра не указана*> <6>
208 а. *как в окончательном тексте*
б. А * — вор! М * — вор!
220 Пусть в оны дни не мог присесть *(л. 46)*
Перед 226 Зала № <*цифра не указана*> <*7*>
228 [Служил ли чести] *(л. 45)*
Перед 232 № [7] 6 [№ 8] <8>
К 236—283 [В животном самом ты искал
Зачатков благородства...
Прими ж заздравный наш бокал
Герой коннозаводства!..]
Вм. 260—271 Повалишь бедного коня!»

---

[1] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 206—577 части 1 окончательной редакции.*

а. — Увы на речи ваши
Ответ мой: с нынешнего дня
Закрыть собранья наши!
б. — Ужасны речи[1] ваши!
Придется[2] с нынешнего дня
Закрыть собранья наши
[Согласен! молвил] президент
Заплакав, как старуха.
Дадим мы добрый прецендент
Для общества «Засуха».
277—283 [Воскликнуло] собранье
[— А вы?.. Мы выбьем вам медаль]
«За ревность и старанье».

[«Медаль!..» Докладчик-агроном
Спросил: за что ж? Смутился...
Слегка поспорил... но потом
Принять ее решился...]

Ура!.. подписку!.. [вот листки...
Наполним же стаканы!..
Печальны были добряки
И очень, очень пьяны...] *(л. 38 и об.)*
Перед 284 Зала № <*цифра не указана*> <9>
284—289 Председатель Казенной палаты
Тучный старец — и юный делец
Со звездою. Чуть слышны дебаты:
«Вы палатам другим образец,

Доказали вы ваши способности»
— Да-с... но рядом решительных мер —
296—299 а. «Очень трудны теперь обстоятельства.
Если б меры такие ж принять»
— Не советую, ваше сиятельство!
Всё погубите, смею сказать.
б. «Редки люди такие способные.
Если б меры принять на Руси
По всему государству подобные?..»
— Не советую!.. Бог упаси!.. *(л. 47)*
Перед 304 № [4] [8] 7 <10>

---

[1] [вести]
[2] *Начато:* [Что ж делать?]

320 [Ты решился], как заразы *(л. 35)*
Перед 326 № [6] [5] [9] 8 <11>
Вм. 326—327 [Вдруг лакей, татарин жирный
Дверь захлопнул, как назло...
Из соседней залы пирной
Мертвечиной понесло].
329—332 Настежь дверь... толпа густая,
На столе один настой,
Некто счастием [1] сияя
[Коренастый, небольшой
Взяв во длань, горé подъяту,
Лист бумаги, а другой
Опираясь на лопату,
Возглашает: [2] «Дорогой
Случай свел нас нынче вместе] *(л. 35 об.)*
338 Отозвался и Слепушкин
341 Отыскал [Геннади] наш
344—346 Грязный, гаденький листочек,
А какие перлы в нем!
Прочитай [еще разочек!]
После 351 Отрывок [(нигде [3] не напечатанный)] из путевых заметок юноши Слепушкина, веденных им во время разъездов его по России по делам отца. (Найден случайно между оберточной бумагой в лавке [почетного] гражданина С. С. Подтекина, подлинник — собственность [М. И.] Зосима Терентьевича Ветхозаветного) [4] *(л. 36)*
378 Уж запасся я портретом
381 Дорогонько... [5] погляжу...
387 [В предисловии сказать]
399—402 а. «Так! и так да будет вечно!
Хрупок автор в наши дни,
К ним судьба бесчеловечна,
Да бестактны и они.
б. «Так! и так да будет вечно!
Жаль! Таланты в наши дни
Гибнут рано. Жаль, конечно,

---

[1] [радостью]
[2] [Возвещает]
[3] *Начато:* [впервые]
[4] *Слова, заключенные в круглые скобки, вписаны.*
[5] [Видно будет]

Да бестактны и они. *(л. 36 об.)*
411—414 а. Приглашению [1] послушный,
Каждый выпил свой бокал
А редактор добродушный
Умиленно прошептал:
б. Полный влаги искрометной
Каждый выпил свой бокал
А Зосим Ветхозаветный
Умиленно лепетал: *(л. 38)*
Перед 419 № 5 <12>
426 Слышны были лишь лобзанья *(л. 37)*
Перед 428 Зала № 9 <13>
428—429 Получай по полпроценту
Говорит старик [2] банкир
После 431 [Голос князя Ивана]
432—435 а. Рад банкир, как сумасшедший,
[А шпион [3] вина пьяней
Князь Иван, сюда ушедший
От упившихся детей]
б. Рад банкир, как сумасшедший,
[Рады гости], сыщик пьян
436—439 [Отыскались миллионы!
Поздравляю, господа!
В мире есть свои законы,
Говорил я: не беда!]
457 Неизбежный [4] разговор *(л. 41)*
Перед 462 № [15] 14 *(л. 48)*
Перед 494 Зала № 11 <15>
501 Напишем оду
506—530 Ты на эстраде
Поешь романсы,
То в маскараде...
Какие шансы:

[Берут билеты
За взгляд, за речи,
Берут билеты
За бюст, за плечи!..

---

[1] [Предложению]
[2] [еврей]
[3] [агент]
[4] [Самый модный]

В душе наивна
Прекрасна с виду
Для бедных рада
Снести обиду!

«Устрою праздник
Под чистым небом
Сберу пять тысяч —
Ручаюсь Фебом!..»]

«Вот, Марья Львовна
Не ваши речи,
Вот, Марья Львовна
Не ваши плечи,

а. С народом нужны
Не ваши шансы...»
Пускай корова
Поет романсы.
б. С народом нужны
Иные шансы...»
Поет корова
Свои романсы.

Собрался в Летнем
Народ наивный
Рискует глупо
Последней гривной

За грош [1] корову
538—541 Из сада [утром]
[Ой,] Марья Львовна!
Пятнадцать [2] тысяч
Собрали ровно...
550—553 [Да, Марья Львовна
Вы друг народу...
Мы вам недаром

---

[1] [рубль]
[2] *Начато:* [Не пять]

Сложили оду!..] *(л. 43)*
Перед 554 Зала № 12 <16>
566—568 И поссорилися крупно...
Вредно ссориться, друзья!
Наслаждайтесь дружелюбно!.. *(л. 44)*

Часть вторая

Перед 1 Зала № <*цифра не указана*>
[Акционеры... Вся зала молчит
строго молчит
Общество тихо сидит,]
1—11 *вписаны*
11 Господа акционеры!
17—20 Шкурин — с директором [рядом] сидит
[Старец, прошедший сквозь медные трубы,]
Чмокнув подрядчика Шкурина [1] в губы
а. [Речь, ударяя на *о*]
б. [В честь его речь] говорит
в. Савва Антихристов речь говорит
18 Синяя чуйка и толстые губы
22 И сочинитель, и князь, и кулак
25—28 а. Был он мужик, не имел ничего
Царскую подать выплачивал туго...
Ин привести вам слова самого [2]
Достопочтенного нашего друга:
б. Был он голыш, не имел ничего
Бился как óб лед голодная рыба
Я приведу вам признанье его
(Прошлого он не стыдится, спасибо):
в. Был он мужик, не имел ничего
Бился как óб лед — в пословице — рыба
Вот молодецкое [3] слово его
(Прошлого он не стыдится, спасибо):
32 а. [В младости дергал] щетину
б. Драл помаленьку щетину

---

[1] [толстого]
[2] Ин [приведу я] слова самого
[3] [незабвенное]

33—36 а. Стадо свиное ревет,
Боров иной и ударит,—
Были бы деньги... пройдет
Матушка в баньке попарит.
б. Мечется стадо, ревет,
Боров иной и ударит,—
Мальчик щетину дерет,
Матка сортирует, парит...
в. Бесится стадо, ревет,
Боров боднуть его ладит.
Мальчик щетину дерет,
Мать его вечером гладит...
39 Думаю — это не дом
После 41 [Так-то начавший свиною щетиной,
Шкурин умел и нажить и сберечь
Смолоду сотенки две [с половиной —]
С детства умел он копейку [сберечь]] *(л. 50)*
43 а. [По ремеслу же он был землекоп] *(л. 51)*
б. [Взяли] мы линию... много заботы:
45—47 а. Я по делишкам попал в Перекоп
б. Думал я думал, махнул в Перекоп
в. Я по делам угодил в Перекоп
Вижу, с артелью идет землекоп [1]
[Так мне попался, понравился Шкурин...]
(л. 50 об.)

Вм. 48—50 [Да-с! дивиденд оказался недурен.
Чокнемся, Федор Никифорыч Шкурин!
Чокнемся, выпьем, Христов мужичок!
Ну, господа генералы! Чок-чок!
Вы не гнушайтесь, целуйте Федюшку:
Он положил за компанию душу...
Слушайте притчу мою про Федюшу...[2]]
После 50 *(Тост и «ура!»)*
51 *начато:* Прибыл [он к месту] *(л. 50)*
К 55—73 [Словом, что
То о чем не входило и в помыслы
Учредителей-дельцов
Изучивши кустарные промыслы
На болотах окрестные жители

---

[1] *Начато:* Вижу [копает лопатой]
[2] Слушайте [речь поведу] про Федюшу

Сбирали без пошлины мох
Вы теперь бы <*пропуск*> увидели

Где бывало леса вековечные
На огромных пространствах шумят
Там теперь пустыри бесконечные
Пустыри на поверхностный взгляд,—

И дал направленье разумное
Труд кустарей

Воды там нездоровые

Это также дало
И притом дало экономически

Ограничимся ломками плитными
первобытными
Управление ломками плитными
Он поручил
И с приемами их первобытными

Кто озеро снимал у помещика
За бесприм<ерно>] *(л. 63 об.)*
Вм. 55—58 [Были леса тут дремучие встарь
(Шкурин застал только пни вековые)
Были озера и реки сплавные
а. Кто ж тут хозяйничал, други? «Кустарь»!]
б. [Ими хозяйничал грубый «кустарь»
Края далекого царь!]
в. Всем [заправлял] тут грубый «кустарь»
Пренебреженной окраины царь!
59—62 Жители рыбу ловили без счета
Гнали безданно из пеньев смолу,
Мох и морошку сбирали с болота
И говорили: «Нейдем в кабалу!..»
После 62 Дал [им безбожную] баснословную плату
задельную
День потрудились... похлебку артельную
[Вылили наземь, бунтует народ]
Вылили вечером наземь... Народ,
Вольница, только бунтует и пьет!

63—67 [Кроме порядка, надзора и прочего]
Надобно [1] было создать тут «рабочего»
Жил тут упрямый народ!
Думает думу, не ест и не пьет!..
[Шкурин не падает духом,] не спит
Земли,[2] озера, болота, графит
Всё [по контракту берет] у помещика
70—73 Дрогнула грубая сила «кустарная»
В силу вошел «капитал»
[«Фортель» по-нашему — мысль лучезарная,
Как бы ученый сказал.] *(л. 50 об.)*
82—84 а. [Добрую чарку вина] и харчи
б. Обувь одежду [травинку] харчи
Сам поставлял для артели громадной
Он, разделяя с [народом] труды
87 [Пили рабочие квас превосходный
90—91 [После работ] потребляла артель
[Меньше картофеля, хлеба и] мяса
После 95 [*(Ура и тост)*]
После 105 [Зацепа и «Савва» — дельцы-воротилы
Сидели тут важно в сознании силы]
114—119 *отсутствуют*
После 126 Зацепа был главным вождем
[(Мы далее скажем подробно о нем)]
Профессор, юрист, инженер знаменитый
И два адвоката (с известным значком)
а. [Тузов] окружали почетною свитой
б. Его окружали почетною свитой [3]
(В кругу, где без точности — мат
Где смешаны так племена и наречья
В почете и знанье, и дар красноречья
Искусство писания — клад)
Тут были агенты из Лондона, Вены
Тут были купцы с Енисея и Лены
И несколько рыхлых унылых менял
Сидело тут рядом.
Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор
а. [Но я не слыхал его — я задремал...]
б. (Меняло) и голосом тонким сказал: *(л. 51 об.)*

---

[1] *Начато:* [Шкурину надо]
[2] Пенья
[3] [При нем состояли] почетною свитой

148 Банки тоже не шибко идут
После 156 *(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает с возрастающим пафосом):*
159 Прежде [город] целковыми вымости
165—166 Лишь бы нам даровали концессию
[Соберем] капитал на паях *(л. 52)*
192—193 Все глядели на Савву-столпа.
а. «Да (сказал он), хорошее дело *(л. 52 об.)*
б. Да, хорошее, верное дело
197 Всем известно: пророки событий *(л. 55)*
198 [Открыватели] новых путей
205—208 Подождите! прогресс подвигается,
Колесо по наклону бежит,—
Что сегодня постыдным считается
Завтра примет другой колорит...» *(л. 52 об.)*
210—219 [Грош, услышав спич надгробный
Хитрой выдумке менял
[Он победно просиял]
«Догадались!» прошептал.
Долго длились пренья, стычки
Много б я тут почерпнул
Но — покорный раб привычки
Пообедав, я заснул...]
[Мне во сне приснились планы
О походах на карманы
Добродушных россиян] *(л. 51 об.)*
212 Произнес: «Проект хорош
217 [Спал я крепко] Мне снились планы *(л. 52 об.)*
Перед 221 [II]
221—222 [Словно гром ударил в уши,
Я проснулся... в зале мгла...] *(л. 53)*
После 248 Официальных важных лиц
Теперь гораздо меньше стало
И даже весел без границ
Был Щербин — выпивший меняло *(л. 53 об.)*
253—256 *отсутствуют*
Вм. 265—268 а. Другие хмурились. Вино
Иным [1] усвоило сонливость
Иным подвижность и хвастливость
Налево шумно и пьяно
Одна компания орала

[1] [Одним]

С каким-то новым торжеством
Она друг друга поздравляла
И пела песенку о том
Как оседлала генерала: *(л. 67)*
б. [Другие спали... кто-то пел
«Об укрощенном генерале»
Подслушать песню я успел
а. (Быть может, вы ее слыхали?..)
б. (Прочтите, если не слыхали)] *(л. 53 об.)*

Вм. 269—280

2[1]

Отложили на неделю:
Всё испортил бегемот.[2]
Вот послал господь Емелю!
Доложил наоборот:
Позабыл, [что не за Цаха,
А за Врангеля стоит.
Государственный неряха.
Подавая голос — спит.]
273 Позабыл о братьях Гримах *(л. 54)*
281—286 *отсутствуют*
После 286 7. *Голос кн. Ивана*[3]
288 Кондукторов строго держал *(л. 54 об.)*
После 300 [Слух о проекте одном
Ходит. Проект чрезвычайный!
С ним не сносить головы
Ни одному пассажиру...

Голос инженера

Князь, я сказал бы... но вы
Вряд ли поймете что... с жиру...]
Предупредительных мер
Мы признаем бесполезность...

Голос князя Ивана

(Так, господин инженер!
Благодарим за любезность...)

[1] *Последовательность «голосов» действующих лиц соответствует перечню эпизодов части 2 поэмы ГБЛ (см. выше, с. 438—439).*
[2] [идиот]
[3] *Эта строка вписана.*

Так! Выражаясь ясней,
Вы узаконить хотите
Право увечить людей.
Вы — я слыхал — говорите:] [1]
319 [Так ли?] [Браво] Дай бог вам успеть! *(л. 63)*
После 362 1. Голос князя Ивана [2]
365 Он живет буквально в санках
383—390 *вписаны с порядковым номером 3*
391—401 *отсутствуют*
После 401 5. Голос кн. Ивана [2]
403 Проиграете дело судом!.. *(л. 54)*
419 Перед вами стоит господин
421—424 Заключение было печальное:
За мое обращенье [3] нахальное
С пассажирами — высидел я
Под арестом неделю, друзья!.. *(л. 54 об.)*
501 Некто — с трещиной затылок *(л. 53 об.)*
507—510 а. *Начато:* Меж тем направо пьяный хор [4] *(л. 67)*
б. Направо группа — пьяный хор
Льстецов — «герою из народа»
Кадит отчаянно в упор
а. И лесть была такого рода:
б. И льется лесть такого рода: *(л. 53 об.)*
525—527 Мы однако так плотно покушали
Что пора, господа, и домой...
И вскочили рабы его верные
536 Сыплет деньги всещедрой рукой
539 Но слыхал я и мненье противное:
550 Обрывают их с него *(л. 61)*
555—558 *вписаны с порядковым номером 10*
555—556 А! Соломон-изыскатель!
Мимо прошел? не узнал!
Вм. 559—570 а. [Бедный был Берко... Онучки
Вместо носков надевал...
Раз возвратясь из отлучки
Берко семейству сказал:]
б. Сушит на солнце онучку
Берко, убогонький жид,

---

[1] *Далее следуют ст. 307—314 окончательной редакции.*
[2] *Эта строка вписана.*
[3] [поведенье]
[4] [А в правой группе] пьяный хор

Высушил — едет в отлучку
И воротясь, говорит:

«Радуйся! радуйся Лота!
Радуйся, Авель, мой сын!
Нынче купил я болота [1]
Семьдесят семь десятин!»

Лота оделася в шубку,
Авель надел балахон,—
Едут смотреть на покупку,—
«Вот она!» — вымолвил он.
582 [Бойким] своим языком
Вм. 583—594 [Ицко покуривал трубку
И докурив до конца:
«Ты похулила покупку —
Не похулишь продавца!»]

а. [Молвил — и больше ни слова
Утром в столицу удрал
Год пропадал и другого
Целую треть пропадал
б. Только — и больше ни слова
Ночью уехал... пропал...
Поздно вернулся и снова
«Радуйся», Лоте сказал

«Взял я большие подряды!
Радуйся, радуйся сын!» [2]
Лота и Авель не рады
Ицко доволен один:
Сделал рабочим попойку]
в. Утром с семейством простился
Месяцев семь пропадал
Пьяный домой воротился
«Радуйтесь!» — снова сказал

«Взял я большие подряды!
Будем теперь ликовать!»

---

[1] [Я покупаю] болота
[2] Радуйся, [Авель мой] сын!

Авель и Лота не рады
Берко [1] пустился плясать:
После 594 Утром рабочих зовет
Делу рабочие рады
Только скупенько дает
Двадцать с рубля предлагает
Больше не даст ни гроша
Семьдесят семь наживает [2]
Семьдесят семь <барыша> *(л. 62)*
596 [Дело-то всё...] без гроша...
600 Берко [теперь] дворянин *(л. 62 об.)*
603—606 Друг друга с новым торжеством
Два инженера поздравляли
И пели песенку о том
Как «генерала обломали»: *(л. 54 об.)*
607—610 а. *Начато:* В первый раз я доказал *(л. 67)*
б. Я сначала доказал
Ясно непреложно
Пользу дела,— он сказал:
Это невозможно!
613 Он сурово отвечал *(л. 53 об.)*
615 В третий раз я намекнул *(л. 67)*
После 630 [Для своих великих планов
По отводу ли земли
Даже важный князь Лобанов
Граф Орлов сюда зашли]
637 А у [нашего] вопросы
Вм. 647—650 а. [Что в провинции? Пустеет
Скука глупость и застой.
Мужичок пшеницу сеет,
А питается корой.] *(л. 65)*
б. Что в провинции? Да то же!
Земство дремлет, нет путей,
А крестьянин... правый боже!
Каждый день ему тошней!
651—654 Кто не первого разбора
Тот беги из наших мест,
Тот добыча прокурора
Становой его заест *(л. 57)*

---

[1] [Он же]
[2] [оставляет]

После 654 [Хоть трудись в ярме железном,
Хоть издохни ты в борьбе,
Нету средства быть полезным
Ни народу, ни себе.] *(л. 56)*
658 *как в ЧА ЦГАЛИ*
После 678 *как в ЧА ЦГАЛИ, но зачеркнуто (л. 57)*
690 а. [Петербуржцам] говорят
б. [Нашей знати] говорят
в. [Важным барам] говорят
После 690 [Тут же есть и ренегаты
Из помещичьей семьи,
Повторяют им магнаты
Вожделения свои:

«Мы благой пример проводим,
(Говорит известный князь):
Мы народ облагородим,
Вновь вступив с народом в связь:

Мы судебно-полицейской
Властью — право водворим!»
И с улыбкой фарисейской
Ренегаты вторят им.] *(л. 56)*
691—694 «Нет, а мы так не уходим
Говорит известный князь:
Мы народ облагородим
Снова с ним вступивши в связь»
699 Князь [1] Иван закончил пренья
705 [Представь картину:] свинопас
Вм. 719—722 а. [Рады жертвовать собою
Но, увы! не для страны...
Не стесняются молвою
Все орудья им равны
б. Рады жертвовать собою
Эти родины сыны
Рвут они что можно с бою [2]
У крестьян и у казны]
723 [Под предлогом «разреженья»]
731 Четверик [особой] меры

---

[1] *Начато:* [Шут]
[2] [Чтобы взять] что можно с бою

Вм. 733—738 Впрочем, нужны ли примеры?
Чу! Помещик Хватунов
[Партизанов представитель
Встал и с хохотом запел...
«Браво, браво, ороситель!»
Дружный хор ему гремел] *(л. 56 об.)*
а. [Спел практический] романс
б. С пьяных глаз, поет романс *(л. 58)*
739 [В Комитет «Для] поощренья
Вм. 743—751 Предложил я: согласились
Я задаток получил
(Слышал, даже прослезились,
Так проект им угодил).

Медлил я четыре года,
За границей прожил год
И построил для дохода
Винокуренный завод.

Дом подобен полной чаше
Вм. 759—764 Обошлось всё очень просто
Замолчал мой Комитет
А задаток тысяч во сто
Госуд<арственный> Совет
При содействии участья
Добрых душ с меня сложил... *(л. 55 об.)*

После 766 **Голос князя Ивана**

Браво! браво! ороситель!
(Князь Иван провозгласил):
Ты достойный представитель
Наших деятельных сил!
Ты — почтеннейший из видов
Наших родины сынов.
Прежде был — Денис Давыдов,
Нынче — Ванька Хватунов!.. *(л. 58 об.)*
807—810 а. [Не один пример в истории:
Вот еще герой
Что «прыгнул с обсерватории»
В омут биржевой,]
б. Вот другой — слывет за чудо
Превосходно говорит
(У тузов ему — покуда —

Кличка — просто «Леонид»)
[Он у них слывет за чудо:
Славно говорит!]
811—822 *отсутствуют*
825—826 Леонид пажом при Савве
Поначалу [1] состоял
830 Жил недурно — без труда
Вм. 836—840 [Время жить и отдыхать.
Мест нахватано так много,
Успевай лишь заседать!
Он живет миллионером
Рядит куколкой жену]
838—839 Он живет, играет, ест
На балы к миллионерам *(л. 65)*
908 [Исполинские каналы] *(л. 66)*

После 927

№ 14

Беседа кипит не смолкая,
Шампанское льется рекой
Великих и малых равняя.
Когда-то кутила лихой
Зацепа в ударе; как воду
Венгерское пьет; Леонид
Великому мужу в угоду
[Его перепить норовит]
И пьет с ним и шутит и льстит.
[Забыто — кто старше, моложе]
Из оперы новые лица
Подходят, заводится спор
Которая выше певица
Который пошлее актер.
Веселый, живой, краснорожий
Хохочет Иванушка-шут
[Что лучше, моднее, дороже
Давай! Не понравится — льют.]
928—935 *вписаны* [2]
951 Остзейский туз — барон фон Шаренгорст
965 Молчать... [глядит презрительно, в упор] *(л. 68)*
970—973 а. Остроумная случайность:

---

[1] [Долго]
[2] *Ниже на полях, против ст. 942—947, помета:* Министр

[Не смолкая, не садясь]
Представлял другую крайность
[Франц Иванович Матьяс]
б. Остроумная случайность:
На барона непохож
Представлял другую крайность
Эдуард Иваныч Грош
989 — На наличность? на кредит? *(л. 68 об.)*
996 Он на бирже, в клубе, в банках
После 1006 (Приглядитесь!) он не глуп:
Настороженные уши
Зоркий глаз и волчий зуб.
Услужить — его призванье
Той и *этой* стороне
Нужно вам мое влиянье,
Ваши деньги нужны мне — *(л. 69)*
1022—1024 а. Выполз[1] он на свет из мрака
(Впрочем, Рейтерну родня)
Не выходит он из фрака,
В сутки сменит три коня
б. Гришу вывела из мрака
Очень сильная родня —
Не выходит он из фрака,
В день сменяет три коня: *(л. 68 об.)*
1044 *как в ЧА ЦГАЛИ*
1065 *заменен строкою точек*
1079—1085 Юный краснолицый
Появился князь Свинцов
Был он долго за границей
С порученьями дельцов *(л. 69 об.)*
Он друзьям поклон собрата
Из Италии привез.
Помышлений плутократа
1104 На́ виллу Роз хотелось мне взглянуть
1108 И на стенах сибирский малахит
Вм. 1111—1115 Так любит он сидеть после обеда.
Какой-то гость сказал ему шутя,
Что тот же вид доступен для соседа
[Отшельник наш смутился как дитя]
И огорчил капризное дитя!

---

[1] [Вышел]

Он долго был глубоко опечален
1123 [Так тратит он громадные доходы]
1127 [Недешево.] Устроив род престола
Вм. 1128—1130 [Он никого труда не приглашал,
Допущен был лишь Гриша Долгоруков
Да я... да лорд Лейчестер... да Толстой...
Так он живет в волшебном мире звуков
С природою искусством — и собой!..] *(л. 70)*
1131—1134 [— На сюжет неблагодарный
Вы попали, милый мой!
Бросьте тон высокопарный!
Скучный дурень ваш герой!
По такому идеалу
а. [Жить способен он один!..]
б. Жить способен лишь кретин!
Так сказал вошедший в залу
Незадолго господин.]
Вм. 1140—1147 [Затворился в пышном гробе
И как пес на них сидит
Целый день стрижет купоны
Да вздыхает и ворчит —
Почему тузы России
Посещая те края
Перед ним не клонят выи?
Честолюбия змея
Точит грудь его,— там рана,]
1146 Перед дурнем головы
1154 С небольшим за миллион
1162 Сын, жена да Руге [1] наш!
1163—1165 [Рассуди] честная публика!
Где купить высокий сан?
И в Италии республика! *(л. 70 об.)*
1168 Фи! [2]... Он сам немецкий фон
1184 [Уж составлен] капитал!
1187—1190 Все: ладьи, вагон и барка
И корабль сюда иди.
Как маяк горящий ярко
Будет порт мой на пути!..
1195—1197 Жизненным гением

---

[1] [Дервиз]
[2] *Начато:* [Он и так]

Вечным движением
Русь обновим,
1203—1213 Ненавижу нежить тело
[Душу праздностью томить
Мне давай большое дело
Я бы деньги мог нажить]
Но беспошлинным железом
[Мы торговлю не ведем] *(л. 71)*
[Не хочу быть вором-Крезом]
Наживаться воровством
1226—1228 Топит в зиму свой камин
Грудой старых документов
а. [Да газетой «Гражданин»]
б. Да на новых ставь: Хардин *(л. 71 об.)*
1246 [Загалдела праздная] толпа:
1251—1252 а. [Окропив ее святой водою
Помолились, закусить пошли
б. Отслужив молебен, чередою
Закусить как водится пошли
в. Отслужив молебен, чередою
Закусить [1] на кручу побрели]
1255 а. [Но купец не струсивший нимало]
б. [Не струхнул подрядчик наш нимало]
1258 [Начинал] громадные дела
После 1260 [Так свою карьеру начал Савва
И в дальнейшей жизни не плошал: [2]
За талант — ораторская слава,
[А за ум, за сметку —] За талант... капитал,—
Всё прошло! Дарами не обидел
Бог его — за веком он идет
Лишь бы мельком что-нибудь увидел —
Переймет, усвоит, разовьет!
Доказав, что можно даром слова
На Руси богатство приобресть
Любит он убогого, простого [3]
«Мужичка», считает он за честь *(л. 72)*
Были в нем и прочие условья
И считать [4] их надобности нет
Савва друг крестьянского сословья

---

[1] [Завтракать]
[2] [дремал]
[3] Любит [Савва русского] простого
[4] [Вспоминать]

Говорит: «Я сам во цвете лет
Господа![1] тянул когда-то лямку!»
Приурочив русскую резьбу
К своему причудливому[2] замку
Он зовет приятелей «в избу»[3]
1261 [Савва гений!] В мире нет другого
После 1264 Тип «дельца-великоруса» с Саввы
Начался — и долго не умрет,
Он вполне своей достоин славы —
Мудр как змий, за веком он идет
1267 Вспоминая [жизнь свою] порою
1270 Выпив тост за «братьев бурлаков»
После 1272 Бурлацкая песня
1274 а. Плохо житье
б. [Валится дом]
1276—1278 Горе свое
Каме поем
[Плохо житье] *(л. 72 об.)*
После 1287 Шею сожгло!
Ноги горят.
Ух! Тяжело!
Кости трещат!
Ухни! Поддай!
После 1289 Денежек дай!
Дружно! Не стой!
Ухнем! Напрем!
Скоро ль домой
Братцы, придем?
1299 Экой [денек!]
1303 Ждет не дождется семья-то убогая!
После 1308 Бросили дом,
Малых ребят...
Ухнем! Напрем!
Кости трещат... *(л. 73)*

Эпилог

После 12 [И первый выступил вперед
Поклонник чинный Эпикура
Затем евреи поднялись

---

[1] *Начато:* [Что и сам]
[2] [готическому]
[3] Он зовет [гостей к себе] «в избу»

Они обиделись смутились

Причины грусти не поняв
Они одно воображали,
Что надо будущий устав

Вадим С. напившись пьян
(Все знали это) постоянно
Впадал как Грозный Иоанн
В какой-то пафос покаянный
Поговорив сперва друг с другом
И дело объяснив испугом
Пред князем выстроились цугом

Первый друг его Сабуров
С уте<шеньем> подошел
13 а. [Перестань же] как не стыдно
б. Полно! полно! как не стыдно
21—22 Не вернешь свою невинность
Как ни сетуй, ни грусти
После 24 *начато:* Но и этим не утешил *(л. 60 об.)*
[З а ц е п а *(рыданье продолжается)*
Я вор! Всю жизнь я сеял зло
Пустил я нищих миллионы.

Нахмурив гордое чело,
Ушли остзейские бароны.] *(л. 74)*
28 Зацепа — умный человек
33—36 Но — ничего! Гроза пройдет
И завтра новую идею
Великий ум изобретет...
а. [И Савва спрыснул другу шею...]
б. Дай братец! спрыснуть лоб и шею
36 [Необычайную] идею!
38 Сильней — [заметил Грош] евреям —
После 52 [*(Сильное движение. Еще некоторые уходят. Зацепа громко, истерически рыдает.)*] *(л. 74 об.)*
57—60 И [осторожные] евреи
[Вновь сели.] Воздух душен стал...
Зацепа рвал [свой орден] с шеи
И истерически рыдал...
После 87 [З а ц е п а *(рыдает)*

К религии наклонность я питал
Мечтал носить железные вериги
А кончил тем, что утверждал
Подложные коммерческие книги] *(л. 75)*
92—123 *отсутствуют*
124—129 а. [Смутился Савва: «Допился
Опять до — самобичеванья!..
Что делать, Грошик?» Начался
Затем процесс увещеванья.
б. Смутился Савва: «Допился
Опять до — самобичеванья!..»
Он Леонида укорял...
Затем пошли увещеванья

Смутилась честная семья!..
К страдальцу тихо подходили
К страдальцу сродники, друзья
И в утешенье говорили,
а. Что без греха единый бог,
б. «Безгрешен только вечный бог
в. «Поверь, безгрешен только бог
Что он еще святей другого!]
132—143 *отсутствуют*
144 Подошел к нему и Шкурин
153—159 [Воздух душен стал]
Князь Иван один был весел
«Браво!» — закричал.

[Князь Иван был друг с Зацепой]
Он к нему подсел
[Усмирить] порыв свирепый
В свой черед хотел... *(л. 75 об.)*
160—165 *вписаны*
165 Припомним хоть товарищей по школе?
После 165 [Ну, легче ли? Опомнись ради бога!
Себя и нас напрасно не кори!
Не нравится тебе твоя дорога?
Да нет другой... подумай, посмотри:
Друзья, враги, товарищи по школе
Все, все на ней... да что ж и делать боле?..]
167—169 Наш милый Бабст с энергией внушал
Любовь к труду, презрение к процентам
а. [Ростовщиков, банкиров проклинал]

б. [Гримасничал при слове:] капитал
в. [Всему виной считая] капитал
172 Лишь тот судья, кто богу сам не грешен
178 Князь Трубецкой...[1] Уж он ли над Россией,
183 Учетверил крестьянские налоги
После 183 [Вадим Лучков [2] — служебная карьера
Блестящая готовилась ему,
Но увлекла гуманная химера
Несчастного мечтателя в тюрьму.
И ныне он в изгнании... в неволе.
Завидуешь ему ты, братец, что ли?]
После 188 ([*хохочет и*] *рвет свои белые длинные волосы)*
(л. 59)
190 [Гляди как мечется в угаре]
193—204 *отсутствуют*
205—208 Зацепе подали воды
Порывы грусти тише стали
Неуходившие жиды [3]
а. [Тут ничего не понимали]
б. Зацепе с ужасом внимали
213—214 С деньгами — нету беды,
С деньгами — нету опасности,—
219 *Ви* нам продайте паи
224 Выкрасьте голову,[4] бороду
226—228 Вы [5] на корабль... под крыло
К нашей финансовой матери
229—232 Денежки — добрый товар!
[Нечего биться в истерике!
С ними в Европе, в Америке
Будете жить вы как царрр!..]
После 232 [Хохот был жидам ответом,
Хохот бешеный и злой] *(л. 59 об.)*
233—236 *отсутствуют*
Вм. 237—240 С последним словом утешенья
На сцену вышел Леонид
Глаза блестят, лицо горит
И речь полна одушевленья.
246 [Натуры русской] достоянье!

---

[1] [А князь Хилков...]
[2] *Начато:* [Один]
[3] *Начато:* [Прилежно слушая]
[4] [волосы]
[5] *Начато:* [Там]

250—251 Что честь в России невозможна
Мы изувечены безбожно
После 252 *(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, сидящего с закрытыми глазами.)*
255 Дайте излиться скорбящему сердцу *(л. 60)*
Вм. 269—272 [Нужно стать выше страдательной роли
а. Выше судьбы своей стать
б. Личную жизнь отстоять
Силой труда, дарованья и воли
Нужно мильоны стяжать.
Так ему русская жизнь подсказала
Гений исполнить помог...
Он ли виной, что убить идеала]
В сердце прекрасном не мог?..
После 276 [(Оратор здесь остановился
Поправил волосы свои
Взглянул: Зацепа находился
В каком-то странном забытьи.)
(Пауза. [*Ободренный молчанием Зацепы, который сидит с закрытыми глазами, оратор продолжает*]*)*
Излишне говорить, что наш почтенный друг
Впадает в крайность роковую.
Ему ли унывать? За ним ли нет заслуг?
Натуру страстную такую
Еще бы подчинить условиям толпы!
Избитой колеей пускай идут рабы.]
Чудак! Свою широкую природу
Смешал с посредственной толпой!
Рабы покорно возят воду,
Идут избитою тропой.
Они довольны, если сыты
Но нам даны иные аппетиты
[Ложусь я и встаю с молитвою одной:]
О господи! удвой желудок мой!
277—286 *отсутствуют*
После 293 [*(Зацепа кидается с занесенной ладонью к Леониду; его удерживают.*[1]*)*]
[Спал Зацепа. Предстоящие
Эти ужас наводящие
Нагло-умные слова

---

[1] [останавливают]

Пожирали с упоением;
Грош заметил с умилением:
«Золотая голова!»
а. — Дай венгерского старейшего!
Князь скомандовал. Он пил
«За философа новейшего»
И, смакуя, говорил:]
б. «За философа новейшего»
Князь Иван провозгласил
И венгерского старейшего
Полстакана осушил *(л. 76)*
305 Как малиновка поет!
После 305 а. В трудный час с акционерами
Будет он всегда герой
Отуманив их химерами
Пустит каждого с сумой!
б. Вот с какими кавалерами
Ты живешь, Зацепа мой!
в. Вот какими кавалерами
Окружен Зацепа мой!
Для борьбы с акционерами
Это истинный герой
Он докажет исторически
Им теории свои
И применит так практически,
Что в огонь бросай паи!..

[З а ц е п а *(показывая кулак Леониду)*

Уйди!..

(Леонид уходит и еще некоторые с ним.)]
374—379 а. *как в ЧА ЦГАЛИ*
б. Улыбнулся громко Савва
«Сядем в горку!» — он сказал
Стол раскрыт — пошла забава:
[Тьму Зацепа проиграл...]
Что ни ставка — капитал!..

Варианты наборной рукописи ЦГАЛИ

Подзаголовок [Портретная галерея]

Часть первая

13—24 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ с вариантом ст. 19:*
Аренда... грамота... обед[1] *(л. 77)*
49 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ (л. 77 об.)*
65—70 *вписаны (л. 81 об.)*
153—156 *вписаны*
После 204 а. [Зала] [№ 5][2] *(л. 83)*
б. [Зала] [№ 6] 5[3] *(л. 84 об.)*
Перед 206 [Зала] [№ 7] 6
206—210 Военный пир... Военный спор...
Не знаю, кто тут триумфатор.
— А*** вор! [М] Б*** вор! —
Кричит увлекшийся оратор
[М] В*** ваш — не патриот
220 Пусть [в оны дни] не мог присесть *(л. 85)*
Перед 226 [Зала] № [8] 7 *(л. 86)*
Перед 232 [Зала] № [9] 8
265 [Ужасны] речи ваши: *(л. 87)*
Перед 284 [Зала] № [10] 9 *(л. 88)*
Перед 304 [Зала] № [11] 10 *(л. 89)*
Перед 326 № [12] 11 *(л. 90)*
Перед 419 [Зала № 13] 12 *(л. 92)*
Перед 428 [Зала № 14] 13[4]

---

[1] *Ст. 17—20 вписаны.*

[2] *Текст этого эпизода, в перечне эпизодов части 1 поэмы названного «Новый губернатор», вычеркнут (см. его выше, в разделе «Стихотворные фрагменты», с. 445).*

[3] *Следующий далее текст частично соответствует ст. 455—498 части 2 окончательной редакции (см. его в сводной рукописи ЦГАЛИ, с. 473—474).*

[4] *№ [15] 14 («Были вы вчера студенты...» — ср. ст. 462—493 части 1 окончательной редакции) находится в сводной рукописи ЦГАЛИ (л. 48); в наборной рукописи этот текст скопирован не был.*

429 Говорит [старик] банкир *(л. 93)*
Перед 494 Зала [15] [16] 15 *(л. 94)*
Перед 554 [Зала] № [16] [17] 16
566—568 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ (л. 95)*

Часть вторая

Ремарка *(Действие происходит в известном ресторане [Огюста. Времена недавние]) (л. 96)*
11 [Господа]-акционеры
15—17 Сдавший [сегодня] отчет
В общем годичном собрании
В центре директоров Шкурин сидит.
После 62 [Дал баснословную плату задельную *(л. 96 об.)*
День потрудились... похлебку артельную
Вылили вечером наземь... Народ
Вольница, только бунтует и пьет!] *(л. 97)*
117—119 [Тут были агенты, дельцы биржевые
И земская сила — дворяне степные
а. И целые группы унылых менял [1]
б. И было тут много менял [2]
в. И несколько тихих, стыдливых менял] *(л. 97 об.)*
После 126 а. [Тут были агенты из Лондона, Вены,
Тут были купцы с Енисея и Лены,
И несколько рыхлых унылых менял
Сидело тут рядом...]
Герой-триумфатор
Раскланялся... Выступил новый оратор,
(Меняло) и голосом тонким сказал: *(л. 99)*
б. [Вот земская сила — дворяне степные
И несколько местных. Бухгалтер, кассир
И всяких названий дельцы биржевые
По зову Зацепы явились на пир.
Явились агенты из Лондона, Вены,
Явились купцы с Енисея и Лены] *(л. 97 об.)*

---

[1] И [несколько рыхлых] унылых менял
[2] [Сидело тут] много менял

в. [Сидели тут рядом дельцы биржевые
И земская сила — дворяне степные
И несколько рыхлых унылых менял
С противным румянцем я тут насчитал]

127—142 *вписаны на отдельном листе*

130—131 Профессор, юрист, адвокат знаменитый
И два адвоката — с известным значком

133 а. Зацепин — короче: Зацепа стяжал

б. Зацепа (точнее: Зацепин) стяжал

137 Зацепа находчив, умен, даровит *(л. 98)*

После 156 *(Пауза. Выпив глоток воды, оратор продолжает с одушевлением*[1]*) (л. 99)*

192—193 а. [Все глядели на Савву-]столпа

б. Ждали мненья Зацепы-столпа.

«Да (сказал он), [хорошее] дело, *(л. 99 об.)*

205—208 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ*

212 [Произнес]: проект хорош *(л. 100)*

После 248 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ, но зачеркнуто*

249 Сюда приполз [2] и князь Иван *(л. 99 об.)*

К 249 Характеристика князя Ивана помещена в другом очерке («От<ечественные> зап<иски>», 1875 года, № 8), имеющем связь с настоящим. Напоминаем ее читателю: [3] *<далее приведены ст. 141—168 части 1>.*[4]

253—256 *вписаны на полях*

256 Чуть не ругательства вдогонку *(л. 100 об.)*

269—401 *вписаны на отдельных листках (л. 101—103)*

281—286 *отсутствуют*

После 286 2-й голос

288 а. Кондукторов так поверял: *(л. 101)*

б. Кондукторов строго держал *(л. 106 об.)*

После 294 а. [3-ий голос *(князя Ивана)*]

б. Голос (3-ий) князя Ивана *(кому-то навстречу) (л. 101)*

344—346 Неотесанный болван[5]

---

[1] [возрастающим пафосом]
[2] [пришел]
[3] [Ее необходимо напомнить читателю.]
[4] *Примечание Некрасова.*
[5] [Фат, невежда и] болван

Содержатель кассы ссудной
Первой кассы — важный сан! *(л. 102)*
397 Сорок... мало! Я отстал *(л. 103)*
После 401 Г о л о с к н я з я И в а н а
402—424, 425—432 *следуют в обратном порядке*
421—424 Заключение было печальное:
За мое обращенье нахальное
С неким сыщиком[1] высидел я
Под арестом неделю, друзья!..» *(л. 104 об.)*
433—454 *отсутствуют*
455—498 *вписаны на отдельном листе со знаком вставки.*[2]
После 554 Г о л о с к н я з я И в а н а ([*кому-то навстречу*])
555 А! [Соломон]-изыскатель!
559—562 [Берку семья донимает
Берко из хаты бежит,
Месяца три пропадает
И возвратясь, говорит:] *(л. 109 об.)*
601 Благословляет болота *(л. 109)*
603—626 *вписаны на отдельном листке.*
После 618 Г о л о с к н я з я И в а н а *(вдогонку тому же)*
619 [Цель его:] чины да куши
После 622 Добиваясь генеральства,
Мнит высоко о себе.
Плутоватость и нахальство
Два словца в его гербе. *(л. 110)*
699 Князь Иван покончил пренья *(л. 111 об.)*
После 766 [К н я з ь И в а н
Браво! браво! ороситель!
Браво! пью за подвиг твой] *(л. 112 об.)*
767—774 *вписаны на полях*
769 Эй! тамбовский предводитель *(л. 112)*
811—822 *вписаны (л. 113 и об.)*
816 Заплати да [денег] дай *(л. 113 об.)*
1009 Лисий глаз и волчий зуб[3] *(л. 115 об.)*

---

[1] а. [пассажирами] б. [околодочным]
[2] *Ранее этот эпизод как «зала № 5» входил в часть 1 поэмы (см. с. 500).*
[3] [Зоркий] глаз и [вострый] зуб

1010—1017 *отсутствуют*
1020 Он туда втирает взятку *(л. 116)*
1065 *вписано (л. 117)*
1111—1114 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ (л. 117 об.)*
1252 Закусить на кручу побрели *(л. 119 об.)*
После 1272 *название песни вписано*
1273—1280 Хлебушка нет
Плохо житье
Сколько уж лет
Горе свое!
Каме поем!
Братцы, подъем!
Ухни, наддай! *(л. 120)*
1291—1294 *вписаны на полях*
После 1304 Нас пожалей!
1305—1308 *зачеркнуты (л. 120 об.)*
1309—1312 *отсутствуют*

Эпилог

После 12 [Голос князя Ивана] *(л. 122)*
После 60 [Голос князя Ивана]
88—123 *отсутствуют*
132—143 *вписаны на полях*
164 С прямых путей — [по воле иль] неволе *(л. 123 об.)*
178 Князь Ханыков...[1] уж он ли над Россией
После 188 [*(Рвет свои белые длинные волосы.)*]
После 192 Зацепин *(задумчиво) (л. 124)*
193—204 *вписаны (л. 124 и об.)*
228 *примечание вписано на полях*
После 232 [*(Зацепа молчит, закрыв лицо руками. Евреи уходят.)*]
233—236 *вписаны (л. 124 об.)*
237—238 [Пропали даром наставленья!
Ушли евреи... Леонид]
247 Чисто [Тебя] [2] как ржа железо ест

---

[1] [Трубецкой]
[2] [Его]

После 252 *(Пауза. Оратор всматривается в лицо Зацепы, [сидящего с закрытыми глазами] наблюдая впечатление своей речи. Зацепин закрывает глаза.) (л. 125)*

277—285 *отсутствуют*

После 293 *(Зацепин кидается [с занесенной ладонью] к Леониду. Его удерживают.) (л. 125 об.)*

294—295 Дай венгерского старейшего
[Праздник тостом заключим] *(л. 125)*

После 315 [З а ц е п а]

322—325 *вписаны*

326—329 Смолоду Гриша был ротмистр лихой
Дальше лихой предводитель дворянства,
Дальше воронежский туз откупной
Эксплуататор народного пьянства. *(л. 126)*

330 Откуп решили; [богач] не хотел

339 [С редкой удачей] на бирже играя

Вм. 346—349 [Стало ему постоянно везти,
Даже о нем поговорка сложилась:
«Ключ ко всему у Зацепы в горсти».
Каждое дело с Зацепой спорилось...]
(л. 126 об.)

364—365 «Вором отца [обругали] при нем...»
Черные мысли [отца одолели]

373 Да [нещадно] соду пил

379 И [Зацепа] к ним подстал *(л. 127)*

Варианты прижизненных изданий (ОЗ и ПП)

Часть первая

41 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ (ОЗ, ПП)*

После 60 Ты отец! до населенья
Добр и милостив ты был,
Не довел до разоренья,
Пищи, крова не лишил!
Ты герой — до кассы частной,
До казенного добра
Не простер руки всевластной —
Благодарность и... ура!.. *(ПП)*

81—112 *заменены строкой точек (ОЗ)*
81—112 *отсутствуют (ПП)*
121—122 Устрой еще заставы
И надписи прибей. *(ПП)*
205—212 *отсутствуют (ОЗ, ПП)*
208—210 «А*** вор! Б*** вор! —
Кричит увлекшийся оратор:
В*** ваш — не патриот *(ОЗ)*
214—233 *отсутствуют (ПП)*
284—303 *отсутствуют (ПП)*
392 И Семевский затрещит *(ПП)*
419—427 *отсутствуют (ПП)*
462—493 *отсутствуют (ОЗ, ПП)*

Часть вторая

Ремарка *(Действие происходит в известном ресторане.) (ОЗ)*
137 *как в НР ЦГАЛИ (ОЗ)*
144 Меняло — но я прозевал эту речь *(ПП)*
К 249 Характеристика князя Ивана помещена в другом очерке («От<ечественные> зап<иски>», 1875 года, № 8-ой). Напоминаем ее читателю:
<далее приведены ст. 141—168 части 1>[1] *(ОЗ)*
277—280 *заменены строкой точек (ОЗ, ПП)*
389—390 *заменены двумя строками точек (ОЗ)*
607—610 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ (вариант б.) (ОЗ)*
613 *как в сводной рукописи ЦГАЛИ (ОЗ)*
615—618 В третий раз сказал я: — Куш
Будет — гривна сó ста
И воскликнул грозный муж:
«Это — очень просто!» *(ОЗ)*
639 Граф Д-дов, князь Л-нов *(ОЗ, ПП)*
648—733 *отсутствуют (ПП)*
699—710 *заменены четырьмя строками точек (ОЗ)*
Вм. 734—738 Мало толку в словопреньи,
Грянул некто Хватунов,
Лучше петь об орошеньи
(Был уж он давно «готов»). *(ПП)*

---

[1] *Примечание Некрасова.*

767—774 *отсутствуют (ПП)*
892—895 *заменены четырьмя строками точек (ПП)*
971 На барона непохож *(ОЗ)*

Эпилог

355 Вспыхнула ссора. Зацепа сбесился *(ОЗ)*

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

(С. 251)

Первоначальные наброски ИРЛИ

Увижу ли уединенный сад,[1]
Вновь, молодость моя, ты предо мною,
Листы дерев уныло так шумят,[2]
И мать моя с поникшей головою,
Задумчива, болезненно бледна
С платком в руках, обмоченным слезами,
Дорожкой крайней тихими шагами [3]
Проходит молча. Тяжкий-тяжкий вздох,
За ним другой... Там шепот: боже! боже!
Там робкий стон; потом опять всё то же —
До вечера...

О мать моя! о чем же ты грустила!
Не понимал, не думал я о том.
Я помню, ты порою подходила
Ко мне и за руку меня брала.
Но ты напрасно грустными глазами
В мои смотрела детские глаза.
Нет!.. не было сочувствия меж нами,
Моей руки не жгла твоя слеза.
И от моей бессмысленной тоски
Тебе не становилось легче. Отходила,
Качая грустно головой, ты от меня,

---

[1] Увижу [ль женщину с слезами на глазах]
[2] Листы дерев [задумчиво] шумят
[3] [<*нрзб*>]

И вновь одна задумчиво бродила
Одна! одна!

О чем?.. не понимал тогда я... Но теперь,[1]
Когда настанет вечер длинный, длин<ный>
Томящий вечер осени суровой,
Вновь предо мной ты, молодость моя,
И вижу я себя опять [2] в столовой
Большой и темной... Свечкою одною
Освещена... Я у печки греюсь ,[3]
А за столом родитель мой сидит,
Вернувшись с поля, скучный и голодный
И с доезжачим Сенькой [4] говорит
О зайцах, о собаках... Пре[5]

Как Змейку переехали телегой
И как всё в тот же злополучный день
Чертополох, кобель лилово-пегий,
Расшиб крестец, ударившись об ель.
И грустным столь событием смущен
На миг, вздохнув, задумывался он...

Но взор его с любовью обращался
На Кару... и он вмиг развесел<ялся>

Что Карушка? что дура?.. А небось
Кусочка хочешь? А зачем сегодня
Ты зайца упустила...[6] Поленилась?..
Что поленилась? Нет же и кусочка?
Не будешь вперед испускать... а не будешь...
Ну-ну... на, дура, ешь
А та [7] хвостом ласкательно виляла

Потом опять он с Сенькой говорил
И Сенька парень дюжий и смышленый

---

[1] *На полях:* Он понимал... Но ты
[2] [в большой]
[3] *Рядом на полях запись:* Две борзых собаки щенки...
[4] [Саш<кой>]
[5] *Слово недописано.*
[6] *Начато:* [А?]
[7] [ему]

Лишь только раз... о помню! страшный день! [1]
Лихая к утру выпала пороша
Соседи [2] из окрестных деревень
И мой отец все вместе
Уехали... Но ровно через час
Снег повалил

Чай нехорош... и чашку опрокинул
И Аграфену приказал позвать
И ей ему чай сделать. Аг<рафена>

Вдруг отец
Сказал садись и села Аграфена
И нагло посмотрела на нее
На мать мою...

«А!.. Ты еще и рассуждать!» и снова
Удар линейкой...

Что ни единой слезки я не пролил
С тобою вместе, что бессмыслен был
Тот взгл<яд> [3]

Варианты чернового автографа ИРЛИ

1

31—32 а. В душе [давно уж накипали] звуки
И бурей [наполняли] грудь мою
б. В душе кипят рыдающие звуки
И бурей наполняют грудь мою...
34 Твою погибель, мать моя! пою...

2

К 187—203 а. [Она подходит в саване]
б. [И вызвал я родную из могилы
Передо мной печальная стоит...
И в памяти моей <*нрзб*>] [4]

---

[1] *Далее один густо вымаранный стих.*
[2] [Отец]
[3] *Последние четыре наброска вписаны на полях.*
[4] [Но отчего ж мои упали силы]

[И вот она явилась из могилы
Измучена, печальна, но жива...
И чувствую, как погасают силы
Безжизненны и холодны слова
Святая тень!.. Я скрежещу [1] и плачу
И от тебя вновь с трепетом бегу
Нет, эту жизни лучшую задачу
Я совершить достойно не могу!..
В ребячестве надменен и упорен

Потом читая Данта и Шекспира
Я узнавал знакомые черты,—
То образы из их живого мира
В моем уме напечатлела ты...]
г. И вызвал я родную из гробницы
Ее осанка, поступь и черты
Как в старом зданьи вспугнутые птицы
В душе проснулись детские мечты
[Остывшие неузнанные годы]

Корректура новой редакции ЦГАЛИ (К)

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

Надо мной
Младая тень уже летала...
А. Пушкин

I

Я отроком покинул отчий дом
(С осьми годов в столицу я стремился)
В шестнадцать лет я жил своим трудом
И между тем урывками учился.
Лет двадцати, с усталой головой,
Ни жив ни мертв (я голодал подолгу),
В родную глушь приехал я... домой!..
Я посетил деревню, нивы, Волгу —

[1] [трепещу]

II

Всё те же вы — и нивы, и народ...
И та же всё [1] — река моя родная...
Заметил я новинку: пароход!
Но лишь на миг мелькнула жизнь живая.
Кипела ты [2] зубчатым колесом
А берега дремали кротким сном...[3]

[III]

а. [Я жду иных тягучих, грозных звуков.
Где шел отец — сегодня сын пройдет,
Но — благ господь не увижу внуков?
Подумал я, припомнив пароход...
Чу! караван! расшивы, коноводки,
И бурлаки сошли с завозной лодки
И поползли на кручу...] [4]
б. Дремало всё: расшивы, коноводки,
Дремал бурлак на дне завозной лодки
Проснется он — и Волга оживет!

[IV]

а. Наш приход
[Я посетил] и ряд могил
б. Я посетил старинный наш приход
[И ряд могил, где я гулял, играя]
в. Я посетил старинный наш приход
И ряд могил... Подвижница святая
Ты мирно спишь под мраморной плитой
Уж много лет... О мать моя родная!
Но в первый раз я плачу над тобой.
(Я молод был, я жил не размышляя.)

---

[1] [ты]
[2] *Начато:* [Еще кипит]
[3] [А берег уже спит. Знаком я с этим сном]
[4] *На полях начато:*
[Всё те же вы... Но я уже не тот
Заслышав стон тягучий]

V

Я обошел наследственный наш дом [1]
В нем новый пол, в нем новые порядки
Я разобрал хранимые отцом
Твоих работ, твоих бумаг остатки
И над одним задумался письмом:
«Читать иль нет...» [2] То польским, то французским
Порывистым и страстным языком
Исписан лист, с гербом, с бордюром узким

VI

а. [Томим тоской в] заброшенный наш сад
[Я побежал... Он глуше] с каждым годом
б. Я посетил заброшенный наш сад
Он ветренней, угрюмей с каждым годом
В нем семь ключей сверкают и гремят
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленым сводом
Тиха как ночь и легкая как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый день.

VII

Я к ним иду... Чего-то ищут взоры...
«Она, она!» Чуть видны на песке
Ее следы; то медленны, то скоры
Ее шаги... Письмо в ее руке...
«Она, она!» — невольно восклицаю
Бегу, зову!.. Кружится голова...
Чу! тихий плач, чу! шепот! Повторяю
За ней слова, ужасные слова.

VIII

Письмо

Позор! позор! с армейским офицером
Бежать в чужой, недружественный край.
Ни мать твоя, ни сестры, не пеняй,
Ты первая красавица Варшавы.

---

[1] Я обошел [знакомый с детства] дом
[2] *Начато:* [Храню его]

Родной семьи любимое дитя,
Ты, чьей руки граф К. искал как славы,
Кого князь Р. посватал не шутя.

Ты замужем за северным медведем,
Пиши скорей, пади к ногам отца,
Простил бы он, мы за тобой приедем,
Довольно нам терзала ты сердца.

Наброски на полях корректуры ЦГАЛИ

[Знакома мне их песня гробовая...]

[Я посетил старинный наш приход —
Среди могил, где я гулял играя]

Вариант авторизованной копии ИРЛИ

34 Твою борьбу, о мать моя! пою...

Корректура сокращенной редакции ИРЛИ (К)

ЗАТВОРНИЦА

(Сон) [1]

I

Я посетил заброшенный наш сад;
Он всё темней, прохладней с каждым годом,
В нем семь ключей сверкают и гремят,
Вершины лип таинственно шумят.
Я их люблю: под их зеленым сводом
Тиха, как ночь, и легкая, как тень,
Ты, мать моя, бродила каждый [2] день.

II

Я был тогда ребенком; долго, долго
Не думал [3] я, родная, ни о чем.

[1] [Памяти матери]
[2] [в летний]
[3] *Начато:* [Не понимал]

Не ты, не сад,— меня манила Волга,
Я с кручи там катался кубарем.
И лишь зимой, в морозы и метели,
Я помню, мы безвыходно сидели
Сам-друг с тобой в разрушенном дому.
(Угрюмый дом, похожий на тюрьму...)

III

Я проклинал докучные [1] морозы,
Я проклинал томительные дни,
А ты лила неведомые слезы [2]—
Я лишь поздней узнал, о чем они.
Плачь, громко плачь!.. Хоть словом укоризны
Бессменный гнет, страданья разреши,[3]
Изгнанница, лишенная отчизны!
Затворница, забытая в глуши!

IV

В другом краю, не менее несчастном,
Но менее суровом, рождена,
На севере, угрюмом и ненастном,
В осьмнадцать [4] лет уж ты была одна.
Тот разлюбил, кому судьбу вручила,
С кем в чуждый край доверчиво пошла,
Уж он не твой, но ты не разлюбила,
Ты разлюбить до гроба не могла...

V

Зовет семья: «Твоей ли вынесть груди
Суровый гнет неволи и зимы,
Где заодно с природой стонут люди?
Вернись скорей — давно простили мы».
Грозит отец: «На горе ты бежала!
Припомнишь нас...» Ты гордо замолчала,
И у тебя ни друга с той поры,
Ни родины, ни брата, ни сестры.

---

[1] [трескучие]
[2] [В твоих очах я видел часто слезы]
[3] [Измену, гнев, страданье заглуши]
[4] [семнадцать]

VI

А новый край? Ты, чистая, святая,
Ты, кроткая, с мечтательным умом,
О, что кругом ты видела, родная!..
Я помню ночь... Казалось, грянул гром:
Играла ты и пела гимн печальный.
Ту песню, вопль души многострадальной,[1]
Твой первенец наследовал потом.

VII

«Несчастна я, обманутая другом,
Но пред тобой, о женщина-раба!
Перед рабом, согнувшимся над плугом,
Моя судьба — завидная судьба.[2]
Несчастна ты, о родина! я знаю —
Весь край в плену, весь трепетом объят,
Но край, где я люблю и умираю,
Тот бедный край — несчастней во сто крат».[3]

VIII

Так пела ты, так плакала, родная,
В своей тюрьме, судьбе не уступая,
Чужим скорбям бессильная помочь,
А над тобой уже висела ночь.
И ничего судьба не уступила —
Ты палача покорством не смягчила,
Ты в сыновьях опоры и друзей
Не дождалась... Мир памяти твоей!

ЭПИЛОГ

Ты умерла — тюрьма освободилась,
И снилось [4] мне — я поселился в ней,
В груди моей чуть слышно сердце билось,
Я разомкнуть не в силах был очей,

---

[1] [Как ты была подавлена!.. Как гром
Гремел рояль, и голос твой печальный
Звучал как вопль души многострадальной]
[2] [Я не ропщу: сносна моя судьба]
[3] Твой бедный край [несчастнее] сто крат
[4] [снится]

Но [1] ум кипел: с неведомою силой
И не вотще я звал твой образ милый:
Незримо ты витаешь предо мной
И мне поешь с любовью несказанной:
«То не тюрьма, а рай обетованный —
Забвение, желанное тобой».

Наброски на обороте корректуры ***ИРЛИ***

И началась незримая борьба глухая.
Пусть жизнь твоя ничтож<на> как всегда
Влилась в их жизнь
Ты знала жизнь всегда с народной стороны

Бессменный гнет страданья разреши,
Изгнанница, лишенная отчизны!
Затворница, забытая в глуши!

И если я не вышел на дорогу
С ножом в руке, тебе обязан я

Как на небе ни много черных туч
Но если ночь еще не наступила
Всё ж[2] где-нибудь проглянет солнца луч
Но уж одно, что ты им не враждебна
Никому

Взял народ свободу
Твой <*нрзб*>
<*нрзб*> за собой
Ты и <*нрзб*>
вложила

Вариант Ст 1861

34 *как в набросках ИРЛИ*

---

[1] [Лишь]
[2] *Начато:* [Проглянет]

Варианты Ст 1869

189—191 В ребячестве я сиживал с тобою.
Мне в сумерки мерещится порою
И голос тот мне слышится впотьмах
195—196 Потом читала Данта и Шекспира
Я узнавал знакомые черты
199 И понял я, где мысль твоя блуждала,

Варианты ПП и ОЗ

124 И наконец замерзла — умерла!..
170 Так узники стоят у окон каземата
235 Но ты была тверда и весела
258 ...Двадцать лет подвижничества цепи

Разночтение Ст 1879

93 И я теперь его возненавидел

Разночтения ПССт 1886 и ПСС

241 Весь край в крови, весь заревом объят...
(ПССт 1886)
241 Весь край в плену, весь заревом объят... *(ПСС)*

КОММЕНТАРИИ

В соответствии с жанровым принципом, который положен в основу распределения произведений Некрасова по томам в настоящем собрании сочинений, в четвертом томе помещены поэмы. Исключение составляет крупнейшая поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», для которой отведен отдельный, пятый том.

Для русской литературы середины XIX в. был в высокой степени характерен синкретизм жанров. Строгих жанровых границ, воздвигнутых когда-то поэтикой классицизма, давно уже не существовало. Однако «жанровое сознание» оставалось важным фактором литературного творчества. Это сказалось, в частности, и в поэзии Некрасова.

Правда, само слово «поэма» Некрасов употреблял не совсем так, как его употребляем мы, и притом с разными целями. Например, когда в стихотворении «Форма» («Подражание Шиллеру») он писал: «...Важен в поэме Стиль, отвечающий теме»,— очевидно, что под поэмой он разумел всякое стихотворное произведение. Выставив под заглавием стихотворения «Мое разочарование» подзаголовок «Поэма», он, надо полагать, использовал этот подзаголовок в ироническом, полемическом смысле («Мое разочарование» — пародия на поэму К. Павловой «Кадриль»). Вообще авторские подзаголовки, содержащие жанровые обозначения, не могут служить надежным ориентиром — во-первых, потому, что Некрасов употреблял их (как уже говорилось) не только с целью определения жанра, но и с другими целями; во-вторых, потому, что в литературной науке за прошедшие более чем сто лет значение термина «поэма» уточнено в связи с развитием теории литературы.

И все же в художественном мышлении Некрасова поэмы как-то отделялись от прочих его стихотворений. Недавно было высказано мнение, что отличительной особенностью поэм Некрасова является их более оптимистическое звучание, что связывается с представленным в поэмах эпическим началом (см.: *Корман Б. О.* Лирическая система Некрасова.— В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1971. М., 1971, с. 123—129). Это утверждение, при известной его дискуссионности, показательно: определение специфики некрасовских поэм является одной из задач современного некрасоведения.

Решая эту задачу, следует, очевидно, учесть издательскую практику и, в частности, обратить внимание на порядок публикации произведений в прижизненных изданиях Некрасова. Поэт обычно вычленял крупные произведения из общей массы стихотворений. Так, в первом издании «Стихотворений» (1856) он по-

местил поэму «Саша» в виде особого (третьего) раздела, а крупное стихотворение «Поэт и гражданин» напечатал вне разделов книги в качестве предисловия к ней. Второе издание «Стихотворений» (1861) состояло из двух частей, в первой из которых были собраны мелкие, во второй — крупные произведения (всего во второй части было помещено десять произведений: «Псовая охота», «Прекрасная партия», «Филантроп», «Саша», «Княгиня», «Поэт и гражданин», «Несчастные», «О погоде», «Крестьянские дети», «Коробейники»). В том или ином виде этот принцип соблюдался и в последующих прижизненных изданиях «Стихотворений», вплоть до последнего, шестого (1873—1874): крупные произведения отделялись от мелких; при этом состав второй части издания оставался неизменным, а в последовательно присоединявшихся к изданию новых частях (третьей, четвертой, пятой и шестой) крупные произведения также выделялись. В книге «Последние песни» (1877) вслед за первым отделом, составленным из мелких произведений («Лирические стихотворения»), шли отделы, специально отведенные для произведений более крупных: отдел второй — «Современники», отдел третий — «Из поэмы „Мать“».

В ряде авторитетных советских изданий Некрасова некоторые поэмы выделены в особый том.

В ПСС первые три тома озаглавлены «Стихотворения». При этом в виде подзаголовков выставлены даты (соответственно в первом, втором и третьем томах): 1838—1856, 1856—1877, 1863—1877. Третий том выпадает из общей хронологии. Причина этого не объяснена ни в заглавиях томов, ни в их подзаголовках, ни в комментариях. Она состоит, очевидно, в том, что стихотворения расположены здесь не только по хронологии, но и по жанрам. В третьем томе помещены только поэмы, и притом лишь четыре из них: «Дедушка», «Русские женщины», «Современники», «Кому на Руси жить хорошо».

Более явственно жанровый принцип распределения стихотворных произведений Некрасова по томам выражен в восьмитомном Собр. соч. 1965—1967. Первые три тома этого издания (содержащие поэтические произведения) скомпонованы в основном по образцу первых трех томов ПСС, но сведены и некоторые новшества. Тома озаглавлены: т. 1 — «Стихотворения и поэмы. 1843—1860», т. 2 — «Стихотворения и поэмы. 1861—1877»; т. 3 — «Поэмы. 1863—1877». В третьем томе помещены те же четыре поэмы, что и в третьем томе ПСС.

Такое размещение поэтических произведений Некрасова по томам стало в новых изданиях в известной мере традиционным. Оно повторено в юбилейных «Собраниях сочинений в трех томах» 1971 и 1978 гг.

В настоящем издании жанровый принцип при распределении поэтических произведений Некрасова по томам проведен более последовательно. Включая в четвертый том все поэмы Некрасова (кроме поэмы «Кому на Руси жить хорошо»), редколлегия нисколько не претендовала на окончательное решение многочисленных дискуссионных вопросов, возникающих при определении жанра поэтических произведений Некрасова. Произведения, занимающие как бы «пограничное», «промежуточное» положение между поэмами и прочими стихотворениями поэта, в четвертый том не вошли; они помещены в первых трех томах издания. В настоящем

же томе представлены лишь те произведения, которые, по оценке подавляющего большинства исследователей, по восприятию подавляющего большинства читателей, являются поэмами.

В настоящем томе отсутствует имеющийся во всех предыдущих томах список произведений, включавшихся в собрания сочинений Некрасова ошибочно или без достаточной аргументации. История единственного произведения, претендующего на включение в такой список («Светочи»), подробно изложена в комментарии к поэме «Дедушка» (см. ниже, с. 566—568).

В конце тома помещены алфавитный указатель стихотворных произведений Некрасова, вошедших в тома 1—4 настоящего издания, и алфавитный указатель стихотворений, включавшихся в собрания сочинений Некрасова ошибочно или без достаточной аргументации (по томам 1—3 настоящего издания).

Тексты и варианты подготовили и комментарии к ним написали: О. Б. Алексеева («Коробейники», «Мороз, Красный нос»), И. А. Битюгова, при участии Б. В. Мельгунова («Русские женщины»), А. М. Гаркави («Саша»), А. Л. Гришунин («Белинский»), Ю. В. Лебедев («Несчастные»), Б. В. Мельгунов («Дедушка», «Из поэмы „Мать“»), Н. Н. Скатов («Тишина»), М. В. Теплинский («Современники»).

1855

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

(С. 5)

Печатается по авторизованной копии ГБЛ.

Впервые опубликовано: за границей — Полярная звезда на 1859 год, кн. V, с. 48—52, без подписи и указания автора, под рубрикой «Стихотворения разных авторов» (перепечатано в нескольких зарубежных сборниках: Русская потаенная литература XIX столетия. Отд. 1. Стихотворения. Ч. 1. С предисл. Н. Огарева. Лондон, 1861, с. 388—394; Лютня II. Потаенная литература XIX столетия. Изд. Э. Л. Каспровича. Лейпциг, 1874, с. 30—35 (изд. 2-е, б. г., с. 30—35; изд. 3-е, б. г., с. 25—30) и др.);[1] в России — ОЗ, 1878, № 5, отд. I, с. 107 (ст. 80—83, 92—95; приведены А. М. Скабичевским в биографическом очерке «Н. А. Некрасов», перепечатанном затем в первом томе Ст 1879, как «начало» «одного малоизвестного стихотворения Н. А. Некрасова»); Древняя и новая Россия, 1881, № 2, отд. «Мелочи», с. 412—416 (без ст. 18, под рубрикой «Из рукописной литературы 50-х годов» (публикатор П. О. Морозов) и с редакционным примечанием: «Печатая это стихотворение, мы должны заметить, что в некоторых рукописных сборниках оно приписывается Н. А. Некрасову. Судя по стиху

---

[1] В парижских сборниках В. П. Сидорацкого, где произведения сильно переделывались, отрывок из поэмы «В. Г. Белинский» печатался под заглавием «Застрелившийся среди русских эмигрантов»:

В его душе всю жизнь кипел
Родник богатых сил природных.
Источник мыслей благородных
И честных, бескорыстных дел.
Умно он истине служил,
Он духом был смелей нас, чище,
Зато средь нас и проложил
Себе дорогу...— На кладбище.

(см. об этом: *Гаркави А. М.* Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX в. — Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1957, вып. 3, с. 241, 248—249).

и выражениям, в этом позволительно сомневаться. Сомнение становится еще более основательным ввиду того, что в последнем издании стихотворений покойного Н. А. об этой пьесе не сказано ни слова. Обращаемся к нашим библиографам с покорнейшею просьбою разъяснить вопрос о том, кого следует считать автором этого стихотворения. *Ред.*»).

Столь поздняя публикация поэмы в легальной русской печати объясняется не только ее социально-критической направленностью, но также и тем, что имя Белинского после смерти Николая I (в феврале 1855 г.) не сразу сделалось употребительным, так что Н. Г. Чернышевский, в том же 1855 г. печатавший в некрасовском «Современнике» свои «Очерки гоголевского периода русской литературы», не мог назвать его имя и обходился различными иносказаниями («критика 40-х годов» и др.).

Тем не менее еще при жизни поэта библиограф П. А. Ефремов писал в «Отечественных записках» (1863, № 9, отд. II, с. 3) о стихотворении «Белинский», «года два или три тому назад напечатанном в одном из альманахов без подписи автора, но приписываемом всеми г. Некрасову», сожалея, что поэма эта не вошла ни в одно из изданных к тому времени собраний стихотворений Некрасова.

После смерти Некрасова сестра поэта А. А. Буткевич показала поэму М. Е. Салтыкову-Щедрину и Г. З. Елисееву, которые, однако, не нашли возможным опубликовать ее в «Отечественных записках». Не вошла поэма и в Ст 1879, хотя А. А. Буткевич намеревалась выслать ее готовившему издание библиографу С. И. Пономареву (см.: ЛН, т. 53—54, с. 181). Известно также, что у Пономарева был список с герценовской публикации, в настоящее время хранящийся в ИРЛИ (Р. II, оп. 1, № 281).

После 1881 г. поэма продолжала распространяться в рукописях и время от времени появлялась в печати как «неопубликованная». Так, в анонимной статье «Десятилетие кончины Н. А. Некрасова» (Казанский вестник, 1887, 30 дек., № 338) упомянуто как якобы еще неизвестное публике произведение Некрасова «На смерть Белинского» (т. е. поэма «В. Г. Белинский»). В газете «Одесский листок» (1908, 8 марта, № 57) отрывки из поэмы опубликованы под заглавием «Памяти Белинского. Ненапечатанное стихотворение Некрасова». Н. Ф. Юшков, подготовивший эту публикацию, писал в примечании: «Это стихотворение мне было дано моим старшим братом — В. Ф. Юшковым, бывшим учителем русской словесности в Саратове, а потом в Тифлисе и Шуе, ныне скончавшимся». Он сообщал также, что «несколько лет назад» пытался опубликовать поэму в «Русской старине», но страницы с текстом ее были вырезаны из журнала, очевидно, цензурой. В ИРЛИ (ф. 265, оп. 2, № 1764) хранится список поэмы под заглавием «На смерть Белинского» при письме Н. Ф. Юшкова от 9 мая 1888 г. в редакцию «Русской старины» с просьбой напечатать ее в журнале и ответ секретаря редакции от 17 мая того же года.

В 1899 г., когда отмечалось пятидесятилетие со дня смерти В. Г. Белинского, поэма была напечатана несколькими газетами: БВ, 1899, 1 авг., № 208 (публикация Д. П. Сильчевского по списку П. А. Ефремова); Сев. край, 1899, 23 авг., № 250.

За подписью «Библиолог» ей посвятил статью «Приписываемое Некрасову стихотворение» (с публикацией всего текста поэмы)

А. М. Ловягин (Лит. вестник, т. V, кн. 1. СПб., 1903, с. 24—31; см. также с. 120—121). Авторство Некрасова Ловягин признавал допустимым, хотя, по его мнению, «за полную достоверность происхождения все-таки нельзя поручиться» (с. 24). Самому Ловягину поэма стала известна из двух рукописных копий, «из которых одна принадлежит П. А. Ефремову». Ловягин обратил внимание на «довольно загадочные», как ему представлялось, начальные строки поэмы об умирающем через семь лет после смерти Белинского от такого же недуга поэте и в связи с этим припомнил, что «как раз в половине 50-х годов Некрасов сильно заболел и думали уже о его смерти от горловой чахотки».

В 1911 г. поэма была напечатана в книге С. Ашевского (псевдоним М. Н. Столярова) «Белинский в оценке его современников» (СПб., 1911, с. 321—325); текст сопровожден примечаниями Ашевского, приводятся варианты.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1920, где поэма печаталась по копии ГБЛ (ст. 127—128 по черновому автографу ГБЛ).

Черновые наброски, отражающие, по-видимому, первоначальную стадию работы над произведением,— ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 12, 43, 61,[1] 61 об., 72 об., 73 об., 76 об. и 95 об.). На л. 76 об.—73 об. этой же тетради — черновая запись поэмы карандашом и чернилами с датой перед началом: «4 апр. <1855>», соседствующая с набросками к поэме «Саша» и стихотворению «Памяти <Асенков>ой».

Беловой автограф ЦГАЛИ, писанный чернилами, с небольшой правкой карандашом и чернилами (Зап. тетр. ЦГАЛИ, л. 1—4), содержит особую редакцию поэмы, без заглавия, сильно сокращенную, соединяющую поэму «В. Г. Белинский» с текстом стихотворения «Русскому писателю», который включался сюда как прямая речь, как развернутая реплика критика и его поэтическое завещание. Вероятно, эта запись отражает неосуществившееся намерение Некрасова опубликовать сокращенный и несколько смягченный вариант поэмы без упоминания имени Белинского.

В рукописи ГБЛ (Солд. тетр., л. 132—139 об.) поэма записана под заглавием: «Б-ий» и начинает собой отдел стихотворений, неудобных для печати. Текст написан рукой А. Я. Панаевой и имеет собственноручные поправки и вставки Некрасова. Перед заглавием карандашная помета рукой Некрасова: «Не для печати».

В ГБЛ (М.10785) хранится экземпляр стихотворений Некрасова издания 1856 г. с рукописными вставками; среди них полный список поэмы «В. Г. Белинский».

В Экз. Лихачева между с. 128 и 129 вклеен список поэмы под заглавием: «Белинский (ненапечатанное стихотворение)» с неверной датой: «1851».

Список ГБЛ (Тетр. Панаевой, л. 68—73) от марта 1860 г. с «Полярной звезды на 1859 год» (на что сделано под текстом прямое указание) имеет поправки рукой Некрасова и его же помету сверху: «Не переписывай».

---

[1] Набросок на этом листе совпадает с вариантом «после ст. 106» чернового автографа ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 266).

Еще до опубликования в «Полярной звезде» поэма «В. Г. Белинский» ходила в списках (см., например, часть третью «Сборника прозаических и поэтических произведений различных авторов, составленного Михайлованoвым» (т. е. М. И. Семевским) в 1857 г.,— ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 438, л. 37—40 об.). Вероятно, по одному из таких списков с поэмой познакомился А. М. Скабичевский, будучи студентом С.-Петербургского университета (см.: *Скабичевский А. М.* Литературные воспоминания. М.-Л., 1928, с. 93). Немало списков появилось после напечатания поэмы в «Полярной звезде». Вполне понятно поэтому, что первая полная публикация ее в России (1881) была осуществлена под рубрикой «Из рукописной литературы 50-х годов», а в примечании говорилось о наличии ее в «рукописных сборниках».

В апреле и мае 1855 г. Некрасов жил в Ярославле и работал над поэмой «Саша», черновики которой, как уже отмечалось, в Зап. тетр. № 3 перемежаются с черновиками поэмы «В. Г. Белинский». Поэма «В. Г. Белинский», первоначальная сводная запись которой относится, по-видимому, к 4 апреля 1855 г. (см. выше), была завершена ранее «Саши»,— до 7 июня 1855 г. (день, когда Некрасов передал Солд. тетр. К. Т. Солдатенкову).

Несомненна генетическая связь поэмы со стихотворением «Русскому писателю» и через него — со стихотворением «Поэт и гражданин». В Зап. тетр. № 3 под набросками поэмы «В. Г. Белинский» записаны четыре стиха, вошедшие потом в поэму «Несчастные» («Пусть речь его была сурова...» и т. д. — см.: Другие редакции и варианты, с. 264).

Авторство Н. А. Некрасова относительно поэмы «В. Г. Белинский» в наше время совершенно бесспорно удостоверяется не только подлинными рукописями, но и собственным признанием поэта в автобиографических записках (1877): «23 августа. Сегодня ночью вспомнил, что у меня есть поэма „В. Г. Белинский“. Написана в 1854 и 5 году — нецензурна была тогда и попала по милости одного приятеля в какое-то герценовское заграничное издание: „Колокол“, „Голоса из России“ или подобный сборник. Теперь из нее многое могло бы пройти в России в новом издании моих сочинений. Она характерна и нравилась очень, особенно, помню, Грановскому. Вспомнил из нее несколько стихов, по которым ее можно будет отыскать:

В то время пусто и мертво
В литературе нашей было:
Скончался Пушкин — без него
Любовь к ней в публике ост<ыла
<. . . . .>
Ничья могучая рука
Ее не направляла к цели;
Лишь два задорных поляка[1]
На первом плане в ней шумели.
<. . . . .>

---

[1] Сенковс<кий> и Булг<арин>. *(Примечание Некрасова.)*

По счастью, в нем [1] сидели люди
Честней, чем был один из них,
Фанатик ярый Бутурлин,
Который, не жалея груди,
Беснуясь, повторял одно:
„Закройте университеты,
И будет зло пресечено“.
О муж великий! Не воспеты
Еще никем твои дела,
Но твердо помнит их молва!
Пусть червь тебя могильный гложет,
Но сей совет тебе поможет
В потомство перейти верней,
Чем том истории твоей».

(ПСС, т. XII, с. 27—28)

Из конца поэмы

1848 год смерти Белинск<ого>

Удовлетворительного объяснения тому, как поэма «В. Г. Белинский» достигла Лондона и попала в герценовское издание, пока никем не дано. Скорее всего, в Лондоне оказался один из ходивших по рукам списков, который могли доставить Герцену приятели Некрасова — П. В. Анненков и И. С. Тургенев (см.: *Эйдельман Н. Я.* Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М., 1966, с. 110) или ездивший в Лондон в июне 1857 г. другой приятель поэта — Л. Ф. Лихачев (см.: *Гришунин А. Л.* Поэма Некрасова «В. Г. Белинский» (к истории текста).— В кн.: Н. А. Некрасов и русская литература. 1821—1971. М., 1971, с. 472—474).

К. И. Чуковский считал, что поэма «В. Г. Белинский» уже в 1855 г. была отдана Некрасовым в печать и набрана, но не пропущена цензурой. Основанием для такой догадки послужило письмо Некрасова из Петербурга от 17 сентября 1855 г. к И. С. Тургеневу, жившему в то время у себя в Спасском: «Посылаю тебе мои стихи — хотя они и набраны, но вряд ли будут напечатаны. Как-то вспомнил старину — просидел всю ночь и страшно потом жалел,— здоровья-то больше ухлопал, чем толку вышло. Тут есть дурные стихи — когда-нибудь поправлю их, а мне все-таки любопытно знать твое мнение об этой вещи. Прочитав, перешли лоскуток братьям Карповым». Несмотря на очевидную нецензурность поэмы «В. Г. Белинский» для того времени (поэма не только не могла быть представлена в цензуру, но даже доверена обычной почте), К. И. Чуковский предположил, что речь в письме идет именно о ней и что «братья Карповы» — конспиративно-условное наименование Герцена и Огарева (ПССт 1927, с. 453; ПССт 1931, с. 515; ПСС, т. X, с. 251). Однако еще в 1930 г. в печати указывалось, что это помещики, соседи Тургенева по деревне (см.: Тургенев и круг «Современника». М.—Л., 1930, с. 349). Подробное толкование письма Некрасова и критику догадки К. И. Чуковского см. в работе: *Гаркави А. М.* Произведения Н. А. Некрасова в вольной русской поэзии XIX в., с. 207—249.

Ст. 33—34. *Он только пить любил, да палкой К ученью сына поощрял.*— Ср. свидетельство самого Белинского: «Отец меня тер-

[1] Комитет для разбора лит<ературных> злоупотреблений. *(Примечание Некрасова.)*

петь не мог, ругал, унижал, придирался, бил нещадно и площадно — вечная ему память!» (Белинский, т. XI, с. 512).

Ст. 49—50. *С кончиной лекаря, на свете Остался он убог и мал...*— Историческая неточность: Белинскому после смерти отца было 25 лет.

Ст. 53—54. *Но выгнан был, не доказав Каких-то о рожденье прав...*— Белинский был отчислен из университета в 1832 г. за политическую неблагонамеренность, проявившуюся в драме «Дмитрий Калинин», но официальным предлогом отчисления выдвинули «слабое здоровье» и «ограниченность способностей». Доказывать «права о рождении» Белинскому пришлось позднее, в 1843 или 1844 г., в связи с женитьбой (Белинский, т. XII, с. 193, 244).

Ст. 58—60. *Один ученый человек Колол его неоднократно Таким прозванием печатно...*— Историк М. П. Погодин в анонимной статье писал: «Белинский не имеет никакого образования. Это гений-самоучка, которые у нас растут как грибы ежегодно между студентами, не оканчивающими курса. Ни на каком языке он читать не может. Во всех его писаниях нет ни малейших следов какого-нибудь знакомства ни с одним писателем иностранным» (Москвитянин, 1846, № 5, с. 164—175). Речь в данном случае может идти и о С. П. Шевыреве, которому статья Погодина «весьма понравилась» (*Барсуков Н. П.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. VIII. СПб., 1894, с. 499).

Ст. 69—71. *Пришла охота прожектеру, Который барышей желал, Обширный основать журнал...*— Имеется в виду А. А. Краевский и «Отечественные записки», издаваемые им с 1839 г.

Ст. 94. *Лишь два задорных поляка...*— Ф. В. Булгарин и О. И. Сенковский.

Ст. 96. *Уж новый гений...*— Н. В. Гоголь.

Ст. 102. *Кружок еще несмелый, тесный...*— находившаяся под влиянием Гоголя «натуральная школа» в литературе, теоретиком которой стал В. Г. Белинский.

Ст. 146—147. *Но поднялась тогда тревога В Париже буйном...*— Февральская революция 1848 г. во Франции и провозглашение республики.

Ст. 147—148. *...и у нас По-своему отозвалась...*— Подразумевается начавшаяся в России реакция — «мрачное семилетие» 1848—1855 гг.

Ст. 152. *Созвали целый комитет.*— Речь идет об учрежденном 2 апреля 1848 г. негласном комитете для надзора за действиями цензуры и направлением русской литературы.

Ст. 155. *Фанатик ярый Бутурлин...*— Д. П. Бутурлин (1790—1849), военный историк, был назначен председателем упомянутого секретного комитета, известного под наименованием «Бутурлинского».

В Зап. тетр. № 3 вместо «Фанатик ярый» читаются вписанные карандашом слова «Палач науки». К. И. Чуковский настаивал на включении в окончательный текст именно такого чтения, которое представлялось ему «злее и ярче» (*Чуковский К.* Люди и книги. М., 1960, с. 400—403). Однако все прочие источники, в том числе и приведенная выше дневниковая запись 1877 г., фиксируют чтение «Фанатик ярый», также достаточно сильное. Поэма не предназначалась для подцензурной печати, поэтому в автоцензурной замене здесь смысла не было.

Ст. 158. „*Закройте университеты*...— В числе мер, предлагавшихся в 1848—1849 гг. для пресечения проникновения революционных идей в Россию, намечалось ограничение социального состава студенчества выходцами из дворян, а в отдельных требованиях — полное закрытие университетов.

Ст. 166. ...*том истории твоей*...— Имеется в виду «Военная история походов россиян в XVIII столетии, сочиненная Д. П. Бутурлиным на французском языке и переведенная на русский А. Хатовым и А. Корниловичем» (ч. 1—4. СПб., 1819—1823).

САША

(С. 10)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 47—77, с восстановлением ст. 449—452 по корректуре ИРЛИ и уточнением ст. 452 по вставке в Экз. Ефремова 1861, совпадающей с копией М. Л. Михайлова (разыскать эту копию, по которой К. И. Чуковский печатал ст. 452 в изданиях Некрасова, начиная со Ст 1920, не удалось; см. ссылку на нее: ПССт 1934—1937, т. I, с. 696—697).

Впервые опубликовано: С, 1856, № 1 (ценз. разр. — 31 дек. 1855 г. и 5 янв. 1856 г.), с. 123—140, с посвящением: «И--у Т--ву» (т. е. Ивану Тургеневу) и подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: Ст 1856; ст. 177—232: Для легкого чтения, т. II. Под ред. Н. А. Некрасова. СПб., 1856, под заглавием: «Срубленный лес (отрывок)» и с подписью: «Н. Некрасов»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1856, с посвящением: «И....у Т....ву» (перепечатано: 2-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений», без посвящения).

Автографы, без заглавий и деления на главы,— ГБЛ (Зап. тетр. № 3) и ЦГАЛИ (Зап. тетр. ЦГАЛИ).

Более ранними являются автографы в Зап. тетр. № 3: план (прозаический набросок карандашом, л. 39 об.) и ряд стихотворных текстов. В плане намечено содержание главы 2 (значительно отличающееся от реализованного в поэме), глав 3 и 4. Оно развито в стихотворных текстах, из которых следует выделить две первоначальные (черновые) редакции поэмы. А. Я. Максимович квалифицировал их как «схематическую запись III главы» и «первую авторскую сводку III главы» (см.: ПСС, т. I, с. 464—472), однако в них представлены также эпизод из будущей главы 2 (см.: Другие редакции и варианты, с. 276—277, стихи «А как бывало с горы ледяной...» и след.) и — отчасти — глава 4.

Первая черновая редакция записана карандашом, наспех, с многочисленными пропусками, недописанными словами и недоработанными стихами, от конца тетради к началу (л. 37 об.— 33 об.).

Вторая черновая редакция состоит из двух фрагментов. Первый, более крупный фрагмент — сводка глав 2 и 3 (л. 62—69). Вначале поэт записал чернилами стихи, относящиеся к началу главы 3, от слов «В нашем соседстве усадьба большая...» до слов «Это — она...» (л. 62 и об.), оставив недописанные строчки и места для вставок; затем подправил текст карандашом и, закончив строку «Это — она» словами «[говорила] называла — стихи...», карандашом же написал продолжение (л. 62 об.— 64 об.); переписав этот каран-

дашный отрывок чернилами, вновь выправив его карандашом (л. 65—67 об.); конец первого фрагмента (л. 67 об.— 69) также писан карандашом. Последние шесть двустиший первого фрагмента («А как уехал...» и т. д., л. 68 об.— 69) отчасти варьируются в начале второго фрагмента, представляющего собой сводку конца главы 3 и главы 4. Таким образом, второй фрагмент является непосредственным продолжением первого. Записан второй фрагмент карандашом, начерно (л. 12 об.— 13 об.).

Кроме этих двух черновых редакций поэмы, в Зап. тетр. № 3 содержатся отдельные стихотворные (преимущественно карандашные) наброски. Они по большей части отражают промежуточную стадию работы между обеими редакциями, однако вполне вероятно, что некоторые наброски были сделаны еще до работы над первой редакцией, а иные — после работы над второй редакцией. Поскольку хронология написания отдельных набросков не поддается точному определению, они приведены в разделе «Другие редакции и варианты» (с. 286—292) в последовательности стихов, к которым относятся. Не воспроизводятся мелкие наброски, совпадающие с окончательным текстом (ст. 164 — см. л. 26; ст. 405—408 — см. л. 37 об.; ст. 465—468 — см. л. 19).

Следующий этап работы над поэмой представлен в Зап. тетр. ЦГАЛИ. Здесь содержится третья черновая редакция поэмы в составе глав 2, 3, 4,[1] писанная первоначально чернилами, с последующей правкой и вставками чернилами и карандашом (л. 10—16 об.). В некоторых стихах этой редакции героиня поэмы получает имя Саша (в первых двух редакциях она везде названа Улей). Под последним стихом поэмы («Пышным плодом отродится оно!..») — дата: «1 мая <1855 г.>» (год определяется по положению автографа в Зап. тетр. ЦГАЛИ). Это не дата завершения работы над поэмой: она выставлена под текстом, еще далеким от окончательного. Пометив эту дату, Некрасов записывает часть главы 3 (л. 17 и об.), без правки, со знаком, указывающим место вставки на л. 14 об. Затем он пишет (чернилами, почти без правки) новый беловой вариант начала главы 4 (л. 19 и об.).

Наиболее ранний дошедший до нас полный текст поэмы — в корректуре, назначавшейся для «Современника» (ИРЛИ, 21120). Авторская правка в этой корректуре имеет как стилистический, так и цензурный характер. На последнем листе — помета Некрасова, обращенная к наборщикам: «З. Последние *восемь* стихов править по корректуре г. Бекетова: „Эх!“ и прочее». Помета показывает, что ценсурная правка была сделана в связи с замечаниями ценсора В. Н. Бекетова; однако в последних восьми стихах вариантов нет. Посвящение «И--у Т--ву» вписано чернилами. Под текстом корректуры печатная подпись: «Н. Некрасов».

Сохранилась также корректура «Саши», назначавшаяся для Ст 1856 (Кор. Кетчера),— ГИМ.

Поскольку поэма была опубликована в искаженном цензурою виде, получили распространение списки и печатные экземпляры с различными поправками и вставками. Некоторые из этих экземпляров имеют авторскую правку (Кор. Кетчера и Экз. авт. ГБЛ —

[1] Вычленение из этого автографа «второй авторской сводки III главы» (см.: ПСС, т. I, с. 472—476) не представляется оправданным.

см.: Другие редакции и варианты, с. 305 и 309). В Экз. авт. ГБЛ и в ряде других представлены разночтения текста, степень авторитетности которых неясна. Назовем следующие источники: Дневник Афанасьева,[1] Список Модзалевского, Экз. Васильковского, Экз. Гербеля, Экз. Зеленого, Экз. ИРЛИ 6, Экз. Лазаревского, Экз. Музея Н, Экз. Чуковского. Разночтения «Саши» по Дневнику Афанасьева опубликованы С. Г. Лазутиным (см.: *Лазутин С. Г.* К истории создания романа «Тонкий человек» и поэмы «Саша» Н. А. Некрасова.— В кн.: Вопросы литературы и фольклора. Воронеж, 1972, с. 19—20); разночтения по Экз. Зеленого (местонахождение которого нам установить не удалось) печатаются по копии С. А. Рейсера (Ленинград).

В конце 1850-х гг., в период цензурных репрессий, обрушившихся на Ст 1856, поэму переписывали в составе этого издания и отдельно. Список, принадлежавший Д. И. Менделееву, имел пометку: «Январск<ая> книжка „Соврем<енника>“ 1856» (Музей Д. И. Менделеева при ЛГУ, шифр: П. А. 11.1.6).

Поэма числится в автографе Некрасова — списке, относящемся к весне или лету 1856 г. (в нем названо стихотворение «Княгиня», созданное в марте 1856 г.): «Внимая войне. Давно, отверг<нутый тобою>. Княг<иня>. Саша. Вино. Мои детские <годы>. Прекр<асная партия>. Демон» (Зап. тетр. № 2, л. 43 об.). Это не перечень стихотворений 1855 г., как полагал К. И. Чуковский (см.: ПСС, т. I, с. 570), а список стихотворений разных лет, намечавшихся Некрасовым к включению в Ст 1856.

Под текстом поэмы Некрасов в своих изданиях (начиная со Ст 1861) выставлял дату: «1852—1855». Однако дошедшие до нас материалы позволяют сомневаться в том, что работа над поэмой была начата в 1852 г. (возможно, что это дата возникновения замысла). 30 июня — 1 июля 1855 г. Некрасов писал И. С. Тургеневу: «Помнишь, на охоте как-то *прошептал* я тебе начало рассказа в стихах — оно тебе понравилось; весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал, и так как это сделано единственно по твоему желанию, то и посвятить его желаю тебе...». Вместе с Тургеневым Некрасов охотился в двадцатых числах июля 1854 г. в имении А. В. Дружинина Чертово (см. об этом в дневнике Дружинина, хранящемся в ЦГАЛИ, ф. 167, оп. 3, № 108, л. 151), а в двадцатых числах сентября и в самом начале (до 4-го) октября в Спасском (см.: Тургенев, Письма, т. II, с. 226—227, 533). К тому времени была написана лишь небольшая часть поэмы — «начало рассказа в стихах». Возможно, это были стихи о приезде Агарина в поместье, которые Некрасов многократно переделывал (см.: Другие редакции и варианты, с. 270, 274, 293). Слова же Некрасова «весной нынче в Ярославле я этот рассказ написал» несомненно относятся к трем черновым редакциям, содержащимся в Зап. тетр. № 3 и Зап. тетр. ЦГАЛИ (см. выше). В Солд. тетр. поэма не вошла; поскольку Солд. тетр., куда были включены все лучшие стихотворения поэта, была передана Некрасовым К. Т. Солдатенкову для издания 7 июня 1855 г., очевидно, что к тому времени работа над

---

[1] Дневник А. Н. Афанасьева хранится в ЦГАОР (ф. 279, оп. 1, № 1060).

«Сашей» еще не была завершена. Извещение о предстоящей публикации поэмы в «Современнике» появилось на обложке № 11 и 12 журнала за 1855 г. 26 декабря 1855 г. Некрасов читал «Сашу» А. Н. Майкову, который в своем дневнике упоминает две части поэмы: первую, соответствующую главе 2 окончательного текста, и вторую, соответствующую главам 3 и 4 (см.: *Мельгунов Б. В.* К творческой истории поэмы Некрасова «Саша» (Страничка из дневника Аполлона Майкова).— РЛ, 1977, № 3, с. 101—102). Глава 1, представляющая собою лирическое вступление к поэме, была создана, видимо, лишь в конце декабря 1855 г., но не позже самого начала января 1856 г.: известно, что ко 2 января поэма была оттиснута в корректуре и запрещена цензором В. Н. Бекетовым (см. ниже), а 5 января разрешена им же,— очевидно, по указанию министра народного просвещения А. С. Норова. Таким образом, поэма была написана между летом 1854 г. (раньше могли существовать лишь какие-нибудь небольшие наброски) и концом 1855 г., причем основная часть работы над ней приходится на весну 1855 г.

Первая публикация поэмы (в «Современнике») натолкнулась на цензурные препятствия. Поэма была запрещена (очевидно, С.-Петербургским цензурным комитетом по представлению цензора В. Н. Бекетова). Однако Некрасов не отказался от намерения опубликовать ее. По просьбе поэта Ег. П. Ковалевский 2 января 1856 г. посетил возглавлявшего цензурное ведомство министра народного просвещения А. С. Норова и, не застав его дома, оставил корректуру «Саши» и записку: «Будьте правосудны и терпеливы, как всегда, потрудитесь прочесть это стихотворение Некрасова и скажите, можно ли запретить его, а между тем оно запрещено» (ЦГИА СССР, ф. 772, оп. 1, 1856 г., № 3766, л. 2). Существуют сведения, что одновременно о напечатании «Саши» хлопотал И. А. Гончаров (см. указанную М. В. Теплинским запись в дневнике С. И. Смирновой-Сазоновой — ИРЛИ, ф. 285, № 2, л. 95).

В результате «Саша» появилась в «Современнике», но с большими цензурными искажениями, которые зафиксированы в корректуре ИРЛИ. Несмотря на это, первопечатный текст поэмы привлек внимание наблюдавшего за «Современником» чиновника особых поручений Н. Родзянко, который 23 февраля 1856 г. доносил А. С. Норову: «Это стихотворение, в отношении его буквального смысла, представляется во многих местах весьма темным; из них наиболее непонятные и резкие, при которых я поставил знаки ? и №, могут невольно увлечь читателей к невыгодному толкованию оных» (*Гаркави А. М.* Некрасов и цензура.— Некр. сб., II, с. 451). Однако А. С. Норов, лично причастный к дозволению «Саши», оставил этот рапорт без последствий.

Цензурный характер некоторых вариантов корректур и прижизненных публикаций (см.: Другие редакции и варианты, с. 305—310) нуждается в пояснении. Ст. 15—16 («Спящих в могилах виновных теней Не разбужу я враждою моей») были вычеркнуты цензурой, так как в них содержался намек на Николая I, умершего 18 февраля 1855 г. Позже, когда Некрасов вновь представил эти стихи к публикации, член Главного управления цензуры Ф. Бюлер писал (в донесении от 30 октября 1859 г.), что они могут «подать повод к весьма предосудительным толкованиям» (*Mazon A.* Un maître du roman russe Ivan Gontcharov. Paris, 1914, p. 399). В ст. 303—305 «нецензурным» был образ орла, будто бы пророчившего

Агарину великую долю («государственный орел» — герб царской России). Особенно «крамольными» считались ст. 449—452 (о «чувстве свободы», о «крови и борьбе»),— они, как указывалось выше, опубликованы лишь в советское время. В вариантах ст. 39, 490, а также в ст. 100, 453, 490 «запретными» были слова «воля», «свобода» и производные от них. В первоначальных вариантах ст. 39 («Воздухом вольным повеяло с гор»), ст. 326 («Солнышко правды взойдет и над нами») и ст. 489—490 (о «теплом крае», «где люди Дышат вольнее всей силою груди»), видимо, заключались намеки на события европейских революций 1848 г. Некрасов не вернулся к этим вариантам, надо полагать, не только из-за цензурных препятствий, но и потому, что его отношение к Европе, где восторжествовали капиталистические порядки, могло измениться; показательно, что ст. 490 («Дышат вольнее всей силою груди») он в конце концов переделал так: «Дышат вольнее — в три четверти груди».

Герой поэмы Агарин во многом напоминает тургеневского Рудина: оба они фразеры, «лишние люди» из дворянской среды. В связи с этим С. С. Дудышкин даже объявил в своей статье, будто в Агарине читатели «нашли того же Рудина, только переложенного в стихи» («Стихотворения Н. Некрасова».— ОЗ, 1861, № 12, с. 87). Впоследствии (в 1879 г.) и сам Тургенев утверждал, что «Саша» написана под влиянием «Рудина» (Тургенев, Соч., т. XII, с. 304). Между тем «Рудин» был опубликован одновременно с «Сашей» — в № 1 «Современника» за 1856 г. Написан же «Рудин» был между 5 июня и 24 июля 1855 г., т. е. после глав 3 и 4 «Саши», в которых выведен Агарин. Таким образом, версия, будто «Саша» возникла как «переложение в стихи» тургеневского романа, несостоятельна. Возможно лишь, что какие-то предварительные разговоры о типе «лишнего человека», имевшие место между Некрасовым и Тургеневым до написания «Саши» и «Рудина», отразились как в поэме, так и в романе. Такое предположение подкрепляется тем, что в черновых редакциях поэмы Агарин был наделен положительными чертами («Это прекрасный и вечный ребенок...»), еще более сближавшими его с Рудиным. Примечательно также, что в плане и в черновых редакциях поэмы был намечен впоследствии устраненный Некрасовым образ жениха Саши, соответствующий Волынцеву (жениху Натальи) в тургеневском романе (см.: *Гаркави А. М.* Поэма Некрасова «Саша».— Некр. сб., II, с. 153—160; *Маслов В. С.* Некрасов и Тургенев. К вопросу о литературных взаимоотношениях («Саша» и «Рудин»).— О Некр., вып. III, с. 136—154).

Временем действия в поэме, очевидно, является конец 1840 — начало 1850-х гг., когда многие из либерально настроенных дворян под впечатлением европейских революций 1848—1849 гг. отрекались от социалистических устремлений (см. примечания в кн.: *Некрасов Н. А.* Стихотворения, т. II. Л., 1956, с. 315—316; *Бухштаб Б. Я.* Проблемы изучения поэмы Некрасова «Саша».— Изв. АН СССР, сер. лит. и яз., 1971, т. XXX, вып. 5, с. 440—452). Такое определение времени действия подтверждается отмеченными выше намеками на европейские события. Ошибочным является мнение Б. Я. Бухштаба, что, поскольку в то время, к которому относится действие в поэме, резкой дифференциации между либералами и демократами еще не было, к прототипам Агарина могут быть отнесены А. И. Герцен и Н. П. Огарев (см. указ. статью,

с. 451—452): Герцен и Огарев испытали в конце 1840-х гг. лишь временное разочарование (и ко времени создания поэмы уже его преодолели), Агарин же — человек, отказавшийся от демократических воззрений. Этими прототипами могли быть скорее такие люди, как казанский помещик Г. М. Толстой (см.: *Чуковский К.* Григорий Толстой и Некрасов.— В кн.: *Чуковский К. И.* Собр. соч. в 6-ти т., т. V. М., 1967), П. В. Анненков, всякого рода случайные «попутчики» Белинского, о которых Некрасов в черновиках поэмы «В. Г. Белинский» писал: «Его соратники смирялись И в подлецов преображались» (см.: Другие редакции и варианты, с. 267).

Отнеся действие к недавнему времени, Некрасов указывал, что политическое ренегатство и раньше было характерно для либералов; но в то же время образ Агарина определенно проецировался на современность; одним из ключевых в этом смысле является стих «Это, увы! — современный герой!». Поэма в основном была написана весной 1855 г., т. е. в период уже начавшегося общественного подъема и явно наметившегося расхождения между демократами и либералами. С быстрым формированием нового типа русского либерала связано изменение оценки Агарина самим автором в процессе работы над поэмой — от снисходительной в черновых редакциях до несомненно отрицательной в окончательном тексте.

Одним из непосредственных литературных предшественников Агарина был Левин, персонаж повести А. В. Станкевича «Идеалист», которую Некрасов подробно разобрал в рецензии на альманах «Комета» (1851); уже в этой рецензии наметилось скептическое отношение к «лишним людям», более полно впервые в русской литературе воплотившееся в образе Агарина (см.: «Это, увы,— современный герой..». Неизвестная статья Н. А. Некрасова. Публ. М. Блинчевской.— ЛГ, 1971, 26 мая, № 22, а также указанную выше статью С. Г. Лазутина). В «Саше» Некрасов использовал образ «лишнего человека» для обличения либералов — концепция, получившая через несколько лет теоретическое обоснование в статьях Чернышевского («Русский человек на rendez-vous», 1858) и Добролюбова («Что такое обломовщина?», 1859).

Агарину Некрасов противопоставил Сашу, подлинную представительницу демократически настроенной молодежи 1850-х гг. Саша — новый тип передовой русской женщины. В отличие от пушкинской Татьяны, с которой у нее много сходного, она не мыслит своего замужества без общности идейных устремлений. Стремясь принести посильную пользу крестьянам, она вступает на путь общественного служения (подробно об этом см.: *Колесникова Л. И.* О народности поэмы Некрасова «Саша». (Саша и Татьяна).— Некр. и его вр., вып. 1, с. 43—50).

В образе Саши Некрасов отразил черты передовых женщин, с которыми он общался,— таких, как О. С. Чернышевская, А. Я. Панаева и др. Ссылаясь на Некрасова, Чернышевский писал О. С. Чернышевской (7 июля 1888 г.), что она послужила поэту прототипом для ряда женских образов, в том числе для Саши (см.: Чернышевский, т. XIV, с. 701). В ПСС (видимо, по указанию К. И. Чуковского) рядом с текстом поэмы помещен портрет А. Я. Панаевой (см. т. I, между с. 128 и 129).

В русской литературе Саша предвещала передовых шестидесятниц — героинь И. С. Тургенева, В. А. Слепцова, Н. Г. Чернышевского.

Поэма вызвала у современников многочисленные отклики, в подавляющем большинстве сочувственные.

Однако литераторы и читатели, не принадлежавшие к демократическому лагерю, оценивали ее односторонне. В их отзывах — две основные тенденции: во-первых, восхищение отдельными местами поэмы (особенно описаниями природы); во-вторых, утверждение, будто в поэме выражены «примиренческие» настроения поэта, его отказ от гражданского направления в литературе.

Наиболее ранний из дошедших до нас отзывов — в вышеупомянутой дневниковой записи А. Н. Майкова от 26 декабря 1855 г. Давая поэме исключительно высокую оценку («лучшая его (Некрасова,— *Ред.*) вещь и во всей современной поэзии»), Майков эту оценку локализовал таким образом: «Лучшая часть ее первая. Жизнь молодой девушки в деревне и лес». Тут же Майков высказал предположение, что поэмой «как бы оправдалось» его, Майкова, стихотворное послание «Н. А. Некрасову», написанное двумя годами раньше и представляющее собою отклик на стихотворение Некрасова «Муза» (РЛ, 1977, № 3, с. 101). В этом послании Майков, как известно, призывал Некрасова отказаться от «злобы и вражды» и обратиться к умиротворяющей теме родной природы (см. публикацию С. А. Рейсера в ЛН, т. 49—50, с. 614—617).

3 февраля 1856 г., вскоре после выхода № 1 «Современника» с текстом поэмы, В. П. Боткин писал Некрасову из Москвы: „„Саша" твоя здесь всем очень понравилась, даже больше, чем понравилась: об ней отзываются с восторгом» (ГМ, 1916, № 9, с. 182). Говоря о «восторгах» москвичей, Боткин, возможно, имел в виду отзывы славянофилов. 7 февраля 1856 г. С. Т. Аксаков писал Тургеневу: «В последних стихах его (т. е. в «Саше»,— *Ред.*) так много истины и поэзии, глубокого чувства и простоты, что я поражен ими, ибо прежде не замечал ничего подобного в его стихах» (*Барсуков Н.* Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 14. СПб., 1900, с. 353). К. С. Аксаков в журнальной статье очень резко отозвался об обличительном направлении некрасовской поэзии, которому он противопоставил «Сашу»: «Некоторые из прежних его стихотворений пропитаны едким цинизмом картин и чувств <...> В стихотворении его „Саша" и других является также сила выражения и сила чувства, но очищенная и движимая иными, лучшими стремлениями» (*Аксаков К.* Обозрение современной литературы.— Рус. беседа, 1857, № 1, отдел «Обозрения», с. 8—9).

Позже славянофильское понимание поэмы развил А. А. Григорьев в статье 1862 г. о втором издании «Стихотворений» Некрасова. Утверждая, что Некрасов в поэме отказался от обличения («Сердце поэта устало питаться злобою...» и т. д.), критик в то же время подчеркнул близость Некрасова к «почве», сказавшуюся и в замечательных картинах русской природы, и в складе речи, от которой «веет народным духом» (*Григорьев А.* Литературная критика. М., 1967, с. 487, 488).

Близка к славянофильской была оценка поэмы деятелями «чистого искусства», которые восхищались мастерством Некрасова, особенно в картинах природы, и также усматривали в поэме отход Некрасова от «обличительного» направления. В анонимной

(видимо, принадлежавшей А. В. Дружинину) рецензии «Библиотеки для чтения» на второй том сборника «Для легкого чтения» (1856), где был перепечатан отрывок из «Саши» под заглавием «Срубленный лес», говорилось: «...Отрывок этот, по нашему мнению, составляет лучшее украшение всей поэмы <...> Полнотой, свежестью и поэтической зоркостью отличаются эти строки <...> Поэт сохранил в душе своей и физиономию нахмуренной ели, и старой сосны, и стон верхушек осин — и трупы поверженных деревьев вдруг живо стали перед ним, и даже тонкие тени, заходившие по пням беловатым, не ускользнули, не забежали в сторону от впечатлительного его глаза... Зорко и тонко, со всеми мелочами охватил он прелестнейшую картину, достойную первостатейного мастера» (БдЧ, 1856, № 9, «Литературная летопись», с. 20, 22).

Л. Н. Толстой, который в ту пору вслед за Дружининым выступал против «дидактизма» и «злости» в литературе, писал Некрасову 2 июля 1856 г.: «...человек желчный и злой не в нормальном положении. Человек любящий — напротив, и только в нормальном положении можно сделать добро и ясно видеть вещи. Поэтому ваши последние стихи мне нравятся, в них грусть и любовь, а не злоба, т. е. ненависть. А злобы в путном человеке никогда нет и в вас меньше, чем в ком-нибудь другом» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Сер. 3. Письма, т. 60. М., 1949, с. 75). Не согласившись с Толстым, Некрасов в ответном письме от 22 июля 1856 г. провозгласил необходимость благородной «злости», направленной против социальной несправедливости.

Безосновательно усмотрел в «Саше» отход от обличительных тенденций также редактор газеты «Русский инвалид» полковник П. С. Лебедев, который именно с этой точки зрения приветствовал поэму в обширной статье (РИ, 1856, 2 июня, № 121, с. 528—529). Более критично подошел к поэме А. И. Рыжов (псевдоним — О. Колядин): признавая высокие достоинства поэмы, которую он назвал «замечательным произведением», он в то же время писал, что она показывает, «до какой степени анализ <...> подорвал основы стихотворной деятельности нашей...». Назвав вступление в поэму (т. е. главу 1) «превосходным», он в той же статье заявлял о «прозаическом покрое рассказа» в ней, о «тяжести» и «топорности» некрасовского стиха и т. п. (БдЧ, 1856, № 2, «Журналистика», с. 72—74).

Отзывам литераторов либерального и консервативного толка противостояли оценки, которые получила поэма в высказываниях революционных демократов. Глубокое истолкование поэмы дали Н. Г. Чернышевский и Н. А. Добролюбов, которые, как уже говорилось, связывали ее идейный смысл с задачей обличения российского либерализма (см.: *Маслов В. С.* Чернышевский и Добролюбов о поэме Некрасова «Саша».— Некр. сб., III, с. 340—345).[1]

---

[1] Добролюбов, кроме того, указал в одной из рецензий 1859 г., что отрывки из «Саши» весьма желательно перепечатывать в книгах для детского чтения (см.: Добролюбов, т. IV, с. 355). Вскоре, еще при жизни Некрасова, отрывки из поэмы вошли в многочисленные хрестоматии (см.: *Кужелева Н. А.* Н. А. Некрасов в дореволюционных изданиях для детей (1849—1917 гг.).— Тр. Ленингр. библиотечного ин-та им. Н. К. Крупской, 1959, т. V, с. 87—107).

Высоко оценил поэму Д. И. Писарев, причисливший ее (в статье «Писемский, Тургенев и Гончаров», 1861) к тем произведениям, за которые Некрасова «знает и любит живая Россия» (*Писарев Д. И.* Соч., т. I. М., 1955, с. 196). Известная революционерка-семидесятница В. Н. Фигнер, вспоминая о впечатлении, которое на нее в ранней молодости произвела «Саша», писала: «Над этой поэмой я думала, как еще никогда в свою 15-летнюю жизнь мне не приходилось думать. Поэма учила, как жить, к чему стремиться. Согласовать слово с делом — вот чему учила поэма, требовать этого согласования от себя и от других учила она. И это стало девизом моей жизни» (*Фигнер В.* Запечатленный труд. Воспоминания в двух томах, т. I. М., 1964, с. 92).

Ст. 7. *Что же молчит мой озлобленный ум?..* — Отзвук пушкинского стиха «С его озлобленным умом...» («Евгений Онегин», глава седьмая, строфа XXII).

Ст. 41—43. *Весело въехал я в дом тот угрюмый, Что, осенив сокрушительной думой, Некогда стих мне суровый внушил...* — Речь идет о поместье Некрасовых Грешнево и о стихотворении «Родина» (1846).

Ст. 216—220. *Так, после битвы, во мраке ночном ∾ Волосы мертвых бойцов шевелит!* — Эти стихи, вероятно, навеяны Крымской войной.

Ст. 417. *Или какой чернокнижник-губитель?* — Чернокнижник — колдун.

Другие редакции и варианты

С. 270. *Как бишь? читали они Ламартина...* — Альфонс Мари Луи де Ламартин (Lamartine; 1790—1869) — французский поэт-романтик, публицист, политический деятель, министр иностранных дел во Временном правительстве периода Февральской революции 1848 г., своей бездейственностью способствовавший удушению республики. Значение социальных мотивов, ощутимых в его поэтических произведениях 1830-х гг., было в достаточной степени ограничено прекраснодушной филантропией автора. Некрасовский «Современник» первым познакомил русского читателя с главами из умеренно-реформистской «Истории жирондистов» Ламартина (С, 1847, № 5) и его мемуарами «Признания», «Рафаэль», написанными в форме романтических повестей (С, 1849, № 3—6, 1850, № 9, 10, 12).

С. 276, 279. *Только о Спасе мы яблоки сняли...* — Спас — один из трех церковных праздников в августе (см. ниже, комментарий к поэме «Мороз, Красный нос», с. 562).

1856

«НЕСЧАСТНЫЕ»

(С. 28)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2. с. 103—145, с восстановлением ст. 251 по автографу ИРЛИ А, ст. 658—664, 715—716, 718—722, 804 — по автографу ИРЛИ Б, ст. 717 — по автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: ст. 164—220 — С, 1856, № 5 (ценз. разр.— 30 марта и 5 апр. 1856 г.), с. 139—141, в составе стихотворения «Петербургское утро (отрывок)», с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: Ст 1856, с. 148—150); ст. 244 (со слова «Невольно») — 375 — С, 1857, № 3 (ценз. разр.— 28 февр. 1857 г.), с. 51—54, под заглавием: «Отрывок из поэмы», с подписью: «Н. Н.» (в оглавлении: «Н. А. Н.») и датой: «Рим, декабрь, 1856»; полностью — С, 1858, № 2 (ценз. разр. — 8 и 10 февр. 1858 г.), с. 241—266, под заглавием: «Эпилог ненаписанной поэмы», с подписью: «Н. Некрасов».

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 2, под заглавием: «Несчастные», с датой: «1856» (перепечатано: 2-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений»).

Черновой автограф ст. 164—220 (в составе стихотворения «Петербургское утро»), без заглавия, запись карандашом от конца тетради к началу,— ГБЛ (Зап. тетр. № 3, л. 51—49 об.). Беловой автограф этого отрывка, являвшийся наборной рукописью и предназначавшийся для № 5 «Современника» за 1855 г., под заглавием: «Совет. (Подражание Пушкину)», запись чернилами,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, № 27, л. 92—93 об. (со следующими карандашными пометами рукою Некрасова — в начале, в левом углу: «В „Совр<еменник>“, № 5»; ст. 191—197 с изображением арестантской фуры отчеркнуты карандашом; в конце приписка: «N. B. Ежели отчеркнутые строки выкинет цензура, то печатать так:

Всё пусто...
Что теперь ни встретишь
На всем
и проч.»).

Корректура стихотворения «Совет. (Подражание Пушкину)», в которой имеется предложенная купюра, с таким заключением цензора: «Эти стихи такие мрачные, представляют Петербург таким грязным и зловонным городом, что пропустить их нельзя и оставить при деле 13 ап<реля 1855 г.>» (ЦГИА СССР, ф. 777, оп. 2, № 28, л. 26). Беловой автограф этого же стихотворения под заглавием: «Совет» (вместо зачеркнутого «Секрет» [1]) — ГБЛ (Солд. тетр., л. 4—6 об.).

Беловой автограф ст. 244—375, являвшийся наборной рукописью, под заглавием: «Отрывок из поэмы», чернилами, с правкою карандашом, подписью: «Н. Н.» (вместо зачеркнутой: «Н. Н. Некрасов») и датой: «Рим, декабрь, 1856»,— ИРЛИ, 21198, л. 1—4; послан Тургеневу в письме от 26 декабря 1856 г. и, по желанию Некрасова, отправлен затем в Петербург П. В. Анненкову для передачи в редакцию «Современника». В автографе содержались смягченные варианты ст. 357 и 360, с припиской на полях: «Для цензуры», и обращение к редакции журнала: «Прошу напечатать без опечаток. Если хоть слово выкинут, то не печатать. Некрасов».

---

[1] Возможно, что заглавие «Секрет» не относилось к данному стихотворению. Некрасов первоначально хотел вписать в это место Солд. тетр. свое известное стихотворение «Секрет» («В счастливой Москве, на Неглинной...»).

Беловой автограф ст. 457—914, под заглавием: «Крот», запись чернилами, за исключением вписанного карандашом примечания, возможно, рукою Некрасова: «В предыдущей главе рассказывающий излагает, за что он попал в Сибирь. Глава оканчивается тем, что он, вместе с другими, потеряв всякую надежду, предался дикому буйству, подавляя в себе всякое человеческое движение»,— ИРЛИ, 21194, л. 1—4 об.; послан Некрасовым И. С. Тургеневу вслед за письмом от 25 ноября 1856 г.

Автограф всей поэмы с последовательно исправленными заглавиями: а. «Преступники», б. «Воспоминания прощеного», в. «Несчастные», с подзаголовком: «Поэма в двух частях» и датами — на заглавном листе: «1856, ноябрь и декабрь. Рим», над текстом первой части поэмы: «[24] 22 дек<абря> 1856. Рим», в конце автографа: [«Ноябрь и декабрь [1856] 1857. Рим»], запись чернилами, правка чернилами и карандашом,— ГБЛ (Зап. тетр. № 4, л. 1—28).

Копия А. Я. Панаевой с текста первой публикации поэмы в «Современнике» (1858, № 2), с карандашными исправлениями Некрасова,— ИРЛИ (Тетр. Панаевой, л. 8—33 об.).

Возникновение замысла относится к апрелю 1855 г., когда Некрасовым была предпринята попытка опубликовать стихотворение «Совет. (Подражание Пушкину)» в майском номере «Современника». Окончательно замысел созрел в начале 1856 г., о чем свидетельствует появление в «Современнике» и Ст 1856 стихотворения «Петербургское утро» с примечательным подзаголовком «Отрывок». Надежду на осуществление замысла укрепила амнистия политическим заключенным, объявленная 26 августа 1856 г. и открывшая возможность писать о сибирской каторге.

Оформление замысла связано с раздумьями поэта над судьбами «друзей народа и свободы», вероятно в период работы над поэмой «В. Г. Белинский». Как указано выше (см. на с. 527 наст. тома, а также: Другие редакции и варианты, с. 264), стихи «Пусть речь его была сурова И не блистала красотой, Но обладал он тайной слова, Доступного душе живой», вошедшие в поэму «Несчастные», располагались по соседству с набросками к поэме «В. Г. Белинский» в Зап. тетр. № 3 (ср.: *Чуковский К.* Белинский в поэме «Несчастные».— ЛГ, 1946, 23 ноября, № 47). О Белинском как прототипе Крота писал П. Ф. Якубович, обративший внимание на то, что смерть Крота в поэме напоминает последние минуты жизни Белинского (см.: Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность. Критико-биографический очерк Л. Мельшина <П. Ф. Якубовича>. СПб., 1907, с. 39—43). Однако обобщенно-романтизированный образ Крота нельзя связывать с отдельным лицом. Установлено, что на замысел поэмы о судьбе интеллигента на каторге повлияли также размышления Некрасова о положении ссыльного Достоевского. Именно в это время Достоевский напомнил о себе после долгих лет вынужденного молчания. Не исключено, что Некрасов читал сам или знал в изложении А. Н. Майкова письмо Достоевского к брату Михаилу от 22 февраля 1854 г. Достоевский сообщает в нем подробности отправки по этапу из Петербурга «ровно в рождество 1849 года». В набросках к поэме в Зап. тетр. № 3 у Некрасова уже появляется образ осужденного интеллигента, увозимого ранним утром из Петербурга, когда город подобен «опустелой зале, Где

пировали вы вчера». В письме Достоевский рассказывает о «злобной радости», с которой каторжники из народа встретили дворян — политических преступников: «150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо...» (Письма Ф. М. Достоевского, т. I. М.—Л., 1928, с. 136; ср. у Некрасова: «И было нам сначала любо Смотреть, как губы он кусал, Когда с ним обходились грубо...»). Характеристика Достоевским русского народа («Поверишь ли, есть характеры глубокие, сильные, прекрасные, и как весело было под грубой корой отыскать золото» — там же, с. 139) перекликается с монологом Крота: «Так под корой Сибири льдистой Золотоносных много жил» (подробнее об этом см.: *Лебедев Ю. В.* Некрасов и Достоевский в 60-е годы. Эпизод из творческих взаимосвязей.— Некр. и его вр., вып. 1, с. 95—98). О связи образа Крота с личностью Достоевского писал О. Ф. Миллер в кн.: Публичные лекции. Русская литература после Гоголя. СПб., 1874. Интересно также в этом плане свидетельство самого Достоевского: «...Однажды, в шестьдесят третьем, кажется, году, отдавая мне томик своих стихов, он (Некрасов,— *Ред.*) указал мне на одно стихотворение, „Несчастные“, и внушительно сказал: „Я тут об вас думал, когда писал это“ (т. е. об моей жизни в Сибири), „это об вас написано...“» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. худ. произв., т. XII. М.—Л., 1929, с. 348). Русское правительство впервые осуществило на петрашевцах изощренный «эксперимент», «...уравняв каторжанина-петрашевца с уголовным арестантом» (см.: *Гернет М. Н.* История царской тюрьмы, т. II. М., 1946, с. 215). Помещая Крота на одних нарах с уголовными преступниками, Некрасов открыто указал на «родословную» своего героя.

Вплотную к работе над поэмой Некрасов приступил в ноябре—декабре 1856 г., будучи на лечении в Риме. В письме к Тургеневу от 25 ноября 1856 г. он сообщал: «Я не писал к тебе потому, что работал. 24 дни ни о чем не думал я, кроме того, что писал. Это случилось в первый раз в моей жизни <...> Что вышло, не знаю — мучительно желал бы показать тебе...». Вслед за этим письмом, как уже говорилось, Некрасов послал Тургеневу автограф второй части поэмы (ст. 457—914).

В разгаре работы, когда «до конца» поэмы было «недалеко», Некрасов получил от Тургенева известие о начавшейся в Петербурге цензурной буре, вызванной перепечаткой Чернышевским в «Современнике» «Поэта и гражданина» и некоторых других стихотворений поэта. Это известие отрицательно сказалось на работе над завершением «Несчастных» (см. признания Некрасова Тургеневу в том, что он «скомкал» поэму, «...не сделав и половины того, что думал»), хотя и не убило желания «кончить вещь» (см. письмо П. В. Анненкову от 26 декабря 1856 г.).

Поэма была завершена к концу ноября 1856 г. Посланный 26 декабря 1856 г. в редакцию «Современника» через Тургенева и Анненкова (см. выше) автограф отрывка из первой части поэмы (ст. 244—375) встретил цензурные возражения. В письме от 7 февраля 1857 г. Некрасову об этом сообщил Чернышевский:

«В отрывке, Вами присланном, цензурный комитет зачеркнул следующие слова и стихи (то, что подчеркнуто):

Ни горя, ни отрад не жди,
Отдайся весь во власть господню...
Свинья увязла в подворотню

(по причине близости свиньи).

Молчи, *фанатики* они...

Но есть и там свои могилы,
Но там напрасно гибнут силы.

Подчеркнутое выброшено цензурой.

Вы написали: „если хоть одно слово выкинут, то не печатать“— потому стихотворение и осталось не напечатано, что жаль — лучше бы напечатать» (Чернышевский, т. XIV, с. 335—336).

Согласившись с Чернышевским, Некрасов исключил из отрывка подчеркнутые в письме стихи, а вместо «Молчи, фанатики они» дал новый вариант «Молчи — упрямы ведь они», и «Отрывок из поэмы» был опубликован в мартовской книжке «Современника» за 1857 г. Замена в автографе ст. 251 («Аптека, два, три кабака» вместо «Собор, четыре кабака») сделана без указания: «Для цензуры». В настоящем издании, как и в ПСС и ПССт 1967, восстановлено первоначальное чтение, так как замена является очевидным результатом автоцензуры (собор рядом с кабаком и тюрьмой).

По возвращении из-за границы Некрасов готовит к печати текст всей поэмы. Эта работа велась не ранее марта 1857 и не позднее февраля 1858 г. Наряду со значительными исправлениями стилистического и смыслового характера, улучшающими текст, в автографе ГБЛ (Зап. тетр. № 4) встречаются поправки, свидетельствующие о том, что, кончив поэму, Некрасов «начал ее портить»[1] (ср. намерение, высказанное в письме к Тургеневу от 6 декабря 1856 г.: «...может, и пройдет, если вставить несколько верноподданнических стихов»). Такие стихи были введены в конце поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 320, вставка после ст. 868), правда не без колебаний (зачеркнутые в автографе, они вошли в печатный текст). Одновременно были исключены острые в цензурном отношении ст. 658—664 и 715—722. Последние (заключительное по автографам ИРЛИ Б и ГБЛ восьмистишие «Песни преступников») не были окончательно отшлифованы поэтом. Сохранилось два варианта подвергавшихся переработке стихов (717—718). Первый — в автографе ИРЛИ Б: «В ней пышны царские чертоги, Но жалки избы [бедняков]». Второй — в автографе ГБЛ (Зап. тетр. № 4): «В ней пышны барские чертоги, Но бедны избы мужиков». Казалось бы, первый вариант, создававшийся без оглядок на цензуру, предпочтительнее. Но он вступает в противоречие с последующими стихами: «И нечем выкупить народа Царю у палачей-дворян». Образ царского дворца в контексте заключительного восьмистишия оказывается двусмысленным. По-видимому, уже в Риме Некрасов колебался в оценке деятельности Александра II, хотя и не исключал возможности коренных преобразований «сверху» (ср. также апофеоз Петра в монологах Крота). По возвращении из-за границы надежды Некрасова на реформы «сверху» не пошатнулись. Поэтому он противопоставил добрую волю царя злой воле «палачей-дворян» во вто-

[1] См.: *Лебедев Ю. В.* Текстологические заметки о поэме Н. А. Некрасова «Несчастные».— О Некр., вып. II, с. 313—328.

ром варианте восьмистишия, оставшемся, однако, стилистически недоработанным (дважды в первом четверостишии употребляется слово «бедный»: «бедна по милости воров», «бедны избы мужиков»). Взгляд Некрасова на деятельность Александра II, вероятно, остался не проясненным до конца. Лишь в 1858 г., после обнародования государственных рескриптов и начала деятельности губернских комитетов, поэт начинает сознавать иллюзорность своих надежд. Но вплоть до 19 февраля 1861 г. он не исключал возможности радикального решения крестьянского вопроса путем правительственных преобразований (см. об этом: *Лебедев Ю. В.* Чернышевский и Некрасов.— В кн.: Н. Г. Чернышевский. Эстетика, литература, критика. Л., 1979, с. 116—136).

В настоящем издании восстановлен полный текст «Песни преступников» с порядком расположения частей по автографам ИРЛИ Б и ГБЛ (Зап. тетр. № 4). В прижизненных изданиях Некрасов, стремясь намекнуть читателю на то, что последнее восьмистишие исключено по цензурным причинам, нумеровал второе восьмистишие определенным образом: или «2,—3», или «3», оставляя над этой цифрой цифру «2», пробел и черту (см.: Другие редакции и варианты, с. 323—324). Третье восьмистишие цензура не пропустила даже в 1905 г., когда А. Н. Пыпин хотел опубликовать его в книге «Н. А. Некрасов» (см. корректурную гранку книги А. Н. Пыпина — ИРЛИ, ф. 250, оп. 5, № 49).

Первоначально Некрасов хотел напечатать поэму в сборнике, посвященном памяти Белинского и издаваемом в пользу его дочери (см.: ПСС, т. X, с. 361, 370). Но издание это не осуществилось, и поэма была опубликована в № 2 «Современника» за 1858 г. По требованию цензуры Некрасов изменил заглавие (вместо «Несчастные» — «Эпилог ненаписанной поэмы»), а также внес ряд дополнительных изменений в текст: вместо «гордого дворца» — «гордых кораблей» (ст. 162), вместо «дворцами» — «домами» (ст. 242), вместо «недовольной нищеты» — «невеселой нищеты» (ст. 207) и др. Некоторые из этих искажений поэт исправил (см. варианты авторизованной копии ИРЛИ, Ст 1861, Ст 1864 и др.— Другие редакции и варианты, с. 320—321, 323—324). Но наиболее существенные искажения и пропуски (ст. 251, 658—664, 715—722, 804) при жизни поэта не исправлялись и не восстанавливались.

Однако и в приспособленном к цензурным требованиям виде поэма вызвала неудовольствие властей. Чиновник особых поручений гр. Комаровский сообщал министру народного просвещения, что герой «Эпилога ненаписанной поэмы» — «идеализированный колодник, по-видимому сосланный за политическое преступление, и что «панегирик безымянному колоднику» в поэме имеет своей целью «общественный протест». Предсмертное видение Крота Комаровский назвал «пророчески двусмысленным», усмотрев в нем изображение будущей революции. На основании донесения Комаровского председателю Петербургского цензурного комитета было предложено сделать выговор цензору, пропустившему эти стихи (см.: *Евгеньев-Максимов В.* «Современник» при Чернышевском и Добролюбове. Л., 1936, с. 226—229).

Н. Г. Чернышевский в романе о новых людях «Алферьев» использовал в качестве эпиграфа стихи из «Песни преступников», глубоко ощущая революционный пафос поэмы Некрасова, хотя

ореол жертвенности и аскетизма, которым окружена в «Несчастных» личность Крота, не вполне отвечал духу этики «разумного эгоизма». Культ героев, характерный для некрасовского подхода к изображению «народных заступников», был прямым следствием типичных для поэта сомнений в ближайших перспективах крестьянской революции.

Поэма, явившаяся первым произведением о политических ссыльных на каторге, имела шумный успех в среде прогрессивной русской интеллигенции. Некрасов читал ее на литературных вечерах. По воспоминаниям Е. И. Новиковой-Зариной, «...его голос, глубокий и надорванный, удивительно отвечал колориту поэмы. Не знаю, сколько времени безмолвствовал зал, но потом вдруг, как взрыв, раздались неистовые аплодисменты и бурные крики...» (Ревец, 1938, № 3, с. 21). Д. И. Писарев в статье «Писемский, Тургенев, Гончаров» назвал «Эпилог ненаписанной поэмы» в ряду стихотворений, автора которых «знает и любит живая Россия» (РСл, 1861, № 11, отд. II, с. 6). А. А. Григорьев, «исчисляя лучшие по вдохновению стихотворения поэта», отметил «среди наиболее действующих на публику» и на него лично поэму «Несчастные», хотя «апология Петра» в ней коренным образом противоречила его славянофильским убеждениям (В, 1862, № 7, отд. «Критическое обозрение», с. 46). К числу «лучших произведений» поэта отнес «Несчастных» А. Пятковский (см.: Книжный вестник, 1861, № 24, с. 436). «Горячо прочувствованное и глубоко созревшее произведение» увидел в поэме Е. Эдельсон (БдЧ, 1864, № 9, отд. 3, с. 13). Обстоятельный анализ драматической судьбы лирического героя поэмы, «впервые увидевшего „божий свет“ под кровлей „старых хором“», дал критик журнала «Светоч» в статье «Стихотворения Н. Некрасова» (Св, 1862, № 1, отд. «Критическое обозрение», с. 1—106).

Уже в первых критических откликах современники обратили внимание на автобиографические мотивы в поэме: впечатления детства в крепостнической усадьбе, образ матери поэта, тема утраты иллюзий в столице. В описании провинциального городка знакомые Некрасова узнавали Спасск, Казанской губернии, «на болотистой площади которого Некрасову случалось стрелять дупелей» (*Успенский Н. В.* Из прошлого. М., 1889, с. 231—233).

Определенную часть критических отзывов объединяла тенденция считать поэму незаконченной, хаотичной и пестрой в стилистическом отношении. Так, Вс. Крестовский отнес «Несчастных» к числу вещей, которые не выстраданы, не прочувствованы поэтом и пишутся «ради одной только заключительной фразы». По Крестовскому, «Несчастные» — поэма «аффектированная и добродетельная, изображающая каторжников до того добродетельными, что они даже заслуживают любовь и благоволение своих начальников, вещь ложная и ложная самим незнанием изображаемой жизни...» (РСл, 1861, № 12, отд. II, с. 70). «Не по замыслу поэма слаба, отнюдь нет,— замечал А. С. Суворин,— а по исполнению, по неудачной аффектации, по некоторой ходульности и мелодраматизму. Г. Некрасов знает, что *человек*-гражданин нужен, а не бесплотное существо, каким он представил своего героя» (Рус. речь, 1861, № 103—104, с. 809). О фальшивых нотках в изображении взаимоотношений политических ссыльных с уголовными преступниками писал О. Ф. Миллер в указанной выше книге «Пуб-

личные лекции. Русская литература после Гоголя». П. Ф. Якубович также увидел в поэме много мелодраматизма, «немыслимого в живой действительности» (*Мельшин Л.* <*Якубович П. Ф.*> Н. А. Некрасов, его жизнь и литературная деятельность, с. 68).

В работах советских исследователей выяснены истоки романтической условности в изображении революционера на каторге и его взаимоотношений с уголовными преступниками, изучены усвоенные Некрасовым в «Несчастных» литературные традиции (см.: *Жовтис А. Л.* К вопросу о традициях революционного романтизма в творчестве Н. А. Некрасова (поэма «Несчастные»).— Вестник АН Казахской ССР, 1952, № 12, с. 75—86; *Опришко Е. Н.* К вопросу о реализме поэмы Н. А. Некрасова «Несчастные».— Науч. зап. Днепропетровского гос. ун-та, 1957, т. 71, с. 31—41; *Лучак А. А.* Время и герой. Душанбе, 1962; *Чуковский К. И.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 47—53; *Лебедев Ю. В.* Н. А. Некрасов и русская поэма 1840—1850-х годов. Ярославль, 1971; *Гаркави А. М.* Пушкинская традиция в поэме Некрасова «Несчастные».— О Некр., вып. IV, с. 91—108).

Еще в XIX в. поэма «Несчастные» была включена в книгу избранных переводов сочинений Некрасова на французский язык: *Nekrasov N.* Poésies populaires. Traduites par E. Halperine-Kaminsky et Ch. Morice. Paris, 1886. Во вступительной статье «Poésies populaires» М. де Вогюэ отмечал совершенство композиционного построения поэмы и обращал внимание на полемический аспект в изображении Петербурга у Некрасова по отношению к пушкинскому Петербургу в «Евгении Онегине» и «Медном всаднике».

«Несчастные» — народное название заключенных и ссыльнокаторжных.

Ст. 25—57. *Переступить порог не смея* ∾ *С рукой и сердцем принесет.*— В этом фрагменте поэмы использованы образы и мотивы «Руслана и Людмилы» Пушкина.

Ст. 123—130. *С певцом твоих громад красивых* ∾ *В движенье гордой суеты!* — Имеется в виду изображение картин петербургского утра в «Евгении Онегине» и тема Петербурга в «Медном всаднике» Пушкина.

Ст. 193—194. *Вот идет солдат За фурой вроде погребальной...*— Речь идет о закрытой тюремной карете, в которой перевозили арестантов.

Ст. 861. *Восторгом взор его сиял...*— скрытая цитата из стихотворения Пушкина «Клеопатра» («Восторг в очах его сиял»). В автографе ИРЛИ Б цитата была точной и сопровождалась примечанием (по-видимому, Некрасова): «Стих Пушкина».

Ст. 868. *Прощенья благовест достиг.*— В день коронации Александра II, 26 августа 1856 г., была объявлена амнистия всем репрессированным по делу 14 декабря 1825 г.

1856—1857

ТИШИНА

(С. 51)

Печатается по Ст 1879, т. I, с. 243—249.

Впервые опубликовано: С, 1857, № 9 (ценз. разр.— 31 авг. 1857 г.), с 115—122, с подписью: «Н. Некрасов», в составе пяти глав, без ст. 107—114, 149—152, с исправлениями в ст. 14—15, 40, 67, 69, 88, 116—118, 179, внесенными по цензурным и автоцензурным соображениям.

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1, в составе четырех глав, с восстановлением ст. 107—114, с отточиями вместо ст. 115—118, 149—152 и с устранением исправлений, внесенных по цензурным соображениям, в ст. 14—15, 40, 67, 69, 88, 179 (перепечатано: 1-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений»; Ст 1879, т. I, по словам редактора этого издания С. И. Пономарева, «с немногими исправлениями, указанными самим автором» (Ст 1879, т. IV, с. XLIX): ст. 116—118, 147—152 даны в окончательной редакции, исправлен ст. 173).

Беловой автограф главы 3, с датой: «28 дек. 1856. Рим» — ГБЛ (Зап. тетр. № 4, л. 37—38). Авторизованная копия журнального текста — ИРЛИ (Тетр. Панаевой, л. 2—8). В этой копии глава 4, напечатанная в «Современнике», вычеркнута рукой поэта (как известно, более в текст поэмы не включалась).

Датируется 1856—1857 гг. За исключением главы 3, поэма писалась летом 1857 г. после возвращения Некрасова из-за границы в июне 1857 г.

Глава 3 посвящена окончившейся Крымской войне, защите Севастополя, героизму русского народа, восхищавшему поэта. Недаром сам он хотел ехать в Севастополь. «Хочется ехать в Севастополь,— сообщает он Тургеневу 30 июня—1 июля 1855 г.— Ты над этим не смейся. Это желание во мне сильно и серьезно — боюсь, не поздно ли уже будет?». Тогда же в рецензии на брошюру «Осада Севастополя», напечатанной в «Современнике», Некрасов писал: «Несколько времени тому назад корреспондент газеты „Times“ сравнивал осаду Севастополя с осадою Трои. Он употребил это сравнение только в смысле продолжительности осады, но мы готовы допустить его в гораздо более обширном смысле, именно в смысле героизма, которым запечатлены деяния защитников Севастополя... Мы решительно утверждаем, что только одна книга в целом мире соответствует величию настоящих событий — и эта книга „Илиада“» (ПСС, т. IX, с. 263—264).

Глава 4 поэмы в первопечатном тексте (см.: Другие редакции и варианты, с. 325—326) включала ряд сочувственных строк о реформах Александра II. Видимо, это было тактическим ходом, а не результатом заблуждений или иллюзий, о чем можно судить по письму Некрасова к И. С. Тургеневу от 25 декабря 1857 г.: «Кстати расскажу тебе быль, из коей ты усмотришь, что благонамеренность всегда пожинает плоды свои. По возвращении из-за границы тиснул я „Тишину“ (наполовину исправленную), а спустя месяц

мне объявлено было, чтоб я представил свою книгу на 2-е издание».

Цензурное вмешательство привело к существенному искажению ряда строк: вместо «Тяжеле стонов не слыхали» в «Современнике» напечатано «Молитвы жарче не слыхали»; вместо «Проклятья, стоны и молитвы» — «Прощанья, стоны и молитвы»; вместо «Ни божьих, ни ревижских душ» — «Безропотно покорных душ». После смерти поэта было найдено следующее написанное им объяснение, касающееся стихов, вызвавших возражения цензуры:

«Пусть *ропот укоризны*
За мною по пятам бежал

Здесь автор разумел дошедшие до него за границу слухи, что многие обвиняли его в нелюбви к родине.

Христос снимет
С души оковы

Никакая мирская власть не может наложить оков на *душу*, равно как и снять их. Здесь разумеются *оковы греха, оковы страсти*, которые налагает жизнь и человеческие слабости, а разрешить может только бог.

Прибитая к земле слезами
Рекрутских жен и матерей

Что война есть народное бедствие и что после нее остаются сироты, вдовы и матери, лишившиеся детей,— об этом я не считал неудобным упомянуть в стихах, тем более что это уже относится к прошедшему.

Проклятья, стоны и молитвы
Носились в воздухе...

Проклинали пленные враги, *стонали* раненые, *молились* все пораженные бедствием войны. Если зачеркнуть *проклятия* на том основании, что, может быть, проклинали и свои, то вслед за тем придется зачеркнуть и *стоны,* потому что, может быть, стонали не от одних ран,— а затем придется зачеркнуть и *молитвы,* потому что мало ли о чем можно молиться?

Военный поп

Известно, что после войска самые страдательные лица в войне врач и поп, едва успевающие лечить и отпевать. Потому, упомянув о враче, я упомянул и о попе, служащем при войске,— в этом смысле употреблено прилагательное *военный*» (ГБЛ, ф. 195, М5769. 2. 4).

Поэма выражает горячее чувство любви к родине, с особой силой охватившее поэта после возвращения в Россию из Рима, и тесно связана с другими его произведениями середины 1850-х гг., посвященными войне («Внимая ужасам войны...») и народу («Несчастные», «В столицах шум...») (см. об этом: *Лебедев Ю. В.* Н. А. Некрасов и русская поэма 1840—1850-х годов. Ярославль, 1971,

с. 104—108, 112—115 и др.). Героем поэмы стал народ как целое. События войны, ожидание перемен привнесли в поэму живое ощущение истории народа и его силы. Л. Н. Толстой в письме Некрасову от 11 октября 1857 г. называл первую часть поэмы «чудесным самородком» (*Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч. Сер. 3. Письма, т. 60. М., 1949, с. 225).

«Тишина» была воспринята современниками как новое слово в поэзии Некрасова, но почти сразу же истолкована некоторыми критиками в примирительном духе: «Содержание его (стихотворения «Тишина»,— *Ред.*),— писал анонимный рецензент «Сына отечества» (возможно, это был В. Р. Зотов),— резко противоречит духу его прежних произведений, и мы должны отметить эту перемену в направлении таланта г. Некрасова, конечно весьма приятную для всех, кто желает видеть в поэте истинное смирение, покорность воле провидения вместо тяжелой грусти, недовольства своею судьбою и других прежних свойств его поэзии. Как не порадоваться такой перемене! Г-н Некрасов был за границей и не нашел там ничего, он поехал назад, и вот перед ним:

Храм божий на горе мелькнул
И детски чистым чувством веры
Внезапно на душу пахнул...

Мы очень рады, что г. Некрасов вывез из-за границы такие похвальные чувства, что в нем

Сердце вещее ликует
И умиляется до дна —

и что он говорит в конце стихотворения:

Сломившийся под игом горя
За личным счастьем не гонись
И богу уступай не споря...

Последний стих нам кажется только неполон. Истинное смирение принуждает уступать и людям» (СО, 1857, № 43, с. 1052). Рецензент «Русской речи» А. С. <А. С. Суворин> писал: «Г-на Некрасова действительно любят у нас, но любят не потому только, что он является грозным сатириком, что ему удается вызвать часто своими стихами чувство негодования в читателе, а потому особенно, что он чувствует жизнь, что он нашел в ней примиряющий элемент <...> Успокоение это вносится в душу поэта чувством любви к родине-матери и к народу <...> И нива просветлеет перед поэтом, станет пышней и красивей, и ласковей замашет лес своими вершинами, и слезы хлынут из глаз, и в умилении посылает он привет и рекам родным, и деревенской тишине, и широким нивам, и божий храм пахнет на него детски чистым чувством веры, и пропадет отрицанье и сомненье. „Войди с открытой головой“,— шепчет ему какой-то голос. И чудные упруго-металлические стихи вырываются у поэта, стихи скорби и любви льются из-под пера его, когда он входит в божий храм и вспоминает о народе, который он так любит, о народе-герое, который в борьбе суровой не шатнулся до конца, которого венец терновый светлее победоносного венца» (Рус. речь, 1861, № 103—104, с. 805).

Откликаясь на Ст 1861, критика в целом теснее связывала «Тишину» с другими произведениями Некрасова: «Когда мы геройствовали, собирали армии и ополчения, еще более собирали забытые воспоминания о бранной славе двенадцатого года и многие, даже очень многие, поэты и прозаики пустились в воинственные песни псевдонародного содержания,— г. Некрасов написал следующее маленькое стихотворение, которое нам нравится более всех воинственных стихов:

Внимая ужасам войны <...>

Наконец, еще больше приближаясь к нашему времени, когда после войны, всё, казалось, заговорило и зашевелилось, когда столица наша начала ораторствовать и появились надежды,— в это время, в 1856 году, г. Некрасов написал следующее превосходное стихотворение „В столицах шум ...“» (ОЗ, 1861, № 11—12, отд. II, с. 90).

В том же духе оценивалась «Тишина» в анонимной рецензии на Ст 1861 в журнале «Светоч»: «При первом шаге за рубеж своей родины поэт отдается весь ее чарующему влиянию, он весь проникается разлитой повсюду родной по крови жизнью: полной грудью пьет он воздух беспредельно раскинутых перед ним полей и в этом воздухе находит источник обновляющих сил. Вся природа в глазах поэта принимает праздничный вид, всё улыбается ему, всё манит в братские объятия, в святую минуту свидания с милой родиной он забывает, как еще недавно здесь же, полный „мучительных дум“, выносил он тяжелое страданье, обливался кровавыми слезами, как еще недавно из его наболевшей груди вырывались болезненные стоны; но всё прощено, всё исчезло... поэт помнит одно, что он на родине, что он видит то, перед чем привык благоговеть, может быть, в далекое, давно минувшее детство. Тот, кто умеет так чувствовать, может, положа руку на сердце, смело сказать, что он любил и любит свою родину!.. Ни в одном произведении своем Некрасов не являл нам таких образов, какие явил он в „Тишине“» (Св, 1862, кн. 1, отд. «Критическое обозрение», с. 104—105).

Тогда же, истолковывая «Тишину» в почвенническом духе, Ап. Григорьев в статье «Стихотворения Н. Некрасова» связывал ее с предшествующей традицией Пушкина и Лермонтова: «Поставьте в параллель с этою искренностью любви к почве первые, робкие, хотя затаенно страстные, признания великого Пушкина в любви к почве в „Онегине“ — и вы поймете... конечно не то, что „если б не обстоятельства, то Некрасов был бы выше Пушкина и Лермонтова“, а разницу двух эпох литературы. Припомните тоже полусардоническое, язвительное, но тоже страстное признание почве в любви к ней Лермонтова («Люблю я родину» и проч.) — и потом посмотрите, до какого высокого лиризма идет Некрасов, нимало не смущаясь» (В, 1862, № 7, отд. II, с. 39).

Стремление рассматривать поэму как попытку примирения с жизнью имело место и в советском литературоведении (см.: *Евгеньев-Максимов В. Е.* Творческий путь Н. А. Некрасова. М.—Л., 1953, с. 102—103). Иная точка зрения представлена в указанной работе Ю. В. Лебедева (с. 109—111 и др.).

Ст. 40—41. *Тяжеле стонов не слыхали Ни римский Петр, ни Колизей!* — Собор святого Петра в Риме, главный собор римской католической церкви, выдающийся памятник архитектуры XV—XVII вв. Упоминание всемирно известного римского Колизея, связанного с муками первых христиан, которых там бросали на растерзание диким зверям, и собора святого Петра как места паломничества должно было с особой силой подчеркнуть меру страданий русского народа, приходящего в свой сельский «убогий» храм.

Ст. 93. *Французов с красными ногами...*— Во время Крымской войны в состав французских войск входили отряды зуавов, комплектовавшиеся в основном из алжирских племен; особенностью их обмундирования были красные шаровары.

Ст. 123. *Молчит и он...*— Слово «он» относится к Севастополю.

Ст. 179. *...ни ревижских душ...*— Ревизская душа — единица учета мужского населения, подлежавшего обложению подушной податью. Существовала в России с 1718 по 1887 г. Лица, с которых взимались подати, включались в особые учетные списки — «ревизские сказки», и поэтому именовались «ревизскими душами».

1861

КОРОБЕЙНИКИ

(С. 57)

Печатается по Ст 1873, т. I, ч. 2, с. 187—223, с восстановлением доцензурной редакции ст. 149 по беловому автографу ГБЛ.

Впервые опубликовано: С, 1861, № 10 (ценз. разр.— 5 и 6 ноября 1861 г.), с. 599—620, с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано (без примечаний): Красные книжки. Книжка первая. Коробейники. Сочинил и издал Некрасов. СПб., 1862 (ценз. разр.— 7 ноября 1861 г.)).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861 (перепечатано: 2-я часть всех последующих прижизненных изданий «Стихотворений»).

Беловой автограф чернилами и карандашом, с датами — в начале текста в верхнем правом углу (л. 45): «25 августа»; в конце текста: «21 авг. 1861» — и пометой: «Грешнево» (л. 59),— ГБЛ (Зап. тетр. № 4), л. 45—59. Представляет собой первоначальную редакцию поэмы: отсутствуют посвящение, отдельные строфы, авторские примечания к тексту. «Песня убогого странника» дописана, вероятно, позднее; в рукописи указано лишь место, где она должна быть помещена (см.: Другие редакции и варианты, с. 329).

Некоторые недостатки публикации поэмы в издании Ст 1879 были в свое время указаны Н. Г. Чернышевским, который в заметках, приложенных к письму А. Н. Пыпину (от 17 июня 1886 г.), сетовал на то, что редактор (С. И. Пономарев) «испортил текст своими поправками». «Обыкновенный повод к поправкам,— пишет Н. Г. Чернышевский,— подает ему „неправильность размера“; а на

самом деле размер стиха, поправляемого им, правилен. Дело в том, что Некрасов иногда вставляет двухсложную стопу в стих пьесы, писанной трехсложными стопами; когда это делается так, как делает Некрасов, то не составляет неправильности. Приведу один пример. В „Песне странника“ (в «Коробейниках») Некрасов написал:

„Уж я в третью: мужик! Что ты бабу бьешь?“

В „Посмертном издании“ стих поправлен:

...что ты бабу-то бьешь?

Некрасов не по недосмотру, а преднамеренно сделал последнюю стопу стиха двусложною; это дает особенную силу выражению. Поправка портит стих» (Чернышевский, т. I, с. 751).

Поэма написана в августе 1861 г. Сюжет ее, по свидетельству А. А. Буткевич, Некрасов нашел во время своих охотничьих странствий. «...редкий раз не привозил он,— вспоминает А. А. Буткевич,— из своего странствия какого-нибудь запаса для своих произведений. Так однажды при мне он вернулся и засел за „Коробейников“, которых потом при мне читал крестьянину Кузьме» (ЛН, т. 49—50, с. 177). «Крестьянин Кузьма» — Кузьма Ефимович Солнышков, вместе с Гаврилой Яковлевичем Захаровым был постоянным спутником Некрасова на охоте в Ярославской губернии. По словам сына Г. Я. Захарова, сюжет поэмы был подсказан самим Гаврилой Яковлевичем. Корреспондент «Костромского листка», беседовавший с И. Г. Захаровым, сообщал: «Однажды на охоте с Гаврилой Некрасов убил бекаса, а Гаврила в тот же момент — другого, так что Некрасов не слыхал выстрела. Собака, к его удивлению, принесла ему обоих бекасов. „Как,— спрашивает он Гаврилу,— стрелял я в одного, а убил двух?“ По этому поводу Гаврила рассказал ему о двух других бекасах, которые попали одному охотнику под заряд. Этот случай дал повод для рассказа об убийстве коробейников, которое произошло в Мисковской волости.

Два бекаса нынче славные
Мне попались под заряд!

Другие подробности, например о Катеринушке, которой приходилось

Парня ждать до Покрова,

основаны на рассказах Матрены, жены Гаврилы, теперь тоже умершей, которая так же сидела в одиночестве, как и Катеринушка» (Костромской листок, 1902, № 140).

Реальную историю убийства коробейников в Мисковской волости, ставшую своеобразным преданием, записал со слов И. Г. Захарова А. Попов уже в 1920-е гг.: «Охотник этот был Давыд Петров из деревни Сухоруковой. Он встретил в своей деревне коробейников, направлявшихся прямиком через болота в село Закобякино Ярославской губернии, „надумал“ их убить, чтобы за-

брать деньги, и проследил в лесу. Коробейники поняли, что не к добру оказался среди них как будто недавно виденный человек с ружьем, и просили оставить их. Когда Давыд убивал, то пастушок слышал выстрелы и крики. После убийства Давыд затащил одного убитого на дерево, другого спрятал под корни» (*Попов А.* Костромская основа сюжета «Коробейников» Н. А. Некрасова.— В кн.: Ярославский альманах. Ярославль, 1941, с. 195).

Поэму Некрасов посвятил Г. Я. Захарову; в издании 1861 г. посвящение нарочито оформлено как традиционное посвящение какому-либо высокопоставленному лицу. Этим подчеркивалось общественное значение факта посвящения народной поэмы простому русскому крестьянину.

Задумав целую серию книг для народа («Красные книжки»), Некрасов первой в этой серии издает поэму «Коробейники». Он сам позаботился о наиболее широком распространении ее среди народа. В марте 1862 г. по предварительной договоренности он посылает мстерскому книготорговцу И. А. Голышеву экземпляры «Красной книжки» и сопровождает посылку письмом: «Посылаю Вам 1500 экземпляров моих стихотворений, предназначающихся для народа. На обороте каждой книжечки выставлена цена — 3 копейки за экземпляр,— потому я желал бы, чтобы книжечки не продавались дороже: чтобы из 3-х копеек одна поступала в Вашу пользу и две в пользу офеней (продавцов),— таким образом, книжка и выйдет в три копейки, не дороже. После Пасхи я пришлю к Вам еще другие, о которых мы тогда и поговорим» (письмо от 28 марта 1862 г.). Издание «Красных книжек» прекратилось в связи с цензурным запрещением в 1863 г. на второй книжке, в которую вошли «Бобыль Скородум», «Забытая деревня», «Огородник», «Школьник», «Городская кляча». Некрасовские книжки предполагал распространять среди крестьян и М. Е. Салтыков-Щедрин. Собираясь весной 1863 г. в свое имение Витинево под Москвой, в письме от 11 мая 1863 г. он спрашивал И. А. Панаева: «...нет ли у Вас „Красных книжек“ Некрасова 1-й и 2-й, если есть, то пришлите мне по 30 экземпляров каждой» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 1, с. 276).

Поэма была написана Некрасовым в то время, когда революционеры-демократы пытались найти наиболее действенные формы сближения с народом. Поэт стремился к созданию народной поэмы в «пропагандистском духе», доступной крестьянину. Агитационный характер поэмы был хорошо понят современниками Некрасова. «Песню убогого странника», например, цитировал в феврале 1862 г. А. И. Герцен на страницах «Колокола» в своей статье «Мясо освобождения»: «...оказалось, что у народа именно мяса-то на костях мало, да до того мало, что он на все реформы, революции, объявления прав отвечал:

Голодно, странничек, голодно!
Холодно, родименький, холодно!»

(Герцен, т. XVI, с. 28).

Н. Г. Чернышевский, говоря о необходимости коренным образом изменить положение народа, также обращался к некрасовскому тексту. В статье «Не начало ли перемены?» по поводу «Песни убогого странника» он писал: «Жалкие ответы, слова нет, но глупые

ответы. „Я живу холодно, холодно".— А разве не можешь ты жить тепло? Разве нельзя быть избе теплою? — „Я живу голодно, голодно".— Да разве нельзя жить тебе сытно, разве плоха земля, если ты живешь на черноземе, или мало земли вокруг тебя, если она не чернозем, чего же ты смотришь? — „Жену я бью потому, что рассержен холодом".— Да разве жена в этом виновата? — „Я в кабак иду с голоду".— Разве тебя накормят в кабаке? Ответы твои понятны только тогда. когда тебя признать простофилею. Не так следует жить и не так следует отвечать, если ты не глуп» (Чернышевский, т. VII, с. 874). «Песню убогого странника» использовал и Д. И. Писарев в своих «Физиологических картинах» (1862), описывая невыносимое положение русского крестьянина: «Преждевременная дряхлость и частые болезни, безотрадная жизнь и ранняя смерть — вот что достается на долю голодного бедняка, работающего через силу <...>

Голодно, странничек, голодно,
Голодно, родименький, голодно! —

отвечают прохожему в „Коробейниках" Некрасова луга, звери и мужики, у которых этот прохожий спрашивает причину их бедствий и горестей. Этот страшный по своей простоте ответ сменяется другим ответом, не менее выразительным:

Холодно, странничек, холодно,
Холодно, родименький, холодно.

И в этих двух ответах сказано столько, сколько не выскажешь десятью поэмами.

Голод и холод! Этими двумя простыми причинами объясняются все действительные страдания человечества, все тревоги его исторической жизни, все преступления отдельных лиц, вся безнравственность общественных отношений» (*Писарев Д. И.* Полн. собр. соч. в 6-ти т., т. II. СПб., 1909, с. 364—365).

Тема преступления в народной среде, лежащая в основе поэмы, в 1860-е гг. приобретает особо острое звучание. Революционеры-демократы объясняли поступки людей их социальным положением, преступления в народе — условиями его быта. Вскрывая причины преступлений, Некрасов стоит на позициях революционных демократов (см. об этом: *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова, т. III. М., 1952, с. 195—196; *Груздев А. И.* О фольклоризме и сюжете поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники».— Некр. сб., III, с. 110—112).

Современная критика по-разному встретила появление поэмы. Раздавались упреки в художественной слабости произведения (РИ, 1861, № 289; Д. Аверкиев), в отсутствии «художнического таланта» и незнании народной жизни (ОЗ, 1861, № 12, с. 104; С. С. Дудышкин). Однако большинство отзывов о поэме содержало высокую оценку «Коробейников». «Песня убогого странника» привлекла особое внимание. «Дух захватывает от этой страшной, громадной силы! — писал В. В. Крестовский.— А между тем что может быть безыскусственнее и проще этой песни. Но простотой-то она и сильна. Это великая и грозная своим величием простота. <...> Она вылилась непосредственно из души как один вопль нашей

всеобщей великой скорби!» (РСл, 1861, № 12, с. 66—67). «Одной этой поэмы,— писал в 1862 г. А. А. Григорьев,— было бы достаточно для того, чтобы убедить каждого, насколько Некрасов поэт почвы, поэт народный, т. е. насколько поэзия его органически связана с жизнью» (В, 1862, № 7, с. 42). На рассказ о крестьянине, по ошибке посаженном в острог, обратил внимание в своих публичных лекциях О. Ф. Миллер. Он также выделил «печальную песню странника», которая, по его словам, «и сама по себе должна быть отнесена к лучшим произведениям Некрасова» (Публичные лекции Ореста Миллера. Изд. 2-е. СПб., 1878, с. 328). «Лучшей народной поэмой Некрасова» считал «Коробейников» П. Ф. Якубович-Мельшин (*Мельшин Л. (Якубович П. Ф.)*. Очерки русской поэзии. СПб., 1904, с. 171).

Поэма легла в основу либретто оперы Н. Н. Миронова «Коробейники» (первая постановка — Ташкент, 1901) и вдохновила многих композиторов на создание песен: «Хорошо было детинушке...» (Я. Ф. Пригожий, 1888), «Ой, полна, полна коробушка...» (Я. Ф. Пригожий, А. Н. Чернявский, 1898; А. Дагмаров, 1903; В. С. Ружицкий, 1905), «Песня убогого странника» (Н. А. Маныкин-Невструев, 1913).

Эпиграф к гл. I — стихи из распространенной плясовой песни «Во саду ли, в огороде» (см., например: Собрание русских народных песен с их голосами на музыку положил Иван Прач. М., 1790, № 32). *Кумач* — бумажная ткань алого, иногда синего цвета. *Китайка* — гладкая бумажная ткань, обычно желтая, первоначально вывозилась из Китая.

Ст. 41. *Дал ей ситцу штуку целую...* — Имеется в виду определенной длины рулон фабричной ткани.

Ст. 51. *Полуштофик* — половина штофа, четырехугольной с коротким горлом водочной бутылки объемом около 1 л.

Ст. 58. *Покров* — осенний церковный праздник после уборки урожая (1 октября ст. ст.), к которому приурочивались свадьбы.

Эпиграф к гл. II — один из припевов офеней. Ср. запись аналогичных текстов (наст. изд., т. III, Другие редакции и варианты, с. 323).

Ст. 76. *Новины* — небеленый холст ручного производства.

Ст. 77. *Вожеватые* — здесь: обходительные, приветливые.

Ст. 80. *Миткаль* — небеленый ситец; *плис* — хлопчатобумажный бархат.

Ст. 93. *Старый Тихоныч так божится...* — Ср.: «Без божбы не продашь»; «Не побожившись и иглы не продать» (Пословицы русского народа. Сб. В. Даля. СПб., 1862, с. 572).

Ст. 100. *Исполать* — хвала, слава.

Ст. 117. *Кутейники* — народное прозвище церковников. Кутья — вареное зерно с медом или изюмом, приносимое в церковь на панихиду или подаваемое за столом на поминках.

Эпиграф к гл. III — своеобразная фольклорная формула, характерная для былины с сюжетом «Добрыня и Алеша Попович» (ср.: «Если хошь добра, так пей до дна, А не хошь добра, так не пей до дна!» — Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1. М., 1861, с. 169; «Буде хошь добра, так пей до дна, А не хошь добра, так не пей до дна» — там же, с. 145; «Буде пьешь до дна, так видаешь добра, А не пьешь до дна, так не видаешь добра» — там же, с. 137).

Ст. 130. *Не обманешь — не продашь!* — Ср.: «Не солгать, так и не продать» (Пословицы русского народа, с. 572).

Ст. 177, 179. *Подоконники, балахонники* — здесь: нищие.

Эпиграф к гл. IV — строки из распространенной плясовой песни. Ср.:

Навалила ты на рыло
И румяна и белила,
Ай барыня, барыня,
Сударыня барыня!

(*Колесницкая И. М.* Художественные особенности поэмы Н. А. Некрасова «Коробейники».— Вестник Ленингр. гос. ун-та, 1954, № 3, с. 144).

Ст. 228. *Косуля* — соха или легкий плуг с одним лемехом.

Ст. 239—240. *И в свиное ухо складывал Полы свиточки своей...*— народная насмешка над мусульманами, которым Коран запрещает употреблять в пищу свиное мясо.

Ст. 251. *Кашпирята* — Кашпировы, ярославские помещики; *Зюзенята* — Зюзины, костромские помещики.

Ст. 253. *Борзители* — борзятники, охотники с борзыми собаками.

Ст. 263—264. *— Встрелось нам лицо духовное — Хуже не было б греха.*— По народным приметам, встреча со священником сулит несчастье, неприятность. Ср.: «Поп, да девка, да порожние ведра — дурная встреча» (Пословицы русского народа, с. 1049).

Эпиграф к гл. V — *Гогулино* — бывшая деревня отца Некрасова, находившаяся недалеко от Грешнева.

Ст. 425. *То кочажником, то бродами.*— Кочажник — болотистая, с кочками, местность.

Ст. 427—428. *Коли три версты обходами, Прямиками будет шесть!* — Ср.: «Около четыре, а прямо — шесть» (Пословицы русского народа, с. 602).

Ст. 439. *«Бабы их клюкою меряли...*— Ср.: «Меряла старуха клюкой, да махнула рукой (о проселочной дороге)» (Пословицы русского народа, с. 603).

Эпиграф к гл. VI — устойчивая фольклорная формула эпических песен с сюжетами «Добрый молодец неудачливый и речка Смородинка» и «Горе» (см.: Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, ч. 1, с. 468 и 471).

Ст. 462. *Труба* — название села вымышленное.

Ст. 473. *Шунья* — село около Костромы.

Ст. 480. *Прокурат* — шутник, обманщик, притворщик.

Ст. 565. *Спиридово* — село Красносельской волости Костромского уезда.

Ст. 567. *Давыдово* — село Шунгенской волости Костромского уезда.

1863—1864

МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС

(С. 77)

Печатается по Ст 1873, т. II, ч. 3, с. 15—75 (посвящение, ст. 1—49,— по Ст 1873, т. II, ч. 4, с. 248—250).

Впервые опубликовано: первоначальная редакция — В, 1863, № 1 (ценз. разр.— 11 янв. 1863 г.), с. 302—305, под заглавием: «Смерть Прокла», с подписью: «Н. Некрасов»; окончательная редакция (без ст. 1—49) — С, 1864, № 1 (ценз. разр.— 18 янв. и 10 февр. 1864 г.), отд. I, с. 5—40, под заглавием: «Мороз, Красный нос!», с посвящением: «Посвящаю моей сестре Анне Алексеевне» и подписью: «Н. Некрасов»; ст. 1—49 — Ст, 1869, ч. 4, Прилож.: «Стихотворения 1860—63 годов, не вошедшие в предыдущие издания», с. 242—244, под заглавием: «Сестре (из посвящения к поэме «Мороз, Красный нос»)».

В собрание сочинений впервые включено (без ст. 1—49): Ст 1864, ч. 3, с датой: «1863» (перепечатано: Ст 1869, ч. 3 и Ст 1873, т. II, ч. 3, с той же датой; Р. б-ка, с датой: «1865»; как отдельная книга для народного чтения, СПб., 1870).

Набросок из двадцати стихов (соответствующих гл. I и II), чернилами, на одной стороне листа, с незначительными поправками, под заглавием: «По дороге зимой», без даты, непосредственно после текста «Коробейников», имеющего дату: «25 авг. 1861 г.», и перед стихотворением «Литература с трескучими фразами...», относящимся к 1862 г.,— ГБЛ (Зап. тетр. № 4, л. 60).

Наборная рукопись — ГПБ, ф. 514, № 2, л. 1—32. Первоначальный вариант поэмы написан чернилами, позднейшие вставки — карандашом и чернилами на отдельных листах, помеченных буквами («А», «Б», «АА» и т. д.), с указанием страниц, к которым они относятся. Перед текстом дата: «21 августа 1863» и помета: «На пароходе от Нижнего». Впоследствии дата, помета и эпилог вычеркнуты карандашом. Рукопись подписана: «Н. Некрасов», имеет пометы Некрасова, предназначавшиеся для наборщика: «Оставь!» (л. 2), «Здесь набирать вставку АА» (л. 27) и др.

Набросок «Посвящения», карандашом, среди недатированных прозаических и стихотворных заметок,— ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 7. Поскольку отдельные строки этих заметок использованы в «Медвежьей охоте», возможно предположить, что набросок «Посвящения» написан не позднее 1867 г.

Посвящение перед текстом поэмы впервые было помещено в Ст 1879. Редактор этого издания С. И. Пономарев сделал примечание о том, что «Посвящение» «ныне помещается на своем месте по указанию поэта» (там же, т. IV, с. LXVI). Вероятно, С. И. Пономарев располагал экземпляром, где Некрасовым были сделаны соответствующие указания. А. А. Буткевич напомнила С. И. Пономареву: «Не забудьте Посвящение мне поставить перед поэмой „Мороз“» (ЛН, т. 53—54, с. 176). Сам Некрасов, печатая «Посвящение» отдельно, оставлял его, однако, во всех изданиях в разделе «Приложений». Это дает нам некоторые основания думать, что место данного текста не было им определено окончательно, но что

он предполагал поместить его перед поэмой, о чем, вероятно, и упоминает С. Н. Пономарев. Отмечалось, что по своему настроению и поэтическому стилю «Посвящение» органически сочетается с финалом поэмы (см. об этом: *Гаркави А. М.* Структура повествования в поэме Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».— В кн.: Вопросы сюжетосложения. 3. Рига, 1974, с. 81).

Первоначальная редакция (опубликованная в журнале «Время») состояла из гл. I, II, VI и VII основного текста; для нее характерны фрагментарность и незавершенность. Она легла в основу первой части окончательного варианта поэмы. Время работы над нею определяется Ф. И. Евниным как декабрь 1862 г. (см.: Некр. сб., III, с. 59—61). Следует, однако, заметить, что, исходя из положения наброска «По дороге зимой» в Зап. тетр. № 4 (см. выше), замысел поэмы можно датировать периодом ранее декабря 1862 г. Осенью 1862 г. (с августа до начала октября) Некрасов жил в Карабихе, откуда выезжал в Ярославль к больному отцу. В конце ноября он снова был у отца, затем провел некоторое время в Новгородской губернии. Впечатления от зимней деревни, вероятно, и легли в основу картин, изображенных в первоначальной редакции поэмы. Окончательная редакция создавалась в конце августа 1863 — начале января 1864 г. Как отмечает Ф. И. Евнин, дата «21 августа 1863 г.», стоящая под «Эпилогом» в наборной рукописи, относится к более раннему варианту поэмы, а не к ее окончательной редакции. Начав работу над поэмой в 1862 г. (набросок и первоначальный вариант), Некрасов продолжал ее в течение 1863 г., создав к 21 августа второй вариант с «Эпилогом» и назвав его «Смерть крестьянина». В августе 1863 — начале января 1864 г. он завершает работу, внося во второй вариант существенные изменения и дополнения. В окончательную редакцию не вошел «Эпилог» (впервые опубликован: Некрасовский сборник. Ярославль, 1922, с. 82—83), для нее были написаны сны Дарьи, а также ст. 1021—1037, дописаны гл. III—IV, XX—XXVIII. Таким образом, в дополнение к прежней теме (смерть крестьянина) органически вводится новая — мужество и духовная красота русской женщины из народа. Это придало окончательному варианту поэмы более глубокий смысл. В нем Некрасов делает и другие, более частные вставки и исправления; кроме того, он меняет название поэмы.

18 февраля 1864 г. Некрасов читал «Мороз, Красный нос» на вечере Литературного фонда. Поэт обратился к слушателям с небольшим вступлением, в котором, по словам писателя П. Д. Боборыкина, объявил, что «его новое произведение *не имеет никакой тенденции,* почему он и просит слушателей не подозревать в нем <...> никакого служения направлению. Мне хотелось,— сказал г. Некрасов,— написать несколько картинок русской сельской жизни; я попытался изобразить судьбу нашей русской женщины; я прошу внимания слушателей, ибо „если они не найдут в моей поэме того, что я задумал, они ничего в ней не найдут“» (Бдч, 1864, № 2, с. 68). В представлении ряда критиков того времени «тенденция» предполагала нарочитый показ лишь темных сторон народного быта, безысходного народного горя. Обращая внимание слушателей на отсутствие в поэме подобной тенденции, Некрасов подчеркивал, что крестьянская жизнь изображена им такой, какой она является в действительности.

С точки зрения описания народной жизни интересно сопоставление поэмы Некрасова с очерком-фельетоном Салтыкова-Щедрина «Деревня зимою» (С, 1864, № 2, отд. II, с. 201—236), опубликованным в разделе «Наша общественная жизнь» и направленным против умиления крестьянской жизнью, которым, например, был проникнут очерк В. В. Селиванова «Год русского земледельца» (Рус. беседа, 1856, т. II, IV; 1857, т. III, IV), представлявший собой, по словам Салтыкова-Щедрина, «рассыченную на патоке идиллию». Опираясь на статистические данные, Салтыков-Щедрин показывает тяжесть труда крестьянина, вынужденного заниматься зимним извозом. Этнографические зарисовки писателя по существу совпадают с картинами из гл. XI и XII поэмы. Крестьянин в извозе,— пишет Салтыков-Щедрин,— «во время вьюги обязывается идти пешком за возом и вязнуть в снегу <...> и при этом плохо защищен от нападений ветра ветхим и малозащищающим полушубком <...> Путник этот на каждом шагу обязывается думать о том, как бы малосильная лошаденка его не стала в тупик и не повалила бы воза, и о том, что, когда повалится этот воз, ему надобно будет выжидать проезжих и с помощью их поднимать этот воз. Я даже полагаю, что этот путник совсем ни об чем не думает, а просто проклинает и вьюгу, и горькую долю, которая выслала его в эту стыть за ворота» (С, 1864, № 2, с. 207). Внутренняя полемика и самой поэмы с очерком Селиванова так же очевидна (см. об этом: *Колесницкая И. М.* Из творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Мороз, Красный нос».— Некр. сб., III, с. 328—332).

В то же время, как отмечал В. В. Гиппиус, в некрасовских картинах тяжелой деревенской страды «заложены те возможности, которые обещают не только веселую работу кольцовского пахаря, но и труд будущего человечества, о чем мечтал Чернышевский, когда писал свой четвертый сон Веры Павловны» (ЛН, т. 49—50, с. 39). Эстетическая позиция Некрасова смыкается с принципами Чернышевского, сформулированными в работе «Эстетические отношения искусства к действительности». В центре поэмы характер, воплощающий понятие о прекрасном, как оно представляется самому народу. Красота, величие души, исключительное трудолюбие, терпение составляют главные черты этого характера. Отсюда оптимистическое звучание поэмы, несмотря на трагизм ситуации, в ней изображенной. Теплоту чувства, которое наполняет произведение, особо отмечал сын декабриста С. Г. Волконского — М. С. Волконский, связанный с поэтом долгими годами дружбы. «Сейчас я прочел Ваш „Мороз“,— писал М. С. Волконский 20 февраля 1864 г.— Он пробрал меня до костей, и не холодом — а до глубины души тем теплым чувством, которым пропитано это прекрасное произведение. Ничто, до сих пор мною читанное, не потрясло меня так сильно и глубоко, как Ваш рассказ, в котором нет ни одного слова лишнего: каждое так и бьет вас по сердцу. Все это как нельзя более знакомо и близко мне, до 25-летнего возраста то и дело переезжавшему из деревни в деревню, от одного мужика к другому. Художественность же, с которой изложен Ваш рассказ, а главное теплота чувства, которым он дышит,— просто перевернули меня. Дайте мне возможность поделиться им с моим отцом, доказавшим на деле, как он любит русского мужика» (цит. по: *Евгеньев-Максимов В.* Некрасов

как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 309). К образу Дарьи, воплощающему жизнеутверждающие начала, мысленно возвращался сам поэт в предсмертные дни: «Недуг меня одолел, но Муза явилась ко мне беззубой дряхлой старухой, не было и следа прежней красоты и молодости, того образа породистой русской крестьянки, в каком она всего чаще являлась мне и в каком обрисована в поэме моей „Мороз, Красный нос"» (ЛН, т. 49—50, с. 167).

Широко используя фольклорную эстетику (поэма — одно из самых «фольклорных» произведений поэта), Некрасов подчеркивает трудовую фабулу, наименее ярко выраженную в фольклоре: изображение трудовых процессов, составляющих повседневную, обыденную жизнь крестьянина, не столь характерно для традиционного русского фольклора (некоторое исключение в этом смысле составляют отдельные хороводные, игровые и трудовые песни). Изображение крестьянского труда в поэме, глубоко народное по своей сущности, по-своему как бы обогащает и дополняет фольклорную эстетику. Самые различные фольклорные жанры, к которым обращается Некрасов, дают ему возможность глубоко и верно раскрыть народный характер. В большинстве случаев поэт идет от конкретных текстов, услышанных им или знакомых ему по фольклорным собраниям. Ср., например, причитание по покойнику в записи 1853 г. (Ярославская губерния, Моложский уезд) со ст. 298—303, 312—315, 318—323 поэмы:

Осударь ты наш, сердечной друг!
С кем ты евту думушку одумал:
Одумал с матушкой — сырой землей,
Сорядзился ты на жицье вековешнёе,
Оставляешь ты нас сирот горькиев...
Уж воскинь-кё, восплесни рукам милыем.
Взгляни-кё ты оцам-це ясныем,
Роспецатай-кё свое уста сахарные...
Уж умываемся мы не свежой водой,
Уж умываемся мы горюцыем слезам...
Посадили бы за дубовой стол,
Роскинули бы скацерци браные,
Уж наставили бы мы про цея яства сахарного,
Уж не могли бы на цея нагляецися...

(Этнографический сборник. Изд. Рус. геогр. об-ва, вып. 1. СПб., 1853, с. 160—161).[1]

Причитанию, вводимому в текст поэмы, Некрасов придает лишь необходимую «литературную» форму.

Диапазон фольклорных жанров, на которые опирался Некрасов в поэме, широк. Реальные источники поэмы составляют, в частности, народные обычаи, суеверия, заклинания. Так, весьма детально представлены все те способы лечения больного, которые имели место в повседневном крестьянском быту. «Из главнейших врачеваний русских от многих болезней издревле служит баня, по пословице, вторая мать наша. Простой народ наш лечит снегом ознобленные члены, обожженные места держит в горячей воде»,— писал И. Снегирев. «К врачебным пословицам русского народа,—

[1] См. также: *Прийма Ф. Я.* К характеристике фольклоризма Н. А. Некрасова.— РЛ, 1981, № 2, с. 82—83.

указывал тот же автор,— отнести можно заклинания, приговоры, или заговаривания от болезней, при вспрыскивании водою с угля, с золы, с глины <...> и т. п.» (Русские в своих пословицах. Рассуждения и исследования о русских пословицах и поговорках И. Снегирева, кн. IV. М., 1834, с. 79, 92). Раскрывая душевное состояние Дарьи, бегущей ночью за целительной иконой, Некрасов использует многочисленные приметы, предвещающие, по народным представлениям, непременное несчастье. Все эти поверья и обычаи помогали воссоздать крестьянский быт во всей его подлинности (см. об этом: Лит-ра в школе, 1966, № 4, с. 77—79).

Несколько ограниченным оказалось, однако, для поэмы значение сказки (см.: Лит. учеба, 1936, № 7, с. 68—69). Образ Мороза в поэме восходит не столько к самой сказке о Морозке, сколько к привычному для крестьянина образу, запечатлевшемуся в загадках, пословицах и поверьях: «Не велик мороз, да краснеет нос»; «Казанские морозы железа не рвут, птицу на лету не бьют, а за нос бабу хватают, мужика за уши щиплют»; «Мороз скачет по ельничкам, по березничкам, по сырым борам, по веретейкам» (*Ермолов А.* Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках, приметах, т. I. СПб., 1901, с. 510); «Кто мост мостил, золотой мостил, без ножа, без топора, без клиньев, без подклинков?»; «Мост мощу без клинья, без вязья, без березья» (Памятники русского фольклора. Загадки. Изд. подгот. В. В. Митрофанова. Л., 1968, № 346, 348). Исключительное по художественной силе проявление народной фантастики отмечал в образе Мороза А. В. Луначарский: «Достаточно только вспомнить взлет народной фантастики в появлении воеводы Мороза в великой, изумительной поэме Некрасова этого имени. Какая удаль, какая ширь, какой демонизм!» (*Луначарский А. В.* Собр. соч., т. I. М., 1963, с. 218).

Появление поэмы вызвало многочисленные журнальные отклики. Современная критика, расходясь в оценке принципиальных сторон творчества Некрасова, признавала, однако, большие художественные достоинства поэмы. В журнальных обзорах отмечались глубокое знание поэтом народной жизни, верное ее изображение, любовь к народу, гражданственность звучания поэмы (РСл, 1864, № 10, В. А. Зайцев; Бдч, 1864, № 2, П. Д. Боборыкин; Сев. сияние, 1865, т. IV, В. Р. Зотов), художественность, умение проникнуть в мир русской природы (День, 1864, 28 ноября, № 48, Н. Б.— Н. М. Павлов), страстность служения тем идеалам, которые разделялись лучшими людьми того времени (Бдч, 1864, № 9, Е. Эдельман). Критика указывала, что поэма принадлежит «к числу лучших произведений русской поэзии, которыми она всегда будет гордиться» (Сев. сияние, 1865, т. IV, вып. 2, с. 36, В. Р. Зотов). Вместе с тем по поводу нового произведения Некрасова в критике возникали и острые споры. Литературный обозреватель славянофильского «Дня» Н. М. Павлов, разбирая поэму, приходил к выводу: «В целой нашей литературе нельзя бы привести образчиков еще более беспощадной иронии, еще злейшего отрицания, как те, какими наполнены заключительные строфы поэмы. <...> Не есть ли это буквальное, положительнейшее nihil самого отчаянного скептицизма? Нет, как бы г-н Некрасов ни прикидывался народным поэтом, но свежей струи русской народности прежде всего и не слыхать в его поэзии, именно народных-то струн и не-

достает его лире» (День, 1864, 24 окт., № 43). Н. М. Павлов усмотрел в печали поэта о тяжкой доле русского народа эгоистическую тоску, ничего общего не имеющую с жизнью народа и исходящую из «мутных источников души человеческой». С острой публицистической заметкой в защиту Некрасова выступил в «Русском слове» В. А. Зайцев. Он высоко оценил новую поэму. Отстаивая право писателя на выражение протеста («Всякое отрицание есть вместе с тем положительное желание, чтобы прекратилось то положение, против которого я протестую»), Зайцев подчеркивает, что Некрасов не только протестует, но и воссоздает народный идеал. «Идеал этот построен на идеях любви и благосостояния и выражен в самой осуществимой форме» (РСл, 1864, № 10, с. 82). Процитировав отрывок из поэмы, рисующий второй сон Дарьи, критик отмечает, что эта «картина есть самый полный идеал счастья, какой только могла создать фантазия крестьянки» (там же, с. 84). «Но кто не причастен филистерству и пошлости кружков,— говорит далее критик,— тот, прочитав предсмертный бред Дарьи, поймет, что, насколько силен протест, настолько же высок и идеал, помещенный рядом с портретом или, лучше, в нем же самом» (там же, с. 85). Идеал этот, считает Зайцев, безнадежно далек от существующей действительности: «...если бы в минуту смерти крестьянке грезилось ее действительное прошлое, то она увидела бы побои мужа, не радостный труд, не чистую бедность, а смрадную нищету. Только в розовом чаду опиума или смерти от замерзания могли предстать перед нею эти чудные, но никогда не бывалые картины...» (там же). Статья Зайцева дала повод «Эпохе» вступить в спор с «Русским словом». Некрасов «изобразил живущую в полном ладу чету мужа и жены,— писал Н. Н. Страхов.—„Как можно! — возражает ему критик,— ваш Прокл непременно бил свою жену“. Г-н Некрасов представил картину радостного труда, чистой бедности. „Как можно! — возражает критик: все это одна мечта, я знаю твердо, что они жили *в смрадной нищете*“. Г-н Некрасов изобразил счастливые минуты крестьянского семейства, полного взаимной любви. „Как можно! — восклицает критик: я ведь знаю, что ни любви, ни счастливых минут у них вовсе нет“». «Очень может быть,— иронически замечает далее Н. Н. Страхов,— что критику кажется одной фантазией, одним идеалом даже то, как Савраска „В мягкие добрые губы Гришухино ухо берет“. Вот если бы Савраска откусил ухо у Гришухи, тогда это было бы ближе к действительности и не противоречило бы некрасовской манере ее изображать» (Эпоха, 1864, № 11, с. 4—5). Возникший спор по существу велся уже по проблемам более общим, нежели степень достоверности изображения действительности в поэме (отвечает ли жизненной правде сон Дарьи, или он выражает недостижимый идеал). Спор затрагивал основную проблему того времени, проблему народа и его судьбы. Современники хорошо понимали это обстоятельство. Так, В. Р. Зотов подчеркивал, что «в этих двух мнениях видны, конечно, тенденции обоих журналов» (Сев. сияние, 1865, т. IV, вып. 2, с. 33).

К поэме писали музыку: П. И. Бларамберг (1897), Н. Н. Филипповский (1900), В. И. Ребиков (1902), А. Т. Гречанинов (1908), Ц. А. Кюи (1912), А. Е. Лозовой (1913).

Ст. 51. *Две пары промерзлых лаптей...*— По обычаю, покойника не только обували в новые лапти (ср. ст. 268—271: *Лежит*

В широкой рубахе холщовой И в липовых новых лаптях), но и клали в гроб «запасную» пару лаптей (см.: *Смирнов В.* Народные похороны и причитания в Костромском крае.— Тр. Костромск. научн. об-ва по изучению местного края, вып. 15. Кострома, 1920, с. 29). Указано Ю. В. Лебедевым в докладе «О подлинных и мнимых загадках в поэме „Мороз, Красный нос"» на XXI Некрасовской конференции в январе 1982 г. в Ленинграде.

Ст. 396. *Водой с девяти веретен...*— По наблюдению И. П. Сахарова, в народе для лечения болезни сбрызгивают водой, «собранною из девяти колодцев, осыпают золою, собранною из семи печей...» (Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. I, кн. 2. СПб., 1841, с. 53). Как отметил Ю. В. Лебедев в указанном выше докладе, «девять веретен» следует здесь понимать как девять колодцев, так как веретеном в Костромской губернии назывался и поперечный вал колодца, на который наматывалась цепь с прикрепленной к ней бадьей.

Ст. 409. *Ходебщик* — имеется в виду либо торговец-разносчик, коробейник или офеня, либо вожатый дрессированного медведя.

Ст. 438. *Из белой холстины платок.*— Наряду с черными русские крестьянки в знак скорби покрывали голову и белыми платками (см.: *Лебедев Н.* Быт крестьян Тверской губернии.— Этнографический сб., вып. 1. СПб., 1853, с. 192). В христианской символике белый цвет — символ причастности к лику святых и блаженных (ср. ст. 808: *Только покойница в белом была...*). В русском же фольклоре и сама Смерть может быть одета в белый платок («Тяп-тяпком под белым платком» — Пословицы русского народа. Сб. В. Даля. СПб., 1862, с. 351).

Ст. 510. *Пени* — укоры, упреки.

Ст. 580. *Ночью я косу клепала...*— Клепать — отбивать (затачивать).

Ст. 620. *Спасов день* — название трех церковных праздников в августе, связанных в народном сознании с уборкой урожая: первый Спас — медовый, второй Спас — яблочный, третий Спас — дожиночный.

Ст. 741—743. *Заяц спрыгнул из-под кочи ∾ Перебежать мне дорогу!* — Ср. народную примету: «Заяц дорогу перебежал — неудача» (Пословицы русского народа, с. 1049).

Ст. 747. *Залотошила* — заговорила быстро, громко и бестолково.

Ст. 778—780. *К утру звезда золотая ∾ Вдруг сорвалась и упала...*— По народным представлениям, падающая звезда означает смерть какого-либо человека (см., например: Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, т. II, кн. 7. СПб., 1849, с. 14).

Ст. 781. *Дунул господь на нее...*— А. Н. Афанасьев говорит о существовании поверья, по которому «вечером всякий ангел зажигает свою звезду, как лампаду, а перед рассветом тушит ее. Звезды простой народ называет *божьими огоньками...*» (*Афанасьев А.* Поэтические воззрения славян на природу, т. I. М., 1865, с. 177).

Ст. 801. *Ворон сидит на кресте золоченом...*— Ср. народную примету: «Ворон каркает на церкви — к покойнику на селе...» (Пословицы русского народа, с. 1032).

Ст. 1019. *К дымящейся риге своей...*— Рига — крытый ток для сушки снопов с приспособлением для обогрева.

Ст. 1033. *В ней дольнего счастья предел.*— *Дольний* — здесь: земной, человеческий.

1870

ДЕДУШКА

(С. 110)

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 171—195, с исправлением опечатки в ст. 317 по черновому автографу и первой публикации и восстановлением ст. 346—349 по черновому автографу.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1870, № 9 (выход в свет — 15 сент. 1870 г.), с. 241—254, без даты, с подписью: «Н. Некрасов» (перепечатано: Ст 1873, ч. 5, с. 165—189, где в оглавлении названо: «Дедушка, поэма (1857 год)»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч. 5, с датой: «1870».

Черновой автограф, карандашом, с датой: «30 июля /8 авг<уста 1870>» — ГБЛ, ф. 195, оп. I, № 5748, л. 1—8. Обнаружен и впервые описан К. И. Чуковским (Известия, 1926, 8 ноября, № 276). Судя по этому автографу, произведение первоначально состояло из двух частей. Первая часть, обозначенная цифрой I, включала главки I—VIII (с нумерацией арабскими цифрами) и главку IX (без номера), продолжением которой служили наброски к главке X. Последовательность главок соответствовала окончательной. Во вторую часть, обозначенную цифрой «2», входили главки X—XIII (первые две не нумерованы, две последние под цифрами «3», «4») и XVI—XXII с нумерацией «5, 6, 7, 8, 9, 10», причем главки XIX и XX были объединены под номером «8». Главок XIV—XV в черновом автографе не было, в остальном последовательность главок в этой части соответствовала окончательной. Повторяющаяся нумерация главок двух частей и неверная позднейшая (архивная) нумерация листов автографа послужили причиной ошибочного толкования первоначальной композиции поэмы рядом исследователей — А. Я. Максимовичем, Л. А. Розановой, К. Ф. Бикбулатовой (см. об этом в комментарии С. А. Рейсера к поэме «Дедушка» — ПССт 1967, т. II, с. 652—653). Последовательность заполнения листов автографа установлена С. А. Рейсером в указанной работе. Некрасов заполнял листы таким образом (указывается архивная нумерация листов): 1, 1 об., 2, 2 об., 7. 5, 5 об., 6, 6 об., 3, 3 об., 4, 7 об., 8 об.; л. 4 об. остался чистым, на л. 8 находятся наброски к главкам IV, V, VIII (см.: Другие редакции и варианты, с. 338—344).

Как сообщает К. Ф. Бикбулатова, К. И. Чуковский рассказывал ей, что в конце 1920-х гг. видел, кроме указанного чернового автографа, еще два позднейших варианта поэмы, один из которых был, по его мнению, автографом Некрасова. Он был написан чернилами и не содержал отрывка «Взрослые люди не дети...» (см.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков. М.—Л., 1958, с. 324). В настоящее время местонахождение этого автографа не установлено.

Известна корректура «Отечественных записок» с пометами цензора и пояснениями В. М. Лазаревского — ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 2, № 3.

Датируется периодом между 8 августа и 15 сентября (датой выхода в свет № 9 «Отечественных записок») 1870 г.

Посвящена поэма З-н-ч-е, т. е. Зинаиде Николаевне Некрасовой (Ф. А. Викторовой), гражданской жене Некрасова (подробно о ней см.: *Ломан О. В.* Зинаида Николаевна Некрасова — жена и друг поэта.— Некр. сб., VI, с. 60—84). В посмертном издании (Ст 1879, т. II) сестра поэта А. А. Буткевич вопреки воле автора сняла посвящение (ЛН, т. 53—54, с. 177, 179).

«Дедушка» — одно из первых в русской литературе больших произведений о декабристах, открывающее цикл декабристских поэм Некрасова.

Интерес к декабризму у Некрасова впервые нашел отражение в стихотворении «Поэт и гражданин» (1856) и в поэме «Несчастные» (начата в 1856 г.). Декабристская тема в «Дедушке» непосредственно связана с проблемами, стоявшими перед демократическим движением на рубеже 1870-х гг. (итоги реформы 1861 г., пути и средства революционной борьбы, роль народа в истории, тип революционного руководителя), с зарождением народничества. Идея преемственности революционной борьбы — ведущая в «Дедушке». Вопросы, поставленные в поэме, Некрасов в какой-то мере пытался решить еще в «Притче» (июнь 1870 г.). Герой «Дедушки» — декабрист, вернувшийся в числе немногих уцелевших из сибирской ссылки в 1856 г. Прототипом его, как принято считать, послужил князь С. Г. Волконский (1788—1865). По мнению Ю. В. Лебедева, «непосредственным творческим импульсом» к созданию поэмы послужила книга С. В. Максимова «Ссылка и тюрьма» (СПб., 1862), где впервые описан быт декабристов в Сибири (см.: *Лебедев Ю. В.* С. В. Максимов и Н. А. Некрасов.— РЛ, 1982, № 2, с. 134—135). В работе над поэмой Некрасов использовал воспоминания декабристов и их современников, в частности «Записки декабриста» барона А. Е. Розена, Лейпциг, 1870 (в главках о Тарбагатае), некрологи С. Г. Волконского в газете «День» от 11 декабря 1865 г. и в «Колоколе» от 3 (15) января 1866 г., л. 212 (автор П. Долгоруков, вступительная заметка А. И. Герцена), устные рассказы сына декабриста М. С. Волконского, а также знакомую ему еще до ее выхода книгу С. В. Максимова «Сибирь и каторга», т. I, СПб., 1871 (см.: РЛ, 1982, № 2, с. 137). Как показывают новейшие исследования, образ «дедушки» носит собирательный характер, в нем объединены индивидуальные черты разных деятелей декабристского движения. «Присвоив „дедушке“ ряд черт Волконского — вид „патриарха“, генеральский чин, мягкость и незлобивость характера, любовь к общению с мужиками, ребятишками, звавшими его дедушкой,— пишет Р. Б. Заборова,— Некрасов придал своему герою мастерское знание ремесел и хлебопашества, дар песнопения, а главное, страстность и горячность обличений и революционную непримиримость, отличавшие Михаила Бестужева» (РЛ, 1973, № 4, с. 129). Запоздалое прибытие в Петербург летом 1869 г. М. А. Бестужева, сохранившего свой революционный темперамент, знакомство Некрасова (через М. И. Семевского) с содержанием его «Записок» стимулировало, по обоснованному предположению Р. Б. Заборовой, реализацию замысла поэмы «Дедушка» (там же, с. 130).

В работе Некрасова над образом старого декабриста ощущает-

ся тенденция возвысить его, придать «дедушке» черты библейского героя-мученика, близкого в то же время идеалам зарождающегося народничества (подробнее об этом см.: *Бикбулатова К. Ф.* Поэма Н. А. Некрасова «Дедушка» (1870).— В кн.: Историко-литературный сборник. М.—Л., 1957, с. 103—104). Вынужденный исключить из окончательного варианта наиболее острые ст. 346—349, автор в то же время усилил политическое звучание поэмы главками XIV—XV. Посылая 9—10 апреля 1872 г. «Княгиню Трубецкую» В. М. Лазаревскому и предвидя цензурные препятствия, Некрасов сопоставлял ее с «Дедушкой»: «...этот дед в сущности резче, ибо является одним из *действительных* деятелей <...> и притом выведен нераскаявшимся, т. е. таким же, как был».

Поэма проходила цензуру не без трудностей. Как вспоминал Некрасов в том же письме, председатель Петербургского цензурного комитета А. Г. Петров «предубедил» цензурное управление против поэмы. В корректуре ЦГАЛИ отчеркнуты красным карандашом ст. 246—265, 282—285, 302—309, 317—325 и вся главка XVIII (ст. 326—345). Здесь же помета В. М. Лазаревского: «Места, отмеченные красным, цензурн<ое> управление (Похвиснев) требовало исключить, Некрасов отказался». Автору удалось отстоять поэму, она была опубликована без купюр.

Поэма была неприязненно встречена реакционной критикой. В. П. Буренин упрекал автора за то, что его герой «не стесняется повествовать младенцу о том, как в старые годы помещики пользовались своими крепостными», «говорит о стоне рабов, о свисте бичей и т. п.» (СПбВ, 1870, 8 сент., № 277). С еще более резкими нападками выступил В. Г. Авсеенко. Критик возмущался тем, что поэт решился «эксплуатировать старый исторический факт», искупая тем самым «бедность поэтического творчества» и «прозаичность» (РВ, 1873, № 6, с. 916—917).

В советском некрасоведении поэма «Дедушка» порождала немало споров. Сочувствие автора зажиточному мужику, восхищение физической и духовной красотой тарбагатайцев в 1920-е гг. расценивалось как идеализация кулачества, «помесь толстовской утопии со столыпинской практикой» (см.: *Горбачев Г. Е.* Капитализм и русская литература. М.—Л., 1928, с. 67; *Войтоловский Л.* Очерки истории русской литературы XIX и XX веков. М.—Л., 1928, с. 208—209; *Чуковский К. И.* Рассказы о Некрасове. М., 1930, с. 178—179). Однако благополучие тарбагатайцев создано «волей и трудом» этих людей, тогда как в книге Розена в основе этого благополучия — деньги и эксплуатация беглых каторжан. Несостоятельность обвинения Некрасова в апологии кулачества доказана А. М. Еголиным (Лит. критик, 1934, № 3, с. 40—41). Расходились мнения и в оценке героя поэмы. Вслед за А. В. Амфитеатровым (Литературный альбом. Пгр., 1906), обвинявшим Некрасова в искажении образа старого декабриста библейскими характеристиками, А. Е. Ефремин писал о вынужденном выпячивании автором идеи примирения (*Ефремин А.* Поэт и массы. М., 1932, с. 60). Принимая этот тезис, Н. М. Гайденков предлагал исключить отрывок «Днесь я со всем примирился...» как автоцензурный вариант (Сов. книга, 1953, № 3, с. 101). С. А. Червяковский, а за ним и другие исследователи показали необоснованность этих утверждений.

«Дедушка» «примирился» не с врагами, а с перенесенными им лишениями (см.: Учен. зап. Горьковского гос. пед. ин-та, 1955, т. XVI, с. 36).

Сложной остается до настоящего времени проблема канонического текста «Дедушки». В Собр. соч. 1965—1967 ст. 163 напечатан впервые по черновому автографу («Землю да волю им дали»), печатный вариант («Волю да землю им дали») рассматривался здесь как цензурный, принятый автором, чтобы «заглушить лозунг „Земли и воли"» (т. III, с. 12, 408). Та же точка зрения высказана А. М. Гаркави (см.: *Гаркави А. М.* Н. А. Некрасов в борьбе с царской цензурой. Калининград, 1966, с. 266). Однако вариант «Землю да волю им дали» был зачеркнут автором уже в черновом автографе, само же словосочетание «Земля и воля» в конце 1860-х гг. не преследовалось цензурой (см., например, книгу П. Л<илпенфельда> «Земля и воля» (СПб., 1868) и рецензию на нее в № 9 «Отечественных записок» за 1868 г. (с. 78—82)). Много споров вызвали ст. 346—349 («Взрослые люди не дети...»). Признавая исключительное значение этих стихов, изъятых автором из окончательного текста в порядке автоцензуры, К. И. Чуковский долгое время не решался включить их в основной текст (см.: *Чуковский Корней.* От дилетантизма к науке. Заметки текстолога.— Нов. мир, 1954, № 2, с. 243, 250—251). В ПСС эти стихи были введены в качестве замеченного пропуска в раздел «Дополнения и поправки» (т. XII, с. 521). В ближайшем после ПСС издании (*Некрасов Н. А.* Соч. в 3-х т., т. II. М., 1954, с. 57) они наконец вошли в основной текст, однако в издании «Библиотеки поэта» (малая серия — *Некрасов Н. А.* Стихотворения, т. II. Л., 1956) были снова исключены.

Ст. 465, последний («Саша печальную быль...»), в черновом автографе и «Отечественных записках» имел вариант: «Саша великую быль...». В двух экземплярах Ст 1873, ч. 5, принадлежавших П. А. Ефремову и хранящихся в библиотеке ИРЛИ (шифры: 48.5.3 и 18.1.2), этот первоначальный вариант восстановлен рукой владельца. Н. М. Гайденков (Сов. книга, 1953, № 3, с. 101) выражал сомнения в справедливости принятия варианта Ст 1873, а К. Ф. Бикбулатова предлагала вернуться к первоначальному варианту этого стиха как более удачному (см.: Вопросы изучения русской литературы XI—XX веков, с. 331). Автор изменил последний стих «Дедушки» из соображений художественного порядка, поэтому в настоящем издании печатается вариант, принятый в Ст 1873.

15 апреля 1929 г. в руки Д. Бедного попала старая записная тетрадь, содержащая список расширенного варианта «Дедушки» под названием «Светочи» (дополнения, рассеянные в разных местах, составляют 214 стихов). Под текстом указано имя автора: «Н. Н-въ». Известие о «радостной находке» было опубликовано в «Правде» 17 апреля, а 18 и 19 апреля там же напечатан текст «Светочей», атрибутированный Некрасову. В том же году произведение было издано отдельно (*Некрасов Н. А.* Светочи. Поэма с добавлением неизвестных строф. М.—Л., 1929) с предисловием Д. Бедного и послесловием А. Ефремина. А. Ефремин доказывал, что Некрасов написал «Светочи» в 1869 г., и отмечал близость общественных воззрений автора «Светочей» идеологии С. Г. Нечаева.

Тетрадь, содержащая кроме «Светочей» известные и неизвестные стихи современников Некрасова, различные фольклорные, бытовые, дневниковые записи, принадлежала, по мнению Ефремина, иваново-вознесенцу Федору Самыгину (это имя стоит на лицевой стороне передней обложки тетради). Через П. Е. Щеголева записная тетрадь была передана ленинградскому судебному эксперту А. А. Салькову для научно-технического исследования давности бумаги и чернильных текстов рукописи. После двухнедельного изучения записной тетради в октябре—ноябре 1929 г. А. А. Сальков представил заключение о том, что тетрадь изготовлена из бумаги 1870—1880-х гг., записи сделаны кампешевыми чернилами либо в 1924—1927 гг., либо, «в самом крайнем случае, после Февральской революции». Текст заключения был передан П. Е. Щеголеву, машинописная копия его сейчас находится у С. А. Рейсера. Тщательный текстологический анализ тетради был произведен С. А. Рейсером. Исследователь установил, что Некрасов не мог быть автором 214 стихов, дополняющих «Дедушку» в «Светочах». Вместе с тем он указал, что «невозможно, чтобы кто-либо, даже и с заранее обдуманным намерением, мог настолько тонко и ловко подобрать значительное количество мелких бытовых деталей и фактов 1870-х годов прошлого столетия, нуждающихся для своего вскрытия и дешифровки в сложной и кропотливой работе» (*Рейсер С. А.* Новооткрытые строки Некрасова.— Лит-ра и марксизм, 1929, № 6, с. 147). По мнению С. А. Рейсера, «Светочи» и другие стихи в записной тетради относятся к середине или второй половине 1870-х гг. Автором «Светочей», указывал исследователь, мог быть революционный поэт 1870-х гг. — эпигон Некрасова.

По словам К. И. Чуковского в письме к С. А. Рейсеру от 28—29 июня 1960 г., в начале 1930-х гг. писатель А. Каменский сообщил ему, что он с неким Швецовым или Шевцовым (К. И. Чуковский точно не помнил) написали в течение двух дней «Светочи» и продали в букинистический магазин, где часто бывал Д. Бедный (содержание заключения А. А. Салькова и текст письма К. И. Чуковского опубликованы С. А. Рейсером в ПССт 1967, т. II, с. 654—655, и в его книге «Палеография и текстология нового времени», М., 1970, с. 243—245). Каменский в начале 1930 г., отрицая свою причастность к появлению «Светочей», обвинял в подделке писателя и художника Е. И. Вашкова и его отца. В это же время в защиту принадлежности «Светочей» Некрасову выступил А. Е. Ефремин (Известия ЦИК, 1930, 13 янв., № 13; Лит-ра и марксизм, 1930, № 2). «Светочи» были включены К. И. Чуковским в ПССт 1931.

«Загадка „Светочей“,— писал Д. Бедный известному ивановскому краеведу И. И. Власову в 1934 г.,— крайне любопытна даже при самом скептическом отношении к тому, что их писал Некрасов. Уже один тот факт, что „Светочи“ территориально связаны с Некрасовым, говорит о чем-то. Странная „подделка по соседству“» (цит. по: *Розанова Л. А.* Н. А. Некрасов и русская рабочая поэзия. Ярославль, 1973, с. 27). В мае 1937 г. Д. Бедный передал записную тетрадь со «Светочами» И. И. Власову. В настоящее время тетрадь хранится в ЦГАЛИ, ф. 1884, оп. 1, № 72. Вопрос о происхождении «Светочей» остается спорным до настоящего времени. С. А. Рейсер в последних работах рассматривает «Светочи»

как фальшивку, сфабрикованную не ранее 1917 г., Л. А. Розанова — как подражательное произведение, возникшее в среде иваново-вознесенских почитателей Некрасова (см. указ. выше работы, а также: РЛ, 1981, № 1, с. 251).

Ст. 54. *Встретили старого вдруг...* — Последнее слово в архаическом значении «все вместе».

Ст. 161. *Горсточку русских сослали В страшную глушь, за раскол.* — В 1733 г. Анна Иоанновна, а потом в 1767 г. Екатерина II сослали на сибирскую речку Тарбагатай раскольников из Дорогобужа и Гомеля с разрешением выбрать место в лесу по течению Тарбагатая и поселиться деревней (см.: *Розен А. Е.* Записки декабриста, с. 248). Ныне Тарбагатай — село Улан-Удинского района Бурятской АССР. Перечень текстуальных совпадений в «тарбагатайских» главках «Дедушки» с соответствующими местами у Розена и С. В. Максимова см.: ПССт 1967, т. II, с. 655; РЛ, 1982, № 2, с. 137.

Ст. 163. *Волю да землю им дали...* — Намек на лозунг тайного революционного общества первой половины 1860-х гг. «Земля и воля», к которому близко стояли Чернышевский, Герцен и Огарев. Возможно, здесь скрытая полемика с автором книги «Земля и воля» (см. выше, с. 566), который утверждал, что, получив после реформы землю и волю, но лишившись господской опеки, крестьяне оказались в еще более тяжелом положении, чем до реформы.

Ст. 366—367. *Пел он о славном походе И о великой борьбе...* — Т. е. об Отечественной войне 1812 г., в которой участвовал С. Г. Волконский, и о восстании декабристов.

Ст. 378. *О Трубецкой и Волконской...* — Е. И. Трубецкая (урожд. Лаваль, 1801—1854) и М. Н. Волконская (урожд. Раевская, 1805—1863) последовали за сосланными мужьями в Сибирь. Некрасов посвятил им поэму «Русские женщины».

1871—1872

РУССКИЕ ЖЕНЩИНЫ

КНЯГИНЯ ТРУБЕЦКАЯ

(С. 123)

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 233—278, с восстановлением фамилии «Трубецкая» в заглавии и ст. 55—59, 271—286, 333—335, 365—366, 369, 649—651, 669—680, 689—692, а также с устранением автоцензурных вариантов в ст. 40, 201, 321, 326, 332, 336—338, 837 по наборной рукописи ИРЛИ и восстановлением ст. 370 по ПСС (т. III, с. 33) на основании свидетельства К. И. Чуковского, располагавшего автографом, ныне утраченным (см. неопубликованное письмо К. И. Чуковского к С. А. Рейсеру от 16 марта 1966 г., хранящееся у С. А. Рейсера).

Впервые опубликовано: ОЗ, 1872, № 4 (выход в свет — 13 апр. 1872 г.), с. 577—600, под заглавием: «Русские женщины. Княгиня

Т ***. Поэма», с подписью: «Н. Некрасов», с цензурными купюрами в ст. 55—59, 333—335, 365—366, 369, 370, 649—651, 669—680, 689—692 и вариантами в ст. 40, 201, 321, 326, 332, 336—338, 837, без ст. 147—190, впервые напечатанных под заглавием: «Из поэмы „Русские женщины“. Строфы, не вошедшие в поэму „Кн. Т-кая“» в «Искре», 1873, 7 февр., № 1, с. 2—3 (перепечатано: Ст 1873, ч. 5, с. 229—270, под заглавием: «Княгиня Т-ая. Поэма (1826)», с датой на шмуцтитуле: «(Писано в 1871 г.)»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч. 5, с теми же заглавием и датой, что и в Ст 1873, ч. 5.

Черновой автограф — ГБЛ, ф. 195, М. 5744, л. 1—16, 38; набросок стихов об Италии на оборотной стороне прозаического плана ненаписанной главы «Чиновник» из «Кому на Руси жить хорошо» — ИРЛИ, Р. I, оп. 20, № 38, л. 2 об.; наборная рукопись, с датами: «16 июля», «23 июля 1871 г.» и заглавием: «Декабристки. I. Кн. Т<рубецкая>»,— ИРЛИ, ф. 203, № 179, л. 1—17 об.; гранки ОЗ (ст. 1—374), с заглавием: «Декабристки. I. Княгиня Т ***»,— ИРЛИ, ф. 203, № 177.

Готовя поэму к публикации, Некрасов был вынужден приспособить ее к цензурным требованиям; сделать в ней ряд изъятий, заменив пропущенные слова и строки многоточиями; ввести в нее ряд изменений. Отправив поэму в «Отечественные записки», поэт писал А. А. Краевскому в середине марта 1872 г.: «Думаю, что в том испакощенном виде, в каком она (поэма,— *Ред.*) была у Вас, цензура к ней придраться не могла бы». А. А. Краевский, по всей вероятности также имея в виду цензуру, высказал еще несколько пожеланий. В письме, датируемом временем до апреля 1872 г., Некрасов сообщал ему: «Заметками воспользуюсь. Особенно

Прощенье *царь* дарует вам.

Без *царя* лучше. Примечание написал. Сделал еще две прибавки к поэме — совершенно *невинные»*. Все вынужденные искажения текста были постепенно устранены в советских изданиях.

Замысел поэмы о героях первого этапа освободительной борьбы возник у Некрасова в 1860—1870-е гг., в период широкого роста революционного движения в рядах русской демократической интеллигенции. Основной причиной обращения Некрасова к истории было стремление в прошлом найти ответы на вопросы, поставленные настоящим. Завет декабристов, а также подвиг их жен, разделивших участь политических изгнанников и поддерживавших их веру в правоту начатого ими дела, были близки самоотверженным революционерам и революционеркам 1860—1870-х гг. Поэт ставит перед собой задачу создать исторически правдивые образы декабристов и декабристок и в то же время акцентировать в них качества, продолжающие жить во втором поколении революционеров.

В критической литературе о Некрасове раздавались голоса о необходимости восстановления первоначального заглавия «Декабристки». Так, в 1931 г. К. И. Чуковский, вводя это название в основной текст редактируемого им собрания сочинений Некрасова, писал о том, что, во-первых, заглавие «Декабристки» «гораздо точнее, чем „Русские женщины“, так как среди декабристок было

три француженки и одна полька», а во-вторых, что «Русские женщины» — шовинистическое и патриотическое заглавие, «так сказать, взятка цензуре» (ПССт 1931, с. 558). В 1936 г. С. А. Рейсер в статье «Некрасов в работе над „Русскими женщинами“ («Декабристками»)» убедительно опроверг эти доводы Чуковского. Прежде всего, уточняет он, речь должна идти о семи русских и двух иностранках, а кроме того, заглавие «Русские женщины» не заключает в себе шовинистического и сусально-патриотического смысла, являясь формулой, «наполненной вполне реальным и большим содержанием» (см.: Звенья. VI. М.—Л., 1936, с. 732). В ПСС (т. III) восстановлено название «Русские женщины», причем в комментариях к поэме Чуковский отказался от старой своей аргументации.

Известно также, что в примечаниях к поэме Некрасов хотел процитировать строки из пятой части романа И. А. Гончарова «Обрыв»: «С такою же силою скорби шли в заточение с нашими титанами, колебавшими небо, их жены, боярыни и княгини, сложившие свой сан, титул, но унесшие с собой силу женской души и великой красоты, которой до сих пор не знали за собой они сами, не знали за ними и другие и которую они, как золото в огне, закаляли в огне и в дыму грубой работы, служа своим мужьям-князьям и неся и их, и свою „беду“. И мужья, преклоняя колена перед этой новой для них красотой, мужественнее несли кару. Обожженные, изможденные трудом и горем, они хранили величие духа и сияли, среди испытания, нетленной красотой, как великие статуи, пролежавшие тысячелетия в земле, выходили с язвами времени на теле, но сияющие вечной красотой великого мастера» (*Гончаров И. А.* Собр. соч., т. VI. М., 1954, с. 325). Этот отрывок, от цитирования которого Некрасов отказался по просьбе Гончарова, свидетельствует о том, что поэт стремился подчеркнуть в образах декабристок духовную красоту национального характера русской женщины. О том же свидетельствует и примечание к поэме, которым Некрасов сопроводил текст «Княгини Трубецкой» в «Отечественных записках» (см.: Другие редакции и варианты, с. 365).

К собиранию материала для поэмы Некрасов вплотную приступил в конце 1860—начале 1870-х гг. Общим идеологическим источником могли послужить поэту работы Герцена (статьи «О развитии революционных идей в России», «Русский заговор 1825 г.» и др.) и Огарева (предисловия к «Думам» К. Ф. Рылеева и к сборнику «Русская потаенная литература XIX века», статья «Кавказские воды» и др.), в которых давалась многосторонняя оценка восстания декабристов с точки зрения революционной демократии, соответствовавшая взглядам Некрасова. Из художественных произведений и мемуаров самих декабристов Некрасов получал конкретные представления об их жизни и мировоззрении. Поэту были доступны сочинения декабристов, издаваемые Вольной русской типографией в Лондоне, а также архивные материалы, публиковавшиеся в журналах «Русская старина» и «Русский архив». Известны были Некрасову и официальные материалы: правительственные сообщения 1825—1826 гг., напечатанные в «Русском инвалиде» и «С.-Петербургских ведомостях», книга барона М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I» (изд. 3-е. СПб. 1857), а также, по всей вероятности, и негласное предписание си-

Сибирского генерал-губернатора Лавинского иркутскому губернатору Цейдлеру. Некрасов использовал фактическую основу этих документов. Работая над «Княгиней Трубецкой» летом 1871 г. в Карабихе (как известно, к 1 июля 1871 г. Некрасов окончил поэму «Недавнее время» и тотчас начал напряженно и интенсивно писать «Княгиню Трубецкую»), поэт обобщал данные многих источников, в том числе таких, как «Записки декабриста» барона А. Е. Розена (Лейпциг, 1870) и работа С. В. Максимова «Сибирь и каторга», впервые напечатанная в 1869 г. в «Отечественных записках» (№ 1—5, 8—10). И мемуары Розена, и комплект журнала за этот год хранились в библиотеке Некрасова в Карабихе (см.: Библиотека Некрасова. Предисл. и публ. Н. Ашукина.— ЛН, т. 53—54, с. 410, 431). Собирание материалов для поэмы Некрасов продолжал и в период непосредственной работы над ней. Друзья и знакомые присылали ему в Карабиху вновь выходившие материалы о декабристах, декабристках и, в частности, о княгине Трубецкой. Так, в архиве села Карабихи найдено письмо неизвестного, в котором приводятся отзыв одного из французских историков о декабристках и биографические сведения о княгине Трубецкой. Автор письма обещает: «Что попадется интересного, буду сообщать Вам в деревню» (Архив села Карабихи. М., 1916, с. 235). О Е. И. Трубецкой (урожд. графине Лаваль, род. в 1801 г., ум. в 1854 г. в Сибири), последовавшей за мужем, князем С. П. Трубецким (1790—1860), полковником лейб-гвардии Преображенского полка, приговоренным за участие в заговоре к бессрочным каторжным работам, Некрасов мог прочесть в воспоминаниях ее мужа как о мужественной и сильной духом женщине. «Я благодарил бога от глубины души за то, что он милостью своею так поддержал ее и в чувствах внутренних и в наружном виде. Ничего отчаянного, убитого не было ни в лице, ни в одежде; во всем соблюдено пристойное достоинство»,— писал С. П. Трубецкой, вспоминая свою встречу с женой в тюрьме (Записки декабристов, вып. 2 и 3. Лондон, 1863, с. 50).[1] В наибольшей степени для «Княгини Трубецкой» Некрасов использовал «Записки декабриста» барона Розена. На фактической основе этих записок он рисует картину восстания на Сенатской площади в первой части поэмы и столкновение княгини Трубецкой с иркутским губернатором во второй ее части. Этот источник дал поэту общее представление о характерах княгини Трубецкой и губернатора Цейдлера. Художественно преображая события, он делает их драматически напряженными и динамичными, обогащает речь Трубецкой страстным гражданским пафосом, вносит идейные коррективы, соответствующие его революционно-демократическому мировоззрению и в то же время исторически оправданные. Так, например, он подчеркивает активную роль царя в расстреле восставших («Сам царь скомандовал: „Па-ли“»). Сопоставление поэмы с ее источниками см. в работах: *Щеголев П. Е.* О «Русских женщинах» Некрасова в связи с вопросом о юридических правах жен декабристов.— В кн.: К свету. СПб., 1904; *Гернфельд А. Г.* «Русские женщины» Некрасова в новом освеще-

[1] Некоторые сведения о Трубецкой мог сообщить Некрасову ее сын И. С. Трубецкой (об их знакомстве свидетельствует письмо Некрасова к Трубецкому от 16 марта 1873 г.— см. об этом ниже, с. 578).

нии.— В кн.: О русских писателях, т. I. СПб., 1912, с. 174—226; *Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 315—321; *Розанова Л. А.* Из истории работы Н. А. Некрасова над поэмой «Русские женщины».— Учен. зап. Ивановск. гос. пед. ин-та, 1957, т. 12, вып. 3, с. 12—15.

Сличение вариантов рукописей ГБЛ, ИРЛИ и окончательного текста приводит к выводу, что, работая над поэмой, Некрасов добивался усиления ее политического звучания, наиболее яркой обрисовки революционных и героических черт центральных персонажей, логической простоты и идейной целеустремленности композиционного построения, стилистической выдержанности повествования в лирико-драматизированных тонах, художественной насыщенности и энергии языка и стиха поэмы.[1]

«Княгиня Трубецкая» была завершена 23 июля 1871 г. (в конце наборной рукописи стоит дата: «16 июля», но в начале рукописи, вероятно в пору завершения или по окончании поэмы, проставлена дата: «23 июля 1871 г.»). Посылая поэму на просмотр члену Совета Главного управления по делам печати В. М. Лазаревскому, Некрасов как бы подсказывал аргументы в ее защиту. «Если у Вас завтра будет заседание,— писал он 9—10 апреля 1872 г.,— то не возникнут ли толки? Я побаиваюсь за сцену на площади; но прошло 50 лет! да и всё это есть у Корфа, которого книги во многих тысячах экз<емпляров> в руках у публики,— картинка чисто внешняя, не гнущая мысль читателя ни в которую сторону... ну да Вы найдете, что сказать в защиту». На официальные документы, появившиеся «с издания манифеста Александра II от 26-го августа 1856 года», и на то, что «автор счел за лучшее вовсе не касаться его <события> политической стороны», сослался Некрасов по требованию Краевского в подстрочном примечании к поэме в «Отечественных записках». Это примечание заменило стихотворный эпилог, от которого поэт отказался в корректуре (см.: Другие редакции и варианты, с. 355, 363). В корректуре же он заново написал эпизод посещения тюрьмы княгиней Трубецкой и сделал, как он сообщал Краевскому, «две прибавки к поэме — совершенно невинные». Обе прибавки состояли из картин путешествия княгини с мужем по Италии, контрастно противостоящих дальнейшим трагическим событиям. Вторая из них по неизвестным причинам не вошла в текст «Отечественных записок» и была опубликована первоначально в «Искре» (см. выше, с. 569). Об оценке «Княгини Трубецкой» в русской критике см. ниже, с. 579—585, комментарий к «Княгине М. Н. Волконской».

---

[1] Укажем, в частности, что ни в наборную рукопись, ни в окончательную редакцию поэмы не вошли стихи «Мазурку танцевать с царем Всё счастье этих дур» (ср.: Другие редакции и варианты, с. 361, вариант «после 676»), отмеченные К. И. Чуковским в одной из копий Ефремова, в настоящее время неизвестной; отказаться от них Некрасова побудили, по-видимому, их «грубоватость» и «бытовая интонация», сильно снижающая патетическую речь героини (см.: *Чуковский К.* Мастерство Некрасова. М., 1971, с. 248).

Ст. 51—52. *И эту площадь перед ней С героем на коне...*— Имеется в виду Сенатская площадь и памятник Э. Фальконе Петру I.

Ст. 55. *А ты будь проклят, мрачный дом...*— Речь идет о Зимнем дворце в Петербурге, резиденции русских царей.

Ст. 87—90. *Богатство, блеск! Высокий дом ∾ Перед подъездом львы...*— Дом графа И. С. Лаваля на Английской набережной в Петербурге (ныне набережная Красного флота, д. 4).

Ст. 109. *Плюмажи* — украшения из птичьих перьев на мужских головных уборах.

Ст. 149. *По Ватикану бродишь ты...*— Ватикан — папский дворец в Риме, построенный в V в. на Ватиканском холме и окруженный обширными парками; в нем насчитывается до 11 тысяч комнат и 22 двора.

Ст. 190. *Зонтообразных пинн...*— Пиния — итальянская сосна.

Ст. 309—312. *Зато посмеивался в ус ∾ Столичный куафер...*— Куафер (от франц. coiffeur) — парикмахер, представитель среднего сословия, который усмехается, вспоминая, очевидно, о революционных событиях 1789—1793 гг. во Франции.

Ст. 317—322. *Какой-то бравый генерал ∾ Убили и того.*— Во время восстания 14 декабря 1825 г. были убиты генерал М. А. Милорадович (1771—1825), уговаривавший солдат «не бунтовать», вернуться в казармы и обещавший им прощение от «государя», и командир лейб-гвардии Гренадерского полка полковник Н. К. Стюрлер.

Ст. 323. *Явился сам митрополит...*— Петербургский митрополит Серафим также обратился к восставшим с призывом смириться (см.: *Корф М. А.* Восшествие на престол императора Николая I, с. 179—184).

Ст. 484. *Почтенный бригадир...*— В России в XVIII—начале XIX в. бригадир — офицерский чин, промежуточный между полковником и генерал-майором.

Ст. 557—558. *На воле рыскают кругом Там только варнаки...* — Варнаки — разбойники из среды беглых или отбывших наказание каторжников.

КНЯГИНЯ М. Н. ВОЛКОНСКАЯ

(С. 148)

Печатается по Ст 1873, т. III, ч. 5, с. 279—354, с восстановлением фамилии «Волконская» в заглавии, ст. 261—264, 341—345, 869—872, 1171, 1405—1408 и устранением автоцензурных вариантов в ст. 223, 948 по наборной рукописи ИРЛИ.

Впервые опубликовано: ОЗ, 1873, № 1 (выход в свет — 22 янв. 1873 г.), с. 213—250, под заглавием: «Русские женщины. II. Княгиня Вол-ская (Бабушкины записки)», с подписью: «Н. Некрасов», с цензурными пропусками в ст. 261—264, 341—345, 869—872, 1171, 1359—1360, 1405—1408 и искажениями в ст. 223, 948 (перепечатано: Ст 1873, ч. 5, с. 273—354, под заглавием: «Княгиня М. Н. Волконская (Бабушкины записки) (1826—27 гг.)»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1873, т. III, ч. 5, с тем же заглавием.

Рукописный фонд поэмы обширен.

Конспект воспоминаний М. Н. Волконской, составленный Некрасовым со слов М. С. Волконского весной 1872 г.,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, № 23, л. 1—10, 21—23; Музей Н., № 379, л. 1—2. Набросан на отдельных листах писчей бумаги (листы заполнены с обеих сторон), бегло, карандашом, на полях позднейшие вставки, пометы, стихотворные наброски. Архивная нумерация листов ЦГАЛИ произвольная, порядок заполнения листов конспекта следующий: ЦГАЛИ, л. 1—4, 10, 9, 22, 23, 21, 7, 8, далее следуют два листа Музея Н., затем ЦГАЛИ, л. 5, 6. Последние два-три листа рукописи не найдены. Восемь страниц конспекта, имеющих прямое отношение к поэме, напечатаны В. Е. Чешихиным-Ветринским в «Некрасовском сборнике» (Ярославль, 1922, с. 71—76); четыре страницы, с записями более поздних событий,— С. Великановой в кн.: Н. А. Некрасов и Ярославский край. Ярославль, 1953, с. 191—193; полный текст дошедшей до нас части конспекта — Б. В. Мельгуновым: Некр. сб., VII, с. 182—191. Набросок «Северная Коринна» — ГБЛ, ф. 195, оп. I, к. 1, № 10 (впервые опубликован: Некр. сб., VII, с. 191—192); черновой автограф — ГБЛ, ф. 195, М 5744, л. 17—37 об.; черновой автограф — ИРЛИ, ф. 203, № 180, л. 1—32 об., с датами: «июля 8—12», «17 июля 1872 г.». «21 июля»; наборная рукопись (авторизованная копия А. А. Буткевич), с датой: «17 июля 1872 г.»,— ИРЛИ, ф. 203, № 181, л. 1—25 об.; набросок ст. 293—320, карандашом,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. I, № 23, на отдельном ненумерованном листке почтовой бумаги (над текстом помета: «К 6-му», указывающая, что это вставка на л. 6 наборной рукописи ИРЛИ); копия главы IV неизвестной рукой, с замечаниями А. С. Суворина,— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 5; гранки и листы ОЗ с пометами Некрасова — ИРЛИ, ф. 203, № 177. Сохранились некоторые материалы, относящиеся к не написанной Некрасовым третьей части «Русских женщин» (о Муравьевой) и другим замыслам о декабристах: 1) «О Бечасном анекдоты» — отрывочные заметки карандашом — ГБЛ, ф. 195, оп. I, к. 1, № 12, л. 3 (впервые частично опубликованы: *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 372—374); 2) конспективные записи карандашом — ИРЛИ, Р. 1, оп. 20, № 51; 3) план третьей части поэмы — ГБЛ, ф. 195, оп. I, к. 1, № 11 (впервые опубликован в указанной выше книге К. Чуковского, с. 371); 4) запись неосуществленного замысла произведения о декабристе — ИРЛИ, ф. 203, оп. 1, № 42 (впервые опубликована: ПСС, т. XII, с. 103).

Чтобы обеспечить поэме прохождение через цензуру, Некрасов заменил острые в политическом отношении стихи многоточиями и смягчил ст. 223 и 948. Стих «Готовя войска к низверженью властей...» он исправил таким образом: «Готовя несчастье отчизне своей», а стиху «Попы у харчевни дерутся» нашел замену: «Продрогшие куры дерутся». Посылая 22 января 1873 г. книжку «Отечественных записок» с поэмой на отзыв А. Н. Пыпину, Некрасов, по его словам, «вставил почти всё, что побоялся напечатать» (ПСС, т. XI, с. 236); этот экземпляр журнала со вставками Некрасова не сохранился.

В начале августа 1871 г. Некрасов вернулся из Карабихи в Петербург. Осень и зиму 1871—1872 гг. он продолжал собирать материалы о декабристах для второй части поэмы «Русские женщины». Замысел «Княгини М. Н. Волконской» созрел уже в конце марта—начале апреля 1872 г. Об этом свидетельствует письмо к Н. А. Некрасову В. П. Буренина (начало апреля 1872 г.), в котором подробно говорится о теме и стиле будущей поэмы: «Я вчера все думал о Вашей поэме. На меня большое впечатление произвела тема: это Вам необыкновенно счастливая мысль задалась. По моему мнению, над этим стоит поработать и поработать „горячо". Если бы даже в общем поэма и не вышла, все-таки у Вас наверно выдадутся превосходные чисто лирические в Вашем духе места...» (ЛН, т. 51—52, с. 169—170). В этом письме Буренин указывает Некрасову на ряд источников, которыми поэт может воспользоваться. «Кстати,— пишет он,— декабрист, записка которого есть у Семевского,— Горбачевский. Познакомились ли Вы также с последним выпуском „XIX века" Бартенева? Там любопытные записки Басаргина». И. И. Горбачевский был носителем самой передовой декабристской идеологии, и его записки могли помочь поэту при обрисовке героев 14 декабря. «Записки» Н. В. Басаргина были изданы Бартеневым в 1872 г., Некрасов тотчас приобрел их и увез с собою в Карабиху. Они сохранились в библиотеке карабихского дома (см.: ЛН, т. 53—54, с. 368). Помимо подробных описаний действий тульчинской управы Союза благоденствия, а затем Южного общества, Басаргин приводит сведения о своей жене, которые Некрасов, по-видимому, мог воспринять как еще одно доказательство правильности своего замысла нарисовать декабристок как женщин, сознательно разделивших участь мужей — политических изгнанников. «Перед женитьбою моею,— пишет Н. В. Басаргин,— я открыл будущей жене своей, что принадлежу к тайному обществу и что хотя значение мое в нем неважное, но что не менее того может и со мной последовать такое бедствие, которое ей трудно будет переносить. Она отвечала мне, что идет не за дворянина, адъютанта или будущего генерала, а за человека, избранного ее сердцем, и что в каком бы положении человек этот ни находился, в палатах или в Петербурге, при дворе или в Сибири, судьба ее будет совершенно одинакова. Этот ответ успокоил совершенно мою совесть» (Записки Н. В. Басаргина. М., 1872, с. 26—27). Основным источником поэмы «Княгиня М. Н. Волконская» были «Записки» княгини М. Н. Волконской (1805—1863), дочери генерала Н. Н. Раевского (1771—1829), прославленного героя Отечественной войны 1812 г., жены декабриста С. Г. Волконского (1788—1865). Познакомился с ними Некрасов (см. письмо его от 9 июня 1872 г. к М. С. Волконскому) незадолго до своего отъезда в Карабиху — в апреле—мае 1872 г. М. С. Волконский в предисловии к «Запискам» своей матери рассказывает о том, как Некрасов упросил его если не дать, то хотя бы прочесть ему «Записки», чтобы избежать в поэме искажения фактов. «Некрасов по-французски не знал,— рассказывает далее М. С. Волконский,— по крайней мере настолько, чтобы понимать текст при чтении, и я должен был читать, переводя по-русски, причем он делал заметки карандашом в принесенной им тетради. В три вечера чтение было закончено. Вспоминаю, как при этом Николай Алексеевич по несколько раз в вечер вскакивал и со словами: „Довольно,

не могу" — бежал к камину, садился к нему и, схватясь руками за голову, плакал, как ребенок. Тут я видел, насколько наш поэт жил нервами и какое место они должны были занимать в его творчестве» (Записки Волконской, с. XV, XVII). В конспекте заметны следы значительной творческой работы Некрасова: уточнения по ходу записи, комментирующие пометы, стихотворные наброски. Судя по записи на полях л. 21 об. конспекта (см.: Другие редакции и варианты, с. 377), Некрасов, кроме указанных выше, был знаком с содержанием записок еще целого ряда декабристов: И. И. Горбачевского (его воспоминания под заглавием «Записки неизвестного» появились в печати лишь много лет спустя — РА, 1882, № 2); Е. П. Оболенского (Будущность, 1861, № 9—12); М. А. Фонвизина (его воспоминания были изданы в 1859 г. в Лейпциге); М. А. Бестужева (Полярная звезда на 1862 г., кн. 7, вып. 2); И. Д. Якушкина (Полярная звезда на 1862 г., кн. 7, вып. 1). Здесь же кратко записано название многотомного издания под редакцией А. И. Михайловского-Данилевского «Император Александр I и его сподвижники» (СПб., 1845—1849).

Работая над поэмой, Некрасов стремился сохранить наибольшую близость к ее основному источнику, придав повествованию форму воспоминаний. Он даже обратился к М. С. Волконскому с просьбой дать ему воспоминания повторно, на два месяца: «...в записках,— писал поэт 9 июня 1872 г.,— есть столько безыскусственной прелести, что ничего подобного не придумаешь. Но именно этой стороною их я не могу воспользоваться, потому что я записывал для себя только *факты,* и теперь, перечитывая мои наброски, вижу, что колорит пропал; кое-что затем припоминаю, а многое забыл. Чтоб удержать тон и манеру, мне нужно бы просто *изучить* записки...». Просьба Некрасова не была удовлетворена, но поэт сумел воссоздать «колорит», удержать «тон и манеру» «Записок». Они дали ему достоверный материал для социальной, бытовой и психологической характеристики эпохи. Внесенные в поэму изменения и дополнения идейно-художественного порядка имели своей целью политически емкое изображение декабрьских событий, установление преемственной связи между историей и современностью (особенно значительны дополнения о России и народе — см. ст. 1083—1084, 1249—1262, 1279—1284, 1352—1355 и др.). Если сравнить варианты автографа ГБЛ, черновой рукописи ИРЛИ и наборной рукописи ИРЛИ, можно заключить, что поэт стремился наиболее четко определить цели восстания, подчеркнуть при обрисовке как внешнего, так и внутреннего облика декабристов их самоотверженность, более ярко показать враждебное отношение к ним Николая I и народное сочувствие «несчастным» и их женам после поражения восстания, изображая, в частности, удручающую обстановку конвоирования декабристов в Сибирь и оттеняя бедность храма, в котором княгиня Волконская молилась вместе с простым народом и т. д. (подробнее об этом см.: *Битюгова И. А.* Творческая история поэмы Н. А. Некрасова «Русские женщины».— Тр. Сталинирского гос. пед. ин-та, 1958, вып. VI, с. 140—201).

В первоначальные намерения Некрасова входило, вероятно, более подробное описание салона З. А. Волконской, которая летом 1826 г. принимала у себя Е. И. Трубецкую, едущую в Сибирь, а

26 декабря 1826 г. устроила прощальный вечер в честь М. Н. Волконской. В этот же дом прибыл из Сибири сопровождавший Трубецкую до Иркутска секретарь ее отца К. Воше, который привез первую почту от декабристов. По просьбе З. А. Волконской Д. В. Веневитинов сопровождал затем Воше до Петербурга (*Веневитинов М.* К биографии поэта Д. В. Веневитинова.— РА, 1885, кн. 1, с. 120; *Колюпанов Н.* Биография А. И. Кошелева, т. 1, кн. 2. М., 1889, с. 112; *Гаррис М. А.* Зинаида Волконская и ее время. М., 1916, с. 84). Об этих обстоятельствах Некрасов вполне мог знать, так же, например, как и о том, что Д. В. Веневитинов присутствовал на вечере 26 декабря 1826 г., хотя публикация, содержащая сведения об этом, появилась тремя годами позднее (РС, 1875, № 4, с. 822—824).

«Княгиня М. Н. Волконская» была написана в Карабихе летом 1872 г. 10 июля 1872 г. Некрасов в письме к А. Н. Еракову выражал надежду закончить новое произведение, сюжет которого «вертится всё там же — около Сибири», недели в две, но фактически работа над поэмой была в основном завершена им к 21 июля 1872 г. (см. помету на черновой рукописи ИРЛИ). По возвращении в Петербург поэт давал поэму на прочтение М. С. Волконскому и А. С. Суворину (отдельную, четвертую главу — см. замечания А. С. Суворина: Другие редакции и варианты, с. 427). По их совету он устраняет ряд натуралистических подробностей. 30 октября 1872 г. М. С. Волконский писал Некрасову: «Возьмем, например, рассказ о родах. Он представлял бы еще интерес, случись всё это в Сибири, среди лишений, но здесь, среди богатства и удобств,— это только игра случая, от которого поэма ничего не выиграет; между тем рассказ о том семейном событии, подробности которого я, самый близкий ему человек, не решусь передать другому близкому мне человеку,— переходит в публику! Сделайте одолжение, выпустите его совсем, т. е. присутствие отца, разговор с матерью, появление деревенской бабки» (*Евгеньев-Максимов В. Е.* Некрасов как человек, журналист и поэт. М.—Л., 1928, с. 328). В другом письме он давал поэту такой совет: «С благодарностью возвращаю IV главу — я позволил себе отметить несколько мест. Обратите внимание на последнюю пометку: мне кажется, что после главы, полной такого сильного поэтического настроения,— посылка в наем людей действует неприятно и охладительно. Сама же по себе подробность не интересна» (там же, с. 327). Аналогичную заметку на полях рукописи главы IV сделал А. С. Суворин рядом со строками о посылках родных: «Подробность малоинтересная и, кажется, вредящая общей нити этой главы» (см.: Другие редакции и варианты, с. 427). Некрасов учел эти замечания, так как они, по всей вероятности, совпали с его мнением. Он не включил в окончательный текст поэмы (первопечатный) стихов о родах, о посылках, об отправленном Зинаидой Волконской рояле и т. д. Все же существенное и дорогое для него Некрасов сохранил несмотря на замечания. Он не исключил, как ему советовал М. С. Волконский, строк в «Княгине Трубецкой», бичующих высший свет. Отказался он и внести изменения в эпизод встречи княгини Волконской с мужем, которая в поэме происходит не в тюрьме, как изложено в «Записках», а в шахте, заметив при этом: «Не всё ли вам равно, с кем встретилась там княгиня: с мужем ли или с дядею Давыдовым; они оба работали

под землею, а эта встреча у меня так красиво выходит!» (Записки Волконской, с. XVII).

В 1872 г. у Некрасова созрел замысел и третьей, завершающей части поэмы о декабристках. Повествование о героической поездке Трубецкой и Волконской могло послужить прологом к ней. Тема ее — страдальческая и мужественная жизнь декабристов и их жен в изгнании. Кроме Екатерины Ивановны Трубецкой и Марии Николаевны Волконской, выехали в Сибирь, чтобы разделить участь изгнанников, Александра Григорьевна Муравьева (урожд. Чернышева), Елизавета Петровна Нарышкина (урожд. Коновницына), Александра Васильевна Ентальцева (урожд. Лисовская), Наталия Дмитриевна Фонвизина (урожд. Апухтина), Александра Ивановна Давыдова (урожд. Потапова), Прасковья Егоровна Анненкова (урожд. Жанетта Поль или Полина Гебль), Анна Васильевна Розен (урожд. Малиновская), Мария Казимировна Юшневская (урожд. Круликовская), Камилла Петровна Ивашева (урожд. Ле-Дантю), Варвара Михайловна Шаховская, последовавшая за Петром Мухановым, с которым ей так и не было разрешено встретиться (почти все они упомянуты в некрасовском конспекте «Записок» М. Н. Волконской, см. подробно о каждой из них: *Сергеев М. Д.* Несчастью верная сестра. Иркутск, 1978). Центральной героиней будущей поэмы Некрасов хотел сделать А. Г. Муравьеву, умершую в Сибири. Поэт глубоко раздумывал над художественной формой, наиболее соответствующей его замыслу. 5 марта 1873 г. он писал А. Н. Островскому: «Скажите при случае, что Вы думаете о моей последней поэме. Следующая вещь из этого мира у меня укладывается... в драму! Боюсь и, может быть, обойду эту форму».

Март 1873 г. был, по-видимому, временем особенно активной работы Некрасова по сбору материалов для нового произведения. Через А. Н. Пыпина (см.: Звенья. V. М.—Л., 1935, с. 505; ПСС, т. XI, с. 244) он познакомился с декабристом М. А. Назимовым и несколько раз встречался с ним в узком кругу. Как сообщает биограф Назимова, декабрист передал Некрасову через А. Н. Яхонтова свои записки, охватывающие период с 1825 по 1840 г. (см.: *Иеропольский К.* М. А. Назимов. (Биографическая справка).— В кн.: Сборник Псковского общества краеведения, вып. 1. Псков, 1924, с. 41). О содержании этих записок и их судьбе сведений не сохранилось. 17 марта 1873 г. Некрасов у себя на квартире должен был встретиться с Назимовым, бывшим псковским губернатором М. С. Кахановым и сыном декабриста И. С. Трубецким. На эту встречу, цель которой пока остается неизвестной, были приглашены также А. Н. Пыпин и М. Е. Салтыков-Щедрин, о чем свидетельствуют письма Некрасова к Пыпину (ПСС, т. XI, с. 244) и Трубецкому от 16 марта 1873 г. (см. публикацию последнего письма, а также более детальное освещение указанного этапа работы поэта над этой темой в статье: *Мельгунов Б. В.* «Декабристские» замыслы Некрасова после «Княгини Волконской».— РЛ. 1981, № 3, с. 147—150).

Набрасывая план продолжения поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 429—430), Некрасов опирался главным образом на «Записки» М. Н. Волконской в той их части, которая не была использована в поэме (последовательность событий и фактов —

конфликт с Риком, сюжет о разбойнике Орлове, стычка с пьяным офицером и т. д.— соответствует «Запискам»). Судя по плану, Некрасов предполагал дать описание «самой жизни» декабристок в Сибири с ее постепенно оформившимися «условными рамами» и описание их переживаний, «мук нравственных»; в этом последнем смысле особенно существенным представлялся ему эпизод увоза А. О. Корниловича (1800—1834) «в Петербург для новых допросов» (см.: Другие редакции и варианты, с. 430; ср. также с. 377—378). В то же время поэма о Муравьевой не должна была стать простым стихотворным переложением «Записок» М. Н. Волконской. Первая и последняя главы, в которых должно было рассказываться о смерти Муравьевой, были задуманы как композиционное обрамление поэтического повествования. Три сюжета в плане (см.: РЛ, 1981, № 3, с. 148) взяты Некрасовым не из «Записок» М. Н. Волконской. Сохранились и отдельные записи поэта, связанные с продолжением поэмы (см.: Другие редакции и варианты. с. 428—429). Заметки эти довольно широкого содержания, начиная с характеристик, отмечающих оригинальность личностей декабристов и разнообразие видов их новой деятельности, и кончая сценами соприкосновения их с уголовным миром и забавными историями (анекдоты о В. А. Бечасном). Знаменательна для Некрасова мысль изобразить встречу «возвращающегося декабриста» с «новым ссыльным» (см. там же, с. 431). Поэта продолжала волновать проблема преемственности поколений революционеров — возвращенных декабристов и деятелей освободительного движения 1870-х гг., затронутая им еще в «Дедушке» (1870). Интересен аналогичный замысел М. Е. Салтыкова-Щедрина, который в письме к П. В. Анненкову от 2 декабря 1875 г. сообщал: «Хочу написать рассказ „Паршивый“. Чернышевский или Петрашевский, все равно. Сидит в мурье среди снегов, а мимо него примиренные декабристы и петрашевцы проезжают на родину и насвистывают „Боже, царя храни“, вроде того как Бабурин пел. И все ему говорят: „Стыдно, сударь! У нас царь такой добрый — а вы что!“ Вопрос: проклял ли жизнь этот человек или остался равнодушен ко всем надругательствам и все в нем старая работа, еще давно, давно, до ссылки начатая, продолжается? Я склоняюсь к последнему мнению» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 233).

Все эти материалы остались в архиве поэта. Замысел его не был осуществлен. Частично в этом виноваты, как писал Некрасов П. В. Анненкову 29 марта 1873 г., «1) цензурное пугало, повелевающее касаться предмета только сторонкой, 2) крайняя неподатливость русских аристократов на сообщение фактов, хотя бы и для такой цели, как моя, т. е. для прославления». Некоторую роль сыграло и то, что Некрасов был отвлечен работой над своим итоговым произведением «Кому на Руси жить хорошо».

Первая поэма Некрасова о декабристках «Княгиня Трубецкая», появившаяся в апреле 1872 г., привлекла к себе широкое общественное внимание; вокруг нее сразу же возникла борьба мнений. В связи с выходом в свет в январе 1873 г. «Княгини М. Н. Волконской» позиции критиков окончательно определились. Через месяц, 26 февраля 1873 г., Некрасов писал брату Федору Алексеевичу, имея в виду публикацию поэмы в первом издании пятой части своих «Стихотворений»: «Моя поэма „Кн. Волконская“, которую я написал летом в Карабихе, имеет такой успех, какого не

имело ни одно из моих прежних писаний <...> Литературные шавки меня щиплют, а публика читает и раскупает». «Русские женщины» вызвали недовольство в аристократических кругах. Сестра М. Н. Волконской С. Н. Раевская собиралась писать резко враждебную статью для газеты Краевского «Голос». Статья эта не была написана, но о характере возражений С. Н. Раевской можно судить по одному из ее частных писем. «Рассказ, который он (Некрасов,— *Ред.*) вкладывает в уста моей сестры,— писала С. Н. Раевская,— был бы вполне уместен в устах какой-нибудь мужички. В нем нет ни благородства, ни знания той роли, которую он заставляет ее играть» (Архив декабристов. Пгр., 1918, с. 15). С С. Н. Раевской в какой-то мере перекликался П. В. Анненков, который писал Некрасову 20 марта н. ст. 1873 г.: «Этой картине недостает только одного мотива, чтобы сделать ее также и несомненно верной исторической картиной,— именно благородно аристократического мотива, который двигал сердца этих женщин. Вы благоговеете перед ними и перед великостью их подвига — и это хорошо, справедливо и честно, но ничто не возбраняет поэту показать и знание основных причин их доблести и поведения — гордости своим именем и обязанности быть оптиматами, высшей людской породой во всяком случае...» (ЛН, т. 51—52, с. 98). Некрасов в силу его революционно-демократического понимания истории не мог принять эти возражения и сделать второстепенный аристократический мотив главным стимулом поведения жен декабристов. Как и их мужья, декабристки пошли на разрыв со своим прошлым, и главной целью поэта было воспроизвести их героическую поездку и дальнейшую подвижническую жизнь в Сибири, способствовавшие их сближению с народом. Французский аристократ виконт М. де Вогюэ в своей книге «Взгляды исторические и литературные» («Regards historiques et littéraires», Paris 1892) пытался дискредитировать историко-революционные поэмы Некрасова, подвергнув сомнению их фактическую достоверность. Он писал: «*Липранди, приставленный царем к декабрьским сосланным, получил приказание ничего не жалеть для смягчения их участи. Их жены не могли сойтись с ними в подземной шахте по той простой причине, что они сами никогда туда не спускались. Эти дамы нашли вновь на берегах Лены роскошь элегантной жизни и светских удовольствий, к которым они были приучены.* Сосланные вернулись из этого испытания без дурных воспоминаний; некоторые из них дожили до глубокой старости, и, кому случалось встретиться с ними, слышали *рассказы об их изгнании, которые вовсе не согласовались с эпизодами, измышленными Некрасовым*» (цит. по: Записки Волконской, с. XIX). Эти ложные сведения возмутили М. С. Волконского, сына декабристки, который в свою очередь сам протестовал против изображения «высокодобродетельной и кроткой» княгини Трубецкой бунтаркой и называл монолог ее в поэме, обличающий светское общество, «куском грязи» (там же, с. XIII). Он писал по поводу процитированного отрывка из книги М. де Вогюэ: «Нас не касаются воззрения виконта де Вогюэ на поэзию Некрасова, а касаются лишь приводимые им факты. Мы не знаем, от каких именно лиц, „переживших эту эпоху", он мог почерпнуть все вышеприведенное, но не подлежит сомнению, что в четырех подчеркнутых нами кратких периодах заключается пять извращений имен и событий». Разъясняя искажения, допущен-

ные М. де Вогюэ, он подчеркивал: «Прежде всего вымысла в поэме Некрасова нет, что доказывается самими „Записками“ княгини Волконской. Доказывается и многочисленными „Записками“ декабристов (Розена, Трубецкого. Якушкина, Басаргина, Оболенского, Горбачевского и других)» (там же, с. XIX—XXI). Немногочисленные похвальные отзывы, исходившие из аристократической среды, шли вразрез с конечной революционной идеей Некрасова. Так, граф П. И. Капнист в картинах, рисующих сближение декабристов и их жен с народом на каторге, увидел идею примирения высшего и низшего сословий. «Чудная вещь! Высокая поэзия и высокий подвиг современного русского поэта! — пишет Капнист Н. А. Некрасову 26 января 1873 г.— В теперешнее время прискорбной междоусобной розни нашей Вы нашли благородное примирение, изобразив, как великая скорбь вызывает великое чувство, свойственное русской душе, заглушенной мелочными условиями света, и как в этой скорби и этом чувстве высшие и низшие слои общества сливаются в бесконечной и божественной любви...» (ЛН, т. 51—52, с. 310).

Затушевать революционный смысл некрасовских поэм стремилась и реакционная критика. Так, В. Г. Авсеенко, объяснявший популярность поэзии Некрасова отсутствием глубины мысли и угождением толпе, враждебно откликнулся на появление «Княгини Трубецкой». «Если бы мы вздумали выловить из этой поэмы основную идею и формулировать краткою фразой ее мораль (известно, что у г. Некрасова всегда есть мораль, и в этом отношении он приближается к баснописцам),— писал Авсеенко,— мы, без сомнения, были бы до крайности поражены крохотностью и ветхостью этой идеи и этой морали. Действительно, г. Некрасов желает только сказать, что декабрист князь Т. был человек образованный и развитый, что жена его, решившаяся следовать за ним в Сибирь, поступила великодушно и что положение их обоих тяжелое. Против этого трудно спорить, но еще труднее не усомниться, чтобы во всем этом было что-либо новое или глубокое» (РМ, 1872, 13 мая, № 122; псевдоним — А. О.). Свое суждение Авсеенко пытается подкрепить замечаниями об антихудожественности поэмы, о вялости ее стиха, которые основаны на непонимании новаторского характера поэзии Некрасова. Как на недостаток он указывает на обильные подражания Рылееву, не учитывая того, что продолжение поэтической традиции декабристов было сознательной установкой Некрасова. В критическом отзыве о «Княгине М. Н. Волконской» Авсеенко утверждает: «Гражданские мотивы, некогда зажигавшие сердца поклонников этого самого петербургского из всех петербургских поэтов, отзвучали и не производят больше впечатления» (РМ, 1873, 21 февр., № 46; псевдоним — А. О.). Он пытается доказать антихудожественность и этой поэмы Некрасова, называя ее деревянным переложением «Записок» и подвергая сомнению ряд эпизодов (например, падение княгини с высокой вершины Алтая), взятых поэтом из мемуаров Волконской. В своей статье о Некрасове «Поэзия журнальных мотивов», появившейся в № 6 катковского «Русского вестника» за 1873 г., Авсеенко обвиняет поэта в приспособлении исторического сюжета к журнальным идеям своего времени. Он сомневается в достоверности подписания княгиней Трубецкой отречения от своих дворянских прав и столкновения княгини Волконской с обозным

офицером, говоря, что Некрасов изобразил нереального «монстра» (все эти факты также соответствовали мемуарам). В. Г. Авсеенко вторит В. П. Буренин, который в 1860—начале 1870-х гг. ходил в радикалах и сотрудничал вместе с Некрасовым в «Искре» и возобновленных «Отечественных записках». Со статьи о «Русских женщинах» начинается поправение Буренина. Он, так же как и Авсеенко, заявляет, что после правительственной реформы 1861 г. «гражданская скорбь, имевшая когда-то значение могучего жизненного стимула, утратила свой прежний смысл, потому что обратилась в неискреннее, изученное „плохое фиглярство“...» (СПбВ, 1873, 27 янв., № 27; псевдоним — Z). В новой поэме Некрасова он видит свидетельство падения художественного таланта поэта. Зная о существовании реальных источников некрасовских поэм, Буренин не оспаривает их фактическую достоверность, а обвиняет Некрасова в натурализме, слепом следовании мемуарам. Его вкусу противоречат и картина падения Волконской с вершины Алтая, и езда ее в конце пути в простой телеге, и подробности бедного быта бурят, и упоминание о сибирских пельменях и бане. По поводу встречи Волконской с мужем в рудниках и целования ею оков Буренин упрекает Некрасова в «мелодраматизме» и «фальшивом гражданском эффекте».

К этому упреку Буренина присоединяется и Достоевский, который в общем относился к Некрасову положительно, видя в нем «сильный талант», «поэта страдания». Но революционный пафос поэмы был чужд Достоевскому. Он обвиняет поэта в «мундирности мысли, слога, натуральности» (Гр, 1873, 26 марта, № 13, с. 425). Эпизод с целованием оков он считал психологически невозможным. Однако психологические посылки Достоевского и Буренина оказались ошибочными, Некрасов проявил бо́льшую глубину в понимании психологии декабристов и декабристок, их приподнятого романтического энтузиазма, который вдохновлял одних на революционную борьбу, других на самоотверженный подвиг. Воспроизведенный им эпизод с оковами находит соответствие в мемуарах Волконской. Близок к Достоевскому в оценке поэмы «Русские женщины» славянофильски настроенный О. Ф. Миллер. Хваля Некрасова за умелый переход «от простой русской женщины, удрученной горем <...> к русским женщинам из высшего класса, которых сблизило с народом внезапно постигшее их несчастье», Миллер, однако, тоже находит в поэме черты «преувеличения» и «аффектации», ссылаясь на сцену, в которой старик Волконский угрожает дочери проклятием, и на сцену целования оков (см.: *Миллер О.* Публичные лекции... СПб., 1878, с. 337—338). Необходимо отметить также письмо И. А. Гончарова, в котором он, высказывая свое положительное отношение к поэме, советовал все же усилить цензуру над нею М. С. Волконского и больше сообразоваться с его взглядами на лица и события (см.: *Гончаров И. А.* Собр. соч., т. VIII. М., 1955, с. 448).

Но в противовес враждебным голосам звучат, хотя и сдерживаемые цензурой, голоса прогрессивно настроенных читателей и критиков, протестующих против ложного толкования поэмы, умаления ее исторического и литературного значения. Так, И. А. Кущевский в статье, посвященной «Княгине М. Н. Волконской» и подписанной псевдонимом «Новый критик», опровергает мнение о том, что успех Некрасова держится на тенденциозности. «Кто

ныне из наших стихотворцев не тенденциозен? — спрашивает Кущевский.— Минаев тенденциозен, Буренин тенденциозен, Омулевский тенденциозен, Плещеев тенденциозен... Они даже, пожалуй, будут тенденциознее г. Некрасова, так как за недостатком поэтических образов им постоянно приходится перекладывать в стихи передовые статьи либеральных газет...». Успех Некрасова критик объясняет «могучей силой» поэтического дарования. Отмечая некоторые фактические неточности (он ошибочно, как видно из «Записок», считает, что Волконская не могла проезжать Алтай, что «серебрянка» шла из Барнаула, а не из Нерчинска), автор статьи дает в общем восторженный отзыв о поэме «Княгиня М. Н. Волконская»: «В первой книжке „Отечественных записок“ напечатана поэма г. Некрасова „Русские женщины“, уже вовсе не имеющая никакой претензии на тенденциозность. Это превосходный поэтический и простой рассказ бабушки внукам о великих подвигах своей жизни» (Новости, 1873, 7 февр., № 38). С положительным отзывом о поэме выступает А. С. Суворин, начинавший свою журнальную деятельность в конце 1860—начале 1870-х гг. как более или менее прогрессивный критик. Он возражает против статьи Буренина в «С.-Петербургских ведомостях», объясняя причину преднамеренной враждебности автора его личными счетами с «Отечественными записками», в которых была напечатана поэма Некрасова. Суворин находит в поэме слабые стороны — некоторую растянутость, порой вялый стих, но считает, что они «исчезают совершенно в стройной гармоничности целого». Княгиню Волконскую он характеризует как «сильную женщину», которой «нужен был высокий идеал, и вот она нашла его в этом мученике и борце». Образ ее, нарисованный Некрасовым, он называет «грандиозным образом созревшей под ударами судьбы женщины». Особо отмечает критик глубоко лирические строки о народе. «За эти строки,— пишет он,— поэту отпустятся все его ошибки и заблуждения,— кто умеет так глубоко чувствовать, тот никогда не умрет в благодарной памяти потомства» (НВ, 1873, 6 февр., № 37; псевдоним — А. С.). Наиболее обстоятельную и серьезную статью посвятил декабристским поэмам Некрасова А. М. Скабичевский, сторонник народнической идеологии, отстаивавший в критике принципы реализма, система исторических воззрений которого отличалась, однако, эклектизмом. Статья Скабичевского о «Русских женщинах» является одной из лучших его статей. В ней нашли отражение взгляды на поэму передовых революционных кругов, к которым в эти годы был близок Скабичевский. За последние десять лет, по мнению Скабичевского, не было ни одного произведения, которое бы произвело на публику более сильное впечатление, чем «Русские женщины» Некрасова. Критик отмечает классически строгую художественность поэм. Причину успеха Некрасова он видит в том, что предмет его произведения «оказался столь близким и дорогим душе художника, что всецело завладел им, возбудил его творчество до высшего напряжения и заставил его забыть все остальное, побочное...». И далее, объясняя художественное своеобразие и органичность поэм Некрасова, критик пишет: «Цель поэм г. Некрасова заключается в том, чтобы выставить в наиболее ярком свете героизм тех наших доблестных соотечественниц 20-х годов, которые, покидая весь комфорт роскошной жизни, все прелести и приманки большого света, отправ-

лялись за своими мужьями разделять их суровую каторжную казематную жизнь в далеких и глубоких снегах Сибири. И поэмы с такой исключительностью направлены к этой цели, что не найдете вы в них ни одной черты, ни одного стиха, которые <...> отвлекали бы от главной цели поэм куда-нибудь совсем в сторону». Но правильно характеризуя «Княгиню Трубецкую» и «Княгиню М. Н. Волконскую» как поэмы героического жанра, Скабичевский допускает ошибку, не замечая в их стиле бытовых элементов. Особенно ценным является замечание критика об установлении в поэмах Некрасова преемственной связи между двумя революционными поколениями, выраженное, однако, таким образом, что оставляло возможность его ложного истолкования как обвинения Некрасова в антиисторизме: «...героини его мыслят, говорят и действуют совершенно подобно тому, как бы стали мыслить, говорить и действовать лучшие и образованнейшие женщины того же круга в наше время». Он высказывает затем верное соображение о том, что причина такой актуальности образов некрасовских героинь кроется в том, что поэт старался отобразить основные, лучшие черты декабристок, оставляя в тени второстепенные и слабые; «...было бы величайшею художественной ошибкою,— пишет критик,— и чистейшим абсурдом в виде сентиментально-экзальтированных, безумно-расточительных и детски-непрактичных барынь изобразить вдруг доблестных жен декабристов» (*Скабичевский А.* Беседы о русской словесности.— ОЗ, 1877, № 3, с. 9—13).

Передовая революционная молодежь, которой Некрасов адресовал свою поэму, восторженно встретила новое произведение своего учителя. Об этом свидетельствует ряд воспоминаний семидесятников и семидесятниц. Одна из революционно настроенных современниц Некрасова А. Г. Степанова-Бородина рассказывает в своих воспоминаниях о том, как под влиянием нападок враждебной критики поэт стал недооценивать свою поэму. «Лучше всех я понимаю,— говорил он своей собеседнице,— что не совладал с таким чудным сюжетом, как „Русские женщины", и что я хотел сказать многое, но у меня не вышло». Бородина горячо возразила поэту: «Не говорите никогда так при мне о „Русских женщинах", Николай Алексеевич, мне больно слышать, как вы клевещете на себя. Нет, по-моему, тот истинный поэт, у кого вылились такие дивные строки!..». И она продекламировала отрывок из поэмы, в котором изображается встреча княгини Волконской с мужем в руднике. «Я кончила, захлебываясь от слез...»,— пишет Бородина. Некрасов протянул к ней обе руки и воскликнул: «Нет, вы правы, пока мои стихи будут вызывать такие чувства у людей, они будут истинной поэзией» (ЛН, т. 49—50, с. 587—588).

Л. Дейч, известный участник революционного движения 1870—1880-х гг., впоследствии член группы «Освобождение труда», в своей статье «Н. А. Некрасов и семидесятники», написанной в 1921 г., рассказывает о влиянии Некрасова на молодое поколение 1870-х гг., заронившем в них первые семена сознания необходимости активной борьбы, подготовившем их к восприятию Чернышевского, Добролюбова, Лаврова, Лассаля, Маркса. Особо выделяя проблему «Некрасов и женский вопрос», Дейч подчеркивал, что поэт не ограничился изображением страданий женщины; он указал, как ей выйти из несчастного положения. «Среди поэтов,— пишет Дейч,— Некрасов в этом вопросе занимает одно из первых,

если не самое видное место: его изображение „русских женщин" местами доходит до настоящего апофеоза. Достаточно указать на его поэму, посвященную женам декабристов или осужденным по процессу 50-ти (в 1877 г.). <...> Некрасову поэтому в особенности многим обязано современное поколение; его муза немало поспособствовала развитию того движения, благодаря которому наши женщины в умственном и политическом отношении почти сравнялись с мужчинами». Горячо возражает Дейч против умаления художественного значения поэмы «Русские женщины»: «Никто, конечно, не станет отрицать, что в стихах Некрасова нередко попадаются шероховатости. Так, Всеволод Гаршин высмеивал начало поэмы „Русские женщины":

„Покоен, прочен и легок
На диво слаженный возок...", потому что

„легок" плохо рифмуется со словом „возок". Но положительно нужно быть совершенно лишенным художественного чутья, чтобы на подобном основании утверждать, что эта поэма не художественна. Достаточно прочитать только несколько строф дальше, чтобы убедиться, до чего восхитительно это стихотворение <...> Чего же еще можно требовать от литературного произведения для признания его художественным, раз оно производит такое сильное впечатление на читателя, потрясает его, вызывает в нем самые чистые, благороднейшие ощущения и стремления?» (Пролетарская революция, 1921, № 3, с. 11, 15).

Современница поэта, деятельная сторонница активного народничества, В. Фигнер писала об историческом значении поэмы Некрасова о декабристках: «А потом прошло еще почти три десятилетия, прежде чем стала появляться литература об этих далеких наших предшественниках. Так долгие годы, можно сказать, не было почти ничего, что питало бы благодарную память о них и на чем можно было бы учиться опыту. <...> Поэма Некрасова „Русские женщины", воскресившая образы кн. Трубецкой и кн. Волконской, появилась в эпоху, когда русская женщина ушла далеко вперед» (*Фигнер В.* Жены декабристов.— Каторга и ссылка, 1925, № 8 (21), с. 228).

Ст. 21—22. *...и цветы С могилы сестры — Муравьевой...*— Александра Григорьевна Муравьева (1804—1832), урожд. Чернышева, последовала за мужем Н. М. Муравьевым в Сибирь. Пушкин передал через нее «Послание в Сибирь» и стихотворение, посвященное И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный!..»). А. Г. Муравьева быстро завоевала уважение и горячие симпатии всех близко ее знавших; смерть ее была воспринята как общая тяжелая утрата. Как предсказание ее судьбы звучат в поэме слова из прощальной речи Пушкина, обращенной к Волконской: «Пленителен образ отважной жены ∾ Сокрывшейся рано в могилу!» (см. ст. 857—860).

Ст. 23. *...флору Читы...*— До осени 1830 г. декабристы содержались в читинской тюрьме, а жены их жили в ближайшем поселке.

Ст. 228. *Сергей — и бесчестное дело!* — С. Г. Волконский был ложно обвинен в подделке печати. Как объясняет в своих мемуарах М. Н. Волконская, в 1822 г. ее муж, предупрежденный гене-

ралом П. Д. Киселевым об ожидающемся официальном запросе по поводу агитационной деятельности декабристов в дивизии М. Ф. Орлова, вскрыл адресованное Киселеву письмо, пришедшее в отсутствие последнего, и сообщил его содержание своему родственнику Орлову, дав, таким образом, ему возможность «приготовить свои ответы» (Записки Волконской, с. 28).

Ст. 562. *Сестра моя, Катя Орлова.*— Екатерина Николаевна Орлова (1797—1885) — старшая дочь генерала Раевского, жена декабриста М. Ф. Орлова.

Ст. 657. *К сестре Зинаиде.*— Княгиня Зинаида Александровна Волконская (1792—1862), урожд. Белосельская-Белозерская, родственница М. Н. Волконской по мужу; блестяще образованная, была поэтессой, беллетристкой, композитором и певицей. В ее литературно-музыкальном салоне собирались лучшие представители интеллигенции того времени. Ей посвятили свои стихи не только Пушкин и Веневитинов, но и Баратынский, И. В. Киреевский и др.

Ст. 672. *И северной звали Коринной...*— Коринна — лирическая поэтесса древней Греции (ок. V в. до н. э.). Именем Коринны назвала свой роман о талантливой поэтессе французская писательница А. Л. Ж. де Сталь (1766—1817). Некрасов мог знать о том, что З. А. Волконскую называли северной Коринной как из устных, так и из печатных источников (см., например: *Пятковский А. П.* О жизни и сочинениях Веневитинова. СПб., 1859, с. 18).

Ст. 692. *Одна ростопчинская шутка...*— Ф. В. Ростопчин (1763—1826) — видный сановник, реакционер и демагог. По свидетельству П. А. Вяземского, узнав о восстании декабристов, он сказал: «В эпоху Французской революции сапожники и тряпичники (chiffonniers) хотели сделаться графами и князьями; у нас графы и князья хотели сделаться тряпичниками и сапожниками» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч., т. VII. СПб., 1882, с. 510). Некрасов мог слышать этот анекдот от самого Вяземского, с которым был хорошо знаком. См. также: *Лернер Н. О.* «Ростопчинская шутка» о декабристах.— В кн.: Бунт декабристов. Л., 1926, с. 398—399.

Ст. 702. *Потемкину ровня по летам...*— Г. А. Потемкин (1739—1791), светлейший князь Таврический, генерал-фельдмаршал, временщик при Екатерине II.

Ст. 711. *Всё вечером съехалось к Зине моей...*— Вечер в честь уезжавшей в Сибирь М. Н. Волконской состоялся у З. А. Волконской, в ее большом доме на Тверской, 26 декабря 1826 г.

Ст. 721—722. *Тут были Одоевский, Вяземский...*— В. Ф. Одоевский (1803—1869) — писатель и музыкальный критик; П. А. Вяземский (1792—1878) — поэт и критик.

Ст. 722. *...был Поэт вдохновенный и милый...*— Речь идет о Д. В. Веневитинове (1805—1827). Ср. строки воспоминаний о Веневитинове в салоне З. А. Волконской: «...был один юный даровитый поэт <...> которого влекло к ней не одно лишь блистательное общество; горящий чистою, но страстною любовью, ей посвящал он звучные меланхолические свои стихи и безвременно сошел в могилу...» (*Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев, 1871, с. 12—13).

Ст. 771. *...вдали Аюдаг...*— Аюдаг — гора на южном берегу Крыма.

Ст. 803—804. *...Пушкина след В туземной легенде остался...*— Как отмечает Некрасов в примечании 7 к поэме, сведения о татарской легенде, посвященной Пушкину, были взяты из статьи Бартенева (см. выше, с. 186). В этом примечании ошибочно указана дата публикации пятого «крымского письма» Е. Тур (нужно: СПбВ, 1853, 29 сент., № 214 — см.: *Розанова Л. А.* К истории создания образа Пушкина в поэме Некрасова «Русские женщины».— Учен. зап. Ивановск. гос. пед. ин-та, 1954, т. VI, филолог. науки, с. 106—120, а также: *Бертье-Делагард А. Л.* Память о Пушкине в Гурзуфе.— В кн.: Пушкин и его современники, вып. 17—18. СПб., 1913, с. 154—155).

Ст. 871—872. *Но мир Долгорукой еще не забыл, А Бирона нет и в помине.*— Наталья Борисовна Долгорукая (1714—1771), дочь фельдмаршала Б. П. Шереметьева, в 1730 г. отправилась в ссылку вслед за мужем И. А. Долгоруким, обвинявшимся в участии в дворцовом заговоре и в 1739 г. казненным. После его смерти Н. Б. Долгорукая воспитывала малолетних сыновей, в 1758 г. постриглась в монахини, оставила «Записки», впервые полностью изданные в 1867 г. Эрнст Иоганн Бирон (1690—1772) — фаворит императрицы Анны Иоанновны, с 1730 г. пользовался правами неограниченного правителя империи. Гибель И. А. Долгорукого и трагическая судьба его жены и детей — результат подозрительности и жестокости Бирона. В параллели между Н. Б. Долгорукой и Бироном есть намек на М. Н. Волконскую и Николая I.

Ст. 875. *Мне царь „Пугачева" писать поручил...*— «История Пугачева» была написана Пушкиным по собственному побуждению, а не по поручению Николая I. Как свидетельствуют «Записки» М. Н. Волконской, поэт действительно говорил с ней при прощальной встрече об этом своем замысле, который осуществить ему удалось лишь в 1833 г., после поездки в Поволжье и Приуралье.

Ст. 1105. (*Отец Иоанн, что молебен служил...*— Имеется в виду священник иркутской церкви Петр Громов, переведенный потом на Петровский Завод.

Ст. 1345—1346. *Сергей Трубецкой, Артамон Муравьев, Борисовы, князь Оболенской...*— С. П. Трубецкой. А. З. Муравьев (1794—1846), А. И. Борисов (1798—1854), П. И. Борисов (1800—1854), Е. П. Оболенский (1796—1865) входили в первую партию декабристов, отправленных в Сибирь; среди них был и С. Г. Волконский.

Примеч. 8. Некрасов цитирует не совсем точно. У Пушкина:

Я помню море пред грозою,
Как я завидовал волнам,
Бежавшим бурной чередою
С любовью лечь к ее ногам...

(«Евгений Онегин», гл. I, строфа XXXIII)

Другие редакции и варианты

С. 366. *Татищев ∾ более вас.*— В тексте «Записок» М. Н. Волконской эти слова приписаны «военному министру» А. И. Чернышову (Записки Волконской, с. 8). Некрасов не повторяет анахро-

низма мемуаристки, давая точную и полную характеристику осуществлявшего допросы А. И. Татищева.

С. 367. *Зинаида пела хорошо.*— Об этом в «Записках» М. Н. Волконской не говорится; факт заимствован Некрасовым из других источников.

С. 367. *...«светлее дня темнее ночи» (в «Кавк<азском> пленнике»).*— Имеются в виду строки из «Бахчисарайского фонтана» Пушкина, посвященные М. Н. Волконской:

Твои пленительные очи
Яснее дня, чернее ночи...

В «Записках» М. Н. Волконской источник цитаты указан правильно, но стихи Пушкина искажены: «Яснее дня, темнее ночи».

С. 369. *Все бледны ∾ и счастие встречи.*— Ср. ст. 142—148 окончательной редакции.

С. 370. *Как горе, и радость одна не живет.*— Этот стих в окончательную редакцию поэмы не вошел.

С. 376. *Ручные мельн<ицы> (у Розена) вроде монас<тырских>.*— Эта же деталь, как отметил Некрасов, встречается в «Записках декабриста» А. Е. Розена (Лейпциг, 1870, с. 229).

С. 378. *Когда в тюрьме сидит Юноша прекрасный...*— Романс из оперы А.-Э.-М. Гретри «Ричард Львиное сердце» (1784).

С. 378. *Есть о нем у Басаргина.*— В «Записках» Н. В. Басаргина (М., 1872, с. 127) названы Сосинович и Кучевский, осужденные по делу С. Конарского в 1838 г. Друг А. Мицкевича М. Рукевич, сосланный за связи с декабристами, также находился в Нерчинске (см.: *Janik M.* Dzieje polaków na Syberji. Kraków, 1928, S. 110—111).

С. 379. *Пушкин, уведомляя ее, п<исал> ∾ молит за отца.*— Некрасов цитирует первую и последнюю строки пушкинской «Эпитафии младенцу» (1829), написанной на смерть Н. С. Волконского; в «Записках» М. Н. Волконской эпитафия приводится полностью (Записки Волконской, с. 84).

С. 379. *Сухинин и др.*— Речь идет о декабристе И. И. Сухинове (1795 или 1797—1828).

С. 380. *...пр<иказ> стрелять в упор ∾ добивать прикладами.*— В «Записках» М. Н. Волконской этой фразы нет. «Возможно,— пишет С. Великанова,— что эти подробности мучительной смерти осужденных были сообщены Некрасову М. С. Волконским во время чтения „Записок“» (Н. А. Некрасов и Ярославский край, с. 190).

С. 382. *Есть у Баратынского ∾ холод одинакой.*— Имеется в виду послание «Княгине З. А. Волконской» (1829) Е. А. Баратынского. По-видимому, поэт обращался к изданию «Стихотворения Евгения Баратынского» (ч. 1—2. М., 1835), которое было в его библиотеке в Карабихе (ЛН, т. 53—54, с. 367).

С. 382. *Массивные ступни ∾ умер.*— Ср. следующие строки из биографического очерка о Д. В. Веневитинове, принадлежащего А. Л. Пятковскому: «Спасаясь от горестных воспоминаний, он думал развлечь себя петербургскими маскарадами, сам езжал замаскированный к своим знакомым (причем всегда был узнаваем по необыкновенно массивным ступням)...» (*Веневитинов Д. В.* Полн. собр. соч. СПб., 1862, с. 24). В этом же очерке цитируется письмо Веневитинова к А. В. Веневитинову от декабря 1826 г.: «Я дружусь с моими дипломатическими занятиями. Молю бога, чтобы поскорее был мир с Персией: хочу отправиться туда и на свободе петь

с восточными соловьями» (там же). Указанным изданием сочинений Веневитинова Некрасов пользовался, составляя свои примечания к поэме (см. выше, с. 186).

С. 428. *О Бечасном анекдоты.*— Юмористические рассказы и стихи о декабристе В. А. Бечаснове (Бечасном) (1802—1859) Некрасов мог слышать от своего врача Н. А. Белоголового, с которым он познакомился не ранее 1873 г. В опубликованных после смерти Некрасова мемуарах Белоголового, жившего в Усть-Куде по соседству со ссыльными декабристами, говорится: «...в деревне, где он жил, подчас подсмеивались над его неловкостью и рассеянностью, называя его <...> то Бессчастным, то Несчастным, но любили и уважали его» (*Белоголовый Н. А.* Воспоминания и другие статьи. СПб., 1901, с. 78—80). Ср. у Д. И. Завалишина: «Главным героем шуточных похождений был товарищ наш Бечаснов, с которым случались беспрестанно приключения. На его счет писались целые поэмы, например „Похождения Бечаснова в царстве гномов“, „Похищенный цикорий“ и пр.» (*Завалишин Д. И.* Записки декабриста, т. 2. Мюнхен, 1904, с. 103).

С. 428. *Чуть не утонул в Иногде.*— Название реки Ингоды близ Читы ошибочно записано Некрасовым.

С. 429. *Зуб. Арт<амон> Муравьев.*— О медицинских наклонностях А. З. Муравьева мог рассказать Некрасову С. В. Максимов, печатавший в «Отечественных записках» главы из своей книги «Сибирь и каторга»: «Он <А. З. Муравьев> рвал зубы, пускал кровь, перевязывал раны» (ОЗ, 1869, № 10, отд. I, с. 577). Товарищи Муравьева сочинили шутливую песенку:

Сначала он полком командовал гусарским,
Потом убийцею он вызвался быть царским,
Теперь он зубы рвет
И врет.

(см.: *Гессен С.* Поэты-декабристы.— Сов. искусство, 1925, № 9, с. 15).

С. 429. *Золоченый нос — химик Ватковский. ∾ Живопись Бестужева — <пни?> ∾ Зубы Волконского.*— По-видимому, объектом острот декабристов были и увлечение Ф. Ф. Вадковского (1800—1844) химией, и живопись Н. А. Бестужева (1791—1855), и вставные зубы С. Г. Волконского.

С. 429. *Это Иван Иванович.*— Скорее всего речь идет о И. И. Сухинове (см. выше, с. 588). Возможно также, что имеется в виду И. И. Горбачевский (1800—1869).

С. 429. *Айок ∾ Камчатник.*— Некрасов перечисляет названия селений вблизи Иркутска, где жили декабристы до разрешения переселиться в город: деревня *Айок* — правильно: Оёк; *Урик* — селение, в котором жили семьи Волконских и Н. М. Муравьева; *Усь-Куда* (правильно: Усть-Куда) — селение в 26 верстах от Иркутска, в котором летом жил И. В. Поджио, друг семьи Волконских; *Камчатник* — деревня в двух верстах от Усть-Куды, в которой жили летом Волконские.

С. 429. *Беляев.*— Неизвестно, имеется в виду А. П. Беляев (1803—1855), автор «Воспоминаний декабриста о пережитом и перечувствованном» (1880—1881), или его брат П. П. Беляев (ум. 1864).

С. 429. *Наталья Григорьевна.*— Лицо неустановленное. Возможно, имеется в виду сестра декабристки Надежда Григорьевна

(см. ниже). Менее вероятно, что подразумевается сама А. Г. Муравьева.

С. 429. *О записках Лорера.*— Некрасов мог быть знаком с публикацией в «Русском архиве» 1874 г. (№ 2) части воспоминаний Н. И. Лорера (1795—1873), касавшихся последнего, кавказского периода его жизни. Предыдущие части его записок, печатавшиеся в «Русской беседе» 1857 и 1860 гг. и в «Русском архиве» 1872 г., охватывали период до 14 декабря 1825 г. Хранившиеся в редакции «Русского архива» записки Лорера включали также сибирский период (1826—1837 гг.); эта часть рукописи, оставшаяся неопубликованной, представляла для Некрасова наибольший интерес и могла быть ему известна.

С. 429. *Никитушка у частокола.*— Никитушкой звала своего мужа, Н. М. Муравьева (1796—1843), его жена, А. Г. Муравьева. «Сам бог не взыщет за то, что она Никитушку любит более»,— писал об А. Г. Муравьевой один из декабристов (*Якушин И. Д.* Записки, статьи и письма декабриста. М., 1951, с. 167). Не исключено, что Некрасов, знакомый с сыном декабриста Е. И. Якушкиным, через него ознакомился с рукописью записок отца. Запись связана, по-видимому, с рассказом С. В. Максимова об А. Г. Муравьевой, тяжело переживавшей запрет видеться с мужем более одного раза в неделю: «Свидания она восполняла тем, что ежедневно смотрела в окно, когда мимо ее квартиры водили мужа ее и брата (Захара Григорьевича Чернышова)» (*Максимов С. В.* Сибирь и каторга. СПб., 1900, с. 412).

С. 430. *...(Муравьева плавала в лодке у крепости)...*— Весной 1826 г. А. Г. Муравьева, «стараясь быть как можно ближе к мужу, подплывала на лодке к Петропавловской крепости — месту заточения декабристов» (см.: *Чуковский К.* Некрасов. Статьи и материалы. Л., 1926, с. 369).

С. 430. *Доктор Вульф и пр.*— Ф. Б. Вульф (ум. 1854), врач, декабрист.

С. 430. *Лампада неугасимая.*— «Если бы вам случилось приехать ночью в Петровский Завод,— писал И. Д. Якушкин,— то налево от дороги вы бы увидели огонек, это беспрестанно теплющаяся лампада над дверьми каменной часовни, построенной Никитой Михайловичем и в которой покоится прах Александры Григорьевны» (*Якушкин И. Д.* Воспоминания о А. Г. Муравьевой.— ГМ, 1915, № 4, с. 190). Эти воспоминания были написаны в 1854 г., по просьбе сестры А. Г. Муравьевой, Надежды Григорьевны Долгоруковой; копия их хранилась в семейном архиве Якушкиных, и Некрасов, по-видимому, имел возможность с ней ознакомиться.

С. 430. *Карамзин и т. д.* — Имеется в виду, вероятно, работа Н. М. Муравьева «Мысли об „Истории государства Российского" Н. М. Карамзина» (1818), в которой он выступил с критикой дворянско-монархической сущности труда Карамзина. Частично работа Н. М. Муравьева, выражающая исторические взгляды декабристов, была опубликована впервые в труде М. П. Погодина «Н. М. Карамзин» (т. 2. М., 1866, с. 188—203) (см. также: ЛН, т. 59, с. 569—598).

1875

СОВРЕМЕННИКИ

(С. 187)

Печатается по тексту первой публикации, с восстановлением ст. 81—112, 462—493 (залы № 2 и 14) части 1, ст. 277—280, 699—710 части 2, фамилий «Милютин», «Аничков», «Мордвинов», «Давыдов», «Лобанов» в ст. 208, 210 части 1 и в ст. 639 части 2 по сводной рукописи ЦГАЛИ, а также с конъектурой в ст. 41 части 1 («Дюссо» вместо «***») по Ст 1879. Ряд поправок в тексте поэмы сделан по ПП и наборной рукописи (см. об этом ниже, с. 593).

Впервые опубликовано: часть 1 («Юбиляры и триумфаторы») — ОЗ, 1875, № 8 (выход в свет — 20 авг. 1875 г.), с. 325—340 (подпись: «***»); часть 2 («Герои времени») — ОЗ, 1876, № 1 (выход в свет — 21 янв. 1876 г.), с. 5—52 (подпись: «Н. Некрасов»), с изъятием по цензурным соображениям указанных выше стихов, замененных строками точек, и со следующим обозначением упомянутых фамилий: «А***», «Б***», «В***», «Д-дов», «Л-нов» (перепечатано: ПП, с изъятием по цензурным соображениям ст. 206—225, 284—303, 419—427 (залы № 6, 9, 12) части 1 и ст. 647—738 части 2).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1879, т. IV.

Автограф поэмы (черновой, сводная и наборная рукопись), на листах большого формата,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 24, л. 1—30, 31—76, 77—126. Наборная рукопись является копией с правкой и добавлениями Некрасова.

В сводной рукописи, набросав перечень эпизодов части 1 поэмы (л. 33), Некрасов указывает две даты: «5-го мая» и «14 июня» 1875 г., фиксирующие начало работы над поэмой и первый этап работы над частью 1. Кроме того, в этой рукописи имеются и другие даты: «19 июня» (л. 51 об.) и «9 июля 1875 г. Карабиха» (л. 76 об.). Первая позволяет определить время написания сцен с участием Шкурина, вторая указывает момент завершения рукописи. В наборной рукописи под частью 1 поэмы стоит дата: «Май 1875» и подпись: «***» (л. 95); под частью 2 — подпись карандашом: «Н. Некрасов» (л. 127); рукой Некрасова сделана помета для типографии против ст. 17—28 части 2: «Подвинуть назад» (л. 96).

К черновой рукописи ЦГАЛИ примыкают шестнадцать листов, хранящихся в ГБЛ (ф. 195, п. 5753). Дата: «19-го мая» (л. 10) помогает установить время работы над «Песней об срошении».

Наброски, заметки, перечни эпизодов частей 1 и 2 из рукописей ЦГАЛИ и ГБЛ выделены особо, так же как и стихотворные фрагменты из сводной и черновой рукописей ЦГАЛИ. В этих рукописных материалах находятся несколько важных эпизодов, которые поэт предполагал включить в поэму, а также упомянут ряд лиц, послуживших прототипами для отдельных ее персонажей (см. об этом подробнее ниже).

В отличие от большинства предыдущих собраний сочинений Некрасова (включая и ПСС) в настоящем издании «Современни-

ке» печатаются по тексту «Отечественных записок», а не «Последних песен», где, как уже отмечалось, поэма была опубликована со значительными исключениями.

По свидетельству А. А. Буткевич, Некрасов, издавая «Последние песни», «выпустил из них все, что хотя сколько-нибудь могло быть поводом к столкновению с цензурой, относившейся к нему во время болезни крайне придирчиво. Он поместил только самые, по его мнению, невинные, боясь, чтобы книга не подверглась аресту» (ЛН, т. 49—50, с. 174). Об этом же А. А. Буткевич писала С. И. Пономареву: «...брат, желая увидеть в печати свои „Последние песни", избегал всего, к чему могла бы придраться цензура» (ЛН, т. 53—54, с. 175).

Особые заботы Некрасова о «цензурности» «Современников» вполне объяснимы. Сразу же после появления части 1 поэмы в «Отечественных записках» цензор Н. Лебедев заявил: «...стихотворения <...> под общим заглавием „Современники" <...> кажутся мне предосудительными в том отношении, что в них осмеиваются юбиляры, признанные правительством заслуживающими такого чествования, так как оно удостоило их арендами и другими наградами» (*Гаркави А. М.* Разыскания о Некрасове.— Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 58).

Сцены из поэмы, опубликованные в «Отечественных записках», но исключенные из «Последних песен», были помещены в Ст 1879 (т. IV) в отделе «Приложения». А. А. Буткевич не была удовлетворена таким решением, считая его ошибочным. Она писала: «В следующем издании их следует восстановить в тексте (теперь они в примечаниях, это моя вина)» (ЛН, т. 49—50, с. 174). Действительно, в издании стихотворений Некрасова 1881 г. эта задача в какой-то мере была решена. Однако в последующих изданиях «Современники» снова печатались по тексту «Последних песен».

Приведенные суждения сестры поэта А. А. Буткевич не оставляют сомнений в вынужденном характере тех изъятий, которые были сделаны Некрасовым при публикации поэмы в «Последних песнях». Правда, К. И. Чуковский и некоторые другие исследователи отстаивали авторитетность текста «Последних песен» по сравнению с журнальными публикациями. Так, Г. В. Краснов утверждал, что исключения, сделанные Некрасовым в тексте «Современников» еще при их публикации в «Отечественных записках», вызваны были заботой о «композиционном единстве» (*Некрасов Н. А.* Последние песни. М., 1974, с. 297). Известно, однако, что Некрасов специально отметил в журнале выпущенные сцены точками, как бы предупреждая читателей о вынужденном характере купюр. Это прекрасно понял М. Е. Салтыков-Щедрин, который писал Некрасову после прочтения части 1 поэмы: «Стихи отличные, только выпущенного жалко» (*Салтыков-Щедрин,* т. XVIII, кн. 2, с. 204).

Г. В. Краснов полагал также, что дальнейшее сокращение текста «Современников» в «Последних песнях» было вызвано «в первую очередь творческими соображениями» (*Некрасов Н. А.* Последние песни, с. 297). Анализ текста не дает возможности принять эту точку зрения (восходящую к суждениям К. И. Чуковского): из «Последних песен» Некрасов исключил не относительно безобидные фрагменты, в которых речь шла о чествовании

французской певицы в Петербурге или о гастрономических обедах, а именно те эпизоды («залы» № 6, 9, 12), где говорилось о неимоверно тяжелой жизни народа в пореформенный период или содержались намеки на кровавое подавление крестьянских восстаний (см. ниже комментарии к соответствующим сценам).

Таким образом, прямые указания А. А. Буткевич и самый характер исключенных эпизодов позволяют сделать вывод о том, что поэму следует печатать по тексту «Отечественных записок», а не «Последних песен».

Текст «залы № 5» (часть 1), обозначенный в «Отечественных записках» № 5 и строкой точек, Некрасов, завершая публикацию «Современников», ввел в часть 2. И в настоящем издании соответствующие стихи (455—498) оставлены в части 2, а в части 1 указано лишь место «залы № 5» — точно таким же образом, как в «Отечественных записках».

В ряде случаев, однако, источником поправок в тексте поэмы являются в настоящем издании «Последние песни». Так, учтена стилистическая правка в ст. 137, 607—618, 971 части 2 и ст. 355 Эпилога, осуществленная в этой последней публикации и частично восходящая к наборной рукописи. По тексту «Последних песен» восстановлены ст. 389—390 части 2. Примечание к ст. 249 части 2 дано по «Последним песням», а не по «Отечественным запискам», так как более обширный текст примечания в журнале был вызван четырехмесячным перерывом в публикации первой и второй частей «Современников». По этой же причине не воспроизводится указание Некрасова в «Отечественных записках» на место действия «Героев времени» (в «Последних песнях» оно отсутствует).

План расположения «зал» в части 1 поэмы («Юбиляры и триумфаторы») из сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 437—438) включает шестнадцать сцен:

1. Администратор
2. Литератор
3. Гонитель литературы
4. «Жюдисты»
5. Новый губернатор
6. Жид-процентщик — редактор
7. Военный спор
8. Сенаторы
9. Агрономы
10. Председатель Казенной палаты
11. Заводчики
12. Литераторы-гробовскрыватели
13. Воины
14. Полицейский сыщик
15. Благотворители
16. Гастрономы.

Именно в таком порядке все эти эпизоды вошли в наборную рукопись. Незадолго до публикации части 1 в «Отечественных записках» Некрасов решил включить в окончательный текст еще одну сцену, сохранившуюся в сводной рукописи: речь идет об отрывке, начинающемся словами «Были вы вчера студенты...» (в черновом плане он не упомянут, поэтому особого названия у него нет). Этот эпизод Некрасов пометил № 15, он должен был идти за сценой «Полицейский сыщик». Таким образом, общее количество «зал» теперь равнялось семнадцати.

Однако в процессе подготовки части 1 к печати Некрасов исключил «залу № 5» («Новый губернатор») и заново перенумеровал все остальные эпизоды, уменьшая последовательно их номера на единицу. Сцена «Были вы вчера студенты...» получила № 14 (см.: Другие редакции и варианты, с. 477). Но так как этот «зал»

не был скопирован в наборной рукописи (см. там же, с. 500), а все время оставался в сводной, то исследователи долгое время не могли решить, какой именно текст стоит за № 14 (как уже было сказано выше, при публикации части 1 поэмы в «Отечественных записках» текст после № 2, 5, 14 был заменен строками точек). В связи с этим возникло даже предположение об ошибке переписчика, который по оплошности просто пропустил № 14 в наборной рукописи, а Некрасов этой ошибки не заметил (ПССт 1967, т. III, с. 462). На самом же деле за № 14 стоит вполне определенный текст, сохранившийся, правда, не в наборной, а в сводной рукописи. Номера, поставленные Некрасовым перед этим отрывком ([15] 14), не оставляют сомнений в том, что именно он должен быть помещен в соответствующем месте «Юбиляров и триумфаторов».[1]

Таким образом, изучение рукописей дает четкое представление о композиции части 1. По замыслу Некрасова «Юбиляры и триумфаторы» в окончательном варианте должны были состоять из следующих «зал»:

1. Администратор
2. Литератор
3. Гонитель литературы
4. «Жюдисты»
5. Жид-процентщик — редактор
6. Военный спор
7. Сенаторы
8. Агрономы
9. Председатель Казенной палаты
10. Заводчики
11. Литераторы-гробовскрыватели
12. Воины
13. Полицейский сыщик
14. «Были вы вчера студенты...»
15. Благотворители
16. Гастрономы.

По этому плану часть 1 поэмы печаталась в августовской книжке «Отечественных записок» за 1875 г., причем сцена, названная Некрасовым «Жид-процентщик — редактор» («Неразлучной бродят парой...»), как уже указывалось, вошла в часть 2 поэмы. За одним этим исключением «Юбиляров и триумфаторов» необходимо печатать по плану Некрасова, включая и те «залы», которые в журнальной публикации были заменены точками. Это и сделано впервые в настоящем издании.[2]

---

[1] С 1954 г. К. И. Чуковский включал сцену «Были вы вчера студенты...» в основной текст поэмы (*Некрасов Н. А.* Соч., т. II. М., 1954, с. 192—193 (Б-ка «Огонек»); Собр. соч. 1965—1967, т. III, с. 98—99). Хотя это решение не было им должным образом аргументировано, а место сцены было избрано произвольно, все же в принципе К. И. Чуковский был прав; критика же по этому поводу в его адрес была неосновательной (см.: *Теплинский М. В.* Творческая история поэмы Некрасова «Современники».— Некр. сб., II, с. 340—341).

[2] В последнее время только в ПССт 1967 «Современники» были напечатаны по тексту «Отечественных записок», а не «Последних песен». Однако «залы», выпущенные Некрасовым в журнале, не были восстановлены по рукописи и даже не были обозначены точками, как в «Отечественных записках». Эпизоды части 1 поэмы даны со сплошной нумерацией (№ 1—13) по образцу «Последних песен», где тоже была сплошная нумерация (№ 1—10). Решение это недостаточно последовательно и обоснованно.

Замысел поэмы возник у Некрасова в середине 1860-х гг. в связи с его работой над циклом так называемых «клубных» сатир. Последняя сатира этого цикла и новая поэма перекликаются даже названиями: «Недавнее время» — «Современники».

В конце 1860—начале 1870-х гг. Некрасов собирал материал для своей поэмы. Этот материал составили личные наблюдения поэта над современной ему русской действительностью, многочисленные публикации в «Отечественных записках» и других органах русской прессы, книги, сведения, которые сообщали Некрасову его знакомые, близко знавшие мир «юбиляров и триумфаторов»: член Совета Министерства путей сообщения, главный инспектор частных железных дорог в России А. И. Дельвиг (см. письмо Некрасова к А. А. Буткевич от 17 сентября 1869 г.), инженер А. Н. Ераков, известный судебный деятель А. Ф. Кони, журналист А. С. Суворин и другие (см.: *Теплинский М. В.* Творческая история поэмы Некрасова «Современники», с. 302—309; *Краснов Г. В.* К истории создания поэмы «Современники».— О Некр., вып. IV, с. 116—120). Вполне вероятно, что для творческой истории поэмы Некрасова имела значение полемика, которую Н. К. Михайловский вел на страницах «Отечественных записок» с Ф. М. Достоевским. Резко возражая против реакционных тенденций, проявившихся в романе «Бесы», Н. К. Михайловский писал, обращаясь к автору романа: «Как! Россия, этот бесноватый больной, вами изображаемый, перепоясывается железными дорогами, усыпается фабриками и банками,— и в вашем романе нет ни одной черты из этого мира! <...> В вашем романе нет беса национального обогащения, беса самого распространенного и менее всякого другого знающего границы добра и зла. <...> Вы не за тех бесов ухватились» (ОЗ, 1873, № 2, отд. II, с. 340). Поэма Некрасова была посвящена художественному отображению этих актуальных проблем, важность которых была подчеркнута «Отечественными записками».

Непосредственно к работе над «Современниками» Некрасов приступил 5 мая 1875 г., как об этом свидетельствует помета в сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 438). Сначала, по замыслу поэта, часть 1 поэмы должна была состоять из «12 фигур», работу над которыми он закончил 14 июня 1875 г. (см. там же). Затем к «12 фигурам» прибавились новые эпизоды, наиболее острые в общественно-политическом отношении: «Сенаторы», «Новый губернатор», «Военный спор», «Председатель Казенной палаты». Произошло это, очевидно, после 14 июня 1875 г., так как в черновой рукописи нет даже набросков к этим сценам (см.: *Прокшин В. Г.* К творческой истории поэмы Н. А. Некрасова «Современники».— Учен. зап. Башкирск. гос. пед. ин-та, 1955, вып. V, сер. филолог., № 1, с. 30). Установив порядок расположения всех шестнадцати «зал», Некрасов затем изменяет их последовательность.

Первоначально не существовало деления поэмы на две части. После «12 фигур» в плане намечались и такие эпизоды (впоследствии вычеркнутые), как «Подрядчики», «Сам автор», «Герои времени». Судя по рукописям, чествование Шкурина (часть 2, ст. 13—95) и являлось главным содержанием сцены «Подрядчики»; далее должны были идти размышления автора («Сам автор»), а «Герои

времени» начинались со ст. 221, перед которым в рукописи была поставлена цифра II. В сводной рукописи после шестнадцатой (последней) «залы» части 1 («Гастрономы») было написано очередное заглавие «Зала № », а затем текст «Производитель работ Акционерной компании...». Лишь впоследствии Некрасов в самом верху страницы вписывает «Часть вторая. Герои времени» и добавляет новый текст.

Часть 2 поэмы композиционно отличается от части 1. Если в части 1 дан ряд сцен, связанных между собою лишь образом автора-наблюдателя, то в части 2 различные эпизоды образуют в общей сложности связное повествование, даже с намеченным сюжетом (история Зацепина). Это композиционное отличие объясняется тем, что в части 1 изображены представители различных социальных групп (сенаторы, заводчики и т. д.), а в части 2 действующие лица принадлежат в основном к одному и тому же плутократическому миру.

Изучение рукописей показывает, что Некрасов сначала набрасывал ряд сцен, реплик, разговоров и т. п., а затем располагал их таким образом, чтобы получилась цельная картина, в достаточной степени характеризующая русское пореформенное общество 1870-х гг. Не случайна забота Некрасова о наиболее целесообразном расположении отдельных эпизодов поэмы.

Напряженная работа над текстом «Современников» не прекращалась и после того, как была изготовлена наборная рукопись. В частности, пристальное внимание Некрасова привлекала бурлацкая песня. Лишь в наборной рукописи поэт вписывает ее название — «В гору!», создавая, таким образом, резкий контраст с карточной игрой «в горку», с помощью которой Савва Антихристов в самом конце «Современников» «утешил» Зацепина (эпизод с карточной игрой был намечен Некрасовым с самого начала его работы над поэмой).

Принципиально важным явилось также решение Некрасова включить в основной текст сцену «Были вы вчера студенты...». Благодаря этой сцене в поэме острее зазвучала проблема молодого поколения. Попытки реакционных кругов отвлечь молодежь от актуальных вопросов современности разоблачались уже в «зале № 4» («Жюдисты»). Теперь эта тема раскрывалась на злободневном политическом материале: Некрасов высмеивает «заигрывание» с молодежью царского самодержавия, тщетно стремившегося не допустить ее непосредственного участия в революционном движении. Можно также отметить определенную перекличку с этой сценой в «Эпилоге» поэмы (история сына Зацепина).

«Современники» создавались Некрасовым в основном в мае—июле 1875 г. (последняя дата на сводной рукописи, как указывалось выше,— 9 июля 1875 г.). Однако работа над поэмой продолжалась и в последующие месяцы — в связи с ее подготовкой к печати. Так, например, в журнальном тексте части 2 «Современников» есть строки, отсутствующие в наборной рукописи, что свидетельствует о правке в корректуре (корректура поэмы не сохранилась). Так как № 1 «Отечественных записок» за 1876 г. вышел в свет 22 января (см.: *Боград В. Э.* Журнал «Отечественные записки». 1868—1884. Указатель содержания. М., 1971, с. 199), мож-

но сделать вывод, что корректуру Некрасов правил в январе 1876 г.

Работа по подготовке текста для публикации в «Последних песнях» сводилась, как уже было сказано, к значительным сокращениям в результате автоцензуры.

Поэма «Современники» является крупнейшим сатирическим произведением Некрасова, образуя вместе с двумя другими его поэмами, созданными в 1860—1870-х гг. («Русские женщины» и «Кому на Руси жить хорошо»), своеобразную трилогию, которая как бы подводит итог всему его поэтическому творчеству.

«Современники» посвящены прежде всего разоблачению антинародной, разбойничьей сущности капитализма, несущего с собой новые формы угнетения и эксплуатации: «...старая патриархальная Россия,— писал В. И. Ленин,— после 1861 года стала быстро разрушаться под влиянием мирового капитализма. Крестьяне голодали, вымирали, разорялись, как никогда прежде, и бежали в города, забрасывая землю. Усиленно строились железные дороги, фабрики и заводы, благодаря „дешевому труду" разоренных крестьян. В России развивался крупный финансовый капитал, крупная торговля и промышленность» (*Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 20. Изд 5-е. М., 1961, с. 39).

В основе части 1 поэмы («Юбиляры и триумфаторы») лежит описание серии юбилейных торжеств, которые были тогда чрезвычайно распространены в России и происходили часто по самым незначительным поводам (см.: *Теплинский М. В.* Об идейной направленности сатиры Н. А. Некрасова 1870-х годов.— Учен. зап. Южно-Сахалинского гос. пед. ин-та, 1957, т. 1, с. 184—185). В том же номере «Отечественных записок», где появились «Юбиляры и триумфаторы», был опубликован рассказ М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сон в летнюю ночь», дополняющий до известной степени поэму Некрасова. В критике тех лет высказывалось мнение, что Щедрин и Некрасов выступали только против юбилейной мании (БВ, 1875, 29 авг., № 237; СПбВ, 1875, 29 авг., № 229). 16 сентября 1875 г. Салтыков-Щедрин писал Некрасову об одном из критиков (А. М. Скабичевском): «Он очень серьезно думает, что я против страсти к юбилеям протестую — каков дурачина! <...> Точно так же Буренин, яко подлец, и вашим стихам придает ту же нелепую цель» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 204).

Разумеется, истинный смысл произведений Некрасова и Щедрина был иным. Некрасов, иронизируя по поводу бесчисленных юбилеев, резко разоблачал всевозможных «триумфаторов», грабящих и эксплуатирующих народ, время, «подлее которого не было». Высмеивал Некрасов и тех, кто стремился уйти от действительности в библиографию, гастрономию и т. п.

В части 2 поэмы («Герои времени») в центре внимания автора — члены одной могущественной корпорации, объединившейся для походов «на карманы благодушных россиян»,— подрядчики, капиталисты, дельцы, банкиры, сановники, отличавшиеся повальным взяточничеством, интеллигенты, продавшиеся буржуазии. С гневным сарказмом пишет Некрасов о попытках дельцов грабить массы, маскируя свои подлинные стремления лживыми словами о «любви к народу» (образы Шкурина и Саввы Антихристова).

Тема народа, внешне оставаясь в сатирической поэме на заднем плане, на самом деле определяет идейную направленность

«Современников». Некрасов полностью разделял точку зрения Салтыкова-Щедрина, который писал в 1868 г.: «...единственно плодотворная почва для сатиры есть почва народная...» (Салтыков-Щедрин, т. IX, с. 246). Какие бы стороны русской жизни ни затрагивал Некрасов, мысль о народе не оставляет его ни на минуту; постоянные упоминания о жестоких наказаниях солдат («зала» № 6), о голодном пахаре («зала» № 8), о кровавом подавлении крестьянского восстания в с. Бездна («зала» № 12) образуют рельефную картину, на фоне которой особенно омерзительны слова и дела «юбиляров и триумфаторов».

В части 2 поэмы теме народа уделяется еще больше места и внимания. Автор судит «героев времени» с революционно-демократических позиций, резко противопоставляя якобы «гуманные» идеи буржуазных дельцов подлинным народным интересам: «И сказались барыши Лишней гривною в налоге С податной души». Идейным центром части 2 является бурлацкая песня «В гору!». Поэт разоблачает космополитическую сущность русских капиталистов. В поэме раскрыта идейная и деловая связь русского капитализма с западноевропейским и американским.

Работая над «Современниками», Некрасов широко использовал конкретные факты, характеризующие русскую действительность середины 1870-х гг. В черновых рукописях встречаются имена фон Дервиза, Мекка, Овсянникова, Кокорева, Полякова. Кроме того, в поэме отразились некоторые факты деятельности Губонина, Варгунина, Варшавского и др. Все это были типичные представители русского капиталистического общества пореформенного периода, и именно поэтому Некрасов использует отдельные черты их биографий при создании образов главных действующих лиц своего произведения (хотя применительно к последним трудно говорить о наличии какого-либо одного определенного прототипа). Иначе обстоит дело с второстепенными персонажами. Здесь Некрасов порою сам подсказывает ту или иную параллель, используя созвучие фамилий, сходство биографий и т. д. П. А. Ефремов вспоминал, что у Некрасова он «видел экземпляр Стихотворений, в котором поэт собственноручно разметил, кого он имел в виду в „юбилярах“ и „героях“, выведенных в его сатире» (Докл. РБО, с. 11). Кроме того, в поэме, созданной на материале живой современности, есть прямые упоминания тех или иных реально существовавших личностей.

Поэма Некрасова «Современники» была встречена резко отрицательными отзывами либеральной и реакционной печати. Критики отвергали право поэта обращаться к сатирическому воспроизведению современной русской жизни. «Сама эта действительность,— писал П. И. Вейнберг,— не та, которая имеет право на внимание поэта...» (Пчела, 1876, № 4, с. 67). В. Г. Авсеенко назвал поэму «опереточным либретто», «подделкой под вкусы толкучего рынка» (РВ, 1876, № 2, с. 684—686). Стремясь принизить общественное и литературное значение сатиры Некрасова, многие критики утверждали, что в «Современниках» отражены лишь «частные случаи, фотографические портреты, выхваченные из обыденной общественной хроники и почти вовсе не переваренные в горниле искусства», и что «поэма построена на частных явлениях, не достигающих в изображении автора интересной для всех типичности» (В. М. Литературная летопись.— СПбВ, 1876, 31 янв.,

№ 31). Об этом же писали С. С. Окрейц (Петербургский листок, 1876, 12 февр., № 31) и К. К. Арсеньев (ВЕ, 1878, № 12, с. 501). Среди неблагоприятных отзывов критики отметим и выступление М. А. Антоновича в газете «Тифлисский вестник» (1876, 29 февр., № 47; см. также: Новые материалы к истории русской литературы и журналистики второй половины XIX в., т. II. Тбилиси, 1977, с. 94—105).

Лишь в нескольких выступлениях была дана в определенной степени положительная оценка «Современников». А. М. Скабичевский, например, находил в поэме «краски мрачнее ювеналовских» (БВ, 1876, 30 янв., № 29). «Первое появление в свет „Современников" было целым событием, громадною литературною новостью»,— отмечал А. Голубев (см.: *Голубев А.* Некрасов. СПб., 1878, с. 105).

Наиболее глубокий и проницательный отзыв о поэме принадлежал Салтыкову-Щедрину, который в письме к Некрасову от 12 февраля 1876 г. писал: «...я могу, по первому впечатлению, сказать, что поэма поразила меня своею силою и правдою; например, картина Кокоревых <...> с искренним трагизмом поющих бурлацкую песню (превосходную), производит поразительное действие. Описание оргии, спичи и лежащая на всем фоне угрюмость — все это отлично задумано и отлично выполнено» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 255).

В идейно-художественном отношении «Современники» примыкают к антикапиталистическим сатирам Салтыкова-Щедрина, созданным в 1870-е гг. («Благонамеренные речи», «Дневник провинциала в Петербурге» и др.). Некоторые мотивы поэмы отразились в его рассказе «Больное место» (1879).

Сатирическая поэма Некрасова оказалась произведением, во многом поучительным и для советских поэтов. Известно, что Маяковский, прочитав «Современников», «не переставал удивляться своему сходству с Некрасовым» (Знамя, 1940, № 3, с. 166). В дни некрасовского юбилея в 1971 г. советский поэт Б. Слуцкий писал: «И сейчас, через сто лет после некрасовских „Современников", у нас нет таких ярких образов капиталистов. Губонин, Кокорев, Поляков, Путилов написаны конкретнее, убедительнее, чем у кого бы то ни было, злоба дня соединена с обстоятельным знанием» (ВЛ, 1971, № 11, с. 137).

Часть первая

Ст. 3—4. *«Бывали хуже времена, Но не было подлей»* — неточная цитата из рассказа Н. Д. Хвощинской-Зайончковской (псевдоним — В. Крестовский) «Счастливые люди»: «...бывали времена хуже — подлее не бывало» (ОЗ, 1874, № 4, с. 363). Ср. листок с двумя эпиграммами Некрасова — па И. И. Кауфмана (5 января 1875 г.) и И. К. Бабста (20 мая 1875 г.), на котором сверху рукою Некрасова карандашом вписано:

«Бывали времена и хуже,
Но не было подлей».

Листок вклеен в экземпляр Ст 1874, т. III, ч. 6, хранящийся в ИРЛИ б (шифр: 18.1.2); воспроизведен в изд.: ЛН, т. 51—52, с. 523.

Ст. 41. *Дюссо* — владелец известного ресторана в Петербурге.

Зала № 1. — Судя по тексту, речь здесь идет о чествовании генерал-губернатора. Возможно, Некрасов имел в виду И. И. Фундуклея (1804—1880), бывшего долгое время киевским губернатором, а затем назначенного членом Государственного совета. В сводной рукописи ЦГАЛИ указывалось, что юбиляр из «залы № 1» был награжден орденом Андрея Первозванного (см.: Другие редакции и варианты, с. 472). В первой половине 1875 г. этой награды был удостоен только И. И. Фундуклей — в связи с шестидесятилетием со времени производства в первый классный чин (Г, 1875, 2 янв., № 2).

Ст. 62. *Аргус* — в греческой мифологии стоокий великан, которому Гера приказала стеречь возлюбленную Зевса Ио, превращенную в корову.

№ 2. — По свидетельству П. А. Ефремова, Некрасов имел здесь в виду И. А. Гончарова (Докл. РБО, с. 11). Ироническое отношение Некрасова к Гончарову связано, по-видимому, с резко отрицательной оценкой на страницах № 9 «Отечественных записок» за 1869 г. романа «Обрыв» (см. статью М. Е. Салтыкова-Щедрина «Уличная философия» — Салтыков-Щедрин, т. IX, с. 61—95). Полемика, возникшая вокруг романа, очень болезненно переживалась Гончаровым. «...переживания и волнения автора „Обрыва" продолжались еще долгое время, что видно из статей и писем 70-х годов. Он неоднократно, при всяком удобном случае, при обстоятельствах, мало-мальски идущих к делу, стремился объяснить свои творческие цели и намерения в романе», — пишет А. П. Рыбасов, автор примечаний в кн.: *Гончаров И. А.* Литературно-критические статьи и письма. Л., 1938, с. 364. В период создания поэмы «Современники» в газетах промелькнуло известие о готовящемся юбилее Гончарова; впрочем, это известие вскоре было опровергнуто (Г, 1875, 6 мая, № 124 и 13 мая, № 131).

№ 3.— В плане Некрасова юбиляр, которого чествуют в этом зале, назван «гонителем литературы» (см.: Другие редакции и варианты, с. 437). Это название, а также упоминание имени М. Л. Магницкого (1778—1855), известного мракобеса, одного из самых реакционных деятелей эпохи Александра I в области народного образования, помогают понять намек Некрасова на реакционеров 1870-х гг. во главе с тогдашним министром народного просвещения Д. А. Толстым (1823—1889). Именно Д. А. Толстой был одним из наиболее злобных «гонителей литературы» тех лет, что не раз отражалось на истории «Отечественных записок» (см.: *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1868—1884). Южно-Сахалинск, 1966, с. 90). В связи с реакционными реформами Д. А. Толстого в области народного просвещения в прессе 1870-х гг. неоднократно вспоминалось имя Магницкого. Так, например, Н. А. Демерт, анализируя отчет инспектора одной из классических гимназий, писал, что «подробности этого отчета напоминают времена давно минувшие, времена Магницкого, как видно не совсем еще сделавшегося достоянием истории» (ОЗ, 1870, № 3, с. 119). Некрасов писал 30 июля 1872 г., что Д. А. Толстой «принадлежит к тем людям, которые, наделав мерзостей и глупостей всенародных, тем упорнее стоят за них и тем глубже в них погрязают, чем яснее обнаруживаются эти гадости на деле; нетерпимость его всё будет возрастать по мере того, как сознанию его будет уясняться непроходимая трущоба, в которую он зашел и

завел воспитательное дело в России». В апреле 1875 г. (незадолго до начала работы Некрасова над поэмой «Современники») Д. А. Толстой был награжден алмазными знаками ордена Александра Невского, причем особо отмечались «стойкость и последовательность», которые он обнаружил, проводя учебную реформу (Гр, 1875. 27 апр., № 17, с. 394).

Ст. 121—122. *«Крамольники лукавы, Рази — и не жалей!»*.— Намек на циркуляр, с которым министр народного просвещения 24 мая 1875 г. обратился к попечителям учебных округов и в котором предписывалось усилить борьбу с революционными настроениями в русском обществе (Г. 1875, 17 июня, № 166). См. ниже, с. 603—604, комментарий к «зале № 14».

№ 4.— В 1870-х гг. особой популярностью в Петербурге пользовалась Опера-Буфф, среди постоянных посетителей которой современники отмечали прежде всего «выживших из ума стариков» и представителей «хлыщеватой, тоже бедной мозгами, юности». Их целью было «поклонение красивым артисткам, в особенности заезжим, и поднесение им подарков и букетов» (Незнакомец, с. 121). На сцене Оперы-Буфф с начала 1875 г. выступала парижская опереточная певица А. Жюдик (1850—1911). Прощальные концерты Жюдик состоялись в конце апреля 1875 г. Была организована подписка для покупки ей драгоценных подарков. Певице преподнесли «стрелу с крупными брильянтами и сапфиром, пять брильянтовых звезд и великолепный брильянтовый браслет» (Г. 1875, 20 апр., № 108).

Ст. 157. *Кадеты* — воспитанники кадетских корпусов, средних военно-учебных заведений.

№ 6. — Упоминаемые в этой сцене *В. М. Аничков* (1830—1877), генерал-майор, состоявший при военном министре, и *Д. С. Мордвинов* (1830—1894), генерал-адъютант, начальник канцелярии военного министерства, были изобличены в систематическом получении взяток от мукомола-миллионера С. Т. Овсянникова, преданного в 1875 г. суду (см.: Дельвиг, с. 527, а также ниже, комментарий к ст. 133 Эпилога). *Д. А. Милютин* (1816—1912) — военный министр, чья деятельность по преобразованию русской армии вызывала резкую критику со стороны крайне реакционных кругов, уповавших прежде всего на палочную дисциплину.

№ 7. — Среди черновых записей Некрасова есть сценка, рассказывающая об одном из сенаторов, неспособном понять суть тех дел, с которыми ему приходилось сталкиваться. Возможно, эта запись, относящаяся к 1874 г., являлась черновым наброском к «Современникам»:

«Сенатор из дивиз<ионных> генерал<ов>.

— Ну, что, сенатор, как новая служба?

— Ничего, одно плохо. Ничего не понимаю, что секретарь читает.

— А знаешь что? ты сам читай.

Через четыре года.

— Ну что?

— Еще хуже»

(ИРЛИ, ф. 203, № 42; Некр. сб., II, с. 305).

№ 8. — В специальной литературе 1860—1870-х гг. высказывались мнения о целесообразности такой меры, как выписывание скота из-за границы (см.: *Бабин И. А.* Сборник статей о ското-

водстве. СПб., 1869). По убеждению других, «туземная порода наша одарена отнюдь не меньшей молочностью, как и все знаменитейшие европейские породы» (*Кузанов М. А.* О скотоводстве в России. СПб., 1864, с. 24). Споры о скотоводстве, сатирически воспроизводимые в поэме Некрасова, велись в то время, когда положение крестьянского хозяйства было катастрофическим: «Цены на скот предлагаются крестьянами самые ничтожные, лишь бы только сбыть животных с рук, но никто не решается покупать их, потому что кормить нечем. <...> Говорят, что если еще с неделю не сойдет с полей снег и не появится трава, то весь скот пропадет» (ОЗ, 1875, № 5, с. 155).

Ст. 284—286. *Председатель Казенной палаты ∾ И директор.*— Казенная палата — учреждение, находившееся в губернском городе и состоявшее в ведении Министерства финансов. В обязанности Казенной палаты входило наблюдение за поступлением государственных доходов, взыскание крестьянских «недоимок» и т. п. Собеседник председателя Казенной палаты — директор одного из департаментов Министерства финансов.

№ 10. — Вполне вероятно, что при создании данной сцены Некрасов воспользовался некоторыми фактами из биографии Н. И. Путилова, владельца больших заводов в Петербурге, в частности Путиловского завода (ныне — завод им. С. М. Кирова). Во время Крымской войны Путилов занимался строительством военных судов (Г, 1870, 16 июня, № 165). В дальнейшей деятельности он также был связан с морским министерством, изготовляя орудия для кораблей. Кроме того, на его заводах производились гранаты, снаряды, а также рельсы для железных дорог (см.: Заводы Н. И. Путилова. 1867—1870. СПб., 1870). Путилов послужил Некрасову прототипом образа Ладьина в части 2 поэмы (см. ниже, с. 612, комментарий к ст. 1171—1200). Путилов упомянут в черновых автографах ЦГАЛИ и ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 436, 439).

№ 11. — П. А. Ефремов утверждал, что Зосим Ветхозаветный — это М. И. Семевский (Докл. РБО, с. 11). Действительно, в черновом автографе ЦГАЛИ вместо имени Ветхозаветного названа фамилия Семевского (см.: Другие редакции и варианты, с. 447). М. И. Семевский (1873—1892) — журналист, редактор «Русской старины», исторического и историко-литературного журнала, далекого от живых интересов современности. В «Отечественных записках» отмечалось, что «Русская старина» «по специальности своего назначения предпочитает говорить о мертвых» (1874, № 4, с. 389).

Ст. 338. *Отозвался и Тяпушкин...*— В черновом автографе и сводной рукописи ЦГАЛИ вместо «Тяпушкин» написано «Слепушкин» (см.: Другие редакции и варианты, с. 447, 476). Ф. Н. Слепушкин (1783—1848) — поэт-самоучка, творчество которого отрицательно оценивалось Белинским, осуждавшим псевдонародность многих его стихотворений (Белинский, т. IV, с. 156—161).

Ст. 341. *Отыскал товарищ наш!* — Из сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 476) становится ясно, что речь идет о Г. Н. Геннади (о нем см.: наст. изд., т. II, с.372—375, комментарий к стихотворению «Литературная травля, или Раздраженный библиограф»).

Ст. 386. *Миша* — М. Н. Лонгинов (о нем см.: наст. изд., т. I,

с. 690—693, комментарий к стихотворению «Послание к Лонгинову»). В 1860-х гг. М. Н. Лонгинов перешел на ультрареакционные позиции, что особенно проявилось, когда он стал начальником Главного управления по делам печати (о его враждебном отношении к «Отечественным запискам» см.: *Теплинский М. В.* «Отечественные записки» (1861—1884), с. 88).

Ст. 391—392. *Позавидует Бартенев П Ефремов зашипит...*— П. И. Бартенев (1829—1912) — библиограф и историк литературы, издатель журнала «Русский архив». П. А. Ефремов (1830—1907) — библиограф и историк литературы, сблизившийся с Некрасовым в середине 1870-х гг. Переписку Некрасова и Ефремова см.: ЛН, т. 51—52, с. 262—273. В «Последних песнях» Некрасов вместо Ефремова упомянул Семевского, считая, что тогда у Семевского не будет повода отожествлять себя с Ветхозаветным (Докл. РБО, с. 11).

Ст. 393. *Но заметку сам Тургенев...*— В первой половине 1870-х гг. И. С. Тургенев неоднократно помещал в газете «С.-Петербургские ведомости» письма в редакцию и заметки, направленные в ряде случаев против «Отечественных записок» и Некрасова.

Ст. 421. *Ты не дрогнул перед бездной...*— Намек на подавление крестьянского восстания в с. Бездна Казанской губернии в 1861 г. Руководил подавлением граф А. С. Апраксин (1817—1899). Н. А. Демерт на страницах «Отечественных записок» вспоминал: «Факт почти невероятный, но, однако же, верный: после бездницского „увечья", в ознаменование радости по этому случаю, крупные и именитые губернские землевладельцы устроили торжественный обед, говорили торжественные приличные случаю спичи, запивая их шампанским» (1869, № 9, с. 48).

Ст. 422. *Татарин* — официант.

№ 13. — В период работы Некрасова над поэмой газеты сообщали о нескольких случаях колоссальных краж и прославляли ловкость, сметливость и энергию полиции, проявленные при поимке преступников. Так, 30 апреля 1875 г. в Московском купеческом банке по подложному чеку была получена крупная сумма; при посредстве агентов петербургской и московской полиции один из похитителей был задержан в Киеве. Для поимки другого похитителя были разосланы телеграммы с указанием его примет чуть ли не по всей Европе; русское посольство обратилось с просьбой о содействии к прусскому правительству; в заграничных газетах появились фотографии преступника и т. д. (Г, 1875, 18 мая, № 136).

№ 14. — Текст этой главки представляет собой пародию на циркуляр министра народного просвещения Д. А. Толстого попечителям учебных округов от 24 мая 1875 г., в котором говорилось: «...революционеры избрали оружием своей гнусной пропаганды то, что для каждого честного и просвещенного человека составляет предмет особой заботливости и охраны — юношество и школу. <...> Но, к сожалению <...> дети и юноши, вместо того чтобы найти в окружающей их среде и в своих семействах отпор преступным увлечениям и политическим фантазиям, встречают иногда, напротив того, ободрение и поддержку; только этим и можно объяснить распространение социалистических теорий, давно осужденных здравою наукой: в 37 губерниях, как обнаружило

судебное исследование, некоторые отцы и матери подбивали к ним своих детей. <...> Пусть же наставники заменят в этом случае родителей — это их прямое призвание» (Г, 1875, 17 июня, № 166).

№ 15. — В прессе 1870-х гг. неоднократно говорилось о том, что благотворительные лотереи, часто устраиваемые в то время, были одним из способов эксплуатации народа: «Действуя на скопляющуюся при этих случаях огромную массу народа по преимуществу из низших классов, материально не обеспеченных и живущих трудом,— рабочих, ремесленников, поденщиков, прислуги, завлекая их вывеской выигрышей и особенно дешевизною билетов, которых выпускается громадное количество, без соображения с числом выигрышей, подобные лотереи-аллегри, устраиваемые, например, в Летнем саду в праздничные дни, разжигают страсти, выманивают у бедного люда последнюю трудовую копейку» (Г, 1875, 26 ноября, № 327). О некоторых излюбленных приемах организаторов подобных лотерей рассказывал А. С. Суворин: «...госпожи благотворительницы получили вкус к коровам, доить которые они не умеют, но доить посредством коров народ выучились. Нетрудная наука!» (Незнакомец, с. 283).

№ 16. — «В начале 1870-х гг. в Петербурге существовало какое-то гастрономическое общество. <...> Ставились даже баллы за кушанья и обеды» (*Михайловский Н. К.* Литературные воспоминания и современная смута, т. 1. СПб., 1900, с. 78—79).

Часть вторая

Ст. 17. *В группе директоров Шкурин сидит...* — При создании этого образа Некрасов использовал некоторые факты из жизни и деятельности П. И. Губонина (1826? — 1894), сына крепостного крестьянина, ставшего впоследствии одним из крупнейших железнодорожных воротил (НВ, 1894, 2 окт., № 6679). Подобно Кокореву (см. ниже, комментарий к ст. 20), он демонстрировал свою «близость к народу» тем, что не расставался с купеческой длиннополой поддевкой и предпочитал «народную пищу». Внешнее народолюбие Губонина неоднократно разоблачалось в «Отечественных записках» (1873, № 1, с. 147—148; 1874, № 11, с. 224). В начале 1875 г. в газетах промелькнуло сообщение о том, что «государь император удостоил принять в Зимнем дворце статского советника Губонина, имевшего счастье преподнести его величеству альбом с фотографическими видами Севастопольской железной дороги». «Благодарю тебя за исполнение столь трудного предприятия»,— сказал ему царь (БВ, 1875, 24 янв., № 22). О том, насколько неудовлетворительно была построена Севастопольская железная дорога, в том же году писали «Отечественные записки» (1875, № 4, с. 318),

Ст. 20. *Савва Антихристов — спич говорит.*— В этом образе отразились некоторые факты биографии и деятельности В. А. Кокорева. О нем см.: наст. изд., т. II, с. 357, комментарий к стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом». Негативная оценка Кокорева содержится также в стихотворениях «Что поделывает наша внутренняя гласность», «Литературная травля, или Раздраженный библиограф» (см. там же, с. 365, 374).

В «Медвежьей охоте» Некрасов назвал его «откупщиком, кабачным гением». «Отечественные записки» с негодованием писали о лицемерии Кокорева (1870, № 8, с. 257). Салтыков-Щедрин обратил внимание на типичность образа Саввы Антихристова, назвав эпизод из части 2 поэмы, специально посвященный истории этого персонажа (ст. 1237—1272), картиной «Кокоревых» (Салтыков-Щедрин, т. XVIII, кн. 2, с. 255). Кокорев упомянут и в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 432).

Ст. 30. *Алтын* — старинная трехкопеечная серебряная монета.

Ст. 43. *Сняли мы линию...* — Снять линию — получить подряд на постройку железнодорожной линии.

Ст. 94—95. *...графа дивиденда Красноречивее слов говорит!..* — «Отечественные записки» неоднократно помещали статьи, в которых рассказывалось о бедственном положении рабочих на строительстве железных дорог. «Главная выгода железнодорожных строителей,— писал Н. А. Демерт,— заключается в том, что они за постройку каждой версты выговаривают себе тысяч по 80—90, а с рабочими и даже подрядчиками расплачиваются грошами, употребляя в дело негодный, дешевый материал, который при соблюдении некоторых условий сойдет за хороший и дорогой. Как у нас обращаются с рабочими-землекопами — об этом так уже много было писано, что распространяться незачем» (1873, № 5, с. 81; см. также: № 9, с. 84—88).

Ст. 115. *«Зацепа» и «Савва» — столпы-воротилы...* — Работая над образом Григория Аркадьевича Зацепина, Некрасов, возможно, использовал отдельные факты предпринимательской деятельности Н. Н. Сущова (1830—1908), одного из наиболее значительных дельцов своего времени (НВ, 1908, 16 окт., № 11709). «...казалось, ни одно железнодорожное дело, ни одно коммерческое предприятие, ни одно коммерческое дело не могло осуществиться без Сущова — всюду был Сущов» (Витте, с. 340). Современники отмечали его умение «сочинять и проводить хитроумные, уснащенные крючками и лазейками уставы и договоры» (*Михневич В. О.* Наши знакомые. СПб., 1884, с. 215). Хищническая практика Сущова была отражена в романе П. Д. Боборыкина «Дельцы», опубликованном в «Отечественных записках» (1872—1873).

Ст. 144. *...писклива была его речь...* — Намек на скопчество менялы.

Ст. 210. *На арену вышел Грош...* — См. ниже, комментарий к ст. 973.

Ст. 243. *Кто-то Утина Ермолову Уподобил...* — Е. И. Утин (1843—1894) — адвокат и публицист, выступал в качестве защитника в нескольких политических процессах. А. П. Ермолов (1772—1861) — выдающийся полководец и дипломат.

Ст. 275—276. *Образец непроходимых Государственных нерях!* — Очевидно, подразумевается адмирал К. Н. Посьет (1819—1899), назначенный в 1874 г. министром путей сообщения.

Ст. 278. *Прежний много лучше был...* — Имеется в виду граф А. П. Бобринский, предшественник К. Н. Посьета на посту министра путей сообщения (см. ниже, комментарий к ст. 398—401).

Ст. 279. *Не сажал нас нá мель в море...* — «...командуя фрегатом, на котором находился великий князь, Посьет на Немецком море столкнулся с другим кораблем» (Витте, с. 250).

Ст. 282. *Адепты севера и юга.*— Речь идет о сторонниках южного или северного направления проектируемой Сибирской железной дороги. Оживленная полемика по этому поводу, происходившая на съезде «Общества содействия русской торговле и промышленности» (26 марта — 19 апреля 1875 г.), нашла широкое отражение в печати.

Ст. 283. *Немного фактов, бездна слов...*— По свидетельству А. С. Суворина, «многие ораторы, говорящие за то или другое направление дороги, состоят на жалованье у предпринимателей и получают „выходные" очень значительные; стало быть, каждое слово оплачено и каждый будущий пассажир будет платить известный процент за красноречие» (Незнакомец, с. 129).

Ст. 286. *Постлать соломки не мешает!* — Указание на взяточничество, широко распространенное при проектировании и строительстве железных дорог.

Ст. 305—306. *(Так! Господин инженер! Благодарим за любезность.)* — Смысл этих строк в окончательном тексте неясен. Из сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 484) следует, что они являлись ответом на слова некоего инженера, обращенные к князю Ивану:

[Князь, я сказал бы... но вы
Вряд ли поймете что... с жиру...]

Ст. 307—308. *Вечно мы будем ломать Едущим руки и ноги...*— На страницах «Отечественных записок» неоднократно печатались статьи, разоблачавшие железнодорожные компании, которые в погоне за прибылью не заботились о безопасности движения. Так, Г. З. Елисеев писал: «Частые крушения на наших железных дорогах происходят главным образом от дурной их постройки. Со времени передачи постройки железных дорог в частные руки и со времени первого образца, данного для таких построек г. фон Дервизом в Рязанско-Козловской железной дороге, наши железные дороги строятся, так сказать, на живую нитку, лишь бы только сдать их, и чем далее, тем постройки производятся небрежнее» (ОЗ, 1876, № 2, с. 292; см. также: 1874, № 10, с. 146).

Ст. 332—333. *...дверь Для обмена мыслей гибельных...*— Смысл этих строк уточняется при обращении к черновой рукописи ЦГАЛИ: собеседники собираются шантажировать строителей, угрожая доносом на политическую неблагонадежность предприятия, дающего возможность будто бы «для обмена мыслей гибельных» (ср.: «Да! С идеей политической Сохрани господь шутить!» — Другие редакции и варианты, с. 453).

Ст. 348. *Современный Митрофан...*— Имеется в виду А. М. Варшавский, один из крупнейших железнодорожных дельцов. Рядом с черновым наброском о Митрофане (Некрасов использовал имя героя комедии Д. И. Фонвизина «Недоросль») в рукописи ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 437) сохранилась запись, содержащая ряд сведений о Варшавском, в частности упоминание об ордене Почетного легиона, которым он был награжден за то, что обеспечивал французскую промышленность русскими заказами (ОЗ, 1874, № 11, с. 223).

Ст. 357. *Ведь я не отрицал у Душкиной таланта...*— Душкина — петербургская актриса (см.: *Вольф А. И.* Хроника петербургских театров, ч. 1. СПб., 1877, с. 138).

Ст. 358. *Я только говорил, что Радина милей!* — Л. П. Радина — солистка балета, «каждое появление на сцене которой встречалось восторженными рукоплесканиями» (Г, 1875, 21 февр., № 52).

Ст. 375—390. *Человека накачали* ∾ *И во всем — художник!* — По словам П. А. Ефремова, в реплике, принадлежащей «7-му голосу», идет речь о П. А. Варгунине, крупном железнодорожном дельце (Докл. РБО, с. 11). Слова князя Ивана «На французском масле...» также имеют в виду Варгунина (ср. прозаическую заметку в черновом автографе ГБЛ — Другие редакции и варианты, с. 437).

Ст. 398—401. *Слыл умником и в ус себе не дул* ∾ *И — наглупил на всю Россию!* — Эти слова относятся к графу А. П. Бобринскому (1826—1894), бывшему в 1871—1874 гг. министром путей сообщения (см.: *Рейсер С. А.* Заметки о Некрасове.— Некр. сб., III, с. 349).

Ст. 404. *На Литейном такое есть здание...*— На Литейном проспекте в Петербурге помещались судебная палата и окружной суд.

Ст. 427—428. *Суды?.. По платью приговор! А им любезны только полушубки.*— Намек на статьи реакционных изданий, которые пользовались любым случаем, чтобы напасть на новые судебные учреждения (Московские ведомости, 1875, 28 мая, № 133; Гр, 1875, 6 апр., № 14, с. 351).

Ст. 431—432.— *Как!? Под арестом содержать Игуменью — честную Митрофанью?..*— Некрасов пишет о нашумевшем судебном процессе настоятельницы Митрофании (в миру — баронессы П. Г. Розен), осужденной за мошенничества, подделку документов и т. п. «Редко у нас на Руси,— писал Н. А. Демерт,— чье-нибудь имя приобретало такую всенародную известность, какой теперь пользуется игуменья Митрофания» (ОЗ, 1874, № 11, с. 256).

Ст. 434. *Адвокатам одним только рай...*— В 1875 г. споры о роли и назначении адвокатуры особенно усилились в связи с опубликованием статьи Е. Л. Маркова «Софисты 19 века» (Г, 1875, 5 и 6 февр., № 36 и 37). «Отечественные записки» в ряде выступлений резко критиковали беспринципность и корыстолюбие многих адвокатов тех лет (*Михайловский Н. К.* Записки профана.— ОЗ, 1875, № 6; *Головачев А. А.* Мысли вслух.— ОЗ, 1875, № 8; *Елисеев Г. З.* Внутреннее обозрение.— ОЗ, 1875, № 10).

Ст. 437—454. *Не люблю австрийца! Ставили в полки!* — Речь идет об австро-прусской войне 1866 г., которая окончилась поражением австрийцев. Одной из причин поражения было плохое вооружение австрийской армии.

Ст. 456. *Суетливый коммерсант...*— Ф. П. Баймаков (1831—1907), банкир, основатель «Товарищества на вере — И. И. Жадимеровский, Ф. П. Баймаков и К°». Фирма приносила убытки, и для улучшения своего финансового положения Баймаков в конце 1874 г. приобрел газету «С.-Петербургские ведомости» (см.: *Теплинский М. В.* К творческой истории поэмы «Современники».— Некр. сб., III, с. 353—356). «Такого развязного, откровенного, цинического зазывания на биржу, какое Ф. П. Баймаков в газете устроил, русская литература еще не видела»,— писал Н. К. Михайловский в «Отечественных записках» (1875, № 7, с. 164). Ср. ниже, с. 615—616, комментарий к отрывку «Четыре месяца ты был... ∾ В истории народной!..».

Ст. 470. *Ты Тиблену кумом был.*— Н. Л. Тиблен — книгоиздатель. В 1868 г. бежал за границу, оставив неоплатные долги.

Ст. 479. *...моряк на суше...*— К. Н. Посьет (см. выше, комментарий к ст. 275—276).

Ст. 485. *Был же Генкель, есть же Гоппе...*— В. Е. Генкель (1825—1910), издатель, подобно Тиблену также сбежавший за границу (ОЗ, 1872, № 9, с. 74). Г. Д. Гоппе (1836—1885) — владелец издательской фирмы, безграмотный спекулянт, обиравший рабочих (*Михневич В. О.* Наши знакомые, с. 62—63; см. также: БВ, 1875, 18 мая, № 135).

Ст. 555. *А! Авраам-изыскатель!* — Обращение это подразумевает С. С. Полякова (1837—1888), известного железнодорожного дельца. В сводной рукописи ЦГАЛИ эта строка звучала так: «А! Соломон-изыскатель!» (см.: Другие редакции и варианты, с. 485; ср. запись о Полякове в черновом автографе ГБЛ — там же, с. 437).

Ст. 619. *На уме чины да куши...*— Имеется в виду тот же С. С. Поляков. В наборной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 503) было помечено, что эта реплика князя Ивана обращена «вдогонку тому же» (т. е. лицу, *навстречу* которому сказаны предшествующие слова князя Ивана «А! Авраам-изыскатель!..»). Из перечня эпизодов части 2 также следует, что комментируемый отрывок относится к Полякову, получившему в 1870-х гг. чин действительного статского советника (см. там же, с. 439). Сохранилась черновая заметка Некрасова: «Писарь — д<ействительный> с<татский> с<оветник>, переписывавший всю жизнь <бумаги> только на высочайшее имя <Герд?>, негодует, что Полякова сделали д<ействительным> с<татским> с<оветником>. Что же такое заслуги на государственной службе после этого?» (ИРЛИ, ф. 203, № 42, л. 5 об.; ПСС, т. XII, с. 461).

Ст. 636. *«Спрос на водку и барду»...*— Барда — отход спиртового производства при переработке зерна, картофеля; используется как корм для животных.

Ст. 637—642. *А у местного вопросы* ∾ *Граф Давыдов, князь Лобанов* ∾ *Не удавшихся пока.*— Граф В. П. Орлов-Давыдов (1809—1882), петербургский предводитель дворянства, и князь Н. Б. Лобанов-Ростовский выступили на Петербургском дворянском собрании, которое происходило весною 1875 г. (см. посвященную ему статью С. Н. Кривенко «В поисках за гражданским идеалом» — ОЗ, 1875, № 5) с проектами «всесословной волости», предлагая, чтобы помещики вновь получили полицейские права, как это было при крепостном праве. «...вопрос о всесословной волости,— говорил князь Лобанов,— затрагивает весь государственный строй. Благосостояние России зависит от того, будут ли руководить местным управлением люди имущие и образованные, или будет преобладать большинство — бедное и необразованное. Неужели придется видеть осуществление слов Гнейста: „Фанатизм социального равенства доведет до того, что местное управление перейдет в руки писарей“» (Прилож. к БВ, 1875, 22 марта, № 79). *Рудольф фон Гнейст* (1816—1895) — немецкий публицист, профессор римского права в Берлине.

Ст. 643—644. *«Вся беда России В недостатке власти!..*— Краткое пародийное воспроизведение смысла речи одного из самых

реакционных ораторов, выступавших на Петербургском дворянском собрании,— А. П. Платонова (1808—1894), который восклицал под шумное одобрение слушателей: «Спросите у любого крестьянина, и они все вам скажут, что теперь порядка у нас нет, потому что нет власти. Дайте нам власть, говорят они. Я прибавлю — и это факт — мне самому крестьяне говорили: „Возвратите нам власть помещиков“» (Прилож. к БВ, 1875, 23 марта, № 80).

Ст. 663—666. *Даже божии стихии* ∾ *Вихри, штормы, ураган.*— Весною 1875 г. все русские газеты были переполнены сообщениями о стихийных бедствиях, обрушившихся на различные районы страны. Ср. упоминания о пожарах в первой части рассказа М. Е. Салтыкова-Щедрина «Сон в летнюю ночь» (1875).

Ст. 703—710. *«Пусть глас народа — божий глас* ∾ *На благородное дворянство».*— Пародия на речь князя Лобанова-Ростовского, который говорил: «Толпа <...> особенно необразованная, следует минутному увлечению и придерживается поговорки: глас народа — глас божий. Не забудьте, что глас народа требовал распятия Спасителя» (Прилож. к БВ, 1875, 11 марта, № 79). ***Гедимин*** (ум. 1341) — великий князь литовский, родоначальник многих княжеских родов.

Ст. 773. *Прежде был — Денис Давыдов...*— Д. В. Давыдов (1784—1839) — знаменитый партизан 1812 г., поэт.

Ст. 777—778. *Замечаю ренегатов Из семьи профессоров.*— В 1870-х гг. часть профессоров различных высших учебных заведений принимала активное участие в деятельности банков, акционерных обществ и т. п. В связи с этим «Отечественные записки» писали: «Это — порождение новой большой промышленности; это — капиталистические слуги, капиталистические гарсоны...» (1874, № 9, с. 85).

Ст. 791—792. *Вот москвич — родоначальник Этой фракции дельцов...*— Имеется в виду И. К. Бабст (о нем см.: наст. изд., т. II, с. 357, комментарий к стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом»). В 1867 г. Бабст стал управляющим Купеческим банком. «И. К. Бабст,— писал Г. З. Елисеев,— только после основательного изучения — в качестве профессора политической экономии — всех способов производительнейшего употребления капиталов в стране переменил кафедру политической экономии на место директора банка, конечно, в удостоверение учащемуся юношеству, что в наше время нет ничего производительнее, как пристраивать свои капиталы в банке, а если можно — и самому там пристраиваться» (ОЗ, 1876, № 11, с. 136). В начале 1875 г. Бабст был награжден орденом Станислава первой степени (Г, 1875, 3 янв., № 3). В дальнейшем Некрасов снова вспоминает о Бабсте, именуя его Швабсом (см. ниже, с. 613, комментарий к ст. 167 Эпилога).

Ст. 796. *Искандер был друг его...*— Искандер — А. И. Герцен.

Ст. 807—858. *Вот другой — слывет за чудо* ∾ *Так же мягок, господа!»* — Речь идет о профессоре И. А. Вышнеградском (1831—1895), авторе работ по механике, директоре Технологического института, активном деятеле ряда акционерных обществ, впоследствии министре финансов. Из воспоминаний современников известно, что Вышнеградский умел говорить «бойко, витиевато, без запинки и без выбора доводов,— со ссылками на параграфы никогда вовсе не существовавших статей, уставов и положений («Я беру летучие цифры»,— оправдывался он, когда его ловили),

но все это производило оглушительный треск, и спорить под этот треск охотников не находилось» (*Ковалевский П. М.* Стихи и воспоминания. СПб., 1912. с. 373). В особенности поражало современников низкопоклонство Вышнеградского перед плутократами. Н. К. Михайловский писал: «...г-н Вышнеградский, отстаивая в общих собраниях привисленской железной дороги интересы своего патрона, г. Блиоха, и имея темперамент сангвинический, дошел наконец до того, что сам г. Блиох сказал ему публично и громогласно: тпру!» (ОЗ, 1874, № 11, с. 229). В рукописи ЦГАЛИ сохранилась черновая заметка Некрасова о Вышнеградском «Не всё ли равно ∾ спец<иалист по> механике» (см.: Другие редакции и варианты, с. 435). *А. И. Бутовский* (1817—1890) — буржуазный экономист.

Ст. 916—917. *Будешь в славе равен Фидию, Антокольский!* — Фидий — древнегреческий скульптор (5 в. до н. э.), давший в своем творчестве образцы искусства эпохи высокой классики. М. М. Антокольский (1843—1902) — известный русский скульптор.

Ст. 942—947. *И муж государственный тоже ∾ Всегда ли достанет ее?..»* — Судя по пометке Некрасова «Министр» в сводной рукописи ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 490), речь идет о министре внутренних дел, которым в те годы был А. Е. Тимашев (1818—1893).

Ст. 951. *Остзейский туз — барон фон Клоппенгорст,* — На основании заметки Некрасова в черновой рукописи ГБЛ (см.: Другие редакции и варианты, с. 437) можно предположить, что барон К. К. Унгерн-Штернберг — один из прототипов барона Клоппенгорста. Унгерн-Штернберг, бывший предводитель дворянства одной из прибалтийских губерний, «был в очень близких отношениях с императором Александром II» (Витте, с. 85). Занимал пост главного директора Одесской железной дороги. «Об его постройках было помещено в периодических изданиях много статей, из которых наиболее замечательною и едкою была статья Н. И. Липина, назвавшего способ постройки дорог, заявленный Унгерн-Штернбергом, не „американским", а „ревельским"» (*Дельвиг А. И.* Воспоминания, т. 3. М., 1913, с. 235).

Ст. 969. *Так шествовал в Россию «Монитор»...* — Некрасов имеет в виду эпизод прибытия броненосца «Миантономо» в Кронштадт летом 1866 г. в составе американской эскадры, чтобы приветствовать Александра II по случаю его спасения от каракозовского выстрела.

Ст. 973. *Эдуард Иваныч Грош...* — Первоначально Некрасов хотел указать на родство этого персонажа с министром финансов М. Х. Рейтерном (1820—1890) (см.: Другие редакции и варианты, с. 491, вариант а. к ст. 1022—1024). Возможно, что одним из прототипов образа Гроша был М. И. Кази (1835—1896). «Грек по происхождению, он представляет собой колонновожатая того гешефтмахерского нашествия „двунадесяти языков" на наши „естественные богатства", которое имеет в предмете конечное пленение и „мужицкого алтына" и „дворянского рубля". Г-н Кази — „делец" на все руки: он и заводами управляет, и корабли строит, и на бирже „свой человек", и по части „проведения" дел в подлежащих сферах маг и волшебник, и в „обществе поощрения торговли и промышленности" — первый запевало и виртуоз в музыке протекционизма и капитализма» (*Михневич В. О.* Наши

знакомые, с. 96—97). Показательно, что при характеристике Кази Михневич пользуется цитатами из «Современников».

Ст. 1020—1021. *Он туда протиснет взятку, Что руками разведешь!..* — По справедливому предположению К. И. Чуковского, это указание на взяточничество самых высших представителей царской администрации, вплоть до членов императорской фамилии (ПСС, т. III, с. 606—607). Военный министр Д. А. Милютин писал в своем дневнике, что Александр II был «чужд самым элементарным началам честности и бескорыстия. <...> С ведома высших властей и даже по высочайшей воле раздавались концессии на железные дороги фаворитам и фавориткам прямо для поправления их финансового положения, для того именно, чтобы несколько миллионов досталось в виде барыша тем или другим личностям» (Дневник Д. А. Милютина, т. 1. М., 1947, с. 162; см. также: Дельвиг, с. 18, 461; *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. Л., 1929, с. 306—312).

Ст. 1042. *...новый гость явился...* — Имеется в виду Е. И. Ламанский (1825—1902), управляющий Государственным банком, могущественный покровитель различных частных банков, обществ взаимного кредита, акционерных компаний, в которых он сам принимал деятельное участие, писатель по финансовым вопросам. В прессе отмечалось, что «он пользуется неограниченным доверием министра финансов <...> он необходимый для всех финансовых учреждений и предприятий советчик <...> все немецкие, еврейские и русские банкиры считают его своим другом. При такой счастливой в финансовом отношении обстановке г. Ламанский все может: захочет он погибели любого банка, он только дунет, и банк погиб, захочет он его процветания — банк цветет и растет» (Гр, 1875, 6 апр., № 14, с. 338). См. заметку о Ламанском в черновой рукописи ЦГАЛИ (Другие редакции и варианты, с. 434).

Ст. 1051—1052. *Золото клюет — Возвращает... ассигнации!* — Е. И. Ламанский злоупотреблял предоставленным Государственному банку правом выпускать кредитные билеты (см.: *Скальковский К.* Наши государственные и общественные деятели. СПб., 1890, с. 38).

Ст. 1064. *А в душе — идеалы Плотицына!* — Плотицын М. К. — богатейший купец, глава тамбовских скопцов, хранитель общественного скопческого капитала. О нашумевшем «плотицынском деле» писали в феврале-апреле 1869 г. многие газеты («Голос», «Современные известия», «С.-Петербургские ведомости»).

Ст. 1076. *Нужно выждать: не созрели...»* — Намек на фразу, которой Е. И. Ламанский прославился в свое время. В конце 1859 г. в петербургском Пассаже состоялся диспут, посвященный деятельности Русского общества пароходства и торговли. Диспут был таким шумным, что председатель — Е. И. Ламанский — закрыл заседание, заявив, что «мы еще не созрели» для публичного обсуждения общественных дел. Диспуту была посвящена статья Н. А. Добролюбова «Любопытный Пассаж в истории русской словесности». Фраза Ламанского неоднократно обыгрывалась в «Свистке» (Добролюбов, т. VII, с. 395, 404—407, 415, 426).

Ст. 1079—1080. *Экс-писатель бледнолицый, Появился Пьер Кульков...* — Имеется в виду П. М. Ковалевский (1823—1907), поэт, беллетрист, художественный критик либерального направления.

В 1870-е гг. занимался также коммерческой деятельностью. «Мрачный поэт и экс-романист, громивший некогда акционерные порядки и протестовавший против поклонения золотому тельцу, П. М. Ковалевский ныне благополучно восседает в правлениях трех железных дорог, расположенных в трех различных углах нашего обширного отечества» (НВ, 1876, 22 янв., № 21). А. Ф. Кони рассказывал, что Ковалевский узнал себя в Пьере Кулькове и даже ответил Некрасову стихами, которые начинались так: «Экс-писатель бледный Смеет вас просить...» (*Чуковский К. И.* Некрасов. Л., 1926, с. 106).

Ст. 1085—1087. *Вожделений плутократа, Так сказать, апофеоз Совмещал в себе фон Руге...*— Речь идет о П. Г. фон Дервизе (ум. 1881), известном железнодорожном дельце, купившем в Италии на награбленные в России деньги великолепную виллу Роза (в поэме — вилла Мирт). Построенная фон Дервизом Рязанско-Козловская дорога обошлась чрезвычайно дорого (ОЗ, 1875, № 4, с. 316). Фон Дервиз упомянут и в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 432).

Ст. 1090—1096. *...«Великий муж! ∾ миллиарда Увезенного не жаль!..»* — 9 марта 1875 г. катковская газета «Московские ведомости» поместила статью, рекламирующую деятельность фон Дервиза. В статье утверждалось, что если он и составил себе громадное состояние, «то и этого следовало ожидать в видах общей пользы». См. отклик на эту статью в стихотворении В. С. Курочкина «Немец обезьяну выдумал» (БВ, 1875, 23 марта, № 21).

Ст. 1129. *...оркестру внемлет solo...*— «Дервиз,— писал С. Ю. Витте,— от той роскоши и богатства, которыми он пользовался в Италии благодаря состоянию своему, совершенно сбрендил. Так, например, он держал большую оперу исключительно для самого себя и очень редко кого-нибудь приглашал, между тем как каждый день ему давали то или иное представление» (Витте, с. 122).

Ст. 1149. *Катастрофою Седана.*— После грандиозного поражения под Седаном во время франко-прусской войны (1870) Франция капитулировала; правление Наполеона III сменилось республикой.

Ст. 1164. *Где купить высокий сан?* — Фон Дервиз предпринимал попытки купить какой-нибудь иностранный титул. «Ты ищешь,— писали о нем в русской прессе,— за дорогую плату купить громкий, но ничего не выражающий титул какого-нибудь итальянского маркиза или графа и пренебрегаешь теми выразительными титулами, которыми по сравнительно дешевому курсу награждают тебя благодарные соотечественники» (Дело, 1876, № 10, с. 461).

Ст. 1171—1200. *Дайте мне его мильоны ∾ Соединим!* — В этом эпизоде речь идет о Н. И. Путилове, который действительно собирался устроить неподалеку от одного из своих заводов громадный порт. По воспоминаниям современников, Путилов считал, «что если Петр Великий „прорубил окно в Европу“, то он портом своим прорубит дверь» (РА, 1895, № 2, с. 233; см. также: *Мительман М., Глебов В., Ульянский А.* История Путиловского завода. М., 1961, с. 25—35). *Черная речка* — узкий и мелкий приток Невы.

Ст. 1209—1210. *Металлических заводов С пивоваренным котлом...*— При строительстве металлических заводов разрешалось ввозить железо из-за границы без пошлины. Этим нередко поль-

вовались спекулянты, сооружавшие фиктивные металлические заводы. Ср. заметку в черновом автографе ЦГАЛИ (Другие редакции и варианты, с. 435).

Ст. 1220. *А людей с сумой пускал.*— «Отечественные записки» с возмущением писали о той эксплуатации, которой подвергались рабочие на заводах Путилова (1873, № 9, с. 81).

Ст. 1221—1222. *У него своя контора «Переписки векселей»...*— Н. И. Путилов «представлял свои дела блестящими, но в действительности отовсюду грозили подачею его векселей ко взысканию, и он целые дни и часто ночи шнырял повсюду, отыскивая деньги, чтобы удовлетворить своих кредиторов...» (*Дельвиг А. И.* Воспоминания, т. 4. М., 1913, с. 363).

Ст. 1234. *Простроить* — израсходовать деньги на строительство.

ЭПИЛОГ

Ст. 25. *Ушел Эфруси, важный грек...*— Эфруси — банкир (ЛН, т. 51—52, с. 153).

Ст. 133. *Миллионщик-мукомол...*— Имеется в виду С. Т. Овсянников, купец-миллионер. В начале 1875 г. из корыстных соображений организовал поджог большой паровой мельницы в Петербурге, за что был предан суду. Овсянников упоминается и в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 432, 434).

Ст. 167. *Ученый Швабс...*— И. К. Бабст (см. выше, комментарий к ст. 791—792 части 2). Строчками о Швабсе Некрасов воспользовался для эпиграммы, произнесенной им 20 мая 1875 г. при избрании Бабста в члены Литературного фонда (ЛН, т. 51—52, с. 538).

Ст. 174. *Говаривал Володя Перелешин.*— Возможно, некоторый материал для создания этого образа Некрасову дал князь А. И. Урусов (1843—1900), один из известных русских адвокатов. В своей адвокатской практике Урусов придерживался принципа «Не бичевать, жалеть должны мы вора». На одном из процессов, вспоминал А. Ф. Кони, он дал тонкий анализ «самого драгоценного дара, приносимого защитой уголовному праву,— сознания и раскаяния подсудимого» (*Кони А. Ф.* На жизненном пути, т. I. СПб., 1912, с. 480); ср. в поэме: «Кто низко пал — воспрянуть может вновь». В 1871 г. Урусов участвовал в нечаевском процессе в качестве защитника одного из подсудимых. За речь, произнесенную на этом процессе, он был выслан из Петербурга. Только несколько лет спустя, после того как Урусов написал царю верноподданническое письмо, он смог поступить в Риге в канцелярию местного генера-губернатора (см.: *Урусов А. И.* Статьи, письма, воспоминания, т. 1. М., 1907, с. 12). Это произошло в январе 1875 г. Товарищем прокурора он стал только в марте 1876 г., так что Некрасов по существу предугадал судьбу одного из либеральных адвокатов, вступившего в сделку с царским самодержавием. П. Д. Боборыкин вспоминал, что Урусов именно для того, «чтобы освободиться от ссылки, пошел в прокуроры, откуда его не сразу пустили в адвокаты» (там же, т. 3, с. 404).

Ст. 178—183. *Граф Твердышов ∾ Отяготил крестьянские налоги...*— Речь идет о князе П. Н. Трубецком (1827—1880), придерживавшемся либеральных убеждений, что не помешало ему на «зем-

ские» (т. е. крестьянские по существу) деньги построить в компании с И. А. Варгуниным железную дорогу от Осташевской станции до г. Торжка длиною в 32 версты (см.: *Гейлер И. К.* Сборник сведений о кредитных бумагах. СПб., 1871, с. 362). Вскоре после открытия Новоторжской дороги Н. А. Демерт в «Отечественных записках» писал, что она «не только не оправдала возлагаемых на нее ожиданий, но совершенно уничтожила веру в ее необходимость. У нее нет ни пассажиров, ни товара, и она, надобно ожидать, в скором времени кончит свое существование» (1871, № 5, с. 47). Ср. заметку о Трубецком в черновом автографе ГБЛ (Другие редакции и варианты, с. 437).

Ст. 282. *На Западе — Мишле, Эдгар Кине...*— Ж. Мишле (1798—1874) — французский историк и писатель. Э. Кине (1803—1875) — французский политический деятель и историк. Незадолго до начала работы Некрасова над «Современниками» Мишле и Кине были упомянуты в «Отечественных записках» как борцы за республику, враги монархии и духовенства (1874, № 3, с. 158; 1875, № 4, с. 288—290). См.: *Верховский Г. П.* Н. А. Некрасов и Жюль Мишле.— О Некр., вып. III.

Ст. 300—301. *На спине туза бубнового Мы увидим...*— Туз бубновый — суконный лоскут красного или оранжевого цвета, который пришивался на халат каторжников.

Ст. 322—349. *Гриша — образчик широких натур* ∾ *А без Зацепы не смей и соваться...*— Первоначально Некрасов предполагал более полно разработать биографию Зацепина, о чем свидетельствует его заметка в черновом автографе ЦГАЛИ (см.: Другие редакции и варианты, с. 434).

Другие редакции и варианты

С. 432. *Мекк К. Ф.* (1821—1875) — инженер путей сообщения, известный строитель железных дорог.

С. 432. *Ротшильд — идеал.*— Очевидно, Л. Ротшильд (1808—1879) — глава лондонского банкирского дома, финансовый агент русского правительства. Возможно, запись Некрасова «Ротшильд — идеал» вызвана впечатлением от романа Ф. М. Достоевского «Подросток», который в 1875 г. печатался в «Отечественных записках».

С. 433. *Кони А. Ф.* (1844—1927), юрист, сенатор, общественный деятель, мемуарист, знакомый Некрасова.

С. 434. *Взять «Записки еврея».*— Имеется в виду название книги Г. И. Богрова (псевдоним Бен-Рабби; 1825—1885), опубликованной в «Отечественных записках» в 1871—1873 гг. Известны письма Г. И. Богрова к Некрасову (ЛН, т. 51—52, с. 163—164).

С. 435. *Спросить у Еракова...*— А. Н. Ераков (1817—1886) — инженер, близкий знакомый Некрасова, затем муж его сестры А. А. Буткевич.

С. 435. *Дом Лохвицкого...*— А. В. Лохвицкий (1830—1884) — присяжный поверенный. Его адвокатская деятельность неоднократно вызывала общественное осуждение.

С. 436. *Поповки* (ср. с. 441: *Здравствуй, умная головка!..* ∾ *Кстати, что твоя «поповка»* ∾ *Всё кружится... не плывет...*).—

Поповка — тип круглого военного судна, изобретенного генерал-адъютантом А. А. Поповым (1821—1898). Изобретение оказалось неудачным. В прессе 1870-х гг. появилось много статей, посвященных этому изобретению (см.: Поповка. Сборник статей о круглых судах. СПб., 1875). Сцена предназначалась для части 1 поэмы, но была вычеркнута Некрасовым из чернового автографа ЦГАЛИ.

С. 441—442. *Начнем с недавних крепостных ∾ К подделке важных документов.*— Один из вариантов пародии Некрасова на речи, произнесенные участниками собрания дворян Петербургской губернии (см. выше, комментарии к ст. 637—642, 643—644, 703—710 части 2). В частности, слова «Вводить ли грамоту в народ» намекают на речь А. А. Платонова на упомянутом собрании, который говорил: «...одна грамотность не дает понятий о своих обязанностях и ею одною нельзя заменить ту нравственность, которая приобретается в семье, покорной своему главе» (Прилож. к БВ, 1875. 23 марта, № 80).

С. 442. *Ба! угрюмая тихая личность!..*— Первоначальный набросок отрывка сделан Некрасовым на письме к нему А. Н. Плещеева (конец 1865—начало 1866 г.):

«На белугу́ глядел — продал.
Смотрел стерлядей, назначенных для ухи
Так это тебя, тебя
Будут
(плачет)»

(ЛН, т. 51—52, с. 439).

С. 443. *На платиновой терелке ∾ Будет! пожили! довольно!* — В наброске отражен случай из жизни фон Дервиза (см. выше, комментарий к ст. 1085—1087 и след. части 2): он подарил своей жене миллион рублей с тем, чтобы она его оставила (Витте, с. 123).

С. 443. *Начал жить с чужой женою ∾ Не польстился — молодец!* — Желая жениться на графине Келлер, фон Дервиз просил ее мужа дать ей развод. «...Келлер согласился развестись и только выразил удивление, что нашелся дурак, который хочет жениться на его жене» (Дельвиг, с. 544). Этот и предыдущий отрывки связаны с работой Некрасова над историей фон Руге (см. ст. 1085—1170 части 2), прототипом которого был фон Дервиз.

С. 444. *«...Четыре месяца ты был ∾ В истории народной!..»* — С 1875 г. либеральная газета «С.-Петербургские ведомости», издававшаяся ранее В. Ф. Коршем, была по инициативе министра народного просвещения Д. А. Толстого передана банкиру Ф. П. Баймакову (см. выше, комментарий к ст. 456 части 2 поэмы). Редактором был назначен граф Е. В. Салиас де Турнемир (1840—1908), реакционный беллетрист. Статьи Салиаса «восстановили против него всю прессу и общественное мнение» (СПбВ, 1875, 17 июня, № 156). Он вынужден был оставить пост редактора, заявив: «Я прощаюсь с читателями „С.-Петербургских ведомостей“. Четыре месяца пришлось мне вести это дело. Немного времени... Но мне эти четыре месяца кажутся десятилетием... даже более» (СПбВ, 1875, 4 мая, № 120). В «Отечественных записках» было отмечено, что Салиасу удалось «обессмертить» себя

процитированными выше словами (1875, № 8, с. 222). Отрывок предназначался для части 1 поэмы, но из сводной рукописи ЦГАЛИ (где он был помещен под № 5) Некрасов его вычеркнул.

С. 444. — *Послушайте — не много ль* ∾ *Свои герои, боги.* — 23 марта 1875 г. скончался П. М. Леонтьев (1822—1875), единомышленник М. Н. Каткова, соиздатель газеты «Московские ведомости». Похороны Леонтьева отличались неумеренной пышностью. А. С. Суворин писал: «Московские ведомости» «выходили два дня в траурной кайме. Очевидно, редакция „Московских ведомостей“ <...> думает, что смерть Леонтьева такое колоссальное событие, что должна затмить все другие и посеять траур в сердце всей России. <...> Похоронили П. М. Леонтьева великолепно: в процессии участвовали все высшие представители администрации» (Незнакомец, с. 61). Сцена предназначалась для части 1 поэмы, но была вычеркнута Некрасовым из сводной рукописи ЦГАЛИ.

С. 445. *«...С богом, с богом! торопитесь!* ∾ *Остальное — трын-трава!..»* — Смысл сцены раскрыт К. И. Чуковским: «...типичное напутственное слово, обращенное министром внутренних дел (или министром финансов) к новичку губернатору, отправляющемуся в провинцию на место службы. Министр внушает новичку, что главная задача его будущей деятельности — взимание налогов с крестьян» (ПСС, т. III, с. 698). Эпизод был предназначен для части 1 поэмы, однако в последний момент был вычеркнут Некрасовым из наборной рукописи (см.: Другие редакции и варианты, с. 500).

1877

ИЗ ПОЭМЫ «МАТЬ»

(С. 251)

Печатается по ОЗ, 1877, № 3, с. 297—306, с восстановлением и исправлением ст. 90—93, 124, 170, 235, 240—243, 255, 258, вписанных автором в ныне утраченный собственный экземпляр ПП, по письму А. А. Буткевич к С. И. Пономареву от 12 мая 1878 г. (ИРЛИ, Р. II, оп. 1, № 40, л. 13; опубликовано: ЛН, т. 53—54, с. 173; Некр. сб., III, с. 265).

Впервые опубликовано: ПП, с. 149—166, с датой: «9-го февраля 1877», без ст. 90—93, 240—243 и с искажением ст. 124, 170, 255, 258 (перепечатано: ОЗ, 1877, № 3, с датой: «9 февр. 1877 г.» и подписью: «Н. Некрасов»).

В собрание сочинений впервые включено: Ст 1861, ч. 1, с. 246—247 — фрагмент, соответствующий ст. 1—12, 31—34, под заглавием: «Начало поэмы»; Ст 1869, ч. 4, с. 246—247 — фрагмент «Та бледная рука, ласкавшая меня...», соответствующий ст. 187—203, с подзаголовком: «Из поэмы „Мать“»; Ст 1879, т. III, без ст. 241 (перепечатано: ПССт 1886, включая искаженный ст 241, частично исправленный затем в ПСС, т. III).

Первоначальные наброски поэмы, относящиеся к середине 1850-х гг.,— ИРЛИ, ф. 203, № 14, л. 2 и об. (опубликованы К. И. Чуковским: Наш век, 1917, 24 дек., № 22).

Черновой автограф с датой: «18 дек<абря> вечер», относящийся, по-видимому, к концу 1850—началу 1860-х гг.,— ИРЛИ, ф. 203, № 14. Писан чернилами, с правкой и композиционными перестановками, состоит из двух частей. Первая, соответствующая ст. 1—12 и 31—34 окончательной редакции, носит вполне законченный характер и совпадает с печатным фрагментом «Начало поэмы». Вторую составляют несколько набросков разной степени завершенности, послуживших основой для печатного фрагмента «Та бледная рука, ласкавшая меня...».

Корректура новой редакции поэмы под заглавием: «Песнь первая», предназначенной для «Отечественных записок»,— ЦГАЛИ, ф. 338, оп. 1, № 16. Поэме предпосылался эпиграф из Пушкина: «Надо мной Младая тень уже летала...». «Песнь...» членилась на нумерованные римскими цифрами строфы-восьмистишия. Корректура с набросками на полях носит следы значительной правки карандашом. Из восьми строф «Песни...» были выправлены и подготовлены к печати пять. Строфы VII и VIII («Письмо») отчеркнуты на полях вертикальной чертой с пометой: «До след. номера», строфа III забракована целиком. Строфы V и VI помечены на полях цифрами «2» и «1»; здесь же указание для наборщика: «Переставь 1, 2». Под строфой V приписка: «Эта строфа последняя на эту книжку. Оставьте строфу VI и под ней: (продолжение впредь)». Под текстом «Песни первой» еще помета: «ОЗ. Поместить *Вступление*, а это — сводку — показать мне. Начало у вас, или я свой оттиск где-то забросил. Оно выправлено».

В качестве «Вступления» Некрасов предполагал поместить «Начало поэмы» из Ст 1861, для чего вместо утерянного оттиска использовал копию этого текста (чернилами, рукою неизвестного переписчика, с авторской правкой и пометами карандашом),— ИРЛИ, ф. 134, оп. 11, № 5а. Копия эта соответствует ст. 1—12, 31—34 окончательной редакции с отличием в ст. 34. Над текстом поэт написал: «„Моя мать“ — крупно. „Поэма“ — тоже, но не очень. „Вступление“ — как было набрано „Песнь первая“».

Корректура сокращенной редакции поэмы под заглавием: «Затворница. (Сон)», правленная автором, с датой: «28 января 1877»,— ИРЛИ, 2408. Текст «Затворницы» впервые опубликован: Ст 1879, т. IV, с. 129—131. «В таком виде,— писала А. А. Буткевич о поэме в этом варианте издателю Ст 1879 С. И. Пономареву 12 мая 1878 г.,— она была написана в январе 1877 г. В то время брат был уже очень болен и страшно торопился — все боялся, что не успеет кончить, и велел напечатать хотя так, чтобы быть спокойным, а потом уже по мере сил разработал подробнее» (ЛН, т. 53—54, с. 171). Подробнее о «Затворнице» см. в статье Ж. Ф. Ананьиной в кн.: Некр. и его вр., вып. 1, с. 57—59. На обороте корректуры «Затворницы» авторские карандашные наброски окончательного варианта поэмы.

Замысел эпического произведения, посвященного памяти матери, возник у Некрасова, по всей вероятности, в середине 1850-х гг., о чем свидетельствуют первоначальные наброски ИРЛИ, по содержанию и основным мотивам близкие части 2 окончатель-

ного текста (ср. также с частью 1 поэмы «Несчастные»). Картины, изображающие бесчинства отца и страдания матери героя-повествователя, довольно точно воспроизводят быт семьи поэта в Грешневе, хотя автор свободно сближает факты, хронологически отдаленные.

Публикация фрагментов «Начало поэмы» и «Та бледная рука, ласкавшая меня...» в 1860-е гг. свидетельствует, с одной стороны, о том, что работа над поэмой приостановлена, а с другой — о том, что замысел ее продолжает занимать Некрасова.

Автор вновь обратился к давнишнему замыслу поэмы о матери незадолго до своей смерти. Отказавшись от натуралистически точного описания быта грешневской усадьбы Некрасовых и биографических подробностей, поэт размышляет над эпическим произведением, в котором судьба многострадальной женщины-матери раскрывается на фоне жизни угнетенного народа. Эволюцию замысла помогает проследить корректура «Песни первой», представляющей собой новый вариант части 2 поэмы.

В начале 1877 г. Некрасов создал сокращенную редакцию поэмы о матери «Затворница. (Сон)» (см.: Другие редакции и варианты, с. 513—516). Подготовив «Затворницу» к печати, поэт продолжал работу над поэмой и завершил ее не более чем за десять дней.

В начале марта 1877 г. поэма была сдана в печать. «Отечественные записки» и «Последние песни» набирались одновременно. «Последние песни» вышли в свет 2 апреля (см.: Г, 1877, 3 апр., № 91), а мартовский номер «Отечественных записок», задержанный цензурой, несколько позже (РМ, 1877, 24 апр., № 108).

Некрасову не удалось в полной мере выполнить свой замысел. 14 июня 1877 г. он записал в дневнике: «Вообще из страха и нерешительности и за потерею памяти я перед операцией испортил в поэме „Мать" много мест, заменил точками иные строчки» (ПСС, т. XII, с. 26). На экземпляре «Последних песен», подаренном И. Н. Крамскому, работавшему в 1877 г. над портретом Некрасова, автор сделал надпись: «Некоторые из замененных здесь точками мест можно восстановить только по корректурам, в иных же местах точки поставлены за недостатком связи в отрывках» (ЛН, т. 49—50, с. XXIII).

Поэма посвящена Елене Осиповне Лихачевой (1836—1904), сотруднице «Отечественных записок», автору ряда статей по женскому вопросу и трехтомной монографии «Материалы для истории женского образования в России» (СПб., 1890). По свидетельству А. А. Буткевич, поэма была уже напечатана с посвящением сестре, но Некрасов снял его, заменив посвящением Лихачевой (см.: ЛН, т. 53—54, с. 172).

Современное некрасоведение располагает очень скудными и противоречивыми сведениями о происхождении и судьбе матери Некрасова. Из документов известно лишь, что дочь титулярного советника Андрея Семеновича Закревского Елена, православная, родившаяся в 1801 г., была обвенчана с поручиком 28 Егерского полка Алексеем Сергеевичем Некрасовым 11 ноября 1817 г. в местечке Юзвине Винницкого уезда Каменец-Подольской губернии. Полк А. С. Некрасова стоял в это время в г. Литине той же губернии. После выхода А. С. Некрасова в отставку семья переехала в родовое поместье Некрасовых Грешнево Ярославской губер-

нии. В имении мужа жизнь Елены Андреевны протекала в атмосфере дикого произвола невежественного и грубого помещика. Сохранилось немало свидетельств самого Некрасова и его современников о тяжелой, затворнической жизни матери поэта и ее исключительной роли в формировании его души. Воспоминания о матери запечатлены в стихотворениях Некрасова «Родина», «Несчастные», «Рыцарь на час», «Баюшки-баю» и др. Образ гуманной женщины-страдалицы рисуют и воспоминания крестьян — бывших крепостных Некрасовых (большая часть из них приводится в кн.: *Евгеньев-Максимов В.* Н. А. Некрасов. М., 1914, с. 22—26). Е. А. Некрасова умерла внезапно 29 июля 1841 г., за три дня до приезда поэта на свадьбу сестры Елизаветы. После смерти жены отец Некрасова ввел в дом и сделал домоправительницей приглянувшуюся ему крестьянскую девушку Аграфену Федорову (ПСС, т. X, с. 27, 29; Киевская старина, 1903, № 1, с. 180; О Некр., вып. II, с. 267—272); ее имя встречается в первоначальных набросках поэмы (см.: Другие редакции и варианты, с. 509). С 1877—1878 гг. в литературе сосуществуют две версии о происхождении матери Некрасова. Сам поэт в автобиографических заметках 1877 г. и, с его слов, биографы М. М. Стасюлевич, А. Михайлов, П. А. Гайдебуров, А. М. Скабичевский и некоторые мемуаристы утверждали, что мать Некрасова, в католичестве Александра, родилась в Варшаве, в семье польского аристократа Закревского, и А. С. Некрасов, увезя ее вопреки воле родителей прямо с бала, обвенчался с ней по дороге в свой полк (ПСС, т. XII, с. 15; Р. б-ка, с. III; На память о Н. А. Некрасове. СПб., 1878, с. 9, 62; ОЗ, 1878, № 5, с. 96; Kraj, 1883, № 49, с. 19—20). Согласно другой версии, мать Некрасова происходила из семьи небогатого украинского помещика, скромного секретаря Брацлавского городского магистрата, некогда жившего в Варшаве (Неделя, 1878, 6 авг., № 32; Новости и Биржевая газета, 1883, 15 мая, № 43; Сев. край, 1903, 25 янв., № 23; Przegląd Humanistyczny, 1971, № VI, с. 153—179). В современной биографической литературе о Некрасове принята последняя, «малороссийская» версия (см.: *Евгеньев-Максимов В.* Жизнь и деятельность Некрасова, т. I. М.—Л., 1947, с. 67—68; *Жданов В.* Некрасов. М., 1971, с. 7).

В основу поэмы лег «польский» вариант происхождения матери Некрасова. Работая над ее центральным образом, автор стремился подчеркнуть активность героини, усилить звучание темы борьбы с деспотизмом и социальным гнетом. «Обратите внимание,— писала сестра поэта С. И. Пономареву,— на противоречие: в „Затворнице“ сказано: „Ты палача покорством не смягчила“. В большой поэме: „У ног твоих детей твоих отец“. В действительности первое ближе к правде, но брат почему-то изменил...» (ЛН, т. 53—54, с. 173).

В. П. Ройзман обращает внимание на перекличку некоторых черт героини и отдельных ситуаций поэмы и первого самостоятельного романа Ж. Санд «Индиана», опубликованного в 1832 г. (Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1957, т. 150, вып. 2, с. 200—208). Очень немногие сюжетные совпадения чисто типологического характера в столь различных произведениях не позволяют считать роман Ж. Санд литературным источником поэмы Некрасова.

В периодической печати поэма была встречена положительными отзывами и воспринята как «поэтическая автобиография» уми-

рающего Некрасова (НВ, 1877, 5 апр., № 394; ВЕ, 1877, № 5, внутренняя сторона задней обложки; СПбВ, 1877, 22 мая, № 145; Свет, 1877, № 5, с. 107—108). Отражение в ней «польского вопроса» вызвало неприязненную реакцию «Русского мира» (1877, 24 апр., № 108). Публичные чтения поэмы «Мать» и попытки включить ее в список произведений Некрасова, рекомендованных для народных библиотек, вызывали особое внимание царской охранки и цензуры (ЛН, т. 53—54, с. 270; Учен. зап. Калинингр. гос. пед. ин-та, 1961, вып. 9, с. 31).

В 1886 г. во Львове был издан польский перевод поэмы «Мать». По просьбе Некрасова, подарившего переводчику экземпляр «Последних песен», его осуществил Генрих Квятковский (см.: Kwartalnik Instytutu Polsko-Radzieckiego, 1953, № 5, с. 37).

Ст. 42—56. *Я посетил деревню, нивы, Волгу* ∾ *Уж не на то ль дана мне жизнь моя?* — Ср. этот эпизод с другой картиной свидания с Волгой в начале третьей главы стихотворения «На Волге» (см.: наст. изд., т. II, с. 88). *Расшивы* — плоскодонные речные парусные суда; *коноводки* — большие барки, приводимые в движение конною тягою.

Ст. 145. *Тальки* — большие мотки пряжи, ниток.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ В НАСТОЯЩЕМ ТОМЕ[1]

БВ — «Биржевые ведомости».
БдЧ — «Библиотека для чтения».
Белинский — *Белинский В. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XII. М., 1953—1959.
В — «Время».
ВЕ — «Вестник Европы».
Витте — *Витте С. Ю.* Воспоминания, т. 1. М., 1960.
ВЛ — «Вопросы литературы».
Г — «Голос».
ГБЛ — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (Москва).
Герцен — *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30-ти т. М., 1954—1966.
ГМ — «Голос минувшего».
ГПБ — Рукописный отдел Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
Гр — «Гражданин».
Дельвиг — *Дельвиг А. И.* Полвека русской жизни, т. 2. М.— Л., 1930.
Добролюбов — *Добролюбов Н. А.* Собр. соч. в 9-ти т. М.—Л., 1961—1964.
Докл. РБО — Доклады и отчеты Русского библиологического общества, вып. 1. Нов. сер. СПб., 1908.
Записки Волконской — Записки княгини М. Н. Волконской, с предисл. и прилож. издателя князя М. С. Волконского. СПб., 1904.
ИРЛИ — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
ИРЛИб — Библиотека Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР (Ленинград).
ЛГ — «Литературная газета».
ЛН — «Литературное наследство».
НВ — «Новое время».
Незнакомец — *Незнакомец* <*Суворин А. С.*> Очерки и картинки, кн. 2. СПб., 1875.

---

[1] См. дополняющие этот перечень списки сокращений: наст. изд., т. I, с. 462—464, 709—711.

Некр. и его вр.— Некрасов и его время. Межвузовский сборник, вып. 1. Калининград, 1975.
Некр. сб.— Некрасовский сборник. I—III. М.—Л., 1951, 1956, 1960; IV, V, VI, VII. Л., 1967, 1973, 1978, 1980.
ОЗ — «Отечественные записки».
О Некр.— О Некрасове, вып. I—IV. Ярославль, 1958, 1968, 1971, 1975.
ПП — Последние песни. Стихотворения Н. Некрасова. СПб., 1877.
ПСС — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. соч. и писем, т. I—XII. М., 1948—1953.
ПССт 1886 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений, т. I—II. СПб., 1886.
ПССт 1927 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1927.
ПССт 1928 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1928.
ПССт 1931 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений. М.—Л., 1931.
ПССт 1934—1937 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений, т. I. М.—Л., 1934; т. II (кн. 1 и 2). М.—Л., 1937.
ПССт 1967 — *Некрасов Н. А.* Полн. собр. стихотворений в 3-х т. Л., 1967 («Библиотека поэта». Большая сер. Изд. 2-е).
РА — «Русский архив».
Р. б-ка — Н. А. Некрасов. СПб., 1877 (сер. «Русская библиотека», VII).
РВ — «Русский вестник».
РИ — «Русский инвалид».
РЛ — «Русская литература».
РМ — «Русский мир».
РС — «Русская старина».
РСл — «Русское слово».
С — «Современник».
Салтыков-Щедрин — *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч. в 20-ти т. М., 1965—1977.
Св — «Светоч».
СО — «Сын отечества».
Собр. соч. 1965—1967 — *Некрасов Н. А.* Собр. соч. в 8-ми т. М., 1965—1967.
СПбВ — «С.-Петербургские ведомости».
Ст 1856 — Стихотворения Н. Некрасова. М., 1856.
Ст 1859 — Стихотворения Н. Некрасова. Лейпциг, 1859.
Ст 1861 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 1-е. СПб., 1861.
Ст 1862 — Стихотворения Н. Некрасова. Изд. пополненное. Берлин, 1862.
Ст 1863 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 3-е. СПб., 1863.
Ст 1864 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1—2. Изд. 4-е; ч. 3. Изд. 1-е. СПб., 1864.
Ст 1864, ч. 3 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 3. Изд. 1-е, 2-е. СПб., 1864.
Ст 1869 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 1, 2. Изд. 5-е; ч. 3. Изд. 2-е; ч. 4. [Изд. 1-е]. СПб., 1869.

Ст 1873, ч. 5 — Стихотворения Н. Некрасова, ч. 5. Изд. 5-е. СПб., 1873.

Ст 1873, т. I—III, ч. 1—5 — Стихотворения Н. Некрасова, т. I, ч. 1—2; т. II, ч. 3—4; т. III, ч. 5. Изд. 6-е. СПб., 1873.

Ст 1874 — Стихотворения Н. Некрасова, т. III, ч. 6. СПб., 1874.

Ст 1879 — Стихотворения Н. А. Некрасова, т. I—IV. Посмертное изд. СПб., 1879.

Ст 1920 — Стихотворения Н. А. Некрасова. Изд. испр. и доп. Пгр., 1920.

Тургенев, Письма — *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Письма в 13-ти т. М.—Л., 1961—1968.

Тургенев, Соч.— *Тургенев И. С.* Полн. собр. соч. и писем в 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.—Л., 1961—1968.

ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства СССР (Москва).

ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (Москва).

ЦГИА СССР — Центральный государственный исторический архив СССР (Ленинград).

Чернышевский — *Чернышевский Н. Г.* Полн. собр. соч., т. I—XVI. М., 1939—1953.

УКАЗАТЕЛИ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ НЕКРАСОВА, ВОШЕДШИХ В ТОМА 1—4 НАСТОЯЩЕГО ИЗДАНИЯ[1]

---

[1] Поэма «Кому на Руси жить хорошо» занимает следующий, пятый том настоящего издания. Стихотворные тексты, входящие в письма, прозаические, драматические и публицистические произведения и помещаемые в соответствующих томах, в указателе не представлены. Их перечень будет дан в последующих томах. Знаком * отмечены отрывки, печатавшиеся как отдельные произведения.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СТИХОТВОРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ, ВКЛЮЧИВШИХСЯ В СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ НЕКРАСОВА ОШИБОЧНО ИЛИ БЕЗ ДОСТАТОЧНОЙ АРГУМЕНТАЦИИ

СОДЕРЖАНИЕ

Подготовка текстов и комментарии:

О. Б. АЛЕКСЕЕВА, И. А. БИТЮГОВА, | А. М. ГАРКАВИ |
А. Л. ГРИШУНИН, Ю. В. ЛЕБЕДЕВ, Б. В. МЕЛЬГУНОВ,
Н. Н. СКАТОВ, М. В. ТЕПЛИНСКИЙ

Редакторы тома

| А. М. ГАРКАВИ |; Б. В. МЕЛЬГУНОВ

Контрольный рецензент тома
Т. А. БЕСЕДИНА

Николай Алексеевич Некрасов

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ В ПЯТНАДЦАТИ ТОМАХ

Том 4

Поэмы 1855—1877 гг.

Утверждено к печати
Институтом русской литературы
(Пушкинский Дом) АН СССР

Редактор издательства *Т. А. Лапицкая*
Художник *Л. А. Яценко*
Технический редактор *Н. А. Кругликова*
Корректоры *А. И. Кац* и *Т. А. Румянцева*

Сдано в набор 15.12.81. Подписано к печати 08.06.82. Формат 84×108 1/32. Бумага № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Печ. л. 20 1/2+1 вкл. (1/16 печ. л.)= 34.55 усл. печ. л. Уч. изд. л. 38.17. Тираж 300 000. (1-й завод 1—150 000). Изд. № 7944. Тип. зак. № 708. Цена 4 р. 20 к.

Издательство «Наука», Ленинградское отделение
199164, Ленинград, В-164, Менделеевская лин., 1

Киевская книжная фабрика. 252054, Киев, ул. Воровского, 24